DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/prosvietitelnyia331miat

Часть III.

Владимiро-Суздальскiй край
и
начало Московской Руси.

Выпускъ III.

Составлено Т. П. Матлевой

Общее содержаніе всѣхъ выпусковъ книги,

помимо исторіи «собственно Русской страны»:

Юго-западные славяне. Польша. Литва. Латыши. Эсты. Венгрія и Галиція, въ соотношеніи съ русской исторіей до половины XVI столѣтія. Ливонскіе рыцари и прусско-тевтонскій орденъ. Завоеванія османскими турками Балканскаго полуострова. Главнѣйшія движенія человѣческой жизни и мысли на западѣ и востокѣ за это время.

Въ заключеніе: складъ русской жизни и быта; развитіе образованности и художества на Руси при воцареніи Іоанна Грознаго.

Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны, примѣненныя къ широкой возможности пояснять ихъ картинами для волшебнаго фонаря, соотвѣтственно съ наиболѣе яркими мѣстами чтеній, но составляющія и помимо такого рода картинъ общедоступное повѣствованіе обо всемъ прошломъ нашей дорогой родины.

Miatleva, Tat'iana Petrovna

Часть III.

ВЛАДИМІРО-СУЗДАЛЬСКІЙ КРАЙ

и

НАЧАЛО МОСКОВСКОЙ РУСИ

ОТЪ ВОКНЯЖЕНІЯ ДМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО ДО ІОАННА ГРОЗНАГО.

Выпускъ III.

Составлено Т. П. Мятлевой.

ПЕТРОГРАДЪ.
Сѵнодальная Типографія.
1915.

Feci quod potui; faciant meliora potentes!

(Сдѣлалъ что могъ, пусть кто можетъ дѣлаетъ лучше!)

947
M618P
ch. 3
vyp. 3

Трудъ этотъ посвящается авторомъ

Его Императорскому Высочеству

Наслѣднику Цесаревичу

и

Великому Князю

Алексѣю Николаевичу.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глава I.

Запустѣніе юго-западной и древней кіевской Руси. Господство тамъ Литвы. Польско-венгерскій король Людовикъ и его дочери. Ягайло—старшій сынъ Ольгерда отъ княжны Юльяніи. Борьба малолѣтняго великаго князя московскаго Дмитрія Іоанновича за свое старшинство съ княземъ суздальскимъ Дмитріемъ Константиновичемъ и Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ. Его рѣшительныя побѣды надъ ними и надъ союзникомъ Михаила Ольгердомъ. Строптивое сопротивленіе князя рязанскаго Олега старшинству Дмитрія. Нападеніе татаръ на нижегородскую область. Призывъ Михаиломъ себѣ на помощь полковъ Мамая противъ Москвы. Походъ московскаго войска въ татарскую столицу бывшей Камской Булгаріи. Казань и полученіе съ казанцевъ дани. Гнѣвъ хана Мамая противъ московскаго вел. кн. за его дерзкое пренебреженіе ханской властью. Безпечность вождей русской рати въ нижегородской области и страшное пораженіе ихъ Арапшей на берегахъ рѣчки Пьяны, при помощи мордвы. Разореніе Нижняго и Рязани. Сраженіе съ татарами Дмитрія Іоанновича на рѣкѣ Вожѣ и его первая побѣда надъ ними въ 1378 г. Союзъ литовскаго вел. кн. Ягайло съ Мамаемъ, замыслившимъ предпринять противъ Москвы походъ равный нашествію на русскую землю Батыя, для сокрушенія силы проявленной московскимъ войскомъ въ битвѣ у рѣки Вожи.

Въ нашемъ повѣствованіи мы уже видѣли древнее кіевское могущество южной Руси вполнѣ сокрушеннымъ и уничтоженнымъ послѣ погрома Батыя, когда усилилось бѣгство ея исконныхъ жителей,—частью на западъ, частью на сѣверо-востокъ, гдѣ

сложилось и расцвѣло со временъ Андрея Владиміровича Боголюбскаго, новое русское государство въ нѣсколько измѣненныхъ условіяхъ и на иныхъ основахъ.

Еще въ 1246 г. папскій посолъ, въ татарскую орду: Карпини, пишетъ, что онъ ѣхалъ подъ непрерывнымъ страхомъ подвергнуться, на пути изъ Владиміра-Волынска къ Кіеву, нападенью со стороны Литвы и замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что самой Руси тутъ осталось мало, такъ какъ большая часть ея либо была перебита, либо уведена въ плѣнъ татарами. Дорогою римскому посольству встрѣчалось множество череповъ и костей, разбросанныхъ на поляхъ. Въ самомъ Кіевѣ тогда насчитывалось не болѣе 200 домовъ, обыватели коихъ терпѣли страшное угнетеніе. Съ тѣхъ поръ втеченіи полутораста лѣтъ, Кіевъ испытывалъ много превратностей, то поднимался немного, то снова падалъ. По опустѣвшимъ степнымъ границамъ бродили остатки кочевыхъ инородцевъ, старыхъ сосѣдей южныхъ русскихъ земель: кіевской, переяславской, черниговской. Послѣ того, что въ XIV вѣкѣ западная Русь съ Галиціей, при событіяхъ нами уже описанныхъ, была захвачена въ полное владѣніе Польшею и Литвой, — днѣпровскія земли стали юговосточной окрайной, соединеннаго польско-литовскаго государства.

Въ документахъ этого времени появилось для нея новое названіе: Малой Руси, или Малороссіи.

Въ 1370 г. скончался польскій король Казиміръ Великій, по матери своей внукъ Гедимина литовскаго; послѣдній изъ династіи Пястовъ. При жизни онъ укрѣпилъ право наслѣдія за женской линіей своего рода; а именно за сыномъ своей сестры Елизаветы,— Людовикомъ, королемъ венгерскимъ, желая устра-

нить этимъ соперничество венгерцевъ въ вопросѣ о правѣ захвата сосѣдями галицко-русскихъ земель. Незадолго до его смерти война за галицко-волынское наслѣдство съ Литвою, начатая въ 1340 г. Любартомъ—сыномъ Гедимина, женатымъ на внучкѣ галицкаго короля Юрія Даниловича, возобновилась въ третій разъ успѣшно для польскихъ войскъ. Но затѣмъ, пользуясь смутами междуцарствія, литовскіе князья вернули себѣ Волынь. Лишь въ 1377 г. Ольгердъ Гедиминовичъ заключилъ миръ съ польско-венгерскимъ королемъ Людовикомъ, по которому Литва оставила за собой Берестье и удѣлы: владимірскій съ Луцкомъ. Галиція же, а также удѣлы холмскій и бельзскій перешли къ Польшѣ. Однако Людовикъ послѣ коронованія возвратился въ Венгрію, предоставивъ сначала матери управленіе ея отчизной; пока поляки недовольные ею не вынудили его имъ прислать въ намѣстники изъ Галиціи, тамъ не поладившаго на религіозной почвѣ съ боярами русскими и православнымъ ея духовенствомъ, князя Владислава Опольскаго. Но этотъ князь тоже недолго правилъ дѣлами Польши, гдѣ царилъ произволъ по причинѣ отсутствія короля и безпорядокъ все увеличивался. Людовикъ умеръ въ 1382 г., не имѣя сына, и завѣщавъ польскую корону старшей изъ своихъ дочерей Маріи, обрученной съ сыномъ германскаго императора Карла IV: маргграфомъ бранденбургскимъ Сигизмундомъ. Венгры же вопреки этому завѣщанію, превозгласили Марію своей королевой, на мѣсто назначенной имъ Людовикомъ, слишкомъ юной еще, Ядвиги; между тѣмъ, какъ поляки готовы были возвести на польскій престолъ Ядвигу, съ тѣмъ, чтобы она обязалась жить въ Польшѣ.

Елизавета ее отпустила изъ Венгріи въ Краковъ,

гдѣ совершилось коронованіе четырнадцати-лѣтней дѣвочки. Ядвига была помолвлена въ 1378 г. съ австрійскимъ герцогомъ Вильгельмомъ, вслѣдствіи политическаго расчета отцовъихъ: соединить въ одно могучее государство Австрію съ Венгріей. Ради указанной цѣли, Ядвига воспитывалась затѣмъ въ Вѣнѣ, а Вильгельмъ въ Будахъ, столицѣ Венгріи, дабы они заранѣе могли привыкнуть каждый къ мѣстнымъ обычаямъ, языку и нравамъ. Елизавета—сербская принцесса родомъ, какъ славянка, была нерасположена вообще къ нѣмцамъ, а потому и къ австрійскому дому. Она медлила брачнымъ союзомъ дочери съ женихомъ ея, тогда какъ сама Ядвига считала себя, по обряду торжественно совершенной въ церкви помолвки, законной супругой герцога. Польскіе паны держали сторону ея матери, желая для своей королевы болѣе выгоднаго супруга съ ихъ государственной точки зрѣнія, причемъ, самые вліятельные изъ нихъ выставили въ женихи для нея сына Ольгердова отъ его втораго брака съ тверскою княжной Юльяніей, Ягайла литовскаго.

Съ тѣхъ поръ, что западная Русь объединилась подъ властью Гедиминова рода, литовско-русское государство сдѣлалось столь же опаснымъ сосѣдомъ для Польши какъ и для восточной Руси. Землевладѣльцы областей Малой Польши, особенно страдали отъ разорительныхъ литовскихъ набѣговъ и потому они первые горячо ухватились за мысль о неразрывномъ союзѣ съ могущественной Литвой, грознымъ еще и для ихъ общихъ враговъ: прусско-ливонскихъ нѣмцевъ,—если только Ягайло женится на Ядвигѣ; тѣмъ болѣе, что состоявшееся соединеніе съ Венгріей не давало Польшѣ никакихъ выгодъ. Напротивъ, по отозваніи изъ Галиціи Владислава Опольскаго, туда,

поставленнаго на правахъ удѣльнаго князя, Людовигъ, пренебрегая правами на нее Польши, занялъ всѣ города Червонной Руси венгерскими полками, пріобщивъ ее такимъ образомъ, нераздѣльно къ владѣніямъ Венгріи. Мы знаемъ, что этого домогались ея короли издавна въ борьбѣ съ русско-галицкими князьями. Малопольскихъ магнатовъ поддерживало высшее духовенство въ Польшѣ, потому что Ягайло, какъ жениху Ядвиги, должно было быть поставлено непремѣннымъ условіемъ перейти въ католичество и весь литовскій народъ присоединить къ Римской церкви.

Однако не заглядывая пока въ ходъ дальнѣйшихъ событій, рѣшающихъ безповоротно судьбу Литвы и ея взаимоотношеній съ русскимъ московскимъ великокняжествомъ, столь окрѣпнувшимъ и расширившимъ свои предѣлы со времени Іоанна Калиты,—скажемъ только, что вел. князь Ягайло—этотъ родоначальникъ цѣлаго поколѣнія, послѣдующихъ польско-литовскихъ властителей, былъ сначала признанъ безпрекословно въ своемъ старшинствѣ, опредѣленномъ волей Ольгерда, помимо Андрея Полоцкаго: его первенца отъ брака съ Маріей Витебской, во-первыхъ доблестнымъ дядей своимъ, Кейстутомъ удѣльнымъ княземъ Трокскимъ, уступившимъ Виленскій столъ племяннику изъ уваженія къ завѣщанію любимаго брата и соправителя, которому онъ привыкъ подчиняться втеченіи цѣлой жизни. Не столь покорнымъ желанію своего отца показалъ себя Андрей полоцкій, въ юности князь псковской. Безсильный сопротивляться желанію отца, при поддержкѣ Ягайло Кейстутомъ, онъ удалился въ Псковъ, гдѣ отдался подъ покровительство московскаго князя Дмитрія Іоанновича; такъ же потомъ поступилъ и его братъ князь Дмит-

рій Трубчевскій, получившій удѣлъ въ суздальской области и Дмитрій Корибутъ брянскій. Но Ольгердъ умеръ лишь въ 1377 г. и по утвержденіи своемъ на столѣ московскомъ, Дмитрій Іоанновичъ имѣлъ еще съ нимъ столкновенія во время своей упорной борьбы за старшинство съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Какъ посредница, въ этой борьбѣ продолжала имѣть рѣшающее значеніе, то въ ту, то въ другую сторону, Золотая Орда татарская.

Теперь обратимъ, во-первыхъ, наше вниманіе на Москву, въ связи съ ея отношеніемъ къ новымъ татарскимъ ханамъ; и на то, что происходило вокругъ нея, такъ же какъ въ ней самой, послѣ смерти вел. кн. Іоанна II. Къ этому времени могущество Золотой Орды клонилось уже къ упадку. Свирѣпый ханъ Бердибекъ, убившій отца своего, въ свою очередь принялъ смерть отъ руки заговорщиковъ заодно со своимъ темникомъ—Тавлубіемъ. Послѣ того начались въ ордѣ кровопролитныя смуты съ неоднократною смѣной хановъ, дѣлавшей затруднительнымъ и неустойчивымъ положеніе дѣлъ, имъ подчиненныхъ русскихъ князей. Изъ двухъ малолѣтнихъ сыновей Іоанна II остался въ живыхъ лишь старшій Дмитрій, соединившій въ своихъ рукахъ вмѣстѣ съ владимірской великокняжеской областью, почти всѣ московскія земли за исключеніемъ участка, который наслѣдовалъ отъ отца своего Андрея, его двоюродный братъ Владиміръ. По неравенству силъ Владиміру Андреевичу было немыслимо возставать противъ Дмитрія и онъ всегда подчинялся безпрекословно его распоряженіямъ. Зато у московскаго вел. кн. еще при жизни младшаго его брата Ивана, явился другой соперникъ, изъ поднимавшихъ голову удѣльныхъ князей: Дмит-

рій Константиновичъ суздальскій. Онъ воспользовался отсутствіемъ въ ордѣ малолѣтняго Дмитрія московскаго, когда тамъ утвердился верховнымъ владыкою, хотя и не надолго, ханъ Неврусъ и выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на Владиміръ, гдѣ поселился какъ бы великимъ княземъ въ 1360 г., послав отъ себя намѣстника въ Новгородъ. Но въ томъ же году Неврусъ былъ убитъ. Среди вновь начавшихся смутъ въ ордѣ, куда бояре московскіе поспѣшили свезти своего десятилѣтняго князя, возвысился сначала ханъ Абудулъ, а потомъ взялъ надъ нимъ верхъ братъ убійцы Невруса: Амуратъ, признанный волжской ордой и мурзами сорайскими. Бояре, окружавшіе Дмитрія ловко съумѣли угодить, сначала Абудулу, а потомъ пошли на поклонъ къ ставленнику вождя донскихъ татаръ Мамая: Амурату Мадриду; такъ что имъ удалось отъ того и другого изъ этихъ смертельныхъ враговъ получить ярлыки на великое княженіе для своего государя. Ратники Дмитрія выгнали его соперника изъ Владиміра и Переяславля; послѣ чего юный московскій князь торжественно сѣлъ въ 1362 г. на столѣ владимірскомъ. Когда же двойственное поведеніе московскихъ бояръ обнаружилось, вызвавъ гнѣвъ противъ него Амурата и Дмитрій Константиновичъ, получивъ вторично ханскій ярлыкъ на великокняженіе, вновь появился, въ почти утратившемъ свое значеніе, но еще сохранявшимъ названіе столицы сѣверо-восточной Руси, Владимірѣ на Клязмѣ,—московскій князь съ большимъ войскомъ пришелъ подъ Суздаль и вынудилъ заносчиваго соперника заключить миръ цѣною отказа отъ своего незаконнаго притязанія на старшинство. У Дмитрія Константиновича было два брата: Андрей нижегородскій и Борисъ городецкій. Старшій Андрей: спо-

койный и кроткій нравомъ, умеръ въ 1364 г. отъ моровой язвы или чумы, занесенной опять на сѣверъ Руси съ Каспійскаго моря. Ею же пораженъ былъ и малолѣтній Іоаннъ Іоанновичъ. Послѣ смерти Андрея, Нижній Новгородъ сталъ предметомъ раздора между Дмитріемъ Константиновичемъ и честолюбивымъ Борисомъ, женатымъ на дочери Ольгерда литовскаго.

Ханскіе ярлыки, при продолжавшихся въ ордѣ кровавыхъ распряхъ, потеряли всякую силу; московскій вел. кн. самъ рѣшилъ споръ въ пользу, обратившагося къ нему за помощью, старшаго изъ двухъ братьевъ. Борисъ сначала упорствовалъ, но соединенною силою великокняжескихъ войскъ и духовнаго убѣжденія митрополита Алексія, черезъ посредство знаменитаго троицкаго игумена Сергія, былъ приведенъ къ раскаянію. Уступивъ Нижній брату, онъ удалился къ себѣ въ Городецъ. Въ 1366 г. московскій великій князь закрѣпилъ миръ съ суздальскимъ княземъ, женившись на его младшей дочери Евдокіи. Древній Суздаль, какъ и Ростовъ давно утратилъ свое значеніе, до такой степени, что старшіе суздальскіе князья жили и погребались уже не въ немъ, а въ Нижнемъ Новгородѣ. Кромѣ моровой язвы, опять унесшей въ могилу много молодыхъ русскихъ князей, Москва еще ранѣе того пострадала отъ другого страшнаго бѣдствія: во время ужасной бури, распространившійся неудержимо по городу пожаръ, черезъ два часа уничтожилъ всѣ ея деревянныя зданія, не исключая Кремля. Это подало мысль великому князю, по совѣщаніи съ боярами и двоюроднымъ братомъ, заложить въ 1367 г. каменный кремль, для болѣе надежной защиты столицы своей отъ вражескаго вторженія. Успѣшныя дѣйствія русскихъ князей по Волгѣ и въ рязанской землѣ противъ татарскихъ

шаекъ, грабившихъ села въ мордовской области и во владѣніяхъ суздальскихъ, возбуждали противъ нихъ гнѣвъ враждовавшихъ друга съ другомъ хановъ, грозившихъ предѣламъ Руси новымъ нашествіемъ татарскихъ ордъ. Готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ ними, юный московскій вел. кн. тѣмъ болѣе старался тѣмъ временемъ утвердить порядокъ внутри русскихъ земель и объединить всѣ силы ея своею первенствующей властью. Но для этого ему прежде всего надлежало сломить высокомѣрное и упорное сопротивленіе другихъ князей первенству Москвы. Главнымъ образомъ: князя Микулинской области, еще сильнаго тверского удѣла: Михаила Александровича и рязанскаго князя Олега. Великимъ княземъ тверскимъ былъ тогда Василій Михайловичъ Кашинскій, дядя Михаила: сынъ и братъ въ ордѣ замученныхъ при Узбекѣ Михаила Ярославича и Александра Михайловича. Сынъ, умершаго Константина Михайловича — предшественника въ Твери Василія: Семенъ Константиновичъ, пораженный моровой язвой, свой дорогобужскій удѣлъ завѣщалъ, помимо родного брата Еремѣя, двоюродному—Михаилу микулинскому. Возникшій по этому поводу споръ, епископъ тверской рѣшилъ въ пользу Михаила, на сторонѣ котораго была вся Тверь, замѣтно желавшая его видѣть у себя княземъ на мѣсто Василія. Но въ это дѣло вмѣшался Дмитрій Іоанновичъ, не желавшій пропустить случая подчинить вліянію Москвы событія въ тверскомъ княжествѣ. Молодой предпріимчивый Михаилъ, считавшій себя законнымъ владѣтелемъ всѣхъ тверскихъ удѣловъ, какъ сынъ старшаго брата своего дяди и не признававшій его первенства, по праву новыхъ условій престолонаслѣдія, овладѣлъ Тверью.

Дмитрій послалъ на помощь Василію Михайло-

вичу съ княземъ Еремѣемъ Константиновичемъ свои полки; но Михаилъ тоже имѣлъ могущественнаго защитника въ лицѣ шурина своего—Ольгерда литовскаго, женатаго на его сестрѣ Юльяніи. Онъ поспѣшилъ въ Литву искать его союза противъ Москвы и при содѣйствіи сестры добился поддержки, враждебнаго Дмитрію, собирателя русскихъ земель на западѣ. Устрашенные литовскими ратниками, Василій и Еремѣй поспѣшили заключить миръ съ Михаиломъ, признавъ его тверскимъ княземъ, причемъ Василій обѣщалъ удалиться въ Кашинъ, не посягая болѣе на возвращеніе себѣ Твери. Онъ скоро умеръ въ 1368 г. Но Еремѣй, сложивъ съ себя крестное цѣлованіе Михаилу Александровичу, уѣхалъ въ Москву просить Дмитрія распорядиться тверскими удѣлами въ его пользу. Преслѣдуя цѣль постепеннаго искорененія на Руси обособленной государственной жизни различныхъ мелкихъ удѣловъ, Дмитрій Іоанновичъ выслалъ уже князей Галича на мерянской землѣ и Стародуба изъ городовъ ихъ; а князя ростовскаго Константина привелъ къ полной зависимости отъ Москвы. Теперь, въ виду непокорности его главенству Михаила тверского, называвшаго себя тоже «великимъ княземъ»—московскіе бояре, въ отвѣтъ на жалобы князя Іеремія Константиновича, посовѣтывали Дмитрію хитростью заманить въ Москву строптиваго сына князя Александра Михайловича, подобно отцу, не желавшаго, ни подъ какимъ видомъ, утратить самостоятельной власти въ своемъ княженіи. Онъ родился въ то время, когда отецъ его проживалъ изгнанникомъ въ Псковѣ, терпя гоненіе отъ Іоанна Даниловича Калиты. Потомъ на него повліяли дѣтскіе годы, проведенные въ вольнолюбивомъ Новгородѣ подъ руководствомъ его воспріемника епископа новгородскаго.

Тамъ онъ умственно развился и нравственно воспитался подъ впечатлѣніемъ бойкаго склада торговой свободной жизни новгородскаго населенія.

Получивъ въ удѣлъ городъ Микулинъ, онъ дѣйствовалъ противъ дяди Василія заодно съ братомъ Всеволодомъ—княземъ Холмскимъ (въ той же тверской землѣ). Но Всеволодъ умеръ отъ «черной смерти» въ 1365 г. Повѣривъ, якобы дружескому призыву его московскимъ вел. кн. и духовенствомъ подъ предлогомъ третейскаго разбора ихъ несогласій съ княземъ Іереміемъ, Михаилъ явился въ Москву какъ гость, но былъ тамъ предательски схваченъ вмѣстѣ съ своими боярами и безъ вины заключенъ подъ стражу. Неожиданное прибытіе въ Москву вельможи ханскаго Карача, при нежеланіи дѣлать татаръ свидѣтелями вѣроломныхъ поступковъ русскихъ князей другъ съ другомъ; а также увѣщаніе митрополита, заставили Дмитрія освободить Михаила, подъ вынужденною клятвой оставаться въ Твери, безъ выраженія неудовольствія на свой плѣнъ и нанесенную ему обиду. Однако естественно, что Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы съ непримиримою ненавистью въ душѣ къ московскому князю и съ твердой рѣшимостью отомстить ему за совершенное надъ нимъ насиліе. Хорошо понимая это, Дмитрій послалъ вслѣдъ за нимъ въ Тверь отрядъ своего войска, будто для огражденія отъ его притѣсненій сына умершаго Василія Михайловича, а Михаилъ сейчасъ же опять уѣхалъ въ Литву—просить защиты Ольгерда.

Москвичи не подумали, что неосторожное, рѣзкое ихъ вмѣшательство въ тверскія дѣла, можетъ навлечь на Москву такую опасность, какой подверглась она, когда Ольгердъ Гедиминовичъ, внявъ слезнымъ мольбамъ своей жены и Михаила тверского о мести

Дмитрію, тайно собралъ вокругъ себя большія ратныя силы, послѣ чего очутился внезапно съ ними у самыхъ предѣловъ московской земли, сопровождаемый братомъ Кейстутомъ, молодымъ его сыномъ Витовтомъ, своими сыновьями и другими литовскими князьями.

Незадолго до этого военноначальники Ольгерда взяли у русскихъ городъ Ржевъ, откуда ихъ успѣшно изгналъ мужественный Владиміръ Андреевичъ—вслѣдствіи чего, Ольгердъ, тѣмъ болѣе, былъ расположенъ проучить гордаго юношу, занявшаго въ Москвѣ великокняжескій столъ послѣ, рано умершаго Іоанна II. При немъ находились еще полки смоленскіе и самъ Михаилъ тверской. Дмитрій не успѣлъ приготовиться къ оборонѣ своихъ владѣній, а потому заперся со своими людьми, митрополитомъ и Владиміромъ Андреевичемъ, во вновь построенномъ имъ каменномъ Кремлѣ, выславъ противъ враговъ, такъ называемою заставой, лишь сторожевой полкъ изъ москвичей подъ начальствомъ двухъ воеводъ, между тѣмъ какъ Ольгердъ уже грабилъ и жегъ пограничныя области московскаго княжества. 21 ноября онъ на рѣкѣ Тоснѣ встрѣтилъ сторожевой полкъ великаго князя и на голову разбилъ его, причемъ воевода его и Владиміра Андреевича—оба были убиты. Подойдя къ Москвѣ Ольгердъ три дня пытался овладѣть ею; но не успѣвъ въ этомъ, ушелъ обратно съ огромной добычей, опустошивъ окрестности и плѣнивъ много народа. Отъ продолженія войны съ Дмитріемъ Іоанновичемъ его отвлекло новое нападеніе нѣмецкихъ рыцарей, не оставлявшихъ Литву въ покоѣ.

Въ 1370 г. Ольгердъ, съ братомъ, юнымъ Витовтомъ и своимъ старшимъ отъ Юльяніи сыномъ Ягайло, обратили соединенныя силы Литвы и Жмуди противъ тевтонскаго Ордена и вторгнулись въ

Пруссію, гдѣ потерпѣли полное пораженіе отъ магистра подъ замкомъ Рудавою. Москва тѣмъ временемъ уже стянула вокругъ себя рати подручныхъ ей князей; оправилась отъ разгрома своихъ земель, войсками Ольгерда, и перешла въ наступательное движеніе. Дмитрій отомстилъ смолянамъ за ихъ присутствіе въ литовскомъ войскѣ разореніемъ ихъ волостей и самъ сталъ во главѣ полковъ, предназначенныхъ для похода въ тверскую область. Онъ взялъ города: Зубцовъ и Микулинъ, между тѣмъ какъ Михаилъ снова скрылся въ Литву и пожегъ въ тверскомъ княжествѣ цѣлый рядъ селъ, забравъ тамъ себѣ большую добычу, много скота и плѣнниковъ. Михаилъ былъ въ отчаяніи, такъ какъ ему нельзя было болѣе ждать поддержки со стороны Ольгерда, занятаго борьбой съ нѣмцами. Онъ попытался прибѣгнуть къ старому гибельному примѣру княжескихъ распрей и пробрался въ орду, гдѣ недовольный Москвою Мамай въ то время сосредоточилъ власть въ рукахъ хана Маманта, господствуя его именемъ. Хотя Мамай выдалъ ярлыкъ на великое княженіе Михаилу, но эти ханскіе ярлыки уже потеряли прежнее грозное свое значеніе. Дмитрій разставилъ вездѣ на обратномъ пути изъ орды въ Тверь отряды конницы, чтобы схватить непокорнаго своего соперника, такъ что тверской князь, едва избѣгнувъ плѣна, съ трудомъ пробрался въ Вильно.

Тѣмъ временемъ, одержавъ наконецъ побѣду надъ рыцарями и скучая бездѣйствіемъ мирнаго времени, Ольгердъ снова далъ своей любимой женѣ уговорить себя внять мольбамъ Михаила. Онъ согласился вторично идти походомъ къ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что воеводы московскіе осаждали Брянскъ и потревожили владѣнія его союзника: князя Святослава смоленскаго. Литовское войско въ рождественскій постъ,

какъ только замерзли болота и рѣки, быстро пошло, почти безъ остановки ни днемъ, ни ночью къ Волоку Ламскому, гдѣ натолкнулось на столь упорную и мужественную защиту этого ничтожнаго городка, однимъ изъ смоленскихъ князей, оставшихся вѣрнымъ Дмитрію, что Ольгердъ, не желая тратить напрасно времени подъ его стѣнами, съ досадою пошелъ дальше, чтобы расположиться станомъ вокругъ Мосвы. На этотъ разъ Дмитрій безстрашно ждалъ его, приготовившись дать отпоръ нашествію литовскихъ войскъ, и самолично начальствовалъ въ Кремлѣ надъ московской ратью. Владиміръ Андреевичъ стоялъ въ тылу у Ольгерда, близъ Перемышля во главѣ хорошо вооруженныхъ полковъ, чтобы ударить на него сзади, между тѣмъ, какъ князь пронскій шелъ на помощь къ Москвѣ изъ земли рязанской. Кромѣ того, рано наступившая оттепель легко могла преградить литовцамъ всякій путь отступленія. Тогда осторожный Ольгердъ, понявъ грозившую ему опасность, поспѣшилъ заключить съ Дмитріемъ перемиріе и безъ дальнѣйшаго промедленія, вернулся къ себѣ въ Литву. Черезъ годъ въ 1371 г. онъ выдалъ дочь свою Елену, отъ перваго брака съ Маріей витебской, за Владиміра Андреевича—двоюроднаго брата Дмитрія. Михаилу тверскому ничего больше не оставалось дѣлать, какъ снова искать союза съ татарами и весною 1371 г. побывавъ тамъ, онъ вернулся, сопровождаемый татарскимъ посломъ Сыроходжею, чтобы занять, при его содѣйствіи, великокняжескій столъ во Владимірѣ. Однако жители тамъ, согласно присягѣ, взятой съ нихъ Дмитріемъ Іоанновичемъ, не впустили къ себѣ тверского князя, а Дмитрій склонилъ на свою сторону Сыроходжу дарами, соединенными съ рѣзкимъ отказомъ повиноваться ярлыку хана. Сы-

роходжа пріѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ такъ почтенъ и обласканъ, что обѣщалъ Дмитрію за него ходатайствовать передъ Мамаемъ, давъ ему совѣтъ: самолично явиться въ орду для снисканія его милости. Получивъ благословеніе митрополита Алексія, Дмитрій рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ княземъ ростовскимъ Андреемъ, окруженный своими слугами и боярами. Мамай отдавалъ неизмѣнно свое предпочтеніе тѣмъ, отъ кого могъ больше получить денегъ. Богатая же Москва не страдала отъ недостатка средствъ подкупить его въ свою пользу. Дмитрій, кромѣ того, еще выкупилъ изъ орды, задержаннаго тамъ за долги, сына Михаила тверского: Ивана и взялъ его въ Москву заложникомъ. Послѣ того Мамай совсѣмъ отказался поддерживать притязанія Михаила.

Во время второго нашествія на Москву Ольгерда, мы видѣли, что князь пронскій шелъ изъ рязанской земли на помощь Дмитрію. Однако добрыя его отношенія съ Рязанью скоро нарушились, такъ какъ дерзкій, отважный князь Олегъ, хотя и не стремясь, подобно Михаилу тверскому занять мѣсто его во Владимірѣ, все же противоборствовалъ всѣми силами московскому единовластью, естественно ненавистному для удѣльныхъ князей. Дмитрій послалъ для его усмиренія большое войско, встрѣчанное полками Олега хвастливыми и заносчивыми рѣчами. Но несмотря на выраженную ими увѣренность: «безъ помощи стрѣлъ и сабель, одними ремнями перевязать москвичей», рязанцы въ жестокой сѣчѣ падали одинъ за другимъ подъ ударами непріятеля и самъ Олегъ едва спасся бѣгствомъ въ 1372 г.

Успѣшной борьбѣ Москвы съ Рязанью и Тверью много помогли распри между двумя княжескими родами, этихъ двухъ неподатливыхъ областей: съ од-

ной стороны Рязанскимъ и Пронскимъ, съ другой Тверскимъ и Кашинскимъ. Одолѣвъ на время Олега, Дмитрій посадилъ княжить въ Рязани Владиміра пронскаго, который однако не долго тамъ продержался. Князь Михаилъ Александровичъ тверской, между тѣмъ, все еще не успокоился и не хотѣлъ покориться верховной власти великаго князя московскаго, поддерживая тѣсную связь съ Литвою и всячески, убѣждая Ольгерда дѣйствовать съ нимъ заодно противъ Дмитрія. Онъ говорилъ, что, уже съ ранней юности столь высокомѣрный московскій князь, достигнувъ зрѣлаго возраста несомнѣнно будетъ стремиться отомстить Литвѣ за двоекратную осаду своей столицы и отобрать отъ нея назадъ прекрасныя русскія земли, вошедшія въ составъ Литвы. Ольгердъ поддался такимъ навѣтамъ честолюбиваго своего шурина и началъ приготовляться къ новой войнѣ съ Москвою. Однако въ силу заключеннаго съ нею мира, не принимая самъ начальства надъ войскомъ, поручилъ предводительствовать имъ Кейстуту съ Витовтомъ. Кейстутъ, слѣдуя своему, общему съ братомъ правилу: быстроты и внезапности нападенія, стремительно вторгся въ переяславскую землю, заставъ врасплохъ и бояръ и землепашцевъ. Ободрившійся Михаилъ Александровичъ, при литовской помощи захватилъ у новгородцевъ Торжокъ, мстя имъ за ихъ вѣрность Дмитрію Іоанновичу и посадилъ тамъ своего намѣстника, а когда жители его прогнали, онъ сжегъ городъ и ограбилъ; въ московской области овладѣлъ Дмитровымъ. Литовцы взяли Переяславль и Кашинъ, гдѣ преданнаго московскому князю сына Василія Михайловича заставили поцѣловать крестъ Михаилу. Тверской князь возвратился въ свою столицу съ богатой добычей, но мня себя

побѣдителемъ, въ душѣ трепеталъ передъ неизбѣжностью мести ему со стороны сильной Москвы. Дмитрій дѣйствительно собирался уже въ походъ, когда Ольгердъ остановилъ его движеніе къ Твери, бросившись на Москву съ многочисленнымъ войскомъ соединившимся съ ратью тверского князя недалеко отъ Калуги. Ольгердъ надѣялся подойти къ Москвѣ незамѣченнымъ, но Дмитрій встрѣтилъ его подъ Любутскомъ и обратилъ въ бѣгство сторожевой литовскій полкъ. Нѣсколько дней враги простояли другъ противъ друга, раздѣленные глубокимъ лѣсистымъ оврагомъ и не рѣшившись на битву, грозившую полнымъ разгромомъ одной изъ сторонъ, заключили между собою перемиріе, вписавъ въ условія этого мирнаго договора и взаимныя обязательства Михаила тверского съ московскимъ великимъ княземъ.

Ольгердъ втеченіи двухъ лѣтъ послѣ того не нападалъ болѣе на Москву, но миръ ея съ Тверью не могъ быть продожительнымъ, такъ какъ тверской князь притѣснялъ слабаго князя кашинскаго и тотъ искалъ защиты противъ него въ Москвѣ. Хотя онъ скоро умеръ, но его сынъ Василій тоже нарушилъ крестное цѣлованіе тверскому князю и по примѣру отца, уѣхавъ въ Москву изъ Кашина, отдался подъ покровительство Дмитрія.

На востокѣ послы Мамая, прибывъ въ Нижній Новгородъ съ воинскою дружиною нагло оскорбили князя Дмитрія Константиновича и нижегородскихъ гражданъ. Дмитрій, хотя и будучи еще данникомъ татаръ, не желалъ долѣе терпѣть съ ихъ стороны на Руси такого насилія и, какъ надо думать, по его предписанію послы были умерщвлены; главнаго же изъ нихъ: мурзу Сарайку съ его воинами заключили въ крѣпость. При попыткѣ бѣгства Сарайко искалъ убѣ-

жища въ епископскомъ домѣ, гдѣ чуть не ранилъ стрѣлой самаго епископа суздальскаго—Діонисія. Тогда онъ и слуги его тоже стали жертвой народной злобы. Конечно Мамай не могъ спокойно снести такой дерзкой обиды со стороны недавнихъ рабовъ татарскихъ хановъ. Онъ послалъ войско опустошать нижегородскія земли по берегамъ рѣкъ: Киши и Пьяны; а вел. князя Дмитрія поклялся убить. Этою яростью противъ него Мамая, не замедлилъ воспользоваться князь Михаилъ тверской.

Стремясь къ самодержавной власти Дмитрій уничтожилъ въ Москвѣ должность, выбираемаго народомъ, помимо князя и бояръ, тысяцкаго, надѣленнаго настолько большими правами и полномочіями, что они стѣсняли, вмѣстѣ съ княжеской властью, боярское своеволіе. Тысяцкій былъ представителемъ земской силы, командовалъ земской ратью, являлся главной опорою вѣчевого строя. Сынъ послѣдняго московскаго тысяцкаго: Василія Вельяминова—Иванъ, досадуя на то, что ему не придется уже заступить высокое мѣсто отца, перебѣжалъ изъ Москвы къ тверскому князю, сопровождаемый однимъ богатымъ купцомъ черноморскаго побережья по имени Никомать Сурожанинъ, который вѣроятно тоже питалъ какое либо неудовольствіе противъ великаго князя. Оба они взялись, желая угодить Михаилу тверскому, побывать въ ордѣ и привезти ему оттуда ярлыкъ на великокняженіе, тогда какъ самъ Михаилъ опять уѣхалъ въ Литву. Возвратясь въ Тверь онъ дѣйствительно получилъ ханскій ярлыкъ и обѣщаніе Мамая послать ему на помощь противъ Москвы татарское войско. Ольгердъ съ своей стороны былъ готовъ по прежнему оказать ему родственную поддержку. Но въ легкомысленномъ нетерпѣніи Михаилъ не далъ ни

тому, ни другому привести въ исполненіе, благопріятныя для него намѣренія, поторопившись объявить войну Дмитрію въ 1375 г. Онъ вызывающе послалъ намѣстниковъ своихъ въ Торжокъ и двинулъ многочисленный отрядъ на Угличъ, увѣренный получить рѣшительный перевѣсъ надъ московской ратью приливомъ къ нему воинскихъ силъ съ востока и запада. Эти силы, однако, заставили себя ждать, между тѣмъ, какъ Дмитрій Іоанновичъ передъ надвигавшеюся на него опасностью: имѣть одновременно дѣло съ татарами, Литвою и Тверью, выказалъ, несмотря на юность свою, замѣчательную предусмотрительность и бодрость духа. Благодаря его дѣятельнымъ мудрымъ распоряженіямъ, подъ знамена московскія собралось въ короткое время превосходное грозное войско. Къ нему поспѣшили съ своими полками, тотчасъ вслѣдъ за вѣстью о боевыхъ приготовленіяхъ Михаила Александровича, Дмитрій суздальскій, Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, князья ростовскіе, ярославскіе, юный Василій кашинскій, князь смоленскій и, не желавшіе подпадать подъ власть Литвы, князья древней области вятичей.

Дмитрій Іоанновичъ сначала двинулся къ Волоколамску, а оттуда пошелъ прямо въ Тверскую область, гдѣ взялъ городъ Микулинъ. 5 августа 1375 г. осадилъ Тверь. Новгородъ, жаждавшій отомстить тверскому князю за разореніе Торжка, такъ горячо устремился на помощь Дмитрію, что въ три дня выставилъ свою рать на присоединеніе къ его войску. Михаилъ кромѣ того возбудилъ противъ себя негодованіе всѣхъ русскихъ князей тѣмъ, что призывалъ ради своихъ личныхъ дѣлъ въ родную землю, на общее бѣдствіе и разореніе, ея смертельныхъ враговъ. Въ народномъ сознаніи уже созрѣла тогда рѣшимость

вступить въ ожесточенную борьбу съ татарами, дабы свергнуть съ себя ихъ постыдное иго и выяснялась возможность такой борьбы въ недалекомъ будущемъ.

Дмитрій Іоанновичъ простоялъ три недѣли подъ Тверью, опустошая вокругъ тверскую область огнемъ и мечомъ. Онъ обнесъ городъ со всѣхъ сторонъ высокимъ тыномъ и перекинулъ два моста черезъ Волгу. Тверичане изнемогали въ стѣнахъ своей столицы, съ трудомъ оберегая ихъ отъ пожара и разрушенія. Михаилъ доблестно отбивался отъ осаждающихъ. Но когда тѣ усилились еще новгородской, къ нимъ подоспѣвшей ратью, а Ольгердъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить на выручку къ своему союзнику, повернулъ назадъ, лишь только узналъ, что великій князь Москвы предупредилъ его внезапное нападеніе, сплотивъ вокругъ себя огромное войско,—упорный соперникъ Дмитрія упалъ духомъ. Ему ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ покориться и онъ просилъ мира черезъ Владыку Ефимія и своихъ бояръ. Дмитрій, хотя имѣя возможность теперь окончательно уничтожить врага, воспользовался очень умѣренно своею побѣдой. Онъ только его обязалъ, въ условіяхъ мирнаго договора, навсегда отказаться отъ притязаній на Владиміръ и Новгородъ; признать себя младшимъ братомъ московскаго вел. кн. на одинаковыхъ правахъ съ Владиміромъ Андреевичемъ; не посягать на удѣлъ князя кашинскаго и не входить въ новый союзъ съ Литвою. Въ случаяхъ порубежныхъ споровъ между тверскою областью и московской, рѣшено было избрать третейскимъ судьей Олега рязанскаго. Такимъ образомъ Михаилъ всетаки сохранилъ самостоятельность тверского княжества, хотя обязался воевать вмѣстѣ съ Дмитріемъ противъ татаръ и Литвы, по усмотрѣнію вел. кн. въ случаѣ ихъ

нападенія на русскія земли. Дружба съ Литвою, не прерываемая всетаки Михаиломъ, а закрѣпленная еще бракомъ сына его Ивана съ дочерью Кейстута Маріей, стала для него уже безполезной по смерти Ольгерда въ 1377 г.

Передъ смертью своей Ольгердъ успѣлъ еще отомстить смоленскому князю за его союзъ съ Дмитріемъ, противъ тверского князя,—разореніемъ его волости. Между тѣмъ Дмитрій, распустивъ часть своего войска въ 1376 г., другую послалъ воевать въ страну древнихъ камскихъ булгаръ, смѣшавшихся послѣ ихъ покоренія Батыемъ, съ татарами и нынѣ зависившихъ отъ татарскихъ хановъ. Мы видѣли уже въ XII и XIII вѣкѣ стремленіе сѣверовосточной Руси къ естественному распространенію по областямъ нижней Волги и вверхъ по ея притокамъ. Стремленіе это надолго остановлено было татарскимъ нашествіемъ, а потомъ собираніемъ русскихъ земель подъ свою руку, окрѣпшей; благодаря покровительству хановъ, разбогатѣвшей Москвою. Теперь, когда татарское владычество ослабѣло, тогда какъ московское княжество становилось сосредоточіемъ русской власти, наступательное движеніе на востокъ проявилось снова. Столицей прежней камской Булгаріи сдѣлался городъ Казань, основанный по преданію, сыномъ Батыя Саиномъ, какъ мѣсто отдохновенія татарскихъ сборщиковъ дани, потому что оно было всѣмъ изобильно: «пчелисто» и «пажисто»; а множество змѣй, въ немъ ютившихся, одинъ татарскій волхвъ будто бы обратилъ въ пепелъ. Здѣсь къ булгарской землѣ приближались предѣлы земель вятской и пермской. Названіе Казань, данное ханомъ Саиномъ городу, значитъ: «золотое дно». Дмитрій во главѣ войска, имъ отряженнаго противъ татаръ, поставилъ мужа своей се-

стры Анны: князя Дмитрія Михайловича, по прозванію Боброка—потомка Романа Мстиславича галицкаго къ нему отъѣхавшаго служить изъ Волыни. Кромѣ того въ походѣ этомъ участвовали сыновья князя суздальскаго: Иванъ и Василій Дмитріевичи. Казанцы встрѣтили русскихъ ратниковъ въ открытомъ полѣ, причемъ многіе изъ нихъ выѣхали верхомъ на верблюдахъ, съ цѣлью, ихъ видомъ и крикомъ напугать вражескихъ лошадей. Но тѣмъ не менѣе, русское войско обратило ихъ въ бѣгство и вынудило уплатить 5000 р., послѣ чего, казанцы вынуждены были принять въ свою столицу таможеника Москвы, какъ ежегоднаго сборщика дани для побѣдителей.

Между тѣмъ въ Сарайской ордѣ, ханъ Мамай пришелъ въ ярость, узнавъ объ усмиреніи Дмитріемъ Михаила и пренебреженіи, такъ явно выказанномъ этимъ высокомѣрнымъ московскимъ княземъ къ ярлыку, посланному имъ въ Тверь. Онъ не замедлилъ послать татарскій отрядъ въ Нижегородскую область, какъ наказаніе за ея участіе въ походѣ противъ тверского князя. Царевичъ Арапша, пришедшій служить Мамаю съ береговъ Аральскаго моря, выступилъ туда во главѣ ханскихъ полковъ, и сосѣдняя мордва взялась указать ему самый удобный и безопасный путь къ Нижнему Новгороду.

Услышавъ о томъ, Дмитрій Константиновичъ обратился въ Москву за помощью. Великій князь снарядилъ для защиты его ополченіе подъ начальствомъ своихъ воеводъ, тогда какъ суздальскимъ войскомъ руководилъ сынъ Дмитрія Константиновича—Иванъ. Безпечность вождей этого русскаго войска, численностью своей представлявшаго достаточную силу для отраженія татаръ, погубила все дѣло. Думая что Арапша еще далеко, они за рѣкою Пьяною на-

чали тѣшиться ловлей звѣрей, забывъ о своихъ врагахъ. Слѣдуя ихъ примѣру, воины тоже сбросили съ себя доспѣхи, сложили грудами на травѣ оружіе и разбрелись: кто по окрестностямъ, ища прохлады отъ зноя; кто услаждаясь питьемъ пива и меда. А между тѣмъ мордовскіе князьки сдѣлали свое дѣло и подвели тайно Арапшу въ безпорядочный станъ русскихъ полковъ. Арапша, по преданію очень малый ростомъ, но великанъ по мужеству, хитрости и свирѣпости, сразу съ пяти сторонъ ударилъ на русскихъ воиновъ, не давъ имъ опомниться отъ ихъ забавъ и гулянья. Въ общемъ смятеніи бѣжали они къ рѣкѣ, устилая путь свой мертвыми, раненными и плѣняемыми татарами. Князь Иванъ утонулъ во время этого бѣгства; другой воевода былъ изрубленъ врагами. Послѣ такого страшнаго пораженія, Нижній Новгородъ, охваченный ужасомъ, не въ состояніи былъ оказать Арапшѣ сопротивленіе. Дмитрій Константиновичъ удалился въ Суздаль, а жители спаслись въ лодкахъ по Волгѣ. Арапша сжегъ Нижній, ограбивъ его и умертвивъ много народу. Потомъ взялъ Рязань, откуда Олегъ едва вырвался обагренный кровью,—и безпощадно обращалъ въ пепелъ всѣ окрестныя села, ни одного не оставивъ на берегахъ Суры. Цвѣтущій торговый край подвергся полному разоренію. Но придя только грабить и жечь, татары Арапши такъ же быстро скрывались, какъ появлялись то тутъ, то тамъ. Мордовскіе союзники ихъ пустились было въ свою очередь грабить страну по слѣдамъ татаръ, но князь городецкій—Борисъ Константиновичъ настигъ этихъ грабителей, обремененныхъ добычей и потопилъ ихъ въ рѣкѣ Пьянѣ, гдѣ еще плавали трупы русскихъ. Слѣдующею зимой онъ съ братомъ погибшаго Іоанна Дмитріевича: Семеномъ, отомстилъ Мордвѣ за ея пре-

1) Картина: Гибельная безпечность русскихъ воиновъ и Арапша.

дательство самымъ жестокимъ образомъ, опустошивъ, ея владѣнія и натравливая голодныхъ псовъ на мордовскихъ плѣнниковъ. Зато эта месть, вновь пробудила Мамаевъ гнѣвъ противъ русскихъ, такъ какъ Мордва находилась подъ его властью. Едва отстроившись, Нижній въ отсутствіи Дмитрія Константиновича, вторично былъ взятъ и сожженъ татарами. Они не приняли откупа деньгами, предложеннаго имъ княземъ Дмитріемъ изъ Городка, гдѣ онъ находился, такъ какъ Мамай послалъ ихъ именно съ тѣмъ, чтобы они не оставили камня на камнѣ и пролили какъ можно болѣе русской крови. Расправившись такимъ образомъ съ нижегородскимъ княземъ, Мамай снарядилъ большое войско уже противъ самаго Дмитрія, довѣривъ его начальству мурзы своего: князя Бигича.

Но великій князь Дмитрій Іоанновичъ опять узналъ во время о приближеніи вражескихъ силъ и встрѣтилъ, съ готовымъ къ сраженію войскомъ, татарскія полчища въ рязанской области на берегу рѣки Вожи, верстахъ въ 15 отъ Переяславля Залѣсскаго въ 1378 г.

2) Картина: Побѣда на рѣкѣ Вожѣ.

Татары первые переправились черезъ рѣку и съ дикимъ воплемъ помчались на русскіе полки. Но самъ вел. кн. ударилъ на нихъ въ лицо. Враги поддались назадъ, а потомъ обратились въ бѣгство, бросая копья. Русскіе ихъ кололи, рубили и бросали въ рѣку цѣлыми тысячами. Пораженіе на рѣкѣ Пьянѣ было отомщено—и только ночь, скрывшая непріятеля отъ глазъ московскаго князя, а потомъ утренній густой туманъ, спасли остатки татаръ отъ полнаго истребленія. Ихъ, брошенное въ степи на телѣгахъ, около юртъ, имущество досталось побѣдителямъ. Послѣ злочастной битвы на рѣкѣ Калкѣ, русскіе въ первый разъ нанесли рѣшительный ударъ татарамъ и одолѣли ихъ въ открытомъ бою. Это былъ знаменательный

день для всей Руси. —«Отступило время отъ нихъ; Господь же съ нами!»—воскликнулъ юный витязь: князь Дмитрій Іоанновичъ, гордый успѣхомъ оружія своего надъ непобѣдимыми до сихъ поръ врагами. Соподвижникомъ московскаго князя на рѣкѣ Вожѣ явился, обойденный въ Литвѣ завѣщаніемъ отца и вернувшійся княжить въ Псковъ, — полоцкій князь Андрей Ольгердовичъ.

Послѣ того онъ въ 1379 г. вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ и волынскимъ воеводою, перешедшимъ, какъ мы сказали уже на московскую службу: Дмитріемъ Михайловичемъ Боброкомъ, принялъ участіе въ походѣ на Литву, гдѣ Дмитрій Іоанновичъ, пользуясь распрями въ семьѣ Ольгерда, задумалъ вернуть себѣ древне-русскіе города въ землѣ Сѣверской, присвоенные Литвою: Стародубъ и Трубчевскъ. Въ Трубчевскѣ и Брянскѣ княжили родные братья Андрея: уже упомянутые нами, Дмитріи. Недовольные Ягайломъ, они сами признали себя подручниками московскаго вел. князя. Стародубъ тоже сдался его полкамъ. Тогда Ягайло вступилъ въ союзъ противъ Москвы, съ разгнѣваннымъ на нее до послѣдней степени за Вожское пораженіе татарскихъ войскъ, Мамаемъ, который уже пересталъ возводить на татарскій престолъ своихъ послушныхъ ставленниковъ, чтобы властвовать подъ ихъ именемъ, а прямо присвоилъ себѣ въ Сараѣ, безъ всякихъ на то наслѣдственныхъ правъ, санъ верховнаго хана. Первый порывъ своей ярости при вѣсти о побѣдѣ надъ нимъ московскаго непокорнаго князя, онъ обрушилъ опять на ближайшую къ его владѣніямъ, рязанскую область.

Князь Олегъ, не успѣвъ приготовить войска, для встрѣчи Мамая и получить помощь изъ Москвы, бѣжалъ за Оку, оставивъ землю свою беззащитной на

разграбленіе татарамъ. Они сожгли Переяславль Рязанскій, въ числѣ очень многихъ другихъ городовъ и увели большое количество плѣнниковъ.

Такимъ образомъ, давъ исходъ первымъ приступамъ своей злобы, Мамай возвратился потомъ къ себѣ въ орду, гдѣ, чтобы сломить силу окрѣпшаго русскаго княжества, рѣшилъ собрать для нашествія на Москву столь несмѣтныя полчища, какія собой напомнили бы русской землѣ времена Батыя. Боясь за свои владѣнія, рязанскій князь Олегъ малодушно и вѣроломно предался на сторону татаръ, присоединившись къ литовскому великому князю въ его союзѣ съ Мамаемъ.

Глава II.

Ягайло и Витовтъ. Смерть Кейстута. Приготовленія Мамая къ мести великому князю Дмитрію Іоанновичу за Вожское пораженіе имъ татаръ. Рѣшимость Дмитрія дать отпоръ его нападенію вооруженной рукой. Собраніе подручныхъ ему князей въ Москвѣ. Посольство отъ татарскаго хана. Измѣна Олега рязанскаго. Отсутствіе въ Москвѣ митрополита послѣ смерти престарѣлаго Алексія. Кіевскій митрополитъ Кипріянъ. Несчастная поѣздка въ Царьградъ на посвященіе въ этотъ санъ духовника и любимца Дмитрія: архимандрита Михаила, прозваннаго Митяемъ. Поѣздка великаго князя въ Троицко-Сергіевскій монастырь съ семьей и многочисленною дружиной, чтобъ получить благословеніе на войну съ Мамаемъ отъ игумена его: Сергія. Торжественное богослуженіе тамъ. Святой подвижникъ игуменъ Сергій. Его радостное пророчество побѣды Дмитрію. Пересвѣтъ и Ослабя. Подъемъ народнаго духа вокругъ великаго князя московскаго и общая готовность поддержать Дмитрія въ его борьбѣ съ ненавистнымъ татарскимъ игомъ.

Желая наказать своего мятежнаго полубрата—Андрея, Ягайло объявилъ его лишеннымъ полоцкаго удѣла и въ Полоцкѣ посадилъ княземъ Скиргеллу: другого сына Ольгерда отъ одной съ нимъ матери, несмотря на то, что управленіе этимъ городомъ находилось уже въ рукахъ сына Кейстута: Андрея Горбатаго. Но вольнолюбивые полочане, придававшіе больше

значенія рѣшеніямъ своего вѣча, чѣмъ великокняжеской волѣ, вмѣсто полоцкаго стола, посадили Скиргелло на старую клячу и выгнали его съ ругательствами изъ Полоцка.

Хотя Ягайло безпрепятственно укрѣпился на столѣ виленскомъ, главнымъ образомъ, благодаря доброй волѣ своего дяди Кейстута: уважить желаніе его отца и не отстаивать за собой право на старшинство, имѣвшее твердую могущественную опору въ народной къ нему любви, честно заслуженной подвигами цѣлой жизни на защиту родной страны, — неблагодарный племянникъ завидывалъ продолжавшейся отважной дѣятельности и славѣ дяди въ успѣшной борьбѣ, послѣдняго съ нѣмецкими орденами; его естественному вліянію на дѣла Литвы. Онъ понималъ, что рядомъ съ Кейстутомъ ему приходится занимать въ глазахъ литовцевъ не первое, а второе мѣсто. Многіе же изъ лицъ къ нему приближенныхъ, по своекорыстнымъ расчетамъ старались еще раздувать, неудовольствіе молодого Ягайло на дядю; усилить его ревнивую подозрительность, относительно первенствующаго значенія въ Литвѣ Кейстута. Во главѣ такихъ лицъ стоялъ нѣкій холопъ Войдыло, на столько любимый Ягайло, что онъ не пренебрегъ за него выдать замужъ родную сестру, къ большому негодованію Кейстута, укорявшаго за столь неравный бракъ своей племянницы и ея мать, великую княгиню,—чѣмъ онъ лишь вызвалъ еще сильнѣйшую противъ себя злобу Войдыло. Подъ вліяніемъ наущеній этого своего любимца, Ягайло тайно сталъ побуждать нѣмецкихъ рыцарей: постоянныхъ враговъ Кейстута, отнять у него, принадлежавшія ему волости, между тѣмъ, какъ ничего о томъ не знавшій Витовтъ, жилъ въ тѣсной дружбѣ съ двоюроднымъ братомъ, участвуя

въ его пышныхъ охотахъ, и воображая что тотъ ему повѣряетъ всѣ свои помыслы. Когда же Ягайло посягнулъ на достояніе и власть Андрея Кейстутовича, выбраннаго себѣ въ князья полочанами послѣ отъѣзда въ Псковъ старшаго сына Ольгерда отъ Маріи Витебской,—его настоящія чувства выяснились; такъ какъ за изгнаніе Скиргелло, онъ послалъ на полочанъ сильное войско, подкрѣпленное нѣмецкими рыцарями.

Полочане съ Андреемъ мужественно отбили всѣ его приступы, а старикъ Кейстутъ, видя жмудскія свои земли опустошенными нѣмецкимъ орденомъ, при полномъ къ тому безучастіи со стороны Ягайло, владѣнія котораго непонятно щадились старымъ, врагомъ Литвы и не раздѣляя болѣе сомнѣній Витовта въ тайномъ коварствѣ его притворнаго друга,—быстро овладѣлъ Вильною, гдѣ захватилъ въ плѣнъ вѣроломнаго своего племянника и нашелъ его письменный договоръ съ нѣмцами, гнусно направленный противъ дяди. Кейстутъ однако не захотѣлъ мстить Ягайло за такое предательство, тѣмъ болѣе, что Витовтъ всячески старался смягчить участь мнимаго друга и, оставшись въ Вильно великимъ княземъ, освободилъ враждебнаго ему юношу, подъ клятвой, что тотъ не выйдетъ теперь изъ его воли и не начнетъ снова противъ него ополчаться. Войдыло же былъ повѣшанъ. Конечно такого внезапнаго оборота дѣлъ не могли спокойно снести: ни Юльянія, ни ея сыновья. Они завязали снова сношеніе съ тевтонскимъ орденомъ, готовымъ всегда съ радостью поддержать раздоры среди литовскихъ князей.

Получивъ свободу и города: Крево съ Витебскомъ, Ягайло принялся снова, вопреки клятвѣ данной Кейстуту, за свои козни. Пока Кейстутъ, оставивъ Вильно на попеченіе Витовта, воевалъ съ Дми-

тріемъ Ольгердовичемъ Корибутомъ, отказавшимся его признать великимъ княземъ литовскимъ и осаждалъ лично его столицу: Новгородъ Сѣверскій, Ягайло тоже снарядился въ походъ, будто бы для того, чтобы идти къ нему на помощь, а между тѣмъ внезапно явился подъ Вильно и побѣдоносно вошелъ въ нее, благодаря измѣны Кейстуту одного изъ военноначальниковъ города. Витовтъ въ это время былъ съ матерью: прежде жрицей Перкуна—Берутою, въ Трокахъ, гдѣ хранились всѣ богатства Кейстута. Ягайло изъ Вильно пошелъ туда, соединившись дорогой съ войскомъ тевтонскаго ордена. Витовтъ и Бирута при ихъ приближеніи бѣжали въ Гродно, такъ что Троки тоже попалъ въ руки Ягайло съ нѣмцами. Тогда Кейстутъ, извѣщенный обо всемъ случившемся снялъ осаду съ Новгородъ-Сѣверска и обратился за помощью къ своему зятю: Янушу мазовецкому. Но Янушъ уже вошелъ раньше въ сношенія съ Ягайло и самъ напалъ на Прибужскія владѣнія тестя. Не теряя мужества, Кейстутъ ушелъ въ Жмудь набирать себѣ войско и оттуда вмѣстѣ съ Витовтомъ двинулся къ Трокамъ. Ягайло не рѣшился вступить въ открытую битву съ престарѣлымъ литовскимъ героемъ, но прибѣгнулъ опять къ посредничеству Витовта, какъ бывшаго своего друга,—прося, чтобы онъ его примирилъ съ отцомъ.

Витовтъ снова поддался лживымъ увѣреніямъ Ягайло и уговорилъ отца поѣхать въ лагерь враговъ для личнаго съ нимъ свиданія, полагаясь на клятвенное ручательство въ ихъ безопасности тамъ, со стороны Скиргелло, явившагося съ такимъ приглашеніемъ къ дядѣ отъ имени старшаго брата. Однако, едва Кейстутъ съ сыномъ въѣхали въ станъ непріятеля, какъ были окружены воинами Ягайло и отправлены

въ Вильно, между тѣмъ, какъ ихъ войско обманомъ заставили разойтись, послав объявить ему: будто князья уѣхали заключать миръ въ столицу, гдѣ Витовтъ былъ объявленъ плѣнникомъ, а Кейстута тайно отвезли скованнымъ въ темницу Кревскаго замка. Тамъ слуги Ягайло, удушивъ его золотымъ шнуркомъ отъ собственной его одежды, распространили въ народѣ слухъ, что онъ самъ лишилъ себя жизни. Тѣло несчастнаго узника, возвеличившаго Литву, было предано вѣроломнымъ племянникомъ торжественному погребенію по языческому обряду, около главнаго святилища Перкуна въ долинѣ Святогора. Съ нимъ на костеръ положили лучшаго его коня; по парѣ гончихъ и борзыхъ собакъ; рысьи и медвѣжьи когти; охотничій рогъ. Затѣмъ жрецы совершили обычныя жертвоприношенія и молитвы передъ тѣмъ, чтобы зажечь костеръ. Это было въ 1382 г. Когда Витовтъ узналъ о жестокой участи старика отца, вызванной его легковѣрною дружбой съ коварнымъ Ягайло, онъ осыпалъ великаго князя литовскаго горькими укоризнами и съ отчаянія захворалъ горячкой. Ягайло и его тоже счелъ за лучшее отослать въ тотъ же Кревскій замокъ, гдѣ его безъ сомнѣнія ожидала судьба отца, еслибы онъ не былъ спасенъ находчивостью своей жены, княжны смоленской Анны, испросившей для себя позволеніе посѣщать больного мужа; и преданностью одной изъ ея служанокъ—Елены. Витовтъ бѣжалъ переодѣвшись въ платье послѣдней, между тѣмъ, какъ служанка осталась на его мѣстѣ и поплатилась конечно жизнью за свое самоотреченіе. Можно думать, что этотъ первый суровый урокъ современной Витовту, мрачной, кровавой дѣйствительности, далекой отъ началъ истиннаго христіанства между грубымъ темнымъ язы-

3) Картина: Погребенье Кейстута.

4) Картина: Бѣгство Витовта изъ Кревскаго замка.

чествомъ и лицемѣрной святостью нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ,—оказалъ неизгладимое ожесточающее вліяніе на мягкій, довѣрчивый нравъ наивнаго благороднаго юноши и произвелъ пагубный переворотъ въ его душѣ, сказавшійся послѣ, во всѣхъ его собственныхъ беззастѣнчиво-вѣроломныхъ, поступкахъ, когда онъ мечомъ упорно прокладывалъ себѣ путь къ полному торжеству надъ Ягайло столько же легкомысленнымъ и слабовольнымъ, сколько безжалостнымъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей.

Тевтонскіе рыцари ему помогали лишь для того, чтобы погубить Кейстута. Достигнувъ этого они измѣнили къ Ягайло свое отношеніе, тогда какъ Витовтъ нашелъ себѣ безопасный пріютъ въ Маріенбургѣ: столицѣ прусскаго ордена, у магистра его—Конрада Цольнера, который былъ радъ теперь оказать покровительство сыну Кейстута, чтобы его противупоставить могуществу, для нѣмцевъ вовсе невыгодной, единодержавной власти Ягайло. Орденъ потребовалъ, чтобы литовскій великій князь вернулъ Витовту удѣлъ его отца: Трокское княжество, гдѣ сидѣлъ княземъ Скиргелло; тѣмъ болѣе, что Витовтъ, ради укрѣпленія за собой дружественной поддержки его дѣлъ нѣмцами, крестился по католическому обряду и обѣщалъ уступить Ордену всю Жмудскую землю. Ягайло, вооружившій противъ себя и Януша мазовецкаго, стремленіемъ у него отнять въ свою пользу, имъ отвоеванные у Кейстута прибужскіе города, сталъ добиваться мира съ Витовтомъ, когда увидѣлъ въ немъ, для себя опаснаго, дѣятельнаго соперника. Черезъ тайныхъ пословъ онъ его убѣждалъ отстать отъ союза съ нѣмцами, обѣщая ему вернуть въ такомъ случаѣ владѣнія его отца.

Витовтъ, тяготившійся своимъ вынужденнымъ союзомъ съ нѣмцами и данными ордену обязательствами, легко уступилъ его желанію. Онъ обратился противъ нѣмецкихъ рыцарей, не сочтя нужнымъ даже предупредить ихъ о перемѣнѣ своего образа дѣйствій, но согласившись пока принять обратно лишь западно-русскія земли Кейстута, безъ Трокскаго княжества, перешелъ на сторону Ягайло: и въ его, продолжавшейся войнѣ съ нѣмцами, и въ представившейся ему возможности получить, черезъ бракъ съ Ядвигою, польское королевство.

Въ 1380 г. мы видимъ Ягайло въ союзѣ съ татарскимъ ханомъ Мамаемъ: смертельнымъ врагомъ Руси, за возвращеніе себѣ московскимъ княжествомъ нѣсколькихъ городовъ сѣверской области, вмѣстѣ съ переходомъ на службу въ Москву трехъ его братьевъ. Въ походъ противъ Дмитрія Іоанновича Мамай велъ за собой еще нанятыхъ имъ кавказскихъ аланъ или черкесъ; крымскихъ фряговъ, т. е. генуэзцовъ и отряды закаспійскихъ мусульманъ: «бесерменъ». Грозную вѣсть о татарскомъ нашествіи, имъ предпринятомъ, въ великомъ гнѣвѣ на русскихъ князей за Вожское пораженіе своего войска, принесъ гонецъ отъ рязанскаго князя Олега, прискакавшій въ Москву ранѣе малодушной его измѣны родному дѣлу, въ смятеніи передъ лицомъ свирѣпой, сильной орды. Гонецъ этотъ извѣщалъ, что Мамай уже переправился на правую сторону Дона и подошелъ къ предѣламъ рязанской земли. Не только самъ Мамай, но даже мелкіе мурзы татарскіе приходили въ бѣшенство, видя какъ ослабѣваетъ у русскихъ страхъ передъ татарами и что улусы русскіе не хотятъ болѣе покоряться ордѣ по прежнему. Это доказывали частыя стычки русскихъ съ татарами внутри Россіи и на ея рубежахъ. На

ханскихъ совѣтахъ рѣшено было снова привести въ трепетъ эту порабощенную, Батыемъ, но незамѣтно окрѣпшую теперь страну. Мамай мечталъ пройти по русской землѣ губительнымъ ураганомъ: оставить послѣ себя груды развалинъ и потоки крови, стонъ и уныніе. Кромѣ того, татары надѣялись поживиться золотомъ, серебромъ и всякой добычей въ городахъ русскихъ. За ними слѣдовалъ, какъ всегда, огромный ихъ обозъ на скрипучихъ колесахъ. Дмитрій Іоанновичъ сталъ получать смутныя вѣсти о сборахъ Мамая еще въ началѣ лѣта 1380 г. и потому созывалъ уже заблаговременно подручныхъ себѣ князей съ дружинами ихъ къ Москвѣ, на помощь ей, для защиты русской земли, отъ вновь грозящаго ея спокойствію и свободѣ, страшнаго бѣдствія. Прежде всего Дмитрій послалъ за своимъ двоюроднымъ братомъ и другомъ: Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ. Между тѣмъ тотъ, находясь въ городѣ Боровскѣ, со своей стороны узналъ о приближеніи пышнаго посольства ханскаго, предъявлявшаго на всемъ пути до Москвы, требованіе почета себѣ и безпрекословнаго поклоненія жителей деревянному изображенію хана, которое татары обыкновенно возили съ собою. Онъ поспѣшилъ предупредить великаго князя о посѣщеніи такихъ гостей.

Мамай въ своемъ ярлыкѣ къ Дмитрію Іоанновичу, называлъ его непокорнымъ рабомъ, напоминалъ, что татарскій мечъ неоднократно рубилъ русскія головы и съ угрозами требовалъ отъ русской земли прежняго подчиненія, съ данью, какая платилась ею хану Узбеку.

Дмитрій созвалъ на совѣтъ бояръ, подручныхъ князей, уже прибывшихъ на его зовъ и духовныхъ лицъ. Рѣшено было испытать сначала мирные способы

переговоровъ съ Мамаемъ, чтобы отвратить, по возможности, ужасное кровопролитіе и разрушеніе христіанскихъ храмовъ. Посольство татарское было щедро одарено и отпущено назадъ съ честью. Вмѣстѣ съ нимъ Дмитрій отправилъ къ Мамаю посла отъ себя: нѣкого Захарія Тютчева: мужа хитраго на словахъ и осторожнаго въ дѣйствіяхъ,—съ мирными предложеніями и подарками.

Однако, по мѣрѣ того какъ росли, собиравшіяся со всѣхъ сторонъ въ Москву, боевыя силы русской земли, разгоралось въ сердцахъ русскихъ людей и военное одушевленіе; росло желаніе уничтожить наконецъ татарское иго, сойдясь съ ненавистнымъ врагомъ въ открытомъ полѣ на смертный бой. Жива была память о недавней побѣдѣ на рѣкѣ Вожѣ, уже доказавшая русскимъ, что татаръ можно побѣдить. Она воскресила древній духъ русской удали и отваги, временно угнетенный бременемъ тяжелаго испытанія и униженій на протяженіи двухъ столѣтій. Въ церквахъ служили молебны. Великая княгиня Евдокія, съ женами военноначальниковъ и боярынями посѣщала монастыри, молясь за успѣхъ войны: дѣлая вклады и кормя нищихъ. Но общая готовность бодро, безъ колебанія стать грудью противъ неумолимыхъ враговъ Руси, не щадя ради защиты родины, жизни и достоянія, сказывалась тоже во время пировъ, какими встрѣчали московскіе бояре и воеводы удѣльныхъ князей, прибывавшихъ въ Москву со своими дружинами. Въ разгарѣ такого пира, засталъ великаго князя гонецъ отъ Захарія Тютчева съ недоброй вѣстью о томъ, что князь Олегъ рязанскій измѣнилъ Дмитрію и отечеству; что онъ сносится грамотами съ Мамаемъ и Ягайло, увѣряя послѣдняго, будто Дмитрій никогда не отважится вступить въ открытую борьбу

съ ихъ соединенными силами; что онъ оставитъ Москву, предпочитая спастись отъ татаръ на дальній сѣверъ и что тогда они, съ согласія хана Мамая, раздѣлятъ между собою московское княжество на двѣ части. Гонецъ сообщалъ, что ханъ условился сойтись съ союзниками 1 сентября на берегахъ Оки, чтобы вступить отсюда въ московскія земли. Измѣна князя рязанскаго, умѣвшаго своимъ велерѣчіемъ всегда возвращать себѣ довѣріе Дмитрія, наполнила скорбью сердце его, но ни мало не ослабило, твердо имъ принятаго рѣшенія, начать ожидаемую войну безъ тѣни мысли о бѣгствѣ—ни въ Новгородъ, ни въ Заволочье. Захарію Тютчеву было наказано ни въ какомъ случаѣ не соглашаться на разорительныя для Руси и унижающія ея достоинство, условія Мамая; но заявить надменному хану, что русскіе его встрѣтятъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ Москвѣ къ этому времени собрались съ большими отрядами дѣтей боярскихъ, дружинниками и полками, вооруженныхъ для боя «черныхъ людей», князья ростовскіе, ярославскіе, суздальскіе, владимірскіе, костромскіе и многіе другіе. Въ Кремлѣ ежедневно производились смотры войскамъ; вся Москва бряцала оружіемъ; блестѣла латами, шлемами и кольчугами. Измѣна Олега рязанскаго еще ускорила выступленіе московскихъ войскъ навстрѣчу грознымъ врагамъ. Общимъ совѣтомъ рѣшили закончить военныя приготовленія, не дожидаясь долѣе приближенія къ Москвѣ Мамая и спѣшить въ степь, чтобы, если возможно предупредить соединеніе татарской орды съ Олегомъ и Ягайло. Подручнымъ Москвѣ князьямъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ Москвы мѣстностей, или еще не успѣвшихъ прибыть въ нее, было объявлено, чтобы они къ 31 іюня собрались въ городъ Коломну, между

Москвой и Рязанью. Дмитрій Іоанновичъ въ своемъ смѣломъ стремленіи дать отпоръ наглымъ притязаніямъ Мамая, не остановленъ былъ безучастіемъ къ его походу противъ татаръ, еще независимыхъ отъ Москвы, областныхъ князей, завидовавшихъ ея возвышенію и ему враждебныхъ, какъ князь тверской, или трепставшихъ передъ татарами, какъ зять его Дмитрій нижегородскій. Смоляне и новгородцы тоже не шли на помощь къ нему. Черниговцы, кіевляне, волынцы—подпали уже совсѣмъ подъ власть литовскаго князя.

Передъ началомъ военныхъ дѣйствій, долженствовавшихъ теперь рѣшить дальнѣйшую судьбу русскаго государства, Дмитрій Іоанновичъ по обычаю древнихъ благочестивыхъ князей, прежде всего прибѣгъ къ молитвѣ и покаянію. А между тѣмъ, какъразъ въ это время русская церковь не имѣла главы. Митрополитъ Алексій скончался въ 1378 г., терпя гоненіе со стороны Ольгерда и Михаила тверского за свою преданность верховной власти московскаго князя и потворство его стремленіямъ къ объединенію вокругъ Москвы всѣхъ остальныхъ земель сѣверо-восточной Руси. Кромѣ того, Ольгердъ жаловался Константинопольскому патріарху, что митрополитъ Алексій, посвятивъ себя исключительно на служеніе Москвѣ, все духовное свое вліяніе употребляетъ въ пользу ея возвышенія, не желая знать Кіева и Литовскаго княжества. — «Сей митрополитъ благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови, а когда мы зовемъ его, онъ не идетъ къ намъ»,—писалъ Ольгердъ патріарху Филоѳею въ 1371 г.,—на основаніи, въ такомъ видѣ представляемаго имъ, поведенія святителя Алексія, прося патріарха назначить отдѣльнаго митрополита для русскихъ областей подвластныхъ Литвѣ, а также тѣхъ, гдѣ княжилъ шуринъ его Михаилъ тверской

и его зятья князья суздальскіе. Ольгердъ опирался въ просьбѣ своей на, однажды, исполненное патріархомъ Каллистомъ, подобное же ходатайство польскаго короля Казиміра, когда тотъ овладѣлъ Галичемъ и потребовалъ назначенія особаго митрополита для Малой Руси, грозя въ противномъ случаѣ ее обратить въ латинство. Патріархъ, испугавшись такой угрозы, подчинилъ нѣкому епископу Антонію церковное управленіе областей: холмской, туровской, перемышльской и владиміро-волынской. Но теперь въ Византіи медлили внять заявленіямъ западнаго властителя, боясь обидѣть великаго князя московскаго и Алексія, а кромѣ того, отстаивая единство русской церкви. Тѣмъ не менѣе, патріархъ наконецъ, уступилъ настояніямъ Ольгерда и рукоположилъ нѣкого серба: инока Кипріяна, митрополитомъ Кіевско-литовскимъ, съ правомъ распространить свою власть на Россію восточную по смерти святителя Алексія, кончина котораго была близка, такъ какъ онъ дожилъ уже до глубокой старости. Самъ же митрополитъ Алексій горячо желалъ назначить своимъ преемникомъ, намъ извѣстнаго, строго благочестиваго подвижника Сергія: игумена Троицкаго монастыря. Исторію основанія этой обители въ лѣсной глуши, вокругъ церкви, построенной юнымъ отшельникомъ Варѳоломеемъ, въ монашествѣ Сергіемъ, съ братомъ его Стефаномъ, недалеко отъ городъ Радонежа,—мы приводили ранѣе, при описаніи княженія Симеона Гордаго. Какъ настоятель обители, Сергій напоминалъ строгимъ своимъ воздержаніемъ и неутомимымъ трудомъ Ѳеодосія Печерскаго. Онъ также исполнялъ всѣ тяжелыя работы собственноручно: рубилъ дрова, пекъ просфоры, таскалъ ведра съ водою и мололъ жито. Ходилъ всегда въ бѣдной, грубой одеждѣ и наблюдалъ у себя въ предѣлахъ

5) Картина: Образъ жизни игумена Сергія.

монастыря строгое благочестіе, обходя ночью келіи. Богомольцы скоро проложили дорогу изъ Москвы въ Троицкую обитель и далѣе на Переяславль Залѣсскій. Слухъ о святомъ подвижникѣ уже достигъ Царьграда. Патріархъ Филоѳей прислалъ Сергію крестъ и схиму. Нищіе и убогіе получали убѣжище въ его монастырѣ. Пользуясь большимъ расположеніемъ митрополита Алексія и самаго Дмитрія Іоанновича, игуменъ Сергій, однако рѣшительно отказался отъ высокой чести ему предлагаемой быть преемникомъ старца Алексія на митропольничей московской каѳедрѣ и принять предварительно съ этой цѣлью санъ епископа. Смиреніе и любовь къ тихому пустынному житію, являлись главной причиной такого отказа игумена Сергія продолжить дѣятельную заботливость престарѣлаго Алексія о благѣ отечества и русскаго народа. Кромѣ того, онъ угадывалъ желаніе Дмитрія, видѣть въ Москвѣ митрополитомъ духовника своего и любимца: архимандрита Спасскаго монастыря—Михаила, недавно еще простого коломенскаго священника,—несмотря на то, что митрополитъ Алексій порицалъ этотъ выборъ великаго князя и Сергій самъ считалъ его слишкомъ мало достойнымъ стать во главѣ русской церкви. Уступая, однако, неоднократнымъ просьбамъ Дмитрія Іоанновича, Алексій передъ своею смертью все же преподалъ ему благословеніе, быть посвященнымъ въ митрополиты. Этотъ, прославленный своими заслугами передъ родиной великій старецъ былъ погребенъ не въ Успенскомъ московскомъ соборѣ, а въ имъ излюбленномъ Чудовомъ монастырѣ. При столкновеніяхъ Дмитрія Іоанновича съ другими русскими князьями митрополитъ Алексій, дѣйствительно, всегда принималъ сторону московскаго князя и духовной своею властью, подчасъ, приводилъ къ по-

корности ему, строптивыхъ владѣтелей болѣе мелкихъ и слабыхъ удѣловъ. Радѣя объ укрѣпленіи могущества русскаго государства прекращеніемъ въ немъ постоянныхъ раздоровъ между князьями, издавна губившими и разорявшими русскую землю, иногда хуже свирѣпыхъ набѣговъ внѣшнихъ враговъ; дробившихъ силы ея въ борьбѣ съ ними,—митрополитъ Алексій видѣлъ спасеніе родины въ сосредоточіи верховной власти на единомъ столѣ московскомъ; въ неоспоримомъ первенствѣ сильной, богатой Москвы надъ другими русскими городами. Одновременно онъ хлопоталъ объ устраненіи всѣхъ несогласій въ семьѣ великаго князя и, благодаря ему установилась непоколебимая дружба между Дмитріемъ и двоюроднымъ братомъ его: Владиміромъ Серпуховскимъ, отразившаяся такъ благотворно на исходѣ борьбы князя Дмитрія съ татарскимъ игомъ.

Митрополитъ Кипріянъ пытался еще при жизни Алексія привлечь на свою сторону новгородцевъ. Архіепископъ Новгорода со своею паствой не согласились ему подчиниться помимо воли великаго князя. Дмитрій же не хотѣлъ признавать иного пастыря для русской церкви кромѣ, прославленнаго исцѣленіемъ Тайдулы, старца, а послѣ смерти его, быстро возвышенный въ санѣ благосклонностью Дмитрія, простой священникъ Митяй,—теперь архимандритъ Спасскаго монастыря, поспѣшилъ переѣхать на митрополичій дворъ и самъ возложилъ на себя бѣлый клобукъ съ мантіей митрополита. Не будучи еще поставленъ константинопольскимъ патріархомъ, онъ успѣлъ возбудить противъ себя великое неудовольствіе всего русскаго духовенства суровыми мѣрами и взысканіями, преисполненными надменности и тщеславія. Кипріянъ попытался предъявить въ Мо-

сквѣ свое право, на основаніи рукоположенія византійскаго патріарха. Но Дмитрій видѣлъ въ немъ, кромѣ соперника своему любимцу, еще ставленника, враждебной Руси, Литвѣ. Потому онъ сначала былъ взятъ подъ стражу, а затѣмъ изгнанъ съ безчестьемъ обратно въ Кіевъ. Тѣмъ не менѣе, самый большой противникъ Спасскаго архимандрита: епископъ суздальскій Діонисій, непреклонно отказывался признать Митяя митрополитомъ, пока онъ не будетъ, по примѣру духовныхъ предшественниковъ своихъ, утвержденъ въ этомъ высокомъ санѣ благословеніемъ изъ Царьграда. Митяй надѣялся, что великій князь своею властью прикажетъ, во-первыхъ: поставить его епископомъ, собору россійскихъ архіереевъ, дѣйствительно собранныхъ въ Москвѣ для этой цѣли. Но Діонисій не побоялся одинъ противиться волѣ великаго князя и такому постановленію, противному церковнымъ правиламъ, такъ какъ оно составляло исключительное право митрополита. Дмитрій Іоанновичъ уступилъ, и Митяй долженъ былъ поспѣшить поѣздкой въ Константинополь, причемъ самъ великій князь съ блестящею свитой старѣйшихъ епископовъ, многихъ игуменовъ и бояръ, его провожалъ до самой Оки. Дальше въ Грецію его сопровождалъ цѣлый «полкъ людей», по выраженію лѣтописи,— подъ начальствомъ великокняжескаго посла: боярина Юрія Олешинскаго. Митяй обращалъ на себя вниманіе красивою, сановитой наружностью; обладалъ прекрасной памятью, громкимъ, чистымъ голосомъ и даромъ слова; а кромѣ того, будучи очень начитанъ въ Священномъ Писаніи, съумѣлъ плѣнить великаго князя поучительною бесѣдою, такъ же какъ и пріятностью богослуженія. Однако ему все же не удалось достигнуть той внѣшней славы и почести

въ санѣ митрополита, которыхъ онъ добивался безъ внутреннихъ для того качествъ души и мысли, столь нужныхъ для истиннаго величія православной церкви, предназначенной быть въ тѣ трудныя, тяжкія времена опорой и свѣточемъ русской, едва расцвѣтавшей государственной жизни. Отсутствіе надъ нимъ благословенія святого старца Сергія, можетъ быть, было причиной съ нимъ приключившагося въ пути несчастія. Сначала его въ степяхъ остановили татары; но благодаря ихъ обычному уваженію къ духовенству и при помощи лести,—именовавшій себя въ то время, съ соизволенія Мамая, ханомъ: племянникъ его Тюлюбекъ, выдалъ Митяю милостивый ярлыкъ, такъ что онъ благополучно достигъ Тавриды и въ генуэзской Кафѣ сѣлъ на корабль. Счастье, ему улыбавшееся, казалось близко. Великій князь снабдилъ своего любимца не только денежною казной, но ему далъ еще нѣсколько «чистыхъ грамотъ» за своею печатью, чтобы онъ могъ, если понадобится, занять въ Царьградѣ денегъ по его кабалѣ, т. е. векселю. И вдругъ уже въ виду Царьграда, Митяй,—волею великаго князя архимандритъ Михаилъ,—смертельно занемогъ, неизвѣстно: естественной ли болѣзнью, или же вызванной злоумышленіемъ его враговъ? Какъ бы то ни было, но онъ умеръ въ пути и былъ погребенъ въ городѣ Галатѣ.

Такимъ образомъ, какъ мы уже сказали, въ августѣ 1380 г. въ Москвѣ не было на лицо митрополита, и Дмитрій передъ своимъ выступленіемъ въ походъ противъ Мамая съ его союзниками, поѣхалъ принять благословеніе отъ святого подвижника Сергія Радонежскаго, въ его Троицкую обитель, не отличавшуюся тогда богатствомъ строеній, но уже знаменитую благочестивой жизнью, духовною прозор-

ливостью и чудесной силой молитвъ своего игумена и основателя.

Хотя отвергнувъ мірскія заботы,—старецъ Сергій все же любилъ Россію, желалъ ея доброй славы и благоденствія. Тихій монастырь Живоначальной Троицы огласился торжественнымъ звономъ колоколовъ, когда верховой дозорный прискакалъ съ вѣстью, что поѣздъ великокняжескій приближается. Часть братіи съ крестомъ и пѣніемъ вышла за ворота монастыря, сопровождаемая для встрѣчи Дмитрія Іоанновича, множествомъ, раньше прибывшихъ сюда воеводъ и князей; а также толпами богомольцевъ. У воротъ, великій князь съ семьей, архимандриты и епископы вышли изъ разрисованныхъ повозокъ, запряженныхъ шестериками и тройками лошадей; князья и бояре спѣшились, сойдя съ коней. Головы воиновъ были покрыты желѣзными, остроконечными шишаками со стрѣлкою для защиты лица, спускавшейся внизъ вдоль носа, а также кольчужной бармицей съ боковъ и сзади для предохраненія ушей и шеи. У другихъ были на головахъ низкія желѣзныя шапки: сихонки или мисюрки. На острыхъ верхушкахъ ихъ развѣвались ярко красные «еловцы», т. е. куски сукна или бархата, вырѣзанные въ видѣ флажковъ. На лѣвомъ боку висѣлъ «кончаръ», т. е. мечъ, а у нѣкоторыхъ боярскихъ дѣтей засунуты были за поясъ «буздыганы» иначе—кистени. Необходимую принадлежность вооруженія составляли: лукъ со стрѣлами въ саадакѣ или колчанѣ; щитъ, по большей части краснаго цвѣта; копье или сулица и ножъ «засопожникъ».

6) Картина: Пріѣздъ Вел. князя Дмитрія Іоанновича въ Троицко-Сергіевскую Лавру.

Стройный отрокъ изъ числа рындъ, т. е. тѣлохранителей великаго князя, снялъ чехолъ съ его знамени, главнаго въ полкахъ и несущаго на черномъ шелковомъ полѣ яркое изображеніе нерукотворнаго Спаса. Это знамя

свое Дмитрій Іоанновичъ привезъ къ игумену Сергію для благословенія и освященія. Народъ громко и радостно привѣтствовалъ князя Дмитрія съ его супругою и двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ: первымъ его помощникомъ во всѣхъ дѣлахъ по управленію русской землей. Игуменъ Сергій, окруженный иноками ждалъ высокаго гостя на паперти церкви съ крестомъ въ рукѣ, но въ простой полотняной фелони. Богослуженіе, совершаемое соборне всѣмъ пріѣхавшимъ духовенствомъ, было трогательно и продолжительно. На ектеньяхъ читались особыя прошенія о побѣдѣ надъ страшными супостатами; объ избавленіи русскихъ людей отъ тяжелаго ихъ владычества. Переполнивъ церковь, молящіеся стояли густою толпой вокругъ нея и навзрыдъ плакали, падая на колѣни. Дѣйствительно великъ и опасенъ былъ шагъ, предпринятый московскимъ княземъ при поддержкѣ всего народа. Какъ одинъ человѣкъ, онъ искалъ теперь въ стѣнахъ святой обители заступленія Господня и горячо молилъ милости Божіей. Знамя было поставлено въ церкви рядомъ съ хоругвію и освящено, чтобы вести за собой и одушевлять русскія войска, когда они разсѣются въ пылу битвы.— «Да будетъ стягъ сей святъ и неприкосновененъ для руки вражеской; да вѣетъ онъ надъ головами вашими, яко крыло архангела»—произнесъ преподобный Сергій. Затѣмъ онъ пригласилъ великаго князя раздѣлить съ нимъ скромную монастырскую трапезу. Изъ числа монашеской братіи на себя обращали вниманіе высокимъ ростомъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и мужественными лицами двое иноковъ: Пересвѣтъ и Ослабя, въ міру отличавшіеся умѣньемъ строить полки къ битвѣ и прославившіе себя ратными подвигами. Великій князь ихъ замѣтилъ и попросилъ игумена Сергія

7) Картина: Благословеніе игуменомъ Сергіемъ знамени вел. князя Московскаго.

ему отдать ихъ въ соподвижники для сокрушенія татарскихъ силъ. Сергій велѣлъ тотчасъ же обоимъ братьямъ изготовиться къ ратному дѣлу. Пересвѣтъ и Ослабя пали въ ноги игумену своему, зарыдавъ отъ волненія; а когда они облеклись въ воинскіе доспѣхи, Сергій надѣлъ поверхъ шлема каждому изъ нихъ схиму съ крестомъ, говоря:—«Миръ вамъ, братья мои возлюбленные во Христѣ. Постраждете яко добліи воины Христовы, понеже пришло ваше время». Окропивъ святою водою великаго князя и его спутниковъ, онъ сказалъ, какъ бы глядя духовными очами въ скрытое будущее:—«Се я зрю много воиновъ мученическихъ; рѣки и ручьи кровью христіанской текущіе. Господь Богъ да будетъ тебѣ помощникомъ. Онъ низложитъ твоихъ враговъ и тебя прославитъ. Дерзай княже. Буди на тебѣ благословеніе Божіе и мои молитвы».

8) Картина: Предсказаніе Преп. Сергія Вел. князю Дмитрію Іоанновичу и благословеніе его на ратный подвигъ.

Великую княгиню старецъ ободрилъ радостными словами:—«Великъ и славенъ вернется твой мужъ и князь съ побѣдой». А Владиміра Андреевича онъ сравнилъ съ Іисусомъ Навиномъ, который разрушитъ татарскіе ряды, какъ Іерихонскія стѣны въ послѣдній часъ. Предсказаніе игумена Сергія исполнило свѣтлой надеждой сердце Дмитрія Іоанновича. Молодой и цвѣтущій здоровьемъ, въ золоченыхъ доспѣхахъ съ красною приволокою, т. е. плащемъ, стоялъ онъ склоненный передъ благословлявшимъ его старцемъ. Когда, по окончаніи трапезы, состоявшей изъ овсяной похлебки, жареной рыбы, киселя и медовой сыты, игуменъ съ великимъ княземъ пошли къ монастырскимъ воротамъ,—изъ церкви на паперть вынесли и знамя великокняжеское. Всѣ пали ницъ передъ изображеннымъ на немъ ликомъ Спасителя и еще отъ души помолились. Потомъ Дмитрій отбылъ назадъ

въ Москву при общихъ восторженныхъ кликахъ, на него возлагавшей все упованіе толпы народной. А старецъ Сергій тихо вернулся въ свою уединенную келью.

Глава III.

Настроеніе и образъ жизни въ Сарайской ордѣ незадолго до Куликовской битвы. Русскій посолъ Захарій Тютчевъ въ ставкѣ Мамая. Его смѣлая рѣчь и оплеваніе ханской тамги на обратномъ пути въ Москву. Выступленіе великаго князя Дмитрія съ двоюроднымъ братомъ во главѣ войскъ ихъ, къ Коломнѣ. Наружность Дмитрія Іоанновича и блестящій видъ, собравшихся подъ его стягъ многочисленныхъ стройныхъ полковъ, готовыхъ къ битвѣ. Переправа ихъ черезъ Оку по приказу великаго князя и смятеніе Олега рязанскаго. Благословеніе Дмитрія грамотой отъ игумена Сергія, перейти Донъ. Запозданіе Ягайло на помощь Мамаю. Расположеніе русскихъ войскъ на берегахъ рѣчки Непрядвы. Предсказаніе воеводы Боброка въ ночь на 8-е Сентября. Великій день Куликовской битвы. Поединокъ инока Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ Челибеемъ. Полки Владиміра Андреевича и Боброка рѣшаютъ побѣду Москвы надъ татарами, благодаря ихъ удачной засадѣ до конца боя. Бѣгство Мамая. Изнеможеніе Дмитрія и страхъ за его жизнь побѣдоноснаго войска, съ трудомъ розыскавшаго великаго князя на Куликовомъ полѣ. Печальное зрѣлище на немъ множества раненыхъ и убитыхъ. Народное торжество при возвращеніи въ Москву побѣдителей. Дмитрій Донской и Владиміръ Храбрый. Обстоятельства, смягчающія вину русскихъ князей, не принявшихъ участіе въ Куликовской битвѣ и примиреніе великаго князя московскаго съ измѣнившимъ ему Олегомъ. Преступный подлогъ въ Царьградѣ подписи великаго князя и призваніе имъ въ Москву Кипріяна. Паденіе Мамая. Осада Москвы Тохтамышемъ. Храбрая ея оборона княземъ Остеемъ Ольгердовичемъ и малодушіе новаго митрополита. Вѣроломство сыновей князя нижегородскаго, находящихся въ плѣну у татаръ. Предательство ими, довѣрившихся ихъ рѣчамъ, москвичей и сдача Москвы Тохтамышу. Избіеніе русскихъ и грабежи восторжествовавшихъ татаръ. Спасеніе отъ нихъ русской земли Владиміромъ Андреевичемъ побѣдою въ Волоколамскѣ. Смерть князя Дмитрія Константиновича въ Нижнемъ Новгородѣ. Его преемникъ Борисъ Константиновичъ. Происки въ ордѣ князя Михаила тверского противъ московскаго великаго князя и посылка туда Дмитріемъ Іоаннови-

чемъ своего сына Василія, задержаннаго татарами за крупный денежный долгъ, ими себѣ причтенный съ Дмитрія. Изгнаніе Кипріяна обратно въ Кіевъ, какъ недостойнаго занимать мѣсто московскаго митрополита и прощеніе великимъ княземъ Пимена, при помощи наглаго обмана, поставленнаго въ митрополиты царьградскимъ патріархомъ. Вынужденное смиреніе Дмитрія передъ Тохтамышемъ и неудача козней противъ его первенства на Руси, князя тверского.

Мы знаемъ, что Золотая орда представляла изъ себя необозримыя степи, гдѣ кочевники жили въ кибиткахъ и юртахъ; гдѣ находили себѣ обильную пищу въ густой травѣ табуны лошадей; огромныя стада рогатаго скота и верблюдовъ. Женщины тамъ занимались хозяйствомъ: доили для выдѣлки сыра овецъ и козъ; для кумыса кобылицъ; пряли шерсть, чтобы послѣ, ярко ее окрасивъ, выдѣлывать изъ нея ковры и разнообразныя ткани. Мужчины же больше всего на свѣтѣ любили войну и на конѣ проводили болѣе времени, нежели на собственныхъ своихъ ногахъ. Богатыя дани съ покоренныхъ народовъ имъ доставляли не только все нужное для нихъ, но обставляли ихъ жизнь широкимъ привольемъ и роскошью. Когда посольство Захарія Тютчева подвигалось къ ставкѣ Мамая, татары вездѣ ковали и точили оружіе; изготовляли щиты и луки; налаживали кольчуги и снаряжали обозы, пылая нетерпѣніемъ поскорѣе вступить въ предѣлы русской земли; полные жажды новаго грабежа и свирѣпыхъ боевыхъ схватокъ.

Когда русскіе послы послѣ долгаго ожиданія, были наконецъ приняты ханомъ Мамаемъ, они должны были, поклонившись его золотому изображенію, доползти на колѣняхъ отъ послѣдняго очистительнаго костра до обширной кошмы, т. е. дорогого ковра, гдѣ сидѣлъ на подушкѣ, въ золотыхъ туфляхъ, поджавъ подъ себя ноги, самъ всемогущій Мамай. На немъ

былъ халатъ алаго шелка съ золотыми цвѣтами, а на головѣ сіялъ вышитый драгоцѣнными камнями «тюбетей». По бокамъ его и за нимъ стояли въ великолѣпныхъ одеждахъ знатные татарскіе воины. Въ отвѣтъ на обязательный земной поклонъ и привѣтствіе Захарія отъ имени своего великаго князя, Мамай сбросилъ ему въ лицо съ ноги своей туфлю и насмѣшливо крикнулъ, что онъ заставитъ Дмитрія «пасти его верблюжье стадо»! Когда затѣмъ, изъ рукъ русскаго посла была грубо, насильно вырвана грамота великокняжеская, Тютчевъ, забывъ въ пылу обиды объ окружавшей его опасности, гордо и смѣло заявилъ хану, что Дмитрій Іоанновичъ ему не холопъ и не данникъ.—«Не до конца надъ нами тяготѣть будетъ гнѣвъ Божій», со слезами воскликнулъ онъ,—«и мы молитвами святыхъ угодниковъ нашихъ, выю свою подымемъ». Оскорбленный бояринъ раздернулъ свой парчевой кафтанъ и подставилъ свою обнаженную грудь кинжаламъ разсвирѣпѣвшихъ татаръ, продолжая негодующимъ голосомъ:—«Убейте меня! Мнѣ теперь глазъ нельзя показать великому князю»! Однако, смущенный такою отважной рѣшительной рѣчью и благороднымъ глубокимъ волненіемъ посла, Мамай знакомъ остановилъ злобное рвеніе своихъ слугъ и съ мрачнымъ лицомъ скрылся за толстой ковровой занавѣсью своего шатра. Въ послѣдующіе затѣмъ дни, бесѣды съ русскимъ посломъ Мамая, возобновились уже безъ дерзкихъ оскорбительныхъ выходокъ съ его стороны. На столько же хитрый, на сколько отважный, старый бояринъ умомъ и складною своею рѣчью, Мамаю понравился до такой степени, что онъ сталъ склонять русскаго посла перейти на татарскую службу, обѣщая ему богатство несмѣтное съ пышными почестями. Однако Тютчевъ этими обѣщаніями

9) Картина: Захарій Тютчевъ передъ Мамаемъ. Его смѣлая рѣчьвъзащиту достоинства своего, какъ посла великаго князя Московскаго, и чести Дмитрія Іоанновича.

не прельстился и не выказалъ страха передъ угрозами жестокой расправы со стороны Мамая.—«Казны и чести по моему достоинству съ меня и въ Москвѣ довольно»,—твердо отвѣчалъ онъ,—«а пыткамъ и смерти предать меня ты конечно воленъ; я, помолясь Пресвятой Богородицѣ, ихъ приму какъ святой мученическій вѣнецъ». Такъ ничѣмъ и не кончились переговоры великокняжескаго посла съ Мамаемъ, потому что татарскій ханъ настоятельно и непреклонно требовалъ возобновленія въ орду тяжкихъ пошлинъ съ русской земли, временъ Батыя. Видя себя въ ордѣ, окруженнымъ постоянной опасностью, Захарій Тютчевъ поспѣшилъ оттуда выѣхать, все же заставивъ Мамая написать милостивый ярлыкъ Дмитрію въ обмѣнъ на свое ложное обѣщаніе скораго пріѣзда въ орду самаго великаго князя, для личнаго объясненія съ ханомъ и выраженія ему своей покорности. Но, сохранивъ въ душѣ горечь перенесенной обиды и всѣхъ униженій, которымъ его подвергали въ ордѣ, Тютчевъ горѣлъ однимъ желаніемъ: «отомстить Мамаю»! Какъ только близъ Оки, посольство его, сопровождаемое мурзами татарскими, было подкрѣплено нечаянной встрѣчей съ конною стражей развѣдчиковъ, посланныхъ Дмитріемъ Іоанновичемъ въ придонскую степь ради «добычи языка», для болѣе точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ врага, Тютчевъ велѣлъ связать четырехъ ханскихъ мурзъ и, отнявъ у нихъ ярлыкъ Мамая къ Дмитрію, плюнулъ на ханскую печать: такъ называемую «тамгу», а потомъ разорвалъ ярлыкъ пополамъ передъ глазами разсвирѣпѣвшихъ, но безсильныхъ татаръ. Русскіе перебили татарскихъ воиновъ, пытавшихся защитить своихъ мурзъ.

10). Картина: РасправаТютчева съ татарскими мурзами на обратномъ пути въ Москву.

Тютчевъ вынесъ увѣренность изъ словъ и настроенія Мамая, что все равно быть войнѣ неминуе-

мой. А теперь разрывъ съ нимъ былъ рѣшенъ безповоротно. Татарскихъ пословъ онъ повезъ плѣнниками въ Москву, а десятку стражниковъ изъ почетнаго конвоя хана, приказалъ отвезти Мамаю обратно его ярлыкъ съ оплеванною тамгою. Ошеломленные дикари внѣ себя отъ ярости, помчались назадъ въ орду съ громовою вѣстью о происшедшемъ на пути слѣдованія ихъ въ Москву.

Тѣмъ временемъ, Дмитрій съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія передового отряда своихъ развѣдчиковъ и, не дождавшись ихъ, снарядилъ за ними второй отрядъ съ приказаніемъ, чтобы они торопились вернуться. Но, и Захарій Тютчевъ, и ему навстрѣчу попавшійся передовой отрядъ, другъ за другомъ, скоро явились къ великому князю съ подробнымъ докладомъ о положеніи дѣлъ въ ордѣ. «Языкъ» былъ добытъ развѣдчиками и выяснилось, что Мамай въ походъ выступитъ не раньше осени, когда на Руси будутъ собраны большіе запасы хлѣба; а кромѣ того, онъ хочетъ соединить силы свои съ полками Ягайло и потому дастъ ему время подойти къ Дону изъ Литвы. Вѣсть объ измѣнѣ Олега рязанскаго и его тайныхъ сношеніяхъ съ татарами подтвердилась.—«Олегъ поступаетъ какъ Святополкъ Окаянный», — печально произнесъ Дмитрій.

Вспомнивъ самоувѣренную и обособленную погоню за личной славой, почестью и добычей, русскихъ князей при несчастномъ первомъ ихъ столкновеніи съ Чингизъ-ханомъ на рѣкѣ Калкѣ, мы можемъ замѣтить, что теперь они шли на рѣшительный бой съ Мамаемъ совсѣмъ иначе, понявъ, отчасти благодаря единодержавнымъ стремленьямъ Москвы, поддержаннымъ духовенствомъ, что въ единеніи главная сила русской земли. Великій князь приготовляется къ

предстоящей великой борьбѣ, обдуманно, осторожно,—сначала использовавъ мирные способы соглашенія съ Мамаемъ. Общій походъ имъ предпринятъ послѣ долгаго совѣщанія съ боярами и князьями, причемъ эти князья собравшіеся вокругъ Дмитрія московскаго, дружно идутъ за нимъ, какъ за своимъ вождемъ. Въ двадцатыхъ числахъ августа, когда наконецъ все, Москвою объединенное войско, грозно сверкая оружіемъ и доспѣхами, сошлось въ назначенной мѣстности, подъ Коломною, Дмитрій Іоанновичъ выступилъ съ нимъ къ рубежу своего княжества и лѣвымъ побережьемъ Оки, не вступая еще въ предѣлы рязанской земли, подошелъ къ устью, притока ея—Лопасни. Ему тогда было не болѣе 30-ти лѣтъ отъ роду: темноволосый, съ окладистой бородой, онъ отличался красивой осанкой и проницательнымъ умнымъ взглядомъ. Его окружали въ нарядныхъ позолоченныхъ броняхъ съ наброшенными на плечи яркими приволоками, удѣльные князья: ярославскіе Андрей и Романъ Прозоровскіе; ростовскій Левъ Курбскій, Андрей Муромскій, Юрій Мещерскій, и многіе другіе. Полки имѣли видъ непреклонной, бодрой рѣшимости безстрашно, неутомимо биться съ врагами родной земли; положить свои головы ради ея освобожденія отъ цѣпей позорнаго тяжкаго рабства. Сытые кони легко ступали подъ всадниками въ желѣзныхъ кальчугахъ и панцыряхъ изъ стальныхъ бляхъ,—называемыхъ калантырями. Изъ за продолговатыхъ щитовъ обычнаго краснаго цвѣта, выдавались острые наконечники цѣлаго лѣса крѣпкихъ поднятыхъ копій. На бедрахъ воиновъ висѣли прямые мечи, или кривыя булатныя сабли. Надъ головами ихъ развѣвалось множество стяговъ на длинныхъ древкахъ. Великая княгиня Евдокія Дмитріевна и Елена Ольгердовна, жена князя

Владиміра Андреевича, еще болѣе молодого годами, чѣмъ самъ великій князь, провожали мужей изъ Москвы до кремлевскихъ воротъ, заливаясь слезами; а потомъ, когда подъ боевые звуки бубенъ и трубъ, московская рать пошла по дорогѣ въ Коломну, онѣ съ боярынями изъ оконъ высокаго кремлевскаго терема, дававшихъ въ сторону набережной Москвы рѣки, смотрѣли черезъ Замоскворѣчье на исчезающую вереницу великокняжескихъ войскъ съ огромнымъ обозомъ, сопровождавшимъ ихъ слугъ и тяжело нагруженныхъ телѣгъ.

11) Картина: Вел. княгиня Евдокія съ женою Владиміра Андреевича провожаютъ мужей на полѣ брани.

Передъ выступленіемъ изъ Коломны, Дмитрій сдѣлалъ смотръ всей ратной силѣ, съѣхавшейся сюда и представлявшей изъ себя полностью все то войско, какое онъ могъ въ настоящее время выставить противъ татаръ. При видѣ многочисленныхъ стройныхъ рядовъ пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, сердце въ немъ радовалось, а душа укрѣплялась надеждою на побѣду. Тутъ онъ раздѣлилъ свои силы на обычные, по древнему боевому порядку, четыре полка: передовой, два крыла справа и слѣва; и главный средній, или великій полкъ. Назначивъ каждому предводителя, онъ за собой оставилъ начальство надъ среднимъ полкомъ. Въ Коломнѣ же присоединились къ московскому князю, какъ вѣрные его слуги, литовскіе князья: Андрей—бывшій князь полоцкій и Дмитрій Корибутъ. Великаго князя очень обрадовалъ ихъ приходъ, такъ какъ князья эти славились воинскимъ опытомъ и могли быть особенно ему полезны на случай войны съ Ягайло. 26 августа Дмитрій Іоанновичъ отдалъ приказъ своимъ полкамъ переправляться черезъ Оку, однако наказывалъ воеводамъ отнюдь не грабить земли рязанской, не обижать ея жителей,—дабы не побудить ихъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ въ тылу московскаго войска.

Олегъ, до сихъ поръ старавшійся скрыть свою измѣну подъ личиною будто бы дружескаго сношенія съ великимъ княземъ московскимъ, теперь, увидѣвъ, что тотъ нисколько не испугался соединенныхъ силъ, ополчившихся противъ него союзниковъ и вовсе не помышлялъ спасаться въ пустыни задвинскія, тревожно началъ метаться между татарами и Ягелло, стоявшимъ съ войскомъ на западѣ, уже на рѣкѣ Угрѣ близъ Одоева и посылалъ гонцовъ, то къ нему, то къ Мамаю, растерянно вопрошая: что ему дѣлать? Совѣсть въ немъ говорила, что низкій, злодѣйскій его поступокъ заслуживалъ безпощадной мести и онъ слишкомъ поздно раскаивался въ своей измѣнѣ.

Отъ Лопасни Дмитрій Іоанновичъ повелъ свои полки прямо къ Дону, въ виду котораго остановился 6 сентября, чтобы собрать новыя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Мамая и подождать отставшую пѣшую рать. Сюда подоспѣла грамота Святителя Сергія, благословлявшая великаго князя перейти Донъ. Такъ же совѣтывали поступить и смѣлые, испытанные въ бояхъ князья литовскіе, говоря, что для укрѣпленія духа воиновъ лучше отрѣзать путь отступленія и возможность бѣгства, оставивъ Донъ за собою, какъ сдѣлалъ нѣкогда Ярославъ Мудрый, когда побѣдилъ подъ Кіевомъ Святополка. Кромѣ того, необходимо было застать Мамая врасплохъ, пока онъ еще не узналъ о близкомъ присутствіи русскихъ войскъ и медленно подвигался впередъ отъ устья Воронежа, поджидая Олега рязанскаго и Ягайло. Нельзя было дать имъ соединиться. Несмотря на возраженія болѣе робкихъ вождей, смущавшихся вѣстью о необозримомъ, несмѣтномъ количествѣ татарскихъ полчищъ, Дмитрій внялъ ясновидящему совѣту святого старца и склонился мыслей къ мнѣнію болѣе смѣлыхъ воиновъ. Онъ приказалъ наскоро

искать бродовъ, наводить мосты, что было не трудно, потому что рѣка въ верховьи не отличалась ни шириною, ни глубиной. Вечеромъ того же дня: 7 числа, русскіе полки были уже на противоположной сторонѣ Дона. Эта спѣшная переправа оказалась дѣйствительно необходимой, такъ какъ Мамай теперь былъ освѣдомленъ о появленіи на Дону русской рати и передовые его наѣздники уже имѣли схватки съ развѣдчиками великаго князя. Самъ Мамай, съ устья Воронежа, дошелъ до Гусинаго брода и еще надѣялся успѣть загородить московскому войску ходъ черезъ рѣку, пока не подойдетъ къ нему Ягайло, оповѣщенный Олегомъ о неожиданномъ, опасномъ для нихъ оборотѣ дѣла и двинувшійся изъ Одоева навстрѣчу татарскому хану. Дмитрій собралъ воеводъ своихъ и сказалъ имъ:—«Часъ суда Божія наступаетъ». Не теряя времени, онъ тутъ же построилъ къ битвѣ свои полки на берегахъ, впадающей въ Донъ рѣчки Непрядвы; на лѣсистыхъ холмахъ, за собою скрывавшихъ десятиверстное поле, называвшееся Куликовымъ. Овражистая пересѣченная мѣстность была покрыта кустарникомъ и отчасти, во влажныхъ мѣстахъ лѣсными дебрями. На противоположныхъ возвышенностяхъ, за притокомъ Непрядвы: рѣчкою Смолкой, протекавшею среди Куликова поля, разбила свой станъ орда Мамая, по счастью, пришедшаго уже ночью и слишкомъ поздно, чтобы помѣшать переправѣ черезъ Донъ русскихъ. Окруженный ближними своими мурзами и темниками, онъ водворилъ свой шатеръ на самомъ высокомъ—Красномъ холмѣ, за Смолкой.

Въ числѣ лучшихъ воеводъ русскихъ, находился волынскій бояринъ Дмитрій Боброкъ—мужъ сестры великаго князя: Анны. Онъ слылъ не только человѣкомъ искуснымъ въ ратномъ дѣлѣ; но отчасти и

мудрецомъ, умѣющимъ распознавать различныя знаменія и примѣты. Великій князь въ ночь передъ сраженіемъ, на праздникъ Рождества Христова, попросилъ шурина предсказать исходъ его, насколько онъ можетъ быть указанъ какими либо явленіями въ природѣ. Боброкъ и Дмитрій Іоанновичъ, въ полумракѣ теплой осенней ночи, выѣхали на середину Куликовскаго поля, ставъ между ратями: своей и Мамаевой. Сначала, поворотясь лицомъ къ татарамъ, откуда доносился крикъ и стукъ будто съ шумнаго торжища, Боброкъ началъ прислушиваться. Позади татарскаго стана выли волки; въ воздухѣ клекатали орлы и каркали вороны. Надъ рѣчкой Непрядвой вились стаи гусей, лебедей и утокъ, хлопая крыльями, какъ передъ страшной бурей. Когда же Боброкъ повернулъ коня въ сторону русскаго стана, то тамъ царило торжественное безмолвіе; но красное зарево, какъ бы многихъ огней его озаряло.—«Благодари Бога княже»,—сказалъ Боброкъ:—«огни суть доброе знаменіе. Не падай духомъ и призывай небесную помощь». Потомъ онъ сошелъ съ коня и припалъ къ землѣ правымъ ухомъ. Поднявшись съ земли, онъ заплакалъ, и на тревожный вопросъ великаго князя объяснилъ печально, что рядомъ съ великой радостью его ожидаетъ послѣ сраженія и великая скорбь.—«Тебѣ одному повѣдую», сказалъ онъ,—«что я сейчасъ слышалъ землю громко плачущею. Ты одолѣешь свирѣпыхъ татаръ, но воинства твоего христіанскаго падетъ многое множество». Дмитрій Іоанновичъ тоже не могъ удержаться отъ слезъ при этихъ словахъ Боброка, но обѣщалъ никому больше не говорить объ испытанныхъ ими знаменіяхъ, что бы не смутить сердца воиновъ.—«Да будетъ воля Божія»,—грустно заключилъ онъ бесѣду свою съ Боброкомъ.

12) Картина: Предсказаніе воеводы Боброка Дмитрію объ исходѣ великой битвы съ татарами на Куликовомъ полѣ, въ ночь передъ ея началомъ.

Хищные звѣри и птицы дѣйствительно, должно быть, чуяли близкое кровопролитіе и лакомую себѣ добычу человѣческихъ труповъ. 8 сентября утро выпало пасмурное. Туманъ прояснился лишь къ 9-ти часамъ. Звуки воинскихъ трубъ указывали движенье полковъ въ полумглѣ окутавшей поле. Правое крыло русскаго войска, гдѣ Дмитрій поставилъ братьевъ Ольгердовичей, упиралось въ овраги и дебри, а лѣвое, состоявшее изъ дружинъ князей Бѣлоозерскихъ,—въ крутой берегъ притока Непрявды: Смолки. Большая часть пѣхоты выставлена была впереди. Въ челѣ главнаго полка стояла московская дружина великаго князя и тамъ развѣвалось черное знамя съ ликомъ Спасителя, освященное игуменомъ Сергіемъ. Около 11 часовъ враги стали съ обѣихъ сторонъ спускаться по отлогимъ склонамъ холмовъ на Куликово поле, мѣря глазами силы другъ друга. Кромѣ, такимъ образомъ, выстроенныхъ полковъ, Дмитрій отрядилъ еще особый запасный полкъ, подъ начальствомъ Владиміра Андреевича и Боброка. Этотъ полкъ сталъ въ засаду за лѣвымъ крыломъ русскаго войска. Совершенно скрытый густою дубравой отъ непріятеля, онъ могъ во всякое время легко подкрѣпить сражающихся и вмѣстѣ съ тѣмъ заслонялъ собой обозъ и мосты, наведенные черезъ Донъ, которые оставались единственнымъ путемъ отступленія въ случаѣ неудачи. По старинному обычаю слѣдовало, чтобы великій князь, какъ предводитель войска, во-первыхъ, личнымъ примѣромъ возбудилъ въ воинахъ своихъ отвагу. Потому Дмитрій самолично началъ сраженіе въ сторожевомъ полку, вопреки увѣщаніямъ ближнихъ его воеводъ, говорившихъ, что ему подобаетъ стоять особо отъ битвы, слѣдя за ходомъ ея; тогда какъ, подвергая жизнь свою опасности, онъ всѣхъ ихъ оставитъ въ случаѣ,

13) Картина: Русское войско передъ началомъ битвы на Куликовомъ полѣ.

если его убьютъ,—какъ овецъ безъ пастыря на съѣденье волкамъ. Дмитрій отвѣчалъ, что будучи главою войска, онъ долженъ и повести его въ битву. Только, чтобы не привлечь на себя вниманіе и стрѣлы татаръ, онъ пересѣлъ на другого коня со своего богато убраннаго,—предоставивъ его боярину Михаилу Бренку, которому поручилъ собственную дружину у главнаго, чернаго ея знамени и на него же возложилъ свою златотканную великокняжескую приволоку, накинувъ себѣ на плечи, сверхъ дорогой брони, простой воинскій плащъ. Лица всѣхъ русскихъ витязей и готовыхъ къ бою неисчислимыхъ ратниковъ, выражали самоотверженную отвагу; въ ихъ взорахъ свѣтилось твердое упованіе на Божью помощь. Червленные ихъ щиты и стальные доспѣхи сіяли на солнцѣ; тогда, какъ темное снаряженіе и сѣрые кафтаны татаръ, дѣлали ихъ похожими на зловѣщую грозовую тучу.

Передній татарскій полкъ, слѣдовавшій сейчасъ за коннымъ сторожевымъ,—такъ же какъ и со стороны русскихъ, состоялъ изъ пѣхоты, причемъ задніе ея ряды клали копья свои на плечи переднихъ, въ рукахъ которыхъ, то же оружіе было гораздо короче.

Когда обѣ передовыя рати остановились на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга,—съ татарской стороны выѣхалъ знатный воинъ огромнаго роста, по имени Челибей, чтобы по обычаю того времени, начать битву единоборствомъ. Увидѣвъ его, инокъ Пересвѣтъ, бывшій вмѣстѣ съ Ослабя ратникомъ сторожевого полка, просилъ воевода ему разрѣшить перевѣдаться съ татарскимъ богатыремъ, послѣ чего поскакалъ на врага съ копьемъ въ рукѣ, имѣя на шлемѣ схиму и призывая на помощь себѣ молитвы Св. Сергія. Противники такъ стремительно бросились

14) Картина: Поединокъ инока Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ Челибеемъ.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Предсказаніе воеводы Боброка Дмитрію объ исходѣ великой битвы съ татарами на Куликовомъ полѣ, въ ночь передъ ея началомъ. (*Къ стр. 51*).

Собственность Т. П. Мятлевой.

Поединокъ инока Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ Челибеемъ. (*Къ стр. 56*).

другъ на друга, что подъ ними кони отъ силы удара склонились на колѣна, а они сами упали оба на землю мертвые.

Затѣмъ сейчасъ же началась общая битва, руководимая великимъ княземъ. Уже нѣсколько коней подъ нимъ было убито и ранено; но онъ, не теряя мужества продолжалъ биться съ татарами въ первыхъ рядахъ, пока обѣ рати не перемѣшались до такой степени, что люди начали задыхаться въ тѣсной, безпорядочной свалкѣ, а разступиться некуда было, такъ какъ десятиверстное Куликово поле сплошь было покрыто воинами. Въ тѣснотѣ рукопашнаго боя, многіе гибли подъ копытами лошадей. Лѣтопись говоритъ о Куликовской битвѣ, что копья въ ней ломались какъ солома, стрѣлы сыпались дождемъ, пыль закрывала солнечные лучи, мечи сверкали молніями, а люди падали какъ трава подъ косою. Кровь текла ручьями»... Хотя одолѣвали мѣстами, гдѣ русскіе, гдѣ татары, но передовая пѣшая русская рать уже полегла костьми.

Пользуясь своимъ превосходствомъ въ числѣ и смертью многихъ русскихъ вождей, татары разстроили наши ряды и начали напирать на главный средній полкъ. Тамъ, нѣкоторые изъ молодыхъ, не видавшихъ еще боя, воиновъ, обратились въ бѣгство и, оставшіеся въ живыхъ воеводы, напрасно старались вновь водворить порядокъ: лязгъ оружія, стоны раненыхъ, ржаніе коней и клики сражавшихся, производили такой шумъ, что связной рѣчи не было слышно. Толпа татаръ прорвалась къ большому знамени и убила Бренка, принявъ его за великаго князя.

Хотя Андрей Ольгердовичъ одолѣвалъ татаръ на правомъ крылѣ, но опасался, ради погони за отступающимъ передъ нимъ непріятелемъ, удалиться отъ

главнаго полка, смятаго натискомъ татарскихъ полчищъ, несмотря на то, что онъ опять сомкнулся вокругъ чернаго знамени и храбро стоялъ на своемъ мѣстѣ, но не подвигаясь впередъ. Татары, желая зайти ему въ тылъ, теперь обрушились всею силою на лѣвое крыло русскаго войска, думая тѣмъ легче прорвать кольцо русскаго строя, не допускавшее своимъ построеніемъ возможности его обхода. Когда князья бѣлоозерскіе всѣ были убиты, этотъ полкъ пришелъ въ замѣшательство и сталъ все болѣе поддаваться назадъ подъ напоромъ враговъ. А если бы татарамъ удалась ихъ попытка здѣсь одержать побѣду, они отрѣзали бы русское войско отъ донской переправы и, напавъ съ тыла, его истребили бы безъ труда. Уже раздались торжествующіе крики татаръ и неистовое ихъ гиканье, когда татарскіе воеводы увидѣли, что лѣвый полкъ ослабѣваетъ и поддается ихъ, подавляющей мужество русскихъ воиновъ, неодолимой численной силѣ. Между тѣмъ, въ тайной лѣсной засадѣ, Боброкъ уже давно едва удерживалъ пылкое нетерпѣніе Владиміра Андреевича присоединиться къ бою, раздѣляемое и другими молодыми людьми изъ спрятанныхъ въ засадѣ, воиновъ.—«Долго ли намъ стоять здѣсь безъ пользы?»—говорилъ онъ съ досадой болѣе разсудительному и опытному Боброку.—«Смотри уже сколько христіанскихъ полковъ полегло мертвыми». Но Дмитрій Боброкъ сдерживалъ его горячность.—«Вѣтеръ дуетъ и солнце бросаетъ свои лучи намъ въ лицо»,—отвѣчалъ онъ—«подождемъ еще немного»... «Теперь пора, и нашъ часъ приспѣлъ! Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа»!—вдругъ воскликнулъ онъ, когда лѣвое крыло русскаго войска въ своемъ отступленіи поравнялось съ дубравой, откуда засадный полкъ, какъ одинъ человѣкъ бросился на

15) Картина: Полки Боброка и Владиміра Андреевича въ засадѣ, передъ рѣшительною минутой въ концѣ Куликовской битвы.

татаръ. Внезапное появленіе свѣжихъ русскихъ силъ рѣшило битву. Онѣ ударили сзади и въ бокъ потерявшимъ строй, утомленнымъ татарамъ. Вѣтеръ дѣйствительно перемѣнился благопріятно для расположенія русскихъ войскъ. Они гнали враговъ до рѣки Мечи и овладѣли всѣмъ ихъ станомъ. Мамай только издалека, съ высоты Краснаго холма, наблюдавшій за ходомъ сраженія, бѣжалъ когда увидѣлъ, что русскіе побѣдили. Литовскій князь Дмитрій Ольгердовичъ, много помогъ этой побѣдѣ тѣмъ, что предусмотрительно, поставленный великимъ княземъ позади его средняго большого полка, прикрылъ этотъ, уже разстроенный отчасти полкъ сбоку, когда татары сломили сопротивленіе лѣваго крыла войска. Во время поддержанный имъ, главный полкъ двинулся въ наступленіе. Тогда татары болѣе не могли бороться съ отважной стойкостью русскихъ войскъ и начали отступать по всей боевой линіи. Окруженные наконецъ русскими со всѣхъ сторонъ, они обратились въ неудержимое бѣгство вслѣдъ за ханомъ своимъ, который со знатнѣйшими мурзами ускакалъ въ степь, бросивъ богатый обозъ своего стана въ добычу побѣдителямъ. Русскимъ досталось множество верблюдовъ, навьюченныхъ разнымъ имуществомъ, а также цѣлыя стада рогатаго и мелкаго скота. Возвратившись съ погони за разбитымъ наголову врагомъ, князь Владиміръ Андреевичъ сталъ «на костяхъ», т. е. на мѣстѣ битвы и приказалъ трубить въ трубы, для сбора войска оставшагося въ живыхъ. Самого великаго князя нигдѣ не было видно, почему первые часы славной побѣды русской были омрачены тревогой за его жизнь. Одни говорили, что его видѣли пѣшимъ, едва бредущимъ, другіе же отбивавшимся отъ трехъ татаръ. Владиміръ Андреевичъ разослалъ

16) Картина: Побѣдитель Дмитрій Донской, придя въ себя, по окончаніи боя, съ восторгомъ слышитъ о бѣгствѣ Мамая, отъ воиновъ, нашедшихъ его въ степи, потерявшимъ сознаніе вслѣдствіи утомленія и ударовъ враговъ.

воиновъ по Куликову полю—искать великаго князя, среди раненыхъ и мертвыхъ тѣлъ,—но его нашли наконецъ въ сосѣдней рощѣ, подъ деревомъ, хотя въ полномъ изнеможеніи, однако живымъ. Шлемъ на немъ и доспѣхи всѣ были изсѣчены; тѣло покрыто язвами и ушибами. Крѣпкая броня его защитила отъ смертельныхъ ударовъ меча и копій. Радостная вѣсть привела его въ чувство. Онъ съ трудомъ поднялся на ноги и, посаженный на коня, былъ отвезенъ въ шатеръ. На слѣдующій день, Дмитрій вполнѣ оправился и, выѣхавъ на конѣ къ войску, благодарилъ его за побѣду, обѣщая щедро всѣхъ наградить за подвиги во время битвы. Но когда онъ сталъ обозрѣвать Куликово поле, то вспомнилъ вторую часть предсказаній Боброка и понялъ, что несмотря на все значеніе для будущности Москвы Куликовской побѣды, впервые одержанной надъ татарами, она близка была къ пораженію по числу убитыхъ. Изъ полторастотысячной арміи, на лицо было лишь сорокъ тысячъ. Пятнадцать русскихъ князей пало въ битвѣ.

17) Картина: Вел. князь Дмитрій на полѣ, выигранной имъ битвы.

Поле сраженія было покрыто лужами запекшейся крови и грудами мертвыхъ тѣлъ. Среди убитыхъ былъ тоже инокъ Ослабя. Пересвѣтъ лежалъ рядомъ съ противникомъ своимъ: татарскимъ богатыремъ, который могъ перебить одинъ много русскихъ воиновъ, еслибы не былъ сраженъ съ начала битвы его рукой. Какъ и сказалъ Боброкъ, большая радость сплеталась съ великою скорбью. Вся земля русская оскудѣла воинствомъ, храбрыми воеводами и людьми всякаго рода, вошедшими въ ополченіе, чтобы противостать темникамъ Мамая.

Литовскій великій князь только на день пути не поспѣлъ къ Дону, чтобы принять участіе въ Куликовской битвѣ. Узнавъ о пораженіи Мамая, онъ по-

вернулъ обратно и поспѣшилъ вернуться въ Литву, не предпринявъ преслѣдованія побѣдоноснаго войска Дмитрія, потому что не зналъ какою цѣною досталась ему побѣда.

Шествіе Дмитрія Іоанновича съ береговъ Дона назадъ въ Москву до Кремлевскихъ воротъ, было сплошнымъ ликованіемъ и торжествомъ. Гонцы съ Куликова поля были тотчасъ отправлены по всѣмъ городамъ и удѣламъ московскаго княжества—и всюду народъ встрѣчалъ счастливаго побѣдителя веселіемъ, благодарностью и любовью. Вездѣ раздавалась хвала Богу и Государю. 28 сентября Дмитрій съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ, вступили въ Москву. Радостныя супруги того и другого, съ дѣтьми, вышли къ нимъ навстрѣчу. Духовенство съ крестами, предшествуя толпамъ народа, пѣло молебны по всему городу и молилось о здравіи великаго князя съ его доблестнымъ воинствомъ. Въ Успенскомъ соборѣ, при въѣздѣ Дмитрія, совершена была литургія, а потомъ отслужили благодарственное молебствіе. Великій князь роздалъ щедрую милостыню бѣднымъ церквамъ и монастырямъ; особенно широко одѣлялъ онъ вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ убіенныхъ воиновъ. Московскій народъ тутъ же далъ великому князю Дмитрію прозваніе Донского, а Владиміру Андреевичу—Храбраго. Изъ Москвы великій князь съ боярами поѣхалъ снова въ Троицко-Сергіевскую обитель, чтобы возблагодарить тамъ Господа Бога за дарованную ему побѣду, а также отслужить панихиду по убіеннымъ въ сраженіи воинамъ. Тѣла иноковъ Пересвѣта и Ослабя, были привезены съ собою Дмитріемъ и преданы погребенію въ Троицкомъ монастырѣ.

18) Картина: Радостная встрѣча въ Москвѣ вел. князя Дмитрія съ его двоюроднымъ братомъ Владиміромъ храбрымъ.

Мы сказали уже, что несмотря на относительное

противъ прежнихъ временъ единодушія большинства князей сѣверовосточной Руси между собою, областные князья тверскіе и новгородскіе, не захотѣли принять участія въ походѣ московскаго великаго князя противъ, для всѣхъ одинаково грознаго и непріязненнаго Мамая, потому только, чтобы не способствовать, хотя косвенно, славѣ и возвышенію Москвы. Принявъ во вниманіе крупныя силы и ничѣмъ ровно, не связанныя возможности этихъ двухъ областей поддержать святое, необходимое для Руси дѣло: полнаго сокрушенія въ ней татарскаго ига,— нельзя въ той же мѣрѣ винить за такое же безучастіе, князей смоленскихъ, правящихъ подъ угрозой сильной Литвы и сохранившихъ лишь тѣнь былой независимости; а также нижегородскаго князя Дмитрія Константиновича, только что потерпѣвшаго отъ татаръ полное разореніе и не успѣвшаго придти въ себя, послѣ погрома суздальскихъ войскъ Арапшею. Онъ лишился уже своей столицы, двоекратно сожженой татарами и естественно былъ подавленъ страхомъ передъ ихъ новымъ вторженіемъ. Такой же участи вмѣстѣ съ нимъ подвергался и князь рязанскій Олегъ, еще недавно, едва вырвавшійся изъ плѣна татарскаго, весь пронзенный стрѣлами... Хотя подобно Твери, рязанское княжество не могло сочувствовать все возраставшему усиленію Москвы, такъ какъ оно неминуемо угрожало его самостоятельности; но рядомъ съ этимъ, измѣна Олега находитъ себѣ извиненіе, если не оправданіе, въ силу ближайшаго сосѣдства рязанской земли со степью, ее подвергавшаго неминуемой безпощадной расправѣ татаръ, въ каждомъ случаѣ ханскаго гнѣва. На этотъ же разъ, ей предстояло нашествіе двухъ союзныхъ народовъ, если бы князь Олегъ не поспѣшилъ себя объявить ихъ дру-

гомъ. Предостереженія, имъ посылаемыя въ Москву, съ виду столь лицемѣрныя, могли имѣть искренней цѣлью желаніе: дать возможность московскому князю преодолѣть Мамая; а обѣщаніемъ своего союза съ Ягайло въ помощь татарамъ, онъ задержалъ при устьи Воронежа ихъ вторженіе въ предѣлы русской земли, черезъ свою многострадальную область, чѣмъ волей-неволей, способствовалъ и успѣху сраженія на Куликовомъ полѣ.

Но даже побѣды Москвы надъ ордою, были всегда невыгодны для рязанцевъ, такъ какъ во-первыхъ: кровавыя встрѣчи враговъ происходили опять въ предѣлахъ ихъ княжества; а во-вторыхъ, вся жестокая месть татаръ, какъ послѣ Вожской битвы, обрушивалась на рязанскаго князя, тогда какъ жители московскихъ волостей, ограждены были Окою и близостью великокняжескихъ войскъ. Возможно, что зная все это Дмитрій Іоанновичъ, несмотря на свое сильное неудовольствіе противъ Олега за его вѣроломное поведеніе, все же не сталъ ему мстить нападеніемъ на его земли, когда онъ бѣжалъ отъ его гнѣва въ Литву и согласился съ нимъ помириться послѣ того, что бояре рязанскіе отъ его имени къ нему прибыли сказать: что Рязань поддается герою Донскому и молитъ великаго князя о милосердіи. Дмитрій, всегда любившій Олега, далъ себя тронуть такимъ знакомъ раскаянія съ его стороны и позволилъ ему безнаказанно вернуться въ Рязань, съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ дружбы Ягайло; призналъ его своимъ старшимъ братомъ и сражался всегда съ нимъ заодно противъ Литвы и татаръ. Въ этомъ письменномъ договорѣ Ока и Цна, были указаны рубежомъ между владѣньями Москвы и Рязани, причемъ городъ Тула, (названный такъ въ честь Тайдулы: жены хана Джанибека и нѣкогда

управлявшійся баскаками) остался за Дмитріемъ, ровно какъ и мордовская область, имъ теперь отвоеванная у татаръ. Мещеру онъ купилъ у тамошняго крещенаго князька именемъ Александра. Миръ не надолго былъ водворенъ, такимъ образомъ, между Дмитріемъ и Олегомъ, пока послѣдній вновь его не нарушилъ, при первой опасности со стороны татаръ, естественно, не желавшихъ оставить безъ отомщенія Куликовское пораженіе и признать послѣ него, полную независимость московскаго великаго князя отъ татарскаго хана. Собравъ свѣжія силы за Волгой, Мамай готовъ былъ сейчасъ же возобновить ожесточенную войну съ Дмитріемъ; но на счастье русскихъ, ему пришлось эти силы повернуть противъ другого врага, въ самой татарской ордѣ: Тахтамыша. Будучи однимъ изъ потомковъ старшаго брата Батыя, и пользуясь покровительствомъ могучаго властелина азіатскихъ татаръ: Тамерлана, Тахтамышъ получилъ ханство, въ такъ называемой Синей ордѣ: иначе Заяицкой или Волжской и ждалъ лишь удобнаго случая, предъявить свое законное право на Сарайскій престолъ, захваченный произвольно простымъ темникомъ: Мамаемъ.

Проигранная послѣднимъ битва съ Дмитріемъ, хотя не спасла окончательно Русь отъ татарскаго ига, но порѣшила судьбу этого властелина. Онъ вторично былъ разбитъ на голову Тахтамышемъ и, укрываясь отъ погони его въ таврическомъ городѣ: Кафу у генуэзцевъ, входившихъ въ составъ его пѣхоты на Куликовомъ полѣ, тамъ нашелъ смерть отъ руки убійцъ, польстившихся на его сокровища.

Соединивъ подъ своею верховной властью обѣ орды: Золотую и Синюю, Тахтамышъ, конечно, желалъ унаслѣдовать и могущество своихъ предковъ, почему не замедлилъ извѣстить русскихъ князей о своемъ воца-

реніи въ Сараѣ, отправивъ въ ихъ земли посла Акхозу съ отрядомъ, вооруженныхъ татаръ. Акхоза однако, подъ впечатлѣніемъ Куликовской битвы, не смѣлъ пой ти дальше Нижняго и показаться на глаза славному побѣдителю полчищъ Мамая. Тахтамышъ самъ опасался, уже испытанной татарами силы московскаго великаго князя и приготовился нанести ему сильный, внезапный ударъ стремительнымъ нападеніемъ, чтобы принудить Москву къ прежнему подчиненію ханской власти. Начавъ враждебныя дѣйствія плѣненіемъ русскихъ купцовъ въ Камской Болгаріи и Казани, онъ какъ только могъ быстрѣй переправилъ свои полки на правую сторону Волги, чѣмъ сразу привелъ въ смятеніе малодушнаго нижегородскаго князя Дмитрія и вѣроломнаго Олега рязанскаго. Тотъ и другой къ нему поспѣшили съ раболѣпными изъявленіями полной покорности. Дмитрій далъ Тахтамышу въ заложники двухъ своихъ сыновей: Василія и Семена; а Олегъ показалъ татарамъ броды на рѣкѣ Окѣ и далъ имъ проводниковъ, чтобы они не разоряли его владѣній. Въ Москву, на этотъ разъ, онъ не послалъ, хотя бы и лицемѣрной вѣсти о приближеніи хана. Хотя до Дмитрія все же дошли заблаговременно слухи изъ Нижняго и черезъ подкупленныхъ имъ въ Ордѣ доброхотовъ объ угрожавшей Москвѣ опасности,—тѣмъ не менѣе, обезсиленный еще столь недавней огромной убылью въ искусныхъ храбрыхъ вождяхъ и въ войскѣ на Куликовомъ полѣ,—онъ не могъ уже надѣяться опять отразить успѣшно нашествія Тахтамыша и тщетно теперь обращался къ помощи удѣльныхъ русскихъ князей. Ему пришлось отступить отъ Москвы къ Переяславлю Залѣсскому, а потомъ онъ прибылъ съ небольшимъ числомъ своихъ ратниковъ въ Кострому,

туда же вызвавъ свою семью; Москвѣ же онъ далъ приказъ готовиться къ оборонѣ. За это время кіевскій митрополитъ сербъ Кипріанъ добился цѣли своей и былъ призванъ великимъ княземъ занять кромѣ кіевской, тоже московскую митрополію, послѣ того, когда на пути въ Царьградъ умеръ его любимецъ—священникъ Митяй, иначе архимандритъ Михаилъ. Спутники Митяя, вмѣсто того, чтобы увѣдомить о случившимся великаго князя: задумали мнѣніемъ большинства, самовольно сдѣлать митрополитомъ переяславскаго архимандрита—Пимена и тотъ рѣшился подлогомъ руки Дмитрія Іоанновича, на одномъ изъ имъ данныхъ Митяю незаполненныхъ хартій своихъ, получить посвященіе въ этотъ санъ отъ царьградскаго патріарха Нила. Ложное письмо московскаго великаго князя съ просьбою о посвященіи Пимена въ митрополиты,—Пименъ и его соумышленники подкрѣпили дорогими дарами, которые пріобрѣли на крупныя суммы серебрянныхъ денегъ, частью занятыхъ у купцовъ итальянскихъ; частью благодаря такимъ же листамъ, имѣвшимъ значеніе векселей великаго князя. Дары эти усыпили сомнѣнія и колебанія патріарха Нила, такъ что Пименъ былъ дѣйствительно посвященъ имъ въ Софійскомъ храмѣ и возвращался уже изъ Царьграда митрополитомъ, когда Дмитрій Іоанновичъ, едва рѣшившись повѣрить столь безпримѣрной наглости своихъ пословъ, приказалъ задержать его въ Коломнѣ и подъ крѣпкой стражей сослалъ въ Чухлому, предварительно съ него снявъ бѣлый клобукъ, единственно собственной мірскою властью. Главные сообщники Пимена были тоже наказаны заточеніемъ, а Кипріана, Дмитрій призвалъ въ 1381 г. заступить мѣсто святителя Алексія. Онъ его встрѣтилъ съ большимъ почетомъ, подъ неумолчный праздничный звонъ колоколовъ.

Теперь Кипріанъ былъ оставленъ великимъ княземъ высшимъ лицомъ въ Москвѣ передъ осадой ея Тахтамышемъ, но какъ чужестранецъ не оказался на высотѣ своего назначенія и выѣхалъ вмѣстѣ съ великою княгинею Евдокіей изъ волновавшейся, объятой страхомъ московской столицы, въ безучастную къ ея невзгодамъ, Тверь. Тогда Дмитрій послалъ для водворенія въ Москвѣ порядка и руководства, защитой города, одного изъ отличившихся на Куликовомъ полѣ, православныхъ литовскихъ князей: Остея,—какъ можно предположить, сына Андрея полоцкаго. Принявъ начальство въ Кремлѣ, онъ приготовился выдержать за его новыми каменными стѣнами, натискъ татаръ и образовалъ изрядную рать, изъ ободренныхъ имъ гражданъ Москвы, а тоже окрестныхъ крестьянъ, передъ нашествіемъ Тахтамыша искавшихъ убѣжища въ городской чертѣ отъ его хищныхъ полчищъ.

Тахтамышъ безпрепятственно перешелъ Оку; взялъ и сжегъ Серпуховъ; тогда какъ князя его Владиміра Андреевича, Дмитрій отрядилъ въ Волоколамскъ, ожидать тамъ поддержки отъ Новгорода и Твери, куда онъ послалъ гонцовъ просить войска для отраженія общихъ враговъ. 23 августа передовые татарскіе отряды явились подъ Москвою, опустошая и разоряя мѣстность вокругъ нея. Татары, подъѣхавъ къ самымъ стѣнамъ московской столицы, грозили ея защитникамъ обнаженными саблями, показывая какъ они будутъ рубить имъ головы. На слѣдующее утро уже цѣлыя тучи враговъ обступили городъ со всѣхъ сторонъ и начали мѣтко его обстрѣливать роями стрѣлъ, пуская ихъ на всемъ скаку своихъ привычныхъ къ битвамъ коней, почти безъ промаха, то тутъ, то тамъ. Потомъ часть ихъ, приставивъ лѣстницы къ городскимъ стѣнамъ, полѣзла на приступъ. Москвичи,

19) Картина: Осада Москвы Тахтамышемъ.

не робѣя, обливали ихъ, кипящей въ котлахъ, водою и три дня татары тщетно пытались овладѣть городомъ. Нѣкій суконникъ Адамъ поразилъ на смерть съ башни изъ самострѣла одного изъ знатнѣйшихъ ордынскихъ князей. Тогда татары попробовали прибѣгнуть къ обману, который и удался имъ. Они на четвертый день, по «опасу», т. е. для переговоровъ послали къ стѣнамъ Москвы сыновей князя Дмитрія нижегородскаго, съ тѣмъ, чтобы тѣ убѣдили своихъ соотечественниковъ сдать Тахтамышу на его милость городъ, ради спасенія своихъ жизней,—потому что, гнѣвъ хана направленъ только противъ великаго князя; а такъ какъ его нѣтъ въ Москвѣ, то онъ никакого зла не желаетъ причинить жителямъ, лишь бы они со своимъ воеводою согласились его почтить, выйдя къ нему съ дарами. Москвичи заставили присягнуть на крестѣ Василія и Семена, что ханъ не обманетъ ихъ—и тогда отворили Кремлевскія ворота, не слушая увѣщаній литовскаго князя. Волей неволей Остей, въ сопровожденіи московскихъ бояръ вынесъ хану дары и тутъ же граждане слишкомъ поздно раскаялись въ своей слабости, когда татары, съ свойственнною имъ свирѣпостью принялись избивать ихъ безпощадно и грабить все что имъ попадалось подъ руку. Никто не находилъ себѣ спасенія, такъ какъ нельзя было укрыться даже въ глубинѣ каменныхъ храмовъ. Татары взламывали ихъ двери и грабили ихъ наравнѣ со складами всякихъ товаровъ; дворами богатыхъ московскихъ бояръ и жилищами простыхъ гражданъ. Этотъ дикій грабежъ завершился сплошнымъ пожаромъ. Особенно невозвратима въ немъ была утрата множества рукописныхъ книгъ, снесенныхъ на храненіе въ соборныя церкви Москвы изо всѣхъ окрестныхъ посадовъ.

20) Картина: Отважная защита москвичами своей столицы.

Собственность Т. П. Мягковой.

Отважная защита москвичами своей столицы противъ татаръ Тахтамыша.

(Къ стр. 68).

Послѣ Москвы татары разграбили и сожгли Владиміръ, Юрьевъ, Можайскъ и многіе другіе города московской земли. Въ Переяславѣ Залѣсскомъ граждане спасались тѣмъ, что выплывали въ ладьяхъ на середину озера Клещино. Неизвѣстно какими бы еще бѣдствіями на Руси сказалось это нашествіе Тахтамыша, если бы одинъ изъ его отрядовъ не потерпѣлъ пораженія, наткнувшись въ Волоколамскѣ на ратную силу князя Владиміра Андреевича. Когда бѣглецы принесли Тахтамышу вѣсть объ этой побѣдѣ надъ ними русскаго князя, хотя весьма незначительной,—татарскому хану вспомнилась Куликовская битва и въ страхѣ передъ приходомъ подъ Москву храбраго войска Дмитрія, онъ поспѣшилъ вернуться за Волгу, еще разгромивъ на пути лишь одну Коломну и кромѣ того ограбивъ, въ достойное наказанье Олегу, землю рязанскую.

Дмитрія нижегородскаго Тахтамышъ наградилъ своею милостью за предательское, позорное поведеніе его сыновей подъ стѣнами Москвы и Семена вернулъ отцу съ ярлыкомъ на княженіе владимірское. Но Дмитрій Константиновичъ умеръ въ 1383 г. Его княженіе въ русской исторіи отмѣчается тѣмъ, что при немъ монахъ одного нижегородскаго монастыря составилъ лѣтописный сводъ, извѣстный подъ названіемъ—Лаврентьевскаго. Послѣ него нижегородскій столъ занялъ братъ его—Борисъ Константиновичъ.

Князь тверской Михаилъ Александровичъ, не только не оказалъ никакой поддержки Владиміру Андреевичу въ Волоколамскѣ, но послалъ къ Тахтамышу слугу своего съ дарами, въ знакъ покорности, за что Тахтамышъ не тронулъ тверскихъ владѣній. Потомъ онъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ—Але-

ксандромъ, тайкомъ отъ московскаго князя, окольнымъ путемъ поспѣшилъ въ орду, чтобы тамъ искать себѣ ярлыка на великокняженіе владимірское и новгородское. Происки его заставили Дмитрія въ свою очередь послать къ Тахтамышу сына: Василія, чтобы задобрить въ свою пользу хана. Кромѣ того волей неволей пришлось опять уплатить татарамъ большую дань.

Митрополитъ Кипріанъ, спокойно проживавшій въ Твери, когда въ разоренной, сожженной Москвѣ предстояло строить новыя церкви и ободрять народъ словомъ духовнаго утѣшенія, заслужилъ справедливый гнѣвъ великаго князя. Дмитрій его объявилъ недостойнымъ управлять церковью и на его мѣсто поставилъ Пимена. Кипріанъ со стыдомъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ княжилъ одинъ изъ сыновей Ольгерда: Владиміръ.

Тахтамышъ задержалъ у себя молодого князя Василія Дмитріевича, насчитавъ на его отца долга въ орду 8000 р. Князь же тверской безуспѣшно вернулся отъ хана въ удѣлъ свой, не успѣвъ взять верха надъ Дмитріемъ.

Глава IV.

Наказаніе великимъ княземъ Дмитріемъ Олега рязанскаго, разореніемъ его земли за вновь проявленное имъ двоедушіе. Удачная месть Олега Дмитрію. Вѣчный миръ между ними, закрѣпленный брачнымъ союзомъ, «благодаря посредничеству игумена Сергія». Св. Прокопій Устюжскій и Его пророчество. Стефанъ—просвѣтитель зырянскаго края. Смѣлая проповѣдь имъ Евангельскаго ученія. Уничтоженіе идоловъ въ глухихъ лѣсахъ пермскихъ. Тщетное покушеніе на его жизнь озлобленныхъ язычниковъ и торжество его дѣятельности надъ ихъ жрецами. Чудесная сила его молитвы и сокрушеніе «священной» березы. Посрамленный Стефаномъ кудесникъ Пама. Первое построеніе въ пермской землѣ христіанскихъ храмовъ. Крещеніе новообращенныхъ зырянъ въ рѣкахъ Выми и Вычегдѣ. Защита ихъ отъ вражды соплеменниковъ, упорствующихъ въ езычествѣ, великимъ княземъ московскимъ Дмитріемъ, поддержавшимъ труды Стефана на дальнемъ сѣверѣ съ глубокой ему признательностью. Рукоположеніе его митрополитомъ Пименомъ въ пермскіе епископы. Основаніе епископомъ Стефаномъ училища при впервые, построенной имъ на мѣстѣ срубленной «прокудливой» березы, церкви во имя Михаила Архангела. Предоставленіе великимъ княземъ всей Усть-Вымской области въ полное его владѣніе. Радостная встрѣча Стефана жителями Великаго Устюга при его возвращеніи изъ Москвы. Борьба русскаго духовенства съ народнымъ пьянствомъ, грубостью нравовъ и сквернословіемъ. Разбои новгородскихъ ушкуйниковъ. Походъ великаго князя на Новгородъ и смиренныя мольбы новгородцевъ о ихъ помилованьи. Уплата ими Дмитрію 8000 р. за грабежи ушкуйниковъ. Размолвка Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ и новая договорная грамота между ними. Основаніе игуменомъ Сергіемъ новыхъ монастырей: Киржаческаго и Симоновскаго—въ Москвѣ. Ересь стригольниковъ. Епископъ и митрополитъ Діонисій. Благотворительныя пожертвованія русскихъ богатыхъ людей на обѣднѣвшую византійскую церковь. Замѣна кожанныхъ денегъ на Руси серебрянными. Изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльное оружіе въ русскомъ войскѣ. Качества Дмитрія Іоанновича какъ человѣка и великаго князя. Его ранняя смерть въ сорокалѣтнемъ возрастѣ.

Желая по возможности поддержать миръ и благоустройство внутри своего отечества, при тяжелыхъ условіяхъ его государственной жизни, Дмитрій не сталъ мстить князю тверскому за его враждебное къ

нему отношеніе и злонамѣренное бездѣйствіе для отраженія татаръ отъ московскихъ предѣловъ. Но зато новое вѣроломство Олега, вопреки мирному договору съ нимъ, великій князь не могъ оставить безъ наказанія. Пока Олегъ, по обыкновенію скрывался отъ мести его въ Литвѣ, онъ вторгся въ рязанскую землю и далъ тамъ волю своему гнѣву, подвергнувъ его владѣнія разграбленью, какъ непріятельскія: чтобы онъ, такимъ образомъ, цѣной предательства не избѣгнулъ зла, котораго опасался со стороны татаръ.

Возвратясь изъ Литвы въ Рязань, Олегъ два года молча готовился къ открытой войнѣ съ великимъ княземъ и въ 1385 г. вдругъ разграбилъ Коломну, явившись врасплохъ подъ ея стѣнами въ праздникъ Благовѣщенія 25 марта. Лучшіе люди и бояре Коломны были имъ взяты въ плѣнъ. Дмитрій тогда сейчасъ же послалъ противъ него многочисленную рать подъ начальствомъ Владиміра Андреевича; но москвичи проиграли сраженье съ Олегомъ и должны были отступить. Дмитрію ничего больше не оставалось какъ просить мира; но Олегъ требовалъ отъ него слишкомъ большихъ уступокъ, уже какъ побѣдитель и лишь при посредствѣ духовнаго воздѣйствія игумена Сергія, на неугомоннаго, самовластнаго рязанскаго князя, удалось его склонить къ новому мирному договору, пріемлемому для Дмитрія и названному: «Вѣчнымъ миромъ». Дѣйствительно, послѣ того не было больше войнъ не только между Дмитріемъ и Олегомъ, но и между потомками ихъ. Святой старецъ Сергій самъ ѣздилъ къ Олегу въ Переяславль-Залѣсскій, гдѣ убѣждалъ его прекратить братоубійственные раздоры съ Москвою именемъ православной вѣры и всей русской земли съ единокровнымъ его наро-

домъ, отъ края до края ея изнемогающимъ одинаково подъ ярмомъ татарскаго ига. Его тихія, кроткія рѣчи такъ тронули сердце Олега, что онъ смягчился душою и совершенно искренне на этотъ разъ помирился съ Дмитріемъ. А въ 1387 г. сынъ его женился на дочери Дмитрія: Софіи.

Годы великокняженія Дмитрія Іоанновича на всемъ своемъ протяженіи намъ даютъ во многихъ изъ выдающихся, главныхъ его событій, яркій примѣръ преобладающаго вліянія и высокаго нравственнаго значенія православной церкви, въ лицѣ единоличныхъ ея представителей и подвижниковъ,—на все теченіе русской жизни. Современникомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго былъ святой Стефанъ: просвѣтитель пермскій. Мы не можемъ пропустить здѣсь, хотя бы краткое обозрѣніе его самоотверженной дѣятельности въ дикихъ языческихъ дебряхъ далекаго сѣвера и не остановить вниманія нашего на его замѣчательной, воистину Божьемъ перстомъ отмѣченной отъ рожденія, личности. Онъ родился въ городѣ Устюгѣ (нынѣшней вологодской губ.) и былъ сынъ причетника одной устюжской церкви.

Кстати здѣсь скажемъ, что въ Устюгѣ, еще гораздо ранѣе: въ концѣ XIII столѣтія, жилъ уже другой угодникъ Божій и чудотворецъ: Прокопій; перешедшій въ православную вѣру изъ католичества, когда богатымъ чужеземнымъ купцомъ онъ пріѣхалъ для торга въ Великій Новгородъ. Его особенно привлекала къ себѣ скудная жизнь православныхъ иноковъ; ихъ трудолюбіе и милосердіе къ нищимъ; такъ что, онъ поселился сначала въ Хутынскомъ монастырѣ около Новгорода и первый принялъ,—какъ путь душевнаго спасенія, юродственное житіе. Тогда въ изорванной, ветхой одеждѣ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, онъ

удалился на сѣверо-востокъ въ мѣста малозаселенныя, еще покрытыя дремучими, глухими лѣсами. Тамъ онъ избралъ для пребыванія своего полузырянскій городъ: Великій Устюгъ. Любимымъ мѣстомъ отдыха его и молитвы былъ камень на берегу рѣки Сухоны: притока Сѣверной Двины. Онъ питался людскимъ подаяньемъ и спалъ какъ придется, часто на голой землѣ подъ открытымъ небомъ. Въ его душѣ ярко горѣла ревность къ исполненію святыхъ Божіихъ заповѣдей и христіанская любовь къ людямъ. Другомъ и собесѣдникомъ его былъ блаженный Кипріанъ: основатель Устюжской обители. Суровымъ воздержаньемъ отъ всякаго грѣха, и образомъ своей жизни онъ достигъ того небеснаго дара духовной прозорливости, которою отличались святые подвижники русской земли. Даръ этотъ подсказалъ ему, еще въ дѣтствѣ матери Св. Стефана, какого сына ей суждено имѣть для прославленія Христовой вѣры въ странѣ язычниковъ и обращенія ихъ темныхъ душъ къ источнику ея вѣчнаго свѣта. Однажды въ праздничный день при большомъ стеченіи народа въ городѣ, онъ до земли поклонился трехлѣтней дѣвочкѣ со словами.—«Вотъ идетъ мать великаго Стефана: епископа и учителя пермскаго». Всѣ тогда присутствовавшіе при этомъ удивились, спрашивая другъ друга:—«Можетъ ли быть епископъ въ Перми?» По сохранившемуся преданію, онъ однажды своейусердной молитвой отвелъ отъ Устюга, ужасную грозовую тучу, въ себѣ будто бы несшую вмѣстѣ съ градомъ раскаленные камни и разразившуюся по милости Божьей, испрошенной Св. Прокопіемъ, въ 20 верстахъ за чертою города. Онъ скончался у вратъ обители Архистратига Михаила въ 1285 г. и надъ его могилою былъ положенъ тотъ

21) Картина: Молитва св. Прокопія пермскаго.

самый камень съ Сухоны, на которомъ онъ любилъ сидѣть, молясь о плавающихъ на ея водахъ.

Стефанъ, какъ только былъ отданъ для обученія грамотѣ; безъ постороннихъ внушеній, по тайному влеченію сердца, прилежно сталъ изучать зырянскій языкъ; въ свободное же время любилъ бродить по высокому, лѣсистому берегу рѣки Юга, гдѣ онъ охотно присутствовалъ при торгѣ, происходившемъ здѣсь между зырянами, пермяками и русскими, разсматривая съ удивленьемъ одежды изъ звѣриныхъ шкуръ и легкія санки, въ которыхъ дикіе инородцы сюда съѣзжались на быстроногихъ оленяхъ, съ собой привозя собольи, лисьи, куньи и другіе мѣха.

22) Картина: Торгъ русскихъ купцовъ съ зырянами.

Отецъ на разпросы мальчика пояснялъ ему, что эти мѣстные жители русскихъ людей въ свои дремучіе лѣса не пускаютъ; не позволяютъ имъ тамъ поселяться. Что служители идоловъ ихъ очень злы, и навѣрно бы предали мучительной смерти каждаго, кто бы осмѣлился проповѣдывать среди нихъ слово Божіе.

Услышавъ о томъ Стефанъ сталъ еще внимательнѣе приглядываться къ обитателямъ непроходимыхъ окрестныхъ лѣсовъ и прислушиваться къ ихъ говору. Скоро онъ началъ не только хорошо понимать ихъ языкъ, но самъ научился бойко на немъ изъясняться; такъ что пріѣзжавшіе въ Устюгъ пермяки и зыряне дивились правильности постановки и произношенія имъ, трудныхъ для чужестранца словъ ихъ родного нарѣчія. Отрокъ Стефанъ вообще далеко превосходилъ въ ученіи своихъ сверстниковъ: и отличной памятью и пониманіемъ священныхъ книгъ. Онъ рано созналъ, что жизнь человѣка немного прочнѣе жизни полевого цвѣтка, исходящаго изъ земли подъ лучами весенняго солнца и подъ дѣй-

ствіемъ тѣхъ же лучей увядающаго втеченіи лѣта. Онъ рѣшился принять монашескій чинъ, въ богатой книжной премудростью, ростовской обители имени Св. Григорія Богослова. Здѣсь онъ проводилъ время въ постѣ и молитвѣ, воспитывая себя въ терпѣніи, кротости и любви къ ближнему; а также еще научился греческому языку.

Въ тишинѣ этой обители Стефанъ возымѣлъ по внушенію свыше, благую мысль: стать просвѣтителемъ зырянъ, коснѣвшихъ въ грубомъ язычествѣ. Еще усовершенствовавъ знаніе языка ихъ, онъ изобрѣлъ зырянскую азбуку и мало-по-малу сталъ переводить на зырянскій языкъ богослужебныя книги, въ надеждѣ на будущее обращенье язычниковъ.

Подготовившись такимъ образомъ къ своей задачѣ, Стефанъ явился въ Москву, чтобы просить на нее благословенья митрополита. Но Алексій скорбѣвшій о томъ, что пермскій край заселенъ людьми не знающими Евангельскаго ученія; въ то время уже скончался, какъ мы знаемъ, оставивъ надолго московскій митропольничій столъ безъ замѣстителя. Епископъ коломенскій—Герасимъ, съ разрѣшенія великокняжескаго духовника, уже извѣстнаго намъ архимандрита Михаила, рукоположилъ его въ санъ іеромонаха и благословилъ идти проповѣдывать въ пермскій край слово Христово.—«Облекись по Апостолу, во всеоружіе Божіе», сказалъ онъ ему—«прими щитъ вѣры и мечъ духовный; не таи свѣтильника подъ спудомъ; да свѣтитъ всѣмъ во тьмѣ языческой». Великій князь Дмитрій Іоанновичъ далъ Стефану охранныя грамоты. Въ нихъ и въ священныхъ предметахъ, необходимыхъ для созданія храмовъ, состояла вся помощь смѣлому проповѣднику отъ мірской и епископской власти. Послѣ того Стефанъ направилъ свой

путь къ дикой странѣ испещренной великими рѣками и почти сплошь покрытой густымъ, едва проходимымъ лѣсомъ. Изъ Устюга онъ спустился по Сѣверной Двинѣ до впаденія въ нее рѣчки Вычегды, гдѣ начинались поселенья зырянъ, поклонявшихся самодѣльнымъ, истуканообразнымъ идоламъ и вѣрившимъ въ разныя бѣсовскія волхованія. Мѣстные инородцы, вообще, враждебно смотрѣли на все, что приходило къ нимъ изъ Москвы, такъ какъ ихъ дань умножилась съ ея владычествомъ, а кромѣ того они были закоснѣлые, ревностные язычники, боготворившіе камни, огонь, деревья и многихъ животныхъ; старавшіеся умилостивить злыхъ духовъ, владѣвшихъ, по ихъ понятіямъ, явленіями природы. Однако у нихъ сохранилось смутное представленіе о Великомъ Единомъ Духѣ, недоступномъ для пониманія человѣка и для передачи мысли о немъ, вещественнымъ изображеніемъ. Онъ назывался Экъ—и Стефанъ на основаніи такого слабаго проблеска истины, въ нихъ заглушеннаго грубымъ служеніемъ остальнымъ духамъ, началъ проповѣдь свою о христіанскомъ Богѣ и Святой Троицѣ. При устьѣ Вычегды находилось зырянское селенье: Котласъ, верстахъ въ 60 отъ Устюга. Здѣсь вмѣстѣ съ проповѣдью Стефана началось и гоненіе на него со стороны волхвовъ, естественно не желавшихъ терять: ни своего вліянія на невѣжественный народъ, ни щедрыхъ даровъ, приносимыхъ усердными въ своей вѣрѣ, язычниками, мнимымъ богамъ ея, а также и ихъ служителямъ за прорицанія и совѣты. Неоднократно зыряне покушались на жизнь смѣлаго христіанскаго проповѣдника: однажды хотѣли сжечь его, обложивъ соломою; въ другой разъ, увидѣвъ его отдыхавшимъ возлѣ дороги, съ яростнымъ воплемъ стали пускать въ него стрѣлы. Но, твердый духомъ, неустрашимый

подвижникъ, кротко увѣщевая ихъ, спасался отъ дикой злобы, олною жаркой молитвой и обращеніемъ къ милости Божіей. Самые свирѣпые и убѣжденные изъ язычниковъ сосредоточивались въ многолюдномъ селеніи Гама. Достигнувъ его, Стефанъ подвергнулся самой большой опасности, рѣшившись въ дремучемъ лѣсу поджечь языческую кумирню съ идолами. Жители Гамы, замѣтивъ дымъ и узнавъ въ чемъ дѣло, совсѣмъ озвѣрѣли отъ гнѣва противъ невѣдомаго пришельца и окружили его съ неистовымъ воплемъ, занося надъ его головой дреколья и обоюдоострые топоры. Но онъ продолжалъ свою проповѣдь, стоя среди нихъ съ руками поднятыми молитвенно къ небу; устремивъ скорбно взоръ свой въ безпредѣльную высь—и молилъ Бога объ ихъ обращеніи къ истинамъ христіанства. Одушевленная рѣчь и спокойствіе просвѣтителя передъ лицомъ лютой смерти, обезоружили на него нападавшихъ туземцевъ, тѣмъ болѣе, что у зырянъ существовалъ обычай не причинять странникамъ зла, прежде чѣмъ они сами положатъ начало бою. Невозмутимость Стефана ихъ приводила въ недоумѣніе, а также безмолвіе и безсиліе божественныхъ истукановъ себя защитить отъ дерзкаго чужестранца, смущали суевѣрныхъ жителей Гамы. Они раздѣлились въ своемъ отношеніи къ проповѣди Стефана. Нѣкоторые были уже готовы ея воспринять душою, другіе же пребывали въ ожесточеніи.

Изъ Гамы Стефанъ перешелъ въ самую средину зырянскаго края, древней Біарміи: къ устью рѣки Выми, гдѣ находилось мѣстечко Усть-Вымь и гдѣ жили знатнѣйшіе изъ зырянъ. Здѣсь христіанская проповѣдь, послѣ долгихъ усилій со стороны Стефана преодолѣть грубые предразсудки мѣстнаго населенія и смягчить разнузданныя въ немъ страсти, не

была тщетной. Ему удалось построить небольшой храмъ въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и совершить тамъ богослуженіе на зырянскомъ нарѣчіи. Чтобы еще укрѣпить новообращенныхъ, въ только что имъ внушенныхъ христіанскихъ завѣтахъ и обличить передъ ними явную ложь прежнихъ ихъ заблужденій, Стефанъ началъ проповѣдывать Евангельское ученіе, у расположеннаго вблизи его хижины, капища идоловъ, подъ его священною для туземцевъ, широколиственною березой, называвшеюся «прокудливою» березой. Почитая ея, зыряне ей приносили какъ божеству, дорогія шкуры пушныхъ звѣрей и съ таинственными обрядами вопрошали ее о будущей своей судьбѣ. Ревностные язычники, при видѣ такого явнаго поношенія вѣрованій ихъ предковъ и, не желая, чтобы они пошатнулись въ умахъ собратій подъ вліяніемъ смѣлыхъ словъ русскаго проповѣдника, спѣшно созвали съ разныхъ сторонъ дикихъ туземцевъ на защиту боговъ и тѣ, вооружившись, приплыли на лодкахъ къ Устью Выми въ количествѣ тысячи человѣкъ. Но Божій угодникъ противупоставилъ стрѣламъ враговъ небесное воинство.

23) Картина: Нападеніе зырянъ язычниковъ на Стефана у срубленной имъ священной березы.

Преданіе повѣствуетъ, что нападавшіе на него пермяки, четыре раза были поражаемы слѣпотою и потомъ исцѣляясь, становились послушны апостолу. Стефанъ подрубилъ прокудливую березу; и когда она на глазахъ народа съ грохотомъ рухнула, вершиной своей касаясь воды, близъ протекавшей Выми, приказалъ расщепить ее на мелкія части; разрушить кумирницу и сжечь всѣхъ идоловъ ея на разведенномъ кострѣ. Подъ густымъ чернымъ облакомъ дыма вспыхнула съ трескомъ, потерявъ всю свою святость и все вѣковое значеніе свое, прокудливая береза. По приказанію Стефана язычники сами бросали въ пламя

свои падшіе идолы; а поднявшаяся гроза довершила дѣло ихъ сокрушенія, развѣявъ и самую золу. Языческіе кудесники оказались безсильны передъ воздѣйствіемъ проповѣди Стефана. Преданіе до сихъ поръ указываетъ мѣсто, гдѣ высилась прокудливая береза, надъ амвономъ, еще сохранившейся церкви, Стефаномъ построенной во имя Михаила Архангела. При этомъ храмѣ потомъ основалась обитель и каѳедра епископовъ пермскихъ, первымъ изъ коихъ былъ самъ Стефанъ, посвященный въ высокій санъ этотъ съ одобренія великаго князя Дмитрія митрополитомъ Пименомъ, вскорѣ послѣ сраженія на Куликовомъ полѣ въ 1383 г. Стефанъ построилъ при этомъ храмѣ, какъ впослѣдствіи и при другихъ церквахъ, училище, гдѣ самъ былъ первымъ наставникомъ. Онъ постарался украсить его священной утварью, имъ привезенной и кромѣ того еще добытой изъ Великаго Устюга. Зырянъ поражало непобѣдимое долготерпѣніе просвѣтителя пермскаго и спокойное его отношеніе ко всѣмъ причиняемымъ ему непріятностямъ. Впервые имъ приходилось видѣть, чтобы за обиды и зло платилось прощеніемъ и любовью. Мало-по-малу они начали сами приходить къ чудному учителю своему, убѣдившись, что тщетны всякія волхвованія противъ него направленныя и просили крестить ихъ,—сначала ему принося тѣ же дары мѣхами дикихъ звѣрей, какіе раньше отдавались ими волхвамъ, или вѣшались на священныхъ березахъ. Однако пермскій просвѣтитель всегда отклонялъ ихъ подарки, чѣмъ приводилъ зырянъ, привыкшихъ къ корысти своихъ волхвовъ, въ полное недоумѣніе. Одинъ ходилъ онъ безъ страха по дремучимъ лѣсамъ и пустыннымъ полямъ, вездѣ сокрушая идоловъ и сжигая щедрыя приношенія имъ язычниковъ. Благодаря такому твердому упованію сво-

ему на помощь Божію, кротости и нестяжательности, Стефанъ началъ пользоваться въ Перми любовью наиболѣе воспріимчивыхъ къ христіанскому вѣроученію, почему онъ скоро воздвигъ на Усть-Выми еще храмъ—Святителю Николаю.

Однако обыкновенно бываетъ, что именно тамъ, гдѣ успѣшно прививается добродѣтель, съ особенной силой даетъ себя знать и злоба недоброжелателей. Вожаки язычества старались за собой удержать всѣми силами свои древнія права и выгоды. Среди нихъ, старѣйшимъ и наиболѣе уважаемымъ пермяками, былъ нѣкій Пама, жрецъ многихъ божествъ языческихъ, слывшій въ народѣ за могучаго чародѣя, управлявшаго чуть ли не всею землею своими чарами. Онъ-то и выступилъ на борьбу со св. Стефаномъ, всячески отвращая своихъ почитателей отъ обращенія въ христіанство,—гдѣ словомъ грознаго увѣщанія, гдѣ заманчивой ложью и хитрой лестью: «Какъ вы можете слушать пришедшаго изъ Москвы, вопреки наставленіямъ единоплеменнаго вамъ старшаго отца вашего и учителя!» восклицалъ онъ,—«не Москва ли творитъ въ нашемъ краѣ возмутительныя насилія и на насъ налагаетъ тяжкія дани? Не оттуда ли посылаютъ къ намъ жадныхъ тіуновъ? Не слушайтесь самонадѣяннаго пришельца, а укрѣпляйтесь въ моемъ ученіи, если хотите остаться свободными и способными побѣждать враговъ. Я принесу жертвы богамъ моимъ и сотру его съ лица земли пермской, чтобы тогда вернуть всѣхъ васъ къ вѣрѣ отцовъ вашихъ». Но уже многіе изъ крестившихся пермяковъ возражали кудеснику, указывая на силу Евангельскаго слова, рядомъ съ паденіемъ ничтожныхъ идоловъ. Самъ Стефанъ не убоялся вступить въ споръ съ Памою при многочисленномъ стеченіи народа и

безбоязненно обличалъ глупость идольскаго служенія, ведущаго людскую душу въ темную бездну грѣха и въ сѣти діавола. Пама ему отвѣчалъ угрозами и гнѣвными укоризнами, восхваляя тайную мощь своихъ воображаемыхъ, теперь Стефаномъ, поруганныхъ боговъ. Такъ до поздняго вечера онъ упорно оспаривалъ кроткіе доводы русскаго проповѣдника и разъясненія передъ нимъ главныхъ основъ новой вѣры, изъ Москвы занесенной, ревнивымъ его благочестіемъ, въ пермскій край.

Наконецъ въ злобномъ, своемъ упорствѣ Пама, коварно предложилъ Стефану, въ доказательство всемогущества проповѣдуемаго имъ Бога, пройти невредимымъ сквозь пламя костра.—«Хоть я не повелѣваю стихіями, но великъ христіанскій Богъ. И если ты захотѣлъ такого, превосходящаго мое смиреніе испытанія, то я на него рѣшаюсь въ надеждѣ на помощь Божію» сказалъ Стефанъ. Затѣмъ онъ велѣлъ народу разложить яркій костеръ изъ сухихъ сучьевъ и, съ молитвой позвалъ за собою взойти на него языческаго волхва. Пама, думавшій испугать проповѣдника видомъ пылающаго костра, оцѣпенѣлъ отъ ужаса передъ необходимостью раздѣлить съ нимъ страшное испытаніе. Сраженный кликами, вокругъ нихъ столпившагося, вопрошающаго народа:—«Почему не идешь ты въ пламя?» Пама сталъ умолять Стефана отказаться отъ испытанія, имъ самимъ неосторожно предложеннаго; но все же старался страхъ свой въ глазахъ язычниковъ оправдать тѣмъ, что онъ не знаетъ, единственно, этого, волшебства; не можетъ чары свои распространить надъ огнемъ и водою, тогда какъ Стефанъ, вопреки его ожиданію, очевидно этому съ юныхъ лѣтъ научился, еще на родинѣ. Стефанъ призвалъ весь народъ въ свидѣтели лжи и безсилія Памы. Раздались голоса:—«Предать

24) Картина: Споръ языческаго мудреца Памы съ проповѣдующимъ христіанство Стефаномъ и его посрамленіе предъ народомъ.

злого обманщика смерти!» Однако Стефанъ удовольствовался тѣмъ, что взялъ съ кудесника клятву о прекращеніи имъ своего лжеученія въ предѣлахъ Вымской страны—и тогда отпустилъ его съ миромъ. Пама ушелъ со своими сторонниками на берега рѣки Оби, гдѣ основалъ среди Березовскихъ остяковъ, селенье Алтымъ.

Этотъ случай способствовалъ скорѣйшему обращенію въ христіанство всего зырянскаго края, гдѣ населеніе, услыхавъ о побѣдѣ Стефана надъ Памой и убѣдившись въ преимуществѣ вѣры, имъ проповѣдуемой, стало къ нему стекаться со всѣхъ сторонъ для назиданія, и чтобы увидѣть, какъ думали язычники, по своей привычкѣ къ деревяннымъ кумирамъ,—христіанскаго бога. Рѣки Вымь и Вычегда послужили купелью для многихъ тысячъ зырянъ, какъ нѣкогда Днѣпръ и Почайна для русскихъ въ Кіевѣ. Вновь обращенные христіане стремились выразить искренность своей вѣры дарами для построенія Стефаномъ храма св. Николая на Вышерѣ.

Такъ исполнилось предсказаніе св. Прокопія и жители Устюга, помня о немъ, присоединяли свои пожертвованія на храмъ къ даяніямъ пермяковъ. Упорные въ своемъ язычествѣ дикари, изъ тѣхъ отдаленныхъ мѣстъ земли пермской, куда еще не проникъ свѣтъ христіанства, дѣлали нападенія на христіанскіе дома и поселки своихъ сородичей, въ союзѣ съ вогуличами и остяками; но этимъ враждебнымъ силамъ Стефанъ противупоставлялъ защиту народа, имъ обращеннаго ко Христу, — со стороны великаго князя московскаго. Дмитрій Іоанновичъ отнесся къ дѣятельности его въ Перми съ глубокой признательностью и уваженіемъ. Когда онъ былъ рукоположенъ Пименомъ въ санъ пермскаго епископа, то получилъ отъ великаго князя всю Усть-Вымскую область съ правомъ безпошлинной

*

торговли въ ней для туземцевъ; и особыя преимущества въ дѣлахъ управленія имъ своей епархіей. Съ тѣхъ поръ Усть-Вымь сталъ именоваться въ грамотахъ «Владычнымъ городомъ» и собирать дань съ промышленниковъ, пріѣзжавшихъ въ Пермскую землю, предоставлено было ея епископу съ братіей. По возвращеніи своемъ въ Великій Устюгъ, Стефанъ былъ душевно утѣшенъ радостной встрѣчей его всѣми окрестными жителями, оставившими свои ежедневныя домашнія занятія и заботы, чтобы привѣтствовать его прибытіе, какъ епископа.

Мы уже знаемъ, что русское духовенство, еще въ лицѣ митрополита Кіевскаго Кирилла и имъ поставленнаго, епископомъ владимірскимъ, Серапіона, обратило вниманіе на порчу нравовъ въ русскомъ народѣ; особенно въ Новгородѣ и Псковѣ. Оно вооружилось противъ буйства, суевѣрія и сквернословія; противъ безсовѣстныхъ грабежей на пожарахъ; обличало отсутствіе правды и милости на судѣ. Въ 1357 г. новгородцы даже утвердили между собой крестнымъ цѣлованіемъ:—«чтобы игранія бѣсовскаго не любить и бочекъ не бить». Однако на дѣлѣ пьянство и смертоубійственные бои продолжались. Какъ проявленіе того же самоуправства и ложно направленной удали, разростались разбои въ предѣлахъ русской земли новгородской вольницы, издревле извѣстной подъ названіемъ ушкуйниковъ, такъ какъ, плавая на своихъ ладьяхъ-ушкуяхъ по Волгѣ и Камѣ, они грабили прибережныя волости, иногда нападая на значительные города. Втеченіи десяти лѣтъ, оставляемые въ покоѣ сосѣдями, новгородцы, точно соскучились мирной торговлею въ тишинѣ и съ 1371 г. совершили цѣлый рядъ самыхъ дерзкихъ захватовъ, не обращая вниманія на угрозы московскаго великаго князя. Занятый

болѣе важными дѣлами своей борьбы съ Тверью, Литвой, татарами и Рязанью, Дмитрій Іоанновичъ вынужденъ былъ долгое время оставлять безнаказными новгородскіе разбои. Еще подъ 1364 г. новгородская лѣтопись повѣствуетъ, что пришли съ Югры дѣти боярскіе и молодые люди; воевали они съ воеводами своими, по рѣкѣ Оби: отъ ея верховьевъ до моря; а въ 1366 г. пошли опять походомъ на Волгу—«безъ новгородскаго слова». Подъ 1371 г. мы читаемъ, что они завоевали уже Ярославъ и Кострому, вторично разбивъ въ 1376 г. пятитысячную рать костромского воеводы—Плещеева, при помощи хорошо скрытой засады; послѣ чего, забравъ тамъ большую добычу и множество плѣнныхъ жителей, поплыли къ Нижнему Новгороду. Взяли его и сожгли. Разбойничали на Камѣ. Продали плѣнныхъ русскихъ женъ и дѣвицъ масульманамъ въ Булгарахъ и, наконецъ, получили себѣ достойное возмездіе въ Астрахани, гдѣ князь бесерменскій: Сальгей ихъ взялъ въ плѣнъ обманомъ и приказалъ избить всѣхъ до послѣдняго.

Въ 1379 г. вятчане истребили такую же шайку новгородскихъ разбойниковъ близъ Казани. Въ 1385 г. Новгородъ въ лицѣ своего посадника, бояръ житныхъ и черныхъ людей всѣхъ пяти концовъ,—торжественно отложился на вѣчѣ отъ церковнаго суда московской митрополіи, присягнувъ, ни въ какихъ тяжбахъ, подсудныхъ церкви, не обращаться къ митрополиту; но вершить оныя самому архіепископу новгородскому по Номоканону и Кормчей книгѣ. Тогда Дмитрій Іоанновичъ, по заключеніи мира съ Олегомъ рязанскимъ, прибѣгнулъ къ оружію для вразумленія новгородцевъ, уже испытавъ безполезность дружелюбныхъ своихъ представленій и справедли-

ыхъ требованій. Онъ выступилъ изъ Москвы зимою подъ Рождество со всѣми подручными князьями и Владиміромъ Андреевичемъ; расположился станомъ въ 15 верстахъ отъ Новгорода и тамъ сжегъ нѣсколько селеній. Сюда явилось къ нему посольство отъ новгородцевъ во главѣ съ ихъ архіепископомъ: старцемъ Алексіемъ,—просить прощенія и мирнаго договора. Великій князь, раздраженный ихъ своеволіемъ и разбоями, сначала не хотѣлъ слышать о мирѣ. Но такъ какъ Новгородъ съ одной стороны хорошо вооружился и приготовился въ крайности къ отчаянной защитѣ, съ другой же—смиренно просилъ о милости,—то онъ не рѣшился довести гнѣвъ свой до сильнаго кровопролитія и согласился уйти обратно, если Новгородъ обѣщаетъ ему повиновеніе и ежегодную дань, извѣстную подъ названіемъ «Чернаго сбора»; теперь же въ казну внесетъ за свои грабежи 8000 рублей. Новгородцы, подписавъ это условіе, тотчасъ вынули изъ сокровишницы Софійскаго храма 3000 р., остальное рѣшивъ собрать съ жителей Заволочья, тоже участвовавшихъ въ разбояхъ новгородскихъ ушкуйниковъ.

Новгородомъ управлялъ въ то время литовскій князь Патрикій Наримонтовичъ, получившій себѣ во владѣніе, прежній удѣлъ отца его города: Орѣховъ, Кексгольмъ и половину Копорья; однако когда возмущеніе мѣстныхъ жителей сдѣлало въ Новгородѣ вопросъ объ этомъ удѣлѣ спорнымъ, такъ что тамъ дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія стороны Софійской съ Торговою, то безъ соизволенія Дмитрія Іоанновича рѣшено было предоставить князю Патрикію, вмѣсто упомянутыхъ земель, берегъ Наровы, Русу и Ладогу. Послѣ мирнаго договора съ Дмитріемъ, новгородцы, можетъ быть, исполняя волю его, отняли у Патрикія и эти волости; а

два года спустя ихъ отдали другому литовскому князю,—двоюродному его брату: Лугвенію Ольгердовичу, желая въ немъ имѣть для себя полководца на случай войны съ шведами или нѣмцами. Такимъ образомъ, удовлетворивъ московскаго великаго князя изъявленіемъ внѣшней своей покорности, новгородцы не могли обрѣсти внутренняго спокойствія, пока сохраняли за собой право избирать для себя чиновниковъ и рѣшать государственныя дѣла измѣнчивымъ приговоромъ вѣча.

Какъ ни искренія и не прочна была дружба между Дмитріемъ Іоанновичемъ и двоюроднымъ братомъ его Владиміромъ, но, тѣмъ не менѣе, великокняжеское старшинство надъ послѣднимъ, князя московскаго, все возрастало; Дмитрій въ своей грамотѣ, къ нему обращенной вслѣдствіи какого-то небольшаго спора, возникшаго между ними, себя называетъ уже «отцемъ его»,—тогда какъ его сынъ: Василій, именуется старшимъ братомъ Владиміра Андреевича. Владиміръ съ своей стороны въ примирительномъ договорѣ, послѣдовавшемъ за вышеупомянутымъ споромъ, обязуется держать великокняженіе честно и грозно; не только подъ Дмитріемъ, но и подъ сыномъ его; служить великому князю безъ ослушанія. Дмитрій же только подтверждаетъ за нимъ наслѣдственный его удѣлъ и треть московскихъ доходовъ. Въ 1374 г. Владиміръ Андреевичъ основалъ новый городъ: Серпуховъ, на мѣсто разрушеннаго татарами; а очень его любившій, игуменъ Сергій Радонежскій, въ двухъ верстахъ отъ этого города, на прекрасномъ мѣстѣ, заложилъ своими руками Высоцкій монастырь. Имъ же было дано начало еще обители Благовѣщенской, на рѣчкѣ Киржачѣ, куда онъ удалился однажды, избѣгая надменнаго соревнованія съ нимъ старшаго

его брата—Стефана, не отличавшагося, въ противоположность Сергію, христіанскимъ смиреніемъ. Мы знаемъ, что этотъ братъ, съ которымъ юный Варѳоломей удалился, похоронивъ родителей въ лѣсное уединеніе, былъ потомъ въ Москвѣ духовникомъ великаго князя Симеона Гордаго, а затѣмъ тамъ же получилъ назначеніе игуменомъ Богоявленскаго монастыря. Вернувшись въ Троицкую обитель, онъ какъ-то сталъ попрекать въ церкви монаха за его безпрекословное повиновеніе Сергію, напоминая, что и онъ тоже основатель обители. Сергій, тѣмъ временемъ находившійся въ алтарѣ, слышалъ запальчивыя слова Стефана и, не говоря никому ни слова, ушелъ послѣ вечерни. Братья Троицкаго монастыря лишь съ большимъ трудомъ, при посредствѣ митрополита Алексія, упросила его возвратиться. Тогда Киржаческій, вновь основанный монастырь, Сергій поручилъ одному изъ своихъ учениковъ. Въ самой Москвѣ, онъ положилъ основаніе Симонову монастырю, гдѣ игуменомъ сталъ племянникъ его, отличавшійся умомъ и знаніями: сынъ Стефана—Ѳедоръ, получившій отъ Царьградскаго патріарха Нила, санъ архимандрита.

Церковныя дѣла, какъ мы это видѣли, служили источникомъ не меньшихъ заботъ и огорченій для великаго князя, чѣмъ дѣла государственныя. Ему пришлось простить Пимена, только въ силу необходимости: изъ-за недостойнаго поведенія Кипріана во время осады Москвы Тахтамышемъ; но онъ естественно не питалъ къ нему ни любви, ни уваженія; тогда какъ епископъ суздальскій—Діонисій: извѣстный намъ противникъ Митяя, вернувшись теперь изъ Царьграда въ санѣ архіепископа нижегородскаго и Городецкаго, съумѣлъ пріобрѣсти душевное расположеніе великаго

князя. Онъ основалъ подъ Нижнимъ Новгородомъ Печерскій монастырь, на подобіе Кіевскаго; но главнымъ образомъ заслужилъ доброе мнѣніе о себѣ Дмитрія, своею успѣшной борьбою, по порученію патріарха Нила, съ открывшейся въ Новгородѣ и Псковѣ ересью, такъ называемыхъ «стригольниковъ». Она распространилась отъ нѣкоего псковскаго дьякона Карпа, занимавшагося стрижкой, не то сукна, не то волосъ. Основаніемъ для этой ереси, т. е. осужденія установившихся церковныхъ правилъ и положеній, послужила мзда за посвященіе въ духовный санъ, порицавшаяся еще на Владимірскомъ соборѣ въ 1274 г., такъ какъ изъ-за нея въ священники попадали, неоднократно, лица очень сомнительной нравственности. Но сторонники, прогнаннаго со службы дьякона Карпа, перешли въ крайность. Они по этому поводу начали отрицать значеніе всѣхъ высшихъ церковныхъ властей, какъ тоже на мздѣ поставленныхъ; не признавали таинствъ и возражали противъ необходимости исполненія церковныхъ требъ. Въ своихъ религіозныхъ умствованіяхъ, стригольники не останавливались передъ рѣшительнымъ отрицаніемъ будущей жизни.

Эта новаясмута первоначально явилась въ Псковѣ на почвѣ неустройствъ мѣстной церкви, лишенной непосредственнаго надзора епископа, пріѣзжавшаго во Псковъ изъ Новгорода, почти исключительно, ради денежныхъ сборовъ. Міряне часто здѣсь вмѣшивались въ церковныя дѣла и могли потому видѣть ближе, чѣмъ въ дрýгихъ городахъ, какъ иногда церковнослужители роняли церковный санъ свой. Усердной проповѣдью съ поясненіемъ разницы, между законной властью и лихоимствомъ, Діонисію удалось водворить спокойствіе въ нѣдрахъ церкви новгородско-псковской епархіи и Дмитрій Іоанновичъ пожелалъ видѣть его,

въ силу этой немаловажной заслуги на мѣстѣ Пимесна Патріархъ Нилъ въ Царьградѣ исполнилъ волю московскаго великаго князя, но кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ задержалъ новаго митрополита на возвратномъ его пути изъ Греціи въ Москву объявивъ, что Кипріанъ есть настоящій глава всей Россійской церкви. Діонисій скоро скончался подъ стражей въ Кіевѣ. Тогда начался судъ въ Константинополѣ между Пименомъ и Кипріаномъ.

Во время великокняженія Дмитрія Византія, уже утѣсняемая съ востока османскими турками и недоброжелательствомъ Рима, съ запада, находилась въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ единовѣрной Москвой и, зная религіозную ревность русскихъ людей въ почитаніи Іерусалимскихъ святынь, посылала неоднократно своихъ духовныхъ сановниковъ для сбора тамъ милостыни на поддержаніе православія въ Палестинѣ. Но деньги эти употреблялись ею болѣе на мірскія, нежели на церковныя нужды. Архимандритъ Іерусалимскій—Нифонтъ, достигъ патріаршества благодаря русскому золоту. Въ Царьградскомъ монастырѣ Іоанна Предтечи всегда жило множество русскихъ купцовъ.

Хотя въ мирномъ условіи, между Дмитріемъ Іоанновичемъ и княземъ тверскимъ, упоминается о «рѣзаняхъ» и «кунахъ», но къ этому времени русскіе уже оставляютъ употребленіе кунъ, какъ выраженіе единицъ вещественной цѣнности, замѣняя ихъ мелкою серебрянною монетой на образецъ татарскихъ денегъ: «гривнами», или имъ равнозначащими, «рублями». Древнѣйшія изъ серебрянныхъ русскихъ монетъ, до насъ дошедшихъ, биты въ княженіе Дмитрія Донского: вѣсомъ въ $^1/_4$ золотника, съ изображеніемъ всадника. Появленіе такой монеты, конечно, еще

не вытѣснило сразу изъ обращенія мѣховъ, которые принимались въ уплату рядомъ съ гривнами и рублями. По свидѣтельству современниковъ, въ Ливоніи и на Руси, ходили бѣличьи ушки съ серебрянными, проколотыми въ нихъ гвоздиками,—называвшіяся «ногатами. Возможно, что это явленіе произошло отъ обычая нашихъ предковъ, ради сохранности, укрѣплять мелкую серебрянную монету въ лоскуткахъ звѣриныхъ шкурокъ, причемъ мордки и уши, негодныя сами по себѣ какъ мѣхъ, были надежны для укрѣпленія на нихъ монетъ. Такой же видъ имѣли древнѣйшіе денежные знаки въ Европѣ. Германскій императоръ Фридрихъ II пустилъ въ обращеніе лоскутки кожи, съ изображеніемъ государя на одной сторонѣ и небольшимъ серебряннымъ гвоздикомъ на другой. Татары имѣли деньги тоже по ихъ древнему, китайскому образцу: древесной корой и кусками кожи, съ ханскимъ клеймомъ.

Благодѣтельствуя въ Москвѣ единовѣрнымъ грекамъ, Дмитрій Іоанновичъ привлекалъ въ свою землю и другихъ иностранцевъ. Онъ укрѣпилъ своей грамотой за генуэзцемъ Андреемъ Фрязинымъ, распоряженіе всею областью по рѣкѣ Печорѣ. Какъ глава новгородцевъ, онъ очевидно считалъ себя вправѣ давать намѣстника печорянамъ: данникамъ новгородцевъ. Азовскіе и таврическіе генуэзцы служили посредниками въ торговлѣ между Италіей и нашимъ сѣверомъ.

Великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской умеръ въ 1389 г. и этотъ послѣдній годъ его княженія отмѣчается началомъ огнестрѣльнаго оружія на Руси. Изобрѣтеніе пороха францисканскимъ монахомъ: Бартольдомъ Шварцемъ, стало извѣстно въ XIV столѣтіи венеціанамъ, во время ихъ войны съ генуэзцами въ 1338 г. Судя по извѣстіямъ восточныхъ истори-

ковъ XIII-го столѣтія, аравитяне еще гораздо раньше употребляли порохъ и владѣтель испанскій Измаилъ Бенъ-Ассеръ имѣлъ у себя огнестрѣльный снарядъ уже въ 1312 г. А въ 1185 г. половецкій ханъ Кончакъ—возилъ съ собой какого-то турка, «стрѣлявшаго живымъ огнемъ»,—по выраженію нашей лѣтописи. Ученый англійскій монахъ Робертъ Бэконъ за умѣніе составлять порохъ, еще въ XII вѣкѣ, подвергся тюремному заключенію, какъ колдунъ и еретикъ. Русскіе вовсе не были знакомы съ порохомъ до 1389 г., когда къ намъ впервые вывезли изъ земли нѣмецкой—«огненную стрѣльбу». Пушки, упоминаемыя въ Москвѣ, во время осады ея Тахтамышемъ, изъ себя представляли ничто иное, какъ огромные самострѣлы, или «махины», выбрасывавшія камни на осаждающихъ. Въ Москвѣ стали дѣлать порохъ только при сынѣ Дмитрія Донскаго—Василіи.

Не смотря на крѣпкое тѣлосложеніе Дмитрія и на красивую, маложавую его наружность, ему едва исполнилось 40 лѣтъ, когда ранняя смерть постигла его послѣ внезапной тяжкой болѣзни. Онъ поручилъ попеченію своихъ бояръ семнадцатилѣтняго Василія Дмитріевича, благословивъ его великокняженьемъ московскимъ—и былъ погребенъ въ церкви Архангела Михаила, причемъ за отсутствіемъ митрополита, обрядъ похоронъ его совершилъ святой молитвенникъ за судьбу русской земли и духовный ея покровитель: Игуменъ Сергій.

Великій князь Дмитрій Донской, принужденный послѣ смерти отца, еще ребенкомъ, вступить въ упорную борьбу съ соперниками Москвы и многими ея врагами,—своей горячей любовью къ отечеству, неутомимой, смѣлой воинской дѣятельностью, ради ея свободы и славы; а также набожнымъ, справедли-

вымъ и добрымъ нравомъ своимъ, достойно заслужилъ, благодарную до сихъ поръ, память о себѣ въ русскомъ народѣ, вмѣстѣ съ любовью поданныхъ. Его умъ и природныя дарованія развились подъ непосредственнымъ вліяніемъ обстоятельствъ, такъ какъ, воспитанный жизнью среди шума битвъ и постоянныхъ опасностей, онъ не успѣлъ получить книжныхъ знаній, но управлялъ примѣромъ самоотверженья; великодушія въ побѣдахъ и смиренія въ счастьѣ.

Не смотря на свое благочестіе, Дмитрій не захотѣлъ умирать инокомъ, считая, что нѣсколько часовъ монашества передъ кончиною, не могутъ спасти его души; и что государю болѣе подобаетъ умереть не въ келіи, а на престолѣ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глава V.

Захватъ княземъ Скиргайло силой оружія города Полоцка и плѣненіе имъ Андрея Ольгердовича. Неудачная попытка князя смоленскаго—Святослава, отомстить Скиргайло за убитаго въ сраженьи подъ Полоцкомъ, сына и своего друга—Андрея. Его смерть и плѣнъ его брата Глѣба. Вокняженіе въ Смоленскѣ Юрія Святославича, какъ данника Литвы. Бѣгство Василія Дмитріевича изъ татарскаго плѣна черезъ владѣнія Витовта и его обрученіе съ литовской княжной Софьей Витовтовной. Сопротивленіе въ Польшѣ королевы Ядвиги выдачѣ ея замужъ за литовскаго великаго князя Ягелло. Пріѣздъ Вильгельма австрійскаго. Его свиданіе съ Ядвигой въ Краковѣ. Насиліе польскихъ магнатовъ, при вмѣшательствѣ духовенства, въ увѣщаніе королевы, согласиться на бракъ съ Ягелло. Его наружность и нравъ. Бракосочетаніе съ нимъ Ядвиги. Обращеніе Литвы въ христіанство по католическому обряду и дарованіе литовскимъ вельможамъ правъ польскаго дворянства. Неудовольствіе нѣмецкаго Ордена. Столкновеніе православной русской гражданственности въ Литвѣ съ латинско-польскою. Убійство въ Венгріи королевы Елизаветы и бракъ сестры Ядвиги—Маріи съ маргарафомъ бранденбургскимъ. Возвращеніе Ядвигой Польшѣ—Галиціи и ея торжественный въѣздъ въ галицкую столицу. Удѣльные князья литовской земли. Обида и требованія Витовта.

Его неудачная попытка овладѣть Вильною и возобновленіе союза съ Орденомъ. Осада Вильны. Отъѣздъ Софьи Витовтовны къ жениху въ Москву. Конрадъ Валерондъ. «Обычай почетнаго стола» и вторичный походъ въ Литву нѣмецкихъ рыцарей. Мирные переговоры Ягелло съ Витовтомъ. Витовтъ опять измѣняетъ Ордену, чтобъ стать Великимъ княземъ литовскимъ на правахъ государя, независимаго отъ Польши. Его борьба въ Литвѣ съ братьями Ягелло, недовольными его возвышеніемъ. Убійство, изъ мести Витовту, рыцарями, его заложниковъ въ Орденѣ: двухъ малолѣтнихъ сыновей и брата. Бракъ великаго князя московскаго Василія Дмитріевича съ дочерью Витовта и его поѣздка въ орду на поклонъ къ Тахтамышу. Разореніе вятской земли татарскимъ царевичемъ Беркутомъ. Присоединеніе Василіемъ Дмитріевичемъ къ московскимъ владѣніямъ нижегородской области. Возмущеніе противъ главенства московской церкви и разбой новгородцевъ. Быстрое усмиреніе ихъ Василіемъ. Великій азіатскій завоеватель ханъ Тамерланъ.—Владыка Міра. Зависть его могуществу со стороны неблагодарнаго Тахтамыша. Двоекратная побѣда надъ нимъ несокрушимыхъ войскъ Тамерлана. Угроза нашествія ихъ на Русь во время преслѣдованія, бѣжавшаго Тахтамыша. Доблестная рѣшимость Василія отразить татаръ и перенесеніе изъ Владиміра въ московскій Успенскій соборъ чудотворной иконы Вышгородской Божьей Матери. Новый ханъ Сарайской орды: Кирійчакъ-Агленъ: ставленникъ Тамерлана. Окончательное покореніе Витовтомъ Литвѣ, Смоленска, въ отсутствіи Юрія Святославича. Дружба послѣдняго съ Олегомъ рязанскимъ и совмѣстное ихъ нападеніе на Литву. Лицемѣрно-добрыя отношенія осторожнаго великаго князя Василія съ сильнымъ тестемъ. Его бездѣятельность на помощь Олегу рязанскому, ставшему жертвой мести Витовта. Покровительство, оказанное Литвой Тахтамышу, бѣжавшему туда съ Волги. Выгоды и права, тамъ предоставленныя еврейскому населенію. Дневникъ графа Конрада Кибурга. Литовское войско и его одѣяніе. Наружность и нравы литовцевъ. Религіозный переворотъ въ Литвѣ: ея простонародіе и вельможи. Пышность Двора великаго князья литовскаго. Раздоръ между Польшею и Литвою изъ-за Подольскаго края. Новый союзъ Витовта съ тевтонскимъ Орденомъ, цѣною важныхъ земельныхъ уступокъ въ Жмуди и обѣщанія не противодѣйствовать рыцарямъ въ ихъ стремленіи подчинить Ордену Псковъ, при условіи ихъ взаимной помощи ему: покорить Новгородъ. Смерть Ядвиги.

Пока Москва старалась закрѣплять за собою Новгородъ наложеніемъ на него дани,—на западѣ у нея отнимали изъ числа древне-русскихъ владѣній, смоленскую область. Подручникъ литовскаго великаго князя Ягайло:—его свирѣпый братъ Скиргайло, получившій, какъ знаемъ мы, въ свое владѣніе Полоцкъ, но оттуда съ безчестьемъ изгнанный полочанами,

прибѣгнулъ къ помощи ливонскаго магистра Конрада Роденштейна и вмѣстѣ съ нимъ три мѣсяца держалъ Полоцкъ въ осадѣ. Напрасно жители просили новгородцевъ за нихъ заступиться и обѣщали Роденштейну остаться данниками его, если онъ снимет осаду; новгородцы ограничились мирнымъ посольствомъ къ Ягайло, а Роденштейнъ отвѣчалъ, что, «для кого онъ осѣдлалъ коня и вынулъ мечъ, тому не измѣнитъ». Тѣмъ не менѣе, мужество полочанъ заставило отступить непріятеля и ихъ любимый князь Андрей Ольгердовичъ возвратился къ нимъ на княженіе, въ Полоцкъ, гдѣ отдалъ себя подъ защиту рыцарскаго Ордена въ качествѣ его данника. Но въ 1386 г. князь Скиргайло, во главѣ литовскаго войска, взялъ этотъ городъ и, плѣнивъ Андрея, отправилъ его узникомъ въ Польшу за его попытку въ союзѣ съ Орденомъ, овладѣть всей православной, русской частью Литвы, не желавшей принимать католичество вмѣстѣ съ Ягайло. Андрей имѣлъ вѣрнаго друга въ князѣ смоленскомъ Святославѣ Іоанновичѣ. Разорвавъ тоже свою связь съ Литвою, Святославъ предался Москвѣ и вмѣстѣ съ Андреемъ служилъ щитомъ для западныхъ ея владѣній. Теперь онъ, мстя за плѣнъ Андрея и за убійство Скиргайло сына его, при захватѣ имъ Полоцка, ворвался съ войскомъ въ нынѣшнюю Могилевскую губернію, гдѣ осадилъ бывшій смоленскій городъ Мстиславль, отнятый теперь Литвою. Въ порывѣ своей гнѣвной мести онъ поступалъ невѣроятно жестоко съ невинными жителями русской крови. Тогда, тотъ же Скригайло, и примирившійся съ Ягайло (или Ягелло) юный сынъ убитаго Кейстута, бѣжавшій изъ тюрьмы, Витовтъ, пришли отъ Полоцка на помощь осажденнымъ. Сраженіе произошло на берегахъ рѣчки Вехри и Святославъ былъ въ немъ смертельно по-

раженъ ударомъ въ грудь копія навылетъ. Убитъ былъ тутъ же и его племянникъ князь Иванъ Васильевичъ; а сыновья попали въ плѣнъ. Литовцы гнались за побѣжденными до самаго Смоленска, гдѣ Юрій Святославичъ, какъ родственникъ Скиргайло по женѣ, былъ посаженъ княжить данникомъ Литвы, тогда какъ Глѣбъ остался заложникомъ въ рукахъ враговъ.

Великій князь московскій Дмитрій Іоанновичъ былъ въ то время безсиленъ поддержать Святослава, такъ какъ, опасаясь новой войны съ татарами, не могъ нарушить мира на западѣ съ Ягелло. Сынъ его Василій бѣжалъ изъ орды въ Молдавію къ единовѣрцу русскому: молдавскому господарю Петру и возвратиться въ Москву ему нельзя было иначе, какъ черезъ владѣнія Польши и Литвы. Московскіе бояре, высланные княземъ Дмитріемъ навстрѣчу молодому Василію, должны были по его порученію склонить къ пріязни съ нимъ Ягелло, въ чемъ успѣли до такой степени, что Василій, какъ мы сказали уже, вернулся домой, обрученнымъ съ дочерью Витовта: князя Гроденскаго и луцкаго; въ сопровожденіи польскихъ магнатовъ.

Тѣмъ временемъ Ягелло охотно согласился на предложенный ему изъ Польши бракъ съ прелестной Ядвигой и ради обладанія польской короной принялъ всѣ его условія безъ исключенья: т. е. перемѣну православной религіи на католическую; крещеніе Литвы по римскому обряду, соединеніе въ одно государство Польши съ сосѣднею Литвою; а также возвращеніе польскому народу нѣкоторыхъ земель, для себя завоеванныхъ у поляковъ Литвою. Литовскіе вельможи явились сватами отъ своего государя въ Краковъ. Однако сама Ядвига, совсѣмъ не желала безропотно подчиниться такому грубому распоряженію ея рукой и

сердцемъ въ Польшѣ, изъ-за государственныхъ разсчетовъ и личныхъ пожеланій польскихъ пановъ, вопреки состоявшемуся раньше обрученію ея съ любимымъ ей Вильгельмомъ. Она попробовала опереться на защиту матери своей. Но польско-литовское посольство привезло изъ Венгріи, охотно данное Елизаветою, согласіе на бракъ младшей дочери съ Ягелло. Кромѣ того, въ его же пользу рѣшилъ этотъ вопросъ, созванный въ Краковѣ особый сеймъ. Тогда торжественное польское посольство, не заботясь вовсе о склонности самой невѣсты, прибыло къ Ягелло въ городъ Крево, чтобы получить тамъ письменное подтвержденіе, взятыхъ съ него обѣщаній. Тутъ Вильгельмъ австрійскій, узнавъ о принужденіи, съ нимъ помолвленной Ядвиги, въ Польшѣ, выйти замужъ за другого, попытался помѣшать ея свадьбѣ съ Ягелло, внезапнымъ прибытіемъ въ Краковъ.

Тамъ, не смотря на то, что краковскимъ каштеляномъ передъ нимъ были заперты ворота королевскаго дворца, Ядвига съ нимъ имѣла нѣсколько свиданій въ Краковскомъ дворцѣ, все продолжая его считать своимъ законнымъ женихомъ. Эти свиданія сопровождались роскошными пиршествами съ музыкой и танцами для приближенныхъ Вильгельма и Ядвиги. Они способствовали усиленію ихъ любви другъ къ другу, такъ что, наконецъ, Вильгельмъ прокрался тайно въ королевскій замокъ съ согласія королевы и прожилъ тамъ нѣсколько дней безъ вѣдома польскихъ вельможъ. Есть данныя предположить, что они ранѣе того поспѣшно сбвѣнчались, такъ что, Вильгельмъ уже былъ въ дѣйствительности мужемъ, а не женихомъ Ядвиги; однако, не взирая ни на что, поляки неумолимо выгнали принца австрійскаго изъ замка, когда только узнали о его приближеніи, а самую

25) Картина: Королева Ядвига, сопротивляясь насильной выдачи ея замужъ за литовскаго вел. князя, польскими панами и католическимъ духовенствомъ, тщетно пытается сломить засовы дворцовыхъ воротъ и вырваться на свободу.

королеву окружили стражей. Молодая Ядвига проявила такую твердую рѣшительность и пылкость чувства въ своемъ отказѣ стать женой Ягелло, что пыталась слабыми руками сбить топоромъ съ воротъ тяжелые замки; но это былъ лишь тщетный порывъ ея отчаянія, въ страстномъ стремленіи къ законному счастью, отнятомъ у нея страной, гдѣ ей судьба назначила быть королевой. Ягелло со всѣмъ своимъ дворомъ уже былъ на пути къ невѣстѣ. Вильгельмъ бѣжалъ изъ Кракова, понявъ всю невозможность достигнуть своей цѣли.

Прелаты и вельможи снова приступили къ Ядвигѣ съ увѣщаніями и настоятельной просьбой: возвеличить Польшу, давъ согласіе на бракосочетаніе съ Ягелло, что одновременно ее прославитъ, присоединеніемъ къ римской церкви всего литовскаго народа. Ядвига стала уступчивѣй въ отсутствіи Вильгельма, и горячее благочестіе въ ней прельщалось мыслей о крещеніи языческой Литвы. Она сдавалась на доводы польскаго духовенства, «что спасеніе отъ вѣчныхъ мукъ столь многихъ душъ, ей разрѣшаетъ безъ грѣха нарушить ея союзъ съ Вильгельмомъ».

Однако, все еще смущаясь дикимъ въ ея представленіи, нравомъ и внѣшностью Ягелло, она отправила къ нему навстрѣчу себѣ преданнаго человѣка: Завишу Олесницкаго, чтобы тотъ ея увѣдомилъ о впечатлѣніи, какое отъ него получитъ. Предупрежденный о томъ заранѣе, Ягелло его крайне ласково принялъ, такъ что, вернувшись въ Краковъ, Олесницкій успокоилъ Ядвигу описаніемъ качествъ жениха: нравственныхъ и тѣлесныхъ. Ягелло въ это время было за тридцать лѣтъ; но онъ брилъ бороду и его узкое, продолговатое лицо украшалось лишь длинными усами. Черные, маленькіе глаза имѣли бѣгающій, без-

покойный взглядъ. Въ юности любимецъ и баловень своихъ родителей, онъ отличался распущенностію и не привыкъ къ труду; не научился даже чтенію и письму, тогда какъ его двоюродный братъ Витовтъ, благодаря одному плѣнному тевтонскому рыцарю, получилъ очень порядочное образованіе, зналъ языки—нѣмецкій и латинскій. Нравъ имѣлъ Ягелло неровный, склонный къ грубымъ наслажденіямъ и до жестокости себялюбивый. Главной страстью его была охота. Однако, въ случаяхъ крайней необходимости, онъ, ради государственныхъ соображеній, умѣлъ временно сбросить лѣнь и проявлялъ иногда дѣятельность, сопровождавшуюся исключительной удачей. Онъ не лишенъ былъ отъ природы ума и дальновидности; хитро старался задобривать вліятельныхъ вельможъ широкою раздачею земель и расточительностью въ своихъ подаркахъ имъ. Польскіе магнаты въ этомъ отношеніи не ошиблись, разсчитывая на увеличеніе своихъ имѣній и на щедрость будущаго короля, обязаннаго имъ короной.

Когда въ февралѣ 1386 г., Ягелло прибылъ въ Краковъ, то здѣсь до свадьбы, онъ долженъ былъ безъ промедленія перейти съ торжественнымъ обрядомъ изъ православія въ католичество, при чемъ сопровождавшіе его литовскіе бояре, крестились тоже вмѣстѣ съ нимъ. Витовтъ уже однажды переходилъ въ католицизмъ изъ язычества во время пребыванія своего въ Орденѣ до примиренія съ Ягелло, но послѣ, среди русскаго населенія, сталъ православнымъ. Теперь, онъ опять обратился въ католическую вѣру.

18 числа состоялось бракосочетаніе Ягелло съ Ядвигой. 4-го же марта, онъ былъ коронованъ польской короной. Это коронованіе сопровождалось шумными празднествами въ Краковѣ съ разными состязаніями и

танцами. Прусско-тевтонскій Орденъ былъ крайне недоволенъ всѣмъ происшедшимъ. Хотя прямую его задачу составляло крещеніе язычниковъ, но обязательство Ягелло подчинить Римской церкви всю Литву, обративъ ея въ христіанство, теперь лишало Орденъ нравственнаго предлога, для захватовъ на этой почвѣ новыхъ земель и городовъ. По той же причинѣ и угасающее рвеніе западныхъ крестоносцевъ приходить на помощь Ордену, должно было еще болѣе ослабнуть, а соединенное бракомъ Ягелло могущество Литвы и Польши, грозило самому существованію Ордена. На этомъ основаніи рыцари охотно готовы были поддержать права принца Вильгельма и, принявъ подъ свое покровительство стремленіе Андрея Ольгердовича полоцкаго, отнять у Литвы ея русскія земли, гдѣ населеніе было взволновано извѣстіемъ о религіозномъ и государственномъ соединеніи Литвы съ католической Польшей. Мы уже знаемъ какъ печально окончилась эта попытка Андрея съ Святославомъ Іоанновичемъ смоленскимъ. Скиргелло же въ награду за свою побѣду, былъ назначенъ королевскимъ намѣстникомъ въ Литву и вѣнчанъ на великокняжескій столъ въ Вильнѣ. Онъ жилъ однако въ Трокахъ. Чтобы легче склонить многочисленное литовское боярство къ принятію католической вѣры, Ягелло на этомъ условіи имъ даровалъ права, равныя съ широкими правами польскаго дворянства или шляхты, т. е. военнослужилаго сословія, независимаго отъ королевской власти въ своей личной жизни; тогда какъ знать литовская до сихъ поръ находилась въ столь строгомъ подчиненіи у великаго князя Литвы, что безъ его позволенія не смѣла распорядиться своимъ имуществомъ и выдать замужъ дочерей по своему личному выбору. Простолюдиновъ, носившихъ до сихъ поръ однѣ бараньи шкуры или

грубый холстъ, просто привлекали къ крещенію красивыми кафтанами бѣлаго цвѣта, а кромѣ того литвины, привыкшіе благоговѣть передъ великокняжескою властію и слушаться ее безпрекословно, сами бы не замедлили послѣдовать примѣру своего государя; тѣмъ болѣе, видя безсиліе мнимыхъ языческихъ боговъ, достойно покарать дерзкихъ ихъ истребителей. Священный огонь—Зинчъ, горѣвшій передъ идоломъ Перкуна, былъ погашенъ; священные дубы вокругъ него порублены и божественные ужи перебиты. Ягелло самолично присутствовалъ при крещеніи своего народа въ рѣкѣ Виліи, а послѣ и въ другихъ областяхъ земли литовской. Сразу было крещено до 30 тысячъ язычниковъ литвиновъ. Въ 1387 г. на мѣстѣ святилища Перкуна въ Вильнѣ, былъ заложенъ соборъ св. мученика Станислава, а затѣмъ начали въ Литвѣ воздвигаться и другіе латинскіе храмы. Имущество духовнаго сословія, образовавшагося тамъ большей частью изъ поляковъ, было освобождено отъ всякихъ податей. Первымъ епископомъ виленскимъ назначили нѣкого Андрея Васило: прежде секретаря венгерской королевы Елизаветы, а потомъ Серетскаго епископа въ Молдавіи, желая его наградить за услуги, оказанныя имъ дѣлу соединенія Литвы и Польши.

26) Картина: Уничтоженіе литовскихъ священныхъ рощъ съ идолами Перкуна, и крещеніе Ягелло въ Виліи своихъ языческихъ подданныхъ, по католическому обряду.

Отнынѣ вліяніе православно-русской гражданственности въ Литвѣ, вступило въ столкновеніе съ латинско-польской гражданственностью, за собой имѣвшей преимущество церковной и свѣтской власти. Польская народность, до сихъ поръ, сравнительно небольшая и не занимавшая виднаго мѣста въ событіяхъ европейской исторіи, соединяясь съ обширнымъ литовско-русскимъ государствомъ, быстро возвысилась на степень могущественной державы въ восточной половинѣ Европы и пріобрѣла вліяніе на дальнѣйшую ея судьбу. Однако,

это соединеніе въ дѣйствительности совершилось совсѣмъ не вдругъ. Греческая религія русскаго населенія Литвы, пока оставалась неприкосновенной и самъ главный соподвижникъ Ягелло, любимый его братъ—Скиргелло, не измѣнилъ православію, принятому имъ ранѣе. Вся же Жмудь, входившая во владѣніе великаго князя, еще пребывала въ глубокомъ язычествѣ.

Между тѣмъ, въ Венгріи королева—правительница Елизавета, вмѣстѣ со своей дочерью: наслѣдницей венгерской короны, Маріей, сдѣлалась жертвою сторонниковъ притязаній на престолъ венгерскій, одного изъ родственниковъ Людовика, Карла Неаполитанскаго. Внезапно напавшая на нихъ толпа кроатовъ, заключила ихъ въ замокъ на берегу Адріатическаго залива, а когда союзные венеціане, желая освободить королеву, подошли къ замку, имъ выбросили изъ окна уже трупъ, задушенной Елизаветы, грозя подвергнуть такой же участи Марію, если они не отступятъ. Лишь, послѣ десяти мѣсяцевъ плѣна, Марія, наконецъ, вышла замужъ за своего жениха Сигизмунда, марграфа бранденбургскаго, ставшаго королемъ венгерскимъ. Этими смутами въ Венгріи воспользовалась Ядвига для возвращенія Польшѣ Галиціи, присоединенной Людовикомъ къ венгерскимъ землямъ. Пока ея супругъ занимался крещеніемъ Литвы, она сама стала во главѣ войска и, окруженная польскими магнатами, вступила въ предѣлы Червонной Руси. Ея столица: городъ Львовъ повелъ съ нею переговоры и, получивъ подтвержденіе всѣхъ своихъ городскихъ преимуществъ, ей отворилъ ворота. Венгерскіе полки удалились въ Венгрію и только начальникъ крѣпости въ древнемъ Галичѣ, Бенедиктъ, упорно сопротивлялся ей, пока Ягелло изъ Литвы не двинулся самъ ей на помощь съ Витовтомъ и другими князьями.

Такимъ образомъ окончательно совершилось соединеніе древней русской Галиціи съ Польшей, и Ягелло пожаловалъ тотчасъ многія ея земли польскимъ магнатамъ. Семовитъ мазовецкій, женившійся на сестрѣ Ягелло—Александрѣ, получилъ за нею въ приданое городъ Бельзъ съ его округомъ.

27) Картина: Торжественный въѣздъ въ столицу Галиціи—Львовъ, польской королевы Ядвиги.

Наиболѣе крупными удѣльными князьями въ Литвѣ, оставались братья Ягелло, Владиміръ Ольгердовичъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, и Дмитрій Корибутъ Новгородъ-Сѣверскій; (Симеонъ-Лугвеній Ольгердовичъ тогда былъ княземъ въ Новгородѣ) а также двоюродный его братъ Витовтъ, княжившій въ Берестьѣ, Гроднѣ и луцкой землѣ. Кромѣ того, князь пинскій Александръ Наримунтовичъ и немногіе другіе.

Въ это именно время, сынъ Дмитрія Іоанновича, бѣжавшій изъ орды посѣтилъ въ Луцкѣ Витовта и былъ помолвленъ съ его дочерью — Софьей. Витовтъ продолжалъ имѣть притязаніе на городъ Троки, гдѣ жилъ Скиргелло, какъ на удѣлъ его отца Кейстута и вскорѣ, послѣ помолвки дочери своей съ русскимъ молодымъ княземъ, эти его непріязненныя отношенія съ литовскимъ намѣстникомъ польскаго короля, приняли оборотъ открытой борьбы. Витовтъ, какъ мы видѣли, былъ усерднымъ помощникомъ Ягайло, въ достиженіи имъ польской короны и, конечно, надѣялся, что съ переселеніемъ его въ Краковъ, можетъ быть, получитъ не только Трокскій удѣлъ отца, но и литовское великокняжество. Однако. Ягайло, короновавъ въ Вильно своимъ намѣстникомъ въ Литвѣ, Скиргелло, потомъ еще обидѣлъ Витовта тѣмъ, что отнялъ у него волынскій городъ: Луцкъ. Ему были запрещены сношенія съ Литвою и Пруссіей, такъ какъ Ягелло съ братомъ на него смотрѣли теперь подозрительно, какъ на вступающаго въ род-

ство съ московскимъ великимъ княземъ и опасались съ его стороны измѣны выгодамъ Польши. Витовтъ увидѣлъ себя, окруженнымъ тайными соглядатаями. Его друзья и родные подвергались гоненію. Витовтъ больше ужъ не былъ такимъ довѣрчивымъ, безпечнымъ юношей, какимъ онъ показалъ себя во время войны отца съ Ягелло. Превратности судьбы, какъ мы сказали, его закалили и въ немъ выработали тонкій умъ, способный къ управленію государствомъ. Онъ былъ властолюбивъ, безстрастенъ, суровъ къ самому себѣ и упоренъ при достиженіи своихъ цѣлей. Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ овладѣть Вильно посредствомъ хитрости: а именно воиновъ, скрытыхъ въ возахъ, какъ будто съ съѣстными припасами,— онъ удалился съ ближайшими родственниками и боярами въ Пруссію, оставивъ сильные воинскіе отряды въ крѣпостяхъ: Гродно, Брестѣ и Каменцѣ. Хотя тевтонскій Орденъ не могъ забыть недавняго вѣроломства Витовта, однако, онъ слишкомъ былъ радъ новому случаю внести раздоръ въ польско-литовское государство, чтобы ему отказать въ союзѣ противъ Ягелло и Скиргелло. На сторону Витовта стали: почти вся Жмудь и часть православнаго литовско-русскаго населенія, недовольнаго переходомъ Ягелло въ католичество. Витовтъ отдалъ въ залогъ Ордену, и Жмудь, и Гродно; но Ягелло взялъ этотъ послѣдній городъ. Тогда Орденъ послалъ въ Литву на помощь Витовту въ 1390 г. сильное войско. Въ немъ находился, среди заграничныхъ гостей-добровольцевъ, графъ Дерби: будущій король Англіи,—Генрихъ IV.

Послѣ удачной битвы на берегу рѣки Виліи, союзники окружили Вильно, гдѣ было много тайныхъ сторонниковъ Витовта. Они зажгли во время приступа деревянныя стѣны Нижняго, или Кривого замка, куда

укрылись мирные жители Вильно и такимъ образомъ, при помощи измѣны, Витовту удалось овладѣть имъ, причемъ много народа погибло отъ пламени и меча Но Верхній Замокъ былъ укрѣпленъ каменными стѣнами и устоялъ, не смотря на громившія ихъ нѣмецкія пушки. Тогда какъ внизу начальствовалъ, теперь убитый въ бою братъ Ягелло: Коригелло; въ Верхнемъ Замкѣ польскій военноначальникъ, имѣлъ осторожность удалить всѣхъ литовцевъ и русскихъ, послѣ чего, отбилъ съ успѣхомъ всѣ приступы непріятеля. Скиргелло начальствовалъ частью замка, временно возведенной между Верхнимъ и Нижнимъ. Хотя получивъ тяжелую рану въ голову,—онъ много помогъ побѣдѣ своими частыми вылазками. Съ наступленіемъ холодовъ, крестоносное войско, послѣ пятинедѣльной безуспѣшной осады Вильно, вернулось въ Пруссію.

Когда мѣсто умершаго, въ это время магистра тевтонскаго Ордена: Цольнера, заступилъ знаменитый, воинственный Конрадъ Валерондъ, онъ рѣшилъ продолжать неотступно дѣло въ Литвѣ и сталъ собирать ратныя силы для второго похода. Тѣмъ временемъ, прибыло въ Маріенбургъ торжественное посольство отъ юнаго великаго князя московскаго: Василія Дмитріевича, за невѣстою. Витовтъ отпустилъ дочь въ сопровожденіи большого числа своихъ приближенныхъ. Софья Витовтовна отправилась къ жениху моремъ, изъ Данцига; а потомъ черезъ Ливонію. Теперь, значеніе Витовта еще возросло въ глазахъ Ордена, такъ какъ Москва казалась нѣмецкимъ рыцарямъ очень могущественнымъ сосѣдомъ, послѣ того, что Дмитріемъ была одержана надъ Мамаемъ рѣшительная побѣда.

Въ Пруссіи существовалъ обычай, такъ называемаго «почетнаго стола»—передъ каждымъ высту-

28) Картина: Прусскій обычайпочетнаго рыцарскаго стола передъ началомъ войны.

пленіемъ въ походъ. Это былъ раскошный пиръ въ честь пріѣзжихъ гостей, нерѣдко съ богатыми для нихъ подарками. Возвѣщаніе о такомъ пирѣ привлекало всегда большое число разныхъ рыцарей изъ различныхъ государствъ Европы. Конрадъ Валерондъ, не успѣвъ справить почетный столъ въ Пруссіи, устроилъ своимъ гостямъ угощеніе въ Литовской землѣ, подъ стѣнами Ковно. По дорогимъ дарамъ и огромнымъ издержкамъ, этотъ почетный столъ превзошелъ всѣ подобные пиры, имѣвшіе мѣсто прежде; потому съ Валерондомъ въ Вильно, двинулось многочисленное ополченіе такихъ почетныхъ воиновъ-гостей. Но воеводы польско-литовскіе сами выжгли Троки и окрестности столицы Литвы, какъ способъ обороны, чтобы непріятельское войско не находило въ странѣ продовольствія. Зато, Виленскій замокъ былъ заблаговременно снабженъ припасами съ цѣлью ему дать возможность выдержать долговременную осаду. Валеронду пришлось разбить войско свое на отряды, не предпринимая пока завоеванія Вильно. Однако переходъ нѣсколькихъ городовъ въ руки Витовта изъ-за измѣны жителей, показывалъ, что русско-литовское населеніе ему сочувствовало больше чѣмъ Ягелло, въ ихъ опустошительной взаимной борьбѣ. Такъ какъ поляки вяло поддерживали въ ней своего короля, то онъ рѣшилъ прекратить ссору съ соперникомъ и поручилъ вести мирные переговоры съ Витовтомъ полубрату мазовецкихъ князей: молодому полоцкому епископу. Тотъ прибылъ въ замокъ Ритерсвердеръ, близъ Ковно, служившій мѣстопребываніемъ Витовта. Здѣсь этотъ епископъ, полюбивъ его сестру Рингеллу, на ней женился, не смотря на свой духовный санъ—и тѣмъ легче убѣдилъ своего шурина снова порвать дружескія сношенія съ нѣмцами. Витовту самому было

непріятно служить орудіемъ въ рукахъ орденскихъ рыцарей и онъ рѣшилъвторой разъ предательски измѣнить имъ, пользуясь тѣмъ, что его супруга—Анна, взятая на этотъ разъ, проученными первою его измѣной, рыцарями,—въ заложницы его союза съ ними, вмѣстѣ съ другими родственниками его и боярами, уже къ нему вернулась; а большая часть остальныхъ заложниковъ была отпущена изъ нѣмецкихъ замковъ. Честолюбивыя стремленія въ душѣ Витовта были настолько сильны, что пребываніе среди рыцарей брата его Конрада и еще двухъ маленькихъ сыновей, все же ему не помѣшало сбросить съ себя личину въ іюнѣ 1392 г.: захватить и сжечь Ритерсвердеръ, рядомъ съ нѣсколькими другими замками нѣмцевъ. Послѣ того, онъ уѣхалъ въ Вильно на свиданье съ Ягелло и Ядвигой. Тамъ былъ утвержденъ между ними мирный договоръ, очень выгодный для Витовта. Онъ сталъ великимъ княземъ литовскимъ на правахъ самостоятельнаго государя, обѣщавъ польскому королю свое содѣйствіе только въ крайности. Скиргелло получилъ въ возмѣщеніе прежняго своего достоинства, званіе великаго князя русскаго и Кіевское княженіе, котораго, такимъ образомъ, былъ лишенъ Владиміръ Ольгердовичъ. Онъ умеръ черезъ три года въ Кіевѣ, не измѣнивъ православію, гдѣ погребенъ былъ въ Печерской лаврѣ.

Другіе братья Ягелло: во-первыхъ, Владиміръ Кіевскій, а кромѣ него Корибутъ Новгородъ-Сѣверскій и Свидригайло Витебскій, съ большимъ неудовольствіемъ отнеслись къ возвышенію Витовта. Но ихъ сопротивленіе его власти, ему дало возможность ускорить объединеніе литовскихъ удѣловъ подъ своею рукою. Онъ включилъ въ область своихъ владѣній земли витебскія и сѣверскія; а также отнялъ у Вла-

диміра Ольгердовича часть Волыни, данной ему Ягелло взамѣнъ кіевскаго княженія.

Смерть Скиргелло отдала въ его руки Кіевъ. Попытки мести ему со стороны, возмущенныхъ и негодующихъ на его измѣну прусско-ливонскихъ рыцарей,—пока онъ былъ занятъ борьбой съ удѣльными князьями Литвы,—кончились неудачей; хотя Свидригайло витебскій бѣжалъ въ Пруссію, чтобы просить ихъ защиты. Твердыни Вильны снова не поддались ихъ нападенію. Гедиминъ умѣлъ выбрать мѣсто для литовской столицы, хорошо защищенное отъ захвата ея врагами. Орденъ могъ выместить свою ярость лишь на несчастномъ братѣ Витовта, закованнымъ въ цѣпи вмѣстѣ со знатными людьми Литвы, еще оставшимися у нихъ въ залогѣ. Его малолѣтніе сыновья были отравлены. Всѣ вышеозначенныя русскія земли, подвластныя теперь Витовту, были пріобрѣтены для Литвы его предшественниками; а самъ онъ умножилъ ихъ еще однимъ, крайне важнымъ завоеваніемъ, окончательно подчинивъ Литвѣ древнерусскій, имѣвшій за собой славное прошлое, но ставшій слабымъ княженіемъ со временъ торжества на Руси Батыя,—Смоленскъ.

Великій князь Василій Дмитріевичъ вступилъ въ бракъ съ Софьей Витовтовной уже послѣ смерти отца: въ 1390 г. Вѣнчаніе юной четы совершилъ митрополитъ Кипріанъ, возвратившійся въ Москву, какъ въ свою митрополію, узнавъ о смерти въ Царьградѣ Пимена. Въ 1391 г. благоразуміе заставило Василія Дмитріевича, по примѣру предковъ, отправиться на поклонъ въ орду, къ хану Тахтамышу, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, пославшему одного изъ татарскихъ царевичей: Беркута—разорить Вятку, гдѣ новгородскіе выходцы до сихъ поръ жили свободно

и независимо, торгуя, или сражаясь съ Чудью. Слухъ о ихъ скромномъ, но благополучномъ житьѣ, дойдя до Тахтамыша, возбудилъ его зависть и корыстолюбіе. Вятчане, застигнутые врасплохъ Беркутомъ, не могли отстоять своихъ городовъ, построенныхъ среди пустынь и болотъ. Большинство ихъ погибло отъ меча татаръ, или было уведено въ плѣнъ Беркутомъ; но тѣ, которымъ удалось скрыться въ густыхъ лѣсахъ,—соединясь съ устюжанами, доплыли на большихъ ладьяхъ внизъ по Вяткѣ до Волги, гдѣ отомстили татарамъ, разграбивъ ихъ города: Казань и Жукотинъ. Раньше московскаго великаго князя, въ ордѣ былъ суздальскій князь Борисъ городецкій: просить ханскаго ярлыка на Нижній Новгородъ, отнятый у него племянникомъ. Тахтамышъ въ это время неблагодарно замыслилъ войну противъ прежняго покровителя своего: Тамерлана и, оставивъ Бориса дожидаться себя въ Сараѣ пока онъ ходилъ опустошать его земли къ предѣламъ Персіи,—по возвращеніи своемъ въ Сарай, ему пожаловалъ нижегородское великокняженіе. Но Василій Дмитріевичъ былъ озабоченъ ростомъ московскихъ владѣній и укрѣпленіемъ могущества своей столицы, такъ же какъ и его предшественники. Въ качествѣ родного внука князя Дмитрія Константиновича, онъ уже подготовилъ себѣ заранѣе въ Нижнемъ Новгородѣ сторонниковъ среди бояръ, прельстивъ ихъ обѣщаніями разныхъ милостей и тоже деньгами. Значительная часть нижегородскихъ бояръ предпочитала служить богатому сильному московскому князю, а населеніе подъ его защитой надѣялось получить больше спокойствія и вѣрную оборону отъ сосѣднихъ татаръ. Въ орду Василій привезъ съ собой много золота и серебра, которыми такъ умздилъ ханскихъ совѣтниковъ, что тѣ упро-

сили Тахтамыша, не смотря на недавнее утвержденіе имъ нижегородскимъ княземъ: Бориса Константиновича,—дать теперь ярлыкъ великому князю московскому, не только на Нижній Новгородъ и Городецъ, но также на прежнее достояніе черниговскихъ князей: Мурумъ, Мещеру и Турусу. Привести въ исполненіе этотъ ханскій ярлыкъ предоставлялось самому Василію. Тахтамышъ, вообще, принялъ его съ исключительной лаской, какъ друга и союзника. Онъ, очевидно, боялся, какъ бы русскіе князья не стали помогать грозному Тамерлану въ затѣянной имъ войнѣ съ этимъ азіатскимъ властителемъ, который уже подвигался на сѣверъ отъ береговъ Аральскаго моря. Василій, какъ глава многихъ, подручныхъ ему князей, ручаясь за ихъ образъ дѣйствій, могъ обѣщать Тахтамышу, не только дружбу свою, но также сильное воспоможеніе въ предстоящей ему войнѣ.

Тахтамышъ уже тронулся съ войсками своими навстрѣчу Тамерлану за Волгу, къ Яику, когда Василій послалъ въ Нижній съ ханскимъ посломъ и грамотой нѣсколько человѣкъ изъ своихъ бояръ. Они были безпрепятственно впущены въ городъ, благодаря лживымъ рѣчамъ старшаго боярина Бориса: Василія Румянца, хотя предавшагося на сторону московскаго великаго князя, но еще увѣрявшаго Бориса Константиновича въ его безопасности, среди преданныхъ ему слугъ. Однако, едва татары съ москвитянами вступили въ Нижній Новгородъ, какъ торжественно зазвонили въ церквахъ колокола и народу было объявлено, что ихъ городъ перешелъ во власть великаго князя московскаго. Борисъ былъ взятъ подъ стражу съ немногими изъ его приверженцевъ, тогда какъ Василій, пріѣхавъ въ Нижній, оставилъ въ немъ своимъ намѣстникомъ боярина Дмитрія Всеволожскаго. Борисъ черезъ два года

умеръ въ Суздалѣ. Сыновья Дмитрія Константиновича: Василій, по прозванію—Кирдяпа и Семенъ, предавшій Москву татарамъ, послѣ смерти дяди, удалились въ орду: хлопотать снова о ярлыкахъ и о помощи Тахтамыша.

Мы знаемъ, что еще при Дмитріи Донскомъ, новгородцы отказывались отъ верховнаго суда московскаго митрополита въ духовныхъ своихъ дѣлахъ. По этому поводу, и теперь митрополитъ Кипріанъ вернулся съ великою досадою изъ своей поѣздки въ Новгородъ, въ 1392 г. Василій горячо вступился за пастыря русской церкви, тѣмъ болѣе, что и ему новгородцы вторично выразили несогласіе свое платить народную подать, извѣстную подъ названіемъ «чернаго сбора». Полки московскіе подъ начальствомъ младшаго брата Василія: Юрія и его дяди—Владиміра Андреевича Храбраго, взяли Торжокъ, разоряя вокругъ деревни, откуда устрашенные жители бѣжали въ Новгородъ. Новгородцы съ своей стороны предались разбою въ сѣверныхъ земляхъ великокняжескихъ, и внизъ по Двинѣ спускали въ ладьяхъ награбленныя сокровища вмѣстѣ съ своими плѣнниками. Князь Бѣлоозерскій: Константинъ Іоанновичъ, отецъ котораго былъ участникомъ Куликовской битвы, не пожелавъ оставаться подручникомъ великаго князя московскаго, перешелъ на службу къ Новгороду. Василію Дмитріевичу въ это время не было еще 20-ти лѣтъ; а между тѣмъ новгородцы, извѣдавъ твердость воли его и суровость въ наказаніи мятежниковъ, представленныхъ ему въ Москву, предпочли, наконецъ, уплачивать Москвѣ черный сборъ и изъявить свое повиновеніе Кипріану, чѣмъ безполезно вредить своей торговлѣ: и на Двинѣ, и въ самихъ московскихъ владѣніяхъ.

Между тѣмъ, ханъ Тамерланъ—иначе Тимуръ, выступивъ изъ столицы своей: Самарканда, собралъ огромную рать близъ Ташкента, гдѣ провелъ зиму; а въ 1392 г. отъ рѣки Табола свернулъ на западъ, чтобы переправиться здѣсь черезъ Яикъ. Онъ встрѣтилъ многочисленные полки Тахтамыша тамъ, гдѣ тотъ вовсе не ожидалъ наткнуться на врага и его заставилъ принять съ собою битву въ приволжскихъ степяхъ. Тахтамышъ, такъ самонадѣянно начавшій опасную борьбу съ Тамерланомъ, величался своимъ прямымъ происхожденіемъ отъ Чингизъ-хана и въ Тамерланѣ, всѣмъ его народомъ провозглашеннымъ Сагебъ-Куремомъ: что значитъ: Владыкой міра—и главой Джигитайской державы, тогда какъ онъ былъ лишь потомкомъ простыхъ мѣстныхъ князей,—видѣлъ второго Мамая. Однако, онъ потерпѣлъ отъ него полное пораженіе. Его разсѣянныя орды, по преданію, устлали своими трупами степи на 200 верстъ. На этотъ разъ Тамерланъ ограничился разграбленіемъ Золотой орды и ушелъ назадъ съ захваченою добычей. Тахтамышъ, послѣ того, продолжалъ царствовать въ Кипчакскомъ царствѣ, объединенномъ имъ и за время его правленія, достигшемъ такой же внушительной степени могущества, какимъ оно являлось во времена Батыя и Узбека. По прошествіи трехъ лѣтъ, онъ вполнѣ оправился отъ понесеннаго урона и безумно возобновилъ попытку отнять верховное главенство надъ Джигатайскою державою у Тамерлана. Тотъ, въ это время, раскинулъ станъ свой у подножья Кавказскихъ горъ на берегахъ Куры,—но когда узналъ, что Тахтамышъ опять готовится къ войнѣ съ нимъ, то Дербентскимъ проходомъ перешелъ въ сѣверную часть Кавказа, гдѣ встрѣча ихъ произошла на Терекѣ. Здѣсь, почти равные по своей мощи враги,

Собственность Т. П. Митлевой.

Нападеніе зырянъ-язычниковъ на св. Стефана Пермскаго. *(Къ стр. 79).*

Собственность Т. П. Митлевой.

Сраженіе Тамерлана съ ханомъ Золотой орды Тахтамышемъ. *(Къ стр. 113).*

дрались, дѣйствительно, какъ два сказочныхъ исполина. Тимуръ едва спасся отъ смерти, когда въ разгарѣ битвы кипчаки уже прорвались въ самую середину его войскъ. Но воины лѣваго крыла успѣли измѣнить положеніе дѣла, быстро бросившись на колѣни и осыпавъ кипчаковъ стрѣлами изъ-за ограды, выставленныхъ впередъ щитовъ. Потомъ нѣкоторымъ воеводамъ Тимура удалось зайти въ тылъ вражескихъ полковъ. Тахтамышъ утомился продолжительною битвой и упалъ духомъ раньше Тимура. Когда онъ со своими беками и мурзами, наконецъ, обратился въ бѣгство, то былъ окончательно разбитъ. Поздравляя съ побѣдой Тамерлана, подручные ему ханы и сыновья его, по обычаю татаръ, сыпали ему на голову драгоцѣнные камни.

29) Картина: Сраженіе Тамерлана съ ханомъ Золотой Орды Тахтамышемъ.

Многочисленные эмиры стояли передъ нимъ на колѣняхъ, когда онъ, только что, принялъ отъ нихъ названіе: Владыки міра и, опоясанный царскимъ поясомъ, въ золотомъ вѣнцѣ сидѣлъ на престолѣ сына Чингизъ-хана. Было отчего вскипѣть свирѣпой зависти въ гордой душѣ Тахтамыша. Лукаво себя окружая Чингизовыми потомками и милостиво ихъ жалуя въ великіе ханы, Тамерланъ, въ своей юности ничего не имѣвшій кромѣ плохого коня да верблюда, тридцати пяти лѣтъ возстановилъ независимость Джигитайской державы при помощи, собранныхъ воинской его доблестью, боевыхъ товарищей; послѣ цѣлаго ряда славныхъ побѣдъ надъ гетами-калмыками и внутренними, ордынскими же соперниками своими, овладѣлъ вновь восточными берегами Каспійскаго моря; древнимъ Ираномъ,—по рѣкамъ Оксу и Тигру; наконецъ самой столицей, подвластныхъ Чингизу, аравійскихъ калифовъ: Багдадомъ. Скоро вся Азія—отъ Куры до Евфрата, признала Тимура своимъ по-

30) Картина: Величіе Тамерлана —«владыки міра».

велителемъ. Одно его имя преисполняло ужасомъ цѣлыя страны. Столь неизмѣнное сопутствіе, помрачающаго умъ, счастья, съ быстрыми, изумительными успѣхами его войнъ, естественно не давало Тимуру остановиться въ побѣдоносныхъ его походахъ; влекло его дальше и дальше, внушая ему горделивую мысль: покорить себѣ всѣхъ царей земли. Вѣря въ свою великую, свыше ему предназначенную судьбу, онъ смѣло пошелъ по слѣдамъ Александра Македонскаго въ Индію, не страшась ни высокихъ горъ, ни глубокихъ рѣкъ, ни знойныхъ пустынь, ни огромныхъ слоновъ воинственныхъ жителей «колыбели народовъ». Тамъ онъ переправился черезъ Индъ; подчинилъ своему оружію въ Дели масульманскихъ владѣтелей и на берегахъ Ганга истребилъ множество гебровъ: огнепоклонниковъ. Возвратился онъ, только узнавъ о возмущеніи противъ него кавказскихъ грузинъ-христіанъ и о счастливыхъ, соприкоснувшихся съ его землями на Ефратѣ, завоеваніяхъ побѣдоносныхъ османскихъ турокъ. Легко усмиривъ волненія въ Грузіи, онъ послалъ предупредить султана Баязета о несмѣтномъ воинствѣ своемъ и о томъ, что цари служатъ ему тѣлохранителями, стоя рядами передъ его шатромъ; что счастье всегда при немъ и судьбы міра онъ держитъ въ своихъ рукахъ.

Однако, отвлеченный затѣмъ какимъ-то сопротивленіемъ его волѣ египетскаго хедива онъ двинулся пока въ Сирію и Египетъ. Тамерланъ, подъ стѣнами Алеппо, проливая кровь, побѣжденныхъ имъ мамелюковъ, въ то же время краснорѣчиво доказывалъ ученымъ мужамъ Алеппскимъ, что—онъ «другъ Божій» и что его враги отвѣтятъ небу за непокорное сопротивленіе его власти. Тѣмъ не менѣе, египетскій хедифъ заключилъ въ темницу пословъ Тамерлана, самоувѣ-

ренно черезъ нихъ, ему написавшаго:—«Ты дерзнулъ оскорбить меня. Если бы камни могли говорить, они научили бы тебя осторожности. Великіе завоеватели собираютъ воинства изъ любви къ славѣ, а не къ стяженію, ибо человѣкъ можетъ насытиться въ день одной половиной хлѣба». И вотъ этотъ свирѣпый, въ битвахъ непобѣдимый, ханъ, одновременно отличавшійся умственнымъ незаурядным образованіемъ, мыслитель; и, почитающій Бога, набожный масульманинъ,—разгромивъ войско Фаруча, ласково угощалъ въ своемъ шатрѣ ученаго кадди: Веладана, присланнаго изъ Дамаска для переговоровъ съ нимъ; и велъ разумную рѣчь о прошлой исторіи различныхъ народовъ, о добродѣтеляхъ государей. Между тѣмъ, Дамаскъ превращенъ былъ въ пепелъ и никогда еще столькими сокровищами не обогащались татары, какъ въ этомъ цвѣтущемъ, шестисотлѣтней торговлей, городѣ.

Отъ Баязета пришелъ Тимуру короткій отвѣтъ: что онъ давно искалъ случая съ нимъ сразиться. Однако страшные янычары не устояли передъ, испытанными въ побѣдоносныхъ бояхъ, монголами, превосходившими ихъ числомъ. Самъ Баязетъ, взятый въ плѣнъ, въ желѣзной клѣткѣ былъ подвезенъ къ шатру Тамерлана. Необычайный завоеватель его братски обнялъ и посадивъ на царскомъ коврѣ, рядомъ съ собой, сталъ утѣшать разсужденіями о тщетѣ мірскаго величія.

Послѣ каждаго завоеванія Тамерланъ возвращался въ столицу свою: Самаркандъ, чтобы тамъ насладиться кратковременнымъ отдыхомъ; разводилъ сады; украшалъ великолѣпно мечети и, благотворя своихъ подданныхъ, прорывалъ каналы; строилъ новые города. Неблагодарная зависть къ безпримѣрному первенствую-

щему владычеству своего покровителя, Кипчакскаго хана, привлекла всю орду Тимура къ придѣламъ русской земли. Когда Тахтамышъ вторично вызвалъ его на войну противъ себя,ославъ новый отрядъ своихъ татаръ разорять области въ сѣверной Персіи, Тамерланъ напомнилъ ему о имъ полученныхъ отъ него милостяхъ и о недавней своей побѣдѣ надъ нимъ; пригрозилъ слишкомъ позднимъ раскаяньемъ, когда его месть, настигающая врага въ самой морской пучинѣ, обрушится на Кипчакское царство. И, дѣйствительно, Тамерланъ теперь уже не оставилъ въ покоѣ заносчиваго противника, а преслѣдовалъ его за Волгой, опустошая Кипчакское царство: на западѣ до Днѣпра и такъ, далеко на сѣверъ, что одна часть его орды вступила въ предѣлы рязанскаго княжества, гдѣ, овладѣвъ Ельцомъ, разоряла селенія по обоимъ берегамъ Дона. Извѣстіе о томъ, ужаснуло русскихъ князей и привело въ смятеніе всю сѣверную Россію. Но молодой московскій великій князь показалъ себя достойнымъ сыномъ Дмитрія Донского. Сохранивъ бодрость духа, онъ спѣшно собралъ ополченіе по московскимъ удѣламъ и самъ сталъ во главѣ его подъ Коломною на Окѣ, полный рѣшимостью: «умереть, или отразить нашествіе Тамерлана». Оставшіеся въ живыхъ, старые воеводы Дмитрія Іоанновича, явились къ Василію въ доспѣхахъ, обагренныхъ кровью на Куликовомъ полѣ. Москву, въ своемъ отсутствіи великій князь поручилъ Владиміру Храброму. Оттуда митрополитъ Кипріанъ, по его желанію, послалъ во Владиміръ за чудотворной иконою, вывезенной изъ Вышгорода Андреемъ Боголюбскимъ. Эта икона торжественно была встрѣчена на Кучковомъ полѣ и помѣщена въ Успенскомъ московскомъ храмѣ. Тѣмъ временемъ во всѣхъ церквахъ столицы народъ усердно

31) Картина: Встрѣча чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери москвичами.

молился объ отвращеніи бѣдствія съ горячей вѣрой въ спасеніе Москвы Божьей Матерью. Дѣйствительно Тамерланъ, не находя большой для себя поживы въ уже много разъ ограбленныхъ татарами земляхъ, вдругъ повернулъ внизъ къ Азову, служившему складочнымъ мѣстомъ для венеціанскихъ и генуэзскихъ товаровъ; тѣмъ болѣе, что наступало уже ненастье сѣверной осени.

Въ память этого избавленія русской земли отъ новаго погрома татарскаго, Василій Дмитріевичъ соорудилъ на Кучковомъ полѣ храмъ въ честь Богоматери, съ монастыремъ, названнымъ Срѣтенскимъ; и съ тѣхъ поръ русская церковь установила праздникъ Срѣтенія Владимірской Божьей Матери: 26 Августа. Въ Азовѣ Тамерланъ, несмотря на изъявленіе ему покорности населеніемъ, ограбилъ всѣ его богатства, и городъ сжегъ. Онъ вернулся въ Азію, разгромивъ еще послѣ Астрахань и Сарай; завоевавъ кавказскія земли аланъ и черкесовъ, при чемъ самыя неприступныя горныя крѣпости не могли устоять передъ его полками. Орда Кипчакская, послѣ ухода Тимура, осталасьвъ жалостномъ состояніи. Тимуръ объявилъ ханомъ ея нѣкого: Кирійчакъ-Аглена,—возложивъ на него царскій вѣнецъ.

Великій князь литовскій Витовтъ, возвѣстивъ, что будто идетъ на помощь Василію противъ Тамерлана, вмѣсто того, явился съ войскомъ своимъ подъ стѣнами Смоленска, пользуясь отсутствіемъ оттуда князя его: Юрія Святославича, гостившаго въ это время у Олега рязанскаго, находясь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Юрій хотѣлъ заручиться его поддержкой въ своихъ мелкихъ спорахъ съ родственниками и братьями за смоленскія земли. Освобожденный теперь изъ плѣна, Глѣбъ Святославичъ выѣхалъ въ станъ литовскій, окруженный боярами и далекій

отъ подозрѣнія настоящихъ хищныхъ видовъ на смоленскую землю Витовта; тѣмъ болѣе, что Юрій ему помогалъ, какъ подручный князь, при захватѣ Витебска, откуда Свидригайло въ оковахъ отправленъ былъ къ польскому королю за то, что сбросилъ съ высокой стѣны его намѣстника въ этомъ городѣ, желая, самъ водвориться тамъ княземъ. Но въ 1394 г. Витовтъ заключилъ миръ, съ мѣшавшимъ ему остановить свой взглядъ на Смоленскѣ, нѣмецкимъ Орденомъ, послѣ того что магистръ его: Конрадъ, вынужденъ былъ, несмотря на свою превосходную артиллерію, отступить съ большимъ урономъ отъ, безуспѣшно имъ осажденной, Вильны. Тогда онъ поспѣшилъ обратить оружіе на востокъ и привести въ исполненіе свое намѣреніе окончательно подчинить Литвѣ Смоленскую область. Тѣмъ не менѣе, литовскій великій князь обласкалъ Глѣба какъ друга, объяснивъ ему внезапное появленіе войскъ своихъ подъ Смоленскомъ, только благимъ рѣшеніемъ по справедливости разобрать взаимные споры смоленскихъ князей за родовые ихъ города. А когда всѣ другіе легковѣрные родственники князя Глѣба тоже явились къ нему въ шатеръ съ дарами, не позаботившись объ охранѣ столичной крѣпости, Витовтъ объявилъ ихъ своими плѣнниками и безъ труда овладѣлъ Смоленскомъ въ 1395 г., давъ послѣ того только Глѣбу Святославичу небольшой удѣлъ въ мѣстечкѣ Половное.

Тогда, оставшійся на свободѣ Юрій Святославичъ, бросился воевать въ Литву, при поддержкѣ князя рязанскаго, съ своей стороны угрожаемаго беззастѣнчивыми захватами великаго князя литовскаго, такъ какъ господство послѣдняго подступило къ самой Окѣ. Но пока Юрій Святославичъ, мстя за

свою обиду, старался рядомъ съ Олегомъ нанести пораженіе Витовту въ предѣлахъ его земли, великій князь московскій не порывалъ съ тестемъ родственной дружбы, хотя потеря Смоленска изъ числа русскихъ владѣній, въ душѣ должна была огорчить его. Осторожный и осмотрительный, онъ считалъ болѣе благоразумнымъ не измѣнять, хотя бы только внѣшней пріязни своей съ такимъ могущественнымъ государемъ, какимъ на западѣ теперь сталъ Витовтъ. Потому, отвѣчая на лицемѣрныя выраженія дружбы со стороны Витовта, онъ самъ поѣхалъ къ нему сопровождаемый митрополитомъ въ Смоленскъ на Пасху, въ 1396 г. для того, чтобы мирно установить новую порубежную черту ихъ владѣній. Теперь этотъ сынъ Кейстута сталъ государемъ почти всей южной Руси. Подъ власть его перешла большая часть области вятичей въ нынѣшней Орловской губ., съ полосами земли въ Калужской и Тульской. Захвативъ Ржевъ и Великія Луки, онъ господствовалъ отъ Псковской земли до Галиціи и Молдавіи; а съ другой стороны до береговъ Оки и Днѣпра. Скрѣпя сердце, Василій раздѣлялъ съ тестемъ его веселые пиры въ Смоленскѣ. Зато Витовтъ обѣщалъ московскому митрополиту не притѣснять греческой вѣры и призналъ Кипріана главой духовенаств въ подвластныхъ ему, русскихъ земляхъ. Потому Кипріанъ изъ Смоленска поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ пробылъ болѣе года.

Василій Дмитріевичъ убѣдилъ Олега снять безразсудную его осаду съ литовскаго городка Люботска вблизи Калуги; однако, не поддержалъ его, когда Витовтъ, въ гнѣвѣ за его дерзость, ворвался самъ въ предѣлы рязанской земли и пролилъ тамъ потоки крови, отомщая ему за нападеніе на Литву. Олегъ едва могъ укрыться

отъ безпощадной рѣзни литовцами своихъ подданныхъ въ густыхъ рязанскихъ лѣсахъ. Витовтъ, наконецъ, ушелъ смягченный большой добычею и полономъ; но отдыхалъ еще по дорогѣ у своего, волей-неволей смиренно терпѣвшаго его наглость, зятя,—въ Коломнѣ, гдѣ былъ крайне ласково принятъ и гдѣ великій князь снова съ нимъ пировалъ нѣсколько дней. Смоленскій князь—Юрій Святославичъ тоже остался жить у Олега рязанскаго. Несчастный же ханъ Тахтамышъ, изгнанный изъ Золотой орды, нашелъ убѣжище, съ большимъ количествомъ вѣрныхъ ему татаръ, у Витовта. Съ тѣхъ поръ умножилось ихъ число среди населенія западной Руси и Литвы. Они сохранили свободу своихъ обычаевъ и религіи, неся только обязательство военной службы. Въ это же время, еврейское населеніе въ литовско-русской землѣ, получило, по грамотамъ Витовта, большія преимущества. Такъ, напримѣръ, еврея заимодавца нельзя было заставить выдать закладъ въ субботу; нельзя было потребовать отъ него клятвы на десяти заповѣдяхъ, иначе какъ въ крупномъ дѣлѣ. Если христіанинъ позволялъ себѣ разогнать собраніе іудеевъ, то все его имущество отбиралось въ казну. Въ случаѣ христіанинъ обвинитъ еврея въ убійствѣ христіанскаго младенца, то преступленіе должно быть засвидѣтельствовано тремя христіанами и тремя евреями «добрыми». Если эти свидѣтели обвиненнаго оправдаютъ, то обвинившій подвергается тому наказанію, какое присуждалось бы за его вину оправданному.

Мы видимъ, что большая часть западной Руси подчиняется князьямъ литовскимъ, тогда какъ меньшая часть отходитъ къ Польшѣ. Преобладающее въ Литвѣ русское, православное населеніе вступаетъ въ упорную

борьбу съ католическими стремленіями Ягелло и его ставленниковъ. Эта борьба является самою яркою стороною отношеній юго-западныхъ древне-русскихъ земель къ Литвѣ и Польшѣ послѣ Гедимина, когда обособленное историческое существованіе ея дѣлается уже немыслимымъ. Именно этого времени управленія страной Витовта съ 1397 г. повидимому касаются, и до насъ дошедшія записки о Литвѣ начальника госпиталей тевтонскаго Ордена, извѣстныя подъ названіемъ: «Дневника графа Конрада Кибурга». Съ нѣмецкимъ посольствомъ, имѣвшимъ, какъ надо думать, своею цѣлью: поддержать недовѣріе Витовта къ Ягелло, чтобъ воспрепятствовать, по мѣрѣ возможности, прочному соединенію Литвы съ Польшей, невыгодному для Ордена,—Кибургъ приплылъ по Нѣману, сначала къ каменнымъ укрѣпленіямъ города Ковно. Тамъ онъ описываетъ наружный видъ литовскаго войска: «Тяжелая кавалерія была закована въ желѣзную броню, на подобіе польской; но «легкая»,—вооруженная только палками, т. е. пиками,—сидѣла на тощихъ коняхъ». А, кромѣ того, замѣченъ былъ имъ отрядъ коннаго войска, одѣтаго, сверхъ разноцвѣтныхъ кафтановъ, въ темно-сѣрые плащи съ остроконечными капюшонами, въ родѣ монашескихъ, на головахъ. Онъ состоялъ изъ людей пожилыхъ съ длинными бородами. Литовцевъ Кибургъ описываетъ народомъ высокаго роста; темноволосымъ; честнымъ и весьма способнымъ къ военному дѣлу.

32) Картина. Литовскіе воины.

Когда 22 іюня посольство верхомъ на коняхъ, достигло стольнаго города—Вильно, великій князь былъ еще въ отсутствіи. Нѣмецкій графъ здѣсь особенно хвалитъ, уже упомянутаго нами однажды, перваго епископа католической церкви въ Литвѣ: Андрея Васило, который принялъ пословъ и угощалъ ихъ обѣдомъ. По

его увѣреніямъ, новообращенная Литва отличалась усердіемъ къ христіанству, покорностью папѣ—и находилась на пути къ воспріятію западно-европейской культуры. Посламъ, въ самый день ихъ пріѣзда, разрѣшено было осмотрѣть каѳедральный соборъ, воздвигнутый въ Вильно изъ нетронутыхъ стѣнъ обширнаго капища недавнихъ язычниковъ. Главный алтарь находился тамъ, гдѣ прежде горѣлъ неугасимый огонь Перкуна. Въ одномъ изъ предмѣстьевъ Вильно была раньше заповѣдная роща, посвященная всѣмъ богамъ, съ деревяннымъ капищемъ, за которымъ раскидывался большой дремучій лѣсъ. На его протяженіи были разбросаны охотничьи дома и звѣринцы литовскихъ бояръ. Въ день народнаго праздника: Іоанна Купалы, совпадавшаго съ христіанскимъ праздникомъ русскихъ въ честь Іоанна Крестителя, послы отправились въ сосѣднія долины и рощи смотрѣть на народное празднество. Среди множества шалашей и разведенныхъ костровъ тамъ гудѣлъ говоръ и раздавались пѣсни толпившагося простонародья, при чемъ молодежь предавалась пляскамъ. Особый большой костеръ горѣлъ въ живописной долинѣ, гдѣ на коврахъ сидѣли мужчины и женщины высшихъ сословій, отдѣльно другъ отъ друга. Они слушали пѣніе старцевъ и пировали у низкихъ столовъ, тогда какъ слуги свѣтили имъ восковыми факелами. На двухъ дальнихъ пригоркахъ поочередно играла музыка, тогда какъ вокругъ на холмахъ пылали смоляныя бочки и куски дерева. При дворѣ литовскихъ князей и въ ихъ международныхъ сношеніяхъ употреблялся русскій языкъ; и письменность въ ихъ дѣлопроизводствѣ была исключительно русская. Чтенію и письму молодые люди учились обыкновенно въ русскихъ школахъ, при монастыряхъ. Во время татарскаго ига мно-

33) Картина: Народный праздникъ въ Литвѣ—Іоанна купала, послѣ крещенія литовцевъ.

гіе ученые руссины, съ восточной стороны Днѣпра ушли въ Литву и принесли сюда свои познанія. Объ этомъ господствѣ русской образованности въ Литвѣ епископъ Андрей сообщилъ Кибургу съ великимъ сожалѣніемъ; и Кибургъ сѣтуетъ на то, что обращая литовцевъ въ католичество, оставляютъ въ покоѣ русскихъ, тогда какъ ихъ вѣра ни что иное, какъ злая ересь. По этой бесѣдѣ ревностныхъ католиковъ можно уже предвидѣть будущія гоненія на русскую церковь въ польско-литовскомъ государствѣ. Самъ Витовтъ имѣлъ постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ великолѣпный каменный замокъ на островѣ озера въ Новыхъ Трокахъ. Кибургъ изображаетъ его государемъ умнымъ и дѣятельнымъ, не любящимъ ни охоты, ни шумныхъ пировъ; въ обращеніи сдержаннымъ, но для своего народа очень доступнымъ. Онъ самъ объѣзжаетъ владѣнія своихъ подручныхъ князей и надзираетъ за веденіемъ хозяйства въ коронныхъ имѣніяхъ,—такимъ образомъ, собирая большіе доходы.

Когда Витовтъ прибылъ въ Вильно, то посѣщеніе посольствомъ его дворца было обставлено весьма торжественно, съ царской пышностью. У входа стояла нарядная кучка, такъ называемыхъ, «комнатныхъ дворянъ» и ряды слугъ въ дворцовыхъ кафтанахъ; между тѣмъ, какъ двери главной пріемной залы охранялись восемью стражниками огромнаго роста, съ большими усами и бритыми подбородками, въ высокихъ, черныхъ мѣховыхъ шапкахъ, обвитыхъ спиралью золотыми цѣпями, которыхъ кисти падали на плечи; на подбородкахъ же эти шапки застегивались золотистою чешуей. Оружіе ихъ составляли бердыши изъ серебра и полированной стали. Великій князь сидѣлъ на богато украшенныхъ креслахъ, а

34) Картина: Дворъ вел. князя Витовта въ Вильно при посѣщеніи его графомъ Кибургомъ.

по обѣимъ его сторонамъ стояли два пажа въ бѣлыхъ одеждахъ. Витовтъ былъ одѣтъ въ желтый шелковый камзолъ, застегнутый до горла золотыми пуговицами на золотыхъ петлицахъ; на немъ были розовые порты и красные кожанные сапоги съ золотыми шпорами. Изъ-за вышитаго золотомъ пояса, выглядывала рукоять кинжала, осыпанная драгоцѣнными каменьями, а сверхъ камзола накинутъ былъ еще короткій кафтанъ гранатнаго цвѣта, литовскаго покроя.

Новымъ поводомъ для раздора между Витовтомъ и королевской польской четой, послужилъ вопросъ о Подольѣ: на дѣлѣ оставшемся леннымъ владѣніемъ литовскимъ, тогда какъ Витовтъ его уступилъ Ягелло. Вельможи польскіе были очень тѣмъ не довольны, такъ какъ со времени Казиміра Великаго, Галиція и часть Волыни вошли въ составъ польскаго государства; Подолье же считалось землею Галицко-Литовской Руси, а, слѣдовательно, достояніемъ польской короны. На этомъ основаніи Ядвига, какъ наслѣдница Казиміра и Людовика венгерскаго, вдругъ потребовала отъ Витовта ежегодной дани съ Подольскаго края, какъ съ леннаго ея владѣнія. Витовтъ оскорбился подобнымъ требованіемъ, относясь очень ревниво, къ оружіемъ добытому имъ для себя, достоинству, такого же самостоятельнаго литовско-русскаго князя, какимъ были Гедиминъ и Ольгердъ.

Осенью 1398 г. онъ съѣхался на рѣкѣ Дубиссѣ съ магистромъ нѣмецкаго Ордена и опять, заключилъ съ нимъ отдѣльный отъ Польши, литовско-прусскій союзный договоръ. По этому договору онъ сдѣлалъ важныя уступки Ордену въ Жмуди и далъ согласіе на подчиненіе ему Пскова, тогда какъ Орденъ обѣщалъ зато помочь Витовту въ за-

воеваніи Новгорода Великаго. На пирахъ этого блестящаго съѣзда превозглашались тосты за здоровье Витовта, какъ короля Литвы и Руси. Литовско-прусскій договоръ былъ неожиданно тяжелымъ ударомъ для Ядвиги. Послѣ 12-ти лѣтъ бездѣтнаго брака съ Ягелло, въ которомъ она такъ и не нашла счастья, разбитаго судьбой въ ея юности, у нихъ, наконецъ, родилась дочь въ 1399 г., но ребенокъ умеръ вскорѣ послѣ рожденія; а за нимъ послѣдовала въ могилу и сама Ядвига. Умирая, она завѣщала мужу жениться на внучкѣ Казиміра Великаго: Аннѣ, чтобы тѣмъ укрѣпить свои права на польскій престолъ.

Глава VI.

Несправедливое требованіе Василіемъ Дмитріевичемъ и Витовтомъ разрыва новгородцами ихъ торговаго договора съ тевтонскимъ Орденомъ. Напрасная попытка Василія присоединить къ московскимъ владѣніямъ богатую Двинскую землю, ее отнявъ у Новгорода. Честолюбивые замыслы великаго князя Витовта: овладѣть ханствомъ Сарайскимъ, подъ видомъ покровительства Тахтамышу, чтобы господствовать на азіатскомъ востокѣ. Благоразумное воздержаніе отъ вмѣшательства, въ предпринимаемый имъ походъ, Василія. Союзъ сыновей умершаго городецкаго князя Бориса Константиновича: Симеона и Василія Кирдяпы, съ ханомъ камскихъ татаръ-Эйтякомъ для нападенія на Нижній-Новгородъ. Быстрое усмиреніе ихъ и побѣдоносный походъ въ глубь Камской Булгаріи брата Василія: Юрія Дмитріевича. Заносчивое объявленіе войны Витовтомъ Сарайскому хану Темиръ-Кутлаю съ дерзкимъ отвѣтомъ на его мирныя предложенія. Кровопролитная, безпощадная битва на рѣкѣ Ворсклѣ, собранныхъ Витовтомъ, войскъ, съ татарами. Полное торжество хана Кутлая со старымъ мурзой Эдигеемъ и гибель многихъ западно-русскихъ князей. Дружеское сочувствіе князю Витовту въ жестокомъ его пораженіи и скорая смерть тверского князя Михаила Александровича. Его сынъ Іоаннъ и ханъ Шардибекъ: преемникъ Кутлая. Кратковременное пребываніе князя Юрія Святославовича въ Смоленскѣ, имъ возвращенномъ себѣ при помощи Олега рязанскаго. Плѣненіе сына Олега Симеономъ Ольгердовичемъ и смерть престарѣлаго рязанскаго князя отъ огорченія. Осада Смоленска Витовтомъ. Непрочность господства въ немъ Юрія безъ поддержки Василія Дмитріевича, ему отказавшаго въ помощи. Отъѣздъ его въ Новгородъ и томитель-

ное скитаніе послѣ злодѣйскаго умерщвленія князя вяземскаго. Милостивое отношеніе Витовта къ Смоленску. Объявленіе имъ войны Новгороду и нападеніе на псковскія земли. Завистливая непріязнь къ псковичамъ новгородцевъ. Преслѣдованіе псковичами литовцевъ и осада Полоцка. Поддержка великимъ княземъ Василіемъ Пскова и Новгорода въ ихъ борьбѣ съ Литвою. Присылка ему на помощь своихъ полковъ ханомъ Шадибекомъ. Встрѣча боевыхъ силъ Витовта съ московскими на берегахъ Угры. Заключеніе мира между нимъ и Василіемъ. Набѣги тевтонскихъ рыцарей на новгородскія и псковскія земли. Побѣды псковичей надъ врагами и пріѣздъ въ Псковъ брата Василія: князя Константина Дмитріевича. Сильное пораженіе, нанесенное псковичамъ нѣмцами на Логозовицкомъ полѣ и миръ съ Ливоніей въ 1410 г. Укрѣпленіе связи между Литвой и Польшей. Возстаніе жмудиновъ противъ насильственнаго крещенія ихъ нѣмецкими рыцарями и поддержка его Витовтомъ, желавшимъ вернуть себѣ свой удѣлъ. Неудачное посредничество чешскаго короля Венцеля съ братомъ, между германскою и славянской народностями на западѣ. Знаменитая Грюнвальдская битва обоихъ рыцарскихъ Орденовъ съ поляками и литово-русскими войсками. Разгромъ нѣмецкаго войска и окончательный упадокъ послѣ того значенія рыцарей, утратившихъ самую цѣль своего существованія, а также постоянное подкрѣпленія ихъ числа съ запада:—вслѣдствіи водворенія во всей Литвѣ Ягелломъ католической вѣры. Оплошность польскаго короля. Генрихъ-фонъ-Плауенъ. Своекорыстіе Витовта, вернувшаго себѣ Жмудь и ушедшаго первымъ изъ подъ стѣнъ тевтонской столицы, спасенной фонъ-Плауеномъ. Потеря со Жмудью земельной связи между двумя Орденами рыцарей. Прекращеніе Василіемъ Дмитріевичемъ платежа дани татарскимъ ханамъ. Нападеніе на Москву стараго Эдигея и защита ея Владиміромъ Храбрымъ съ братьями великаго князя, уѣхавшаго въ Коломну для сбора войска. Уклоненіе Ивана Михайловича тверского отъ помощи Эдигею. Снятіе Эдигеемъ московской осады вслѣдствіи смутъ въ ордѣ. Благоразумное смиренье Василія передъ новымъ ханомъ: сыномъ Тахтамыша. Свирѣпый образъ дѣйствій при захватѣ Владиміра на Клязмѣ одного изъ потомковъ суздальскихъ князей: Даніила Борисовича. Встрѣча московскаго великаго князя въ ордѣ съ тверскимъ княземъ Іоанномъ и мирное соглашеніе между ними.

Прямымъ послѣдствіемъ второго, вынуждено-дружескаго свиданія великаго князя Василія Дмитріевича съ Витовтомъ въ Коломнѣ,—было совмѣстное ихъ требованіе отъ Новгорода Великаго, разрыва его торговаго союза съ тевтонскимъ Орденомъ, тогда еще враждебнымъ Витовту. Витовтъ былъ недоволенъ, что сынъ, убитаго имъ Наримонта Ольгердовича: Патрикій и одинъ изъ мелкихъ князей смоленскихъ:

Василій Іоанновичъ, нашли себѣ въ Новгородѣ убѣжище отъ его насилія. А что касалось Василія Дмитріевича, то онъ отчасти желалъ угодить сильному тестю; отчасти тайно стремился, подобно своимъ предшественникамъ, имѣть предлогъ для захвата въ пользу Москвы богатаго Двинскаго Заволочья. Между тѣмъ, нѣмцы и новгородцы, чувствуя обоюдно, настоятельную нужду въ свободной торговлѣ,—съ 1391 г. не нарушали, торжественно заключеннаго ими между собою мира; и потому эта торговля ихъ процвѣтала болѣе чѣмъ когда-нибудь. Германскіе купцы ежегодно подвозили къ берегамъ Волхова, съ разныхъ концовъ нѣмецкой земли, всѣ ремесленныя произведенія Европы. Московскій великій князь предвидѣлъ, послѣдовавшій рѣшительный отказъ Новгорода исполнить жестокое и на этотъ разъ ни на чемъ не основанное, требованіе его, а, тѣмъ болѣе Витовта, въ огромный ущербъ торговымъ своимъ оборотамъ. Онъ поспѣшилъ объявить новгородцамъ войну и послалъ сильную рать прямо въ двинскую землю, къ себѣ, привлекавшую еще Іоанна Калиту закамскимъ серебромъ, а также лучшими мѣхами Сибири. Она славилась кромѣ того птицеловствомъ и великіе князья пользовались, по договору съ новгородцами, правомъ держать тамъ своихъ сокольниковъ на земскій счетъ. Двиняне, нерѣдко терпя притѣсненія со стороны корыстолюбивыхъ новгородскихъ правителей, дружелюбно встрѣтили москвичей и приняли отъ Василія Дмитріевича намѣстникомъ въ свою землю князя ростовскаго: Ѳедора. Даже нѣкоторые новгородскіе воеводы, склонявшіеся на сторону Москвы, предательски объявили себя ея вѣрными слугами. Между тѣмъ, великій князь еще взялъ Торжокъ, Волоколамскъ, Бѣжецкій Верхъ и Вологду. Эта внезапная утрата всего Заволочья не

могла не привести въ ужасъ Новгородъ, такъ какъ она подрывала въ корнѣ его торговлю съ нѣмцами, преимущественно искавшими, въ обмѣнъ на свои товары, цѣнныхъ сибирскихъ мѣховъ. Отчаяніе имъ предало мужество. Посадникъ сталъ во главѣ 8-ми тысячъ воиновъ и разгромилъ съ ними Бѣлозерскъ; пожегъ посады вокругъ города Устюга, гдѣ овладѣлъ чудотворной иконою Божьей Матери изъ мѣстной церкви; и затѣмъ,—раздѣливъ войско свое, пять тысячъ человѣкъ, направилъ въ крѣпость Орлецъ Двинской земли, противъ намѣстника великокняжескаго съ новгородскими воеводами, измѣнившими своему родному городу. Осажденные принуждены были сдаться и жители Заволочья снова смиренно били челомъ Великому Новгороду. Посадникъ: нѣкій Тимофей Юрьевичъ, съ торжествомъ возвративъ ему, такимъ образомъ, богатое Заволочье, заключилъ въ оковы измѣнниковъ; а князя Ѳедора отпустилъ съ его людьми безъ вреда въ Москву, куда новгородцы потомъ отправили пословъ просить мира у Василія Дмитріевича, хорошо зная мѣру силъ своихъ и довольствуясь пока, ихъ выручившей удачей. Витовтъ тоже велъ двойную игру, тайно склоняя Новгородъ предаться подъ защиту Литвы, тогда какъ во время свиданія его съ магистромъ нѣмецкаго Ордена на рѣкѣ Дубиссѣ, имъ явно было выражено стремленіе овладѣть Новгородомъ, какъ онъ овладѣлъ Смоленскомъ. Тонкій умомъ, проницательный Василій Дмитріевичъ догадывался о томъ и понялъ, что новгородцы, явившіеся къ нему съ дарами, въ знакъ боязливой, хитрой своей покорности, доведенные до отчаянія, могли, дѣйствительно, оправдать лицемѣрный расчетъ Витовта и отойти къ Литвѣ. Потому онъ съ досадой въ душѣ, благоразумно рѣшилъ отказаться отъ Двинской области, Вологды и

другихъ, захваченныхъ имъ новгородскихъ земель; далъ миръ Новгороду и послалъ туда брата-Андрея для исполненія его условій.

Чувствуя себя посрамленнымъ такой неудачей своей двуличной игры, Витовтъ тотчасъ порвалъ миръ, заключенный между нимъ и Новгородомъ съ перваго года его великокняженія въ Литвѣ, переславшись возвращеніемъ дружественныхъ ихъ грамотъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «разметныхъ», передъ началомъ военныхъ дѣйствій. Однако Витовту пришлось пока отложить эту войну, потому что его умъ былъ обуянъ въ то время иною, болѣе важной, честолюбивой мечтой: быть побѣдителемъ Тамерлана и открыть себѣ путь на востокъ, располагая тономъ Батыя. Онъ съ этой цѣлью послалъ въ Москву князя Ямонта, намѣстника своего въ Смоленскѣ: просить Василія помощи и содѣйствія въ предпринимаемомъ имъ походѣ для возвращенія Тахтамышу его Сарайскихъ владѣній. Но несмотря на мнимую дружбу Витовта, Василій Дмитріевичъ и тутъ не далъ себя завлечь въ ея незримыя сѣти. Онъ зналъ прекрасно, что Витовтъ, при первомъ удобномъ случаѣ овладѣлъ бы Москвою такъ же, какъ онъ взялъ недавно Смоленскъ; а потому, вмѣсто полковъ, послалъ Витовту лишь дочь его съ привѣтливыми словами.

Ничего не могло быть для Россіи благопріятнѣй кровавой войны между двумя, одинаково ненавистными и враждебными ей, народами. Но, отказываясь принять участіе въ замышляемой Витовтомъ опасной борьбѣ съ монголами Тамерлана, Василій не устрашился самъ поднять мечъ противъ татаръ, разорившихъ въ 1399 г., принадлежащій теперь къ московскимъ владѣніямъ, Нижній Новгородъ.

Послѣ смерти Бориса Константиновича, его пле-

мянники: Симеонъ и Василій Кирдяпа—Дмитріевичи,—бѣжали къ татарамъ бывшей Камской Булгаріи, стараясь тамъ найти помощь для возвращенія себѣ суздальскаго княженія. Какой-то царевичъ Ейтякъ пришелъ съ Симеономъ подъ Нижній Новгородъ во главѣ тысячи татарскихъ воиновъ и вѣроломно ворвался съ ними въ суздальскую столицу, вопреки мирному договору съ московскими воеводами, три дня державшимися въ осадѣ, обладая малыми силами для защиты отъ нападенія. Хотя Нижній Новгородъ былъ разграбленъ татарами Ейтяка, но Семенъ Дмитріевичъ бѣжалъ оттуда, едва заслышавъ о приближеніи московской рати. Несмотря на то, братъ Василія: Юрій, послѣдовалъ съ войскомъ своимъ за союзниками Симеона въ ихъ Камскую землю, гдѣ разгромилъ Казань, Великіе Булгары, Жукотинъ и многіе другіе татарскіе города, втеченіи трехъ мѣсяцевъ, отомщая татарамъ за грабежъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Симеонъ Дмитріевичъ вскорѣ послѣ того, наконецъ, покорился своей несчастной судьбѣ, ради семьи, укрывавшейся въ мордовскихъ лѣсахъ отъ московскаго плѣна. Онъ избралъ для житья Вятку, гдѣ умеръ въ 1402 г. Василій Кирдяпа, смирясь, въ свою очередь передъ мощью московскаго великаго князя, временно получилъ отъ него въ удѣлъ Городецъ.

Лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что никогда еще русскія войска побѣдоносно не заходили такъ далеко въ глубину ханскихъ владѣній, какъ въ этотъ походъ брата Василія Дмитріевича, почему онъ съ этихъ поръ прослылъ завоевателемъ Камской Булгаріи.

Мы уже знаемъ, что изгнавъ Тахтамыша изъ его царства, Тамерланъ отдалъ Золотую орду во власть сыну хана Уруса: Койричаку. Но по уходѣ великаго завоевателя, въ Сараѣ возвысился и по своему зна-

ченію сталъ вторымъ Мамаемъ, одинъ изъ мурзъ его: Едигей. На мѣсто Койрачака онъ посадилъ царевича Тимуръ-Кутлая. Съ нимъ и пришлось придти теперь въ столкновеніе литовскому вел. князю, какъ покровителю Тахтамыша. Витовтъ готовился къ своему походу противъ татаръ еще при жизни Ядвиги и Ягелло далъ двоюродному брату на помощь лучшихъ своихъ воеводъ; но болѣе проницательная Ядвига предсказывала ему бѣдствіе. Наконецъ въ Кіевѣ собрались не только полки литовскіе, но и дружины всѣхъ русскихъ князей, подвластныхъ Литвѣ. Въ составъ войска Витовта входили конечно татары Тахтамыша; и Прусскій Орденъ прислалъ отъ себя пятьсотъ панцерныхъ всадниковъ. Кромѣ самострѣловъ оно имѣло уже въ своемъ распоряженіи огнестрѣльныя пушки и кремневыя ружья, называвшіяся пищалями. Тимуръ-Кутлай прислалъ Витовту пословъ, съ просьбой о выдачѣ ему Тахтамыша; но блескъ Куликовской славы въ Москвѣ, возбуждалъ, повидимому, высокомѣрное соревнованіе Витовта. Онъ отвѣчалъ непреклонно татарскимъ посламъ, что хочетъ самъ повидаться съ Тимуромъ-Кутлаемъ и въ іюлѣ 1399 г. выступилъ въ походъ изъ Кіева, тѣмъ самымъ путемъ, какимъ нѣкогда Мономахъ ходилъ войною на половцевъ. На берегахъ Ворсклы произошло его свиданіе съ Кутлаемъ, желавшимъ мира. Но Витовтъ, превозносясь надъ нимъ, за разрывъ дружбы своей съ Тахтамышемъ потребовалъ, чтобы Сарайскій ханъ, въ знакъ своего полнаго подчиненія Литвѣ, изображалъ печать его на татарскихъ деньгахъ. Пока велись эти переговоры, на помощь къ Кутлаю подоспѣлъ старый мурза Едигей. Ядовитой насмѣшкой надъ, оскорбительнымъ для татаръ, чрезмѣрнымъ требованіемъ Витовта, онъ вызвалъ на бой литовскаго великаго князя.

*

Тотъ приказалъ своимъ войскамъ, покинувъ лагерь среди чистаго поля, огороженный лишь телѣгами и цѣпями, перейти Ворсклу. Сраженіе началось 12 августа, уже послѣ полудня; причемъ страшная пыль, поднятая въ степи движеніемъ полковъ, скрыла отъ глазъ литовцевъ все построенье татарской рати. Легкая татарская конница, то быстро сплачивалась въ одномъ мѣстѣ, гдѣ того требовалъ перемѣнчивый ходъ общей битвы; то разсыпалась въ разныя стороны. Противъ нея оказалось безсильнымъ дѣйствіе неповоротливыхъ, громоздкихъ пушекъ. Несмотря на то, что Витовтова рать билась храбро и, поражая тучею стрѣлъ враговъ, успѣла отчасти смять полки Эдигея,—Кутлуй обошелъ ее съ тыла, послѣ чего стремительнымъ натискомъ обратилъ въ бѣгство,—во первыхъ, Тахтамыша; а вслѣдъ за нимъ самаго Витовта. Кони орденскихъ рыцарей были всѣ перебиты, такъ что уцѣлѣвшіе всадники отбивались отъ татаръ пѣшіе. Только темная ночь помогла побѣжденнымъ спастись отъ преслѣдованія татаръ, едва ли даже и въ одной трети всего числа литовскаго войска. Кровопролитіе было ужасно и безпощадно. Множество русскихъ князей полегло на мѣстѣ. Между ними палъ въ битвѣ Глѣбъ Святославичъ смоленскій; два князя волынскихъ: прямые потомки доблестнаго Даніила Галицкаго; сподвижники Дмитрія Донского на Куликовомъ полѣ: Дмитрій Корибутъ Брянскій и Андрей Полоцкій, бѣжавшій изъ плѣна въ Псковъ, гдѣ онъ пробылъ потомъ нѣсколько времени. Убитъ былъ тоже намѣстникъ Витовта въ Смоленскѣ: Ямонтъ. Эта побѣда Кутлуя на рѣкѣ Ворсклѣ показала Москвѣ насколько осталась еще могуча Сарайская Золотая орда; хотя, Василій Дмитріевичъ могъ зато утѣшиться мыслей объ ослабленіи силъ, не менѣе для него

опасной, Литвы. Витовтъ нашелъ искреннее сочувствіе своему несчастью только въ старомъ тверскомъ князѣ: Михаилѣ Александровичѣ; но уже передъ самой его кончиной. Несмотря на благоразумное прекращеніе безполезной своей вражды къ московскому великому князю и даже оборонительный союзъ съ Василіемъ противъ враговъ Руси,—Михаилъ Александровичъ тайно дружилъ съ Витовтомъ, имѣя сына, женатаго на его сестрѣ. Теперь ему уже исполнилось 66 лѣтъ отъ рожденія. Онъ вдругъ тяжело занемогъ и, умирая постригся въ монахи подъ именемъ Матвѣя. Ханъ Тимуръ-Кутлай тоже скоро послѣ своей побѣды, скончался, но его сынъ: Шардибекъ, выдалъ сыну Михаила: Іоанну, ярлыкъ на тверское княженіе. Іоаннъ, несмотря на погромъ Литвы, все же оставался другомъ Витовта. Василій Дмитріевичъ, тоже, не спѣшилъ объявлять себя врагомъ тестя, опасаясь орды, гдѣ онъ прекратилъ всякія выраженія своей покорности послѣ нашествія Тамерлана, дѣлая видъ, что не знаетъ: кого надо считать настоящимъ верховнымъ ханомъ изъ трехъ соперниковъ?

Хотя смоленскій князь: Юрій Святославичъ, выдавъ дочь свою Анастасію, за одного изъ братьевъ великаго князя, теперь просилъ его неотступно, какъ опасался того Витовтъ, помочь ему вновь овладѣть Смоленскомъ, Василій,—самъ горячо желая въ душѣ, такого возврата древняго русскаго города подъ власть законнаго князя,—рѣшительно отказалъ Юрію и Олегу рязанскому въ открытой помощи. Однако, тѣ все же осадили Смоленскъ, призванные смолянами, изъ тяготившихся подчиненіемъ Литвѣ. Когда Олегъ явился съ рязанскимъ войскомъ подъ стѣнами Смоленска, сторонники Юрія взяли верхъ

и отворили ему ворота въ 1401 г. Тогда Витовтъ началъ войну съ Рязанью и Смоленскомъ: сначала на столько неудачно, что Олегъ послалъ сына своего: Родослава отвоевать у него еще и Брянское княжество. Но Витовтъ поручилъ здѣсь начальство надъ своими полками искусному вождю: бывшему новгородскому князю, вернувшемуся оттуда въ 1392 г.— Симеону Лугвенію Олгердовичу; и тотъ, подъ Лобутскомъ, разбивъ на голову Радослава, взялъ его въ плѣнъ. Престарѣлый Олегъ, узнавъ о томъ, отъ огорченія умеръ. Лишившись въ немъ сильнаго покровителя и помощника, Юрій почувствовалъ положеніе свое въ Смоленскѣ очень непрочнымъ; особенно послѣ того, что Витовтъ овладѣлъ Вязьмой въ 1404 г. Хотя ему удалось отбить его нападеніе на Смоленскъ, выдержавъ семинедѣльную осаду города литовскимъ войскомъ, ежедневно громившемъ стѣны Смоленска выстрѣлами изъ пушекъ, — онъ все же отправился лично въ Москву, чтобы снова тамъ умолять Василія Дмитріевича о помощи. Вліяніе Софьи Витовтовны, отчасти было причиной упорнаго колебанія вел. князя поддержать Смоленскъ въ рукахъ Юрія Святославича; а отчасти онъ самъ повредилъ себѣ излишней жестокостью при расправѣ съ приверженцами Литвы въ Смоленскѣ; такъ что, когда Витовтъ, воспользовавшись его отсутствіемъ, опять подступилъ къ Смоленску, бояре его впустили въ городъ лѣтомъ того же 1404 г.

Послѣ того Юрій уѣхалъ въ Новгородъ и временно тамъ нашелъ для себя пріютъ. Но кончилъ онъ жизнь безпокойнымъ скитаньемъ, послѣ совершеннаго имъ злодѣйства: въ порывѣ гнѣва онъ убилъ друга своего, ему подручнаго князя Вяземскаго, вмѣстѣ съ его женой: молодой, красивой Юльяніей.

Юрій былъ послѣднимъ смоленскимъ княземъ изъ потомковъ Мономахова внука: Ростислава Мстиславича. Частью казнивъ, частью подвергнувъ изгнанію изъ Смоленска, нѣкоторыхъ своихъ противниковъ тамъ, Витовтъ однако больше старался милостями привлечь къ себѣ смоленское населеніе, въ чемъ на столько успѣлъ, дарованіемъ гражданамъ и сельскимъ жителямъ разныхъ, выгодныхъ имъ, преимуществъ, — что утвердилъ за Литвою Смоленскъ болѣе чѣмъ на сто лѣтъ, закончивъ тѣмъ присвоеніе русскихъ городовъ литовскимъ государствомъ.

Витовтъ, къ тому времени, уже примирился съ Новгородомъ; но былъ теперь на него въ обидѣ за то, что тотъ далъ убѣжище его врагу. И дѣйствительно, новгородцы, заключая договоръ съ княземъ Юріемъ Святославичемъ противъ иноплеменниковъ, вѣроятно имѣли въ виду самаго опаснаго среди нихъ: великаго князя литовскаго. Въ 1405 г. Витовтъ послалъ объявленіе войны въ Новгородъ, а самъ внезапно напалъ на псковскую землю, какъ бы на его волость, захвативъ тамъ врасплохъ два города: Коложе и Вороначъ, гдѣ литовцы избивали даже дѣтей и откуда вывели болѣе десяти тысячъ плѣнныхъ. Въ то же время магистръ ливонскій опустошилъ псковскія селенья вокругъ Изборска, Острова и Котельна. Псковъ, уже освобожденный отъ прежняго подданства своего Новгороду; принимая намѣстника отъ великаго князя московскаго, управлялся своими особенными законами и могъ выбирать себѣ воеводъ, чиновниковъ и князей,—хотя бы чужеземныхъ. Но зато, всегда угрожаемые,—съ одной стороны Литвой, а съ другой ливонскими рыцарями,— они большей частью напрасно просили помощи своихъ собратьевъ. Завидуя успѣшной торговлѣ Пскова, нов-

городцы нарочно умалчивали о немъ въ своихъ договорахъ съ сосѣдями и оставляли псковичей безъ защиты во время опасности. На этотъ разъ псковичамъ удалось отомстить сейчасъ же Витовту разореніемъ ближайшихъ мѣстъ, ему подвластныхъ. Ихъ воины отняли у него свое Коложское знамя, а нѣмцевъ разбили. Новгородцы прислали имъ на помощь трехъ воеводъ, но когда Витовтъ уже вышелъ изъ русскихъ предѣловъ; а вторгаться въ Литву они побоялись вслѣдъ за псковичами, между тѣмъ какъ тѣ въ 1406 г.—поднявъ всю свою область три дня осаждали Полоцкъ. Вполнѣ сознавая, однако, недостаточность своихъ силъ для борьбы съ Витовтомъ, граждане Пскова обратились за помощью къ московскому великому князю.

Несмотря на свое рѣшеніе жить въ мирѣ съ Литвою, пока Витовтъ не трогаетъ его собственныхъ московскихъ владѣній, Василій Дмитріевичъ, наконецъ, понялъ опасность, грозившую ему отъ нея и сталъ собирать полки, чтобы ихъ послать въ сопредѣльныя литовскія земли. Считаясь государемъ Пскова, хотя при слабой еще зависимости его отъ Москвы, Василій хотѣлъ показать все значеніе такого названія передъ Витовтомъ и вмѣстѣ готовность свою къ войнѣ въ случаѣ необходимости, для спасенія цѣлости и свободы московскаго государства. Отправивъ въ Псковъ брата Константина, а Петра, въ Новгородъ, онъ потребовалъ удовлетворенія отъ Витовта; а послѣ заносчиваго его отвѣта, порвалъ съ нимъ миръ въ союзѣ съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ тверскимъ. Но такъ какъ первыя дѣйствія его войскъ, подъ Козельскомъ и Вязьмой, не увѣнчались успѣхомъ, то Василій Дмитріевичъ предусмотрительно поспѣшилъ возобновить дружелюбную связь съ татарской ордою. Благодаря находив-

шимся тамъ доброхотамъ Москвы, ханъ Шадибекъ прислалъ ему нѣсколько полковъ противъ Витовта, какъ противъ общаго ихъ врага. Противники встрѣтились въ первый разъ близъ мѣстечка Крапивны: нынѣшней Тульской губ. Но здѣсь дѣло кончилось только переговорами. Такъ же и при вторичной, казалось рѣшительной, встрѣчѣ обѣихъ ратей на берегахъ рѣки Угры,—причемъ въ многочисленное войско Витовта входили полки смоленскіе и кіевскіе во главѣ съ внукомъ Ольгерда: Олелькомъ Владиміровичемъ,—разумная осторожность обоихъ великихъ князей, послѣ нѣсколькихъ дней угрожающаго расположенія вражескихъ становъ другъ передъ другомъ, закончила эту войну мирнымъ условіемъ, признавшимъ Угру предѣльной чертой между московскими владѣніями и Литвою. Василій Дмитріевичъ, какъ надо думать, обязалъ тестя не безпокоить болѣе псковитянъ; но они потомъ заключили съ Витовтомъ еще свой особенный миръ.

Пока тевтонскій рыцарскій орденъ заканчивалъ миромъ свою борьбу съ Литвою; продолжались враждебныя столкновенія ливонскихъ меченосцевъ съ Новгородомъ и Псковомъ. Вернувшись въ 1406 г. изъ подъ Полоцка, псковичи были вынуждены собраться съ новыми силами для отомщенія рыцарямъ за разорительный двухнедѣльный набѣгъ ихъ. Жители пригорода—Веліо, въ числѣ 150 человѣкъ «желѣзной рати», помолясь Богу, ударили на враговъ и обратили ихъ въ бѣгство съ потерей знамени; между тѣмъ, какъ никто изъ вельянъ не былъ даже раненъ.

Послѣ того, позже осенью, псковичи подняли опять всю область свою и, войдя въ нѣмецкую землю, двоекратно разбили меченосцевъ, почему возвратились домой съ большой добычей. Когда въ слѣдующемъ

году пріѣхалъ въ Псковъ кн. Константинъ Дмитріевичъ, то онъ самъ водилъ псковское войско за рѣку Нарову. Со времени князя Давмонта псковитяне не заходили такъ далеко въ нѣмецкую землю. Новгородъ, все держась своего литовскаго князя Лугвенія Ольгердовича, отказалъ имъ въ помощи, несмотря на просьбу о ней Константина.

Между тѣмъ, послѣ его отъѣзда, магистръ Ордена подошелъ къ Пскову со всею своею силой. Простоявъ четыре дня въ виду псковской рати, вышедшей къ нему навстрѣчу, онъ не посмѣлъ переправиться черезъ рѣку Великую и пошелъ было обратно; но когда псковичи погнались за нимъ, нѣмцы остановились и нанесли имъ сильное пораженіе на Логозовицкомъ полѣ, причемъ произошедшій здѣсь жестокій бой, лѣтописцы сравниваютъ съ Ледовымъ и Роковорскимъ сраженіями. Потомъ магистръ ливонскаго Ордена безуспѣшно осадилъ Вельо; и псковичи неудачно ходили въ нѣмецкую землю. Наконецъ въ 1410 г. псковскіе посадники и бояре заключили съ ливонскимъ Орденомъ прочный миръ.

Что касается Новгорода, то князь Лугвеній Ольгердовичъ все время занятъ былъ защитой его земель отъ нападеній шведскихъ разбойниковъ.

Послѣ несчастнаго для Витовта сраженія на рѣкѣ Ворсклѣ, онъ принужденъ былъ смягчить свое высокомѣріе и обратиться къ поддержкѣ Ягелло въ борьбѣ съ могущественными сосѣдями, почему естественно укрѣпилась волей неволей связь литовско-русскаго великокняжества съ Польшей. На сколько Витовтъ съ своими боярами стремился къ полной отъ нея независимости, на столько король и вельможи польскіе старались возможно тѣснѣе соединить, и Литву, и Русь со своимъ королевствомъ. Въ 1410 г.

на Виленскомъ сеймѣ было опредѣлено, что въ случаѣ смерти Витовта, Литва и Русь вернутся подъ власть Ягелло; что обѣ страны совмѣстно должны по общему соглашенію выбирать новаго короля и великаго князя. Такимъ образомъ, Витовтъ являлся какъ бы пожизненнымъ намѣстникомъ Ягайло въ литовско-русскихъ земляхъ. Но зато не было болѣе рѣчи о дани, какую требовала при жизни своей Ядвига; благодаря помощи поляковъ Витовтъ могъ предпринять наступательное движеніе противъ Смоленска и нанести тяжелый ударъ тевтонскому Ордену. На этотъ разъ главной причиной къ враждебному столкновенію послужила, уступленная Витовтомъ рыцарямъ во время его борьбы съ Ягелло—и еще вѣрная своему язычеству, Жмудь. Оба нѣмецкихъ Ордена съ двухъ сторонъ начали тамъ распространять христіанство по своему обычаю: огнемъ и мечемъ; между тѣмъ, какъ жмудины искали защиты отъ своихъ притѣснителей у него же—Витовта; ихъ законнаго князя. Они говорили: — «Орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога, а нашихъ земель для себя. Кто хочетъ другихъ умывать, долженъ самъ быть чистъ. Мы хотимъ креститься водой, а не кровью». Витовтъ, когда миновали трудныя обстоятельства, заставившія его войти въ дружбу съ нѣмцами, съ своей стороны лишь ждалъ удобнаго случая, чтобы себѣ воротить наслѣдственный свой удѣлъ. Племенная вражда между германцами и славянами находила себѣ почву и въ неудовольствіи Польши на то, что король венгерскій Сигизмундъ (мужъ сестры Ядвиги: Маріи) заложилъ Ордену часть своего Бранденбургскаго маркграфства: такъ называемую «Новую Мархію», тогда какъ порубежныя ея земли съ Польшею, были спорны. А кромѣ того поляки не могли простить

рыцарямъ ихъ захватъ Балтійскаго побережья. Миролюбивый магистръ Ордена: Конрадъ Юнгингенъ: мягкій нравомъ и очень набожный, — до сихъ поръ все улаживалъ обостренныя отношенія съ сосѣдями. Но преемникъ его и родственникъ отличался, въ противоположность ему воинственною отвагой. При немъ тевтонскіе рыцари задержали въ предѣлахъ Пруссіи суда съ хлѣбомъ, направленныя королемъ польскимъ въ, страдавшую отъ неурожая, Литву: будто подозрѣвая, что въ нихъ скрыто оружіе, — а между тѣмъ лишь по той причинѣ, что Орденъ имѣлъ въ виду тамъ продать по дорогой цѣнѣ хлѣбные свои запасы. Витовтъ въ это время подстрекалъ тайно Жмудь къ возстаніямъ противъ нѣмцевъ. Въ 1409 г. начались съ обѣихъ сторонъ большія военныя приготовленія. Король чешскій—Венцель и его братъ Сигизмундъ венгерскій, взявъ сторону Ордена, при своемъ посредничествѣ въ возникшихъ вокругъ нихъ распряхъ, только ускорили тѣмъ столкновеніе двухъ непріятельскихъ армій. Онѣ сошлись въ земляхъ между Польшей и Пруссіей, при деревняхъ: Грюнвальдъ и Тоненбергъ — въ 1410 г. Въ войскѣ Витовта было до 30-ти тысячъ легкой татарской конницы, предводимой однимъ изъ сыновей Тахтамыша. На сторонѣ Ордена было лучшее воинское устройство и вооруженіе, при его многочисленной артиллеріи. Зато количествомъ, — противниковъ его было вдвое больше чѣмъ рыцарей. Храбрый полкъ русскихъ смолянъ остановилъ сильный натискъ нѣмцевъ. Кромѣ смоленскаго полка въ этой упорной, крайне кровопролитной битвѣ, участвовали русскіе полки: кіево-сѣверскій, витебскій; галицко-волынскій, полоцкій и другіе. Она заключилась страшнымъ пораженіемъ нѣмцевъ. Болѣе половины ихъ и

35) Картина: Грюнвальдская битва славянскихъ народовъ съ нѣмецкими рыцарями.

самъ магистръ, пали на полѣ сраженія. Имъ рѣшилась самая судьба Ордена. Слава и сила его погибли съ этихъ поръ окончательно, между тѣмъ какъ Польша, благодаря тѣсному единенію своему съ Литвой и западной, литовской Русью,—наоборотъ, со времени Грюнвальдской побѣды, заняла въ Европѣ очень высокое мѣсто. Военное братство, созданное для борьбы съ язычествомъ, не имѣло болѣе для нея ни цѣли, ни средствъ. Его существованіе сокрушили три христіанскихъ народа восточной Европы и потерянныя силы его не могли восполниться болѣе такъ какъ прежде: толпами рыцарей крестоносцевъ, утратившихъ свой смыслъ и назначеніе.

Однако въ настоящее время къ разбитой орденской рати все же шло подкрѣпленіе изъ Ливоніи и Германіи, откуда Сигизмундъ: новоизбранный императоръ германскій, угрожалъ польскому королю, открытой войною: Ягелло, тѣмъ временемъ, упоенный побѣдой, слишкомъ поздно явился съ торжествующимъ войскомъ своимъ подъ стѣнами столицы тевтонскаго Ордена: Маріенбурга. Нѣкій Генрихъ-Фонъ-Плауенъ, не потерявъ присутствія духа, успѣлъ оттянуть сюда остатки нѣмецкой военной силы и принять мѣры, необходимыя для обороны. Оберегая свою самостоятельность отъ чрезмѣрнаго усиленія Польши; какъ мы знаемъ, ставшій неизмѣнно коварнымъ, вслѣдствіи испытанія на себѣ съ юности гнуснаго, безпощаднаго коварства Ягелло, Витовтъ первый покинулъ осаду Маріенбурга. Потомъ ушли и другіе. Война, такимъ образомъ, еще затянулась; но Жмудь тѣмъ не менѣе отошла снова къ Литвѣ. Для рыцарей ея потеря была въ особенности чувствительна, потому что эта область соединяла между собою владѣнія тевтонскихъ нѣмцевъ съ ливонскими и могла въ будущемъ обѣщать полное

ихъ сліяніе. Съ возвращеніемъ же ея въ составъ славяно-литовскаго государства, порывалась земельная связь между двумя орденами.

Видя полную неудачу замысловъ своихъ: господствовать на востокѣ, Витовтъ отказался отъ покровительства Тахтамышу. Но въ Золотой ордѣ все продолжались прежнія смуты и неустройства. Пользуясь ими московскій великій князь пересталъ вовсе, не только ѣздить въ Сарай, но и братьевъ своихъ посылать туда. Послы татарскіе, вмѣсто дани, получали лишь незначительные подарки, съ отвѣтомъ, что русская земля оскудѣла и нѣ откуда собирать денегъ для платы хану. Такое свободное отношеніе Василія Дмитріевича къ татарамъ продолжалось послѣ смерти Темиръ-Кутлая и втеченіи восьми лѣтъ царствованія его сына Шардибека; хотя тотъ прислалъ ему однажды войско на помощь противъ Витовта. Кромѣ того Василій, съ цѣлью поддержать распри въ ордѣ, далъ у себя пріютъ сыновьямъ Тахтамыша. Эту, все возроставшую смѣлость въ обращеніи съ еще недавно столь сильнымъ, опаснымъ врагомъ, поддерживали въ великомъ князѣ молодые бояре, жившіе уже памятью о Куликовской битвѣ и уязвляемые въ своемъ достоинствѣ мыслей о мусульмано-татарскомъ позорномъ игѣ! Во главѣ ихъ стоялъ Иванъ Федоровичъ Кошка. Однако съ своей стороны золотоордынскіе ханы, привыкшіе считать всю русскую землю однимъ изъ татарскихъ улусовъ, не желали вовсе отказываться отъ обычнаго самовластія въ ея предѣлахъ, тѣмъ болѣе, что слабые князья: тверскіе, рязанскіе и суздальскіе, продолжали ѣздить къ нимъ за ярлыками на стольные города и отдавали на судъ ихъ свои несогласія. Въ 1407 г. когда Иванъ Михайловичъ тверской пріѣхалъ какъ разъ въ Сарай,

по дѣлу своего спора съ Юріемъ Всеволодовичемъ: княземъ холмскимъ за великокняжескій столъ въ Твери,—Эдигей, низвергнувъ Шадибека, возвелъ на его мѣсто въ ханы брата его: Булатъ-бея: Но и къ тому Василій Дмитріевичъ не отправился на поклонъ. Тогда Эдигей рѣшилъ внезапнымъ стремительнымъ нападеніемъ ему напомнить о зависимости Москвы отъ Сарайскаго властелина и ложно оповѣстивъ его: будто идетъ въ походъ на Литву, собралъ войско противъ московскаго великаго князя. Спохватившись Василій послалъ съ поклономъ къ нему навстрѣчу боярина Юрія; но тотъ былъ сейчасъ заключенъ подъ стражу. Когда Василій узналъ настоящую цѣль выступленія Эдигея, тотъ уже подходилъ въ Москвѣ: зимою 1408 г. Собирать ополченіе было поздно и, подражая отцу своему, Василій поспѣшилъ выѣхать изъ Москвы въ Кострому, оставивъ свою столицу на попеченіе и защиту двухъ своихъ братьевъ: Петра и Андрея; а также престарѣлаго, глубоко чтимаго всѣми за великія услуги, оказанныя отечеству, дяди: Владиміра Храбраго. Митрополитъ Кипріанъ къ этому времени уже скончался.

Вечеромъ 30 ноября татары показались вдали и Эдигей послалъ во всѣ стороны свои отряды: жечь и грабить московскія волости. Татарскіе воины рыскали всюду какъ хищные волки и тысячами уводили въ плѣнъ беззащитныхъ жителей. Славному сподвижнику Дмитрія Донскаго опять удалось возстановить порядокъ въ смятенной столицѣ и устроить крѣпкую оборону вдоль городскихъ стѣнъ, откуда дѣйствовали, изобрѣтенныя вновь пищали и пушки, рядомъ со старыми камнеметательными орудіями и самострѣлами, направленныя противъ татарской конницы. Число защитниковъ увеличилось наро-

домъ сбѣжавшимся въ Москву изъ окрестныхъ селъ и посадовъ.

Эдигей руководилъ осадой Москвы изъ села Коломенскаго. Онъ послалъ между прочимъ приказъ князю Ивану Михайловичу тверскому: спѣшить на помощь къ нему противъ Москвы, съ его ополченіемъ и градобитными приспособленіями. Однако, на этотъ разъ тверской князь постыдился своими полками умножить силу враговъ отечества и, сдѣлавъ лишь видъ, что идетъ на призывъ Эдигея, дошелъ съ небольшою дружиной только до Клина; а оттуда подъ предлогомъ болѣзни, возвратился назадъ. У него все продолжались мелочные раздоры съ младшими князьями Твери: Холмскимъ (сѣвернаго Холма) и Кашинскимъ.

36) Картина: Вел. князь Василій Дмитріевичъ благодаритъ дядю своего Владиміра храбраго за спасеніе Москвы отъ вторженія въ нее татаръ Эдигея.

Зная, что въ Москвѣ не приготовлено съѣстныхъ припасовъ на долгое время, Эдигей при своемъ требованіи ея сдачи, предупредилъ, что будетъ, хотя всю зиму держать городъ въ осадѣ. Однако судьба рѣшила иначе. Орда настолько ослабла, что удаленіе Эдигея съ войскомъ, оставило Сарай беззащитнымъ отъ покушенія на ханскій столъ различныхъ мелкихъ его соперниковъ. Ничтожный Булатъ-бекъ: ставленникъ Эдигея, не могъ самъ, безъ его помощи оградить себя отъ опасности быть лишеннымъ своего ханства. Отъ него вдругъ прискакалъ гонецъ къ Эдигею съ просьбой, чтобъ онъ немедленно возвращался отнять Кипчакское царство у какого-то самозванца.

Тѣмъ временемъ, тридцатитысячная рать татарскаго хана, имъ посланная для преслѣдованія Василія, вернулись ни съ чѣмъ, не нагнавъ его; а Василій не мѣшкалъ образованіемъ на сѣверѣ сильнаго ополченія и съ нимъ готовъ былъ идти на помощь

къ Москвѣ. Эдигей съумѣлъ получить съ москвичей три тысячи рублей деньгами за свое отступленье и ушелъ обратно, хотя съ огромной добычей, но безъ существеннаго успѣха, такъ какъ Василій и послѣ его нашествія не торопился снова признать себя данникомъ, часто мѣнявшихся сарайскихъ хановъ. Но когда Эдигей ушелъ на Черноморское побережье, и въ Золотой ордѣ воцарился сынъ Тахтамыша: Зелени-Султанъ,—Василій рѣшился, наконецъ, ѣхать въ орду, потому что этотъ ханъ былъ союзникъ Витовта и князей суздальскихъ, продолжавшихъ свои враждебныя дѣйствія противъ великаго князя. Послѣ смерти двухъ сыновей Дмитрія Константиновича, борьбу за Нижній-Новгородъ вели ихъ двоюродные братья, изъ коихъ наиболѣе безспокойнымъ былъ Даніилъ Борисовичъ. Онъ показалъ большую свирѣпость и, равное съ мусульманами пренебреженіе къ святынямъ русской церкви, когда въ обычномъ роду его союзѣ съ камскими татарами, овладѣлъ въ 1411 г. неожиданнымъ нападеніемъ, со стороны лѣса, изъ за Казани, плохо защищеннымъ Владиміромъ и ворвался въ Успенскій соборъ, гдѣ его воины предались грабежу, обдирая ризы съ иконъ. Священникъ-ключарь Патрикій былъ имъ замученъ за то, что скрылъ въ потайныхъ каморахъ драгоцѣнную утварь храма и не хотѣлъ открыть мѣста, куда ее спряталъ, несмотря на жестокія пытки. Его наконецъ убили, проткнувъ ему ноги и привязавъ веревками, вдѣтыми въ раны, къ хвосту коня. Самъ митрополитъ Фотій, преемникъ скончавшагося Кипріана, былъ въ то время на Святомъ озерѣ близъ Владиміра и едва спасся въ Сенежскія дебри.

Предѣлы московскаго великокняженія, съ присоединеніемъ къ нему Нижняго-Новгорода, гдѣ Ва-

силій постоянно держалъ теперь своего намѣстника, раздвинулись на сѣверо-востокъ по Волгѣ, до впаденія въ нее съ одной стороны Суры, съ другой стороны Ветлуги; а на юго-западѣ по Окѣ, до притока ея: Угры. Однако, сначала будто безкровный захватъ суздальской столицы, въ концѣ концовъ, дорого обошелся Москвѣ. Суздальскіе князья, удержавъ еще за собой Суздаль и Городецъ, до самой смерти Василія не переставали враждовать съ нимъ.

Мы уже видѣли, что ни галицко-волынскіе короли, ни великіе князья литовско-русскіе, не мирились съ перенесеніемъ мѣстопребыванія митрополита изъ Кіева въ Москву и старались: или возвратить его въ Кіевъ; или же получить для юго-западной православной церкви другого, второго митрополита. Но Кипріанъ, пережившій своихъ московскихъ совмѣстниковъ, снова тѣсно соединилъ въ одну паству Москву и Кіевъ, съумѣвъ сохранить расположеніе къ себѣ Витовта, при частомъ посѣщеніи, духовно подвластныхъ ему земель. Послѣднее время жизни своей, достигнувъ глубокой старости, онъ провелъ преимущественно въ сельскомъ уединеніи подъ Москвою, гдѣ предавался своимъ любимымъ книжнымъ занятіямъ. Онъ скончался въ 1406 г. Послѣ своей открытой ссоры съ зятемъ, Витовтъ опять принялся хлопотать въ Царьградѣ объ отдѣленіи литовско-русской митрополіи отъ московской. Но патріархъ, отклонивъ его просьбу, назначилъ преемникомъ Кипріану—Фотія въ 1408 г. Тотъ пріѣхалъ въ Москву много позже осады ея Эдигеемъ—въ 1410 г.—а именно въ годъ смерти князя Владиміра Андреевича Храбраго: этого доблестнаго, неутомимаго и безстрашнаго защитника русской чести и вмѣстѣ съ тѣмъ, ради

блага русской земли, ея спокойствія и могущества, всегда смиреннаго, самоотвержаннаго слуги московскаго великаго князя. Исторія и потомство вполнѣ оцѣнили эту высоконравственную заслугу Владиміра Андреевича передъ отечествомъ рядомъ съ его неисчислимыми воинскими заслугами. Среди очень частыхъ блестящихъ подвиговъ послѣдняго рода многихъ другихъ русскихъ князей, она собой представляетъ примѣръ единоличный въ князьяхъ удѣльнаго времени, изобилующаго такими скорбными возмутительными явленіями, какъ вышеописанный набѣгъ на древнюю русскую столицу Даніила Борисовича.

Хотя Зелени-Султанъ, враждебный Василію, скоро палъ отъ руки брата своего: Керимъ-Бердея, воцарившагося въ ордѣ вмѣсто него и этотъ новый ханъ, нашедшій нѣкогда, надежное для себя убѣжище въ московскихъ владѣніяхъ, былъ расположенъ къ пріѣхавшему въ Сарай великому князю; тѣмъ не менѣе Василію, и обласканному имъ, все же пришлось обязаться платить дань татарамъ. Онъ былъ доволенъ уже и тѣмъ, что суздальскіе князья лишились обѣщанной имъ въ ордѣ поддержки для возвращенія себѣ Нижняго Новгорода и что Кирим-бердей былъ недругъ Витовта. Съ литовскимъ вел. княземъ вновь вошелъ въ тѣсную дружбу князь Иванъ Михайловичъ тверской, и его сынъ Александръ гостилъ у Витовта въ Кіевѣ. Тѣмъ не менѣе онъ тоже милостиво былъ принятъ новымъ сарайскимъ ханомъ, за нимъ утвердившимъ Кашинъ, вопреки происканъ слабаго князя Кашинскаго, искавшаго въ Москвѣ защиты. Василій Дмитріевичъ не хотѣлъ ссориться изъ за него съ княземъ тверскимъ послѣ того, что Іоаннъ не оказалъ помощи Эдигею въ бѣдственное для Москвы время; а кромѣ того

*

при личномъ свиданіи у Зелени-Султана съ московскимъ великимъ княземъ Іоаннъ Михайловичъ увѣрилъ Василія въ своемъ мирномъ къ нему расположеніи и отсутствіи на умѣ у него какихъ либо вредныхъ замысловъ противъ Москвы.

Глава VII.

Городельская унія Польши съ Литвою въ 1413 г. Гербы и преимущества данныя ей, до сихъ поръ безправному литовскому дворянству, съ высшими польскими должностями, установленными теперь и въ Литвѣ, но исключительно для католиковъ. Крещеніе Жмуди Ягелло съ Витовтомъ. Ревностное попеченіе о церковномъ имуществѣ митрополита московскаго Фотія и общее неудовольствіе на его корыстолюбіе. Новыя хлопоты великаго князя Витовта передъ Царьградскимъ патріархомъ о назначеніи особаго митрополита въ Кіевъ. Оскудѣніе въ Византіи денежныхъ средствъ и боевыхъ силъ подъ гнетомъ завоевавшихъ ее османскихъ турокъ. Бракъ императора Іоанна Палеолога съ дочерью Василія Дмитріевича—Анной. Григорій Самвлахъ. Саккосъ Фотія. Буйные нравы въ Новгородѣ и Симеонъ: новгородскій архіепископъ. Отъѣздъ въ Новгородъ брата Василія: Константина, не пожелавшаго себя признать младше старшаго изъ своихъ племянниковъ еще при жизни его отца. Стихійныя бѣдствія во всей русской землѣ и моровая язва. Заслуги Василія Дмитріевича за время его великокняженія. Бѣгство въ русскую землю значительной части византійскихъ художниковъ и ученыхъ передъ нашествіемъ османскихъ турокъ. Порабощеніе турками Сербіи и Болгаріи. Вліяніе греко-славянскихъ рукописей на церковную нашу писменность. Св. Кириллъ Бѣлоозерскій. Лаврентіевская лѣтопись. Московскіе иконописцы и знаменитый Андрей Рублевъ. Первыя на Руси часы съ боемъ. Воинскія игрушки: иначе рыцарскіе турниры, въ предѣлахъ Россіи. Судная грамота. Русскія деньги и календарь. Начало древне-русскихъ родовъ или фамилій. Могущество Витовта. Распространеніе гусситской проповѣди. Благодѣянія Чехіи германскаго императора Карла IV Люксенбургскаго. Пражскій университетъ. Господство нѣмцевъ въ Чехіи. Преемникъ императора Карла—Вацлавъ IV. Его раздоры съ чешскимъ дворянствомъ и Римской церковью. Сожженіе на кострѣ Іоанна Гуса. Возстаніе чеховъ противъ враждебнаго имъ Си-

гизмунда и побѣдоносная ихъ война съ нимъ. Поддержка чешскихъ отрядовъ Витовтомъ. Посѣщеніе бургундскимъ рыцаремъ—Жильберомъ Ленноа Новгорода и Пскова. Икона Хутынскаго монастыря. Кончина престарѣлой инокини Евфросиніи: матери великаго князя Василія Дмитріевича.

Окончательное сліяніе Литвы съ Польшей рѣшила новая унія, заключенная между ними на берегу Западнаго Буга, въ русскомъ мѣстечкѣ: Городкѣ. Тамъ съѣхались на совѣщаніе въ октябрѣ 1413 г. Ягайло съ Витовтомъ, въ присутствіи польскихъ вельможъ и литовскихъ бояръ, и литовское, но конечно, исключительно католическое боярство получило не только владѣльческія права и сословныя преимущества польской шляхты, а даже самые гербы: т. е. условные знаки, имѣвшіеся, по образцу западноевропейскаго рыцарства у каждаго именитаго рода польскихъ магнатовъ. Для этой цѣли литовскіе бояре особыми семьями были пріобщены къ польскимъ родамъ. Въ такомъ преобразованіи знатныхъ бояръ Литвы заключался важный дальнѣйшій шагъ къ утвержденію польскаго отпечатка во всей литовской государственной жизни, причемъ на широкую, почти неограниченную до сихъ поръ, власть литовскаго вел. князя налагалось въ будущемъ стѣсненіе сеймовъ съ рѣшающимъ правомъ голоса польской шляхты. Въ Литвѣ установлены были тоже высшія должности каштелянъ и воеводъ, съ тѣмъ что ихъ могли получить только католики. Цѣлый рядъ такихъ выгодныхъ преимуществъ въ Литвѣ сторонниковъ римской церкви, очевидно, направленъ былъ противъ бояръ, еще державшихся православія и являлся попыткой католическихъ государей насильственно искоренить его во всей литовской странѣ, составлявшей теперь какъ бы одно цѣлое съ Польшей. Новый магистръ тевтонскаго Ордена, спасшій

его отъ полнаго уничтоженія при Грюнвальдѣ: Генрихъ фонъ Плауенъ, былъ низверженъ рыцарями за проявленное имъ самовластіе; но все же, чтобы вѣрнѣй сохранить за собою Жмудь, Ягелло и Витовтъ сейчасъ же туда отправились послѣ Городельскаго съѣзда, съ цѣлью тамъ самолично докончить обращеніе язычниковъ въ католичество, обычнымъ у литовскихъ князей, ласковымъ, мягкимъ способомъ мирнаго убѣжденія и подарковъ. Одновременно съ крещеньемъ народа, король и вел. кн. строили христіанскіе храмы и поставили въ Жмуди особаго епископа для церковныхъ дѣлъ; тогда какъ для управленія самой страной былъ назначенъ особый Жмудскій староста.

Мы сказали уже, что въ преемники умершему Кипріану, Царьградскій патріархъ посвятилъ грека Фотія, хорошо знавшаго славянскій языкъ. Но Фотій скоро возстановилъ противъ себя въ Москвѣ много сильныхъ людей тѣмъ, что найдя тамъ, послѣ нашествія Эдигея, церковное достояніе, захваченнымъ и разграбленнымъ разными мірскими лицами, неотступно старался его вернуть упорными тяжбами съ боярами и князьями. Про него стали говорить, что онъ печется болѣе о мірскомъ, нежели о духовномъ и обвинять его въ корыстолюбіи, что было отчасти и справедливо. Во время поѣздокъ на западъ онъ не стѣснялся поборами съ духовенства и церковныхъ земель. Витовтъ воспользовался неудовольствіемъ противъ него въ областяхъ, ему подвластныхъ, чтобы вновь начать свои хлопоты въ Константинополѣ объ особой кіевской митрополіи,—для коихъ усердныя заботы о юго-западной церкви своей, Кипріана, также очень любимаго и Василіемъ Дмитріевичемъ, ему не давали почвы. Теперь, согласно съ желаніемъ православнаго

духовенства, Витовтъ послалъ въ Константинополь ученаго болгарина: Григорія Самвлахъ, съ любезными письмами къ императору и патріарху, убѣждающими ихъ назначить Самвлаха вторымъ митрополитомъ въ Кіевъ. Но онъ забылъ принять во вниманіе крупную денежную поддержку, недавно оказанную московскимъ вел. княземъ византійскому императору Мануилу, вынужденному уступать османскимъ туркамъ, уже водворившимся въ Малой Азіи, одно свое владѣніе за другимъ, вслѣдствіе оскудѣнія своей казны и воинскихъ силъ; и что затѣмъ, въ 1414 г. состоялся бракъ его дочери Анны — съ сыномъ Мануила: Іоанномъ Палеологомъ. Византія кончала свое существованіе и Тамерланъ, побѣдивъ Баязета, случайно спасъ тѣмъ на время самый Царьградъ отъ завоеванія его турками. Понятно, что императоръ и патріархъ теперь болѣе рѣшительно, чѣмъ когда либо, отказались утвердить раздѣленіе русской митрополіи, противъ желанія Василія Дмитріевича. Тогда Витовтъ, собравъ въ «Новгородкѣ-литовскомъ», западно-русскихъ епископовъ, самовластно склонилъ ихъ: частью угрозами, частью лестью, соборне поставить Григорія Самвлаха на Кіево-литовскую митрополію, подъ тѣмъ лицемѣрнымъ предлогомъ, что видя хищенія Фотія и будучи самъ иной вѣры, онъ не желаетъ на себя навлекать упрековъ въ пренебреженіи къ состоянію православной церкви въ своей землѣ.

Западные епископы, въ изданной ими соборной грамотѣ, старались оправдать передъ патріархомъ свое отпаденіе отъ Фотія; но Фотій властно грозилъ отлученіемъ всякому, кто приметъ благословеніе въ Кіевѣ отъ мятежника; имѣя въ виду, что какъ разъ въ это время происходилъ знаменитый Констанскій соборъ, куда Витовтъ послалъ и Самвлаха принять

участіе вмѣстѣ съ польскими духовными лицами; а это давало поводъ предположить, что онъ желалъ церковнымъ своимъ отдѣленіемъ отъ Москвы, въ угоду папѣ, положить начало будущей уніи западно-русскаго православія съ римской церковью. Но въ такомъ случаѣ Витовтъ жестоко ошибся назначеніемъ Самвлаха,—потому что, тотъ оказался горячимъ ревнителемъ восточной церкви и упрекнулъ литовскаго вел. кн. за то, что онъ держится латинской вѣры, измѣнивъ греческой. Витовтъ, будто въ отвѣтъ на такой упрекъ, отправилъ его на Констанскій соборъ состязаться тамъ съ мудрецами папы.

Усердіе литовско-русскихъ бояръ къ чистому православію и неудовольствіе ихъ на раздѣленіе православной церкви, принудило Григорія Самвлаха въ 1419 г. покинуть Кіевъ, чѣмъ возстановилось ея единство, такъ какъ послѣ того Витовтъ помирился съ Фотіемъ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что съ именемъ Фотія связанъ одинъ замѣчательный памятникъ русской древности: его саккосъ, нынѣ хранящійся въ московской патріаршей ризницѣ. Онъ сплошь покрытъ съ обѣихъ сторонъ священными изображеніями, вышитыми по голубому атласу золотомъ и серебромъ. Но главную его цѣнность составляютъ портретныя изображенія, помѣщенныя на передней нижней сторонѣ саккоса. Направо представленъ вел. кн. Василій Дмитріевичъ и его супруга Софья Витовтовна. Налѣво: Іоаннъ Палеологъ съ ихъ дочерью Анной. Рядомъ съ императоромъ изображенъ самъ митрополитъ Фотій. Василій Дмитріевичъ имѣетъ мужественное лицо съ черными усами и раздвоенной бородой. Въ правой рукѣ онъ держитъ скиптръ, унизанный жемчугомъ. На головѣ у него сказочный золотой вѣнецъ, вверху съ крестомъ и съ красной

бархатною тульей. Поверхъ кафтана накинутъ короткій плащъ: «приволока» зеленаго цвѣта съ золотыми разводами, на синей подкладкѣ. Голова княгини Софьи украшена почти такимъ же вѣнцомъ, какъ у Василія. Сарафанъ у нея серебряной парчи съ красными клѣтками. Поверхъ шубка: т. е. длинный плащъ: золотой съ серебряными кругами. Іоаннъ Палеологъ и его супруга изображены въ императорскомъ облаченіи Византіи съ нимбомъ, т. е. вѣнцомъ святости вокругъ головы. У Фотія голова не покрыта: видны густые черные волосы и борода. Вокругъ головы тоже нимбъ.

Истощивъ свои силы во время послѣдней кровопролитной войны за Жмудь съ тевтонскимъ Орденомъ, Витовтъ не нарушалъ болѣе мира съ Василіемъ Дмитріевичемъ. Хотя онъ тайно старался еще привлечь Новгородъ и Псковъ къ соединенію съ Литвою подъ своей властью, но переходъ въ католичество потомковъ Гедимина, теперь служилъ уже неодолимымъ препятствіемъ къ самой возможности такого соединенія. Желая одновременно угодить и Василію Дмитріевичу, и Витовту, Новгородъ, принимая намѣстниковъ отъ московскаго великаго князя, еще держалъ князя Лугвенія Ольгердовича начальникомъ своихъ пригородовъ. Но въ 1411 г. Симеонъ Лугвеній, видя что мало пользы отъ такой чести, покинулъ новгородскую землю. Да и Ягелло съ Витовтомъ, послѣ Грюнвальдской битвы, потребовали его обратно въ Литву, выразивъ гнѣвъ свой Новгороду за то, что новгородцы ихъ называютъ «погаными», какъ исповѣдниковъ латинской вѣры и не пошли воевать съ ними противъ нѣмецкихъ рыцарей.

Къ этому времени, въ Новгородѣ воцарилось относительное внутреннее спокойствіе. Оно было

однажды нарушено случаемъ, обрисовавшимъ особенно ярко повседневные нравы въ Новгородѣ и основанія частаго Новгородскаго буйства. По причинамъ какихъ-то личныхъ счетовъ, простой людинъ Стефанъ схватилъ на улицѣ боярина Данила Божина, и призвавъ на помощь себѣ прохожихъ, сбросилъ его съ моста въ Волховъ. Увидѣвъ это, одинъ добродушный рыбакъ вытащилъ изъ воды несчастнаго, за что народъ, придя внезапно въ неистовство, разгромилъ жилище этого сострадательнаго бѣдняка. Когда же Божинъ, за понесенную имъ обиду, посадилъ Стефана въ темницу, граждане Торговой стороны ударили въ вѣчевой колоколъ; надѣли воинскіе доспѣхи и, придя на Козьмодемьянскую улицу, сравняли съ землею домъ его, причемъ Стефана освободили. Попутно вооруженная буйная толпа разграбила еще нѣсколько дворовъ и монастырь Св. Николая, гдѣ искала боярскія житницы, такъ какъ народъ обвинялъ бояръ въ дороговизнѣ хлѣба, завидуя ихъ имущественному избытку.

37) Картина: Буйство въ Новгородѣ украшенное архіепископомъ Симеономъ.

На Софійской сторонѣ тоже звонили въ набатъ и знатнѣйшіе граждане вооружились, приготовляясь къ защитѣ. Съ обѣихъ сторонъ всѣ, съ крикомъ и воплемъ кидались наперерывъ занять большой мостъ, стрѣляя другъ въ друга. Поднявшаяся сильнѣйшая гроза совпала съ ужасомъ народнаго мятежа. Тогда архіепископъ Симеонъ: человѣкъ рѣдкой, добродѣтели, изъ простыхъ иноковъ, получившій санъ свой по жребію въ полномъ святительскомъ облаченіи, вышелъ на средину моста, сопровождаемый собраннымъ имъ духовенствомъ и Животворящимъ крестомъ сталъ благословлять во всѣ стороны свою озлобленную, проливающую безъ стыда кровь согражданъ, паству. Въ одно мгновеніе шумъ утихъ и оружіе выпало изъ рукъ буяновъ, вспомнившихъ, что они

братья, а не воюютъ съ иноплеменниками за честь Св. Софіи. Въ безмолвіи розошлись смущенные новгородцы подъ слова кроткаго увѣщанія архіепископа, прославившаго себя такимъ проявленіемъ высокой нравственной власти своей надъ грубыми душами новгородскихъ мірянъ.

38) Картина: Архіепископъ Симеонъ на Волховскомъ мосту.

Подчиненіе Новгорода Василію Дмитріевичу было неискренно. Разбои въ Двинской землѣ продолжались съ обѣихъ сторонъ будто безъ вѣдома высшихъ правителей земель: московской и новгородской. Въ 1420 г. произошелъ раздоръ между Василіемъ и меньшимъ братомъ его Константиномъ, не пожелавшимъ, еще при жизни великаго князя, клятвенно уступить свое старшинство племяннику—его первенцу: тоже Василію. За это онъ лишенъ былъ удѣла и удалился въ Новгородъ, гдѣ новгородцы приняли его очевидно въ укоръ великому князю, ласково и дали ему всѣ города, бывшіе за Лугвеніемъ Ольгердовичемъ. Василій не выдалъ своей досады и помирился съ братомъ, ради возобновившагося при немъ ужаснаго бѣдствія на Руси отъ моровой язвы: иначе чумы, заносимой съ товарами въ Псковъ изъ Ливонскаго Дерпта, либо изъ другихъ мѣстъ. Отъ нея въ одномъ Новгородѣ умерло до 80.000 человѣкъ, втеченіи шести мѣсяцевъ. Ничего не могло спасти отъ гибельнаго дыханія этой смертельной немощи. Кромѣ того, въ 1419 г. выпалъ глубокій снѣгъ съ начала Сентября, когда хлѣбъ еще не былъ весь убранъ. Общій голодъ не прекращался три года подъ рядъ, вынуждая людей питаться мясомъ собакъ и кротовъ. Цѣны на хлѣбъ поднялись страшно высоко. Зимой свирѣпствовалъ необычайный морозъ безъ снѣга. Москву и Новгородъ, въ эти ужасные годы, опустошали еще пожары; а въ 1421 г. сильное наводненіе

затопило большую часть Новгорода, такъ что люди жили на кровляхъ.

Много домовъ и церквей обрушилось. Бури проносились неслыханныя и россіяне, полные суевѣрнымъ страхомъ, ждали близкаго конца міра, такъ что великій князь Василій Дмитріевичъ, мудро прокняживъ 36 лѣтъ, умеръ среди слезъ и унынія своего народа на 53 году отъ рожденія. Лѣтопись говоритъ о немъ, какъ о государѣ благоразумномъ и обладавшемъ достоинствами хорошаго правителя; чтимомъ друзьями, такъ же какъ недругами. Онъ присоединилъ къ московскимъ владѣніямъ не только Нижній Новгородъ, Суздаль, Муромъ, Ростовъ, Вологду и другіе, болѣе мелкіе города разныхъ чужихъ удѣловъ, но, также, нѣсколько позже, не менѣе Новгорода свободолюбивую, Вятку, гдѣ господствовалъ братъ его: князь сѣвернаго Галича—Юрій Дмитріевичъ. Впрочемъ, тамъ народоправленіе сохранило еще свои древніе уставы и вольности. Не желая мечомъ покорять себѣ окончательно ни Рязани, ни Твери, Василій Дмитріевичъ все же имѣлъ рѣшительный верхъ надъ князьями: такимъ образомъ, приближаясь къ единовластію на Руси. Въ 1403 онъ взялъ съ князя рязанскаго: Ѳедора Олеговича, обязательство признать его старѣйшимъ братомъ своимъ и не имѣть никакихъ сношеній съ ханами, или Литвою безъ вѣдома Москвы; напротивъ увѣдомлять московскаго князя о всѣхъ движеніяхъ и намѣреніяхъ орды. Ока была признана рубежомъ московскихъ и рязанскихъ владѣній.

Относительно степени образованности и процвѣтанія художества на Руси во время великокняженія Василія Дмитріевича, мы можемъ сказать, что еще въ XIV столѣтіи, подъ давленіемъ турецкихъ завоеваній, началось, какъ извѣстно, переселеніе изъ ви-

зантійской имперіи художниковъ и ученыхъ въ другія страны Европы,—преимущественно въ Италію; но значительная часть этого движенія направилась въ единовѣрную грекамъ, Россію; причемъ предшественниками грековъ у насъ были, перенявшіе ихъ исскуства и письменность балканскіе славяне: т. е. сербы и болгары. Едва, при царѣ своемъ Душанѣ Сильномъ, Сербія что достигла большаго могущества, какъ она потерпѣла отъ османскихъ турокъ на Коссовомъ полѣ полное пораженіе и потеряла свою самобытность, въ то самое время, когда столь же кровопролитная Куликовская битва, озарила русскую землю первымъ лучемъ надежды на близкое освобожденіе отъ татарскаго ига. Болгары, такъ же какъ сербы, были порабощены тѣми же турками, а Византія, какъ мы говорили выше, была близка къ окончательному паденію. Не мало начитанныхъ умственно просвѣщенныхъ духовныхъ лицъ, нашло въ тѣ печальные для балканскихъ славянъ и грековъ, годы, убѣжище на Руси, принося съ собою свои познанія съ греко-славянскими рукописями. Вліяніе этихъ послѣднихъ на нашу церковную письменность исходило изъ славянскихъ монастырей Афонской горы. Оттуда вывезъ ихъ къ намъ въ большомъ количествѣ митрополитъ Кипріанъ: осербившійся болгаринъ. Онъ выписалъ въ западную Россію своего родственника: уже извѣстнаго намъ—Григорія Самвлака: соперника ученаго грека—митрополита Фотія. Самвлахъ тоже въ Аѳонскихъ монастыряхъ занимался славянской письменностью и греческой литературой. Онъ написалъ значительное число, красиво изложенныхъ поученій. Вліяніе на книжную нашу словесность Самвлаха и Кипріана отразилось, съ слогомъ, ея тѣхъ поръ болѣе вычурнымъ и приподнятымъ Лю-

бимое чтеніе нашихъ предковъ составляло Житіе Святыхъ. Основатель Троицко-Сергіевской обители, Преп. Сергій, самъ такъ любилъ книжное дѣло, что поощряя иноковъ къ усерднымъ занятіямъ имъ и собирая въ монастырское книгохранилище отвсюду рукописи, сдѣлалъ свой монастырь новымъ сосредоточіемъ сѣверно-русскаго духовнаго просвѣщенія. Одинъ изъ Троицко-Сергіевскихъ монаховъ: Епифаній, составилъ жезнеописаніе игумена Сергія, а также Стефана Пермскаго, съ которымъ жилъ въ одно время, въ извѣстномъ своимъ богатымъ собраніемъ разныхъ греческихъ и славянскихъ книгъ, ростовскомъ монастырѣ Григорія Богослова. Житія эти написаны имъ съ отпечаткомъ большаго литературнаго дарованія. Ученый аѳонскій инокъ — Пахомій - Сербъ, описалъ житіе совремѣнника великаго князя Василія Дмитріевича: Кирилла Бѣлоозерскаго: послѣ Сергія Радонежскаго, занимавшаго первое мѣсто среди подвижниковъ того времени. Родомъ изъ боярской семьи Вельяминовыхъ, въ міру—Козьма, онъ ушелъ въ Симоновскую обитель, гдѣ былъ игуменомъ племянникъ Сергія Ѳедоръ; и тамъ, отличаясь своимъ смиреніемъ, сталъ трудиться въ монастырской хлѣбопекарнѣ.

Старецъ Сергій, посѣщая племянника, любилъ бесѣдовать съ Кирилломъ, провидя въ немъ будущаго великаго угодника Божія. Однако, близость столицы и пріѣзды знатныхъ бояръ въ обитель, были не по душѣ Кириллу. Избранный братьей въ архимандриты монастыря, послѣ того, что Ѳедоръ получилъ въ Ростовѣ епископство, онъ не захотѣлъ здѣсь оставаться, а вмѣстѣ съ другомъ своимъ Ѳерапонтомъ удалился въ Бѣлоозерскую область, гдѣ отыскавъ пустынный уголокъ на берегу Сиверскаго озера, они выкопали себѣ землянку. Ѳерапонтъ потомъ ушелъ верстъ за

15 дальше, гдѣ основалъ особый монастырь, до сихъ поръ уцѣлѣвшій и составляющій одно изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ нашего древняго искусства. Иноки Симонова монастыря, найдя новое мѣсто уединенія Кирилла, пришли къ нему; а также много окрестныхъ жителей просили постриженія. Тогда Кириллъ построилъ храмъ Успенія Божьей Матери и далъ строгій уставъ монахамъ, вновь образовавшейся здѣсь, обители. Слава о подвигахъ благочестія Кирилла, привлекала къ нему съ дарами и вкладами именитыхъ людей со всей Руси. Хорошо образованный по тому времени Кириллъ, помимо чтенія и списыванія книгъ, писалъ наставительныя посланія и, между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ поучалъ великаго князя Василія Дмитріевича смиренію и справедливости.—«Какъ на корабляхъ»,—писалъ онъ,—«если ошибется наемный гребецъ, отъ того небольшой вредъ плавателямъ; если же самъ кормчій ошибется, то цѣлому кораблю грозитъ погибелью; такъ и съ князьями: когда князь прегрѣшаетъ, то причиняетъ вредъ не одному себѣ, а всѣмъ ему подвластнымъ». Кириллъ убѣждалъ Василія прекратить кровопролитіе съ князьями суздальскими и оказать имъ справедливость. Брату его: князю Андрею Дмитріевичу Можайскому, къ удѣлу котораго принадлежалъ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь, святой подвижникъ напоминалъ о соблюденіи на судѣ неподкупной правды и совѣтовалъ, чтобы «корчмы» въ его отчинѣ не было; «такъ какъ отъ нея идетъ пагуба душамъ христіанскимъ». Князя Юрія Дмитріевича Звенигородскаго Кириллъ утѣшаетъ по случаю болѣзни его жены, обѣщая за нее помолиться. При всемъ томъ, опасаясь излишней молвы о себѣ въ людяхъ, онъ проситъ, чтобы князья сами къ нему не пріѣзжали, угрожая иначе покинуть монастырь. Ки-

риллъ скончался послѣ тридцатилѣтняго игуменства, въ 1427 г.

Въ 1377 г. нѣкій монахъ Лаврентій, по просьбѣ нижегородскаго князя Дмитрія Константиновича и съ благословенія епископа Діонисія, составилъ сводъ суздальской лѣтописи, по мѣстнымъ записямъ: Владимірской, Переяславской, Ростовской и Тверской. Въ концѣ свода находится приписка: —«Радуется купецъ прикупъ сотворивъ и кормчій въ отишье приставъ; и странникъ въ отечество свое пришедъ; тако же радуется и книжный списатель дошедъ до конца книгамъ; такоже и азъ многогрѣшный рабъ Божій Лаврентій мнихъ». Въ то же время, Москва славилась своими иконописцами: Симеономъ Чернымъ; старцемъ Прохоромъ; городецкимъ жителемъ Даніиломъ, а главное знаменитымъ художникомъ—Андреемъ Рублевымъ, письма котораго иконы въ теченіи ста пятидесяти лѣтъ служили образцомъ для другихъ живописцевъ. Онъ вышелъ изъ иконописной школы той Троицко-Сергіевской Лавры, гдѣ книжная дѣятельность соединялась съ обученіемъ иконной живописи. Андрей Рублевъ участвовалъ въ расписаніи Троицкаго собора Сергіевской Лавры и главною работою его здѣсь осталась икона Св. Троицы. По свидѣтельству лѣтописи онъ вмѣстѣ съ инокомъ Прохоромъ и грекомъ Ѳеофаномъ расписывалъ въ Москвѣ Благовѣщенскій соборъ, построенный Василіемъ Дмитріевичемъ; а позже, по порученію того же вел. князя, съ иконнымъ мастеромъ Даниломъ, поновлялъ письма Успенскаго еобора во Владимірѣ. Иконы Рублевскаго письма отличаются строгимъ рисункомъ и нѣсколько дымчатою окраской.

Рядомъ съ иконной живописью въ Москвѣ процвѣтало искусство приготовлять украшенія для иконъ изъ дорогихъ металловъ и камней; жемчуга и фи-

нифти. Еще въ XIV столѣтіи славились въ Москвѣ издѣлія нѣкого Парамши—золотыхъ дѣлъ мастера. Въ 1404 г. монахъ Афонской горы, именемъ Лазарь, родомъ сербъ, сдѣлалъ въ Москвѣ первые часы съ боемъ, стоившіе около двухсотъ рублей. Народъ удивлялся имъ какъ чуду искусства. Можно предположить что наши предки развлекались, подобно рыцарямъ запада, воинскими играми, ради поощренія мужества и славолюбія молодыхъ князей, такъ какъ мы имѣемъ лѣтописное извѣстіе, что юноша Остей: сынъ великокняжескаго пестуна,—въ 1390 г. былъ смертельно раненъ какимъ-то оружіемъ въ Коломнѣ: «на игрушкѣ».

Между достойными примѣчанія памятниками великокняженія Василія Дмитріевича, находится его Судная Грамота, писанная въ 1397 г. къ двинскимъ жителямъ, когда они признали себя, на короткое время, поданными Москвы. По ея узаконеніямъ видно на сколько строго взыскивалось въ древней Руси за воровство. Вторичную кражу наказывали тяжелой денежной пеней, тогда какъ въ третій разъ вору грозила висѣлица. Во всякомъ случаѣ тать долженъ быть заклейменъ», говорится тамъ,—очивидно, чтобы отмѣтить среди честныхъ людей преступника для всеобщаго отъ него предостереженія. Въ Двинской землѣ до 1410 г. были еще въ обращеніи кожаныя деньги «куны». Только въ 1420 г. по всей Россіи стала ходить собственно русская, не иностранная серебрянная монета; а куны уже такъ понизились въ цѣнѣ, что въ 1407 г. псковитяне давали ими 15 р. или гривенъ, за полтинникъ серебра.

При Василіи Дмитріевичѣ, по благословенію Кипріана, русскіе, подражая грекамъ, стали считать начало года съ 1 Сентября вмѣсто 1 Марта. Прежде

люди одного имени и отечества различались по прозвищамъ, имъ даваемымъ, а со времени великокняженія Василія Дмитріевича утвердилось обыкновеніе именовать по отдѣльнымъ родамъ иначе фамиліямъ; при чемъ древнеславянскія имена стали выходить изъ употребленія.

Великій князь Василій Дмитріевичъ, усиливъ московское государство важными земельными пріобрѣтеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ мудро сохранилъ его цѣлость отъ хищенія литовскаго и очень мало уплачивалъ, какъ мы видѣли, дани татарамъ. Исторія иногда ставитъ ему въ упрекъ, что онъ не использовалъ пораженіе Витовта ханомъ Кудлаемъ, а далъ Литвѣ своимъ бездѣйствіемъ противъ него и отказомъ въ своей поддержкѣ, воевавшимъ съ нимъ русскимъ князьямъ, вновь окрѣпнуть, на страхъ сосѣднимъ московскимъ землямъ. Но врядъ ли тогда московскій вел. кн., владѣя лишь шестью нынѣшними губерніями, дѣйствительно обладалъ достаточной силой, чтобъ сокрушить неутомимаго и упорнаго въ достиженіи своихъ цѣлей, могучаго обладателя всѣхъ обширныхъ русско-литовскихъ земель? Къ двадцатымъ годамъ XV столѣтія Витовтъ достигъ вершины величія своего и военной славы. Его владѣнія простирались отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Оки до Западнаго Буга. Вліяніе же его сказывалось далеко въ Руси сѣверной и восточной. Могущество Витовта обусловливалось въ большой степени Городельской уніей и, послѣ нея, уже неразрывной дружбой его съ Ягелло. По своему слабоволію тотъ во всѣхъ союзныхъ дѣлахъ своего королевства былъ бы готовъ подчиниться настойчивому Витовту, если бы польскіе заносчивые магнаты не сокращали своимъ сопротивленіемъ, полнаго рѣшающаго значенія его властнаго голоса. Ягелло подъ

старость все чаще сталъ посѣщать родную Литву, предаваясь тамъ своей любимой охотѣ на дикихъ животныхъ. Тѣмъ не менѣе, Витовтъ въ глубинѣ души не видѣлъ добра для Литвы отъ уніи съ государствомъ, гдѣ преобладало надъ королевской властью правленіе вельможъ. Онъ понималъ, что поляки продолжаютъ смотрѣть на литовско-русскія земли, какъ на завоеванную ими область, вопреки равноправному ихъ союзу при жизни его и Ягелло. Восьмидесятилѣтній Витовтъ былъ бездѣтенъ послѣ того, что его сыновья отъ Анны: княжны смоленской, въ дѣтскомъ возрастѣ имъ оставленные заложниками у тевтонскихъ нѣмцевъ, погибли тамъ по винѣ отца. Ягелло же лишь 76 лѣтъ, отъ третьяго брака получилъ двухъ наслѣдниковъ: Казиміра и Владислава.

Тевтонскіе магистры не оставляли своихъ стараній разстроить польско-литовскую унію, причемъ ихъ усерднымъ помошникомъ въ этомъ дѣлѣ явился маркграфъ Бранденбургскій, король венгерскій, а съ 1410 г. императоръ германскій: Сигизмундъ, желавшій во первыхъ отвлечь Витовта отъ всякихъ сношеній со своими мятежными подданными въ чешскихъ земляхъ,—измѣнившими римской церкви гусситами; ревностными послѣдователями новаго христіанскаго ученія Гуса. Сынъ богемскаго короля Іоанна и внукъ германскаго императора Генриха VII Люксембургскаго, Карлъ IV, довелъ родную ему Богемію, иначе Чехію, со временъ Оттона Великаго, находящуюся въ зависимости отъ нѣмцевъ, но тѣмъ не менѣе самую просвѣщенную страну конца XIV и начала XV столѣтія, до высокой степени процвѣтанія. При немъ чешское королевство расширилось ивключало въ себя, кромѣ Богеміи, т. е. нѣмецкой Чехіи и Моравіи,—еще Силезію и маркграфство бранденбургское. Онъ украсилъ его столицу Прагу великолѣпными но-

выми зданіями; между прочимъ основалъ, ставшій впослѣдствіи знаменитой лечебной мѣстностью, Карлсбадъ; испросилъ разрѣшенія у папы отправлять въ одномъ Пражскомъ монастырѣ славянское богослуженіе и создалъ въ Прагѣ университетъ. Послѣ смерти Кирилла и Меѳодія венгры, призванные германскимъ королемъ Арнульфомъ себѣ на помощь для уничтоженья великоморавской державы Святополка, на мѣстѣ ея утвердивъ свое Мадьярское королевство и принявъ христіанство по католическому обряду, отрѣзали чеховъ съ моравами отъ Византіи. А позже Чехіей правили короли приверженные къ нѣмецкимъ обычаямъ. Нуждаясь въ деньгахъ, они продавали нѣмцамъ-переселенцамъ земли въ своихъ имѣньяхъ и еще незаселенныя пространства густыхъ обширныхъ лѣсовъ, служившихъ естественной обороною королевству на сѣверныхъ и западныхъ рубежахъ его. Тамъ то главнымъ образомъ и старались предусмотрительно селиться нѣмцы, вырубая эти вѣковые лѣса. Исключительныя заботы Карла IV о Богеміи теперь привлекли туда художниковъ и строителей изъ Италіи, Франціи и Германіи. Знакомя славянъ съ гражданскимъ бытомъ западныхъ странъ, они вносили съ собою въ чешское королевство европейскую образованность. Однако, старшій сынъ Карла IV Вацлавъ, прозванный Венцелемъ, унаслѣдовавъ отъ отца, вмѣстѣ съ германскимъ престоломъ Чехію и Силезію, разстроилъ всѣ благія послѣдствія его управленія въ славянскихъ земляхъ, и вызвалъ тамъ своимъ безпорядочнымъ, слабодушнымъ, но крайне запальчивымъ нравомъ, соединеннымъ съ жестокимъ образомъ дѣйствій, взрывъ сильнаго неудовольствія, особенно противъ наплыва, имъ переселяемыхъ толпами въ Богемію, нѣмцевъ и полнаго ихъ господства надъ мѣстнымъ

дворянствомъ. Рядомъ съ этимъ Вацлавъ не былъ лишенъ добрыхъ намѣреній и, любя справедливость старался отстаивать слабыхъ отъ произвола сильныхъ. Онъ сочувствовалъ бѣднымъ, угнетеннымъ слоямъ народа, почему правилъ страной при помощи низшихъ дворянъ и гражданъ, стремясь ограничить самовластіе пановъ. Боролся онъ тоже и съ непомѣрными свѣтскими притязаніями римскаго духовенства. Оно тоже давало поводъ къ народному ропоту, не признавая иного главенства надъ собой кромѣ папы, а также иныхъ заботъ въ чешской землѣ кромѣ преумноженья своихъ доходовъ, причемъ вводило мірянъ въ соблазнъ порочнымъ образомъ жизни. Въ это время выступилъ со своей проповѣдью противъ папской непогрѣшимости и недостойнаго поведенія духовныхъ лицъ римской церкви, профессоръ богословія въ Пражскомъ университетѣ: чехъ Іоаннъ Гусъ. Поддержанный своими соотечественниками среди профессоровъ и студентовъ, онъ требовалъ богослуженія въ Чехіи на славянскомъ языкѣ, какъ то было при Кириллѣ и Меѳодіи, а не на латинскомъ; кромѣ того Причащенія тѣла и крови Христовой для мірянъ, какъ для священниковъ; по католическому же обряду міряне удостаивались причащенія лишь Тѣломъ Христовымъ. Нѣмцы, конечно, возстали противъ Гуса, и 5000 нѣмецкихъ студентовъ со своими профессорами покинули Пражскій университетъ, послѣ того что король Вацлавъ, негодуя на нѣмецкихъ курфюрстовъ за лишеніе его въ 1400 г. германскаго императорскаго престола; а съ другой стороны благодарный чешскимъ профессорамъ за поддержку его въ борьбѣ съ возникшимъ тогда, папскимъ расколомъ,—принялъ въ 1409 г. во вниманіе справедливое ходатайство Гуса и предоставилъ въ университетскихъ дѣлахъ преимущество голосовъ

чеховъ надъ нѣмцами. Такъ какъ черезъ сестру Вацлава IV Анну, выданную имъ замужъ за англійскаго короля Ричарда II, у Чехіи завязались сношенія съ Англіей, то нѣкоторые молодые чехи въ Оксфодскомъ университетѣ, познакомились съ ученіемъ англійскаго реформатора Виклефа и занесли его вольнодумные, по отношенію къ положеніямъ католическаго вѣроисповѣданія, сочиненія, въ Богемію. Между ними былъ другъ Іоанна Гуса, Іеронимъ Пражскій. Самъ Іоаннъ Гусъ, будучи духовникомъ чешской королевы Софіи, пользовался покровительствомъ короля Вацлава.

Папа Іоаннъ XXIII, по желанію полубрата Вацлава IV, ему враждебнаго марграфа Бранденбургскаго и короля венгерскаго Сигизмунда, ставшаго германскимъ императоромъ послѣ смерти замѣстителя Вацлава Рупрехта Пфальцкаго, — собралъ, уже упомянутый нами Констанскій соборъ, куда Витовтъ послалъ Григорія Самвлаха. Къ большому соблазну католиковъ тогда за папскій престолъ спорило три папы одновременно. Констанскій соборъ, продолжавшійся съ 1414—1418 г. положилъ конецъ такому расколу, отрѣшивъ всѣхъ трехъ папъ, и выбравъ новаго: Мартина V. Іоаннъ Гусъ тоже былъ призванъ на судъ въ Констанцъ, гдѣ передъ лицомъ всего собора остался твердо при своихъ мнѣніяхъ, за что былъ приговоренъ духовными судьями къ сожженію на кострѣ и всѣ его сочиненія тоже постановили сжечь на глазахъ народа. Гусу надѣли на голову бумажный колпакъ съ изображеніемъ трехъ чертей и надписью: «Ерисіархъ»,—говоря, что предаютъ его душу дьяволу.—«А я предаю ее Господу моему Іисусу Христу», произнесъ осужденный. Костеръ устроили загородомъ и, привязавъ, непоколебимаго въ своемъ ученіи, Гуса къ столбу, обложили его соломою и дро-

39) Картина: Сожженіе на кострѣ Гуса по приговору Констанскаго собора.

вами по самую шею. Убѣжденный въ своей правотѣ проповѣдникъ, спокойно, безстрашно, пѣлъ священные псалмы на чешскомъ языкѣ, пока пламя не задушило его. Пепелъ сожженнаго брошенъ былъ въ Рейнъ. Въ 1415 г. скоро за Гусомъ послѣдовалъ на костеръ и умеръ, такъ же безстрашно за свои убѣжденія, чешскій рыцарь Іеронимъ Пражскій.

Въ 1419 г. когда король Вацлавъ IV умеръ вслѣдствіи душевныхъ волненій, среди смутъ и происковъ своихъ враговъ,—императоръ германскій Сигизмундъ наслѣдовалъ тоже чешскій престолъ; но чехи—гусситы не захотѣли признать его, такъ какъ онъ еще при жизни Вацлава старался всѣми силами Чехію окончательно онѣмечить и былъ суровымъ противникомъ послѣдователей Гуса, угрожая Вацлаву его лишить и чешскаго королевства за благосклонность къ славянамъ—гусситамъ. Ненависть къ нѣмцамъ и религіозное воодушевленіе помогли имъ нѣсколько разъ побѣдить, исключительно одной своей храбростью, войска Сигизмунда; подъ предводительствомъ стараго, искуснаго полководца Житко и двухъ Прокоповъ: Большаго и Малаго. Рыцарскіе полки нѣмцевъ позорно бѣжали передъ толпой крестьянъ вооруженныхъ дубинами, вилами и пожарными крюками. Лишь въ 1433 г. Сигизмунду удалось наконецъ привлечь на свою сторону согласіемъ допустить проповѣдь на чешскомъ языкѣ и причастіе подъ обоими видами,—наиболѣе умѣренныхъ среди чеховъ; и когда умерли главные ихъ вожди, спокойствіе наконецъ водворилось въ Богеміи, Моравіи и Силезіи *).

40) Картина: Народное ополченіе славянъ въ Чехіи гонитъ нѣмецкихъ рыцарей.

Имѣя поддержку въ сочувствіи западно-русскихъ областей ихъ борьбѣ съ Сигизмундомъ, чехи-гусситы

*) Богемія—это нѣмецкое названіе Чехіи, относящееся преимущественно къ части ея, населенной нѣмцами.

предложили чешскую корону литовскому великому князю; послѣ чего одинъ изъ внуковъ Ольгерда: Жигмундъ Корибутовичъ былъ посланъ Витовтомъ на помощь имъ съ отрядомъ литовскаго войска. Испуганный тѣмъ, Сигизмундъ началъ тогда склонять Витовта добиваться въ Литвѣ для себя королевскаго сана вмѣсто великокняжескаго.

Московскій великій князь оставилъ на попеченіи тестя своего единственнаго сына и наслѣдника: тоже Василія. Конечно, его жена и мать молодого князя: Софья Витовтовна, много способствовала мирному, терпѣливому отношенію мужа къ завоевательнымъ, враждебнымъ Москвѣ стремленіямъ своего отца. Нѣкій бургундскій рыцарь: Жильберъ Ленуа былъ посланъ въ Литву англійскимъ королемъ Генрихомъ V и оставилъ записки объ этомъ своемъ путешествіи на востокѣ. Онъ восхваляетъ могущество и блескъ Двора Витовта, щедро имъ одаренный и отъ него снабженный проводниками для дальнѣйшаго своего путешествія въ Египетъ. Тотъ же Ленуа уже пріѣзжалъ въ 1413 г. въ Пруссію и Ливонію съ цѣлью присоединиться къ какому либо походу орденскихъ рыцарей на Литву и Русь. Однако, магистръ Ливонскаго Ордена: Конрадъ Фитингофъ, соблюдая свой мирный договоръ съ псковитянами, тогда объявилъ Ленуа, что никакого похода не будетъ; но зато далъ ему возможность съѣздить въ Псковъ и Новгородъ. Рѣка Нарова служила границею между ихъ владѣніями. Дорога до Новгорода представляла пустынную снѣжную равнину, пересѣченную рѣками, лѣсами и озерами. Закутанный отъ жестокаго мороза въ шубу, Ленуа на пути своемъ не замѣтилъ никакого жилья. Онъ девять дней пробылъ въ Новгородѣ, гдѣ посѣтилъ епископа, тысяцкаго и посадника. Монета

новгородская состояла тогда, по его словамъ, изъ простыхъ слитковъ серебра опредѣленнаго вѣса, безъ штемпеля. Золотой монеты не чеканили, а мелкой служили бѣличьи мордки. Изъ Новгорода Ленуа проѣхалъ въ Псковъ подъ видомъ купца, такъ какъ псковичи слишкомъ подозрительно относились къ ливонскимъ рыцарямъ, чтобы свободно впускать ихъ въ городъ. Ленуа замѣчаетъ, что псковичи носятъ длинные волосы, разстилающіеся по плечамъ; а женщины круглую діадему (кокошникъ) на задней части головы. Одна икона XV столѣтія, сохранившаяся въ часовнѣ Хутынскаго монастыря съ изображеніемъ въ нижней части ея, семьи, молящейся на икону,—подтверждаетъ это замѣчаніе Ленуа о прическѣ русскихъ людей. Волосы новгородцевъ, не подстриженные,—кудрями ниспадаютъ на шею. Одежду составляютъ узкорукавые, не доходящіе до колѣнъ, разноцвѣтные кафтаны съ петлицами, подпоясанные, либо кушаками, либо широкими ремнями съ наборомъ и пряжками. Узкіе порты запущены въ красные сафьяновые сапоги. Поверхъ кафтановъ плащи, съ широкими, иногда вышитами воротниками, застегнутыми у горла; съ тесьмой по подолу и узкими длинными рукавами. У женщины на иконѣ голова покрыта убрусомъ т. е. бѣлымъ платкомъ; причемъ, обшитые бахрамой концы его свѣшаны на плечи. На ней красное платье съ весьма широкими рукавами, а сверхъ него коричневый плащъ, рукава котораго спускаются до подола. Изъ Пскова Ленуа на саняхъ отправился по рѣкѣ Великой и озеру Пейпусъ, обратно въ Ливонію.

Мать Василія Дмитріевича: добродѣтельная супруга Димитрія Донскаго—Евдокія, скончалась въ 1407 г. инокиней Ефросиньей. Подвергая себя ли-

шеніямъ строгой, благочестивой жизни, она старалась казаться передъ людьми любящей удовольствія и наряды, причемъ не смущалась злословіемъ, говоря, что кто любитъ Христа, долженъ смиренно сносить клевету.

Глава VIII.

Отказъ князя Звенигородскаго: Юрія Дмитріевича, признать надъ собой старшинство племянника, послѣ смерти старшаго брата. Начало его военныхъ дѣйствій противъ малолѣтняго Василія Васильевича и увѣщаніе его митрополитомъ Фотіемъ въ Галичѣ мерянскомъ. Жертвы жестокой моровой язвы среди русскихъ князей. Нападенье Витовта на Псковъ и Новгородъ. Удачная военная хитрость псковичей и уплата Витовту Новгородомъ 5.000 р. откупа за снятіе осады. Пышный съѣздъ, созванный въ Луцкѣ Витовтомъ, ради превозглашенія его королемъ литовскимъ стараніями императора германскаго Сигизмунда. Горячая рѣчь епископа Краковскаго противъ согласія польскихъ магнатовъ на королевскій вѣнецъ для литовскаго великаго князя. Новый съѣздъ съ той же цѣлью, назначенный Витовтомъ въ Вильно въ слѣдующемъ 1430 г. въ присутствіи короля Ягелло и того же епископа Збигнѣва Олесницкаго. Неудача его тайнаго уговора съ императоромъ Сигизмундомъ и безуспѣшной для его цѣлей исходъ второго съѣзда, такъ же какъ перваго. Болѣзнь и смерть Витовта вслѣдствіе огорченія. Маргграфство Бранденбургское въ сѣверной части Германіи; первый изъ Гогенцолерновъ и Берлинъ на мѣстѣ древняго славянскаго Бранибора. Происхожденіе австрійскаго государства и династіи Габсбурговъ въ бывшихъ владѣніяхъ юго-западныхъ славянъ на среднемъ Дунаѣ. Князь Свидригайло наслѣдникъ Витовта въ Литвѣ. Его вѣроломство на службѣ у московскаго великаго князя Василія Дмитріевича. Тюремное заключеніе въ Кременцѣ и освожденье благодаря князьямъ, не одобрявшимъ единодержавной власти Витовта и приверженности его къ католичеству. Дарованіе ему въ удѣлъ Витовтомъ, при посредствѣ императора Сигизмунда. Брянска и Новгородъ-Сѣверска. Разборъ въ Золотой ордѣ спора между московскимъ великимъ княземъ и дядей его Юріемъ Дмитріевичемъ. Ловкая лесть и успѣшные происки передъ ханомъ Махметомъ боярина Ивана Всеволожскаго. Торжество Василія. Смерть митрополита Фотія и епископъ рязанскій Іона. Неудовольствіе Ивана Всеволожскаго и бракъ

великаго князя съ внучкой Владиміра Храбраго: Маріей Ярославной. Роковая исторія золотого драгоцѣннаго пояса, снятаго Софьей Витовтовной съ сына Юрія Дмитріевича Василія Косого, во время свадебнаго пиршества въ Москвѣ. Нападеніе на Москву Юрія Дмитріевича и Всеволожскій въ станѣ враговъ великаго князя Василія. Бѣгство послѣдняго въ Кострому. Плѣненіе его Юріемъ и скорое освобожденіе, благодаря ходатайству за него любимца Юрія, соперника Ивана Всеволожскаго, боярина Семена Морозова. Убійство его сыновьями Юрія. Съѣздъ московскихъ дворянъ и бояръ въ Коломну къ Василію и примиреніе съ нимъ, вынужденнаго покинуть опустѣвшую Москву, Юрія. Скорое возобновленіе имъ войны съ племянникомъ, продолжаемой помимо отца Василіемъ Косымъ и Дмитріемъ Шемякой. Сильное пораженіе войскъ Василія вражескими полками въ предѣлахъ ростовской области и вторичное водвореніе въ Москвѣ Юрія. Внезапная смерть его тамъ. Сверженіе со стола московскаго старшаго его сына: Василія Косого, младшими братьями, примирившимися съ Василіемъ Васильевичемъ изъ за своей непріязни къ старшему брату. Упорная борьба Василія Косого съ московскимъ великимъ княземъ. Сраженіе между ними у села Скоротина. Вѣроломство Василія Косого и находчивость великаго князя. Смѣлая выходка неустрашимыхъ бойцовъ: вятчанъ, подъ Ярославлемъ и плѣненіе ими великокняжескаго намѣстника тамъ: князя Брюхана. Жестокое ослѣпленіе за это Василіемъ, въ порывѣ сильнаго гнѣва, соперника, попавшаго въ плѣнъ во время выигранной имъ битвы. Возвращеніе ему затѣмъ свободы и удѣльныхъ его городовъ. Митрополитъ Герасимъ, избранный во время смуты междоусобной войны въ московскомъ княжествѣ, епископами Литвы. Литовскій великій князь Свидригайло—наслѣдникъ Витовта по желанію народа. Насильственный захватъ Польшей Подольской области у Литвы. Обманъ Свидригайло двоедушнымъ Ягелло и движенье литовскихъ полковъ въ Подольскую землю подъ начальствомъ великаго князя Литвы, возмущеннаго вѣроломствомъ брата. Его сношенія съ Сигизмундомъ германскимъ и союзъ съ нѣмецкими рыцарями. Открытая война между Польшею и Литвою. Заключеніе мира. Недальновидность и легкомысліе Свидригайло. Подготовленный ему Польшей соперникъ въ лицѣ Стародубскаго князя: Сигизмунда Кейстутовича. Присяга послѣдняго польской коронѣ съ уступкой Польшѣ Гродно, Луцка и Подольской земли. Его коронованіе въ Вильно. Вторженіе съ войскомъ въ Литву Свидригайло, едва успѣвшаго бѣжать въ Витебскъ изъ Вильно, гдѣ онъ былъ застигнутъ врасплохъ вооруженными силами Сигизмунда. Смерть стараго Ягелло. Окончательное пораженіе Сигизмундомъ войскъ Свидригайло въ Жмуди и его бѣгство въ

Кіевъ. Прекращеніе имъ безуспѣшной борьбы съ соперникомъ и скитаніе внѣ предѣловъ литовскихъ владѣній. Возмущеніе противъ предавшаго Литву Польшѣ Сигизмунда Кейстутовича, литовско-русскихъ бояръ и гордыхъ потомковъ Ольгерда. Заговоръ ихъ и его убійство посредствомъ удавшейся хитрости, въ Трокахъ. Оплошное промедленіе въ Луцкѣ Свидригайло, призываемаго обратно на литовскій престолъ гонцами двухъ его воеводъ: Лелюша и Довгерда. Избраніе высшими сановниками Литвы въ Ольшанахъ своимъ великимъ княземъ младшаго сына Ягелло Казиміра. Его торжественное вѣнчаніе въ Вильно, какъ государя самостоятельной, независимой отъ польскаго королевства, земли литовской.

Мы уже видѣли, что братъ Василія Дмитріевича—Константинъ, подвергнулся одно время опалѣ вел. князя за то, что по примѣру слѣдующаго за Василіемъ старшаго брата своего: Юрія Дмитріевича Звенигородскаго, не захотѣлъ признать надъ собой старшинства племянника. Всеобщія многолѣтнія бѣдствія русской земли отъ язвы, пожаровъ и голода, потомъ примирили ихъ; но Юрій Дмитріевичъ, таившій надежду занять великокняжескій престолъ послѣ смерти брата, вопреки новому, утвердившемуся въ Москвѣ порядку престолонаслѣдія, продолжалъ упорствовать въ отрицаніи законнаго права сына Василія на старшинство и, когда митрополитъ Фотій прислалъ гонца въ Звенигородъ съ извѣстіемъ о кончинѣ вел. князя, призывая его въ Москву, чтобы онъ присутствовалъ при вокняженіи десятилѣтняго Василія Васильевича, Юрій ему отвѣчалъ отказомъ пріѣхать и вмѣсто того удалился въ самый сѣверный городъ удѣла своего: Галичъ Мерянскій; готовясь оттуда собрать ратныя силы своей земли для борьбы съ братьями и племянникомъ, между тѣмъ какъ, предупреждая его нападеніе, тѣ подошли къ Костромѣ. Тогда онъ ушелъ въ Нижній Новгородъ и дальше—за Суру. Военныя дѣйствія ничѣмъ не кончились: заключено было перемиріе на два

года. Софья Витовтовна, посовѣтовавшись съ отцомъ и сыновьями рѣшила отправить къ Юрію въ Галичъ митрополита Фотія для духовнаго увѣщанія его. Юрій собралъ народъ изъ разныхъ своихъ областей, чтобъ его встрѣтить; но не ради оказанія тѣмъ митрополиту особой почести, а имѣя цѣлью внушить ему грозное представленіе о силахъ, какими онъ могъ располагать противъ Москвы. Понявъ его настроеніе, Фотій ему намекнулъ въ своей бесѣдѣ съ нимъ, что—«поселяне, не воины; а сермяги не латы». Потомъ Юрій такъ разгнѣвалъ Фотія упорнымъ своимъ нежеланіемъ подчиниться законному старшинству племянника, что получилъ отъ него отказъ въ благословеніи и тогда только, испугавшись послѣдствій такого отказа, обѣщалъ подождать рѣшенья ихъ спора татарскимъ ханомъ, не возобновляя войны. Онъ послалъ въ Москву двухъ бояръ для заключенія мира.

Между тѣмъ, на Руси несчастія, предшествовавшія смерти Василія Дмитріевича, все продолжались. Въ 1426 г. отъ моровой язвы умеръ тверской князь Иванъ Михайловичъ, вмѣстѣ съ сыномъ—Александромъ и внукомъ—Юріемъ. Въ Твери сѣлъ княжить братъ Юрія—Борисъ, взявъ подъ стражу Василія Михайловича Кашинскаго. Скоро послѣ умерли отъ того же недуга: князь Петръ Дмитріевичъ и три сына Владиміра Храбраго. Это была уже не прежняя желѣза: т. е. легочная чума; но болѣзнь обозначалась появленіемъ смертельнаго синяго пузыря, или багроваго, не столь для жизни опаснаго. Лѣтопись отмѣчаетъ, что будто съ этого времени человѣческій вѣкъ сократился въ Россіи и наши предки стали тщедушнѣе. Кромѣ того отъ великой засухи въ 1430 г. истощились воды; лѣса горѣли; такъ что отъ клу-

бовъ дыма людямъ трудно было видѣть другъ друга.

Между тѣмъ, литовскій вел. кн. Витовтъ, несмотря на старость свою и бездѣтность, далъ увлечь себя мыслей о королевскомъ вѣнцѣ. На съѣздъ къ нему въ Волынскій городъ Луцкъ нѣсколькихъ государей, удѣльныхъ князей и высшихъ духовныхъ лицъ, по этому дѣлу,—прибылъ съ боярами юный его внукъ: московскій вел. кн. Василій Васильевичъ, сопровождаемый тоже митрополитомъ Фотіемъ, несмотря на то, что воинственный, безпокойный дѣдъ его, на другой же годъ послѣ смерти зятя, пользуясь малолѣтствомъ сына его, напалъ на Псковъ, а потомъ вторгся въ Новгородскую землю, за то, что тамъ населеніе звало его «бражникомъ» и «предателемъ». Псковъ отдѣлался отъ литовцевъ и проучилъ ихъ хитростью: перебросивъ къ воротамъ города поддѣльный мостъ на однихъ веревкахъ; а подъ нимъ, во рвѣ, набивъ острыхъ кольевъ. Когда обманутые враги, съ побѣднымъ крикомъ, толпами бросились на мостъ, то псковичи веревки подрѣзали и литовцы, частью упали внизъ, на колья, частью захвачены были въ плѣнъ и подверглись жестокимъ мукамъ на глазахъ у Витовта. Послѣ такой неудачи онъ поспѣшилъ отступить; но еще на пути отступленья его съ войскомъ застигла такая небывалая, ужасная буря, что Витовтъ взмолился къ Господу Богу, держась за шатерный столбъ.

41) Картина. Удачная военная хитрость псковитянъ.

Новгородцы, въ надеждѣ на непроходимость своихъ болотъ, сначала смѣялись надъ угрозами имъ Витовта и послали ему сказать въ 1428 г., что «варятъ медъ для его прибытія». Однако неутомимый Витовтъ открылъ себѣ путь въ новгородскую область черезъ опасныя зыби Чернаго лѣса, пославъ впередъ десять тысячъ работниковъ мостить дорогу

Собственность Т. П. Мятлевой.

Величіе Тамерлана: «владыки міра». *(Къ стр. 113).*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Пышный съѣздъ, созванный Витовтомъ въ Луцкѣ, съ цѣлью получить согласіе Польши на вѣнчаніе его королемъ Литвы. *(Къ стр. 175).*

срубленными деревьями. Витовтъ притащилъ за собой на 40 лошадяхъ огромную пушку, будто бы однимъ выстрѣломъ снесшую каменную городскую башню, имъ осажденнаго Порхова, а вмѣстѣ и стѣну церкви Св. Николая. Но зато и сама она разлетѣлась въ дребезги отъ этого выстрѣла, своими обломками ранивъ многихъ литовцевъ. Въ этомъ извѣстіи лѣтописи сказывается и неумѣніе еще заготовлять какъ слѣдуетъ, недавно изобрѣтенныя орудія артиллеріи, такъ же какъ обращаться съ ними, и очевидно преувеличенное представленіе лѣтописца о страшныхъ разрушительныхъ свойствахъ новыхъ грамоздкихъ пушекъ. Какъ бы то ни было, испуганные жители Порхова откупились 5000 р. серебра отъ осады Витовтомъ Новгорода.

Вел. кн. Василій Васильевичъ съ митрополитомъ Фотіемъ, застали Витовта въ Трокахъ, гдѣ его окружали широкимъ кольцомъ, разбогатѣвшіе, гордые литовскіе вельможи. Къ назначенному времени, въ Луцкъ пріѣхалъ съ польскими панами и высшимъ духовенствомъ, король Ягайло. Магистры тевтонскій и ливонскій; папскій легатъ и византійскій посолъ, дополняли собою блескъ этого многолюднаго, пышнаго съѣзда. Императоръ германскій—король чешскій: Сигизмундъ, имѣвшій ранѣе особое совѣщаніе съ Витовтомъ,—прибылъ позже другихъ съ конвоемъ вельможъ,—венгерскихъ, нѣмецкихъ и чешскихъ. Онъ въѣхалъ въ городъ при звонѣ колоколовъ, подъ звуки трубъ и литавръ. Семь недѣль продолжались раскошнѣйшіе пиры въ Луцкѣ; но заключились они печально: безплоднымъ разстройствомъ съѣзда и гнѣвомъ Витовта, не получившаго королевскаго вѣнца отъ папы вслѣдствіи опасенія польскихъ магнатовъ, чтобы Литва, сдѣлавшись обособленнымъ королевствомъ, не отдѣлилась

42) Картина: Пышный съѣздъ созванной Витовтомъ въ Луцкѣ съ цѣлью добиться согласія Польши на вѣнчаніе его королемъ Литвы.

совсѣмъ отъ Польши. Когда вопросъ этотъ переданъ былъ имъ на обсужденье Ягелло, епископъ Краковскій: Збигнѣвъ Олесницкій, пламенной рѣчью побудилъ всѣхъ присутствовавшихъ на съѣздѣ пановъ, противиться утвержденію королевскаго достоинства за литовскимъ вел. княземъ. Чтобы прекратить и самыя пренія о томъ, онъ внезапно покинулъ съѣздъ и Ягелло за нимъ послѣдовалъ, не простясь съ оскорбленнымъ хозяиномъ. Папскій легатъ, а за нимъ конечно самъ Мартинъ V, приняли сторону польскихъ магнатовъ. Предложеніе Сигизмунда, съѣхавшимся государямъ: предпринять объединенную войну противъ турокъ, въ защиту византійской Имперіи, тоже было отклонено поляками. Витовтъ никогда легко не отступавшій передъ препятствіями и теперь только раздраженный своей неудачей, назначилъ въ слѣдующемъ году новый съѣздъ, въ Вильнѣ, гдѣ, по ихъ взаимному уговору съ императоромъ Сигизмундомъ, должно было обязательно состояться его коронованіе. Князья и западно-русскіе бояре естественно тоже поддерживали желаніе Витовта короноваться, чтобы ослабить унію между Литвою и католической Польшей, чего съ своей стороны именно и боялись, не безъ основанія, поляки; особенно въ виду дружескаго сношенія Витовта съ гусситами. Но онъ началъ подкупомъ подбирать себѣ сторонниковъ въ Польшѣ и въ 1430 г. состоялся столь же блестящій съѣздъ въ самой столицѣ Литвы, почти одинаковый по составу съ Луцкимъ. Прибылъ опять Ягелло и Збигнѣвъ Олесницкій, оставшійся непреклонно при своемъ мнѣніи. Однако обрядъ вѣнчанія былъ уже предрѣшенъ и впередъ обдуманъ. Посольство отъ Сигизмунда везло въ Вильно корону и прочія регаліи коронованія. Только Витовтъ не зналъ, что тайна эта уже была открыта,

такъ какъ довѣренное лицо Сигизмунда, посланное имъ съ письмами и бумагами, относящимися къ расписанію всего торжества коронаціи, попало въ плѣнъ къ полякамъ и они успѣли заслонить путь посольству воинскими отрядами въ условленныхъ для его слѣдованія мѣстахъ, на границѣ съ Литвою. Посольство волей-неволей тщетно заставило ждать себя. Витовтъ заболѣлъ отъ огорченія и, переѣхавъ со своимъ дворомъ, по окончаніи съѣзда въ свой Трокскій замокъ, скончался тамъ. Съ нимъ, по словамъ польскаго историка, возсіяла и затмилась слава литовскаго народа, что дало съ другой стороны Россіи возможность быстро возвыситься и достичь въ Москвѣ такого могущества, при которомъ стало немыслимо продолженіе татарскаго ига.

Германскій императоръ Сигизмундъ пожаловалъ въ 1415 г. свое саксонское маркграфство—Бранденбургъ одномуизъ своихъ приверженцевъ: владѣтелю графства Аншпаха и Байрета въ наслѣдственный ленъ, со званіемъ курфюрста. Этотъ курфюрстъ, Фридрихъ Гогенцолернъ, возстановилъ спокойствіе въ Бранденбургѣ, гдѣ до тѣхъ поръ свирѣпствовали грабежи и междоусобія мелкихъ владѣтелей. Онъ былъ родоначальникомъ прусской династіи Гогенцоллерновъ. Маркграфвсто Бранденбургское создалось въ X столѣтіи, въ странѣ полабскихъ славянъ или венедовъ по нижнему теченію Эльбы. Графъ Альбрехтъ по прозванью Медвѣдь, расширилъ его удачными войнами противъ венедовъ и сдѣлалъ своей столицею славянскій Браниборъ, гдѣ положилъ начало Берлину.

Кстати напомнимъ здѣсь, что Австрійская, т. е. восточная мархія, служившая мѣстомъ защиты нѣмцевъ отъ имъ враждебныхъ сосѣдей, образовалась тоже въ странѣ югозападныхъ славянъ на среднемъ

онъ бралъ съ собою и Юрія, наступило время выслушать судъ хана Махмета, дѣло уже было достаточно подготовлено въ пользу Василія мурзами, униженными ядовитымъ замѣчаніемъ Всеволожскаго. Юрій старался свои права доказать по старымъ лѣтописямъ, опираясь на древній обычай престолонаслѣдія, утвердившійся съ самаго начала существованія Руси между ея князьями. Но Всеволожскій, раболѣпно обратясь къ хану, сказалъ: что пусть «Юрій ищетъ великаго княженія по завѣщанію отца своего, Василій же хочетъ его получить только милостью хана, давшаго улусъ и отцу его. А разъ, что впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ его княженія въ Москвѣ, онъ не свергнутъ ханомъ, то значитъ ему угоденъ».

Такая лесть, конечно, произвела свое дѣйствіе и ярлыкъ на Москву получилъ Василій, несмотря на то, что татары недальновидно способствовали такимъ образомъ водворенію единодержавія на Руси и сами подготовляли тамъ, уже близкое окончательное сверженіе своего ига. Побѣжденный Юрій опять удалился въ свой сѣверный Галичъ, хотя, конечно, не захотѣлъ примириться съ своей неудачей.

Между тѣмъ, въ 1431 г. жертвою моровой язвы, унесшей двухъ дядей Василія, сдѣлался самъ митрополитъ Фотій. Онъ заранѣе подготовлялъ себѣ преемника въ епископѣ рязанскомъ и муромскомъ Іонѣ. Родившись въ сѣверномъ Солигалицкомъ краѣ, Іона принялъ монашество въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ. Посѣтивъ, однажды этотъ монастырь, Фотій предсказалъ иноку, пекшему монастырскій хлѣба, будущее его возвышеніе. Значительная часть населенія Рязани и Мурома пребывала еще въ язычествѣ. Назначенный туда епископомъ, Іона успѣшно

обратилъ къ христіанству многія мѣста въ мордвѣ, Муромѣ, и Мещерѣ. По возвращеніи своемъ въ Москву, Василій пожелалъ его видѣть митрополитомъ и собирался отправить Іону въ Царьградъ, когда разгорѣвшаяся вновь, вооруженная распря между нимъ и Юріемъ Дмитріевичемъ, задержала надолго поставленіе Іоны въ этотъ высокій санъ, ему предсказанный Фотіемъ.

Бояринъ Всеволожскій, оказавъ такую большую услугу въ ордѣ московскому вел. князю, надѣялся, что онъ женится на его дочери, какъ тогда часто князья женились на дочеряхъ бояръ и выдавали за сыновей наиболѣе именитыхъ родомъ среди нихъ, молодыхъ русскихъ княженъ. Всеволожескій же велъ свой родъ отъ князей смоленскихъ и его дочь была внучкой прежняго нижегородскаго вел. князя Дмитрія Константиновича, на дочери котораго былъ женатъ Дмитрій Донской. Василій, во время пребыванія своего въ ордѣ, очевидно, обѣщалъ Всеволожскому вступить въ бракъ съ его дочерью. Однако Софья Витовтовна не одобрила этой свадьбы и настояла, чтобъ сынъ женился на внучкѣ кн. Владиміра Храбраго: Маріи Ярославнѣ. Разсержанный и обманутый въ своихъ ожиданіяхъ Всеволожскій, опровергавшій въ ордѣ обычаи старины,—«по старинѣ» теперь отъѣхалъ отъ вел. кн. московскаго къ его брату Константину Дмитріевичу, а потомъ къ наслѣдственному врагу Москвы: князю тверскому. Однако, не достигнувъ успѣха въ происках своихъ противъ князя московскаго, ни тутъ ни тамъ, онъ отправился уже прямо къ Юрію, гдѣ былъ принятъ съ радостію. Между тѣмъ, въ это же время его пріѣзда въ Галичъ мерянскій, сыновья Юрія: Василій Косой и Дмитрій Шемяка пировали въ Москвѣ на великокня-

43) Картина: Оскорбленіе вел. княгиней Софьей Витовтовной кн. Василія Юрьевича Косого, на свадебномъ торжествѣ ея сына.

жеской свадьбѣ, причемъ на Василіи былъ надѣтъ богатый золотой поясъ, усаженный дорогими каменьями. Одинъ старый бояринъ неосторожно разсказалъ великой княгинѣ исторію этого пояса: какъ онъ былъ данъ нижегородскимъ вел. княземъ въ приданое его дочери—Евдокіи; но московскій тысяцкій Вельяминовъ тогда его подмѣнилъ менѣе драгоцѣннымъ; настоящій же отдалъ своему сыну: Николаю, женившемуся на другой дочери князя Дмитрія Константиновича: Маріи. Отъ него поясъ перешелъ съ дочерью тоже въ приданое Ивану Всеволожскому. Всеволожскій выдалъ дочь за сына Владиміра Храбраго: Андрея. А позже, когда Андрей уже умеръ, внучку свою отъ него, за Василія Юрьевича Косого и подарилъ ему поясъ отца его невѣсты. На бѣду Василій явился въ немъ праздновать свадьбу московскаго вел. князя. Софья Витовтовна, когда узнала, какъ было дѣло, сейчасъ же, при всѣхъ гостяхъ, сняла поясъ съ Василія Юрьевича, какъ собственность своей семьи, незаконно у нея отнятую. Конечно, оба брата немедленно покинули празднество и уѣхали изъ Москвы; а этотъ случай явился ближайшимъ поводомъ къ новой войнѣ между Юріемъ и его племянникомъ. Не теряя долѣе времени, Юрій выступилъ съ многочисленной ратью и Василія совершенно врасплохъ застало извѣстіе о его приготовленіяхъ къ нападенію на Москву, когда онъ расположился уже недалеко отъ нея въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ. Всеволожскій не допустилъ никакихъ переговоровъ о мирѣ, а слабая торопливая попытка Василія къ сопротивленію, не удалась. Его малочисленные, неустроенные полки, были разбиты на голову. Онъ бѣжалъ въ Кострому, но тамъ былъ пойманъ отрядомъ Юрія и захваченъ въ плѣнъ, послѣ чего Юрій

сѣлъ въ Москвѣ великимъ княземъ, вопреки ханскому ярлыку, пользуясь смутами, все продолжавшимися въ ордѣ. Ходатаемъ передъ Юріемъ за Василія выступилъ любимый бояринъ Юрія: Семенъ Морозовъ, должно быть недовольный все возроставшимъ вліяніемъ Всеволожскаго; и Василій, благодаря ему, получилъ себѣ въ удѣлъ Коломну. Однако, этимъ успѣшнымъ ходатайствомъ Семенъ Морозовъ причинилъ столь явный вредъ дѣлу своего князя, что сыновья Юрія собственноручно убили любимца отца въ сѣняхъ Кремлевскихъ хоромъ. Московскіе бояре и дворяне показали себя ревностными сторонниками прямого престолонаслѣдія, такъ какъ оно обезпечивало за ними спокойное пользованіе земельнымъ имуществомъ и правами съ нимъ связанными. Отказываясь служить Юрію, они всѣ начали собираться въ Коломнѣ вокругъ Василія. Юрій, увидя себя покинутымъ, принужденъ былъ вернуться въ Галичъ. Василій же водворился опять въ Москвѣ, признанный дядей за старшаго надъ нимъ князя. Василій Косой и Дмитрій Шемяка, еще прежде Юрія бѣжали изъ Москвы, боясь отцовскаго гнѣва за убійство ими Морозова. Они не вошли въ договоръ отца своего съ вел. княземъ Василіемъ, заключеннымъ, только отъ имени Юрія и младшаго брата ихъ: Дмитрія Краснаго, а продолжали отдѣльно войну съ Василіемъ, разбивъ его воеводу. Впрочемъ Юрій скоро нарушилъ миръ, пославъ и свои полки противъ племянника. Узнавъ, что дядя не сдержалъ обѣщанія, Василій двинулся съ войскомъ къ Галичу; сжегъ этотъ городъ и заставилъ Юрія бѣжать на Бѣлоозеро. Тѣмъ не менѣе Юрій, не унывая, собралъ вокругъ себя новыя ратныя силы; призвалъ на помощь, жестокихъ нравомъ, вятчанъ и, выступивъ противъ

Василія со всѣми тремя сыновьями, нанесъ ему въ ростовскихъ предѣлахъ такое рѣшительное пораженіе, что Василій былъ вынужденъ вновь покинуть Москву и спасаться изъ города въ городъ, тогда какъ Юрій въ 1434 г. въѣхалъ вторично въ Кремль, гдѣ плѣнивъ дочь и жену Василія, отправилъ ихъ въ Звенигородъ: бывшій удѣлъ, умершаго князя Петра Дмитріевича, перешедшій къ Василію Косому. Союзникъ Василія Васильевича: двоюродный братъ его—Иванъ Андреевичъ Можайскій, укрылся въ Тверь; но вызванный оттуда Юріемъ, волей-неволей явился въ станъ побѣдителя, принудившаго его принять заодно съ собою участіе въ осадѣ Москвы. Боясь погони враговъ и не видя себѣ ни откуда помощи, Василій уже собирался ѣхать въ орду изъ Нижняго Новгорода, когда до него дошла вѣсть о скоропостижной смерти въ Москвѣ соперника, послѣ чего московскій великокняжескій столъ занялъ его старшій сынъ: Василій Косой. Но братья его не любили и не захотѣли признать на мѣстѣ отца московскимъ вел. княземъ, предпочтя примириться съ Василіемъ Васильевичемъ. Они выгнали изъ Москвы Косого, а Василій, имъ за то благодарный, отдалъ Шемякѣ удѣльные города, тоже уже умершаго, Константина Дмитріевича: Ржевъ и Галичъ; уступилъ Красному Бѣжецкій Верхъ; но удержалъ за собою Звенигородъ. Василій Косой одинъ продолжалъ воевать съ законнымъ московскимъ великимъ княземъ, хотя и безуспѣшно. Послѣ краткаго мира съ нимъ, передавшаго въ его руки городъ Дмитровъ, онъ снова выѣхалъ къ себѣ въ Галичъ; пополнилъ тамъ свои полки вятчанами и разорилъ московскіе города на дальномъ сѣверѣ: Устюгъ и Вологду, причемъ убилъ въ Устюгѣ намѣстника изъ Москвы: князя Оболен-

скаго. Василій, пылая негодованіемъ на Косого и можетъ быть вслѣдствіи подозрѣнія какихъ либо тайныхъ недобрыхъ умысловъ на умѣ у его старшаго брата: Дмитрія, приказалъ заключить въ оковы Шемяку, какъ будто совсѣмъ дружелюбно пріѣхавшаго къ нему въ Москву; а затѣмъ сейчасъ же повелъ войско на сѣверъ противъ мятежника, имѣя съ собой въ союзѣ, кроткаго нравомъ, Дмитрія Краснаго и князя Ивана Можайскаго.

Встрѣча враговъ произошла въ Ростовской области у села Скоротина и, хотя силы вел. князя московскаго на много превосходили, собранныя вокругъ себя въ Галичѣ Василіемъ Юрьевичемъ Косымъ, но онъ чуть не погибъ отъ вѣроломной хитрости двоюроднаго своего брата, испуганнаго числомъ непріятельскихъ воиновъ, почему онъ попросилъ у противника перемирія. Когда же, пользуясь имъ, московскіе полки быстро разстроились и занялись добываніемъ продовольствія, Василій Косой неожиданно бросился на ихъ станъ. Великій князь, однако, не растерялся: разославъ скорѣе гонцовъ во всѣ стороны для сбора войска, онъ самъ схватилъ военную трубу въ руки и непрерывно началъ въ нее трубить. За нимъ осталась рѣшительная побѣда, но — смѣлые, опытные, бойцы: вятчане, выказали при этомъ сраженіи неустрашимую свою находчивость, соединенную съ твердостью духа. Они остановили преслѣдованіе ихъ изъ Ярославля княземъ Брюханомъ: намѣстникомъ Василія Васильевича, стоявшимъ здѣсь на готовѣ съ войскомъ, близъ устья, впадающей, въ Волгу Которосли, тѣмъ, что подкравшись ночью въ небольшомъ числѣ воиновъ къ палаткѣ князя, бросили его, связаннымъ, въ лодку, вмѣстѣ съ его женою и держали надъ ихъ головами поднятые топоры пока

44) Картина: Вѣроломство Василія Косого при столкновеніи его рати съ великокняжескими полками и стойкость духа Василія Васильевича.

45) Картина: Захватъ вятчанами въ плѣнъ князя Брюхана въ Ярославлѣ.

всѣ вятчане не переправились на другой берегъ Волги и не спаслись такимъ образомъ отъ избіенія ихъ полками Брюхана. Послѣ того, напавшіе ствели плѣнниковъ своихъ въ Вятку, поставивъ 4000 р. выкупа изъ Ярославля, цѣной ихъ жизни. За это пострадалъ Василій Косой, взятый въ плѣнъ во время имъ проигранной битвы. Московскій вел. [князь, узнавъ о продѣлкѣ вятчанъ на Волгѣ, воспользовался ею для жестокой за нее мести непримиримому своему врагу. Въ порывѣ сильнаго гнѣва, онъ необдуманно приказалъ ослѣпить Косого, забывъ, что онъ христіанинъ и что зло лишь ради зла, не вызываемое явной необходимостью, привлекаетъ собой возмездіе, себѣ подобное и повести не можетъ къ добру ни для кого. Угрызеніе совѣсти скоро его заставило возвратить Шемякѣ свободу и его удѣльные города. А безпомощный, одинокій слѣпецъ, теперь смирившійся поневолѣ въ своей несчастной, хотя, быть можетъ, отчасти имъ заслуженной, участи,—прожилъ еще 12 лѣтъ, оставленный даже родными братьями, отъ него отрекшимися ради милостей къ нимъ вел. князя Василія Васильевича московскаго.

Въ Литвѣ воспользовались московсвимъ междоусобіемъ и на мѣсто умершаго Фотія, выбрали тамъ митрополитомъ, епископа смоленскаго—Герасима, что остановило поѣздку въ Царь-градъ Іоны. Но никто изъ великорусскихъ епископовъ не захотѣлъ имѣть съ Герасимомъ никакого дѣла; а въ 1455 г. онъ былъ безпощадно преданъ сожженію литовскимъ вел. княземъ за свои тайныя сношенія съ его соперникомъ въ это время: Сигизмундомъ Кейстутовичемъ.

По смерти Витовта старый и слабовольный Ягелло не могъ воспрепятствовать исполненію желанія всего народа литовскаго имѣть у себя вел. княземъ брата

Собственность Т. П. Мятлевой.

Вѣроломство Василія Косого при столкновеніи его рати съ великокняжескими полками и стойкость духа Василія Васильевича. *(Къ стр. 185).*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Плѣненіе князя Брюхана въ Ярославлѣ. *(Къ стр. 186).*

его Свидригайло. Бывъ поперемѣнно княземъ въ различныхъ областяхъ русскихъ, Свидригайло вполнѣ сроднился съ русской народностью, почему русское населеніе привѣтствовало въ особенности, его вступленіе на великокняжескій престолъ Литвы. Кромѣ того, хотя онъ и перешелъ какъ то, слѣдуя примѣру братьевъ своихъ, изъ православія въ католицизмъ, однако, не сдѣлался убѣжденнымъ католикомъ, а напротивъ сочувствовалъ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ. Онъ не только не захотѣлъ признать своей зависимости отъ Польши, но обнаружилъ сейчасъ же намѣреніе укрѣпить полную самостоятельность литовскаго государства и, упрекая Ягелло съ польскими его совѣтниками за всѣ гоненія, которымъ онъ ранѣе подвергался, теперь настоятельно и гнѣвно требовалъ немедленнаго возвращенья Литвѣ Подолья, внезапно захваченнаго поляками, едва скончался Витовтъ; причемъ намѣстники отъ Литвы были силой оттуда вытѣснены. Ягелло склонялся къ уступкѣ брату Подолья и не поощрялъ кровавыхъ замысловъ противъ него поляковъ; но польскіе магнаты были въ отчаяніи, что король вообще ему позволилъ занять польскій престолъ, не связавъ его предварительно никакимъ клятвеннымъ договоромъ съ Польшей и ни за что теперь не хотѣли ему возвращать, незаконно ими отторгнутаго отъ Литвы, Подолья. Подольская земля и Волынь давно уже, какъ мы знаемъ, на себя привлекали вниманіе поляковъ, представляя собой желанную цѣль ихъ посягательства на сосѣднія литовскія земли. Галиція, Казимиромъ III включенная въ составъ Польши и закрѣпленная за ней Ядвигой, послужила первымъ, заманчивымъ для поляковъ примѣромъ свободной раздачи польскимъ дворянамъ или духовнымъ лицамъ земель древнихъ русскихъ князей, а также мѣ-

стныхъ русскихъ владѣльцевъ. Столь же спокойно и безпрепятственно хотѣлъ Ягелло завладѣть тоже Подольской землей, литовско-русскими князьями отнятой у татаръ: благо она была еще мало заселена для успѣшной защиты и нуждалась въ постройкѣ крѣпостей. Польскіе магнаты тутъ получили въ свое владѣніе богатыя земли, лишь съ обязательствомъ доставлять въ королевское войско, на собственный счетъ, опредѣленное число вооруженныхъ людей. Вслѣдъ за водвореніемъ ихъ, въ Подольѣ образовалось сейчасъ же католическое епископство. Тѣмъ не менѣе, Витовтъ снова включилъ Подолье въ составъ литовско-русскихъ земель и въ городахъ его посадилъ своихъ намѣстниковъ, оберегаемыхъ воинскими отрядами.

Въ главномъ подольскомъ, епископскомъ городѣ Кременцѣ, начальствовалъ знатный литвинъ: Довгердъ. Раньше чѣмъ до него успѣло дойти извѣстіе о кончинѣ Витовта, поляки подъ видомъ дружескихъ совѣщаній, заманили его въ станъ свой и овладѣли, такимъ образомъ Кременцомъ предательскимъ способомъ. Зато въ Волыни постигла ихъ неудача съ осадой Луцка, гдѣ жители мужественно отражали попытки польскаго войска овладѣть городомъ, пока Ягелло не заключилъ перемирія съ Свидригайло. Потомъ Свидригайло все же вынужденъ былъ противъ желанія своего, предпринять походъ на любимую имъ Литву, гдѣ онъ, уже послѣ смерти Витовта, еще недавно такъ весело предавался охотѣ въ густыхъ литовскихъ лѣсахъ. Но раньше всего Ягелло, опять по старому прибѣгъ къ вѣроломству и хитростямъ, не находя въ душѣ своей настоящей открытой силы и болѣе благородныхъ способовъ для прямой, твердой борьбы съ соперникомъ. Сначала онъ сдѣлалъ видъ, еще находясь въ Литвѣ, будто рѣшилъ вернуть Свидригайло,

Собственность Т. П. Мятлевой.

Посолъ отъ Ягелло: Торло, въ Каменцѣ передающій распоряженіе короля его воеводѣ.
(Къ стр. 189).

такъ нагло захваченные его подданными подольскіе замки, за что литовскій вел. князь, щедро его одарилъ и отпустилъ безпрепятственно въ Польшу. А, между тѣмъ, своему посланному въ Каменецъ, съ устнымъ распоряженіемъ на этотъ счетъ, Ягелло велѣлъ передать воеводѣ города письмо, облитое воскомъ и свернутое въ узкую трубку на подобіе церковной свѣчи, съ противуположнымъ приказомъ. Передавая ее, королевскій посолъ Тарло, только сказалъ, что «въ ней надо поискать свѣта». Возмущенный такимъ обманомъ, Свидригайло пошелъ немедленно съ войскомъ своимъ въ Подольѣ, чтобы отвоевать обратно у Польши подольскіе города. Съѣздъ для начала мирныхъ переговоровъ назначенъ былъ въ Сандомірѣ. Свидригайло послалъ туда только своихъ уполномоченныхъ, но самъ туда не поѣхалъ. Польскіе паны постановили требовать отъ литовскаго вел. князя для Польши, не только всего Подолья, но и южной части Волыни съ городомъ Луцкомъ, причемъ Свидригайло долженъ былъ принести торжественную присягу польской коронѣ. Конечно, они получили отказъ на свои требованія, а Свидригайло вступилъ въ союзъ противъ Польши съ орденами нѣмецкихъ рыцарей, тоже войдя въ сношенія и съ Сигизмундомъ германскимъ. Однако тотъ, поощряя нѣмецкіе ордена помогать Свидригайло, самъ былъ занятъ въ то время собственной трудной борьбой съ гусситами Чехіи. Окончательный разрывъ съ Польшею Свидригайло произошелъ, уже безповоротно, послѣ того, что онъ двоекратно далъ пощечину дерзкому послу польскому, настоятельно обращавшемуся къ нему съ оскорбительными для достоинства Литвы требованіями и представленіями о его личной зависимости, какъ вел. князя литовскаго отъ признанія за нимъ этого званія польскимъ сей-

46) Картина: Посолъ отъ Ягелло: Тарло, передающій въ Кременецъ распоряженіе короля воеводѣ.

момъ. Послѣ второй пощечины Свидригайло не отпустилъ уже, все того же заносчиваго посла, обратно въ Польшу, а велѣлъ бросить его въ тюрьму. Тогда Ягелло рѣшился наконецъ перейти Западный Бугъ и вторгся въ Волынь. Владиміръ-Волынскій и нѣкоторые другіе западно-русскіе города были сожжены. Свидригайло предпочелъ самъ сжечь Луцкъ, чтобы его не оставлять въ добычу полякамъ, гнавшимъ передъ собой русское населеніе въ лѣса и болотистыя дебри своей жестокостію во время этой войны, несмотря на старанія Ягелло сдержать разрушительное усердіе своего войска въ ему родной, землѣ. Русскій воевода Юрша отстоялъ всетаки Луцкій замокъ, при помощи имѣвшихся въ его распоряженіи, пушекъ. Когда въ польскомъ войскѣ открылись заразныя болѣзни и начался конскій падежъ, между тѣмъ, какъ тевтонскіе рыцари напали на сѣверные области Польши, поляки предложили миръ. Свидригайло, хотя безъ вѣдома магистра, ему союзнаго тевтонскаго Ордена, согласился на его заключеніе и все-таки за собой удержалъ всѣ земли, какими владѣлъ до начала войны, отстоявъ независимость Литвы отъ Польши. Сынъ тверской княжны, онъ самъ женился на сестрѣ тверскаго князя Бориса и вообще дружилъ съ князьями сѣверо-восточной Руси. Польскіе прелаты его упрекали въ явномъ сочувствіи «схизмѣ»,—какъ они стали называть православную церковь. Но Свидригайло страдалъ, въ противуположность Витовту, отсутствіемъ тонкости поведенія и ума; недостаткомъ спокойной предусмотрительности въ своемъ образѣ дѣйствій по отношенію къ полякамъ и къ нѣмцамъ. Успѣшная борьба съ лукавою католической Польшей была ему не подъ силу, тѣмъ болѣе, что во главѣ изворотливой ея политики стоялъ, за малоспособностью и не-

вѣжествомъ самого короля, уже извѣстный намъ, даровитый, стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ Олесницкій—епископъ Краковскій. Выставленный противъ Свидригайло соперникъ: Сигизмундъ Кейстутовичъ, князь Стародуба Сѣверскаго, до сихъ поръ проводившій праздную жизнь свою въ неизвѣстности и ничѣмъ не выдающійся,—имѣлъ возможность опереться въ Литвѣ на литовскихъ бояръ—католиковъ, недовольныхъ вліяніемъ на Свидригайло русскихъ православныхъ бояръ. Поляки подготовили тамъ для него почву и побудили его предъявить свои притязанія на литовско-русскій престолъ. Свидригайло ничего не подозрѣвалъ о готовящихся въ Польшѣ козняхъ противъ него, когда Сигизмундъ внезапно поднялъ возстаніе, появившись съ вооруженнымъ отрядомъ около Вильны и едва не забравъ въ плѣнъ безпечнаго вел. князя литовскаго, находившагося тогда съ семьей въ Ошмянахъ безъ всякихъ средствъ для своей защиты. Его жена стала плѣнницей Сигизмунда, при помощи измѣны, легко овладѣвшаго Вильно, Гродно и Троками въ 1432 г. тогда какъ вел. кн. Свидригайло, лишенный престола во всей собственной Литвѣ, съ трудомъ спасся бѣгствомъ. Сигизмундъ Кейстутовичъ, конечно, не могъ разчитывать на успѣхъ самостоятельной своей борьбы съ соперникомъ, нашедшимъ себѣ пріютъ и опору въ оставшихся ему вѣрными, областяхъ русской Литвы; по этому онъ поспѣшилъ въ присутствіи Збигнѣва Олесницкаго и польскихъ пановъ, присягнуть польской коронѣ, ей отдавая Гродно; а, главнымъ образомъ, земли Луцкую и Подольскую. Зато онъ былъ коронованъ въ Виленскомъ каѳедральномъ, соборѣ и папскою буллой литовцы были разрѣшены отъ присяги своей Свидригайло. Однако русскіе воеводы на югѣ удачно стали

оборонять отъ поляковъ земли волынскую, кіевскую и подольскую. Въ послѣдней особенно отличался при помощи татаръ и волоховъ нѣкій князь Федоръ Острожскій. Онъ разбилъ польскаго коменданта, получившаго отъ Ягелло письмо, въ видѣ церковной свѣчи: Бучацкаго; взялъ его въ плѣнъ и овладѣлъ Каменцемъ. Свидригайло получилъ помощь отъ своего зятя Бориса тверскаго и вторгся съ значительнымъ войскомъ въ Литву изъ витебской области.

Въ 1434 г. внезапно умеръ, вслѣдствіе случайной простуды, восьмидесятилѣтній король Ягелло, въ галицкомъ мѣстечкѣ Гродекъ, близъ Львова, гдѣ онъ охотился, не измѣняя до самой смерти, этой чисто литовской страсти своей, и тамъ же, какъ-то слушая соловья, долго пробылъ холодной вечерней порою, въ рощѣ. Тѣло его погребено было въ пышномъ каѳедральномъ соборѣ Кракова: имени Св. Станислава; но сердце его оставили въ Францискан-скомъ костелѣ Гродека, гдѣ онъ скончался.

Такого именно выборнаго короля, слабовольнаго, легкомысленнаго и двоедушнаго нужно было польскимъ дворянамъ и духовенству, чтобы они свободно могли за счетъ страны увеличивать свои доходы и распоряжаться всѣмъ государственнымъ управленіемъ по собственному усмотрѣнію. Они еще при жизни Ягелло, избрали ему въ преемники малолѣтняго сына его Владислава.

Теперь конечно Збигнѣвъ Олесницкій еще гораздо дѣятельнѣй сталъ поддерживать и уже совсѣмъ безпрепятственно, Сигизмунда Кейстутовича на литовскомъ престолѣ. Свидригайло же, вмѣсто того, чтобы твердо держаться запросовъ и выгодъ православнаго населенія, сталъ искать защиты всюду извнѣ его: даже у римскаго папы и такимъ образомъ охладилъ къ

себѣ своихъ горячихъ русскихъ приверженцевъ, одновременно ужасая ихъ безпощадными звѣрскими казнями всѣхъ враговъ, попадавшихся ему въ руки; иногда даже по одному подозрѣнію въ преданности Сигизмунду, какъ было съ несчастнымъ митрополитомъ Герасимомъ. Такой образъ дѣйствій ожесточилъ противъ него еще сильнѣй сторонниковъ Сигизмунда. Рѣшительная битва произошла, наконецъ, въ Жмуди около города Валькомира. Войскомъ Свидригайло, состоявшимъ изъ полковъ витебскихъ, полоцкихъ и смоленскихъ, при поддержкѣ ихъ ливонскими рыцарями, начальствовалъ сынъ умершаго князя Сѣверскаго Дмитрія Корибута, отличившійся въ битвахъ чешскихъ гусситовъ съ нѣмцами. На сторонѣ Сигизмунда Кейстутовича, польское войско, хотя меньшее числомъ, но лучше устроенное, велъ сынъ его Михаилъ, и онъ одолѣлъ полки Свидригайло послѣ жестокаго кровопролитія. Отважный вождь ихъ остался тяжело раненнымъ въ рукахъ непріятеля, а Свидригайло спасся удачнымъ бѣгствомъ въ Кіевъ. Много русскихъ бояръ и князей здѣсь полегло въ бою. Русскія области: витебская, полоцкая и смоленская, перешли тогда подъ власть Сигизмунда. Ѳедоръ Острожскій: отважный витязь и благодѣтель Подолья, вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго ему самимъ, неразумнымъ и грубо вспыльчивымъ, Свидригайло, угрозою взять его подъ стражу,—поддался польскому королю съ большею частью подольской земли, гдѣ онъ остался леннымъ владѣтелемъ нѣкоторыхъ городовъ съ ихъ замками. На это рѣшеніе его повліяло обѣщаніе данное королемъ Владиславомъ III при его вступленіи на престолъ: должно быть, ради укрѣпленія въ вѣрности Польшѣ Галиціи,—о дарованіи равныхъ правъ русскимъ дворянамъ съ польскими, независимо

грустную пѣсню на смерть своего Жигмонта, убитаго русскими. Но Свидригайло слишкомъ промедлилъ пріѣздомъ, остановившись въ своемъ любимомъ Луцкѣ и пропустилъ благопріятное для него время снова занять великокняжескій столъ въ Литвѣ, оспариваемый у него Михаиломъ, сохранившимъ еще въ своихъ рукахъ Верхній виленскій замокъ. Самые вліятельные вельможи и высшіе сановники Литвы, собравшись въ мѣстечкѣ Ольшанахъ, успѣли принять тамъ рѣшеніе отстранить отъ престола обоихъ соперниковъ, чтобы призвать на него юнаго Казиміра: младшаго сына Ягелло. Братъ его, Владиславъ III, присоединивъ въ это время къ польской коронѣ еще венгерскую, былъ отвлеченъ отъ притязаній на литовскій престолъ войною Венгріи съ турками и легко согласился передать брату литовско-русское княжество. Этотъ выборъ, упрочивая тѣсный союзъ Литвы съ Польшей, все же давалъ ей особаго государя, волю котораго, благодаря его, еще юнымъ годамъ, литовскіе вельможи надѣялись воспитать въ наиболѣе для нихъ выгодномъ направленіи. Однако, литовцамъ удалось его посадить въ Вильну самостоятельнымъ великимъ княземъ, а не намѣстникомъ польскаго короля, какъ того требовали поляки; но только посредствомъ обмана: именно—напоивъ во время роскошнаго пиршества польскихъ гостей до потери сознанія, и совершивъ обрядъ вѣнчанія Казиміра во время ихъ глубокаго сна. Очнувшись, поляки уже увидѣли Казиміра въ великолѣпной мантіи, съ шапкою Гедимина на головѣ и его мечомъ въ рукахъ. Задобренные подарками, они смолчали и принесли свое поздравленіе новому великому князю Литвы.

48) Картина: Пробужденіе хмѣльныхъ польскихъ пановъ послѣ вѣнчанія въ государи Литвы Казиміра III.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава IX.

Запоздавшее желаніе великаго князя Василія II поставить митрополитомъ рязанскаго епископа Іону и дарованіе этого высокаго сана въ Царьградѣ греку Исидору. Стремленіе патріарха Іосифа и Іоанна Палеолога добиться посредствомъ уніи греческой церкви съ римской, помощи папы для защиты отъ нападенія турокъ обезсиленной Византіи, государями запада. Ревность въ этомъ дѣлѣ Исидора на Базельскомъ соборѣ. Отъѣздъ его изъ Москвы въ Фереару и явное предпочтеніе имъ католичества—православію. Требованіе отъ греческой церкви папы Евгенія IV. Соборъ во Флоренціи и расколъ среди греческаго духовенства. Подпись Исидора подъ папской буллою о совершившейся уніи, и прочтеніе ея положеній по приказу его въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Недоумѣніе народа, и гнѣвъ великаго князя, съ отказомъ, выслушать дружественную грамоту къ нему папы. Его споръ съ вѣроотступникомъ и заключеніе митрополита Исидора въ Чудовомъ монастырѣ. Обращеніе Василія къ Царьградскому патріарху съ упрекомъ и просьбою разрѣшить посвященіе въ московскіе митрополиты собору русскихъ епископовъ. Отозванье великокняжескаго посольства обратно съ его пути въ Царьградъ. Дробленіе татарскаго царства на мелкія орды. Опасность на пройденномъ пути въ Грецію митрополита Пимена. Преобладающее вліяніе генуэзцевъ на Черномъ морѣ послѣ возстановленія Византійской Имперіи. Крымъ и Азовъ. Стремленіе крымскихъ мурзъ къ независимости отъ Сарайскихъ хановъ. Гостепріимное отношеніе татаръ къ путешествующему рыцарю Жильберъ Ленуа. Венеціанецъ Іосафатъ Барбаро въ Азовѣ. Образъ жизни татарскихъ воиновъ во время похода. Несмѣтныя орды хана Кучукъ-Махмета и сына Эдигея: Нуруса. Бѣгство Улу-Махмета. Его война съ великимъ княземъ московскимъ въ 1438 г. и пораженіе имъ войскъ Василія, вслѣдствіе измѣны литовскаго воеводы. Возобновленіе имъ Казани, разрушенной русскими и основаніе новаго Казанскаго ханства. Странная смерть князя Дмитрія Краснаго. Рожденіе у Василія II старшаго сына Іоанна въ 1440 г. Посягательство Литвы на присоединеніе къ ней Новгорода и Пскова. Непріязненное отношеніе другъ къ другу этихъ двухъ городовъ изъ за соперничества въ торговлѣ. Добровольное подчиненіе Москвѣ Пскова и склонность Новгорода къ призыву на княженіе у себя князей литовскихъ. Боярская Дума въ Новгородѣ рядомъ съ народнымъ вѣчемъ. Концы новгородскіе. Псков-

сковскимъ митрополитомъ, желая русскій народъ тоже вовлечь въ единеніе съ Римомъ. Хотя Василій II былъ огорченъ неудачею посвященія, избраннаго имъ Іоны, но ничего не подозрѣвая о скрытыхъ намѣреніяхъ патріарха и, несмотря на смерть своей сестры Анны, уважая въ Іоаннѣ Палеологѣ своего родственника,—принялъ Исидора съ честью. Но тотъ, едва успѣвъ торжественно водвориться въ Москвѣ митрополитомъ, въ 1437 г. сталъ уже проситься у великаго князя въ Италію, на соборъ въ Ферарѣ католическаго духовенства съ греческимъ. Отпустивъ его туда весьма неохотно, Василій взялъ съ него слово ревниво оберегать чистоту православія. Исидоръ съ большимъ почетомъ, ему оказанномъ: и въ Твери, и въ Новгородѣ со Псковомъ; празднуемый повсюду торжественнымъ богослуженіемъ и пирами; прослѣдовалъ въ нѣмецкую землю.

Тамъ уже начало проявляться его пристрастіе къ католичеству. Встрѣченный, при своемъ въѣздѣ въ Дерптъ, русскимъ и католическимъ духовенствомъ, онъ ранѣе приложился къ латинскому кресту, чѣмъ къ православному, а потомъ, къ большому недоумѣнію, сопровождавшаго его, епископа суздальскаго—Авраамія, былъ вмѣстѣ съ нѣмцами въ храмѣ ихъ. Тогда на папскомъ престолѣ сидѣлъ почтенный старецъ: умный и честолюбивый Евгеній IV. Хотя въ то время воля римскаго первосвященника не была уже болѣе такимъ неоспоримо-строгимъ закономъ для государей Европы, какъ прежде; но все же онъ, именемъ Св. Петра, обѣщалъ Іоанну Палеологу поднять всѣ ея государства на турокъ, если греки дадутъ торжественное согласіе стать единымъ стадомъ подъ руководствомъ единаго пастыря. Приэтомъ онъ требовалъ не безмолвной покорности, а открытаго,

громкаго превозглашенія всемірной истины римскаго вѣроисповѣданія. Между тѣмъ, султанъ Амуратъ II смотрѣлъ уже на Царьградъ ястребинымъ окомъ. И вотъ на восьмой вселенскій соборъ въ Ферару прибылъ самъ патріархъ Іосифъ; а также Іоаннъ Палеологъ съ братомъ Дмитріемъ; за ними же многіе митрополиты, епископы, игумены и вельможи греческіе. Въ 1438 г. этотъ блестящій церковный соборъ перенесенъ былъ во Флоренцію, гдѣ тогда временно установилъ свое мѣстопребываніе Евгеній IV. Тамъ греческое духовенство раздѣлилось во взглядахъ и мнѣніяхъ. Одна сторона стремилась достичь соглашенія съ папой, ради спасенія отъ Амурата; другая, ради мірскихъ цѣлей, не хотѣла пожертвовать вѣроученіемъ православной церкви и признать догматы католичества. Митрополитъ Эфесскій—Маркъ, былъ во главѣ ея; тогда какъ ученый Никейскій митрополитъ Виссаріонъ, явился главнымъ его противникомъ. Связанный съ нимъ давнишней дружбой, Исидоръ усердно ему помогалъ въ содѣйствіи успѣху уніи, поддерживаемой во Флоренціи самимъ патріархомъ и императоромъ. Съ двадцатью другими митрополитами онъ подписался подъ папской буллою объ совершившейся уніи, прочтенной во Флорентійскомъ соборномъ храмѣ въ 1439 г. на языкахъ—латинскомъ и греческомъ. Немногіе послѣдовали примѣру Марка Эфесскаго въ его отказѣ подписать буллу. Исидоръ и Виссаріонъ были награждены кардинальскими шапками. Послѣдній остался въ Италіи, а Исидоръ, съ полученнымъ отъ папы званіемъ легата римскаго въ западной и восточной Россіи, включая на западѣ Ливонію,—прибылъ сначала въ Будинъ: столицу Венгріи, а оттуда разослалъ оповѣщаніе по епископствамъ о совершившемся; о своихъ полномочіяхъ, какъ легата отъ «ребра

Но когда въ Москву пришла вѣсть, что императоръ и патріархъ сами признали унію съ римской церковью, принявъ и нѣкоторыя ея положенія, подрывающія основы чистаго православія, то Василій II немедленно, приказалъ своему посольству вернуться обратно и болѣе не пытался вступить въ переговоры съ Царьградомъ на счетъ Исидора, тѣмъ болѣе, что всѣ пути туда у береговъ Чернаго моря стали очень опасными, вслѣдствіе бродившихъ тамъ,—враждебныхъ Москвѣ татарскихъ отрядовъ и шаекъ всякихъ грабителей.

По мѣрѣ упадка могущества Золотой орды она все болѣе дробилась на области, имѣвшія до нашествія татаръ самостоятельное значеніе. Такъ: вдоль береговъ Камы и Средней Волги постепенно обособлялось вокругъ Казани, на мѣстѣ древней Великой Булгаріи, новое татарское царство; тогда какъ, въ степяхъ, между Дономъ и Днѣпромъ, уже въ XIII вѣкѣ, выдѣлилась орда ногайскихъ татаръ—и съ того времени татары Азовскаго-Черноморскаго побережья всегда имѣли наклонность отпасть отъ Нижневолжской—Сарайской орды, наконецъ, выродившейся въ небольшое Астраханское царство, какъ слабое уподобленіе древней могучей турко-хазарской державы, съ ея блестящей торговой столицей: Итилемъ. Эдигей, послѣ изгнанія своего изъ Сарая, тоже захватилъ въ свои руки независимую власть надъ крымской ордой въ Черноморскихъ степяхъ. Изъ дошедшаго до насъ описанія путешествія въ Грецію митрополита Пимена въ 1389 г. мы видимъ, что плывя внизъ по Дону на стругахъ, съ одною большой лодкою, мимо развалины Саркела и, обогнувъ острую луку рѣки, путники вдругъ почувствовали великій страхъ, при видѣ перваго улуса татаръ и затѣмъ множества

ихъ на берегахъ Дона, гдѣ располагались принадлежавшія имъ стада разныхъ домашнихъ животныхъ и табуны коней. Князь рязанскій Олегъ послалъ тогда своего воеводу проводить Пимена до рѣки Дона, по причинѣ частыхъ разбоевъ на этомъ пути. Однако, татары не причинили никакого вреда проѣзжавшимъ русскимъ, но угощали ихъ молокомъ. Дальше имъ встрѣтились еще большіе улусы, такіе же многолюдные, что намъ свидѣтельствуетъ о кочевкѣ въ то время татаръ отдѣльными ордами, носившими имена своихъ начальниковъ: потомковъ Чингиза. Когда, достигнувъ Азова, Пименъ съ своими спутниками, сталъ на якорѣ при устьи Дона, спѣша выйти въ море, его остановили, едва не бросивъ въ темницу, фряги т. е. генуэзцы, за неуплату денегъ, взятыхъ у нихъ взаймы Пименомъ, ранѣе, на векселя вел. кн. Дмитрія, во время прежней неудачной поѣздки московскаго посольства въ Царьградъ съ архимандритомъ Митяемъ въ 1380 г. Потомъ это дѣло кончилось, однако, миромъ. Путешественники, отпущенные на волю, благополучно проплыли Азовское, иначе Сурожское море и вышли въ Черное.

Дѣятельные, предпріимчивые купцы генуэзскіе, получили рѣшительное преобладаніе въ европейской торговлѣ на Черномъ морѣ, послѣ того, что Палеологи ихъ одарили различными правами и льготами, за оказанную имъ помощь при уничтоженіи Латинской Имперіи, временно основанной, какъ мы знаемъ, «крестоносными рыцарями», на мѣстѣ Византіи и тогда выдвинувшей венеціанъ на берега Чернаго моря. Генуэзцы поспѣшно начали вытѣснять оттуда этихъ соперниковъ и укрѣпили свое большое торговое поселеніе—Кафу, (нынѣшнюю Ѳеодосію) на восточной сторонѣ Крымскаго полуострова. Отсюда генуэзцы овла-

ближенія самаго хана, эти кучки все увеличивались. Всадники для своего продовольствія, при себѣ имѣли кожаные мѣшки съ пшеничнымъ тѣстомъ, замѣшаннымъ на меду и деревянную чашку. Они въ ней размѣшивали тѣсто водой и ѣли, кромѣ того, мѣтко подстрѣливая изъ луковъ, обильную по всей степи и разнообразную дичь; въ случаѣ неудачной охоты, не пренебрегая травами и кореньями. Но на этотъ разъ, дѣло было зимою, Кучукъ-Махметъ съ Наурусомъ остановились около Таны или Азова въ одной старой мечети. Туда Барбаро былъ посланъ къ нимъ начальникомъ, этого венеціанскаго выселка, съ дарами изъ шелковыхъ тканей, хлѣба, вина и пива. Купцы итальянскіе цѣлыми днями стояли стражею на городскихъ стѣнахъ, между тѣмъ, какъ ворота города были заперты. Движеніе орды мимо него продолжалось шесть недѣль, причемъ все снѣжное пространство степи, было усѣяно сплошь животными и людьми. А между тѣмъ, венеціанцы видѣли только лѣвое крыло всей татарской массы. Въ обозѣ, состоявшемъ изъ множества двухколесныхъ крытыхъ повозокъ-арбъ: круглыхъ кибитокъ небольшого размѣра; помѣщались женщины съ дѣтьми. Арбы, смотря по средствамъ хозяевъ, были обиты собачьями шкурами, войлокомъ или сукномъ. Мы уже знаемъ, что тамъ гдѣ ханъ останавливался на болѣе долгое время, татары раскидывали свои ставки, въ видѣ открытаго города, съ базарными площадями и улицами, а потомъ близъ него засѣвали поля и собирали жатву. Приказанія хана выслушивались его подданными и просителями не иначе, какъ на колѣняхъ. Татарскіе отряды грабили безъ стѣсненія рыбныя тони и запасы венеціанъ; разламывали ихъ суда для починки своихъ повозокъ и разрушали ихъ соляныя варницы.

Когда Улу-Махметъ услыхалъ о приближеніи брата съ Наурусомъ, то онъ бѣжалъ изъ орды со своими приверженцами и дѣтьми. Для переправы черезъ Донъ татары на глазахъ Барбаро заготовили множество плотовъ изъ лѣса, росшаго по берегамъ рѣки, а также фашиннику изъ хвороста и тростнику для подвязыванія его къ плотамъ и повозкамъ; нѣсколько лошадей впрягались вмѣстѣ, чтобы тащить эти сооруженія вплавь и, такимъ образомъ, орда легко переправлялась на другой берегъ.

Вел. князь Василій Васильевичъ старался жить дружно съ ханомъ, уплачивая ему обычную дань. Но въ 1438 г. Улу-Махметъ, изгнанный изъ Золотой орды Кучукъ-Махметомъ, захватилъ городъ Бѣлевъ, на рубежѣ литовскихъ владѣній съ московскими и надѣялся возвратить себѣ Сарайскій престолъ при помощи Василія, обязаннаго ему своимъ велико-княженіемъ. Но Василій разумно не хотѣлъ ссориться съ сильнѣйшимъ ханомъ и потребовалъ отъ Улу-Махмета, чтобъ тотъ покинулъ его владѣнія. Получивъ гордый отказъ со стороны изумленнаго его неблагодарностью хана, Василій послалъ, изгнать его изъ Бѣлева, своихъ двоюродныхъ братьевъ Юрьевичей обоихъ Дмитріевъ: Шемяку и Краснаго. Измѣна одного литовскаго воеводы, присланнаго на помощь имъ, помогла татарамъ нанести полное пораженіе московскимъ князьямъ. Послѣ чего Улу-Махметъ все же не рѣшился, вдали отъ своихъ улусовъ, продолжать, удачно начатую имъ, войну съ Василіемъ и ушелъ въ Казань, представлявшую изъ себя однѣ развалины съ нѣсколькими убогими хижинами, послѣ разгрома ея русскими въ 1399 г. Ула-Махметъ, избравъ здѣсь другое, лучшее противъ прежняго, мѣсто, построилъ близъ древней крѣпости новый городъ того

же имени, гдѣ далъ убѣжище, кромѣ монголовъ, булгарамъ и черемисамъ. Казань населилась въ нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ монголы, смѣшавшіеся съ булгарами, образовали одинъ народъ: казанскихъ татаръ, признавшій Улу-Махмета своимъ владыкой и покровителемъ. Потомъ сюда начали стекаться жители изъ Золотой орды; Тавриды и Астрахани. Такимъ образомъ, Кипчакскій изгнанникъ сталъ основателемъ, а отчасти, возобновителемъ царства Казанскаго на мѣстѣ прежней Камской Булгаріи.

50) Картина: Странная смерть кн. Дмитрія Юрьевича Краснаго.

Послѣ пораженія подъ Бѣлевымъ, меньшой изъ сыновей Юрія Дмитріевича: Дмитрій Красный, скоро скончался въ мерянскомъ Галичѣ, еще небывалой и странной смертью. При сильномъ кровотеченіи изъ носу, онъ лишился вкуса, слуха и сна. Потомъ, пріобщившись Св. Тайнъ, вдругъ глубоко заснулъ, такъ что казался мертвымъ и, уже оплаканный близкими, неожиданно приподнялся на своемъ ложѣ, послѣ чего, не приходя въ себя, началъ пѣть псалмы; говорить о спасеніи души. Лишь три дня спустя онъ, уже дѣйствительно, умеръ.

Между тѣмъ, Улу-Махметъ, утвердившись въ Казани, подходилъ черезъ годъ съ легкимъ войскомъ къ стѣнамъ Москвы, но на этотъ разъ удовольствовался грабежомъ: сжегъ Коломну и возвратился въ свой станъ съ богатой добычей. Въ 1440 г. у вел. кн. московскаго родился сынъ: Іоаннъ. Братья его: Петръ и Константинъ, умерли бездѣтными; Андрей же оставилъ двухъ сыновей: Ивана Можайскаго и Михаила Верейскаго. Въ это время Новгородъ, волнуемый, какъ всегда внутренними раздорами, и угрожаемый постоянно извнѣ, нападеніемъ враждебныхъ ему сосѣдей,—страдалъ отъ неурожайныхъ годовъ, сильныхъ пожаровъ и недостатка твердаго управле-

нія въ его земляхъ. Между тѣмъ, какъ Псковъ, покорный Москвѣ, принялъ къ себѣ на княженіе, присланнаго ему Василіемъ намѣстникомъ отъ нея, князя Александра Чарторійскаго, бѣжавшаго въ Москву изъ Литвы послѣ вокняженія тамъ Казимира Ягайловича и былъ потомъ обязанъ ему крѣпкой надежной защитой своей земли отъ нѣмцевъ,—Новгородъ, наоборотъ, къ неудовольствію московскаго вел. кн., далъ въ управленіе свой городъ Яму, наслѣдственному врагу Москвы: потомку, извѣстнаго намъ суздальскаго князя Кирдяпы; и опять выписалъ къ себѣ изъ литовскихъ предѣловъ, желая угодить Казиміру, внука Ольгерда: Іоанна Владиміровича. Однако, новгородцамъ пришлось отпустить его обратно въ Литву, когда Казиміръ предложилъ имъ соединить окончательно свою область съ Литвою, прельщая ихъ полною безопасностью подъ его могучею властью.

Хотя новгородцы не показали расположенія измѣнить своему отечеству, однако, на псковитянъ смотрѣли враждебно, какъ на московскихъ слугъ, принимавшихъ къ себѣ намѣстниковъ отъ вел. кн. Василія. А такъ какъ, кромѣ того, они являлись для нихъ соперниками въ Ганзейской торговлѣ, то между этими родственными городами теперь возникли частые вооруженные споры, конечно, вредящіе ихъ общему благу. Обѣ сѣверно-русскія вѣчевыя общины, достигнувъ высшаго своего развитія въ XIV столѣтіи, замѣтно клонились уже къ упадку въ XV, такъ какъ у нихъ не хватало средствъ для борьбы съ двумя собирателями русскихъ земель,—великими князьями: московскимъ и литовско-русскимъ. Ганзейскія грамоты освѣдомляютъ насъ, что у нихъ, кромѣ народнаго вѣча, существовалъ для предварительнаго спокойнаго обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ,

высшій правительственный совѣтъ,—иначе боярская дума, съ участіемъ въ ней старѣйшихъ людей всѣхъ новгородскихъ знатныхъ родовъ. Повидимому они носили, шитые золотомъ, кушаки, что подало поводъ къ названію ихъ въ тѣхъ же грамотахъ—«золотыми поясами». Эта боярская дума оказывала тѣмъ большее и рѣшающее вліяніе на народное вѣче, чѣмъ дружнѣй дѣйствовала; хотя оно мѣшало болѣе широкому ея развитію, но и бояре съ своей стороны имѣли возможность не давать утвердиться полному господству кричащей толпы вѣчниковъ новгородскаго простонародія. Мы уже знаемъ, что новгородская земля, по числу городскихъ концовъ своей столицы дѣлилась на пятины, терявшіяся въ неизмѣримыхъ пустынныхъ пространствахъ сѣвера и востока. Онѣ особенно ясно опредѣлились съ XIII столѣтія. Напомнимъ здѣсь еще разъ ихъ направленіе: Водская, по имени чудскаго племени—Води: отъ Новгорода на сѣверъ къ Финскому заливу и Ладожскому озеру; Обонежская: отъ Ильмени къ Онежскому и дальше къ Бѣлому морю. На юго-востокѣ: Бѣжецкая. Между рѣками Мстой и Ловатью—Деревская; между Ловатью и Лугой—Шелонская. Особо отъ этихъ Пятинъ лежало, по Двинѣ, Заволочье.

Псковская область собой представляла узкую полосу по рѣкѣ Великой съ ея притоками и по восточному побережью озеръ: Чудскаго и Псковскаго. Она являлась какъ бы передовымъ оплотомъ Руси противъ Литвы и ливонскихъ нѣмцевъ, а потому псковичи должны были обратить особенное вниманіе на укрѣпленіе своихъ пригородовъ, въ ущербъ торговаго ихъ значенія. Между ними, на рубежѣ Ливоніи, выдѣлялся Изборскъ, бывшій древнѣе самаго Пскова. Расположенный верстахъ въ 30 къ юго-западу отъ него, на высокой горѣ, онъ

много разъ съ успѣхомъ выдерживалъ осаду нѣмцевъ, благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ изъ каменныхъ плитъ. Стѣсненная непріязненными сосѣдями псковская земля ни въ какую сторону не могла расширить своихъ владѣній. Главной опорой ея былъ самъ городъ Псковъ, какъ наилучше укрѣпленный, по тому времени, во всей Руси. Онъ высился на крутомъ берегу рѣки Великой при впаденіи въ нея притока: Псковы. Его Дѣтинецъ—иначе: Кромъ, былъ огороженъ тремя каменными стѣнами. Угловая башня ихъ носила названіе: «Кутный костеръ». Кромѣ нея вдоль стѣнъ воздымались еще многія другія башни или «костры». Пространство между стѣнами: передней соединявшей Пскову съ Великой; и Давмонтовою,—называлось «Охабнемъ». Въ Дѣтинцѣ находилась главная святыня Пскова: Троицкій соборъ. Около него, подъ звонъ соборнаго колокола, собиралось Псковское вѣче. Псковъ въ XIV вѣкѣ помимо Дѣтинца дѣлился еще на шесть концовъ. Концы въ свою очередь раздѣлялись на волости: «губы», а волости, управляемыя губными старостами, на погосты. Въ Новгородѣ и Псковѣ образовался особый классъ сановныхъ людей: «старыхъ посадниковъ»,—вслѣдствіе частой смѣны ихъ; а затѣмъ и «дѣтей посадничьихъ». Княжеская власть въ Псковѣ имѣла еще меньше значенія, чѣмъ въ Новгородѣ. Предоставляя князю на кормленіе опредѣленныя статьи дохода, псковичи, главнымъ образомъ на него смотрѣли, какъ на полковаго вождя и защитника ихъ въ военное время. Въ 1442 г. псковитянъ тѣснилъ изъ Выборга маршалъ шведской Финляндіи: Карлъ Кнутсонъ. Онъ нападалъ на нихъ безъ объявленія войны и бралъ людей въ плѣнъ, чтобы за нихъ требовать потомъ выкупъ.

Главнымъ же непріятелемъ новгородцевъ явился въ 1443 г. магистръ ливонскаго Ордена: Финке

фонъ-Обербергенъ, заключившій миръ на десять лѣтъ съ Псковской областью. Этотъ магистръ мстилъ новгородцамъ за то, что въ 1438 г. князь ихъ—Юрій: сынъ Семена—Лугвенія, не уважилъ письменной просьбы его: оказать въ Новгородѣ благосклонный пріемъ юному герцогу Клевскому—Эбергарду и принять мѣры для безопаснаго его пути въ Палестину черезъ Россію. Эбергардъ возвратился въ Ригу съ жалобами на оскорбленія, причиненныя ему въ новгородской землѣ. Тогда рыцари за него вступились. Вел. кн. литовскій Казиміръ, величавшій себя государемъ Новгорода единственно потому, что новгородцы выбирали себѣ въ областные начальники литовскихъ князей,—вызвался быть посредникомъ между Новгородомъ и Орденомъ. Но Финке, принявъ съ честью его пословъ, новгородскаго посла изъ Ливоніи,—ограбивъ, выгналъ. Слѣдствіемъ этой обиды было опустошеніе новгородцами, за Наровой, ливонскихъ селеній; нѣмцами же,—земли Водской: по берегамъ Ижоры и Невы.

Между тѣмъ, князь Юрій оставилъ Новгородъ, чтобы занять, призвавшій его, Смоленскъ, а потомъ Полоцкъ и Витебскъ, пользуясь неудовольствіемъ противъ Казиміра IV, польскаго короля, отдавшаго Волынь и часть Подоліи въ ленъ Свидригайло; а также возстаніемъ Жмуди и союзомъ соперника Казиміра: Михаила Сигизмундовича съ князьями мазовецкими. Однако во главѣ литовскихъ вельможъ сталъ дядька юнаго Казиміра: умный и опытный Іоаннъ Гаштольдъ, намѣстникъ Смоленскій. Онъ лично отправился съ войскомъ на Западный Бугъ, усмирилъ тамъ мятежные города и успокоилъ Жмудь. Покинувъ Смоленскъ, чтобы отправиться въ Троки на сеймъ, собираемый Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, Гаштольдъ поручилъ въ своемъ отсутствіи городъ нѣкоему Андрею-

Саковичу. Когда пришла вѣсть объ убіеніи Сигизмунда смоленскіе простолюдины, еще дорожившіе древней своей самобытностью, возстали противъ Саковича. Надѣвъ воинскіе доспѣхи и вооружась,—кто сулицами, кто сѣкирами, луками и косами, они зазвонили въ церковный колоколъ, собирая вѣче. Бояре, державшіе сторону Литвы, присоединились къ воеводской дружинѣ для усмиренія мятежниковъ; однако, мятежъ, послѣ столкновенія ея съ народомъ, разгорѣлся еще сильнѣй. Соковичъ съ семьей и боярами ночью покинулъ городъ на попеченіе нѣкоего Петрика; но смоляне Петрика утопили въ Днѣпрѣ и воеводою своимъ сначала выбрали князя Андрея Дорогобужскаго, а потомъ для защиты ихъ отъ собиравшагося на Смоленскъ литовскаго войска, призвали княземъ въ Смоленскъ изъ Новгорода внука Ольгерда: мстиславскаго князя Юрія Лугвеньевича. Юрій выказалъ сразу самостоятельный и независимый образъ дѣйствій: приказалъ схватить и заковать въ цѣпи нѣкоторыхъ возвратившихся въ Смоленскъ измѣнниковъ; а имѣнія ихъ роздалъ своимъ боярамъ. Литовское войско, простоявъ три недѣли подъ городомъ, не могло взять его и ушло назадъ. Тѣмъ не менѣе, не въ силахъ бороться одинъ съ самимъ Казиміромъ, явившимся подъ Смоленскъ въ 1442 г. съ еще сильнѣйшимъ войскомъ,—Юрій вернулся въ Новгородъ, послѣ чего смоляне должны были вновь покориться литовскому государю. Его соперникъ: Михаилъ Сигизмундовичъ, хотя противъ воли и совсѣмъ не искренне, но все же съ нимъ помирился въ Вильнѣ, получивъ отъ него удѣльные города своего отца. Вскорѣ, потомъ онъ замыслилъ коварнымъ убійствомъ добиться престола, однако безуспѣшно. Подосланные имъ убійцы, явившіеся въ литовскихъ пущахъ,

пока тамъ охотился молодой Казиміръ, были замѣчены во время лѣсными сторожами, давшими знать о приближеніи, имъ невѣдомыхъ, вооруженныхъ всадникахъ, сыну Гаштольда. Тотъ сейчасъ же увлекъ Казиміра съ собою въ Троки, откуда сильный конный отрядъ настигъ заговорщиковъ и, взятые въ плѣнъ, они были казнены въ Трокахъ. Михаилъ Сигизмундовичъ, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ за московскій рубежъ, а его удѣлъ былъ вновь возвращенъ подъ власть вел. князя литовскаго. Обремененный лѣтами, Свидригайло отрекся самъ отъ ленной зависимости польскому королю Владиславу III и предался добровольно брату его.

Послѣ того онъ былъ Казиміромъ оставленъ пожизненно княземъ волынской области. Древнюю столицу русскую — Кіевъ, Казиміръ отдалъ въ удѣлъ своему двоюродному брату: Александру Олелько-Владиміровичу, какъ законному наслѣднику области его отца. Юрій Лугвеньевичъ съ своей стороны покорился Казиміру IV и, будучи кумомъ Гаштольда, назначеннаго по смерти Довгерда виленскимъ воеводою, получилъ вновь свой удѣлъ: Мстиславль.

Но едва, умиротворенное такимъ образомъ, литовско-русское княжество успѣло занять болѣе или менѣе прочное положеніе для охраны своей независимости отъ Польши, какъ въ 1444 г. былъ убитъ въ битвѣ подъ Варною съ османскими турками, молодой польско-венгерскій король братъ Казиміра: Владиславъ III. Послѣ того венгерцы выбрали для себя особаго короля, почему поляки еще ревностнѣй предались заботѣ объ укрѣпленіи единенія своего съ Литвою и, приступивъ къ избранію наслѣдника Владиславу на польскомъ столѣ, превозгласили королемъ польскимъ Казиміра, имѣя въ виду, что король изъ

иного, не Ягеллова рода, былъ бы лишенъ всякаго основанія для поддержки государственной связи Польши съ Литвою, тогда какъ наиболѣе естественный выборъ брата убитаго Владислава, долженъ былъ за собою повлечь сліяніе этихъ двухъ смежныхъ странъ въ единое королевство. Не таково однако, было желаніе литовско-русскихъ вельможъ, увидѣвшихъ ясно жадное, беззастѣнчивое стремленіе польскихъ пановъ къ присвоенію себѣ въ Литвѣ ихъ земельныхъ угодій и занятію высшихъ должностей тамъ. Съ своей стороны православное духовенство боялось господства католицизма надъ греческимъ вѣроисповѣданіемъ. Самъ юноша Казиміръ предпочиталъ независимую власть литовскаго государя, ея стѣсненію правами магнатовъ и католическаго духовенства, въ Польшѣ. Онъ привыкъ къ языку и обычаямъ своего государства, а въ страсти своей къ охотѣ, унаслѣдованной отъ отца, особенно привязался къ литовско-русскимъ обширнымъ, дремучимъ пущамъ, богатымъ всякимъ звѣремъ и разнообразною дичью. Два года онъ уклонялся принять предложенную ему корону, затягивая переговоры съ сеймомъ и не давая польскимъ вельможамъ утвердительнаго отвѣта. Наконецъ, ихъ угроза—избрать королемъ Мазовецкаго князя: друга Михаила Сигизмундовича, что означало новую борьбу съ нимъ за литовскій престолъ, вынудили согласіе Казиміра и онъ былъ, наконецъ, коронованъ королемъ польскимъ въ Краковѣ въ 1447 г. На торжествѣ его коронованія присутствовали: Свидригайло и князь Мстиславскій: Юрій Лугвеньевичъ.

Московскій вел. кн. Василій Васильевичъ не могъ поддержать Юрія Лугвеньевича въ Смоленскѣ и предпринять рѣшительную борьбу съ Казиміромъ за древне-русскіе города, такъ какъ съ востока ему

грозили татары. Царевичъ Золотой орды: Мустафа, вошелъ въ рязанскую землю для грабежа и полонилъ тамъ много беззащитныхъ людей, но зимой задержался въ Переяславлѣ рязанскомъ, бѣдствуя отъ наступившихъ лютыхъ морозовъ съ сильными вьюгами и глубокимъ снѣгомъ. Василій послалъ противъ него воеводу князя Оболенскаго и тогда Мустафа, выйдя изъ города, сталъ на берегахъ рѣчки Листани, гдѣ наступила на него конница и пѣхота вел. князя, вооруженная палицами, рогатинами и топорами; а также, въ войскѣ его находившаяся мордва на лыжахъ и казаки, пустившіе въ дѣло свои острыя копьи и сабли. Это было особое, легкое конное войско, сражавшееся на подобіе торковъ и берендѣевъ южнорусскихъ степей. Еще Константинъ Богрянородный называетъ Казахіей страну между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, гдѣ обитали косоги и яссы: враги Мстислава Тьмутараканскаго; они именовались тоже черкесами и казаками. Земля Казанская, граничившая со степью, оттуда привлекала часть ихъ въ свои предѣлы. Татары, цѣпенѣя отъ холода, не въ состояніи были владѣть своими луками, но не теряя мужества, вступили съ русскими въ рукопашный бой. Они бросались грудью на копья, какъ изступленые; и всѣ легли на полѣ битвы вмѣстѣ съ своимъ вождемъ, отвага и смерть котораго, напоминали о томъ, что въ жилахъ его текла кровь Чингизъ-хана.

51) Картина: Битва московскихъ войскъ съ татарскимъ Царевичемъ Мустафой на берегу рѣчки Листани.

Но изъ Казанскаго царства скоро опять показался врагъ, еще болѣе для Москвы опасный: Улу-Махметъ, подступавшій къ Мурому. Василій Васильевичъ поспѣшилъ призвать на помощь себѣ подъ свои знамена: Шемяку изъ Углича, Іоанна Можайскаго съ братомъ, Михаила Верейскаго и внука Владиміра Андреевича Храбраго: Василія Ярославича Боровскаго.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Битва московскихъ войскъ съ царевичемъ Мустафой на берегахъ рѣчки Листони. *(Къ стр. 218).*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Плѣненіе вел. князя Василія Васильевича татарами. *(Къ стр. 219).*

Но когда, потерпѣвшій близъ Мурома пораженіе и, русскими передовыми отрядами изгнанный обратно въ свою землю, Улу-Махметъ, переждавъ зимніе холода, весною вернулся подъ Нижній Новгородъ, послалъ къ Суздалю двухъ сыновей своихъ,—московскіе полки были уже распущены и пришлось вновь собирать ихъ. На этотъ разъ Дмитрій Шемяка еще въ 1441 г., пытавшійся возобновить свои враждебныя дѣйствія противъ Василія, не явился на зовъ его и не прислалъ ни единаго воина для подкрѣпленія его войска. Князья: Можайскій, Верейскій и Боровской спѣшно пришли, но съ небольшимъ числомъ ратниковъ. Верейскій князь расположился станомъ около Суздаля; однако, татарамъ удалось все таки, незамѣтно для его воиновъ, переправиться черезъ Нерль.

Узнавъ о томъ Василій, въ сильной тревогѣ выбѣжалъ изъ шатра, гдѣ безпечно пировалъ наканунѣ и быстро повелъ свою многочисленную рать противъ вдвое большей силы татаръ. Сраженіе произошло въ чистомъ полѣ, противъ Ефимьева монастыря. Сначала татары бѣжали подъ дружнымъ натискомъ русскихъ,—но когда, слѣдуя своему обычному пріему на войнѣ, повернули обратно, лицомъ къ погонѣ за собой непріятельской рати, она оказалась уже разстроенной и разсѣянной по сторонамъ въ безпорядкѣ, почему татары легко ее одолѣли и, въ свою очередь, обратили въ бѣгство. Самъ великій князь, любившій, подобно древнимъ русскимъ князьямъ, собственноручно рубиться съ врагомъ въ «челѣ» своей дружины, попалъ весь израненный, вмѣстѣ съ Михаиломъ Верейскимъ, въ плѣнъ къ татарамъ. Несмотря на все его мужество, ему замѣтно недоставало мудрой предусмотрительности и дарованій Дмитрія Іоанновича Донского, какъ полководца. Іоанна Можай-

52) Картина: Плѣненіе вел. князя Василія Васильевича татарами.

скаго, повергнутаго на землю сильнымъ ударомъ врага, спасли его воины, посадивъ на коня и Василій Боровской тоже спасся въ числѣ немногихъ. Сыновья Улу-Махмета: Мамутекъ и Ягуба, лишь слегка пограбивъ Владиміръ и Муромъ, поторопились отвести своихъ важныхъ плѣнниковъ къ отцу въ Нижній Новгородъ; а золотой тѣльный крестъ великаго князя послали въ Москву къ его матери и женѣ въ знакъ побѣды. Внѣ себя отъ ужаса, при такой страшной вѣсти, тѣ выѣхали въ Ростовъ съ боярами, предоставивъ народъ въ Москвѣ его неизвѣстной участи, среди трепета и смятенія. А Улу-Махметъ ушелъ со своими плѣнниками и ордою еще далѣе на востокъ къ окрайнѣ московскихъ владѣній: въ городъ Курмышъ на Сурѣ, откуда послалъ мурзу Бигича къ сопернику великаго князя—Шемякѣ, какъ можно думать, съ лестнымъ для него предложеніемъ: занять московскій столъ. Обрадованный Шемяка принялъ татарскаго посла съ великой лаской и отъ себя отправилъ Махмету дьяка для закрѣпленія договора съ нимъ о вѣчной неволѣ Василія, тогда какъ онъ готовъ былъ признать надъ собой верховную волю Казанскаго хана. Однако, злорадство и торжество Дмитрія Шемяки оказались напрасными; судьба не допустила его до желанной цѣли московскаго великокняженія. Между тѣмъ, какъ дьякъ Ѳедоръ съ Бигичемъ плыли Окою къ Нижнему, ханъ, не имѣя долго вѣстей отъ своего посла, повѣрилъ слуху будто Шемяка убилъ его, желая властвовать на Руси независимо и, внявъ тогда просьбамъ Василія, отпустилъ его съ Михаиломъ Верейскимъ на свободу. Татарскіе мурзы и князья для полученія огромнаго выкупа, провожали великаго князя до самой его столицы, хотя избѣгнувшей нападенія враговъ, за время его отсутствія, но испы-

53) Картина: Посылка татарскими царевичами матери Василія: тѣльнаго креста «плѣненнаго ими» князя.

тавшей ужасъ, крайне рѣдкаго на сѣверѣ, землетрясенія. Наиболѣе робкіе обезпамятили отъ страха, когда весь городъ поколебался, такъ какъ вообразили, что земля отверзаетъ нѣдра свои для поглощенія Москвы. Иные видѣли въ этомъ стихійномъ явленіи предвѣщаніе какихъ-либо новыхъ государственныхъ бѣдствій и тѣмъ болѣе всѣ обрадовались внезапному возвращенію великаго князя. Не только въ столицѣ и въ другихъ городахъ московскихъ, но даже въ селахъ жители ликовали; издалека спѣшили привѣтствовать своего государя. Но тѣмъ не менѣе Василій съ горестью въѣхалъ въ полуразрушенную Москву, гдѣ лишился дворца, почему въ Кремлѣ занялъ домъ литовскаго князя: Юрія Патрикѣева.

Дмитрій Шемяка, узнавъ о возвращеніи Василія, бѣжалъ обратно въ Угличъ, тогда какъ намѣстникъ Мурома, князь Оболенскій, арестовалъ тамъ Бегича. Дмитрій Шемяка, подъ внѣшней личиной смиренія, затаилъ непримиримую злобу противъ Василія и къ союзу съ собою, въ затѣваемыхъ козняхъ для его пагубы, привлекъ Ивана Можайскаго, недовольнаго своимъ малымъ удѣломъ, вмѣстѣ съ княземъ Борисомъ Александровичемъ тверскимъ, увѣривъ ихъ, будто Василій все московское княжество обѣщалъ передать Махмету, намѣреваясь самъ водвориться въ Твери! Къ этимъ врагамъ Василія примкнули и бояре покойнаго князя Константина Дмитріевича: какъ завистники бояръ великокняжескихъ. Навѣты Шемяки основывались на томъ, что Василій къ себѣ принималъ на службу подручниками князей татарскихъ, предоставляя—имъ, на условіи военной помощи ему ихъ отрядами при первомъ требованіи,—собирать въ свою пользу доходы той или другой волости. Многимъ русскимъ людямъ не нравилось такое право

поборовъ въ ихъ христіанскихъ земляхъ, даваемое изъ Москвы языческимъ иноплеменникамъ и врагамъ отечества. Когда же вел. князь вынужденъ былъ еще наложить на подданныхъ своихъ тяжелыя подати для уплаты Махмету выкупа за себя, неудовольствіе въ народѣ еще усилилось. Имъ поспѣшилъ воспользоваться Шемяка.

Когда въ Февралѣ 1446 г. Василій выѣхалъ съ двумя сыновьями и небольшимъ количествомъ слугъ по дѣдовскому обычаю, помолиться въ Троицко-Сергіевскую обитель, Дмитрій Шемяка съ Иваномъ Можайскимъ, съѣхавшіеся въ городѣ Рузѣ, выступили оттуда къ Москвѣ въ сопровожденіи, уже приготовленнаго ими отряда вооруженныхъ людей и ночью ворвались въ Кремль, гдѣ взяли въ плѣнъ мать и супругу Василія; захватили его казну. Въ ту же ночь Иванъ Можайскій поспѣшилъ въ Троицкій монастырь. Когда приблизились заговорщики, Василій слушалъ въ соборѣ обѣдню и, не повѣривъ первому предостереженію его объ опасности, выслалъ лишь сторожей на Родонежскую гору.

Сторожа эти были врасплохъ захвачены, обычной въ то время хитростью воиновъ, спрятанныхъ въ мнимомъ обозѣ. Глубокій снѣгъ помѣшалъ имъ бѣжать куда-либо въ сторону отъ большой дороги. Когда Василій, увидѣвъ скачущихъ къ монастырю, вооруженныхъ всадниковъ, не могъ уже сомнѣваться въ грозившей ему опасности, было поздно спасаться бѣгствомъ. Едва вел. кн. успѣлъ запереться въ церкви, какъ монастырскій дворъ наполнился заговорщиками. Иванъ Можайскій, близко подъѣхавъ къ церковнымъ дверямъ, спрашивалъ: «гдѣ Василій?» Услышавъ голосъ двоюроднаго брата, съ которымъ онъ до сихъ поръ считалъ себя въ дружбѣ, несчастный

54) Картина: Вел. князь Василій Васильевичъ въ Троицко-Сергіевскимъ храмѣ, угрожаемый своими врагами, посланными изъ Москвы схватить его, Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякой.

князь закричалъ изъ своего убѣжища:—«братъ любезный, помилуй!»—и самъ отворилъ ему южныя двери храма. Взявъ съ гроба Св. Сергія икону Божьей Матери, онъ Ею и Животворящимъ крестомъ заклиналъ Ивана Андреевича объяснить ему: что отъ него пришли требовать вмѣстѣ съ нимъ злоумышленники? и по какому поводу противъ него возстали?» Иванъ лицемѣрно отвѣтствовалъ, что они не желаютъ ему причинить никакого зла, но добиваются исключительно уменьшенія за него выкупа татарскому хану. Великій князь громко и горячо началъ молиться, павъ ницъ передъ ракой Преподоб. Сергія. А Іоаннъ, выйдя изъ церкви, шепнулъ боярину Шемяки,—Никитѣ Константиновичу:—«Возьми его». Тотъ, схвативъ Василія за руку, произнесъ:—«Ты плѣнникъ вел. князя Дмитрія Юрьевича».—«Да будетъ воля Божія», отвѣчалъ Василій. Московскихъ бояръ заковали въ цѣпи, а Василія Васильевича привезли на саняхъ въ Москву прямо къ Шемякѣ. Къ счастью о маленькихъ сыновьяхъ Василія всѣ забыли, такъ что они успѣли спрятаться, а послѣ отъѣзда враговъ бѣжали къ Юрьеву Польскому, въ село Боярково, гдѣ нашли безопасный пріютъ у князя Ивана Ряполовскаго. Ряполовскій съ братьями и со всѣмъ дворомъ своимъ уѣхалъ въ Муромъ, гдѣ вокругъ него скоро собралась значительная дружина. Князя Василія Васильевича ослѣпили, по приказанію Шемяки послѣ трехъ дней пребыванія его въ Москвѣ, а потомъ услали съ женою въ Угличъ, тогда какъ мать его, Софью Витовтовну, заключили въ Чухломѣ.

Однако, Дмитрію Шемякѣ такъ же трудно было держаться въ Москвѣ, какъ его отцу и брату. Неоспариваемый никѣмъ переходъ великокняжеской власти отъ отца къ сыну, повторявшійся впродолже-

ніи нѣсколькихъ поколѣній, сталъ уже обычаемъ, освященнымъ примѣромъ отцовъ и дѣдовъ. Русское общество на него давно начало смотрѣть, какъ на законный порядокъ, забывъ о прежнемъ порядкѣ наслѣдованія по старшинству въ цѣломъ родѣ. Потому-то московская усобица, продолженная послѣ Дмитрія, его сыновьями, такъ взволновала всѣхъ лучшихъ людей Москвы и князья сѣвернаго Галича встрѣчались Москвой какъ чужіе:—похитители, не принадлежащаго имъ по праву великокняжескаго достоинства; окружены были тамъ недовѣріемъ и враждою. Служилые князья и бояре бѣжали отъ Шемяки «искать» Василія; отъѣзжали въ Литву; какъ это сдѣлали: Василій Ярославичъ Серпуховскій, братъ великой княгини; и князь Семенъ Оболенскій; а за ними бояринъ,—доблестный воевода—Ѳедоръ Басенокъ, отказавшійся присягнуть Шемякѣ.

Сѣвъ на московскомъ столѣ, Дмитрій Юрьевичъ захотѣлъ уничтожить дѣло присоединенія Василіемъ I суздальскаго княженія съ Нижнимъ-Новгородомъ къ Москвѣ. Онъ вернулъ его двумъ внукамъ Кирдяпы, давая имъ право господствовать въ немъ независимо и вступать въ сношенія съ татарской ордою по своему усмотрѣнію. Очевидно, Шемяка, среди всеобщей ненависти къ нему, искалъ опоры въ этихъ двухъ братьяхъ-изгнанникахъ, не желавшихъ служить Василію Васильевичу и потому скитавшихся на Руси съ мѣста на мѣсто. Старшій изъ нихъ отличился своею храбростью при защитѣ Новгорода отъ нѣмцевъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ, за короткое время своего управленія московскимъ княжествомъ, Шемяка, настолько грубо попиралъ всякую справедливость, уставы древніе и здравый смыслъ, что въ народной пословицѣ, опредѣлившей разъ навсегда

общимъ названіемъ: «Суда Шемяки» память о его беззаконіяхъ,—сохранилось понятіе о судѣ неправедномъ и пристрастномъ. Онъ не умертвилъ соперника лишь потому, что у него не хватило на это дерзости Святополка I. Ослѣпивъ же его, онъ имѣлъ оправданіе въ мести за ослѣпленнаго брата и въ томъ, что онъ лишь послѣдовалъ въ этой безчеловѣчной казни примѣру самаго Василія Васильевича.

Чувствуя всю непрочность своего положенія въ Москвѣ, Шемяка больше всего боялся младенцевъ великокняжескихъ, хранимыхъ въ Муромѣ братьями Ряполовскими съ многочисленной дружиною и боярами. При посредствѣ епископа рязанскаго: все еще не поставленнаго въ Царьградѣ митрополита Іоны, онъ уговорилъ Ряполовскихъ отдать ему княжичей «на епитрахили» этого, всѣми уважаемаго, епископа въ залогъ того, что онъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла и обѣщалъ при этомъ освободить слѣпца изъ его заточенія. Ряполовскіе привезли дѣтей въ соборный храмъ Мурома, гдѣ Іона ихъ принялъ съ пелены иконы Рождества Богородицы на свою епитрахиль и потомъ самъ отвезъ ихъ по порученію Дмитрія къ отцу въ Угличъ. Однако, Дмитрій Шемяка и послѣ того не отпустилъ Василія на свободу, а только его сыновей заключилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Угличѣ. Такой безстыдный обманъ возбудилъ негодующее движеніе во всей московской землѣ. Ставъ во главѣ его, Ряполовскіе и князь Иванъ Стрига-Оболенскій, потомокъ Михаила Черниговскаго, уговорились между собою насильно освободить великаго князя, съ разныхъ сторонъ подойдя къ Угличу. Войско, противъ нихъ высланное Шемякой, было разбито братьями Ряполовскими и они, поѣхавъ затѣмъ въ Литву, къ князю Василію Ярославичу, начали его убѣждать присоеди-

55) Картина: Митрополитъ Іона подводитъ къ заточенному въ Угличѣ Василію Темному его дѣтей.

ниться къ нимъ въ дѣлѣ освобожденія великаго князя. Тѣмъ временемъ, съ своей стороны Іона, хотя Шемякой посаженный на митропольничіемъ дворѣ въ Москвѣ,—упрекалъ предателя за его лицемѣріе и неотступно требовалъ отъ него исполненія, ему, данінаго обѣщанія, говоря: — «Ты меня ввелъ во грѣхъ и постыдилъ мою старость». Испуганный Шемяка, наконецъ согласился примириться съ Василіемъ. Онъ самъ поѣхалъ въ Угличъ со всѣмъ Дворомъ своимъ и духовенствомъ, желая связать душу врага своего крестнымъ цѣлованіемъ такъ, чтобы ему не оставалось иного выбора кромѣ страшнаго клятвопреступленія или полной ему покорности. Впрочемъ, Шемяка могъ остаться вполнѣ довольнымъ христіанскимъ смиреніемъ и слезнымъ покаяніемъ слѣпого узника въ собственныхъ своихъ грѣхахъ при свиданіи съ нимъ. Онъ ему далъ въ удѣлъ Вологду, щедро его одарилъ и отпраздновалъ примиреніе съ нимъ великолѣпною трапезой. Но Василій, пробывъ въ отдаленной Вологдѣ всего нѣсколько дней, поѣхалъ оттуда на богомолье въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь, гдѣ игуменъ Трифонъ разрѣшилъ его отъ клятвы, насильственно данной имъ Дмитрію въ Угличѣ, вопреки своему законному праву и благословилъ его возвращеніе на московскій столъ. Тогда Василій, получившій теперь прозваніе Темнаго, уже не вернулся въ Вологду, а поѣхалъ въ Тверь, гдѣ его бывшій врагъ: князь Борисъ Александровичъ, вызвался помогать ему, при условіи, чтобы онъ женилъ своего еще малолѣтняго сына: Іоанна на его дочери—Маріи. Обрученіе дѣтей утвердило союзъ отцовъ и Василій рѣшился идти къ Москвѣ. Шемяка, узнавъ о его намѣреніи, заслонилъ ему путь въ столицу, расположивъ вмѣстѣ съ Иваномъ Можайскимъ, собранныя

56) Картина: Примиреніе въ Угличѣ кн. Василія Темнаго, съ ослѣпившимъ его, Шемякой.

57) Картина: Обрученіе малолѣтняго князя Іоанна III съ тверскою княжной Маріей.

ими войска, у Волоколамска; но одному изъ бояръ Василія удалось, благодаря малому числу бывшихъ съ нимъ воиновъ, незамѣтно обойти станъ противниковъ и въ день праздника Рождества Христова въѣхать въ 1447 г. въ Никольскія ворота, отворенныя для проѣзда къ заутренѣ одной изъ московскихъ княгинь. Этотъ бояринъ—Плещеевъ, затѣмъ, легко овладѣлъ Кремлемъ, такъ какъ въ Москвѣ намѣстникъ Шемяки и князя Можайскаго обратился въ бѣгство: причемъ послѣдній былъ пойманъ истопникомъ великой княгини: Ростопчей. Непріятельскіе бояре были заключены въ оковы, тогда какъ московскіе граждане съ радостію опять присягнули Василію, на помощь которому изъ Москвы въ это время шли съ многочисленными полками князья Ряполовскіе; Василій Ярославичъ, князь Оболенскій и Ѳедоръ Басенокъ. Съ ними соединилось два-три отряда татаръ, посланныхъ сыновьями Улу-Махмета на выручку великаго князя въ память за его хлѣбъ и добро, подъ начальствомъ царевичей—Касима и Ягупа. Тогда Шемяка и князь Можайскій, увидѣвъ себя въ безпомощномъ положеніи, ушли въ Каргополь и оттуда просили мира, предварительно согласившись освободить изъ заточенія въ Чухломѣ мать великаго князя Софію Витовтовну. Ея проводилъ до Троицко-Сергіевской лавры нѣкій бояринъ: Михаилъ Сабуровъ, потомъ оставшійся въ Москвѣ на службѣ у Василія Темнаго. Встрѣтивъ мать въ лаврѣ, великій князь съ торжествомъ возвратился въ Москву послѣ того, какъ соединился въ Угличѣ съ Василіемъ Ярославичемъ, а въ Ярославлѣ встрѣтился съ татарскими, доброжелательными ему, царевичами. Князь Боровской и Михаилъ Андреевичъ Верейскій, явились посредниками при заключеніи мира съ княземъ Можайскимъ и

Шемякой. Василій простилъ Ивана Можайскаго изъ уваженія къ его брату и сестрѣ Анастасіи: женѣ Бориса Тверского, но неохотно оставилъ намѣреніе вести московскіе полки въ Галичъ мерянскій, лишь по усиленному ходатайству за Шемяку ихъ общихъ родственниковъ и, получивъ крестную грамоту Дмитрія, съ клятвой отнынѣ быть ему искреннимъ другомъ—до послѣдняго издыханія. Когда же вѣроломный Шемяка и послѣ того продолжалъ свои козни противъ имъ ослѣпленнаго великаго князя,—Василій, не прибѣгая болѣе къ посредству татарскаго хана въ своемъ спорѣ съ нимъ, передалъ дѣло его уличеннаго вѣроломства, на судъ духовный. Соборъ изъ пяти епископовъ: ростовскаго, суздальскаго, рязанскаго, коломенскаго и пермскаго, съ нѣсколькими архимандритами,—за отсутствіемъ еще въ это время митрополита,—обратился къ нарушителю договора съ грознымъ посланіемъ, укорявшимъ его въ измѣнѣ и разбойничьемъ нападеніи на великаго князя въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ. Этотъ духовный соборъ счелъ и притязанія отца Шемяки непростительнымъ беззаконіемъ, подтверждая право на московскій престолъ единственно старшаго сына великаго князя. Въ заключеніе онъ проклиналъ и отлучалъ Шемяку отъ церкви, если тотъ не обѣщаетъ свято блюсти впередъ свой мирный договоръ съ Василіемъ Темнымъ. Но несмотря ни на что Шемяка не могъ примириться со своей скромной участью и потому, едва подтверждая условіе мира присягою, вновь нарушалъ ихъ. Онъ такимъ образомъ вызвалъ походъ московской рати подъ самыя стѣны Галича, гдѣ послѣ упорной битвы потерпѣлъ полное пораженіе отъ одного изъ князей Оболенскихъ и бѣжалъ въ Новгородъ. Напавъ оттуда на Вологду и Устюгъ, онъ только

безсмысленно разорялъ русскія области, не имѣя надежды достигнуть въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ никакого успѣха. Тогда уже по истощеніи всѣхъ возможныхъ средствъ для его умиротворенія, изъ Москвы тайно были подкуплены приближенныя къ нему лица и онъ скончался въ Новгородѣ, отравленнымъ въ 1453 г. Князь Иванъ Андреевичъ Можайскій, тоже нѣсколько разъ измѣнявшій великому князю и даже пытавшійся вмѣшать въ дѣло Москвы короля Казиміра, былъ лишенъ своего удѣла и удалился въ Литву. Такимъ образомъ кончилось послѣднее крупное междоусобіе въ московской землѣ, гдѣ съ этихъ поръ настолько утвердилось единовластіе, доставлявшее странѣ всѣми желаемое спокойствіе, что возмущеніе противъ него со стороны младшихъ князей, еще сохранившихъ мелкіе свои удѣлы, становится изъ года въ годъ все безсильнѣе и невозможнѣй.

Глава X.

Обособленіе русской церкви отъ Византійской, послѣ измѣны на Флорентійскомъ соборѣ патріарха Іосифа завѣтамъ древняго православія. Отступникъ Исидоръ—кардиналъ въ Римѣ, гдѣ продолжаетъ себя считать московскимъ митрополитомъ. Возведеніе Іоны въ митрополичій санъ соборомъ епископовъ сѣверовосточной Руси по приказанію великаго князя Василія Темнаго. Попытки Василія оправдать свой смѣлый поступокъ передъ византійскимъ Императоромъ Константиномъ: преемникомъ Іоанна Палеолога. Смерть Константина отъ раны во время боя съ турками, овладѣвшими византійской столицей и полное освобожденіе отъ вліянія Царьградскаго патріарха русской духовной власти. Оскудѣніе византійской церкви. Поддержка митрополитомъ Іоною великаго князя московскаго въ его стремленіи объединить всю русскую землю подъ сильной верховной властью Москвы. Безуспѣшная попытка Ливонскаго Ордена въ союзѣ съ Даніей, Швеціей и Норвегіей, отнять у Новгорода берега рѣки Наровы и нападеніе судовъ ихъ при устьи

Невы на торговые корабли, шедшіе въ Ладогу. Побѣда двинянъ надъ шведами и перемиріе на 25 лѣтъ новгородцевъ съ рыцарями. Неудовольствіе противъ митрополита Іоны князей литовскихъ и поставленіе изъ Рима митрополитомъ кіевскимъ ученика Исидора: болгарина Григорія. Смерть Іоны отъ огорченія вслѣдствіе раздѣленія русской церкви. Его преемникъ Ѳеодосій Ростовскій. Литовскіе князья древняго Кіева. Обрученіе малолѣтняго сына Василія II—Іоанна, съ дочерью тверского князя: Бориса Александровича: Маріей и помощь тверской артиллеріей, оказанная Василію при осадѣ имъ Углича. Признаніе рязанскимъ княземъ—Иваномъ Ѳедоровичемъ, Василія своимъ старшимъ братомъ и завѣщаніе имъ своего малолѣтняго сына на попеченіе московскаго великаго князя. Отдѣленіе отъ Золотой Орды и торговое процвѣтаніе Казанскаго царства въ предѣлахъ древней Булгаріи, подъ властью свирѣпаго сына Улу-Махмета—Махметука: убившаго своихъ братьевъ. Царевичи и князья татарскіе на московской службѣ. Ихъ помощь Москвѣ противъ набѣговъ своихъ единоплеменниковъ. Царевичъ Касимъ. Неудачное нападеніе на Москву татарскаго царевича: Мазовши. Крымская орда и ханъ новаго крымскаго царства: потомокъ Тахтамыша, ставленникъ Казиміра IV—Ази-Гирей. Его счастливая война съ Седи-Ахметомъ и смерть послѣдняго подъ стражей въ Ковно. Притѣсненіе Ази-Гиреемъ генуэзцевъ на берегахъ Чернаго моря. Бахчисарай—столица Крыма, на мѣсто города того же имени. Заносчивое отношеніе Новгорода къ московскому могуществу и непокорность его власти великаго князя Василія II въ ревнивой преданности вольнолюбивыхъ новгородцевъ законодательному значенію своего вѣча. Объявленіе Новгороду войны великимъ княземъ. Взятіе богатой Старой Руссы княземъ Стрига-Оболенскимъ и воеводою Басенкомъ. Случайное ихъ столкновеніе во главѣ малаго отряда съ тяжелой новгородской конницей. Плѣненіе посадника Тучи и бѣгство новгородцевъ, завязнувшихъ въ снѣгу, между тѣмъ, какъ ихъ лошади подъ ними падали, сражаемые храбрыми и ловкими въ бою врагами. Мольба Новгорода о мирѣ черезъ посредство архіепископа Евѳимія. Заключеніе мирнаго договора на выгодныхъ для Москвы условіяхъ въ селеніи Яжелбицахъ. Господство Василія надъ землей рязанской и несправедливая обида имъ князя Боровскаго: внука Владиміра Храбраго. Уходъ въ Литву его сына къ князю Ивану Можайскому. Равнодушіе короля Казиміра къ личнымъ дѣламъ русскихъ князей, бѣжавшихъ въ Литву. Возмущеніе Вятки противъ зависимости своей отъ московскаго великаго князя и усмиреніе ее ратными его силами. Князья: Черторыйскій и Стрига-Оболенскій,—намѣстники Пскова. Старшій сынъ и наслѣдникъ Василія Темнаго: Іоаннъ. Уклоненіе великаго князя

Василія II отъ платежа дани татарскимъ ханамъ. Болѣзнь и смерть его. Духовное завѣщаніе Василія. Основаніе Соловецкаго монастыря. Подвижники: Германъ, Зосима и Савватій. Преемники епископа Стефана въ Перми: Исаакій и Питиримъ. Убіеніе Питирима языческимъ княземъ вогуличей на берегу рѣки Вычегды. Смерть стараго князя Свидригайла въ Луцкѣ. Споръ между Литвой и Польшей за землю Волынскую и Подольскую. Преобладающее вліяніе на короля и всѣ дѣла въ Польшѣ епископа Краковскаго: Збигнѣва Олесницкаго. Петроковскій сеймъ въ 1453 г. Двѣ избы въ этомъ сеймѣ, иначе двѣ палаты: верхняя и нижняя. Взятіе Царьграда османскими турками. Его значеніе въ глазахъ русскихъ людей. Соборъ Св. Софіи становится магометанской мечетью. Паденіе нравовъ грековъ и превосходство надъ ними духа ихъ побѣдителей. Равнодушіе западноевропейскихъ странъ къ бѣдствію Византіи. Союзъ «Ящерицы» изъ рыцарей мірянъ и нѣмецкихъ гражданъ противъ воинствующихъ монаховъ рыцарскихъ Орденовъ. Война съ ними Польши. Казацкая община на Днѣпрѣ. Сурожане и суконники. Русскія деньги. Причина упадка значенія и могущества боярскихъ родовъ. Укрѣпленіе единовластія на Руси въ Москвѣ и рѣшающее вліяніе его на исходъ борьбы великаго князя съ татарскимъ игомъ. Живое участіе въ ней и заслуга передъ отечествомъ русскаго православнаго духовенства. Благое, связующее русскій народъ, вліяніе православной вѣры, защищенной въ Москвѣ Василіемъ отъ Римской ереси. Состояніе военнаго дѣла и процвѣтаніе разныхъ родовъ мастерства на Руси въ половинѣ XV-го столѣтія. Образъ жизни богатыхъ бояръ. Степень научнаго просвѣщенія на Руси со времени господства надъ нею татарскихъ хановъ. Умильныя повѣсти. Житіе святыхъ и описанія путешествій русскихъ людей. Живопись на страницахъ рукописей.

При Василіи Темномъ установилось, силою обстоятельствъ, независимое отношеніе русской церкви къ византійскому, пошатнувшемуся на Флорентійскомъ соборѣ и тамъ искаженному, православію. Отступникъ Исидоръ, бѣжавшій изъ Москвы въ Римъ и получившій тамъ достоинство кардинала, продолжалъ себя называть русскимъ митрополитомъ. Патріархъ византійскій, а также самъ императоръ признавали за нимъ этотъ санъ. Іона въ 1436 г. — хотя въ Царьградѣ обласканный и обнадеженный обѣщаніемъ

его поставить въ митрополиты послѣ Исидора, — тѣмъ не менѣе, оттуда уѣхалъ пока ни съ чѣмъ. Теперь, утвердившійся окончательно вел. кн. въ Москвѣ, Василій Темный, рѣшилъ только посредствомъ собора русскихъ епископовъ возвести на московскую митрополію лучшаго своего сотрудника и приверженца единодержавія: Іону, обѣщавшаго быть достойнымъ послѣдователемъ митрополитовъ Петра и Алексія. Вел. кн. былъ увѣренъ, что этотъ рязанскій епископъ не принесетъ съ собою въ Москву областныхъ рязанскихъ стремленій. Въ Москвѣ собрались всѣ епископы сѣверовосточной Руси, кромѣ тверского и новгородскаго, приславшихъ отъ себя только письменное согласіе; послѣ особаго совѣщанія между собой въ Архангельскомъ соборѣ, 5-го декабря 1448 г. они возложили на Іону митропольничій омофоръ; дали ему въ руки посохъ, принадлежащій къ новому его сану. Однако, это былъ настолько важный и смѣлый шагъ, что приходилось усердно доказывать и объяснять его законность; особенно передъ епископами Руси западной. Кромѣ того, вел. кн. все же искалъ оправданія своему поступку и благословенія его изъ Царьграда. Когда въ Москву пришла въ слѣдующемъ 1449 г. вѣсть о смерти Іоанна Палеолога, Василій приготовилъ привѣтственную грамоту его преемнику Константину съ изложеніемъ всего дѣла Исидора и посвященія въ московскіе митрополиты Іоны. Но путь въ Византію былъ тогда, какъ мы уже говорили, весьма затруднителенъ и она сама среди смутъ доживала послѣдніе дни. Наконецъ, взятіе византійской столицы турками и гибель императора Константина, освободили уже окончательно нашу русскую церковь отъ Царьградской зависимости. Съ этихъ поръ греческіе патріархи утратили

всякую власть надъ нею, сами испрашивая теперь еще больше, чѣмъ за все послѣднее время бѣдствія Византіи, милостыню въ богатой Руси для поддержки греческихъ храмовъ и духовенства. Іона не обманулъ Василія Темнаго и пользовался всей силой духовнаго своего вліянія, чтобы помочь успѣху объединительныхъ цѣлей московскаго великаго князя.

Помимо окружного посланія своей паствѣ съ нравоученіями въ этомъ смыслѣ, онъ написалъ особое назиданіе Новгороду и Вяткѣ, чтобы отвлечь эти свободолюбивые города отъ союза съ Шемякой. Въ это время Ливонскій Орденъ заключилъ противъ Новгорода союзъ съ королемъ Даніи, Швеціи и Норвегіи: Христоформъ; а магистръ прусскій умолялъ папу содѣйствовать деньгами и молитвами усмиренію невѣрныхъ россіянъ на берегахъ Волхова. Войско его шло въ новгородскую землю моремъ изъ Данцига и сухимъ путемъ изъ Мемеля. Нѣмцы гордо требовали для себя всей рѣки Наровы съ островомъ и вооруженныя ихъ суда стали на Невѣ, грабя торговые корабли всѣхъ странъ, шедшіе мимо нихъ въ Ладогу. Однако, битва на берегахъ Наровы въ 1448 г. новгородцевъ съ рыцарями не привела ни къ чему; а двиняне разбили шведовъ. Дѣло закончилось перемиріемъ Новгорода съ сосѣднимъ Орденомъ на 25 лѣтъ. Кромѣ этихъ иноплеменныхъ враговъ князь Борисъ Тверской безжалостно разорялъ новгородскую землю.

Митрополитъ Іона, кромѣ Шемяки, вооружился тоже противъ главнаго его союзника: князя Ивана Можайскаго и послѣ бѣгства послѣдняго въ Литву, писалъ о его преступленіяхъ противъ двоюроднаго брата, смоленскому епископу. Тѣсная связь митропольничьяго престола въ Москвѣ съ престоломъ великокняжескимъ и его единодержавными цѣлями, естественно

вызывали разладъ между нимъ и великими князьями литовскими: соперниками Москвы, а теперь еще иновѣрцами. Этимъ легко объясняются упорныя ихъ попытки получить для своей страны особаго митрополита, и вотъ во время главенства надъ православной русской церковью митрополита Іоны, вопреки стараніямъ его сохранить всѣми силами ея единство, произошло церковное отпаденіе западной Руси отъ восточной, когда изъ Рима поставленъ былъ митрополитомъ кіевскимъ въ 1458 г. ученикъ Исидора, болгаринъ Григорій. Увѣщанія изъ Москвы Іоной западно-русскихъ епископовъ, князей, бояръ и народа, не признавать Григорія; такъ же, какъ отлученіе его отъ церкви,—остались напрасными. Іона скоро умеръ отъ скорби, вслѣдствіе этого раздѣленія русской церкви и преемникъ его Ѳеодосій ростовскій былъ поставленъ въ митрополиты опять соборомъ сѣверно-русскихъ епископовъ, что, такимъ образомъ, стало новымъ, утвердившимся въ Москвѣ обычаемъ.

Относительно колыбели древняго византійско-русскаго православія: когда-то столь достославнаго Кіева, — мы помнимъ, что первымъ удѣльнымъ кіевскимъ княземъ изъ дома Гедимина былъ его внукъ, Владиміръ Ольгердовичъ и, вѣрный православію Свидригайло, изгнанный изъ сѣверозападной Руси Сигизмундомъ Кейстутовичемъ,—нашелъ со своими приверженцами убѣжище въ Кіевѣ, ставшемъ опять сосредоточіемъ обширной области. Позже наставникъ юнаго Казиміра: Янъ Гаштольдъ, въ уступку русской княжеско-боярской партіи, отдалъ Кіевскій удѣлъ сыну Владиміра Ольгердовича: князю Копыльскому—Александру, прозванному Олелькомъ и женатому на дочери Василія Дмитріевича московскаго:

Анастасіи—внучкѣ Витовта. Онъ былъ подвергнутъ тюремному заключенію Сигизмундомъ, какъ опасный ему соперникъ, но все же управлялъ Кіевомъ втеченіи пятнадцати лѣтъ и скончался въ 1455 г.

Казиміръ отдалъ Кіевъ, послѣ смерти его, въ пожизненное и зависимое отъ себя владѣніе старшему сыну его: Семену, благополучно оставшемуся кіевскимъ княземъ до своей смерти въ 1471 г.

Соперники Москвы: вел. князья тверской и рязанскій, были уже на столько слабы, что не могли использовать для борьбы съ ея первенствомъ, междоусобія ближайшихъ потомковъ Донскаго. Имъ только оставалось на выборъ: подчиниться, либо литовскому вел. князю, либо тому, кто возьметъ вверхъ въ Москвѣ. Князь Борисъ Александровичъ тверской былъ въ союзѣ съ Витовтомъ и Свидригайло, а потомъ, какъ мы знаемъ, принялъ къ себѣ дружелюбно Василія Темнаго, послѣ его бѣгства изъ Вологды и, обручивъ съ его сыномъ Иваномъ свою дочь Марію, ему помогалъ въ его войнѣ съ Шемякою и княземъ Можайскимъ. Какъ видно, тверскіе князья обладали порядочной артиллеріей, потому что Борисъ подъ Угличъ прислалъ Василію свои пушки, вслѣдствіе чего городъ сдался и стѣны Ржева, уступленнаго ему Василіемъ, но не желавшаго отойти отъ московскаго княжества, громилъ огнестрѣльными пушечными снарядами. Потомъ тотъ же князь Борисъ заключалъ союзные договоры: и съ Казиміромъ литовскимъ, и съ Василіемъ Темнымъ; но съ перевѣсомъ въ сторону родной Москвы; тѣмъ болѣе, что Іона, при помощи мѣстнаго духовенства, вліялъ на дѣла тверского княженія. Борисъ умеръ въ 1461 г.—за годъ до смерти Василія Темнаго, оставивъ своимъ преемникомъ одного малолѣтняго сына: Михаила. Іона способствовалъ доброму отношенію

Василія и съ Казиміромъ IV. Отъ этого короля въ Москву пріѣзжалъ литовскій посолъ Германъ, съ письмами и дарами.

Рязанскій князь: Ѳедоръ Олеговичъ былъ, какъ мы знаемъ, женатъ на дочери Дмитрія Донского: Софіи и считался подручникомъ своего шурина Василія Дмитріевича, при его помощи, отвоевавъ наслѣдственное свое право на старшій столъ въ рязанскомъ княжествѣ, отъ притязаній младшаго — Пронскаго князя. Но его сынъ и преемникъ: Иванъ Ѳедоровичъ, въ малолѣтствѣ Василія II, служилъ Витовту и только, когда онъ умеръ, перешелъ снова на сторону Москвы. Въ 1447 г. онъ призналъ Василія своимъ старшимъ братомъ и письменно обязался не примыкать болѣе ни къ Литвѣ, ни къ татарамъ.

Зависимость отъ Москвы ей подручныхъ князей выражалась главнымъ образомъ въ обязательствѣ подавать ей военную помощь и по отношенію къ сосѣдямъ дѣйствовать въ одной думѣ съ вел. княземъ московскимъ. Иванъ Ѳедоровичъ жилъ настолько дружно съ Василіемъ Темнымъ, что завѣщалъ ему на соблюденіе свое княжество вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ во время его несовершеннолѣтія.

Послѣ смерти Ивана Ѳедоровича въ 1456 г. вел. кн. взялъ мальчика на воспитаніе къ себѣ въ Москву, а въ рязанскіе города послалъ своихъ намѣстниковъ. Мы помнимъ, что въ 1444 г. произошла кровавая сѣча на берегахъ рязанской рѣчки — Листани, при столкновеніи московскихъ войскъ съ татарскимъ царевичемъ Мустафой и что, несмотря на безумную отвагу татаръ, они всѣ погибли подъ натискомъ, превосходившей ихъ числомъ русской рати; мордвы на лыжахъ и казацкой конницы. Замѣтимъ, что у татаръ, наиболѣе бѣдная часть кочевниковъ тоже

носила названіе «кайсаковъ». Можно думать, что это легкое войско образовалось отчасти изъ сторожевыхъ поселеній: иначе станицъ, на рубежахъ всѣхъ русскихъ земель со степью, оберегавшихъ издавна, какъ намъ извѣстно, кіевскія владѣнія отъ печенѣговъ; установленныхъ тоже и на окрайнахъ рязанскаго княжества вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, т. е. для наблюденія за татарами и для скорѣйшаго освѣдомленія внутреннихъ городовъ о приближеніи татарскихъ ордъ.

58) Картина: кайсакъ или казакъ.

Въ годъ плѣненія вел. князя Василія Васильевича ханомъ Улу-Махметомъ, когда орда его двинулась на востокъ отъ московскихъ предѣловъ, самъ онъ и одинъ изъ его сыновей: Юсупъ, были убиты рукой старшаго сына: царевича Махмутека послѣ чего тотъ овладѣлъ Казанью. Будучи дѣятельнымъ и свирѣпымъ ханомъ, онъ скоро собралъ вокругъ себя большую орду и завоевалъ многія окрестныя области. Тогда Казанское царство совсѣмъ отложилось отъ Золотой Орды и начало жить самостоятельной жизнью, приблизительно въ предѣлахъ прежняго Булгарскаго царства. Торговый промышленный духъ древне-волжской Булгаріи снова ожилъ въ Казани и этотъ городъ сдѣлался вскорѣ новымъ сосредоточіемъ мусульманской гражданственности; пріобрѣлъ важное значеніе для торговли; обстроился и наполнился многочисленнымъ населеніемъ.

Тогда-то Василій II увеличилъ количество служебныхъ Москвѣ татарскихъ царевичей и князей, искавшихъ у него убѣжища среди смутъ и междоусобій въ Ордѣ. Ихъ онъ старался противопоставить хищнымъ набѣгамъ казанскихъ татаръ, привыкшихъ считать со временъ Батыя русскую землю своимъ достояніемъ. Мы видѣли, что въ 1447 г. на помощь Василію въ

его борьбѣ съ Шемякой явились царевичи Касимъ и Ягупъ, должно быть бѣжавшіе изъ Казани отъ преслѣдованія убійцы отца своего и брата. Когда въ 1449 г. татары опять внезапно напали на московскія земли; осадили Устюгъ и грабили вблизи Ельца, — царевичъ Касимъ разбилъ ихъ въ окрестностяхъ Битюга. Нѣсколько позже ханъ Ногайской орды: Сеидъ-Ахметъ, съ оружіемъ въ рукахъ требовалъ отъ Василія дани и подошелъ къ Окѣ, ведя за собой многочисленную орду. Оставивъ Москву на попеченіе митрополита Іоны и своей матери Софіи Витовтовны, Василій удалился къ берегамъ Волги, чтобы ожидать тамъ воеводъ съ дружинами. Когда татары, имѣя во главѣ сына Сеидъ-Ахмета: царевича Мазовшу, приблизились къ кремлевскимъ стѣнамъ, москвитяне сдѣлали вылазку и къ ночи заставили ихъ отступить. Затѣмъ, въ ожиданіи новаго приступа, они всю ночь готовили на стѣнахъ пушки и самострѣлы. Однако, татары, къ великой радости осажденныхъ, ушли ночью, бросивъ среди поля свои телѣги, оружіе и наиболѣе громоздкія вещи.

Софія Витовтовна сейчасъ же отправила гонца къ сыну и тотъ вернулся въ столицу, гдѣ въ храмѣ Успенія Богородицы приложился къ иконѣ Владимірской Божіей Матери: чудотворной Заступницы Москвы.

Окончивъ затѣмъ подъ стѣнами Галича мерянскаго свою борьбу съ княземъ Шемякою, Василій основалъ подчиненное себѣ татарское ханство въ сѣверовосточныхъ предѣлахъ рязанской области, на лѣсномъ берегу Оки, отдавъ тамъ во владѣніе царевичу Касиму мещерскій городокъ, образовавшій впослѣдствіи городъ Касимовъ. Отсюда, преданные Руси татары, легко могли защищать ее отъ своихъ соплеменниковъ. Кромѣ того, изъ среды этихъ Касимовскихъ

хановъ, Москва всегда могла выставить себѣ дружественныхъ соревнователей на престолы: Сарайскій и Казанскій.

Одновременно съ возникновеніемъ Казанскаго царства въ сѣверо-восточномъ углу Руси,—на Таврическомъ полуостровѣ, изъ черноморскихъ татаръ Эдигея, сложилась особая орда: Крымская и тамъ водворился на астраханскомъ престолѣ родъ потомка Тахтамыша: Ази-Гирея, — ставленника короля Казиміра IV, желавшаго его противопоставить властителямъ Золотой Орды и прекратить разорительные набѣги татаръ на литовскія земли съ юга. Осуществивъ стремленіе крымскихъ мурзъ: выдѣлиться въ особое, независимое отъ Сарая, ханство, Казиміръ съ ними вошелъ въ дружественное соглашеніе. Потомъ Ази-Гирей, кромѣ крымскихъ улусовъ, соединилъ подъ своею властью также нагайскіе улусы: между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ. Но это утвержденіе на Таврическомъ полуостровѣ Крымскаго царства, конечно, не обошлось безъ войны между Ази-Гиреемъ, отнынѣ вѣрнымъ защитникомъ литовскихъ владѣній и Седи-Ахметомъ: хищнымъ властителемъ степного пространства между Днѣпромъ и Дономъ. Послѣ неудачной осады Москвы Мазовшею, Сеидъ-Ахметъ, набѣгами на Подолье, вызвалъ походъ противъ себя Ази-Гирея: былъ имъ разбитъ въ 1455 г. и умеръ, заключенный подъ стражу въ Ковно.

Внезапное усиленіе Крымской орды тяжело отразилось на поселеніяхъ генуэзцевъ вдоль юго-восточнаго побережья Тавриды. Ази-Гирей, распространяя свое господство и въ эту сторону, принудилъ ихъ признать себя его данниками, причемъ самую свою столицу изъ города Крыма перенесъ въ Бахчисарай, гдѣ гробница его еще понынѣ находится въ мечети этого города.

Пока Рязань и Тверь колебались между Литвой и московскимъ великокняжествомъ, Великій Новгородъ хотѣлъ быть самостоятельнѣй чѣмъ они. Онъ не слушался увѣщаній митрополита Іоны и продолжалъ, какъ мы знаемъ, давать у себя пріютъ Шемякѣ до самой смерти его подъ тѣмъ предлогомъ, что «Св. Софія никогда не отвергала несчастныхъ изгнанниковъ». Кромѣ того новгородцы приняли одного изъ князей суздальскихъ, не желавшаго подчиниться верховной власти Москвы и уклонялись, когда могли отъ суда московскаго вел. кн., называя рѣшеніе вѣча своего: высшимъ законодательствомъ. Они утаивали часть пошлинъ, должныхъ вел. князю и оказывали сопротивленіе московскимъ намѣстникамъ. Потому князь Василій Темный для усмиренія непокорнаго Новгорода послалъ ему, такъ называемыя «разметныя грамоты» въ знакъ объявленія войны и собралъ полки свои вокругъ Волоколамска. Князь Стрига-Оболенскій и воевода Ѳедоръ Басенокъ взяли торговый богатый городъ: Старую Руссу, гдѣ никто не ожидалъ нападенія и повели къ вел. князю множество плѣнниковъ, при добычѣ настолько изобильной и цѣнной, что они сами дивились ей. Дорогой на воеводъ, немного отставшихъ отъ главнаго войска съ небольшими дружинами,—внезапно напалъ князь суздальскій во главѣ 5000 конныхъ новгородцевъ, защищенныхъ тяжеловѣсной бронею и стремившихся растоптать непріятеля. Однако, плетень и глубокій снѣгъ остановили ихъ, а храбрые воеводы московскіе напомнили своимъ воинамъ, что вел. князь ждетъ къ себѣ не бѣглецовъ, а побѣдителей; что необходимо сражаться, готовыми умереть за родину и государя. Они велѣли стрѣлять не по окованнымъ желѣзомъ всадникамъ, а по конямъ ихъ и тѣ, метаясь отъ получаемыхъ ранъ,

59) Картина: Столкновеніе небольшого отряда побѣдоноснаго московскаго войска, подъ начальствомъ воеводы князя Оболенскаго и Басенка, съ тяжелою Новгородскою конницей.

сбрасывали съ себя новгородцевъ, плохо владѣвшихъ длинными копьями и съ трудомъ поднимавшихся послѣ паденія. Передніе ихъ ряды смѣшались, а задніе обратились въ бѣгство, причемъ знатнѣйшій Новгородскій посадникъ: Михаилъ Туча попался въ плѣнъ. Новгородъ былъ объятъ страхомъ когда получилъ вѣсть о случившемся. Народъ собрался подъ звукъ вѣчевого колокола, и архіепископъ Евѳимій съ лучшими людьми Новгорода былъ отправленъ ходатайствовать за него передъ вел. кимъ княземъ, стоявшимъ станомъ въ селеніи Яжелбицахъ. Такимъ образомъ, состоялся миръ, заключенный на условіяхъ, выставленныхъ Василіемъ для обезпеченія выгодъ Москвы и ея главенства въ дѣлахъ новгородскихъ.

Послѣ смерти рязанскаго князя Ивана Ѳедоровича, Василій II властвовалъ и надъ Рязанью, какъ истинный государь рязанскихъ земель, воспитывая въ Москвѣ дѣтей Іоанна, согласно его завѣщанной просьбѣ. Князь Боровской. Василій Ярославичъ—внукъ Владиміра Храбраго и вѣрный помощникъ московскаго великаго князя за все время его борьбы съ Шемякою, испыталъ теперь съ его стороны жестокую неблагодарность. Онъ сдѣлался жертвою все того же единовластнаго управленія изъ Москвы, еще обособленными удѣлами, несмотря на то, что не проявлялъ никакихъ честолюбивыхъ стремленій, довольствуясь Бежецкимъ Верхомъ и Звенигородомъ. Василій далъ его оклеветать въ своихъ глазахъ боярамъ, старавшимся ему угодить и сослалъ ни въ чемъ неповиннаго Василія Ярославича на заточеніе въ Угличъ, послѣ чего объявилъ его города великокняжескимъ достояніемъ. Тогда его сынъ Иванъ ушелъ въ Литву къ Іоанну Можайскому, намѣреваясь съ нимъ вмѣстѣ мстить великому князю. Однако, Казиміръ IV, давая

въ Литвѣ убѣжище врагамъ московскаго государя
нисколько не содѣйствовалъ личнымъ ихъ цѣлямъ
охраняя лишь безопасность своихъ россійскихъ вла
дѣній. Присвоивъ себѣ такимъ образомъ удѣлы: Га
личе-мерянскій, Можайскій и Боровской, Василій оста
вилъ только князя Михаила Верейскаго владѣть спо
койно, принадлежащей ему землею. Вятка, входившая
въ составъ волостей сѣверной Галицкой области
помогавшая, какъ мы видѣли, роду Юрія Дмитріевича
водвориться на московскомъ столѣ, не захотѣла пови
новаться Василію и вятчане, теперь уже сами отъ себ
сожгли Устюжскую крѣпость: Гледень. Василій в
1459 г. послалъ своихъ воеводъ и бояръ съ сильным
войскомъ для ихъ усмиренія. Однако, духъ новгород
ской вольности еще остался живъ въ этомъ полудиком
народѣ. Василій пока удовольствовался правомъ поль
зоваться для своихъ нуждъ боевыми силами Вятки
собирать съ нея ежегодную дань. Новгородцевъ
псковитянъ Василій не тѣснилъ болѣе и милостив
прогостилъ у нихъ около двухъ мѣсяцевъ въ 1460 г
Князь Александръ Чарторійскій, встрѣтившій радуш
ный пріемъ въ Москвѣ, куда онъ бѣжалъ при вокня
женіи Казиміра IV, не захотѣлъ долго оставаться
намѣстникомъ московскаго великаго князя въ Псковѣ
успѣшно имъ защищаемомъ отъ нападенія нѣмцевъ
а удалился обратно къ себѣ въ Литву. Тогда пско
витяне просили Василія дать имъ въ намѣстники своего
младшаго сына — Юрія. Принявъ отъ нихъ славный
мечъ Давмонта, Юрій поклялся ограждать имъ безо
пасность Пскова; но и онъ въ виду мира псковитянъ с
нѣмцами, уѣхалъ вслѣдъ за отцомъ въ Москву, оставивъ
намѣсто себя въ Псковѣ князя Стригу-Оболенскаго.

Главной заботой Василія, незадолго до его смер
ти, было утвердить право наслѣдованія московскаго

стола за своимъ старшимъ сыномъ Иваномъ; такъ что мальчикъ уже съ десятилѣтняго возраста именовался во всѣхъ государственныхъ договорахъ сопровителемъ отца и великимъ княземъ. Онъ успѣлъ съ молодости прославить себя побѣдою надъ татарскимъ ханомъ Сарайской орды: Ахметомъ, осадившимъ Переяславль Рязанскій во время одного изъ набѣговъ татарскихъ на русскія земли между 1455 и 1461 годомъ, за то, что великій князь Василій II теперь очень скудно и рѣдко уплачивалъ ханамъ дань, къ которой они привыкли, ожидая ее изъ Москвы больше по старой памяти, нежели по условіямъ настоящаго соотношенія своихъ, уже раздробившихся силъ, съ московскими, все ростущими силами.

Василій Темный умеръ, еще не достигнувъ старости. Тревожная жизнь, полная огорченій и бѣдствій рано сломила его здоровье и онъ сталъ быстро слабѣть. Неумѣлое и невѣжественное леченіе прижиганіемъ, посредствомъ горящаго трута, вызвало на тѣлѣ гніющія раны. Чувствуя приближеніе кончины, Василій поспѣшилъ составленіемъ духовнаго завѣщанія. Въ немъ онъ, несмотря на собственныя усилія, за время жизни своей укрѣпить на всемъ пространствѣ русской земли единодержавіе, подѣлилъ московское княжество между пятью сыновьями, давъ старшему лишь преимущество денежныхъ выгодъ въ этомъ раздѣлѣ. Однако съ великокняжескимъ званіемъ, Иванъ Васильевичъ получилъ треть Москвы и другіе важнѣйшіе города, что въ соединеніи съ отношеніемъ къ нему, какъ къ отцу, младшихъ братьевъ и съ укоренившемся уже въ народѣ, взглядомъ на московскаго великаго князя, какъ на единаго государя Руси, — не могло задержать развитіе его нераздѣльной власти.

При Василіи Темномъ основанъ былъ на дале-

комъ сѣверѣ въ Бѣломъ морѣ, среди лѣсовъ и болот
пустыннаго острова «Соловки», знаменитый Соловец
кій монастырь. Немноголюдное, разсѣянное населен
сѣверной окрайны русской земли, за неимѣніемъ п
своимъ селамъ храмовъ, усвоило обычаи строить себ
для молитвы деревянныя часовенки съ образами, куд
изрѣдко пріѣзжалъ священникъ со святыми дарами;
вблизи ихъ проживалъ обыкновенно какой-нибуд
благочестивый подвижникъ. И вотъ у одной из
такихъ часовенъ жилъ нѣкій старецъ — Германъ
прежде бывавшій на Бѣломъ морѣ и на Соловецком
островѣ, куда Приморскіе жители ѣздили ловит
рыбу. Тогда на каменистомъ островѣ Ладожскаг
озера существовала уже обитель Валаамская, гд
иноки отличались строгимъ постничествомъ и терпѣ
ливо переносили лишенія. Инокъ Кирилло-Бѣлоозер
скаго монастыря Саватій, проживъ тамъ нѣкоторо
время, задумалъ искать совершеннаго уединенія
безмолвнаго житія. Случайно встрѣтившись и сой
дясь съ Германомъ, онъ подалъ ему мысль уйти с
нимъ вдвоемъ на Соловецкій островъ. Тамъ поста
вили они себѣ хижину близъ богатаго рыбой озер
и водрузили крестъ на его берегу. Существуетъ пре
даніе будто женамъ двухъ рыбаковъ, вздумавшихъ
поселиться рядомъ съ отшельниками, было видѣні
свѣтлыхъ юношей и голосъ Божій, побудившій их
отказываться отъ выбраннаго ими тамъ мѣста для по
стояннаго поселенія. Однако, оба подвижника сам
скоро покинули Соловецкій островъ. Саватій скончалс
при устьѣ рѣки Выги, а къ Герману въ новомъ убѣжищ
его отшельничества на рѣкѣ Сумѣ, пришелъ раздѣ
лить его подвигъ сынъ богатыхъ землевладѣльцевъ
по берегу Онежскаго озера, изъ села Талвуй: Зосима
Услышавъ о Соловецкомъ островѣ, онъ убѣдилъ

Германа туда вернуться съ нимъ, а тамъ у него явилась мысль постепеннаго основанія обители на этомъ далекомъ сѣверѣ. Къ поставленной ими вблизи морского берега кельи, гдѣ они ловили рыбу и молились Богу, начали, какъ всегда, приходить къ нимъ другіе, склонные къ уединенному, благочестивому житью люди; тоже строили себѣ кельи и предавались усердной молитвѣ, питаясь рыбой. Когда собралось достаточное число монашеской братіи; на этомъ мѣстѣ ею построилась деревянная церковь во Имя Преображенія. Новгородскій владыка, оповѣщенный о вновь создавшемся монастырѣ, поставилъ тамъ игуменомъ Зосиму, согласно общему желанію иноковъ; а новгородскіе бояре сдѣлали въ монастырь пустыннаго Соловецкаго острова богатые вклады; такъ что церковь Преображенія была отстроена заново и расширена; рядомъ же съ нею выросла еще другая—во имя Успенія Богородицы. Зосима поѣхалъ въ Выгъ за чѣломъ Саватія и предалъ его землѣ въ Соловкахъ. Такимъ образомъ, христіанская любовь къ тихой уединенной жизни расширяла предѣлы русской земли, открывая крестомъ и молитвой путь въ пустыни, до тѣхъ поръ неприступныя для человѣческаго мірского житья съ его обычными услажденіями плоти; потребностями въ богатыхъ торговыхъ городахъ и населенныхъ мѣстностяхъ. Ни оружіемъ, ни ради корысти,—а лишеніями и суровымъ образомъ жизни иноки незамѣтно присоединяли цѣлыя области къ предѣламъ Руси, занимая ихъ рядомъ убогихъ хижинъ благочестивыхъ Божіихъ угодниковъ.

60) Картина: Основаніе Соловецкой обители на берегу Бѣлаго моря.

Въ Перми на столѣ епископскомъ преемниками Стефана были Исаакій и Питиримъ, продолжавшіе его христіанскій подвигъ на всемъ пространствѣ обширной холодной страны дикихъ язычниковъ. Обращенные

61) Картина: Убіеніе въ пермской землѣ язычниками епископа Питирима.

въ христіанство, подвергались набѣгамъ одноплеменниковъ, возненавидѣвшихъ ихъ и въ 1455 г. князь вогуличей: нѣкій Асыка съ сыномъ Юмшаномъ захватили въ плѣнъ на берегахъ рѣки Вычегды самого епископа Питирима. Его умертвилъ безпощадно, несмотря на всю его доброту и благодѣянія туземнымъ жителямъ.

Въ 1452 г. у себя въ Луцкѣ скончался бывшій литовскій вел. кн. Свидригайло, намъ хорошо извѣстный превратностями своей судьбы: заклятый врагъ поляковъ. Послѣ его кончины область, которою онъ владѣлъ въ качествѣ данника и подручника Казиміра: Волынь, стала предметомъ ожесточеннаго спора между поляками и литовцами. Послѣдніе считали Волынь пріобрѣтеніемъ Гедимина и его сына Любарта. Поляки же подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ съ Литвою теперь одинъ государь: Казиміръ IV предлагали совсѣмъ уничтожить обособленное названіе литовско-русскаго великокняжества, замѣнивъ его общимъ именемъ Польши и упрекали литовцевъ въ измѣнѣ клятвамъ, скрѣплявшимъ Городельскую унію. Литовцы съ негодованіемъ отвергли подобное предложеніе и кромѣ Волыни требовали возвращенія Литвѣ Подольской земли, захваченной поляками.

Положеніе молодого короля Казиміра IV, склоннаго поддержать независимость любимой имъ Литвы, было очень трудно между двумя враждебными сторонами, такъ какъ Збигнѣвъ Олесницкій: епископъ Краковскій, имѣлъ подавляющее вліяніе на государственныя дѣла и подчинялъ себѣ волю короля Казиміра, заносчивыми упреками, принуждая его уступать своимъ представленіямъ. Только о дарованіи областей въ Литвѣ, покушавшемуся на его жизнь, Михаилу Сигизмундовичу, онъ не хотѣлъ ничего слышать отъ

Собственность Т. П. Митлевой.

Начало Соловецкой обители на берегу Бѣлаго моря. *(Къ стр. 245).*

Собственность Т. П. Митлевой.

Убіеніе въ пермской землѣ язычниками епископа Питирима. *(Къ стр. 246).*

Олесницкаго, хотя тотъ оказывалъ Михаилу сильное покровительство. Казиміръ поддерживалъ въ своихъ владѣніяхъ соперниковъ Василія Темнаго за то, что Василій давалъ въ Москвѣ убѣжище его врагу и поощрялъ его притязанія на Сѣверскую литовскую область, пока этотъ московскій вел. кн. не заключилъ новаго мира съ нимъ и Литвою. Въ 1453 г. на Петроковскомъ сеймѣ польскіе паны вынудили у Казиміра присягу: никогда не отчуждать отъ Польши, принадлежащія польской коронѣ земли Литвы, Руси и Молдавіи. Сеймъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что при обсужденіи спорныхъ вопросовъ своихъ съ королемъ, поляки здѣсь раздѣлились впервые на двѣ избы: сенаторскую и рыцарскую; иначе на двѣ палаты — верхнюю и нижнюю. Молдавскіе господари признали себя зависимыми отъ Польши подъ угрозой османскихъ турокъ, тогда завоевавшихъ Царьградъ. Въ него вошли двѣсти тысячъ воиновъ султана Магомета черезъ ворота Св. Романа и триста турецкихъ судовъ подступили къ его стѣнамъ. Кардиналъ Исидоръ, находившійся въ Византіи, именемъ папы предлагалъ императору Константину Палеологу сильную помощь, если только греческое духовенство признаетъ постановленіе Флорентійскаго собора. Однако, народъ греческій не хотѣлъ слышать объ этомъ. Лишь небольшое число царьградскихъ гражданъ, поддержанное отрядомъ доблестныхъ генуэзцевъ, во главѣ съ витяземъ Джустиніане, выступило защитниками византійской столицы. Ихъ всего было не болѣе семи тысячъ человѣкъ, считая и монаховъ, взявшихся за оружіе. Императоръ Константинъ, смертельно раненный во время боя, воскликнулъ: — «Почему я не могъ умереть отъ руки христіанина»! Такимъ образомъ, храмъ Св. Софіи, гдѣ послы Владиміра Равно-

апостольнаго плѣнились нѣкогда красотой православнаго богослуженія, былъ обращенъ въ мечеть основателя мусульманства.

Царьградъ представлялъ собой для москвитянъ современный Парижъ по отношенію къ утонченной, общественной жизни тамъ; художественному вкусу и образованности. Потому русскіе были душевно поражены несчастіемъ Греціи, какъ своимъ собственнымъ. Но, тѣмъ не менѣе, лѣтописцы наши безпристрастно разсказываютъ о грекахъ послѣднихъ лѣтъ, говоря, что они на себя навлекли сами Божіе наказаніе развращенными нравами. Въ судахъ ихъ не было правды, а въ сердцахъ мужества. Судьи ихъ богатѣли слезами невинныхъ. Греческіе полки величались только цвѣтною одеждой, причемъ воины не стыдились бѣгства, а граждане вѣроломства. Императоры же позволяли притѣснять свой народъ. «Господь», — заключаетъ лѣтопись, — «допустилъ Магомета одолѣть недостойныхъ властителей, такъ какъ его воины играютъ смертью въ бояхъ, а правители не дерзаютъ измѣнять совѣсти».

Русскіе еще не помышляли тогда о томъ: насколько будетъ опасно для нихъ сосѣдство новой могущественной турецкой имперіи, занятые ближайшими опасностями отъ шведовъ, ливонскихъ рыцарей и Литвы. Европейскія страны остались почти равнодушными къ бѣдствію Греціи, не имѣя съ ней тѣсныхъ связей; а папа Николай V хвалился, что онъ предсказалъ ей гибель за нарушеніе Флорентійскаго договора. Кардиналу Исидору, плѣненному турками, удалось бѣжать обратно въ Италію. Онъ до самой смерти скорбѣлъ о паденіи своей родины, тщетно призывая на помощь ей, западныхъ государей и умеръ въ Римѣ константинопольскимъ патріархомъ, похороненный тамъ, въ церкви Св. Петра.

Въ 1455 г. умеръ въ Краковѣ знаменитый Збигнѣвъ Олесницкій, какъ-разъ когда Польша въ 1454 г., принявъ отъ союза прусскихъ рыцарей-мірянъ, землевладѣльцевъ, взявшихъ своей эмблемою «Ящерицу», предложеніе подданства Пруссіи Казиміру, на особыхъ для нея льготныхъ условіяхъ, — вступила въ новую ожесточенную войну съ тевтонско-прусскимъ монашескимъ орденомъ. Нѣмецкіе города и свѣтскіе рыцари прусской земли давно уже начали вести глухую борьбу съ притязаніями воинствующихъ монаховъ Ордена, желавшихъ удержать въ своихъ рукахъ все управленіе страною, обременяя ее налогами. Въ товарищество «Ящерицы» вступили большіе торговые города Пруссіи, тогда какъ сторону Ордена держалъ римскій папа, а тоже императоръ германскій. Война Ордена съ Польшей длилась цѣлыхъ 12 лѣтъ, несмотря на то, что его прежнее могущество пало и силы истощались. Въ борьбѣ этой, заключившейся миромъ въ 1466 г., Орденъ спасли отъ полнаго пораженія распри между поляками и литово-руссами, причемъ послѣдніе почти совсѣмъ отказались принять участіе въ войнѣ. Главой Литвы оставался прежній дядька короля Казиміра: Гаштольдъ, тогда какъ русская, православная часть ея искала опоры въ Кіевскомъ князѣ—Симеонѣ Олельковичѣ.

Въ опустошенныхъ татарами земляхъ по нижнему теченію Днѣпра, образовалась мало по малу воинская христіанская община изъ упомянутыхъ уже нами казаковъ, т. е. вольныхъ жителей степи: потомковъ берендѣевъ и Черныхъ Клобуковъ, не пожелавшихъ подчинить свою жизнь ни Литвѣ, ни татарамъ. Пріютившаяся на островахъ Днѣпра, защищенныхъ непроходимыми, поросшими тростникомъ, болотами и огражденныхъ скалами, — горсть храбрыхъ,

свободолюбивыхъ людей къ себѣ привлекала русскихъ изъ внутреннихъ областей московскаго государства, бѣжавшихъ отъ угнетенія съ той или иной стороны. Казаки начали строить для себя крѣпости и селенія. Они взялись быть защитниками литовскихъ владѣній отъ нападенія турокъ и крымскихъ татаръ, чѣмъ снискали для себя милости польско-литовскихъ властителей, ихъ наградившихъ землями выше Днѣпровскихъ пороговъ. Раздѣляясь на полки и сотни подъ верховною властью, выбираемаго ихъ «радой», т. е. общимъ собраніемъ, гетмана, они носили еще названіе черкесовъ и въ этой мѣстности городъ Черкасы, названъ ихъ именемъ.

Теперь для торговли закрылся, какъ мы уже говорили, древній путь греческій въ Византію, полоненную турками; но по теченію Дона, черезъ Азовъ русскіе торговали съ Константинополемъ и европейскими странами запада, причемъ по имени Азовскаго, иначе Сурожскаго моря, купцы, привозившіе съ востока черезъ Азовъ товаръ шелковыхъ тканей, назывались тогда сурожанами, а «суконниками» — продававшіе нѣмецкія сукна, получаемыя изъ Новгорода, благодаря процвѣтавшей тамъ Ганзейской торговлѣ. Хотя Россія еще обладала привольемъ для разнообразныхъ звѣрей и ловцовъ ихъ, благодаря дремучимъ лѣсамъ, не пропускавшимъ въ свое глубокое уединеніе, внѣшняго житейскаго шума; однако, мы уже знаемъ, что обмѣнъ различныхъ товаровъ на русскіе мѣха сопровождался тогда и денежной платой, звонкой монетою, вмѣсто бѣличьихъ мордокъ. Древняя «кожанная» гривна, переведенная на серебро, ровнялась одной десятой части рубля, а самою купной денежной единицей явился серебрянный рубль, произошедшій изъ слитка серебра: гривны, разрубленной

пополамъ. Въ свою очередь рубль, разсѣченный пополамъ вдоль, давалъ двѣ полтины. Татарское названіе «денегъ» получила собственно мелкая размѣнная монета.

Съ тѣхъ поръ, что южная Русь стала Литвою, а Москва начала усиливаться присоединеніемъ къ ней городовъ и земель изъ другихъ удѣловъ, благодаря ея денежному богатству, особой милости хановъ къ первымъ московскимъ князьямъ и ловкости ихъ образа дѣйствій,—число владѣтельныхъ удѣльныхъ князей, не подручныхъ Москвѣ, существовавшихъ, хотя бы только по имени,—все уменьшалось; а рядомъ съ этимъ падало тоже значеніе родовитыхъ, знатныхъ бояръ, такъ какъ имъ некуда было «отъѣхать» отъ московскаго государя; не было больше въ новомъ укладѣ государственной жизни способовъ сопротивленія его волѣ черезъ вліяніе на народное вѣче или участія въ международныхъ распряхъ князей. Не желавшій повиноваться московскому великому князю, бояринъ, уже становился измѣнникомъ, бунтовщикомъ и, такимъ образомъ, создавалась самодержавная его власть.

Послѣ погрома Батыева развратились и ожесточились нравы русскихъ людей; чувствовалась потребность въ единой руководящей мысли правящаго начала надъ всей русской землей; въ единой твердой рукѣ для ея выполненія. Самодержавіе московскаго великаго князя являлось теперь необходимой опорой для русскаго народа; въ цѣломъ своемъ, мало по малу сплотившагося вокругъ Москвы, на пути своего постепеннаго приближенія къ полному освобожденію отъ господства татарскихъ хановъ. Оно завершилось болѣе ярко выраженнымъ и уже безповоротнымъ своимъ утвержденіемъ при преемникѣ Василія Темнаго: его

сынѣ Іоаннѣ III. Неоспоримая заслуга передъ Россіей въ этомъ имѣвшемъ благопріятное рѣшающее значеніе для нея историческомъ оборотѣ событій, такъ же какъ образа управленія въ ней,—принадлежитъ православному духовенству, хотя возвышенному и укрѣпленному исключительнымъ покровительствомъ, оказаннымъ татарскими ханами русской церкви, но, тѣмъ не менѣе, неподкупно и смѣло благословлявшимъ русскихъ князей на борьбу съ врагами отчизны. Милости ханскія не могли ни задобрить, ни усыпить ревности священнослужителей къ благу родины.

Мы видѣли Дмитрія Донского въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ передъ Куликовской битвой. А митрополитъ Іона въ Москвѣ при Василіи Темномъ взялъ на себя отстоять Кремль, или погибнуть съ народомъ въ стѣнахъ Москвы. Православная вѣра, духовно спаивая между собой русскихъ людей священной, крѣпкой бронею, являлась великою государственной силой, не мало способствовавшей ихъ нравственному неразрывному единенію и показавшей себя, какъ въ высокихъ примѣрахъ мученичества за нея въ ордѣ удѣльныхъ князей, такъ и въ отпорѣ неизмѣнно даваемомъ ей своекорыстнымъ посягательствомъ Рима на чистоту православія. Греческое вѣроисповѣданіе, сосредоточенное теперь въ Москвѣ, единственно охранявшей православную церковь стойкостью великаго князя Василія отъ примѣсей католическаго ученія, принятаго митрополитомъ Исидоромъ на Флорентійскомъ соборѣ,—и Іоанномъ Палеологомъ преданное въ руки папы изъ-за мірскихъ расчетовъ,—поддерживало религіозное пониманіе на Руси въ области близкой къ Богу и чуждой, принадлежащей московскому великому князю свѣтской государственной власти; что находилось въ прямой противопо-

ложности съ честолюбивыми замыслами и стремленіями высшаго римскаго духовенства.

По свидѣтельству лѣтописи, воинское искусство наше преуспѣвало ко времени вокняженія Іоанна III. Хотя лучшее войско состояло изъ конницы, но имѣлась у насъ и пѣхота, сражавшаяся сомкнутыми рядами. Было умѣніе пользоваться во время битвы выгодами и прикрытіемъ мѣстности. При Василіи Темномъ ратнымъ умомъ особенно отличались: князь Стрига Оболенскій и дворянинъ Ѳедоръ Басенокъ. Мы видѣли, что черезъ торговыя сношенія Новгорода съ Германіей, русскіе скоро освѣдомлялись о всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ запада: какъ-то о приготовленіи пороха и замѣнѣ пергамента тряпичной бумагой. Новгородскій владыка Евѳимій II отличался своимъ умомъ и книжнымъ образованіемъ. Въ 1433 г. онъ при помощи нѣмецкихъ строителей поставилъ у себя во дворѣ каменную палату съ 30-ю дверями, украшеную живописью и боевыми часами. Митрополитъ Іона, подобную ей, воздвигъ въ Москвѣ въ 1449 г. съ домовымъ храмомъ Положенія Ризъ.

Роскошь князей и бояръ состояла во множествѣ слугъ, богатыхъ одеждахъ, глубокихъ погребахъ, полныхъ бочками крѣпкаго меда и высокихъ домахъ. Русскіе вовсе не загрубѣли до такой степени подъ татарскимъ игомъ, чтобы ихъ умъ лишился своей животворной силы и не оказывалъ ни въ чемъ успѣховъ. Зависимость русской церкви отъ византійской продолжала способствовать развитію у насъ просвѣщенія. Знаніе греческаго языка считалось необходимымъ для высшаго духовенства и намъ присылали изъ Греціи много книгъ. Наша исторія продолжала ютиться въ монастырскихъ книгохранилищахъ, часто весьма обширныхъ, заключавшихъ въ себѣ иногда,

кромѣ рукописей церковнаго содержанія, экземпляры всемірныхъ лѣтописей и нѣкоторыя баснословныя повѣсти.

Между историческими сказаніями встрѣчается, на подобіе Слова о Полку Игоревѣ, поэтическое описаніе Куликовской битвы и Похвальное слово великому князю Дмитрію Донскому, не лишенное силы и мягкости выраженія. Такія историческія сказанія назывались тогда «умильными повѣстями». Троицко-Сергіевская обитель скоро сдѣлалась новымъ и важнымъ сосредоточіемъ сѣверно-русскаго просвѣщенія. Изъ среды ея иноковъ выдѣлился Епифаній, заслужившій отъ современниковъ названіе Премудраго; другъ Стефана Пермскаго, описавшій житія—его и Сергія Радонежскаго. Послѣднее больше извѣстно въ сокращеніи и передѣлкѣ его, перомъ Пахомія—Серба. Этотъ ученый инокъ Аѳонской горы прибылъ въ Москву при Василіи Темномъ и былъ посланъ вел. княземъ въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь, собрать свѣдѣнія о житіи его основателя. Потомъ Пахомія вызвалъ въ Новгородъ новгородскій Владыка для жизнеописанія мѣстныхъ подвижниковъ.

Сохранились записки русскихъ людей о ихъ путешествіяхъ и «хожденіяхъ» въ чужія земли. Таковы записки суздальскаго іеромонаха Симеона: одного изъ спутниковъ митрополита Исидора на Флорентійскій соборъ. Онѣ преисполнены удивленія писавшаго, передъ итальянскими и нѣмецкими городами съ ихъ прекрасными каменными строеніями; фонтанами и статуями. Самое далекое, рѣдкое путешествіе было совершено въ этомъ вѣкѣ тверскимъ купцомъ — Аѳанасіемъ Никитинымъ. Онъ, увлекаемый торговою предпріимчивостью, рядомъ съ жаждою видѣть новыя страны, Волгою и Каспій-

скимъ моремъ, отправился въ Персію, а оттуда пробрался въ Индію, гдѣ прожилъ три года. Вернувшись домой въ 1472 г., т. е. уже три года спустя послѣ смерти Василія Темнаго, онъ описалъ свое путешествіе подъ именемъ: «Хожденія за три моря», причемъ въ своемъ повѣствованіи, повидимому горячо преданный православной вѣрѣ, все время скорбитъ о томъ, что среди басурманъ не могъ соблюдать христіанскіе посты и праздники. Изъ всѣхъ странъ міра, по его мнѣнію, самою прекрасною остается русская, родная его земля.

Кромѣ того, очевидно кѣмъ-либо изъ русскихъ паломниковъ, посѣщавшихъ Грецію, написана довольно пространно повѣсть о взятіи славнаго Царьграда турками. Въ ней достопримѣчательно, что неизвѣстный авторъ, какъ мы уже говорили, отдаетъ предпочтеніе нравамъ турокъ передъ греческими, чѣмъ объясняетъ паденіе знаменитой византійской столицы. Въ западной или Литовской Руси лѣтопись о дѣяніяхъ литовскихъ князей изъ рода Гедимина продолжали вести на русскомъ языкѣ

Въ татарскую эпоху у насъ продолжались успѣхи миніатюрной живописи на страницахъ рукописей: т. е. рисунковъ заглавныхъ буквъ и заставокъ. Это «узорочье», т. е. прихотливое сочетаніе человѣческихъ фигуръ съ разными звѣриными сказочными чудовищами, какъ-то: грифонами и драконами, особенно было развито въ XIV столѣтіи. Позже этотъ самобытно развившійся звѣриный пошибъ рисунка, замѣняется подражаніемъ вкусу болгаро-сербскому и византійскому, выраженному въ рѣшетчатыхъ сплетеніяхъ изъ ремней и кружкахъ, входящихъ другъ въ друга.

Теперь, разсмотрѣвъ всесторонне время княженія и кончины Василія Темнаго, перейдемъ къ разно-

образнымъ, крайне важнымъ по своему значенію для государственной судьбы Россіи, событіямъ послѣ восшествія на московскій престолъ Іоанна III.

Глава XI.

Рожденіе Іоанна III. Колебаніе Новгорода между зависимостью отъ Москвы, или отъ польско-литовскаго короля Казиміра. Семья новгородскихъ бояръ Борецкихъ. Стремленіе Іоанна III къ единодержавной власти надъ всей русской землей. Присоединеніе имъ къ Москвѣ ярославской области и полное подчиненіе своей волѣ князя рязанскаго. Милостивое снисхожденіе его къ своеволію Пскова и помощь оказанная псковитянамъ московскимъ войскомъ противъ нѣмецкихъ рыцарей. Независимое отношеніе вел. кн. Іоанна III къ Золотой ордѣ и нежеланіе его платить дань ея хану. Стихійныя бѣдствія и чумная зараза. Смерть первой супруги Іоанна: княжны тверской—Маріи. Суевѣрный страхъ и уныніе въ русскомъ народѣ. Новый митрополитъ: Филиппъ суздальскій. Война Москвы съ казанскимъ царемъ—Ибрагимомъ въ союзѣ съ дружественнымъ Москвѣ татарскимъ царевичемъ—Касимомъ. Неудача первой попытки нападенія на Казань московскихъ воеводъ. Побѣда надъ шайками татарскихъ грабителей близъ Костромы и Мурома. Походъ изъ вятскаго города Котельнича, соединенныхъ московскихъ полковъ къ берегамъ Камы и возвращеніе ихъ оттуда въ Москву съ богатой добычей. Попытка казанскихъ татаръ овладѣть Вяткой. Соединеніе московскихъ боевыхъ силъ по приказу Іоанна III въ Нижнемъ Новгородѣ подъ главнымъ начальствомъ князя Беззубцова для вторичной войны съ казанскимъ царствомъ въ 1469 г. Задержка этого похода смертью царевича Касима и обѣщаніе Россіи дружбы царя Ибрагима, его родной матерью. Самовольное нападеніе отдѣльныхъ русскихъ дружинъ на Казань во главѣ съ нѣкимъ Іоанномъ Руна. Возвращеніе русской рати въ Нижній. Славная побѣда князя Даніила ярославскаго на рѣкѣ Волгѣ надъ многочисленной конницей и судовой ратью казанскаго хана, благодаря безпримѣрной отвагѣ московскихъ воиновъ. Награжденіе ихъ Іоанномъ и третій походъ войскъ, имъ посланныхъ противъ Ибрагима, подъ начальствомъ братьевъ своихъ: Юрія и Андрея. Осада Казани и мирный договоръ съ Ибрагимомъ, взявшаго надъ нимъ вверхъ, Іоанна, на условіи выполненія всѣхъ его требованій. Увѣщаніе Іоанномъ Новгорода, черезъ посредство своихъ пословъ и митрополита: не вступать въ союзъ противъ

Москвы съ Литвою. Пагубное вліяніе на новгородскихъ гражданъ Марѳы Борецкой. Оскорбленіе ею старца Зосимы. Раскаяніе передъ нимъ въ своей винѣ и пророческое видѣніе ему у нея въ домѣ во время трапезы. Объявленіе Новгороду войны вел. кн. Іоанномъ III въ союзѣ съ Тверью. Полное пораженіе новгородскихъ войскъ на рѣкѣ Шелони. Бѣгство вождя ихъ князя Василія Шуйскаго-Гребенки и покореніе Москвою Двинской земли съ Вологдой и Заволочьемъ. Челобитье Іоанну о мирѣ отъ имени всего Новгорода, архіепископа его Ѳеофила. Дарованіе мира Новгороду Іоанномъ въ 1471 г. на условіи разрыва всякихъ дружелюбныхъ сношеній съ Литвою и признанія надъ собой духовнаго главенства Московскаго митрополита. Побѣдоносное возвращеніе вел. кн. въ свою столицу при торжественной, радостной встрѣчѣ его народомъ, высшими духовными лицами и семьею. Присоединеніе Перми къ московскому великокняженію. Окончательное завоеваніе Византіи османскими турками. Отъѣздъ одного изъ младшихъ братьевъ послѣдняго византійскаго императора Костантина Палеолога—Ѳомы въ Римъ, къ папѣ Пію II и покорность другого—Дмитрія султану Магомету. Его дочь-Зоя и опекунъ ея послѣ смерти Ѳомы: кардиналъ Виссаріонъ. Его стараніе воспитать византійскую царевну съ братьями ея въ духѣ католической вѣры. Ихъ рѣшеніе съ новымъ папой: Павломъ II, просватать Зою за московскаго вел. князя, въ тайной надеждѣ его склонить, черезъ жену, къ принятію католичества и къ уніи Москвы съ Римомъ. Венеціанецъ Иванъ Фрязинъ при московскомъ дворѣ посредникъ въ свадебныхъ переговорахъ кардинала Виссаріона съ Іоанномъ III. Смерть Виссаріона на обратномъ пути изъ Франціи и папа Сикстъ IV, преемникъ Павла II. Посольство Іоанна въ Римъ и отъѣздъ къ жениху греческой царевны Зои—иначе Софіи Палеологъ въ сопровожденіи иноземныхъ слугъ ея и католическаго епископа. Почетная встрѣча и пышныя празднества во время ея пути изъ Ревеля до Москвы. Псковскія суда на Чудскомъ озерѣ и богатые дары Софіи псковскихъ бояръ. Православное благочестіе въ Псковѣ будущей вел. княгини. Запрещеніе Іоанномъ III по требованію митрополита Филиппа внесенія на глазахъ народа латинскаго кряжа въ Москву при торжественномъ въѣздѣ его невѣсты. Неудачное богословское преніе епископа Антонія съ митрополитомъ Филиппомъ и поспѣшный отъѣздъ его изъ Москвы въ досадѣ на свое посрамленіе. Возрожденіе искусства и наукъ въ Европѣ византійскими выходцами и бѣглецами отъ ярма турокъ. Соединеніе символовъ русскаго герба съ византійскимъ. Венеціанскій посолъ въ орду—Тверизано и уличеніе Ивана Фрязина въ нелѣпомъ обманѣ вел. кн. Посольство племянника его Антона къ венеціанскому дожу Троно. Тайное побужденіе Казиміромъ IV татар-

скаго хана Ахмета къ войнѣ съ Іоанномъ III. Нападеніе Ахмета на п
бережье Оки и блестящая побѣда русскихъ полковъ надъ татарам
Присвоеніе себѣ Іоанномъ III городовъ и земель умершаго безъ зав
щанія брата: Юрія. Первый посолъ чисто-русскаго происхожденія: Толб
зинъ, съ порученіемъ найти въ Италіи для Россіи искуснаго масте
строить церкви. Обновленіе въ Москвѣ храма Успенія Пр. Богороди
итальянскимъ зодчимъ и литейщикомъ Аристотелемъ Фіоровanти. Уди
леніе русскихъ передъ его искусствомъ. Новый московскій митрополи
Геронтій. Крымскій ханъ Менгли-Гирей и союзъ съ нимъ Іоанна III. М
стечко Манкупъ. Сверженіе Менгли-Гирея съ престола братомъ ег
Появленіе въ Черномъ морѣ турецкаго флота и взятіе турками генуэ
ской Кафы. Возвращеніе Менгли-Гирею ханства его султаномъ Магометом
Вторичное изгнаніе его изъ Крыма ханомъ Золотой орды Ахметом
Новый крымскій ханъ Занибекъ, не довѣряя прочности своего воцар
нія въ Крыму, ищетъ дружбы вел. кн. московскаго. Встрѣча венеціа
скимъ посломъ Кантарини въ персидскомъ городѣ Экбатанѣ посла Іоа
на III: Марка-Руфа, возвращавшагося отъ сильнаго царя Персіи: Узун
Гасана послѣ переговоровъ съ нимъ о совмѣстной угрозѣ хану Ахме
Обратное путешествіе Кантарини черезъ Москву съ посломъ перси
скимъ въ Россію и Марко-Руфо. Ласковый пріемъ при дворѣ Іоан
иноземнаго гостя.

Рожденіе великаго князя Іоанна III связано с
преданіемъ о пророчествѣ, извѣстнаго въ Новгород
юродиваго угодника Божія: Михаила Клопскаго. Он
будто бы началъ звонить въ колокола и объявил
собравшемуся народу во главѣ съ новгородским
Владыкой Евѳиміемъ II, что у Василія родился сын
которому предназначено обладать властью грозно
для всѣхъ сосѣднихъ народовъ и суждено разру
шить новгородскую вольность. Дѣйствительно, в
трудной задачѣ собиранія Руси, самымъ важным
успѣхомъ Іоанна Васильевича было присоединеніе к
Москвѣ Великаго Новгорода со всѣми обширным
его владѣніями. Мы упоминали уже, что Іоаннъ с
отроческаго возраста былъ усерднымъ помощником
своему слѣпому отцу и въ 1459 г., находясь во гла

значительной рати, отбилъ на берегахъ Оки нашествіе орды Сеидъ-Ахмета. Новгородъ самъ не могъ обходиться безъ великаго князя и вынужденъ былъ просить его помощи, такъ какъ другой великій князь: литовскій, одновременно король польскій, покушался овладѣть Новгородомъ. Однако, среди новгородцевъ сплотилась сторона сильныхъ, знатныхъ людей, задумавшихъ искать союза этого воинственнаго соперника и врага Москвы, несмотря даже на то, что онъ былъ католикъ, такъ какъ они надѣялись найти въ немъ выгоднаго защитника и покровителя. Особенное усердіе къ сохраненію Новгородской самобытности проявила въ это послѣднее время ея существованія, женщина, вдова посадника Исаака Борецкаго—Марѳа: мать двухъ сыновей: Дмитрія и Ѳеодора. Знатныя женщины пользовались,вообще въ Новгородѣ большимъ почетомъ и часто оказывали рѣшающее вліяніе на его дѣла. Боярскій дворъ Борецкихъ, на Волховскомъ побережьи, служилъ сборнымъ мѣстомъ для совѣщаній приверженцевъ Литвы. Ихъ происками изъ Литовской Руси былъ призванъ въ Новгородъ княземъ—правнукъ Ольгерда, братъ кіевскаго князя Симеона Олельковича, Михаилъ Олельковичъ. Но рядомъ съ этимъ успѣхомъ своихъ стремленій они потерпѣли неудачу, стараясь поставить архіепископомъ новгородскимъ монаха Пимена: бывшаго казначея Софійскаго собора, воровавшаго оттуда деньги, нужныя чтобы Марѳѣ, подкупать вѣча. Онъ соглашался быть поставленнымъ въ своемъ санѣ митрополитомъ—не московскимъ, а кіевскимъ: уникомъ Исидора. При выборѣ архіепископа на престолѣ Софійскомъ остался жребій владычнаго протодьякона—инока Ѳеофила и тотъ, по требованію народа, отправился къ митрополиту Филиппувъ Москву. Народная сторона въ Новгородѣ, наоборотъ, стреми-

лась къ соединенію съ Москвой: во-первыхъ, ради торговыхъ выгодъ; во-вторыхъ, желая, чтобы московская власть смирила боярскій произволъ; тогда какъ бояре въ Новгородѣ мечтали получить для себя отъ Казиміра одинаковыя преимущества съ дарованными Польшей боярству литовскому.

Литовская сторона наконецъ одержала верхъ при помощи подкуповъ и возбужденія черни противъ московскаго великаго князя. Съ Казиміромъ былъ заключенъ договоръ, которымъ тотъ обязался защищать Новгородъ отъ Москвы, признавъ его старинныя вольности и права. Между тѣмъ, князь Михаилъ Олельковичъ, прокняживъ въ Новгородѣ лишь четыре мѣсяца, ко времени столкновенія новгородцевъ съ Іоанномъ московскимъ, уѣхалъ оттуда, чтобы искать кіевскаго наслѣдства. Такъ какъ жители Новгорода стали мало по малу открыто нарушать всѣ условія Яжелбицкаго договора, то Іоаннъ III послалъ оповѣстить псковитянъ, чтобы они готовились идти вмѣстѣ съ нимъ на непокорный Новгородъ, если новгородцы не станутъ бить ему челомъ о прощеніи и не измѣнятъ своего, вызывающаго по отношенію къ Москвѣ, поведенія. Въ отвѣтъ Іоанну, узнавъ о его рѣшеніи, жители Новгорода разбушевались на вѣчѣ подъ давленіемъ Борецкихъ и подъ звонъ вѣчевого колокола раздавались строптивые крики:—«Хотимъ за короля! Мы вольные люди, не отчина князя московскаго»!

Іоаннъ III, будучи съ дѣтства свидѣтелемъ печальныхъ, кровавыхъ послѣдствій княжескихъ междоусобій и ужасныхъ событій лишившихъ зрѣнія его отца,—питалъ непремиримую ненависть ко всѣмъ остаткамъ стараго раздѣленія Руси на удѣлы и вѣчевой свободы самостоятельныхъ городовъ. Онъ же-

лалъ дать своему государству строго самодержавный строй управленія и поставить власть великаго князя единымъ могучимъ двигателемъ всѣхъ его силъ. Однако, въ первые годы единовластія своего, Іоаннъ повелъ дѣло полнаго объединенія русскихъ земель вокругъ Москвы съ большой осторожностью. Въ 1463 г. онъ спокойно покончилъ съ Ярославскимъ княженіемъ, потому что тамъ не предвидѣлось никакого сопротивленія. До тѣхъ поръ Ярославъ, со своей волостью, находился въ рукахъ особыхъ, хотя и подручныхъ Москвѣ, князей: потомковъ извѣстнаго намъ Ѳеодора Ростиславича Чернаго. Ихъ родъ развѣтлился теперь на многія княжескія семейства: Курбскихъ, Засѣкиныхъ, Львовыхъ, Прозоровскихъ и др. Всѣ ихъ владѣнія и составляли ярославскую землю со столицею Ярославомъ, гдѣ при Іоаннѣ правилъ нѣкій князь Александръ Ѳеодоровичъ. Теперь эти многочисленные князья, волей-неволей поступили въ число слугъ Іоанна, вполнѣ подчиненныхъ его сильной власти. Зато съ тверскимъ княземъ: Михаиломъ Борисовичемъ, Іоаннъ сейчасъ послѣ смерти отца, заключилъ договоръ, охранявшій его владѣтельныя права, такъ какъ онъ не хотѣлъ создавать въ немъ лишняго союзника противъ Москвы безпокойному Новгороду, понимая, что война съ этимъ городомъ явится для него неизбѣжной, между тѣмъ, какъ земля тверская лежала на перепутьи между Москвой и Новгородомъ. Кромѣ того, на 12-мъ году жизни, онъ былъ связанъ бракомъ съ тверскою княжной Маріей, а на 18-мъ имѣлъ отъ нея сына Іоанна, прозваннаго «Молодымъ».

Рязанскій князь Василій, какъ намъ извѣстно, воспитывался въ Москвѣ. Іоаннъ въ 1464 г. женилъ его на своей сестрѣ Аннѣ, и оставилъ княжить въ

рязанской землѣ подъ видомъ самостоятельнаго правителя, между тѣмъ, какъ тотъ никогда не смѣлъ выходить изъ повиновенія. Князь Михаилъ Борисовичъ согласился дѣйствовать съ нимъ всегда заодно противъ Литвы, Польши и нѣмцевъ; а также не входить въ дружбу съ князьями враждебными Москвѣ. Князь Михаилъ Верейскій лишь тѣмъ и сохранилъ въ своемъ удѣлѣ княжескія права, что призналъ себя младшимъ и передъ меньшими братьями великаго князя.

Въ 1463 г. Іоаннъ проявилъ большое снисхожденіе къ своеволію Пскова, желая на этотъ разъ показать себя соблюдающимъ старину по отношенію къ правамъ псковитянъ, хотя онъ это и дѣлалъ лишь по собственному желанію: явить свою царскую милость Пскову. А именно: горожане на вѣчѣ, съ поруганіемъ изгнавъ, назначеннаго имъ въ Псковъ Москвою намѣстника, требовали себѣ другого. Несмотря на свой гнѣвъ, Іоаннъ далъ псковитянамъ въ 1464 г. по выбору ихъ князя Звенигородскаго, заставивъ, однако, псковскихъ пословъ почувствовать, что онъ могъ бы этого и не сдѣлать. Позже Пскову было отказано въ назначеніи для него, хотя и подчиненнаго новгородскому владыкѣ, отдѣльнаго епископа. Зато Іоаннъ прислалъ ему войска, чтобъ наказать ихъ безпокойныхъ сосѣдей: нѣмцевъ, за нарушеніе мира. Нѣмцы были обращены въ постыдное бѣгство передовымъ отрядомъ московской рати, а псковитяне осадили нѣмецкую крѣпость Нейгаузенъ, угрожая ей имѣвшимися у нихъ пушками. Послѣ заключенія мирнаго договора съ магистромъ ливонскаго Ордена Іоанна воевода былъ осыпанъ въ Псковѣ дарами, ему благодарныхъ гражданъ.

Еще не сбросивъ съ себя положеніе данника

татарскаго хана, Іоаннъ, однако, не просилъ у него ярлыковъ на великокняженіе и вѣроятно не платилъ ему дани, потому что ханъ Волжскихъ улусовъ-Ахматъ, двинулся на него войною и лишь столкновеніе, собраннаго имъ войска съ крымскимъ ханомъ Ази-Гиреемъ на берегу Дона, отвратило отъ Москвы нападеніе татарскихъ полчищъ.

Въ годахъ—1466 и 67, унынie овладѣло сердцами русскихъ людей вслѣдствіе многихъ бѣдствій, посѣтившихъ наше отечество и кромѣ того, несчастно-связанныхъ съ убѣжденіемъ въ концѣ міра, по истеченіи наступившей тогда седьмой тысячи лѣтъ отъ его сотворенія. Глубокій снѣгъ выпадалъ двѣ весны подъ рядъ въ маѣ мѣсяцѣ и отъ холода хлѣбъ пропадалъ въ поляхъ. Въ областяхъ псковской и новгородской, а потомъ и московской, много людей умирало отъ повальной болѣзни: чумы, тогда называвшейся, какъ мы говорили уже—«желѣзою». Отъ нея же должно быть скончалась и молодая супруга Іоанна, Марія тверская. Суевѣрнымъ людямъ слышалось: будто Ростовское озеро двѣ недѣли по ночамъ выло и раздавался на немъ какой-то стукъ! Такой суевѣрный страхъ способствовалъ размноженію храмовъ и священнослужителей, часто совсѣмъ недостойныхъ своего сана. Самъ митрополитъ Ѳеодосій ушелъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ принялъ на себя подвигъ ухода за однимъ прокаженнымъ, взятымъ имъ въ свою келію. На его мѣсто былъ избранъ Филиппъ: святитель суздальскій. Чтобы вернуть своимъ подданнымъ, свойственный имъ духъ бодрости, Іоаннъ рѣшился исполнить просьбу, дружественнаго Россіи татарскаго царевича Касима и помочь ему вооруженной рукой, свергнуть съ престола новаго Казанскаго царя Ибрагима, по тайному приглашенію его къ такому образу

лѣйствій самихъ казанскихъ вельможъ, съ тѣмъ, чтобы водворить послѣ того на Казанскомъ престолѣ ставленника Москвы. Касимъ надѣялся внезапно явиться съ московскимъ войскомъ подъ стѣнами Казани, но увидѣвъ татарскую рать, предводимую Ибрагимомъ, уже въ готовности къ бою на берегу рѣки Волги, воеводы Іоанна повернули обратно. Осеннее ненастье настигло ихъ на пути и, бѣдствуя отъ дождей, воины съ большимъ трудомъ пробрались въ Москву по глубокой грязи. Чтобъ задержать преслѣдованіе татаръ, Іоаннъ поспѣшилъ занять своими дружинами пограничные города: Нижній Новгородъ, Галичъ мерянскій, Муромъ и Кострому; зимой же въ жестокій морозъ, снова послалъ полки свои въ черемискую землю, сквозь дремучіе лѣса, полные снѣгомъ, стремясь отомстить казанцамъ за первую неудачу. Нижегородцы и муромцы опустошили берега Волги въ предѣлахъ Ибрагимова царства. Князь Стрига-Оболенскій выгналъ казанскихъ разбойниковъ изъ Костромы; а Даніилъ Холмскій разбилъ другую ихъ шайку, близъ Мурома. Іоаннъ приказалъ своимъ воеводамъ двинуться къ берегамъ Камы изъ Москвы, Вологды, Галича и Устюга. Они всѣ соединились въ Вятской землѣ подъ городкомъ Котельничемъ; послѣ чего пошли берегомъ рѣки Вятки до ея впаденія въ Каму, разрушая огнемъ и мечомъ, встрѣчавшіяся селенія. На Камѣ имъ удалось захватить много богатыхъ купеческихъ судовъ и они вернулись черезъ великую Пермь къ Устюгу, а потомъ въ Москву съ богатой добычей.

Между тѣмъ казанцы присвоили себѣ Вятку, устрашивъ своимъ нападеніемъ вятчанъ, такъ что, тѣ объявили себя подданными Ибрагима. Но это завоеваніе ихъ было непрочно, такъ какъ Казань не

могла тягаться съ Москвою. Привыкнувъ къ опустошительнымъ частымъ набѣгамъ въ чужія земли, казанцы плохо обороняли свои собственные предѣлы. Подвластные имъ черемисы, были самымъ свирѣпымъ изъ тюркско-финскимъ племенъ, обитавшихъ въ восточной части Россіи.

Въ 1469 г. Іоаннъ задумалъ нанести рѣшительный ударъ, враждебному Москвѣ и непріятному ей сосѣду: Казанскому хану, назначивъ предводителемъ всѣхъ своихъ полковъ князя Константина Беззубцова; а мѣстомъ соединенія ихъ—Нижній Новгородъ. Чтобы собраться тамъ, воины должны были сѣсть на суда изъ разныхъ мѣстъ московскаго государства. Часть ихъ поплыла Волгою, а часть Окою и когда они съѣхались при устьѣ этихъ обѣихъ рѣкъ, то это представляло собой еще небывалое въ сѣверной Руси, прекрасное зрѣлище. Но въ это время умеръ Касимъ и задуманный Іоанномъ общій походъ на Казань, былъ имъ отложенъ, такъ какъ жена Касимова: мать Ибрагима, обѣщала склонить сына къ дружбѣ съ Россіей. Однако, воевода Беззубцевъ допустилъ въ русскомъ войскѣ непослушаніе приказу государя. По собственному желанію начальники отдѣльныхъ дружинъ отправились подъ Казань искать ратной чести, выбравъ себѣ въ вожди нѣкоего Ивана Руна. Русскіе, на разсвѣтѣ съ боевымъ кликомъ и трубнымъ звукомъ, овладѣли предмѣстьемъ ханской столицы и зажгли его. Но потомъ почему-то Руна, не воспользовавшись смятеньемъ татаръ, отвелъ, обремененные добычей полки на Коровничій островъ и далъ Ибрагиму время собраться силами. Тѣмъ не менѣе, русскіе воины храбро отбили натискъ татарской конницы, а также прогнали татарскія лодки обратно къ Казани. Беззубцевъ, запретившій Рунѣ

62) Картина: Съѣздъ могучаго воинства при слiяніи Оки съ Волгою.

нападать на Казань, вопреки волѣ Государя, поспѣшилъ теперь къ его войску, откуда извѣстилъ Іоанна о происшедшемъ; но думая, что успѣхъ послужитъ имъ оправданіемъ, потребовалъ подъ Казань, на помощь себѣ жителей Вятки, куда весною былъ посланъ Іоанномъ: собрать изъ вятчанъ ратную силу, князь Даніилъ ярославскій. Однако, свободолюбивые жители Вятки, тогда уже отказались идти сражаться съ войскомъ великаго князя и теперь оставили безъ вниманія призывъ Константина Беззубцева. Не получая отъ нихъ ни вѣсти, ни помощи, между тѣмъ, какъ съѣстные припасы начали истощаться, Беззубцевъ вынужденъ былъ отступить къ Нижнему. Встрѣтившаяся русскимъ на пути этого отступленія, мать Ибрагима, увѣрила ихъ будто война окончена, такъ какъ Ибрагимъ готовъ выполнить всѣ требованія Іоанна. Но когда, успокоенные ея словами, русскіе воеводы расположились на волжскомъ берегу пировать, празднуя воскресный день, – на нихъ врасплохъ напали казанцы и на коняхъ, и водою. Битва продолжалась до наступленія ночи, а на другое утро русская рать благополучно вернулась въ Нижній.

Болѣе упорная, кровопролитная сѣча произошла на Волгѣ при встрѣчѣ съ судами и конницей Ибрагима,— князя Даніила ярославскаго, безуспѣшно возвращавшагося изъ Вятки съ малыми силами. Ибрагимъ хотѣлъ преградить ему путь, но мужество русскихъ преодолѣло татарскую многочисленность. Особенно отличился въ этомъ сраженіи князь Василій Ухтомскій, вмѣстѣ съ неустрашимыми устюжанами потопившій и умертвившій очень много враговъ. Они пробились сквозь густые ряды казанцевъ къ Нижнему Новгороду, за что Іоаннъ наградилъ ихъ изъ Москвы, въ знакъ особой

милости къ храбрецамъ, двумя золотыми монетами и дорогими кафтанами.

Тѣмъ не менѣе, порицая дѣйствія главнаго воеводы и, обманутый лицемѣрными обѣщаніями матери Ибрагима, Іоаннъ тою же осенью послалъ на Казань новое войско подъ предводительствомъ своихъ братьевъ: Юрія и Андрея. При нихъ находились и всѣ «служилые» князья. Осадивъ Казань многочисленной сухопутной и судовою ратью, они отняли у города воду, чѣмъ принудили Ибрагима заключить миръ съ Іоанномъ, при условіи выполнить его требованія. Русскіе, взятые въ плѣнъ татарами, за сорокъ послѣднихъ лѣтъ, получили свободу. Эта побѣда была первымъ выдающимся подвигомъ царствованія Іоанна, еще поднявшая славу крѣпости и возраставшей силы московскаго государства.

Въ томъ, что касалось Новгорода, завязавшаго сношенія съ Литвою, Іоаннъ постарался сначала воздѣйствовать на него увѣщаніями, напоминая новгородцамъ черезъ пословъ своихъ особыми грамотами, что Новгородъ никогда не входилъ во владѣнія князей литовскихъ, но искони принадлежалъ роду князя Владиміра Равноапостольнаго. Митрополитъ московскій съ своей стороны писалъ посланія въ Новгородъ купцамъ, боярамъ и духовенству, чтобы остерегались измѣнять православію, имѣя передъ глазами примѣръ паденія Византіи послѣ того, что она предалась латинству. Такимъ образомъ Іоаннъ сразу поставилъ въ глазахъ народа дѣло отпаденія отъ Москвы Новгорода, преступной измѣною православной церкви. Хотя увѣщанія государя и митрополита произвели желанное впечатлѣніе на значительную часть населенія Новгорода, но тѣмъ не менѣе, происки семьи Борецкихъ сдѣлали все же войну съ Москвой неизбѣжной.

Между прочимъ, спѣсивая гордая посадниц
Марѳа, какъ-разъ въ это тревожное время оскор
била Св. старца Зосиму: основателя Соловецка
го монастыря. Слуги ея оспаривали, занятый им
Соловецкій островъ, какъ монастырское достояніе
наѣзжая туда ежегодно для рыбной ловли. Когд
Зосима, прибывшій въ Новгородъ хлопотать перед
Владыкою и народнымъ вѣчемъ о неприкосновенно
сти острова, принадлежавшаго по его мнѣнію, мона
стырю, зашелъ къ Марѳѣ съ жалобой на ея слугъ
она велѣла его прогнать. Зосима покачалъ съ сокру
шеніемъ головой и произнесъ, обращаясь къ сопро
вождавшимъ его ученикамъ:—«Наступаютъ дни, когд
закроются на вѣкъ двери дома сего и будетъ двор
этотъ пустъ». Тѣмъ временемъ, Новгородскій Владык
ему приготовилъ грамоту на владѣніе островомъ
закрѣпивъ ее печатями: своею, тысяцкаго, посадника
пяти концовъ Великаго Новгорода. Марѳа, будучи
очень богатой, привлекала на дворъ къ себѣ, как
мы уже говорили, много знатныхъ людей своимъ хлѣ
босольствомъ. Но она испугалась высокомѣрнаго своего
поступка съ Зосимой, пожертвовала Соловецкому мо
настырю одну деревню свою на рѣкѣ Сумѣ и, умоляя
старца простить ее, добилась его согласія прибыть къ
ней на обѣдъ. Сидя уже за столомъ, преподобный
старецъ вдругъ ужаснулся, взглянувъ на шестерыхъ
бояръ, вкушавшихъ пищу недалеко отъ него, запла
калъ и не сталъ больше ничего ѣсть. По выходѣ
изъ дома Марѳы, Зосима объяснилъ своимъ учени
камъ, что увидѣлъ тѣхъ шестерыхъ бояръ безъ го
ловъ; причемъ страшное это видѣніе повторилось
три раза.

63) Картина: Старецъ Зосима въ домѣ Марѳы Борецкой.

Московскіе вел. князья, давно уже, при всякомъ
удобномъ случаѣ, мало по малу подтачивали само-

стоятельное благоденствіе Новгорода. Хотя ради торговыхъ и нѣкоторыхъ иныхъ выгодъ мира съ сильной богатой Москвой, они имѣли въ стѣнахъ его не мало приверженцевъ; но тѣмъ не менѣе, свободолюбіе, привычное народовластіе и заносчивость новгородцевъ, почти всегда у нихъ брали вверхъ надъ благоразуміемъ. Такъ было и теперь. Тогда Іоаннъ, посовѣтовавшись со своей матерью, боярами и митрополитомъ Филиппомъ рѣшилъ, въ маѣ 1471 г. идти войною на Новгородъ. Ему удалось привлечь заблаговременно общественное сочувствіе на свою сторону. «Разметныя грамоты» были посланы новгородцамъ вмѣстѣ съ приказомъ по всей московской землѣ, немедленно снаряжаться въ походъ. Іоаннъ потребовалъ вспомогательныхъ войскъ отъ Пскова и отъ шурина своего Михаила Борисовича Тверского. Онъ говорилъ спокойно о новгородцахъ:—«Волны бьютъ камни, но ничего камнямъ не сдѣлаютъ».

Первыми 6 іюня выступили въ новгородскую область двѣ передовыя рати. Одна изъ нихъ, подъ начальствомъ князя Даніила Холмскаго, направлена была къ Руссѣ для соединенія тамъ съ псковичами; другая, во главѣ съ княземъ Стригой-Оболенскимъ, пошла на Мсту, чтобы напасть съ востока. Но еще раньше: 31 мая устюжскій воевода—Василій Образецъ посланъ былъ на Двину, чтобы тамъ, заодно съ вятчанами отнять у Новгорода эту важную по богатству своему, волость. Наконецъ самъ Іоаннъ, принявъ благословеніе отъ Филиппа, повелъ изъ Москвы главную рать—20 іюня, а столицу свою поручилъ Іоанну Молодому и младшему брату — Андрею. Въ Торжкѣ его встрѣтили, готовые къ бою тверскіе полки. Тутъ началось опустошеніе новго-

родской земли—огнемъ и мечомъ. Отрядъ новгородцевъ былъ разбитъ на берегу озера Ильменя. Главная же рать, состоявшая въ большинствѣ изъ людей не умѣвшихъ владѣть оружіемъ, собралась на рѣкѣ Шелони, при впаденіи въ нее рѣчки Дряни. Здѣсь 13 іюня она была на голову разбита войскомъ Іоанна III. Мы уже говорили, что призванный новгородцами съ запада, князь Михаилъ Олельковичъ какъ разъ передъ войною отъѣхалъ въ Кіевъ, узнавъ о кончинѣ тамъ брата своего Симеона; да еще шелъ по новгородской землѣ, какъ непріятель въ досадѣ на Марѳу Борецкую. Ливонскіе нѣмцы не допустили новгородскаго посла до Казиміра и потому изъ Литвы не подошло къ Новгороду никакой помощи. Первымъ владѣтельнымъ лицомъ въ Новгородѣ остался служилый князь Василій Шуйскій-Гребенка: потомокъ, обиженныхъ на Москву, князей суздальскихъ. Онъ долженъ былъ защищать Заволочье отъ нападенія Василія Образца. Псковичи не захотѣли помогать Новгороду противъ московскаго вел. князя, а сражались на его сторонѣ. Новгородскіе плѣнники предстали передъ вел. княземъ въ сожженной Холмскимъ Руссѣ, гдѣ онъ велѣлъ обезглавить именно тѣхъ шестерыхъ бояръ, о которыхъ плакалъ заранѣе Св. Зосима. Василій Гребенка, послѣ цѣлаго дня ожесточенной битвы 12-ти тысячъ человѣкъ печерскихъ и двинскихъ жителей, противъ 4 тысячъ вятчанъ и устюжанъ Іоанна, былъ разбитъ на голову. Раненый самъ, онъ едва спасся бѣгствомъ, послѣ чего московскіе побѣдители привели двинскую землю, Вологду и Заволочье въ подданнство своему великому князю. При такихъ обстоятельствахъ приверженцы союза съ Москвой въ Новгородѣ: преимущественно простолюдины, искавшіе тамъ управы на

своевольную новгородскую знать,—взяли вверхъ и ядовито укоряли своихъ противниковъ за то, что тѣ, послушавшись женщины, навлекли бѣдствія на родной городъ. Вѣче рѣшило отправить къ Іоанну посольство во главѣ, съ колебавшимся между двумя сторонами, архіепископомъ Ѳеофиломъ. Онъ долженъ былъ передать Іоанну смиренное челобитіе новгородцевъ о дарованіи мира Новгороду. Іоаннъ въ это время расположился станомъ на берегу озера Ильменя у Коростына. Онъ милостиво выслушалъ слезную мольбу владыки и согласился остановить разореніе новгородской земли, причемъ на этотъ разъ не лишилъ ея окончательнаго древняго самобытнаго народоправленія. Статьи мирнаго договора, подписаннаго 11 августа 1471 г., мало чѣмъ отличались отъ статей Яжелбицкаго мира съ Василіемъ Темнымъ. Только прибавлено было къ нимъ самое строгое обязательство новгородцевъ: не предаваться никакой хитростью литовскому королю и архіепископа посвящать въ Москвѣ, у гроба Св. Петра. Іоаннъ, не считая благоразумнымъ доводить сразу Новгородъ до отчаянія, отложилъ до слѣдующаго его открытаго возмущенія, болѣе осязательную расправу съ вольностью Новгородской, стоявшею поперекъ пути московскому единовластію.

Тѣмъ не менѣе, москвичи радостными толпами встрѣчали торжествующаго Іоанна за нѣсколько верстъ отъ его столицы. Ближе къ ней ждалъ его митрополитъ съ крестами и хоругвями, окруженный высшими духовными лицами; а подъ самой Москвою встрѣтилъ отца Іоаннъ Молодой съ родовитѣйшими боярами. Въ 1472 г. московскій великій князь сверхъ Вологды еще отнялъ у Новгорода, ей подручную, Пермь: часть древней Біарміи. Подъ предлогомъ обиды,

тамъ будто бы нанесенной московскимъ купцамъ, онъ послалъ на пермскаго вел. князя—Михаила, своего воеводу Ѳеодора Пестраго.

Тотъ, разбивъ пермскую рать, препроводилъ Михаила въ Москву, заставивъ эту страну признать надъ собой верховную власть не Новгорода уже, а московскаго государя. Пока довольствуясь такимъ подчиненіемъ, Іоаннъ вернулъ въ Пермь Михаила и еще нѣкоторое время, до назначенія туда намѣстника отъ Москвы, оставилъ его въ ней княжить съ сыномъ Матвѣемъ. Князь Ѳеодоръ Іоанну прислалъ вмѣстѣ съ плѣнными 16 сороковъ черныхъ соболей. Теперь завоеваніемъ Перми, московскія владѣнія прислонились къ хребту Уральскихъ горъ.

Послѣ завоеванія Константинополя турками на греческомъ полуостровѣ Морѣ, временно еще сохранили свою власть два младшіе брата Константина Палеолога: Дмитрій и Ѳома. Но ихъ раздоры между собою скоро отдали въ руки туркамъ и эти земли. Дмитрій покорился султану Магомету, Ѳома же уѣхалъ въ Римъ, еще питая напрасную мечту найти въ немъ поддержку для возвращенія себѣ Византіи. Папа Пій II дѣйствительно принялъ его радушно за его вѣрность уніи и назначилъ ему опредѣленное содержаніе. Тѣмъ болѣе что Ѳома привезъ Риму въ даръ святыню главы апостола Андрея. Онъ производилъ пріятное впечатлѣніе своей красивой, величественной наружностью съ оттѣнкомъ грусти въ чертахъ лица. При немъ состояло нѣсколько греческихъ вельможъ и два кардинала изъ грековъ. У Ѳомы было два сына: Андрей и Мануилъ. Старшая дочь—вдова сербскаго господаря Лазаря II, ушла въ монастырь. Въ семьѣ оставалась младшая: Зоя. Когда Ѳома Палеологъ умеръ: лишь годъ спустя послѣ смерти своего

покровителя Пія II въ 1464 г.—ихъ опекуномъ былъ назначенъ по завѣщанію отца кардиналъ Виссаріонъ, наслѣдовавшій отъ Исидора званіе константинопольскаго патріарха. Онъ усердно внушалъ греческимъ принцамъ и Зоѣ приверженность къ латинской вѣрѣ. Новый папа Павелъ II не оставлялъ надежды склонить къ католичеству сильное и упорное въ своемъ православіи московское государство. Имѣя въ виду эту постоянную цѣль, онъ одобрилъ мысль Виссаріона выдать замужъ, воспитанную въ католическомъ духѣ, Зою за овдовѣвшаго Іоанна Васильевича—московскаго великаго князя.

Кромѣ того, могущественная Москва являлась очень желанной союзницей въ замышляемомъ европейскими странами крестовомъ походѣ противъ турокъ. На московскую службу, въ это время возникновенія въ Тавридѣ крымскаго ханства, переходили многіе итальянцы Черноморскаго побережья и при дворѣ Іоанна III, въ качествѣ денежника (т. е. чеканщика монетъ) находился нѣкій венеціанецъ: Джонъ Батистъ Вальпе, извѣстный въ Москвѣ подъ именемъ Ивана Фрязина, потому что «фрягами» называли у насъ тогда итальянцевъ. Чрезъ него и повелъ кардиналъ Виссаріонъ переговоры съ Іоанномъ московскимъ, польщеннымъ предложеніемъ ему невѣсты изъ царственнаго знаменитаго рода, съ которымъ онъ уже состоялъ отчасти въ родствѣ имѣя теткой жену Іоанна Палеолога.

Иванъ Фрязинъ ѣздилъ въ Римъ двоекратно посломъ отъ московскаго вел. князя. Въ первый разъ, чтобы достать портретъ красивой двадцатилѣтней Зои—Софьи Палеологъ; а вторично въ 1472 г., чтобы тамъ совершить обрядъ обрученія по обычаю того времени за жениха и привезти невѣсту въ Москву.

Кардиналъ Виссаріонъ тогда ѣздилъ посломъ отъ папы къ французскому королю: Людовику XI и умеръ въ томъ же году на обратномъ пути оттуда. Преемникъ Павла II—папа Сикстъ IV принялъ московское посольство милостиво; но какъ-будто Москва и Кіевъ уже пріобщились къ уніи, установленной флорентійскимъ соборомъ. Послы Іоанна привезли ему подарки изъ собольихъ мѣховъ. Царевна Софья была отпущена въ Москву со своимъ дворомъ греческихъ и итальянскихъ чиновниковъ. На дорожныя издержки ей была выдана большая сумма изъ папской казны и ее сопровождалъ католическій епископъ: Антоній Бонубрэ. Первое мѣсто въ числѣ этихъ иноземныхъ гостей занималъ, уже вступившій на русскую службу грекъ Юрій Траханіотъ и представитель Морейскаго «деспота»: принца Андрея (такъ какъ Морея была послѣднимъ пристанищемъ византійскихъ владѣтелей)—Дмитрій Ралли.

Пышный поѣздъ направился къ сѣверо-западному рубежу русской земли, черезъ Германію сухимъ путемъ до Любека, откуда Софья одиннадцать дней плыла по Балтійскому морю до Колывани т. е. Ревеля, гдѣ ее двѣ недѣли чествовалъ рыцарскій Орденъ. Гонецъ Ивана Фрязина, чрезъ Псковъ и Новгородъ спѣшилъ въ Москву съ вѣстью, что Софья благополучно переѣхала море. Московскій посолъ въ Дерптѣ ее привѣтствовалъ отъ имени московскаго государя. 11-го Октября псковичи на разукрашенныхъ судахъ выѣхали къ устью рѣки Эмбаха, впадающей въ Чудское озеро, встрѣтить Софью. Псковскіе бояре, наполнивъ кубки и позолоченные рога виномъ, вышли на берегъ, чтобы ударить челомъ своей будущей княгинѣ. Двое сутокъ она плыла озеромъ на псковскихъ судахъ.

64) Картина: Почетная встрѣча псковитянами молодой царевны Софьи Палеологъ: невѣсты вел. князя, при устьи Эмбаха.

Въ Псковѣ торжественно встрѣтило ее духовенство съ крестами, гражданскія власти и толпа радостнаго народа, плѣненнаго юной царевной и тѣмъ, что она въ ихъ древнемъ соборѣ усердно молилась Богу, соблюдая обряды греческаго закона, несмотря на сопутствіе ея Антоніемъ, въ его, возбуждавшей народное любопытство, епископской высокой шапкѣ, при ярко красномъ кафтанѣ; и на серебряное, католическое распятіе—иначе «кряжъ», которое везли передъ нимъ въ саняхъ. На дальнѣйшій путь псковитяне ей поднесли многочисленные дары, не жалѣя своего достоянія.

65) Картина: Торжественный въѣздъ Софіи Палеологъ въ Москву.

Въ Новгородѣ и наконецъ, въ самой Москвѣ великокняжескую невѣсту встрѣчали съ такимъ же радушіемъ и почетомъ. Однако вѣсть о соблазнѣ производимомъ въ народѣ присутствіемъ римскаго епископа съ его латинскимъ крестомъ въ числѣ лицъ окружающихъ Софью, дошли до Іоанна, ожидавшаго съ нетерпѣніемъ свою невѣсту, когда она подъѣзжала къ Москвѣ. Свѣжа еще была память объ отступничествѣ Исидора; потому Іоаннъ обратился за совѣтомъ къ митрополиту: возможно ли допустить въѣздъ Антонія въ его столицу, съ латинскимъ крестомъ впереди него? Филиппъ коротко отвѣтилъ, что когда римскій епископъ такимъ образомъ въѣдетъ въ Москву въ однѣ ворота, то онъ выѣдетъ въ другія». Иванъ Фрязинъ, скрывавшій въ Римѣ, что онъ на Руси принялъ православіе, сталъ было хлопотать объ оказаніи послу папы возможно большей чести; но Іоаннъ послалъ боярина отобрать у него латинскій крестъ и спрятать отъ глазъ народа.

Бракосочетаніе Іоанна Васильевича съ Софьей Палеологъ произошло безъ промедленія въ самый день ея пріѣзда 12 ноября 1472 г.

*

Напрасно епископъ Антоній ухищрялся склонит
Іоанна къ признанію устава Флорентійскаго собор
Сама Софья, вопреки всѣмъ внушеніямъ кардинал
Васьяни и принудительнымъ прісмамъ римскихъ свя
щенниковъ для воспринятія ей католическаго ученія
только для виду дала обѣщанія Сикету IV соблю
дать, преподанныя ей правила Западной церкви. Е
окружавшіе греки, особенно дальновидный учены
Траханіотъ, съ своей стороны несомнѣнно съумѣл
во время пути изъ Рима, уяснить юной царевн
истинное соотношеніе двухъ церквей; а самъ Иван
Фрязинъ, хорошо зная крутой, неуступчивый нрав
Іоанна, долженъ былъ ей раскрыть глаза на вс
безнадежность признанія въ Москвѣ Флорентійско
уніи.

Въ предѣлахъ московскаго государства Софь
сразу почувствовала себя ревностной христіанко
греческой вѣры. Однако, Антонію, прожившему пр
московскомъ дворѣ больше двухъ мѣсяцевъ и обла
сканному Іоанномъ, предоставлено было вступить в
религіозное преніе съ митрополитомъ Филиппомъ
Филиппъ, при содѣйствіи какого-то очень начитан
наго въ Священномъ Писаніи, мудраго книжника
Никиты, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, одер
жалъ верхъ надъ Антоніемъ въ этомъ спорѣ и тотъ
ссылаясь на отсутствіе ему нужныхъ книгъ, прекра
тилъ преніе, послѣ чего уѣхалъ обратно въ Италію
съ дарами для папы и византійскихъ царевичей, отъ
вел. князя.

66) Картина: Царица при богослуженіи въ теремной церкви.

Паденіе Византіи способствовало возрожденію
наукъ въ Италіи выѣздомъ туда многихъ греческихъ
мастеровъ и художниковъ. Часть ихъ, сопровождавшая
Софью въ Москву и послѣ, вызванная ей къ себѣ
изъ Константинополя, оказала такое же благодѣ-

тельное вліяніе на исскуства и просвѣщеніе въ русской землѣ. При Московскомъ дворѣ переняли отчасти и византійскую пышность обрядовъ, свойственныхъ жизни въ Царьградѣ вокругъ особы царя.

Іоаннъ присоединилъ гербъ греческаго царскаго рода: двуглаваго орла, къ московскому гербу—всадника, попирающаго конемъ дракона. Всадникъ изображаетъ св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Кстати мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ, издревле на Руси чтимомъ св. подвижникѣ первыхъ вѣковъ христіанства, такъ какъ его имя и дѣянія связаны съ позднѣйшимъ учрежденіемъ императрицей Екатериной Великой первостепеннаго воинскаго знака отличія за выдающуюся отвагу; изображеніе же его, какъ мы уже знаемъ, часто встрѣчается на стѣнной росписи нашихъ древнихъ храмовъ.

Римлянинъ Георгій былъ сынъ тайнаго христіанина, мужественно окончившаго свои дни доблестной смертью за преданость христіанству. Слѣдуя примѣру отца Георгій такъ же стойко и мученически погибъ во время ожесточенныхъ гоненій на христіанскую вѣру, возбужденныхъ римскими императорами на западѣ и востокѣ ихъ обширныхъ владѣній, особымъ грознымъ указомъ. Благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ Георгій достигъ высокаго званія воинскаго трибуна, но не поколебался смѣлыми обличительными рѣчами вызвать противъ себя страшный гнѣвъ міровыхъ властителей того времени. Заключенный въ темницу онъ подвергался тамъ неоднократно жестокимъ пыткамъ; однако не измѣнилъ своей любви къ Спасителю, за что былъ наконецъ обезглавленъ. Въ русскую землю почитаніе Св. Георгія проникло изъ Византіи въ 988 г. когда этимъ именемъ былъ нареченъ при св. крещеніи сынъ Владиміра Равноапостальнаго: Ярославъ. Позднѣйшія

свои побѣды этотъ вел. князь кіевскій всегда при
писывалъ покровительству Св. Георгія. Во имя ег
строилъ церкви: какъ напримѣръ въ городѣ Юрьев
имъ основанномъ и въ Старой Ладогѣ. А въ Кіевѣ посл
пораженія печенѣговъ въ 1036 г. воздвигъ монастыр
Св. Георгія. Изображеніе этого святаго Ярославъ Му
дрый помѣстилъ на своей великокняжеской медали и н
нѣкоторыхъ древне-русскихъ монетахъ. При Іоанн
же III оно вошло въ московскій государственный гербъ
Именованье Георгія—Побѣдоносцемъ произошло от
существующаго сказанья о немъ, какъ поразившемъ
сидя на бѣломъ конѣ, копіемъ своимъ, чудовище-змія
пожиравшаго ежегодно юношу или дѣвицу около го
рода Силема въ Ливіи, на берегахъ обширнаго озера
куда населеніе приводило, требуемую зміемъ жертву
чтобы его умилостивить. Когда наконецъ осталас
ждать своей страшной участи послѣдняя дѣвушка
дочь мѣстнаго владѣтеля,—свѣтлый витязь неожиданн
спасъ ее на берегу роковаго озера; послѣ того жи
тели, выслушавъ Евангельскую проповѣдь своег
избавителя тамъ же приняли отъ него крещені
Иванъ Фрязинъ, вмѣсто того, чтобы получить ка
кой либо знакъ особой милости къ нему отъ Іоанна
въ дни празднованія его торжественной свадьбы с
Софьей Палеологъ, по праву главнаго довѣрен
наго лица вел. князя при веденіи брачныхъ перего
воровъ съ Римомъ, теперь, напротивъ, навлекъ про
тивъ себя его суровый гнѣвъ однимъ нелѣпым
обманомъ. Венеціанскій дожъ: Николай Троно, за
думалъ отправить посла: нѣкоего Тверизана, через
Москву въ Золотую орду, чтобы склонить хана к
войнѣ противъ турокъ, причемъ снабдилъ этого по
сла письмомъ и дарами для московскаго государя
Освѣдомленный о томъ во время своего проѣзда

черезъ Венецію, на обратномъ пути изъ Рима, Иванъ Фрязинъ убѣдилъ Тверизана, что при его помощи онъ можетъ попасть въ орду и не передавая, ни грамоты, ни даровъ Іоанну. Надо думать, что онъ—либо взялъ эти дары себѣ, либо желалъ похвастаться своимъ вліяніемъ при дворѣ Іоанна. Ему, дѣйствительно удалось представить вел. князю венеціанскаго посла простымъ купцомъ, будто его племянникомъ и выхлопотать ему, какъ простому, незначительному лицу все нужное для путешествія въ ставку хана Ахмета. Когда, съ пріѣздомъ Софьи, этотъ обманъ случайно открылся черезъ епископа Антонія и другихъ спутниковъ невѣсты вел. князя, знавшихъ Тверизана лично, а также цѣль, съ которой онъ былъ посланъ въ Москву,—Іоаннъ приказалъ заковать Фрязина въ цѣпи и разорить домъ его; Тверизана же, настигнутаго въ Рязани, едва спасло отъ казни ходатайство епископа Антонія и сопровождавшихъ его итальянцевъ.

Въ 1469 г. еще съ первымъ посольствомъ къ Іоанну кардинала Виссаріона, прибыли въ Москву: братъ—Карлъ и настоящій племянникъ Фрязина—Антонъ. Теперь Іоаннъ послалъ этого Антона къ дожу за объясненіями на счетъ поступка его посла. Николай Троно отвѣтилъ извиненіями съ усердной просьбою, чтобы Іоаннъ освободилъ изъ тюрьмы и отпустилъ въ татарскую орду Тверизана. Естественно раздѣляя съ юной супругой непріязнь къ Турціи, погубившей ея отчизну, Іоаннъ не только позволилъ Тверизану выполнить данное ему порученіе изъ Венеціи, но заодно снарядилъ къ хану Ахмету и своего посла для поддержки просьбы его о помощи противъ турокъ. Тѣмъ не менѣе, это посольство не имѣло успѣха. До 1472 г. у Іоанна не было столкно-

венія съ ханомъ Золотой орды: главнымъ врагомъ русской независимости. Но литовско-польскій король Казиміръ IV, не рѣшаясь выступить самъ въ походъ противъ Москвы на помощь Новгороду, старался угрозой ея, все возрастающей, силы: лестью и подкупами побудить хана Ахмета послать на Іоанна войско. Дѣйствительно, русскіе князья и бояре не пресмыкались болѣе въ татарскихъ улусахъ доставляя туда мѣшки золота и серебра. Самъ Іоаннъ III ни разу еще не посѣтилъ орды. Хотя онъ продолжалъ собирать съ земель своихъ взносы на ордынскіе выходы, но его дань имѣла болѣе видъ случайныхъ подарковъ, иногда заставлявшихъ себя ждать очень долго. Во время похода Іоанна въ Новгородъ, Ахметъ, занятый защитой своей столицы—Сарая, отъ смѣлыхъ набѣговъ и грабежей вятчанъ, не успѣлъ предупредить Шелонской побѣды москвичей своимъ нападеніемъ и только годъ спустя подступилъ къ берегамъ Оки съ большими силами. Но 180 тысячъ московскаго войска на протяженіи 150 верстъ стали крѣпкой стѣной между непріятелемъ и Москвою. Въ числѣ его находился сынъ Касима: царевичъ Даніаръ, предводительствуя своей татарской дружиной.

Ахметъ сжегъ слабо укрѣпленный городъ Алексинъ, несмотря на мужественное сопротивленіе ему гражданъ, побившихъ много враговъ; потомъ татары бросились вплавь чрезъ Оку на немногочисленный отрядъ московскаго войска, который былъ бы вынужденъ отступить, если бы на помощь къ нему не подоспѣлъ сынъ кн. Михаила Верейскаго—Василій, прозванный Удалымъ, а за нимъ братъ Іоанна Юрій. Оттѣснивъ непріятеля обратно за рѣку, они выстроились на лѣвомъ ея берегу, подкрѣпляемые со всѣхъ сторонъ свѣжими московскими полками, къ нимъ

подходившими безпрестанно, съ трубными звуками при развѣвающихся знаменахъ. Татары испугались грознаго вида, все прибывавшихъ стройноволнующихся и сверкавшихъ на солнцѣ оружіемъ, рядовъ московскаго войска. Они начали отступать и наконецъ побѣжали въ смертельномъ страхѣ. Русскіе не сочли нужнымъ гнаться за ними, но Іоаннъ распустилъ свои боевыя силы, увѣренный, что татары не скоро опять рѣшатся войти въ предѣлы его владѣній. Король Казиміръ и Ахмета, какъ новгородцевъ, оставилъ безъ всякой помощи, занятый войной съ Венгріей и дѣлами Богеміи.

Вскорѣ послѣ скончался храбрый и доблестный братъ Іоанна Юрій Васильевичъ. Такъ какъ онъ никому не завѣщалъ своихъ городовъ: Дмитрова, Можайска и Серпухова,—то Іоаннъ ихъ присоединилъ къ великокняженію московскому, нѣсколько успокоивъ зависть другихъ своихъ братьевъ уступкой въ наслѣдственное владѣніе Андрею Старшему—мѣстечка Романова; Борису—Вышгорода, а Андрею—Меньшому Трусы.

Отпустивъ Тверизана въ орду къ Ахмету, царь Іоаннъ Васильевичъ скоро отправилъ опять въ Венецію къ новому дожу Марчелли, перваго посла чисто русскаго происхожденія Толбузина, начавшаго собой рядъ другихъ русскихъ посланниковъ въ государствахъ запада. Толбузину было наказано найти въ Италіи мастера строить церкви. Хотя такихъ мастеровъ было много въ Италіи, но они не рѣшались ѣхать въ далекую, имъ неизвѣстную землю. Одинъ только:—нѣкій Фіорованти изъ Болоньи, по имени Аристотель согласился послѣдовать за Толбузинымъ, взявъ съ собою сына Андрея и ученика Петра, причемъ уговорился получать десять рублей въ мѣсяцъ жалованья. Онъ открылъ такимъ образомъ путь въ Россію другимъ иноземнымъ художникамъ. Ему поручили въ Москвѣ об-

новленіе, построеннаго еще при Іоаннѣ Калитѣ, не
теперь обветшавшаго и разобраннаго, Успенскаго со-
бора. Русскіе мастера: Кривцовъ и Мышкинъ, взяв-
шіеся возстановить древній храмъ по образцу влади-
мірскаго, не съумѣли вывести сводовъ. Съ ужас-
нымъ трескомъ, къ общему огорченію, они упали
Аристотель приказалъ все построенное разбить стѣно-
битной, по силѣ своего дѣйствія еще неизвѣстной
русскимъ, машиной. Похваливъ гладкость работы
русскихъ, онъ, однако, замѣтилъ, что они не умѣютъ
обжигать какъ слѣдуютъ кирпичи, а также приготов-
влять, достаточно вязкую, известь. Большое удивленіе
въ москвичахъ возбуждало особое колесо, которымъ
Аристотель поднималъ камни на верхнія части стѣнъ.
Онъ выкапалъ по своему усмотрѣнію рвы для болѣе
крѣпкаго основанія зданія новаго храма и самъ зало-
жилъ его. Соборъ былъ достроенъ чрезъ четыре года
и освященный послѣ смерти митрополита Филиппа
сраженнаго параличемъ, преемникомъ его Геронтіемъ
въ 1479 г., до сихъ поръ служитъ въ Москвѣ зна-
менитымъ по своему величію и соразмѣрности ча-
стей постройки, великолѣпнымъ памятникомъ греко-
итальянской архитектуры XV столѣтія. Побывавъ во
Владимірѣ, Аристотель дивился тамъ на мѣстный
Успенскій соборъ, какъ на великое и художествен-
ное произведеніе искусства. Помимо возведенія зда-
ній этотъ же итальянскій мастеръ умѣлъ лить пушки
колокола и чеканить монету.

Въ 1467 г. умеръ знаменитый крымскій ханъ
Ази-Гирей и его мѣсто силой заступилъ одинъ изъ
его шести сыновей: Менгли-Гирей, впавшій сразу въ
непріязненныя отношенія къ Польшѣ за союзъ Ка-
зиміра съ его врагомъ Ахметомъ и пріютъ, данный
имъ его старшему брату—законному наслѣднику отцов-

ской власти. Этимъ воспользовался предусмотрительный, мудрый Іоаннъ Васильевичъ, чтобы искать съ Менгли-Гиреемъ дружескаго союза, выгоднаго для нихъ обоихъ. Менгли Гирей самъ это понялъ, уважая сильную личность московскаго государя и не замедлилъ ласковой грамотой отозваться на его косвенное предложеніе дружбы чрезъ богатаго еврейскаго купца города Кафы: Хози-Кокса. Грамоту передалъ московскому царю ханскій шуринъ, нѣкій Исупъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, начавшаяся дружелюбная связь между Іоанномъ и Менгли-Гиреемъ уже не прерывалась. Въ 1473 г. Менгли-Гирей прислалъ въ Москву чиновника Ази-Бабу для клятвеннаго утвержденія мирнаго своего договора съ русскимъ царемъ; а съ Ази-Бабою въ Крымъ былъ посланъ бояринъ Никита Беклимишевъ. Позже, уже въ 1475 г. съ другимъ крымскимъ мурзою, туда поѣхалъ еще великокняжескій чиновникъ: Алексѣй Старковъ. Ему поручено было Іоанномъ передать дары Манкупскому князю—Исайку, предлагавшему въ невѣсты сыну Іоанна, дочь свою. Манкупъ, мѣстечко въ Тавридѣ, расположенное на высокой малодоступной горѣ, былъ прежде знаменитой крѣпостью и назывался городомъ «готскимъ», потому что тамъ съ III столѣтія послѣ Рожд. Христ. обитали, какъ мы уже знаемъ изъ повѣтствованія I-ой части этой же книги, сначала тавро-скифы, а потомъ уцѣлѣвшіе отъ нашествія гунновъ,—готы: впослѣдствіе данники всѣхъ степныхъ кочевниковъ, но сохранившіе особыхъ правителей, какимъ былъ Исайко, современникъ Іоанна Васильевича. Однако, къ пріѣзду Старкова въ Тавридѣ вдругъ все перемѣнилось. Менгли-Гирей былъ въ свою очередь изгнанъ другимъ братомъ своимъ—Айдаромъ и бѣжалъ къ генуэзцамъ въ Кафу.

Но скоро въ Черномъ морѣ появился сильный турецкій флотъ. Его начальникъ: Ахметъ-паша, втеченіи недѣли овладѣлъ Кафою, гдѣ жило множество русскихъ купцовъ, такъ что тамъ въ первый разъ русская кровь лилась подъ мечомъ турокъ. Даже Манкупъ теперь не укрылъ генуэзцевъ, спасшихся туда отъ визиря султана Магомета. Начальникъ этой крѣпости былъ взятъ въ плѣнъ турками, когда неосторожно охотился внѣ ея крѣпкихъ стѣнъ. Ахметъ послѣ того до основанія истребилъ въ Тавридѣ всѣ города и поселенія генуэзцевъ, жившихъ на ея побережьѣ около двухъ столѣтій. Онъ покорилъ весь Крымъ султану и свезъ къ нему плѣнникомъ Менгли-Гирея съ двумя его братьями. Однако, турецкій султанъ милостиво признавъ Менгли-Гирея законнымъ владѣтелемъ Крыма, вернулъ ему ханство тамъ, какъ своему присяжнику.

Только Менгли-Гирей началъ возстанавливать у себя порядокъ послѣ нашествія турокъ, какъ былъ вторично изъ своего царства изгнанъ ханомъ Ахметомъ въ 1476 г. Уже годомъ ранѣе дьякъ Іоанна: Лазаревъ, ему привезъ оттуда вѣсть, что ханъ Ахметъ отпустилъ Тверизана обратно въ Италію моремъ, не изъявивъ своего согласія на войну съ турками. Онъ гордъ былъ тѣмъ, что снова изгналъ изъ Крыма Менгли-Гирея, передавъ его ханскую власть царевичу Зенибеку, прежде искавшему московской службы. Но и теперь этотъ царевичъ, предвидя опасную перемѣнчивость своей судьбы, послалъ гонца отъ себя къ Іоанну, просить у него пріюта и покровительства на случай его сверженія съ престола Крымскаго ханства. Вел. кн. московскій обѣщалъ ему дружбу и предложилъ союзъ такой же, какой былъ имъ заключенъ ранѣе съ Менгли-Гиреемъ.

Кромѣ посла въ Золотую орду: Тверизана, венеціанская республика отправила къ азіатскимъ предѣ-

ламъ еще одного, нами уже упомянутаго: Кантарини,—черезъ Польшу, Кіевъ, Кафу и Кавказъ, въ Персію; къ могучему царю ея—Узунъ-Гассану, овладѣвшему всѣми странами Азіи: отъ Инда до Ефрата. Ему тоже венеціанскій дожъ предлагалъ дѣйствовать общими силами противъ Султана Магомета II. Кантарини на этомъ пути, въ городѣ Экбатанѣ, встрѣтился съ русскимъ посломъ Іоанна: не то итальянскимъ, не то греческимъ уроженцемъ—Маркомъ Руфо, ѣхавшемъ уже обратно послѣ переговоровъ съ Узунъ-Гассаномъ отъ имени московскаго государя, въ свою очередь искавшаго дружбы персидскаго властелина, для обоюдной угрозы хану Ахмету, улусы котораго соприкасались съ персидскими землями на южномъ берегу Каспійскаго моря. Узунъ-Гассанъ ненавидѣлъ монголовъ за разгромъ Персіи Тамерланомъ, тѣмъ болѣе, что былъ одно время въ зависимости отъ его слабыхъ наслѣдниковъ.

Узнавъ, что Кафа завоевана турками, Кантарини не могъ уже, безопасно, прежнимъ путемъ вернуться въ Италію и принужденъ былъ ввѣрить свою судьбу Марку Руфу, стровождаемому персидскимъ посломъ къ Іоанну. Они направились изъ Тифлиса въ богатую шелкомъ Шемаху, на Дербентъ и Астрахань. Этотъ богатый городъ изъ себя представлялъ великое татарское торжище и отъ него получила названіе вся лежащая окрестная страна: на десять дней пути разстоянія ниже Казани. Астрахань расположилась при устьи Волги, (по старинному своему названію: рѣки Ра) тамъ гдѣ она раздѣлившись на множество рукавовъ, вливается въ Каспійское море, сама уже получая видъ широкой морской поверхности вслѣдствіи изобилія, переполняющей ихъ, воды. Татары живущіе за рѣкой Ра и отращивающіе у себя волоса по всей головѣ, какъ особое исключеніе своего

племени, называются «колмыками». У Каспійскаго моря находится городъ Шемахія, давшій тоже свое названіе всей окрестной мѣстности. Онъ отстоитъ отъ Астрахани на шесть дней пути разстоянія и прославился искусными ткачами шелковыхъ одеждъ. Ему предстояло, такъ же какъ Астрахани перейти подъ власть персидскаго государя, но тамъ пока господствовали три племянника хана Ахмета. Тамошніе купцы доставляли Москвѣ шелковыя ткани, покупая въ Россіи мѣха и сѣдла.

Хищныя шайки татаръ угрожали путникамъ въ степяхъ донскихъ и воронежскихъ. Они не находили тамъ ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ и часто терпѣли недостатокъ въ водѣ, такъ что рады были достигнуть рязанской земли, хотя очень лѣсистой и рѣдко въ то время населенной, зато богатой хлѣбомъ и медомъ. Между Казанью и Астраханью на обширномъ пространствѣ вдоль по теченію Волги и Дона, до Днѣпра, находятся, какъ мы знаемъ, степныя поля, гдѣ татары не имѣютъ никакихъ городовъ кромѣ Азова,—на разстояніи семи дней пути отъ Астрахани, и Ахаса: въ 12 миляхъ выше Азова. Отъ рѣки Кубани до Мерулы, впадающихъ въ Понтъ т. е. Черное море, жили черкесы: христіане, греческой вѣры, богослуженіе свое совершавшіе на славянскомъ языкѣ. Но это были дерзкіе морскіе разбойники, не повиновавшіеся ни татарамъ, ни туркамъ, въ надеждѣ на недоступность горъ своихъ. По горнымъ рѣчкамъ они спускались на судахъ въ море и нападали въ особенности на корабли, плывшіе изъ Кафы въ Константинополь.

Представленный въ Москвѣ Іоанну, Кантарини описываетъ съ похвалой его величественную наружность; хвалитъ привѣтливость, умъ и любознательность московскаго государя. Ему дозволено было видѣть тоже великую княгиня Софью. Обойдясь съ венеціанскимъ

посломъ очень ласково, Софья Ѳоминична, послала черезъ него поклонъ дожу и сенату Венеціанской республики. Такъ какъ у Кантарини не было на отъѣздъ денегъ, то гостепріимный, щедрый московскій царь, приказалъ ему выдать нужную сумму изъ собственной казны, причемъ, сверхъ того, онъ получилъ отъ царя въ подарокъ еще тысячу червонцевъ и дорогую шубу. Во время обѣда во дворцѣ ему предназначено было выпить серебряную стопу крѣпкаго меда, чтобы потомъ взять ее себѣ на память о благосклонности къ нему московскаго государя. Однако, Іоаннъ, войдя въ его положеніе, позволилъ ему не пить такое количество опьяняющаго напитка, непривычное иноземцамъ.

Глава XII.

Продолженіе безпорядковъ и распрей въ Новгородѣ. Торжественный въѣздъ туда Іоанна III для защиты обиженныхъ сторонниковъ Москвы и почетная, раболѣпная встрѣча его властями Новгорода съ поднесеніемъ дорогихъ подарковъ. Великокняжескій судъ въ Городищѣ. Строгія наказанія обвиненныхъ и заключеніе подъ стражу приверженцевъ Литвы по приказу московскаго великаго князя. Страхъ и смиреніе новгородцевъ передъ его могуществомъ. Повелѣніе Пскову. Удовлетвореніе новгородскихъ гражданъ московскимъ правосудіемъ и принесеніе жалобъ обиженными изъ Новгорода въ Москву ко двору Іоанна. Вынужденныя поѣздки туда же отвѣтчиковъ по призыву Великаго князя. Челобитная Владыки Ѳеофила. Умерщвленіе въ Новгородѣ бояръ, искавшихъ суда московскаго, приверженцами Литвы и отказъ новгородцевъ величать Іоанна III своимъ государемъ. Объявленіе войны Новгороду Іоанномъ и вторичный походъ его въ новгородскую землю. Быстрое обложеніе Новгорода, благодаря раннимъ морозамъ и подкрѣпленію войскъ Іоанна псковскою ратью. Напрасные переговоры, безсильныхъ защитить свою независимость новгородцевъ, съ московскимъ великимъ княземъ, расположившимся станомъ за три версты отъ Новгорода. Заявленіе Іоанну новгородскаго архіепископа о вынужденномъ согласіи Новгорода на всѣ условія побѣ-

дителя. Уничтоженіе Іоанномъ III новгородскаго вѣча и водвореніе въ Великомъ Новгородѣ намѣстника изъ Москвы. Отказъ Іоанна дать крестное цѣлованіе при заключеніи съ нимъ мирнаго договора и приведеніе къ присягѣ себѣ новгородскихъ гражданъ. Ихъ отчаяніе и безсильное негодованіе. Взятіе москвичами подъ стражу Марѳы Борецкой съ ея сыновьями и торжественный перевозъ въ Москву вѣчевого колонола. Пагубная изнѣженность, разбогатѣвшаго отъ торговли Новгорода и упадокъ въ немъ воинской доблести. Возобновленіе имъ тайныхъ переговоровъ съ литовскимъ королемъ Казиміромъ IV. Третій походъ и осада Новгорода Іоанномъ при угрозѣ, направленныхъ Аристотелемъ въ его стѣны, пушекъ. Окончательное усмиреніе строптивыхъ новгородцевъ въ 1478 г. Въѣздъ Іоанна, какъ государя въ ихъ городскія ворота. ему открытыя, волей-неволей гражданами и заточеніе архіепископа Ѳеофила въ Чудовъ монастырь за поддержку имъ сношеній Новгорода съ Литвою. Относительная свобода, покорнаго волѣ Іоанна, Пскова. Слишкомъ позднее для спасенія новгородцевъ возстановленіе Казиміромъ золотоордынскаго хана Ахмета противъ московскаго великаго князя и тѣсный союзъ Іоанна съ его врагомъ: Менгли-Гиреемъ. Важное значеніе брака Іоанна Васильевича съ византійской царевной Софьей Палеологъ. Ея два брата Андрей и Мануилъ. Рѣшающее вліяніе великой княгини Софьи въ борьбѣ мужа съ постыднымъ татарскимъ игомъ. Унизительные обряды при выраженіяхъ покорности русскими татарскимъ ханамъ. Судьба татарскаго Подворья въ Кремлѣ. Открытое поруганіе Іоанномъ III ханскаго изображенія во время пріема имъ татарскихъ пословъ и умерщвленіе ихъ всѣхъ, кромѣ одного, ради освѣдомленія Ахмета объ отношеніи къ его власти московскаго великаго князя. Распря Іоанна III съ братьями Борисомъ и Андреемъ Старшимъ изъ за уничтоженія имъ древнихъ установленій и правъ удѣльной Руси. Вооруженное столкновеніе князя Іоанна Молодого съ ордой Ахмета на берегахъ Угры и смѣлый его отказъ покинуть войско, чтобы вернуться въ Москву по приказанію отца. Выѣздъ Іоанна III изъ Москвы и остановка его въ двухъ верстахъ отъ Угры. Примиреніе съ нимъ, негодовавшихъ на него братьевъ и отступленье Ахмета за порубежную черту литовской земли въ напрасномъ ожиданіи себѣ помощи отъ Казиміра. Неудовольствіе высшаго московскаго духовенства на смущавшій русскій народъ недостатокъ воинственной предпріимчивости противъ Ахмета со стороны Іоанна. Дерзкое требованіе отъ него татарскимъ ханомъ личной, униженной мольбы о прощеніи. Миролюбивые совѣты Іоанну малодушныхъ бояръ и укоризненное, побуждающее его на брань, посланіе къ нему въ станъ, архіепископа Вассіана. Гордый отказъ Іоанна, не только что самому явиться въ шатеръ къ Ахмету, но

къ нему послать для мирныхъ переговоровъ, хотя бы простого боярина. Уходъ Ахмета обратно къ себѣ въ орду послѣ вѣсти о нападеніи Менгли-Гирея на Казиміра и, такимъ образомъ, почти безкровная побѣда надъ нимъ Іоанна III. Грабежъ Ахмета въ литовскихъ влядѣніяхъ и убіеніе его, обремененнаго цѣнной добычей, во время отдыха при устьѣ Донца, ханомъ тюменскихъ татаръ Ивакомъ. Благодарность ему московскаго великаго князя за это убійство. Окончательное разореніе Золотой орды Менгли-Гиреемъ. Нападеніе на Псковъ Ливонскаго Ордена во время войны Іоанна съ Ахметомъ и успѣшное отраженіе псковитянами ливонскихъ рыцарей. Посылка Іоанномъ въ Псковъ большого войска для наказанія нѣмцевъ и опустошеніе всей Ливоніи московскими воеводами до наступленія весенней распутицы. Миръ съ ними въ Нарвѣ на 20 лѣтъ. Намѣстники Іоанна III въ Псковѣ. Отношеніе къ Іоанну III литовскаго короля Казиміра IV; захватъ и ограбленіе Кіева Менгли-Гиреемъ. Союзъ Іоанна съ венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвинымъ. Война Менгли-Гирея съ сыновьями хана Ахмета, вопреки запрещенію ему нападать на нихъ турецкаго султана. Завоеваніе Іоанномъ Югры и Юмша—князь вогульскій. Епископъ пермскій Ѳилоѳей. Бракъ Іоанна Молодого съ дочерью молдавскаго господаря: Еленой. Крутой нравъ великаго князя Іоанна Васильевича. Несчастная судьба нѣмецкаго лекаря Антона вслѣдствіе неудавшагося ему леченія татарскаго царевича Каракуча. Гнѣвъ великаго князя противъ Василія Михайловича Верейскаго и его жены. Смерть старика отца его въ вынужденной разлукѣ съ опальнымъ сыномъ. Кончина матери Іоанна—инокини Маріы. Безуспѣшная борьба съ Іоанномъ III за независимость тверской области Михаила Борисовича и его попытка вступить въ союзъ съ Казиміромъ IV противъ сильной Москвы. Осада Твери Іоанномъ и бѣгство Михаила въ Литву. Добровольная покорность Москвѣ рязанскихъ князей и завѣщаніе однимъ изъ нихъ своихъ земель Іоанну III. Смерть Андрея Меньшого, брата Іоанна и взятіе великимъ княземъ подъ стражу Андрея Старшаго за безпокойный нравъ его. Благоразумное смиреніе передъ старшимъ братомъ Бориса Волоколамскаго. Споръ между собой сыновей казанскаго хана Ибрагима отъ разныхъ матерей, за престолъ въ Казани. Торжество, непріязненнаго Руси, Алегама и поддержка Іоанномъ Магомета-Аминя. Плѣненіе Алегама княземъ Даніиломъ Холмскимъ и захватъ имъ Казани во главѣ московскаго войска. Ссылка плѣнника въ Вологду. Іоаннъ III—верховный государь Камской Булгаріи, гдѣ царемъ имъ посаженъ Магометъ-Аминь. Путь въ Тавриду черезъ Азовъ. Братья Менгли-Гирея, его соперники, въ плѣну у Іоанна. Наказаніе войсками московскаго великаго князя, возставшаго противъ его власти, города Хлынова, иначе Вятки

и вятскихъ ушуйниковъ. Окончательное покореніе имъ всей вятской земли и Арской области древней Булгаріи. Кончина Іоанна Молодого и казнь врача-еврея Леона, поручившагося своей головой за выздоровленіе князя.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся событій царствованія Іоанна III было полное уничтоженіе древней вольности новгородской и подчиненіе всей этой области съ ея столицею, Господиномъ Великимъ Новгородомъ московской власти, наравнѣ съ прочими удѣльными областями. Борецкіе продолжали послѣ Шалонской битвы и Корыстинскаго договора мутить народъ, возбуждая горячія, удалыя головы уличныхъ молодцовъ противъ приверженцовъ родной Москвы. Сами бояре и высшіе правители новгородскіе собирали ихъ для избіенія и грабежа имущества своихъ противниковъ. Обиженные обратились съ жалобами къ Іоанну. Тогда Іоаннъ воспользовался древнимъ правомъ княжескаго суда въ Новгородѣ и самолично поѣхалъ тамъ водворять спокойствіе, но безъ войска,—лишь во главѣ отборной дружины, чѣмъ произвелъ впечатлѣніе мирнаго, внушительнаго величія. Литовская сторона испуганно и смущенно притихла.

67) Картина: Въѣздъ Іоанна III въ Новгородъ и радостная встрѣча его новгородцами.

Въ 90 верстахъ отъ города Іоанна встрѣтили владыка Ѳеофилъ; архимандритъ Юрьевскаго монастыря; князь Василій Шуйскій-Гребенка; тысяцкій и посадникъ, съ поднесеніемъ ему бочекъ вина различныхъ сортовъ.

Государь ихъ почтилъ приглашеніемъ на обѣдъ. За ними стояли старосты новгородскихъ улицъ, бояре и жители предмѣстья Городище, гдѣ государь ночевалъ; а 23 ноября онъ въѣхалъ въ самый Новгородъ. По его приказанію владыка Ѳеофилъ долженъ былъ ожидать его у Московскихъ воротъ въ богатомъ святительскомъ облаченіи, съ иноками и крестами.

Въ Софійскомъ соборѣ Іоаннъ поклонился гробницамъ древнихъ князей: Владиміра Ярославича и Мстислава Храбраго. Народъ толпами его привѣтствовалъ, за что Іоаннъ выразилъ ему милость свою и благодарность. Обѣдалъ онъ весело у владыки Ѳеофила, принявъ отъ него въ подарокъ сотню червонцевъ, рыбьяго зуба и нѣсколько штукъ заморскихъ суконъ. Затѣмъ послѣдовали дни суда. Дворецъ Іоанна на Городищѣ открытъ былъ съ утра до вечера и цѣлыя «улицы», черезъ своихъ уполномоченныхъ, приходили искать его защиты отъ всякихъ неправдъ, притѣсненій и грабежей новгородскихъ сановниковъ. Іоаннъ заранѣе далъ знать вѣчу, чтобы оно приставило стражниковъ къ обвиняемымъ. Въ присутствіи архіепископа онъ сказалъ преступникамъ, вина коихъ была доказана, что строгая казнь будетъ имъ возмездіемъ, а для другихъ примѣромъ. Тутъ же, по собственному произволу, Іоаннъ, не стѣсняясь, велѣлъ своимъ воинамъ схватить нѣсколькихъ знатныхъ бояръ, желавшихъ предать Новгородъ Литвѣ. Ошеломленные его поступкомъ, новгородцы смолчали. На этомъ кончился судъ Іоанновъ. Изъ Новгорода его провожали обильными, дорогими дарами. Поднесли ему крѣпкихъ винъ, тонкихъ суконъ, кречетовъ, соколовъ, золота, серебра, цѣнныхъ мѣховъ, коней и жемчуга. Іоаннъ отдаривалъ новгородцевъ съ царскою лаской и щедростью, хотя ихъ усердіе, небывалое до сихъ поръ по отношенію къ московскимъ великимъ князьямъ,— объяснялось болѣе страхомъ, чѣмъ преданностью и любовью. Это было въ 1475 г. Намѣстникъ псковской: князь Ярославъ пріѣхалъ въ Новогородъ жаловаться Іоанну, что псковичи не даютъ ему всѣхъ доходовъ должныхъ намѣстнику великокняжескому и Іоаннъ послалъ въ Псковъ повелѣніе удовлетворить срокомъ

не долѣе пяти дней требованіе своего намѣстника, подъ угрозой царскаго гнѣва.

Правосудіе царской нелицепріятной власти, свободной отъ алчныхъ, мелочныхъ побужденій собственной личности, понравилось многимъ жалобщикамъ новгородскимъ и они уже сами понесли въ Москву свои обиды, ища суда при дворѣ Іоанна. Тогда отвѣтчики и свидѣтели, кто бы они ни были, требовались туда же. Никто не смѣлъ ослушаться, шедшихъ изъ Москвы повелѣній, хотя новгородцы: ни при Владимірѣ Святомъ, ни при Ярославѣ, не ѣздившіе судиться въ Кіевъ,—хорошо понимали свое униженіе.

Но сторона Москвы все усиливалась въ стѣнахъ Новгорода и сознательно благопріятствовала самодержавнымъ стремленіямъ Іоанна. Стоявшій во главѣ ея владыка Ѳеофилъ, поѣхавъ въ Москву съ какимъ-то челобитьемъ отъ всего Новгорода къ великому князю, нарочно назвалъ его въ томъ челобитіи Государемъ, а не Господиномъ, какъ писалось прежде. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Іоаннъ послалъ въ Новгородъ своихъ пословъ, спросить. «Какого хочетъ онъ государства?» и «согласны ли новгородцы ему отдать Дворище Ярославово, какъ своему государю? Посадивъ его тіуна по своимъ улицамъ,—не вмѣшиваться въ его суды?»

Литовская сторона воспользовалась негодованіемъ народа при возбужденіи такихъ оскорбительныхъ для новгородцевъ, еще никогда не предъявлявшихся имъ вопросовъ и закричала о вѣроломствѣ Москвы съ ея приверженцами! Вспыхнулъ настоящій мятежъ. Бояръ, безпощадно умертвили, ѣздившихъ судиться въ Москву, Дворы другихъ, спасавшихся бѣгствомъ, подверглись разграбленію. Іоанну послано было, хотя въ почтительныхъ, сдержанныхъ выраженіяхъ, но

прямое и твердое опроверженіе ошибочнаго истолкованія, обращенной къ нему челобитной. Тогда Іоаннъ сталъ жаловаться митрополиту Геронтію: будто новгородцы, выставляя его лжецомъ, отпираются отъ своихъ словъ и убиваютъ преданныхъ ему людей. Въ концѣ сентября 1478 г. московскій царь послалъ въ Новгородъ своего подъячаго, съ вторичнымъ объявленіемъ войны и на этотъ разъ 9-го ноября выступилъ походомъ черезъ Волоколамскъ и тверскія владѣнія, къ Торжку, гдѣ собрались уже нѣкоторые отряды его вспомогательныхъ войскъ. Въ Волокѣ: удѣлѣ брата своего — Бориса Васильевича, Іоаннъ былъ встрѣченъ именитымъ тверскимъ вельможею: княземъ Микулинскимъ. Едва московскіе полки вступили въ новгородскую землю, какъ начали жечь и разорять ее безпощадно.

Понимая безполезность борьбы съ сильной Москвою, новгородцы опять послали владыку своего умолять Іоанна о дарованіи мира Новгороду. Великій князь встрѣтился съ нимъ близъ озера Ильменя, но не принялъ его, а велѣлъ сказать имъ: «что если Новгородъ хочетъ бить челомъ, то онъ знаетъ, какъ ему бить челомъ». Затѣмъ онъ переправился черезъ озеро со своимъ полкомъ и сталъ въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода, противъ Юрьева монастыря. Передовые его полки уже заняли Городище и окрестные монастыри, а затѣмъ стали къ нему подходить другія войска, обложивъ Новгородъ со всѣхъ сторонъ. Іоаннъ послалъ въ Псковъ поторопить псковичей, чтобы они скорѣе подошли къ Новгороду съ пищалями, пушками и самострѣлами. Несмотря на морозы, открывавшіе всюду московскимъ воинамъ надежный путь по замерзшимъ рѣкамъ и болотамъ, — такъ же какъ въ первый разъ имъ по-

68) Картина: Осада непокорнаго Новгорода Іоанномъ III.

могло въ походѣ крайне сухое лѣто,—Іоаннъ приказалъ, сопровождавшему его Аристотелю, построить мостъ черезъ Волховъ, чтобы вполнѣ обезпечить сообщеніе между своими войсками. Новгородцы теперь даже не пытались сразиться съ Іоанномъ въ открытомъ полѣ, а онъ хладнокровно сталъ выжидать безъ траты людей на приступы городскихъ укрѣпленій: сколь долгое время Новгородъ можетъ выдержать трудное осадное положеніе? Внѣшняя помощь ни откуда не приходила: надежда на короля Казиміра оказалась напрасной. У новгородцевъ оставался одинъ исходъ: заговорить объ условіяхъ сдачи и молить о пощадѣ. Владыка билъ челомъ Іоанну Васильевичу отъ всего Новгорода, называя его опять, не только вел. княземъ, но и «государемъ» всея Руси. Онъ сказалъ, что виновные новгородцы ждутъ его милости, вопрошая:—«Какую власть онъ хочетъ имѣть надъ ними?» Іоаннъ ему отвѣчалъ открыто черезъ своихъ бояръ, что онъ желаетъ властвовать въ Новгородѣ, такъ же какъ властвуетъ у себя въ Москвѣ». Удрученные столь безотраднымъ отвѣтомъ, архіепископъ и граждане выпросили себѣ три дня на размышленіе. Но тщетно они волновались: ихъ положеніе оставалось безвыходнымъ. Вернувшись въ московскій станъ, владыка съ горечью объявилъ, что Новгородъ на все согласенъ. Когда же посадники стали просить Іоанна при посредствѣ его бояръ, чтобы онъ не требовалъ ихъ къ себѣ на службу, а поручилъ бы имъ лишь охрану сѣверо-западныхъ русскихъ земель, Іоаннъ прислалъ Ѳеофилу такой отвѣтъ:—«Ты, богомолецъ нашъ, и весь Новгородъ, признали меня государемъ,—а теперь вы мнѣ указываете, какъ править вами!» На смиренное замѣчаніе Ѳеофила, что «они не указываютъ, но не зная московскихъ обыкновеній же-

69) Картина: Униженная мольба, московскаго вел. князя о мирѣ,—архіепископомъ Ѳеофиломъ отъ лица новгородскихъ гражданъ уже безсильныхъ сохранить свою независимость.

лаютъ лишь вѣдать, какъ государь намѣренъ управлять своей новгородской отчиной»? послѣдовало жестокое заявленіе: что — «вѣчу больше не быть, но пусть правитъ Новгородомъ московскій намѣстникъ».

Прошла еще недѣля мучительнаго колебанія новгородцевъ, пока они наконецъ не рѣшились 14 декабря сказать боярамъ великокняжескимъ, что соглашаются не имѣть ни вѣча, ни посадника. Іоаннъ имъ обѣщалъ оставить судъ ихъ по старинѣ; не выводить жителей въ низовыя земли и не трогать собственности новгородскихъ бояръ. Когда же новгородцы потребовали обоюднаго крестнаго цѣлованія для заключенія мирнаго договора на этихъ условіяхъ, имъ дано было понять, что ни самъ государь, ни его бояре, ни намѣстникъ, не станутъ цѣловать креста. Зато всѣ покоренные новгородцы 15 января были приведены къ присягѣ на полное повиновеніе московскому государю. Князь Василій Шуйскій-Гребенка, перешелъ на службу къ Іоанну. Въ этотъ день снятъ былъ новгородскій вѣчевой колоколъ и отправленъ въ московскій станъ. До послѣдней минуты еще раздавались крики въ станахъ новгородскаго войска:—«Желаемъ битвы! Умремъ за вольность и за Св. Софію»! Но этотъ безсильный шумъ не могъ уже спасти новгородской свободы. Іоаннъ, зная о существованіи въ Новгородѣ людей еще противящихся его власти, нарочно задержалъ въ своемъ станѣ послѣднихъ пословъ новгородскихъ, чтобы, истомивъ ихъ неизвѣстностью, довести его до рѣшенія: полнаго предъ собой смиренія. На Ярославовомъ дворѣ были поселены два московскихъ намѣстника: князь Стрига-Оболенскій, вручившій Іоанну, розысканные имъ, письменные договоры Новгорода съ Литвою; и братъ его. На Софійскую сторону Іоаннъ тоже назначилъ для упра-

70) Картина: Взятіе Іоанномъ III подъ стражу Марѳы Борецкой съ сыномъ и внукомъ.

вленія двухъ бояръ. Знаменитая Марѳа Борецкая была схвачена съ сыномъ своимъ и внукомъ, чтобы подвергнуться заточенію въ Москвѣ.

8-го февраля архіепископъ Ѳеофилъ передъ обѣднею поднесъ Іоанну дорогіе дары золотыми и серебряными вещами; а 17-го февраля московскій вел. кн. побѣдоносно выѣхалъ, изъ покорившагося ему Новгорода, въ обратный путь. 5-го марта онъ прибылъ въ Москву; вслѣдъ за нимъ привезли новгородскій вѣчевой колоколъ и повѣсили на колокольнѣ среди кремлевской площади, чтобы звонить въ него наравнѣ съ прочими колоколами.

71) Картина: Уничтоженіе Новгородскаго вѣча.

Паденіе новгородской вольности явилось отчасти слѣдствіемъ утраты Новгородомъ прежняго воинскаго мужества, его населенія чему способствовало, какъ всегда, все возроставшее умноженіе его богатства черезъ широкіе торговые обороты, преобладавшаго въ немъ, купечества. Благодаря случайному избавленію отъ разгрома полчищами Батыя, онъ менѣе всѣхъ русскихъ областей ощутилъ на себѣ тяжелое бремя татарскаго ига и его казна, не только не оскудѣла отъ дани, платимой ханамъ, но пополнялась съ избыткомъ большими доходами изъ года въ годъ. Зато новгородцы привыкли, не выводя въ поле боевой рати, деньгами откупаться отъ посягательства на ихъ земли московскихъ князей или Литвы. Но такъ какъ честь и свобода оберегаются ни серебромъ и золотомъ, а готовностью умереть за родину,—то такое стремленіе: откупаться отъ враговъ денежной платою, обнаруживая упадокъ древняго духа гордой отваги въ Новгородѣ, привлекало къ себѣ властолюбивыхъ вождей, ощущавшихъ въ себѣ необходимую силу для новыхъ завоеваній. Новгородъ, ослабѣвшій отъ постоянной нѣги и жизненныхъ наслажденій среди своего богатства, долженъ

былъ неизбѣжно лишиться дорогой ему независимости подчиненіемъ Литвѣ или московскому государю. Овладѣвъ имъ, Іоаннъ Васильевичъ установилъ предѣлы своего государства на берегахъ Наровы, съ одной стороны: нѣмцамъ и шведамъ въ угрозу—съ другой прислонивъ его къ каменному хребту Уральскихъ горъ, изобилующихъ въ своихъ нѣдрахъ металлами; а въ глубинѣ лѣсовъ драгоцѣнными пушными звѣрями.

Своевольные новгородцы не могли сразу примириться съ утратой своей самобытности и съ московской, верховной надъ собой, властью. Въ слѣдующемъ же 1479 г. Іоанну III-му донесли, что Новгородъ опять сносится съ королемъ Казиміромъ, между тѣмъ, какъ тотъ все старается возстановить противъ Москвы хана Ахмета, теперь спѣша использовать въ Москвѣ смуту возникшей ссоры между великимъ княземъ и его братьями. Іоаннъ не замедлилъ въ третій разъ осадить Новгородъ, неожиданно подойдя къ нему. Аристотель уже направлялъ пушки на его стѣны, а внѣшняя помощь, какъ прежде, не появлялась. Когда послы новгородскіе пожелали возобновить мирные переговоры и требовали себѣ охранной грамоты отъ Іоанна, для проѣзда въ станъ его, такъ называемаго: «опаса».—Іоаннъ коротко отвѣчалъ:—«Я Государь вамъ; отворяйте ворота». Новгородцы повиновались. Архіепископъ Ѳеофилъ лишился сана за сношенія съ Литвою и заточенъ былъ въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ. Безразсуднымъ своимъ мятежомъ новгородцы лишили себя и тѣхъ уступокъ, какія имъ удалось вымолить у Іоанна въ 1478 г. Теперь до 1000 семействъ купеческихъ и боярскихъ, не говоря уже о нѣсколькихъ тысячахъ простыхъ людей новгородской земли, были пересе-

лены по низовымъ волжскимъ городамъ и въ московскую область; ихъ же мѣста заняли люди московскіе. Отъ такого перемѣщенія измѣнился конечно самый составъ новгородскихъ купцовъ и землевладѣльцевъ, а семьи, выселенныя изъ Новгорода, скоро слились съ кореннымъ населеніемъ низовыхъ земель. Это помогло прочному внутреннему объединенію Москвы въ самомъ Новгородѣ.

Псковъ еще сохранилъ видимость вѣчевой свободы, такъ какъ вел. кн. былъ доволенъ содѣйствіемъ ему псковичей въ новгородскомъ его походѣ.

Что касалось вторичнаго тайнаго подстрекательства Казиміромъ IV Златоордынскаго хана Ахмета къ войнѣ съ Іоанномъ, то эти враги Москвы вновь опоздали походомъ для вооруженной поддержки возстанія новгородцевъ. Усмиривъ Новгородъ, Іоаннъ, уже свободный отъ всякихъ внутреннихъ затрудненій, двинулъ многочисленную, сильную рать на татаръ, воспользовавшись родовой враждой крымскаго хана къ Сарайской ордѣ, изаключивъ съ нимъ тѣсный союзъ противъ Ахмета. Ханъ Занебекъ не долго господствовалъ на Таврическомъ полуостровѣ. Менгли-Гирей его изгналъ и тамъ воцарился по прежнему въ 1480 г., возобновивъ свою дружбу съ московскимъ вел. княземъ для совмѣстной борьбы противъ Ахмета и Казиміра. Іоаннъ извѣстилъ Менгли-Гирея, посылая ему свое поздравленіе, что принялъ къ себѣ двухъ его братьевъ и Занибека, дабы помѣшать имъ оспаривать у него престолъ. Они обмѣнялись взаимными союзными обѣщанія и «шертной», т. е. клятвенной грамотой.

Сѣверовосточная Русь была наканунѣ полнаго освобожденія своего отъ татарскаго ига въ то время, когда, ей родственная по религіозному духу и цер-

ковному управленію, Византія, исчезала съ лица земли, порабощенная турками. Бракъ между русскимъ вел. княземъ и византійской царевною при иныхъ обстоятельствахъ изъ себя бы не представлялъ выдающагося событія, какъ явленіе очень обычное въ русской исторіи съ ея древнихъ временъ. Но при существовавшихъ условіяхъ, всѣ основные завѣты падшаго византійскаго государства, какъ бы передавались въ Русь съ его царскимъ родомъ Палеологовъ. Изъ братьевъ Софіи—Мануилъ, недостойно предпочелъ двору Іоанна III-го дворъ султана Магомета и жилъ въ бывшей своей столицѣ, пользуясь его милостями. Андрей же, хотя пріѣзжалъ въ Москву два раза и выдалъ дочь свою за молодого князя верейскаго: сына Михаила—Василія, но вернулся въ Италію и тамъ продавалъ наслѣдственное свое право на Византію: то французскому королю Карлу VIII; то испанскому: Фердинанду Католику. Софья Палеологъ одна поддержала достоинство императорскаго византійскаго рода и, ставъ второю супругою сильнаго московскаго государя, въ гордомъ негодованіи на подчиненіи Руси дикарямъ магометанамъ волжской орды, имѣла благое вліяніе на рѣшимость Іоанна III окончательно сбросить съ плечъ окрѣпшей русской народности, татарское иго, еще выражавшееся въ платежѣ, отъ время до времени, хану дани. Особенно возмущали Софью унизительные обряды встрѣчи вел. княземъ московскимъ, ханскихъ пословъ: онъ долженъ былъ по требованію Батыя и ближайшихъ его преемниковъ, пѣшимъ привѣтствовать конныхъ татаръ, подавая старшему послу кубокъ съ кумысомъ; и поклоняться ханскому изображенію, называемому «басмой», причемъ грамоту хана выслушивать на колѣняхъ. Въ Кремлѣ находилось татарское Подворье, гдѣ постоянно

жили татары, имѣя всегда наблюденіе за тѣмъ, что дѣлается въ Москвѣ. Софья, посредствомъ богатыхъ подарковъ, уговорила ханшу ей отдать мѣсто Подворья этого для постройки, будто приснившагося ей, храма, причемъ, ради скорѣйшаго ея согласія на свою просьбу, обѣщала татарамъ отвести для нихъ другой домъ. Однако, послѣ того что, ненавистное ей Подворье, было разрушено и его замѣнила церковь Николая Густынскаго,—татары другаго для себя дома, конечно, не получили.

72) Картина: Вел. князь Московскій Іоаннъ III и послы Ахмета.

Когда Ахметъ, по наущенію Казиміра, отправилъ въ Москву пословъ требовать дани, Іоаннъ, увѣренный въ союзѣ Менгли-Гирея, бросилъ на землю басму; истопталъ ея ногами и, умертвивъ всѣхъ татарскихъ пословъ, кромѣ одного, велѣлъ передать хану, что то же случится съ нимъ, если онъ не оставитъ въ покоѣ московскаго государя. Ахметъ, считавшій Іоанна своимъ рабомъ, внѣ себя отъ ярости, началъ сейчасъ же собирать войско. Лѣтомъ 1480 г. онъ двинулся всею ордою къ Окѣ, условившись съ Казиміромъ, что литовцы пойдутъ одновременно занимать берега Угры. Съ нимъ былъ его племянникъ: Косыда и шесть сыновей.

Мы говорили, уже что враги Іоанна разсчитывали въ то время на его распрю съ братьями: Борисомъ Волоколамскимъ и Андреемъ Старшимъ. Оба они негодовали на то, что Іоаннъ препятствуетъ свободному отъѣзду къ нимъ, по старинѣ, своихъ бояръ и не далъ имъ части: ни въ земляхъ умершаго Юрія, ни въ новгородскихъ своихъ завоеваніяхъ. Удалившись къ предѣламъ Литвы, они изъ Великихъ Лукъ просили покровительства Казиміра и тотъ имъ отдалъ на содержаніе городъ Витебскъ. Напрасно ростовскій святитель Вассіанъ и бояринъ Іоанна: Василій

Образецъ, посланы были великимъ княземъ для умиротворенія съ нимъ недовольныхъ, обиженныхъ братьевъ. Тѣ не хотѣли слушать ихъ увѣщаній.

Въ іюлѣ Іоаннъ самолично поѣхалъ въ Коломну къ собравшимся тамъ московскимъ полкамъ, тогда какъ сынъ его: Іоаннъ Молодой съ другой ратью, стоялъ подъ Серпуховымъ; а Андрей Меньшой ждалъ враговъ у Тарусы. Въ Москвѣ оставались: мать вел. князя, постригшаяся въ монахини подъ именемъ Маѳы; архіепископъ Вассіанъ: духовникъ его; митрополитъ Геронтій и старый князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій: дядя Іоанна.

Видя главныя переправы черезъ Оку защищенными, Ахметъ пошелъ къ западу и черезъ литовскія владѣнія приблизился къ рубежу московской земли: Угрѣ. Но извѣщенный заблаговременно объ этомъ его движеніи, великій князь, послалъ сына опередить его. Іоаннъ Молодой успѣлъ прежде татаръ занять оборонительное положеніе на Угрѣ и Ахметъ нѣсколько дней тщетно пытался переправиться черезъ рѣку. Москвитяне ихъ оттѣсняли обратно, стрѣлами и пищалями. Софью, Іоаннъ, опасаясь захвата Москвы татарами, послалъ съ казной и большою охраной на Бѣлоозеро, а самъ вернувшись въ Москву, хотѣлъ отозвать къ себѣ сына. Однако, Іоаннъ Молодой, горя желаніемъ сразиться съ врагами подъ руководствомъ опытнаго, храбраго воеводы: князя Даніила Холмскаго, рѣшилъ ослушаться приказанія отца и не покинулъ рядовъ своего войска. Отсутствіе вел. княгини и обратный пріѣздъ изъ Коломны въ столицу великаго князя, вызвали ропотъ народа, ждавшаго отъ Іоанна III повторенья Куликовскаго боя. Хотя благоразумный и осторожный Іоаннъ предпочиталъ открытой невѣрной битвѣ, выжидательное

положеніе для разстройства татарскихъ силъ и хотѣлъ заручиться передъ дальнѣйшимъ образомъ дѣйствій вѣстями отъ Менгли-Гирея, но уступая общему мнѣнію онъ всетаки выѣхалъ изъ Москвы къ войску, гдѣ расположился станомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ Угры: близъ села Кременецъ.

Тѣмъ временемъ, архіепископъ Вассіанъ и мать Іоанна успѣли его примирить со старшими братьями, такъ что тѣ поспѣшили двинуть свои дружины ему на помощь. Ахметъ, убѣдившись, что русскіе не бѣгутъ и мѣтко стрѣляютъ, отступилъ на двѣ версты отъ Угры и пустилъ войско свое въ литовскую землю для сбора съѣстныхъ припасовъ, хотя нѣкоторые татары выѣзжали изъ стана Ахмета на берегъ и кричали русскимъ:—«Дайте путь нашему царю, или онъ самъ дойдетъ до великаго князя и вамъ будетъ худо»! Поджидая къ себѣ на помощь полки Казиміра IV, какъ нѣкогда Мамай на Дону ждалъ войскъ Ягелло, Ахметъ дерзко требовалъ, чтобы Іоаннъ лично къ нему явился держать отвѣтъ и просить прощенія, стоя у ханскаго стремени, за то, что втеченіи девяти лѣтъ не пріѣзжалъ въ орду бить ему челомъ съ богатыми дарами. Но Менгли-Гирей въ это время напалъ на Кіево-волынскую область, чѣмъ отвлекъ на югъ вниманіе Казиміра.

29 октября наступили морозы и Угра стала. Свободный путь черезъ нее открылся. Но въ станѣ Іоанна пользовались его довѣріемъ самые малодушные и сребролюбивые изъ бояръ, внушавшіе ему, что безопаснѣе искать мира съ Ахметомъ. Они напоминали ему о судьбѣ Василія Темнаго, попавшаго въ плѣнъ къ татарамъ и смѣялись надъ воинственнымъ духомъ московскаго духовенства, желавшаго кровопролитной битвы, не имѣя понятія о ея случайно-

стяхъ, потому что архіепископъ Вассіанъ отъ имени—своего, митрополита Геронтія и Паисія: игумена Троицкаго монастыря, писали такъ въ станъ къ великому князю:—«Наше дѣло говорить царямъ правду; что я прежде изустно сказалъ тебѣ—славнѣйшему изъ владыкъ земныхъ, когда ты, внявъ моленію и доброй думѣ митрополита; своей родительницы; благовѣрныхъ князей и бояръ, поѣхалъ изъ Москвы къ воинству, съ намѣреніемъ ударить на врага христіанскаго, — то и теперь пишу ревностно, желая утвердить душу твою и державу. Мы—твои богомольцы денно и нощно припадаемъ къ алтарямъ Всевышняго: да увѣнчаетъ тебя Господь побѣдою! Но что же слышимъ, Государь? Чьимъ совѣтамъ ты внемлешь?—людей, недостойныхъ имени христіанскаго. И что совѣтуютъ! Повергнуть ли щиты, чтобы обратиться въ бѣгство! Но помысли отъ какой славы и въ какое уничиженіе они низводятъ твое Величество! Чье сердце каменное не изольется въ слезахъ отъ единыя мысли! Господь живитъ и мертвитъ; онъ дастъ силу твоимъ воинамъ. Поревнуй предкамъ твоимъ, такъ глаголетъ Господь: «Азъ предъ тобою иду; и горы сравняю, и двери мѣдныя сокрушу, и затворы желѣзные сломлю!» Да будетъ тако. Благословеніе нашего смиренія на тебѣ, на твоемъ сынѣ, на всѣхъ боярахъ и воеводахъ; на всемъ Христолюбивомъ воинствѣ. Аминь.»

Конечно, Іоаннъ не согласился, ни самъ явиться въ шатеръ Ахмета съ мольбой о прощеніи: держать стремя коня его; ни сына своего, ни боярина не послалъ къ нему для мирныхъ переговоровъ; но тѣмъ не менѣе, далъ приказъ многочисленному своему войску отступить отъ береговъ Угры, къ нему въ Кременецъ, а потомъ отвелъ всѣ полки еще далѣе назадъ къ Боровску. Очевидно онъ имѣлъ въ мы-

сляхъ особый тонкій разсчетъ и убѣжденъ былъ въ правильности такого образа дѣйствій. Предположенія его подтвердились тѣмъ, что ханъ Ахметъ, смущенный: и дружелюбнымъ прибытіемъ къ Іоанну братьевъ его, и нападеньемъ Менгли-Гирея на Казиміра, вскорѣ тоже покинулъ противоположный берегъ Угры, не совершивъ черезъ нея переправы, чтобы искать боеваго рѣшительнаго столкновенія съ войскомъ московскаго государя.

Такимъ образомъ, совершилась безкровная побѣда мудрости и осмотрительности Іоанна, надъ воинственною угрозой волжской орды, лишившейся теперь уже навсегда, обязательной русской дани. Боязливое отступленіе Ахмета передъ, выдвинутымъ ему навстрѣчу войскомъ великаго князя, признало силу его, вполнѣ независимую отъ страха передъ опасностью татарскаго нападенія и волей хана. Послѣдующія событія послужили къ полному оправданію передъ народомъ и духовенствомъ, упорнаго воздержанія со стороны Іоанна Васильевича, отъ рѣзкихъ стремительныхъ мѣропріятій, въ виду татарскихъ враженскихъ полчищъ. Ахметъ, досадуя на обманувшаго его ожиданія Казиміра IV, возвращаясь домой, ограбилъ литовскія земли; но когда, обремененный добычей, онъ остановился при устьѣ Донца для отдыха, ханъ тюменской орды—Ивакъ, соединившись съ мурзами ногайскими, изъ ихъ владѣній вблизи Аральскаго моря, въ январѣ 1481 г. внезапно напалъ на Ахмета, причемъ собственноручно убилъ соннаго хана въ бѣломъ его шатрѣ. Ивакъ поспѣшилъ послать московскому государю, пріятное ему извѣстіе о своемъ удачномъ набѣгѣ, за который дѣйствительно получилъ отъ Іоанна благодарственные дары. Въ то время, Нагайскіе татары не имѣли бо-

73) Картина: Нагайскій ханъ Ивакъ убиваетъ соннаго хана Ахмета въ его шатрѣ среди награбленныхъ имъ въ Литвѣ сокровищъ.

лѣе хановъ, а управлялись только своими князьями или мурзами. Жили они восточнѣе татаръ казанскихъ: за Волгою, по рѣкѣ Яику и у Каспійскаго моря. Тюменьскіе татары, въ числѣ не болѣе десяти тысячъ человѣкъ, занимали лѣса въ сосѣдствѣ съ Пермью, за Вяткою и Казанью. Послѣдній ударъ Золотой ордѣ нанесъ Крымскій ханъ Менгли-Гирей, продолжавшій смертельно враждовать съ сыновьями Ахмета. Онъ разорилъ ее окончательно неожиданнымъ нападеніемъ. Ханъ Шигъ-Ахметъ, бѣжавшій къ прежнему союзнику орды: Казиміру, былъ имъ заключенъ подъ стражу, ради возможности пугать въ послѣдствіи его личностью Менгли-Гирея. Такимъ образомъ, польскій король, поднимавшій на Русь Золотую орду, не только не достигъ своей цѣли: ослабленія Москвы; но подвергнувъ земли свои двойному опустошенію со стороны: и Ахмета, и крымскаго хана,—противъ воли своей еще помогъ освобожденію московскаго государства отъ татарскаго ига и укрѣпленію его могущества.

Войною московскаго государя съ Ахметомъ хотѣлъ воспользоваться тоже другой врагъ Руси: Ливонскій Орденъ.

Въ 1478 г. пока Іоаннъ III покорялъ Новгородъ, рыцари захватили псковскіе города, но были оттуда изгнаны псковитянами и тѣ, при помощи московскаго воеводы, присланнаго имъ на помощь изъ Новгорода, осадили Дерптъ, заставивъ нѣмцевъ бѣжать въ битвѣ съ ними на рѣкѣ Эмбахѣ. Магистръ Ордена Бернгардъ рѣшилъ отомстить псковитянамъ, когда узналъ, что Іоаннъ занятъ отраженіемъ татарскихъ полчищъ. Онъ потребовалъ помощи отъ тевтонскаго Ордена, но не дождавшись ея, собралъ большое войско изъ всякаго сброда плохо вооруженныхъ людей, мало способныхъ къ ратному дѣлу, но, тѣмъ не менѣе,

исполнившихъ ужасомъ псковитянъ своею численностью и поднятымъ ими шумомъ за рѣкою Великой. Бернгардъ, приплывъ на 13-ти судахъ съ пушками, старался зажечь Псковъ. Тогда граждане, вспомнивъ своего неустрашимаго князя Давмонта, рѣшительно устремились въ бой съ нѣмцами, едва тѣ вышли на берегъ. Пустивъ въ ходъ мечи свои и сѣкиры, а также камни, они смяли нападавшихъ; сбросили ихъ обратно въ рѣку. Боясь новаго нападенія, псковитяне, по уходѣ врага, просили о поддержкѣ братьевъ Іоанна: Бориса и Андрея Старшаго, ѣхавшихъ тогда изъ Великихъ Лукъ въ Москву со своими дружинами. Но получили отказъ за то, что, боясь гнѣва Іоанна не пустили къ себѣ ихъ женъ, оставшихся въ Литвѣ. Іоаннъ, покончивъ съ Ахметомъ, послалъ въ Ливонію для наказанія Ордена большое войско, собравшееся въ самомъ Псковѣ. Оно было бы въ силахъ завоевать всѣ ливонскія земли; но Іоаннъ пока не стремился къ такому завоеванію, желая лишь вселить въ нѣмцахъ страхъ передъ своимъ оружіемъ, такъ чтобы на долго обезопасить сѣверо-западные предѣлы московскаго государства отъ ихъ вторженій. Въ 1481 г. пѣхота и конница вел. князя, раздѣлясь на три части, прошла по всему пространству владѣній Ордена, опустошая ихъ безпощадно и не встрѣчая въ открытомъ полѣ никакого сопротивленія производимому ей разгрому. Тысячи плѣнныхъ и тяжелые обозы съ богатой добычей отправлялись оттуда въ Россію, пока весенняя распутица не побудила войска Іоанна вернуться обратно въ Псковъ. Послѣ того нѣмцы заключили съ Іоанномъ миръ въ городѣ Нарвѣ, на 20 лѣтъ.

Уничтоживъ за время своего княженія двѣ самыя

бурныя вѣчевыя общины на Руси: Новгородъ, а вслѣдъ за нимъ, десять лѣтъ спустя тоже и Вятку, полнымъ присоединеніемъ ихъ къ Москвѣ, Іоаннъ оставилъ еще видимость вѣчевого управленія въ Псковѣ. Мы говорили, что онъ даже далъ какъ-то псковитянамъ въ намѣстники того именно князя, какого они хотѣли. Но всѣ московскіе намѣстники обыкновенно пользовались для наживы богатой псковской землей; не ладили съ вѣчемъ и притѣсняли простой народъ. Потому псковичи часто жаловались на нихъ Іоанну и послѣ первой новгородской войны просили княземъ къ себѣ Ивана Стригу-Оболенскаго. Но къ нимъ былъ присланъ въ 1472 г. братъ его: Ярославъ Васильевичъ: человѣкъ жадный и грубый; тѣмъ не менѣе, Іоаннъ на жалобы псковичей всегда держалъ его сторону. Въ 1477 г. мы видимъ въ Псковѣ намѣстникомъ Василія Васильевича Шуйскаго; но не надолго; при чемъ его управленіе не уменшило ни грабительства, ни разгула Ярослава Васильевича. Псковъ сохранилъ у себя во все царствованіе Іоанна III самостоятельное народоправленіе, благодаря смиренной покорности его гражданъ, верховной надъ собой власти Москвы, а можетъ быть и особому ходатайству за этотъ городъ Софьи Ѳоминишны, обѣщавшей ему свое высокое покровительство, во время радушнаго пріема ее псковичами, какъ невѣсты вел. князя.

Съ Польшею и Литвою у Іоанна не было явной войны, но отношенія между нимъ и Казиміромъ были недружелюбны. Недовольный тѣмъ, что Россія имѣла друзей въ Литвѣ, между единовѣрными ей князьями и что трое изъ нихъ замыслили предаться Іоанну со своими удѣлами въ землѣ Сѣверской, онъ собралъ десять тысячъ войска въ Смоленскѣ; но не рѣшаясь

начать войну, старался только направить противъ Москвы сыновей Ахмета и разстроить союзъ Іоанна съ Менгли-Гиреемъ. Однако, его козни не удались. Менгли-Гирей захватилъ Кіевъ, сжегъ тамъ Печерскій монастырь и прислалъ Іоанну золотую церковную утварь Софійскаго храма.

Тогда же въ 1482 г. въ дружбу съ Іоанномъ вступилъ, враждебный Казиміру IV, венгерскій король: Матвѣй Корвинъ. Давно уже порвались, прежде тѣсныя сношенія Россіи съ Венгріей: то союзныя, то непріятельскія. Теперь же оба государя условились при первомъ удобномъ случаѣ вмѣстѣ напасть на Польшу. Іоаннъ, кромѣ того, потребовалъ отъ Матвѣя Корвина, чтобы тотъ доставилъ ему пушкарей и литейщиковъ; зодчихъ серебряниковъ и горныхъ мастеровъ, умѣющихъ отдѣлять отъ земли металлы. Онъ велѣлъ сказать венгерскому королю:— «У насъ есть серебро и золото, но мы не знаемъ, какъ очищать руду отъ посторонних примѣсей. Услужи намъ, а мы тебѣ услужимъ тѣмъ, что имѣемъ у себя въ государствѣ».

Турецкій султанъ, какъ верховный масульманскій властитель, запретилъ крымскому хану воевать съ сыновьями Ахмета. Но, тѣмъ не менѣе, Менгли-Гирей взялъ въ плѣнъ одного изъ нихъ: Муртазу и отослалъ его въ Кафу. Зато другой Ахметовъ сынъ: Сеидъ, освободилъ брата нечаяннымъ нападеніемъ на Тавриду и съ большою добычею удалился въ степь. Іоаннъ, въ знакъ своей вѣрной дружбы, послалъ изъ Москвы воиновъ, чтобы отбить у этихъ враговъ Менгли-Гирея, ими захваченныхъ крымскихъ плѣнниковъ,—вторгнувшись въ ихъулусы.

Іоаннъ III утвердилъ свою власть и надъ сѣверо-западною Сибирью, издревле платившей Новгороду

обильную дань. Уже въ 1465 г. встрѣчается извѣстіе, что нѣкій устюжанинъ: Василій Скряба, съ толпою вольницы, перебрался за Уральскій хребетъ и привелъ въ Москву двухъ югорскихъ князьковъ, присягнувшихъ на вѣрность Іоанну, давъ обязательство: по возвращеніи своемъ на родину платить ежегодную дань московскому вел. князю. Однако, нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ покоренія Новгорода, Іоаннъ все же вынужденъ былъ отрядить воеводъ съ полками пермскими и устюжскими противъ вогуличей и Югры. Они разбили Юмшана: царя вогульскаго при устьѣ рѣки Пелыни и пошли внизъ по рѣкѣ Тавдѣ въ Сибирь. Берегомъ Иртыша дойдя до Великой Оби въ землю Югорскую, они плѣнили князя ея Молдана и возвратились въ Устюгъ съ богатой добычей. Епископъ пермскій Филоѳей былъ посредникомъ при заключеніи мира съ московскими воеводами, владѣтелей югорскихъ, присягнувшихъ ихъ вел. князю. Юмшанъ вогульскій самъ пріѣзжалъ въ Москву съ епископомъ Филоѳеемъ и раньше бывъ, какъ его отецъ, ужасомъ пермской области, — теперь тоже сталъ платить дань Іоанну.

Въ томъ же 1483 г. князь Іоаннъ Молодой сочетался бракомъ съ дочерью молдавскаго господаря: Стефана Великаго, прославившаго себя побѣдами надъ султаномъ Магометомъ II. Греческая вѣра, церковно-славянскій языкъ и племенное родство, связывали его съ Москвою. Въ своей борьбѣ съ насиліями османскихъ турокъ: покорителей Византіи, Стефанъ тѣмъ болѣе имѣлъ право на дружбу зятя Палеологовъ, принявшаго гербъ ихъ. Дочь Стефана—Елена была обвѣнчана съ женихомъ въ самый праздникъ Крещенія; а въ ноябрѣ у нихъ родился сынъ Дмитрій, къ великой радости его дѣда.

Среди неотступной суровой борьбы за единовластіе, ставшее безусловно необходимымъ для всесторонняго процвѣтанія и могущества московскаго государства, невольно черствѣлъ и закалялся въ жестокостяхъ, неизбѣжно вызываемыхъ ей, нравъ Іоанна Васильевича. Счастливо, не встрѣчая нигдѣ успѣшнаго противодѣйствія своей, все возраставшей силѣ, онъ сдѣлался безпощаднымъ въ гнѣвѣ, такъ что допросы обвиняемыхъ на судѣ, при немъ уже сопровождались пытками. Чужеземцы всегда подвергались опасности тюремнаго заключенія и смертной казни, на равнѣ съ московскими подданными.

74) Картина: Врачъ Антонъ Гриштейнъ у ложа больного татарскаго царевича: Каракача.

Въ годъ свадьбы Іоанна Молодого царскому врачу: нѣмцу Антону, случилось лечить татарскаго князька Каракуча, служившаго московскому государю. Когда вылѣчить больного не удалось, Іоаннъ Васильевичъ предоставилъ татарамъ зарѣзать его какъ барана. Испуганный такимъ дикимъ явленіемъ: печальнымъ и неизбѣжнымъ наслѣдствомъ трехсотлѣтняго господства татаръ въ русской землѣ, Аристотель хотѣлъ сейчасъ же уѣхать обратно въ Италію, однако, Іоаннъ и тутъ показалъ себя властелиномъ, уже не признававшемъ иной воли, кромѣ своей и правъ иныхъ, кромѣ его царственныхъ повелѣній. Подъ страхомъ тюрьмы и лишенія всего имущества Аристотель вынужденъ былъ продолжать службу свою въ Москвѣ.

Послѣ того, мы видимъ случай такого же грубаго произвола, еще необузданнаго высшимъ разумомъ строгой, безстрастной справедливости и духовнаго возрожденія, въ гнѣвѣ Іоанна противъ молодого князя верейскаго и его жены: какъ мы знаемъ, племянницы Софіи Палеологъ,—за то, что Софья отдала этой гречанкѣ жемчужное ожерелье умершей Маріи тверской, тогда какъ Іоаннъ хотѣлъ подарить его

матери новорожденнаго своего внука: Еленѣ. Іоаннъ приказалъ отнять все приданое жены Василія и онъ самъ былъ бы взятъ подъ стражу, если бы не бѣжалъ въ Литву. Чтобы получить пощаду себѣ, старый князь: Михаилъ Андреевичъ вынужденъ былъ отречься отъ сына и написать завѣщаніе, предоставлявшее московскому государю въ наслѣдство всѣ его владѣнія: Бѣлоозеро, Верей и Ярославецъ. Скоро послѣ того, въ 1485 г. старикъ скончался.

Въ томъ же году умерла мать Іоанна: инокиня Марѳа. Похоронивъ ее, великій князь обратилъ грозное свое вниманіе на тверское княжество, гдѣ князь Михаилъ Борисовичъ, долго державшійся ненарушимаго мира съ Іоанномъ, соблюдая по отношенію къ нему, всѣ свои обязательства, началъ искать покровительства Казиміра, надѣясь при его помощи отстоять свою независимость, такъ какъ онъ давно видѣлъ себя не союзникомъ, а слугою самодержавныхъ цѣлей Іоанна; особенно послѣ паденія новгородской свободы, когда тверская земля оказалась охваченной московскими волостями со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, гдѣ ея предѣлы соприкосались съ литовско-русскими землями. Сношенія Москвы съ Новгородомъ производились черезъ тверскую область, что уже подрывало ея самостоятельное существованіе какъ нельзя болѣе и удѣльные тверскіе князья, какъ Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій, заблаговременнымъ переходомъ на службу къ московскому государю, искали у него милостей и пріюта. За князьями послѣдовали тверскіе бояре. Тогда вел. князь Михаилъ Борисовичъ, сознавая свое безнадежное положеніе, рѣшилъ послѣдовать примѣру предковъ своихъ и попытаться противопоставить московской силѣ, силу Литвы. Лишившись первой жены:

дочери кіевскаго князя Михаила Олельковича, онъ задумалъ жениться на внучкѣ Казиміра IV. Іоаннъ III, провѣдавъ о томъ, былъ радъ благопріятному случаю объявить войну тверскому князю, оставляемому имъ до сихъ поръ въ покоѣ, ради тверскихъ полковъ, находившихся постоянно въ его распоряженіи. Михаилъ испугался и просилъ мира. Но этотъ миръ, дарованный ему Іоанномъ только для виду, конечно, не могъ быть проченъ. Вскорѣ московскому вел. князю было доставлено письмо Михаила Борисовича къ польско-литовскому королю, имъ возбуждаемому противъ Москвы. Извиненія его не были приняты и Іоаннъ съ большимъ войскомъ осадилъ Тверь, имѣя съ собой огнестрѣльный снарядъ, ввѣренный Аристотелю. Михаилъ ночью бѣжалъ въ Литву, тогда какъ епископъ тверской области отворилъ Іоанну городскія ворота. Такъ свершилось присоединеніе тверского княжества къ московскому государству, безъ напряженныхъ усилій со стороны Іоанна и безъ кровопролитія. Что касается послѣдняго княжескаго удѣла, еще сохранявшаго тѣнь самобытности: земли рязянской, то мы уже знаемъ, что Іоаннъ самъ отдалъ ее въ наслѣдственное владѣніе, какъ своему подручнику, воспитанному при московскомъ дворѣ—Василію Іоанновичу, женатому на его сестрѣ Аннѣ.

По смерти Василія, его сыновья, каждый въ своемъ участкѣ, княжили подъ опекой матери, неуклонно поддерживавшей въ нихъ покорность брату. Когда же впослѣдствіи, въ 1500 г., уже въ концѣ царствованія Іоанна, младшій изъ ея сыновей: Ѳедоръ, умеръ бездѣтнымъ, то свою земельную долю онъ завѣщалъ не племяннику, а московскому государю: своему дядѣ. Такъ же поступилъ братъ Іоанна—Андрей Меньшой, умершій, не имѣя семьи въ 1481 г., въ одинъ годъ со старцемъ Вассіаномъ.

Зато Андрей Старшій своимъ нравомъ и притязаніями болѣе всѣхъ внушалъ опасеніе Іоанну за ненарушимость спокойствія, отъ междоусобныхъ внутреннихъ смутъ, московскаго государства. Великій князь кончилъ тѣмъ, что за какое-то ослушаніе во время похода велѣлъ вѣроломно взять Андрея подъ стражу и болѣе не выпускалъ его на свободу. Борисъ же Волоколамскій безусловной покорностью удержался въ своемъ удѣлѣ, гдѣ мирно княжилъ до самой смерти.

75) Картина: Бояре объявляютъ гнѣвъ вел. кн. брату его Андрею старшему.

Въ Казани, тѣмъ временемъ, спорили за престолъ два сына Ибрагима отъ разныхъ матерей: Алегамъ и Магметъ-Аминь, мать котораго—Нурсалтанъ, вторымъ бракомъ вышла замужъ за крымскаго хана—Менгли-Гирея. Ногайскіе татары возвели на престолъ старшаго изъ двухъ полубратьевъ: Алегама, къ большой досадѣ Іоанна, знавшаго его непріязнь къ Россіи и державшаго сторону пасынка Менгли-Гирея. Онъ пріютилъ Магмета-Аминя въ Москвѣ и далъ ему во владѣніе городъ Каширу, зорко слѣдя за дѣйствіями Алегама. Подданные не взлюбили этого хана, а русскихъ онъ обманывалъ и злодѣйствовалъ въ московскихъ предѣлахъ. Тогда Іоаннъ, пользуясь этимъ, послалъ къ Казани сильную рать, поручивъ начальство надъ нею князю Даніилу Холмскому и Магметъ-Аминю. Князь Холмскій въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ 1487 г. овладѣлъ этой татарской столицей и взялъ въ плѣнъ ея царя. Іоаннъ былъ радъ отомстить такимъ образомъ за отца казанскимъ татарамъ. Однако, онъ понималъ, что не настало еще время Москвѣ овладѣть совершенно древнимъ булгарскимъ царствомъ; что онъ пока не въ силахъ еще удержать его за собою; и потому, лишь назвавшись государемъ Камской Булгаріи, далъ ей собственнаго царя въ лицѣ Магметъ-Аминя, между тѣмъ, какъ Алегамъ съ двумя женами былъ сосланъ

въ Вологду. Менгли-Гирея немедленно извѣстили объ этой радостной для него побѣдѣ. Іоаннъ надѣялся, что царица Нурсалтанъ: честолюбивая и очень умная женщина, изъ признательности за сына имъ возвеличеннаго, будетъ поддерживать дружбу къ нему Менгли-Гирея.

Вслѣдствіе затруднительнаго изъ-за разбоевъ въ степи, сношенія Россіи съ Тавридою, Іоаннъ предложилъ крымскому хану установить новый путь на югъ: черезъ Азовъ, существовавшій и прежде въ древнія времена, подъ условіемъ, чтобы турки освободили русскихъ отъ всякой пошлины. Эта безопасность пути была особенно дорога Іоанну, ради вызываемыхъ имъ изъ Италіи иноземныхъ художниковъ, проѣзжавшихъ въ Москву черезъ Кафу.

Ногайскіе и шибанскіе татары, съ княземъ своимъ Ивакомъ, убившимъ Ахмата, были оскорблены плѣномъ родственнаго имъ Алегама и просили Іоанна освободить его. Но Іоаннъ отказалъ, лишь успокоивъ ихъ тѣмъ, что изъ уваженія къ нимъ Алегамъ содержится въ плѣну хорошо, имѣя все въ изобиліи, что ему только нужно. Братья Менгли-Гирея—его соперники: Нордулатъ и Айдаръ жили въ Москвѣ, тоже плѣнниками Іоанна.

Въ то время, когда Даніилъ Холмскій дѣйствовалъ подъ Казанью противъ Алегама, жители города Вятки, иначе Хлынова, основаннаго, какъ мы знаемъ въ концѣ XII столѣтія, новгородскими выходцами, среди пустынь и лѣсовъ дикаго сѣвера,—оказали Іоанну непослушаніе и выгнали отъ себя его намѣстника. Тогда воеводы московскіе: Даніилъ Щеня и Григорій Морозовъ приступили къ Хлынову съ 60.000-мъ войскомъ; окружили городъ плетнями, а плетни покрыли берестою и соломою. Подъ угро-

зой сожженія своей столицы, вятчане въ 1489 г. покорились московскому государю и присягнули ему въ вѣрности. Вятчане, какъ мы знаемъ, еще при Василіи Темномъ были приведены въ зависимость отъ Москвы, но ушкуйники вятскіе, не уступавшіе новгородскимъ въ буйныхъ набѣгахъ на смежныя съ ихъ землей владѣнія, продолжали свои грабежи, особенно въ окрестностяхъ Устюга. Іоаннъ подвергъ жестокому наказанію главныхъ зачинщиковъ мятежа, имѣвшихъ вліяніе на народъ и утвердилъ окончательно свою власть надъ Вяткой, переселивъ оттуда большую часть ея коренныхъ обитателей въ московскія области, а на ихъ мѣстоославъ землевладѣльцевъ московскихъ. Вслѣдъ за Хлыновымъ присягнули на вѣрность Іоанну также и другіе города вятской земли, гдѣ сначала малочисленные поселенцы, строили себѣ жилища и крѣпости; пахали землю, ловили звѣрей и отражали нападеніе на нихъ дикихъ вотяковъ; послѣ же сами, все размножаясь, вытѣснили туземцевъ изъ лучшихъ мѣстъ въ глубину болотъ и овладѣли всей областью между Камой, Югомъ, Сысолою и устьемъ Вятки. Они начали торговать съ пермяками и камскими булгарами; съ восточными новгородскими и великокняжескими областями, по теченію большихъ судоходныхъ рѣкъ. Но, не довольствуясь выгодами торговли, разбойничали въ Двинской землѣ, Устюгѣ и Вологдѣ. Ихъ легкія, вооруженныя суда носились, ища добычи, по Волгѣ и Камѣ.

Воеводы Іоанна, вмѣстѣ съ Вяткою покорили и Арскую землю древней Булгаріи, имѣвшую своихъ особыхъ князьковъ, союзныхъ съ вятчанами. Іоаннъ Васильевичъ ихъ отпустилъ изъ московскаго плѣна подъ клятвою подданства.

Въ 1490 г. внезапно скончался достойный на-

слѣдникъ Іоанна III: любимый народомъ; благородный и мужественный на войнѣ: Іоаннъ Молодой. Онъ заболѣлъ ломотой въ ногахъ. Его взялся вылечить венеціанскій врачъ: нѣкій Леонъ—родомъ еврей, поручившійся за выздоровленіе больного своей головою. Однако, ни его зелья, ни горячія припарки не помогли и Іоаннъ Іоанновичъ умеръ всего 32-хъ лѣтъ послѣ долгихъ страданій. Леонъ, заключенный въ темницу, черезъ шесть недѣль былъ казненъ всенародно за Москвою рѣкой, что тогда всѣмъ казалось очень естественнымъ, потому что еврей этотъ обманулъ государя и самъ себя обрекъ на казнь въ случаѣ неудачи своего врачеванія.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глава XIII.

Ложное представленіе о русской землѣ въ Западной Европѣ, послѣ полнаго прекращенія всякихъ сношеній съ нею со времени нашествія Батыя. Любопытство, возбужденное въ Германіи появленіемъ русскаго посольства въ Римѣ, при сватовствѣ вел. князя Іоанна III съ Софьей Палеологъ и попытки императорскаго дома Габсбурговъ узнать поближе сильное русское государство, незамѣтно окрѣпшее вокругъ Москвы, въ новыхъ условіяхъ внѣшняго строя и народнаго быта. Рыцарь Николай Поппель и гордое отношеніе къ нему Іоанна III, несмотря на его значеніе, какъ посла германскаго императора Фридриха. Желаніе московскаго вел. князя выдать свою старшую дочь Елену за австрійскаго короля Максимиліана. Русскій посолъ въ Германіи Юрій Траханіотъ и высокій почетъ, оказанный ему императоромъ Фридрихомъ. Стремленіе Максимиліана наслѣдовать послѣ смерти Матвѣя Корвина венгерскій престолъ, соединяющее его съ Іоанномъ III въ ихъ общей враждѣ къ польскому королю Казиміру IV изъ за избранія венгерскими панами себѣ въ короли, сына его—Владислава, тогда какъ Іоаннъ добивался возвращенія подъ свою власть древне-русскихъ городовъ южной Руси. Посолъ отъ короля Максимиліана къ Іоанну III — Делаторъ и первый союзный договоръ русскаго государства съ Австріей. Дары Делатора

московскому вел. князю и вел. княгинѣ Софьѣ. Прекращеніе сватовства Максимиліана съ Еленой и женитьба его на принцессѣ британской въ 1493 г., послѣ примиренія съ Владиславомъ цѣною, уплаченныхъ ему ста тысячъ червонцевъ и обѣщанія со стороны Владислава назначить его своимъ наслѣдникомъ. Война Максимиліана съ Франціей и разрывъ тѣсныхъ сношеній съ Москвою. Забота Іоанна о привлеченіи изъ Германіи въ Россію горныхъ мастеровъ, чеканщиковъ, каменьщиковъ и пушкарей. Находка серебряной и мѣдныхъ рудъ въ трехъ верстахъ отъ Печоры. Появленіе русской монеты съ изображеніемъ на ней всадника, державшаго въ рукѣ мечъ. Недопущеніе Іоанномъ на дальній сѣверъ и востокъ Руси, посланнаго отъ короля Максимиліана, Михаила Снупса. Постройка въ Москвѣ Грановитой палаты на Княжьемъ Дворѣ для пріема чужеземныхъ пословъ. Замѣна дубовыхъ стѣнъ Кремля каменными, итальянцемъ Соляри. Перестройка Кремля и Архангельскаго собора итальянскимъ художникомъ Алевизомъ и архитектурный стиль Возрожденія на Руси, въ смѣшеніи съ византійско-русскимъ. Русскіе иконописцы. Развитіе на Руси искусства чеканки металловъ. Царь-Пушка,—произведеніе Дебосиса. Султанъ Абуссидъ,—правнукъ завоевателя Тамерлана и персидскій царь Гассанъ. Гусеинъ мирза и его сыновья. Послѣдній султанъ Тамерланова рода. Упадокъ Золотой орды. Иверія или Грузія. Тѣсный союзъ Іоанна III съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ противъ Литвы и Польши. Склонность его къ дружбѣ съ Турціей, ради торговыхъ выгодъ и государственныхъ соображеній, соединенная съ расположеніемъ къ нему султана Баязета. Датскій король ищетъ союза съ Россіей. Страхъ передъ могуществомъ и умомъ московскаго государя, короля польскаго. Переходъ въ московское подданство русско-литовскихъ князей. Воздержаніе Іоанна III отъ явно-враждебныхъ дѣйствій противъ Литвы и Польши, до смерти Казиміра IV. Сватовство наслѣдника великокняжескаго стола въ Литвѣ—Александра, за старшую дочь Іоанна Елену, ради сохраненія мира съ нимъ. Покушеніе на жизнь московскаго вел. князя, подготовленное Казиміромъ и наказаніе за то Литвы на ея рубежѣ съ русскими землями. Осторожное прекращеніе Іоанномъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій въ Литвѣ и благоразумное принятіе имъ, предлагаемыхъ Александромъ условій мира. Обрученіе Елены Іоанновны съ королемъ литовскимъ и отъѣздъ ея къ жениху въ Вильно. Ихъ свадьба тамъ съ двумя обрядами богослуженія—католическимъ и православнымъ. Неудовольствіе католическаго духовенства на вѣрность православію вел. княгини литовской. Упреки хана Менгли-Гирея Іоанну за его миръ съ Литвой. Настоятельное требованіе и споръ Іоанна Васильевича съ зятемъ, относящіеся къ обѣщанной Александромъ

постройкѣ для жены въ Вильно, православнаго храма, чего онъ не могъ исполнить противъ желанія литовскихъ вельможъ и священниковъ. Преданность Елены Іоанновны мужу и новому своему отечеству. Постройка Іоанномъ III крѣпости Ивангорода. Гнѣвъ московскаго государя противъ гражданъ города Ревеля за ихъ обиды русскимъ купцамъ и полное уничтоженіе имъ Ганзейской торговли въ Новгородѣ. Безуспѣшная осада русскими Выборга. Кнутъ Поссе и «Выборгскій трескъ». Война со шведами. Взятіе и разрушеніе части Ивангорода шведскимъ военноначальникомъ Стуромъ. Прекращеніе этой войны со вступленіемъ датскаго короля на шведскій престолъ. Сверженіе казанцами своего хана Магметъ-Аминя и ходатайство ихъ передъ Іоанномъ объ утвержденіи царемъ ихъ, брата его Абдулъ-Летифа. Бояринъ Плещеевъ при дворѣ султана Баязета II. Преувеличенная его заносчивость и невѣжество съ цѣлью поддержать царское достоинство Іоанна III. Доброе расположеніе Баязета къ Іоанну, несмотря на грубость его посла. Сыновья Іоанна III отъ Софьи Палеологъ и внукъ его—Дмитрій. Вопросъ о престолонаслѣдіи. Разоблаченные происки вел. княгини Софьи и ея приверженцевъ. Гнѣвъ Іоанна противъ жены и старшаго сына. Торжественное вѣнчаніе на царство Дмитрія какъ наслѣдника великокняженія московскаго. Непрочность его возвышенія и возвратъ милостей хитрой Софьѣ съ желаннымъ первенцомъ сыномъ отъ нея—Василіемъ. Казнь боярина Ряполовскаго и принудительное постриженіе въ монашество князей Патрикѣевыхъ. Измѣненіе отношеній великаго князя къ своимъ приближеннымъ. Грозная внѣшность Іоанна III. Превозглашеніе Василія, сначала княземъ псковскимъ и новгородскимъ, къ большому недоумѣнію Новгорода и Пскова; а вскорѣ послѣ вел. княземъ всея Руси. Смерть Елены Молдавской, вдовы Іоанна Молодаго, въ темницѣ, по обвиненію ея въ сочуствіи «Жидовской ереси».

Обмѣнъ посольствами между Италіей и Москвой во время сватовства вел. князя Іоанна Васильевича, возобновилъ порванную татарскимъ игомъ, когда-то тѣсную и дружелюбную связь русской земли съ западною Европою. Мы въ своемъ мѣстѣ упоминали о присылкѣ мастеровъ и художниковъ во Владиміръ на Клязьмѣ Всеволоду III германскимъ императоромъ Фридрихомъ Барбарусой, но за два столѣтія раболѣпной тяжелой зависимости всѣхъ русскихъ

князей отъ Золотой орды, когда главная ихъ забота была направлена на угожденіе своему владыкѣ и на снисканіе его милостей въ борьбѣ другъ съ другомъ за его предпочтеніе, — европейскія государства совершенно утратили былое свое знакомство съ Русью, какъ съ могущественной, богатой страной на востокѣ и воображали, что польскій король вмѣстѣ съ Литвой подчинилъ ее своей власти. Замужество Софьи Палеологъ, и вызванныя имъ сношенія Іоанна III съ Римомъ, обратили опять вниманіе императорскаго дома Габсбурговъ на русскій народъ, избравшій новое сосредоточіе своимъ могучимъ силамъ въ Москвѣ; и любопытство нѣмцевъ оказалось настолько сильно, что изъ Германіи посланъ былъ въ 1486 г. въ предѣлы Россіи, безъ всякаго особаго назначенія, но съ грамотой отъ императора Фридриха III, рыцарь Николай Поппель, только для изученія русскихъ нравовъ и настоящихъ условій ихъ государственной жизни. Въ Москвѣ однако не жаловали такихъ гостей-иноземцевъ, какъ соглядатаевъ и Поппель былъ принятъ холодно. Тѣмъ не менѣе, возвратившись на родину, онъ далъ крайне лестный отзывъ о Россіи и о самомъ Іоаннѣ III германскому императору, встрѣченному имъ съ князьями германскими въ Нюренбергѣ; причемъ сообщилъ Фридриху III истинный взглядъ на сосѣднюю съ Польшею, обширную, малоизвѣстную еще страну, гораздо болѣе сильную и богатую нежели Польша. Фридрихъ слушалъ его съ удивленіемъ и пожелавъ, подъ впечатлѣніемъ его разсказовъ, находиться въ союзѣ съ Россіей, отправилъ Поппеля черезъ три года туда вторично; но уже какъ своего посла, съ предложеніемъ Іоанну выдать одну изъ дочерей своихъ замужъ за его племянника маркграфа Баденскаго. А кромѣ того,

Фридрихъ, какъ прежде бывало папа, думалъ прельстить русскаго вел. князя королевскимъ достоинствомъ, которое будто бы находилось въ рукахъ его, а не римской церкви, такъ же какъ званіе рыцаря, или принца. Но на готовность Поппеля услужить въ этомъ дѣлѣ московскому государю, Іоаннъ отвѣчалъ въ томъ же духѣ какъ нѣкогда Романъ Галицкій и Александръ Невскій отвѣтили посламъ папы, желавшаго захватить въ свои руки, въ обмѣнъ на королевскій вѣнецъ, православную вѣру, а именно, что «онъ, Божьей милостью, получилъ русское царство, поставленъ Богомъ на московскій престолъ; а отъ иной власти его получить никогда не хотѣлъ и не хочетъ. Просьбу Поппеля показать ему старшую изъ великихъ княженъ—Елену, онъ тоже рѣшительно отклонилъ, сказавъ, что въ Россіи нѣтъ такого обычая, чтобы «показывать дочерей ранѣе дѣла».

Съ своей стороны онъ отправилъ въ Германію посломъ Юрія Траханіота, пріѣхавшаго въ Москву съ Софьей и поручилъ ему устроить бракъ его старшей дочери — не съ маркграфомъ Альбрехтомъ Баденскимъ, что было слишкомъ низко, по его мнѣнію для русскаго государя, находящагося въ родствѣ съ византійскимъ императорскимъ домомъ,—а намекнуть, какъ о подходящемъ ей женихѣ въ лицѣ сына Фридриха короля римскаго, иначе австрійскаго—Максимиліана. Траханіотъ былъ представленъ Максимиліану во Франкфуртѣ, гдѣ поднесъ ему великокняжескіе дары: шубу бѣличью, горностаевую и «сорокъ соболей». Замѣтимъ, что это именно число: сорокъ — являлось въ древней Руси единицей мѣры самой распространенной. Въ Германіи осыпали русскаго посла ласками и привѣтствіями. Не только Максимиліанъ, но самъ императоръ Фридрихъ, встрѣ-

чая его, сходили съ трона и подавали ему руку стоя, въ знакъ уваженія своего къ московскому великому князю; а потомъ сажали подлѣ себя. Скоро послѣ того, со смертью стараго венгерскаго короля Матвѣя Корвина, выяснилось, что Максиміліанъ стремится получить отъ Іоанна помощь противъ общаго ихъ врага: польскаго короля, потому, что венгерскіе паны согласились избрать на мѣсто Матвѣя Корвина одного изъ сыновей Казиміра IV—Владислава, между тѣмъ, какъ Максиміліанъ считалъ себя его законнымъ наслѣдникомъ и хотѣлъ силою оружія захватить Венгрію въ свои руки. Желаніе Іоанна вернуть подъ свою власть древнія русскія земли южной Литвы, соединяло его оружіе съ враждою Максиміліана противъ Казиміра IV. Траханіотъ вернулся въ Москву, въ 1490 г. съ посломъ австрійскаго короля къ Іоанну, Делаторомъ и между ними былъ заключенъ договоръ: что «если польскій король или его сыновья будутъ воевать съ Максиміліаномъ за Венгрію; съ другой же стороны если, Іоаннъ начнетъ добывать себѣ Кіевъ или другія русскія земли, отнятыя Литвой,—то помогать другъ другу усердно, безъ обмана». Кромѣ того, послы и купцы обѣихъ странъ могли свободно переѣзжать изъ австрійскихъ владѣній въ московскія и обратно. Это былъ первый договоръ русскаго государства съ Австріей, написанный на Хартіи и закрѣпленный золотою великокняжескою печатью.

Относительно брачнаго союза съ Максиміліаномъ, Іоаннъ ставилъ первымъ условіемъ: чтобы княжна россійская, если будетъ супругой Максиміліана, отнюдь не перемѣняла бы вѣры и у себя имѣла греческій храмъ съ греческими священниками. Делаторъ поднесъ вел. княгинѣ Софьѣ въ даръ отъ Максиміліана сѣраго сукна и попугая; Іоанну же передалъ золотую

цѣпь съ крестомъ и серебряные остроги (шпоры)— какъ бы въ знакъ рыцарскаго званія. Ревниво оберегая достоинство русскаго государя, Іоаннъ послалъ своимъ, отправленнымъ обратно въ Германію съ Делаторомъ, велѣлъ привѣтствовать отъ него исключительно короля римскаго, а не императора Фридриха, потому что Делаторъ, будучи въ Москвѣ ни слова отъ него не сказалъ Іоанну. Такой обмѣнъ посольствами съ Австріей происходилъ нѣсколько разъ. Однако, въ 1491 г. Максиміліанъ подъ предлогомъ, долго не выяснявшагося отношенія московскаго государя къ его сватовству и вслѣдствіе мнимой гибели на судахъ въ морѣ посольства, ѣхавшаго къ Іоанну,—обручился, по настоянію своихъ подданныхъ съ британской принцессой Анной, а въ 1493 г. женился на ней, несмотря на то, что послы московскіе осторожно старались дать ему понять о желательности въ Москвѣ возобновленія съ нимъ свадебныхъ переговоровъ. Онъ примирился къ тому времени съ Владиславомъ, потерпѣвъ неудачу въ своихъ тайныхъ попыткахъ поднять противъ Казиміра Ливонскій Орденъ, теперь находившійся въ полной ленной зависимости отъ Польши. Магистръ Людовикъ, не полагаясь на свои силы, желалъ ранѣе обезпечить за собой помощь сильнаго московскаго государя. Отвлекшись отъ дѣлъ венгерскихъ, войною съ Франціей, Максиміліанъ удовольствовался уплатою ему Владиславомъ за спокойное обладаніе Венгріей: 1.000.000 червонцевъ, при условіи, что Владиславъ, сверхъ того назначитъ его своимъ наслѣдникомъ. Такой оборотъ спора за Венгрію окончательно прекратилъ заботы Максиміліана о дружескомъ союзѣ съ Москвою, подъ собой потерявшемъ теперь всякую почву. Тогда сношенія между русской землей и Австріей снова были надолго прерваны.

Но, посольство туда Іоанна III, помимо неудавшейся помолвки дочери его Елены и опоры въ Австріи для борьбы съ польскимъ королемъ, имѣли еще особую цѣль: все то же пріисканіе въ чужой землѣ горныхъ мастеровъ — такихъ, чтобы умѣли руду находить серебряную и золотую; а также отдѣлять ее отъ другихъ породъ. Іоаннъ искалъ хитреца, умѣющаго отливать серебряную посуду; дѣлать надписи на ней и чеканить; не говоря уже о каменщикахъ и пушкаряхъ. Великій князь поручилъ Траханіоту подрядить опытныхъ мастеровъ по этимъ дѣламъ и дать имъ задатокъ мѣхами. Надо думать, что къ тому времени оскудѣли должно быть пріиски закамскаго серебра и торговый обмѣнъ на него съ народцами Югры прекратился. Во всякомъ случаѣ Іоаннъ, присоединивъ къ Московскому государству Пермь, Вятку и Двинскую землю, желалъ получить изъ Германіи людей свѣдующихъ въ горномъ искусствѣ. Юрій Траханіотъ первый привезъ ихъ оттуда въ 1491 г. Послѣ того, два нѣмца: Ибанъ и Викторъ съ русскими-братьями Болотинами: Андреемъ и Василіемъ, нашли серебряную руду рядомъ съ мѣдною на рѣкѣ Цыльмѣ, въ трехстахъ верстахъ отъ Печоры. Съ тѣхъ поръ москвичи стали добывать сами и плавить металлы; занялись чеканкой монеты изъ своего серебра. Во время княженія Іоанна III на ней представлялся всадникъ съ мечомъ. Всѣ государства Европы, до открытія Америки, сами крайне нуждавшіяся въ драгоцѣнныхъ металлахъ, приняли теперь живое участіе въ новомъ обогащеніи сосѣдней русской земли; однако, Іоаннъ III по прежнему не допустилъ въ глубь Россіи любознательнаго нѣмца — Михаила Снупса, пріѣхавшаго отъ лица дяди Максимиліана, австрійскаго эрцгерцога-князя Инспрука, посѣтить

*

дальній сѣверъ ея и востокъ до рѣки Оби. Обласкавъ Снупса въ Москвѣ, какъ посланнаго короля Максимиліана, Іоаннъ отправилъ его обратно тѣмъ же путемъ черезъ Ливонію, опасаясь въ немъ лазутчика изъ чужеземнаго государства, коему незачѣмъ распознавать источники и мѣста русскихъ сокровищъ. На своемъ княжьемъ Дворѣ Іоаннъ III построилъ обширную каменную палату, получившую вслѣдствіе своихъ граненыхъ снаружи стѣнъ, названіе—Грановитой. Она предназначалась, главнымъ образомъ, для пріемовъ иностранныхъ пословъ и сохранилась понынѣ. Послѣ большаго пожара въ Москвѣ былъ заложенъ Іоанномъ для своего личнаго пребыванія, красивый дворецъ, тоже уже изъ камня и старыя дубовыя стѣны Кремля замѣнены были каменными съ зубчатыми башнями-стрѣльницами. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ были устроены тайники, т. е. подземные ходы къ Москвѣ-рѣкѣ на случай осады города. Эти стѣны воздвигъ итальянецъ Соляри; а Кремлевскій дворецъ и Архангельскій соборъ, служившій усыпальницею московскимъ князьямъ, перестраивалъ итальянскій же художникъ — Алевизъ. Съ ними проникла въ Россію архитектура храмовъ, такъ называемой «эпохи возрожденія», соединившаяся съ древней, византійско-русской, тогда какъ церковная живопись оставалась всецѣло въ рукахъ русскихъ иконныхъ мастеровъ, между коими тогда прославился нѣкій Діонисій съ товарищами. Итальянскихъ художниковъ, выписанныхъ Іоанномъ III, превышали числомъ, жившіе въ Москвѣ нѣмецкіе мастера, которые туда пріѣхали съ запада по собственной охотѣ. При Іоаннѣ III, благодаря призваннымъ имъ иноземнымъ художникамъ, развилось искусство выдѣлывать вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ; особенно изъ серебра подъ чернію. Чары и сосуды

московскаго чекана прославились среди сосѣднихъ татарскихъ властителей, почему Менгли-Гирей просилъ московскаго государя, въ знакъ дружбы, прислать ему двѣ серебряныхъ чары на два ведра,—доброй работы.

Мы знаемъ, что Аристотель, кромѣ искусства строить дворцы и храмы, умѣлъ лить пушки. Тѣмъ же мастерствомъ занимались и другіе иноземные мастера. Такъ итальянецъ Дебосисъ слилъ Царь-Пушку въ 1482 г. необыкновенно большого размѣра.

Необъятное царство счастливаго завоевателя Тамерлана, конечно, распалось сейчасъ послѣ его смерти; но еще султанъ Абусидъ: его правнукъ грозно господствовалъ отъ береговъ Каспійскаго моря до самой Индіи, пока не былъ убитъ персидскимъ царемъ Гассаномъ. Послѣ него, потомокъ второго Тамерланова сына—Омара: Гуссейнъ-Мирза, прославился своими побѣдами и владѣлъ Харасаномъ. Въ 1489 г. онъ прислалъ въ Москву своего богатыря Уруса, желая вступить въ дружбу съ Іоанномъ. Но Джаготайское Тамерлановo царство уже отжило вѣкъ свой. Сыновья Гуссейна были изгнаны изъ Харасана ханомъ Шай-Бегомъ, овладѣвшимъ тоже Бухаріей и послѣдній султанъ Тамерланова рода—Баборъ, былъ вынужденъ удалиться оттуда въ Индію. Золотая орда, только какъ тѣнь могущества Батыя и Узбека, скиталась съ мѣста на мѣсто:—то переходя за Днѣпръ, то удаляясь на берегъ рѣки Кумы, къ предѣламъ страны Черкасской. Тамъ была прежде покорена монголами, впрочемъ всегда продолжавшая имѣть своихъ царей, Кавказская страна Иверія, иначе Грузія, славная воинской доблестью своего народа. Но въ 1476 г. она была подвластна могучему персидскому царю: Узунъ-Гассану. Еще съ Константина Великаго тамъ утвердилась

христіанская вѣра, поддержанная примѣромъ св. Симеона Столпника. Мы знаемъ, что Россія издревле находилась въ дружественныхъ сношеніяхъ съ единовѣрной Грузіей, пока эта связь не была силою обстоятельствъ прервана суровымъ игомъ Батыя. Но въ 1492 г. послы князя грузинскаго Александра явились въ Москву просить для себя покровительства ея сильнаго государя.

Тѣсный союзъ Іоанна съ Менгли-Гиреемъ все утверждался посольствами и дарами. Сыновья хана Ахмета, вмѣстѣ съ царемъ астраханскимъ, тщетно старались вторгнуться въ его земли, оберегаемыя: съ одной стороны Магметъ-Аминемъ казанскимъ; съ другой турецкимъ султаномъ, давшимъ Менгли-Гирею 2000 воиновъ для его защиты. Посолъ московскаго государя убѣждалъ крымскаго хана начать враждебныя дѣйствія противъ Литвы, говоря, что внушенія Казиміра побуждаютъ волжскихъ татаръ нападать на его владѣнія. Менгли-Гирей отвѣчалъ, что строитъ новую крѣпость при устьѣ Днѣпра ради угрозы Польшѣ. Однако, Іоаннъ хотѣлъ, чтобы онъ болѣе чувствительными для его опасныхъ сосѣдей набѣгами безпокоилъ владѣнія Казиміра.

Зависимость Менгли-Гирея отъ турецкихъ султановъ и надежда вредить Казиміру черезъ османскихъ турокъ, а также выгодная торговля московскихъ купцовъ въ Азовѣ и Кафѣ, склоняли Іоанна благоразумно искать дружбы Турціи, несмотря на то, что онъ естественно являлся ея, врагомъ какъ сынъ греческой церкви, утѣсняемой магометанами и зять Палеологовъ. Съ своей стороны турецкій султанъ Баязетъ II сказалъ Менгли-Гирею:—«если московскій государь братъ тебѣ, то онъ будетъ и мнѣ братъ». Датскій король Іоаннъ, какъ другъ Казиміра, при-

чинялъ всякія затрудненія и обиды московскимъ посламъ при ихъ проѣздѣ черезъ его страну къ королю Максимиліану. Но послѣ, враждуя со шведами, онъ понялъ выгоды союза съ московскимъ вел. княземъ, чтобы пугать шведовъ русскимъ оружіемъ и въ 1493 г. тоже прислалъ въ Москву посольства для заключенія между собою и Іоанномъ III союзнаго договора.

Съ своей стороны польскій король Казиміръ, относясь враждебно къ Россіи, боялся, прославившаго себя побѣдами, хитраго и дѣятельнаго Іоанна; а удѣльные князья, присоединенныхъ Литвою, древнихъ областей нашихъ, въ предѣлахъ намъ современныхъ губерній—Тульской, Калужской и Орловской, видя все возрастающую силу московскаго государя, начали переходить къ нему въ подданство со своими отчинами. Такъ князь Воротынскій: Василій Кривой, опустошилъ нѣсколько мѣстъ во владѣніяхъ королевскихъ; сыновья князя Симеона Одоевскаго взяли Одоевъ: городъ ихъ дяди — Ѳеодора. Князь Иванъ Бѣлевскій принудилъ брата Андрея отложиться отъ польско-литовскаго королевства. На жалобы Казиміра Іоаннъ отвѣчалъ, что «князья племени Владиміра Святого, добровольно служивъ Литвѣ, вправѣ теперь съ наслѣдственнымъ достояніемъ предковъ вернуться подъ кровъ настоящаго своего отечества; что же касается городовъ: Великіе Луки и Ржева, отказавшихся платить дань Казиміру,—то они тоже принадлежали всегда новгородской области». Тѣмъ не менѣе, Іоаннъ избѣгалъ пока открытой войны съ Казиміромъ и, постоянно стараясь вредить Литвѣ, сохранялъ внѣшнимъ образомъ полную готовность къ миру. Но въ 1492 г., когда умеръ король—Казиміръ, Іоаннъ нашелъ своевременнымъ сбросить съ себя личину дружелюбнаго отношенія къ Литвѣ,

такъ какъ она отдѣлилась тогда отъ Польши, избравъ себѣ особаго вел. кн. въ лицѣ младшаго изъ сыновей Казиміра: Александра; между тѣмъ, какъ самый старшій—Альбертъ, наслѣдовалъ отъ отца Польшу, въ то время не имѣвшую никакихъ споровъ съ русской землею и никакихъ причинъ послать войска свои воевать съ нею. Іоаннъ счелъ данныя обстоятельства крайне благопріятными для начала войны съ Литвою и послалъ просить помощи у Менгли-Гирея, а также у господаря молдавскаго. Юный же Александръ больше всего желалъ сохраненія мира съ могущественнымъ сосѣдомъ и чтобы предотвратить подготовлявшееся вооруженное столкновеніе задумалъ жениться на дочери Іоанна—Еленѣ. Для этой цѣли онъ отправилъ въ Москву торжественное посольство, оповѣщавшее о его вошествіи на литовскій престолъ, пользуясь случаемъ завести, между прочимъ, переговоры объ этомъ бракѣ. Но тутъ какъ-разъ произошло тайное покушеніе на жизнь московскаго государя, устроенное еще Казиміромъ, черезъ предательство одного изъ русско-литовскихъ князей: Ивана Лукомскаго. Когда злой умыслъ обнаружился, всѣ причастныя къ нему лица были подвергнуты примѣрному наказанію. Московскія войска взяли у Литвы нѣсколько пограничныхъ городковъ и покорили Вязьму, заставивъ ея князей присягнуть Іоанну. Менгли-Гирей въ угоду ему задержалъ въ Крыму: литовскаго посла князя Глинскаго, который требовалъ уничтоженія, построенной ханомъ на литовской землѣ крѣпости: Очаковъ. Кромѣ того, онъ подступилъ къ Кіеву и пожегъ села вокругъ Чернигова. Изъ самой Польши Іоанну предлагалъ помощь и тѣсный союзъ врагъ сыновей Казиміра: владѣтельный князь Мазовецкій.

Тѣмъ не менѣе, вел. князя Александра спасла отъ угрожавшей ему войны, неизмѣнная осторожность Іоанна III и свойственная ему умѣренность въ мудромъ, благоразумномъ образѣ дѣйствій. Послѣ долгаго времени безпокойной воинственной дѣятельности, онъ самъ не могъ не желать мирнаго наслажденія, обрѣтенной имъ славой и тишиной, благотворной для процвѣтанія внутренней жизни народа. Помощь Менгли-Гирея была слишкомъ малонадежна въ случаѣ если настойчивое стремленіе Іоанна овладѣть древнею южной Русью, противъ него вооружили бы Польшу, Венгрію и Богемію. Султанъ турецкій легко могъ склониться къ поддержкѣ этихъ земель и помѣшать, подчиненному ему крымскому хану дѣйствовать въ пользу Москвы. Стефанъ Молдавскій истощалъ силы своей земли упорной борьбою съ турками и союзъ съ нимъ не представлялъ изъ себя внушительной, грозной силы. Такимъ образомъ, когда послы Александра, вторично присланные имъ въ Москву, въ 1497 г. передали Іоанну согласіе ихъ вел. князя признать московскимъ владѣніемъ волости перешедшихъ къ нему удѣльныхъ князей, а за самимъ Іоанномъ званіе государя всея Руси, — однако съ тѣмъ, чтобъ онъ не требовалъ возвращенія Кіева, а за Литвою оставилъ Смоленскъ съ другими древне-русскими городами до береговъ Угры, — Іоаннъ III въ началѣ февраля, заключилъ миръ съ Александромъ, послѣ чего состоялось обрученіе его старшей дочери. По обычаю того времени замѣстителемъ жениха былъ литовскій посолъ Станиславъ Гасштольдъ. Іоаннъ отпустилъ дочь въ Литву 13 января 1499 г., поставивъ непремѣннымъ условіемъ брака, чтобъ Александръ не только не принуждалъ жену къ переходу въ римскую церковь. но не допустилъ бы такой

перемѣны вѣры ея, если бы она и сама того захотѣла. Александръ обязывался у ея хоромъ построить русскую церковь. Въ такомъ же духѣ Іоаннъ далъ самолично наставленіе дочери, проводивъ ее послѣ напутственной семейной обѣдни въ Успенскомъ храмѣ, отъ церковныхъ вратъ до саней. Въ древне-русскихъ городахъ Литвы: Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, — бояре и духовенство, съ дарами, восторженно встрѣчали Елену Іоанновну, радуясь, что родъ Владиміра Святого соединился съ Гедеминовымъ родомъ и, что загнанная въ Литвѣ православная церковь теперь найдетъ себѣ ревностную покровительницу въ самой вел. княгинѣ. Александръ встрѣтилъ невѣсту за три версты отъ Вильны и вмѣстѣ съ нею въѣхалъ въ свою столицу. Вѣнчаніе произошло въ церкви св. Станислава, гдѣ богослуженіе свадебнаго обряда совершали надъ царственной четой: и католическій епископъ, и православный священникъ Ѳома. Однако, Александръ не могъ: ни построить женѣ своей греческой церкви, ни окружить ея духовными лицами православнаго вѣроисповѣданія, такъ какъ литовскіе вельможи и католическіе священники съ неудовольствіемъ относились къ вѣрности православію великой княгини ихъ; а римскій папа, конечно, разрѣшилъ Александра отъ клятвы, данной еретику. Однако, одаренная тонкимъ умомъ и благороднымъ сердцемъ, Елена Іоанновна никогда не жаловалась отцу на свои домашнія огорченія и, сохраняя по отношенію къ нему почтительную покорность дочери, горячо заступалась передъ нимъ за любимаго мужа, а также пеклась съ любовью о государственныхъ выгодахъ своего народа. Менгли-Гирей хотѣлъ предпринять походъ на Литву, и Іоаннъ, заключившій безъ его вѣдома дружественный союзъ съ общимъ ихъ непрія-

телемъ, навлекъ на себя справедливые его упреки за свой двойственный образъ дѣйствій: — «Ты сталъ другомъ нашихъ злодѣевъ, а меня оставилъ имъ въ жертву, не разсудивъ посовѣтоваться со своимъ братомъ, тогда какъ я въ угоду тебѣ жегъ Литву, не слушая заманчивыхъ предложеній мнѣ Александра»,— писалъ ему крымскій ханъ; но, тѣмъ не менѣе, клялся умереть вѣрнымъ союзникомъ московскаго государя. Іоаннъ выражалъ готовность примирить Александра съ Менгли-Гиреемъ; но требовалъ настоятельно постройки православнаго храма въ Вильнѣ для дочери. Александръ, однако, упрямился, а кромѣ того не пропустилъ черезъ свои владѣнія посла въ Москву отъ султана турецкаго Баязета II. Онъ сожалѣлъ о городахъ, волей-неволей уступленныхъ русскому государю по мирному договору съ нимъ и лично самъ досадовалъ на православное вѣроисповѣданіе своей супруги. Іоаннъ же Васильевичъ, конечно, надѣялся черезъ свадьбу дочери подготовить мало-по-малу расширеніе своего государства за счетъ русскихъ земель, принадлежащихъ Литвѣ. Какъ бы то ни было, но ни Менгли-Гирей, ни Стефанъ Молдавскій не спѣшили мириться вслѣдъ за союзникомъ своимъ съ вел. кн. литовскимъ и Іоаннъ могъ надѣяться на ихъ помощь въ случаѣ возникновенія военныхъ дѣйствій между нимъ и Литвою.

Въ защиту отъ Ливонскаго ордена онъ построилъ противъ города Нарвы крѣпость Ивангородъ на Дѣвичьей горѣ, чѣмъ нѣмцы были крайне обезпокоены. А вскорѣ между ними и государемъ московскимъ вышла крупная ссора. Они убили въ Ревелѣ за какое-то преступленіе русскаго человѣка, имѣвъ при этомъ неосторожность сказать: что такъ поступили бы и съ самимъ Іоанномъ, если бы онъ сдѣ-

76) Картина: Гнѣвъ Іоанна III противъ ливонскихъ нѣмцевъ.

лалъ что-либо подобное въ ихъ странѣ. Узнавъ объ этихъ словахъ ихъ, Іоаннъ въ великомъ гнѣвѣ изломалъ трость свою; а наша лѣтопись прибавляетъ, что ревельцы вообще еще обижали и грабили новгородскихъ купцовъ, дѣлали всякія грубости московскимъ посламъ на ихъ пути въ германское государство. Іоаннъ потребовалъ выдачи ему ревельскихъ властей, а получивъ отказъ, приказалъ схватить въ Новгородѣ ганзейскихъ купцовъ для заключенія ихъ въ темницы. Тамъ запечатали всѣ нѣмецкія лавки, препроводивъ оттуда въ Москву товары цѣнностью на милліонъ гульденовъ. Такого бѣдствія для германскихъ купцовъ никогда не бывало во время самыхъ тяжелыхъ ссоръ Новгорода съ Ливонскимъ орденомъ. Изъ городовъ, тогда особенно процвѣтавшей Ганзы, въ Россію привозилось много предметовъ, необходимыхъ ей и новгородцы всегда щадили своихъ ганзейскихъ гостей. Въ Новгородѣ дѣловое сосредоточіе этого знаменитаго купеческаго союза считалось первымъ среди всѣхъ другихъ складовъ ганзейскихъ купцовъ и дѣламъ ихъ былъ нанесенъ такой жестокій ударъ, что 70 нѣмецкихъ городовъ отправили къ Іоанну пословъ своихъ вмѣстѣ въ послами зятя его Александра—ходатайствовать за Ганзу и за освобожденіе плѣненныхъ въ Новгородѣ купцовъ ея. Лишь черезъ годъ Іоаннъ, наконецъ, умилостившись, отпустилъ на свободу тѣхъ изъ нихъ, что не умерли въ заточеніи; но они все же потеряли свое достояніе, такъ какъ товары имъ не были возвращены. Съ тѣхъ поръ прекратилась Ганзейская торговля въ Новгородѣ, издавна составлявшая главный источникъ его богатства и просвѣщенія въ то время, когда Россія только этимъ путемъ сообщалась съ западной Европой. Можетъ быть, Іоаннъ думалъ,

показавъ силу своего гнѣва, потомъ смѣнить его на милость, чтобы смирить заносчивыхъ, спѣсивыхъ нѣмцевъ и вызвать съ ихъ стороны благодарность; какъ бы то ни было, ганзейскіе купцы не смѣли больше ввѣрять свое бласостояніе, жизнь и свободу, грозному повелителю московскаго государства и вся торговля ихъ перенеслась безвозвратно изъ Новгорода въ Дерптъ, Ригу и Ревель; а позже въ Нарву. Такъ какъ подобное малодушное подчиненіе порыву мимолетной досады, причинившее огромный, обоюдный вредъ, какъ Ганзѣ, такъ и Россіи, противорѣчитъ обычной благоразумной сдержанности Іоанна, а также его явнымъ усиліямъ всячески поддержать связь съ западной Европой, то есть основаніе остановиться на существующемъ и вѣроятномъ до нѣкоторой степени, предположеніи: что Іоаннъ видѣлъ, хотя бы ошибочно, въ ганзейскихъ купцахъ, казалось занятыхъ исключительно торговыми оборотами, носителей вольнолюбивыхъ мыслей, передаваемыхъ ими новгородскому населенію, — почему рѣшился искоренить ихъ однимъ ударомъ, жертвуя для того промышленнымъ, а также и умственнымъ процвѣтаніемъ новгородской земли. Такъ какъ въ это время Іоаннъ заключилъ тѣсный союзъ съ королемъ датскимъ для совмѣстной войны противъ Швеціи, то между прочимъ, составилось тоже такое мнѣніе: будто бы это онъ потребовалъ уничтоженія связи Новгорода съ Ганзейскимъ союзомъ, мѣшавшей торговлѣ Даніи,—за уступку московскому государству большого куска Финляндіи. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ прибытія въ Москву новаго датскаго посла, русскіе воеводы предприняли осаду Выборга. Однако, городъ взятъ не былъ. Тамошній храбрый начальникъ: нѣкій Кнутъ Поссе, по преда-

нію, увидѣвъ русскихъ на стѣнахъ крѣпости, зажегъ башню со складомъ пороха, чѣмъ произвелъ страшный, губительный взрывъ. Этотъ, надолго оставшійся въ памяти финновъ, какъ бы волшебный «Выборгскій трескъ», прославилъ военное искусство Поссе. Зато нѣсколько воеводъ московскихъ, проникшихъ дальше въ Финляндію, такъ называемую въ то время—Ямь или Гамскую землю, разбили войско шведовъ. Князь Иванъ и Петръ Ушатые, разоривъ всю страну: отъ Карелiи до Лапландiи, присоединили къ Москвѣ берега рѣки Лименги. Но шведскій военноначальникъ, Свантъ Стуръ, приплылъ тѣмъ временемъ изъ Стокгольма въ рѣку Нарову съ 2000-ми человѣкъ на 70 легкихъ судахъ и взялъ Ивангородъ при помощи огнестрѣльныхъ снарядовъ. Понимая, что Швеціи не удержать за собой этого города, Стуръ собирался его отдать ливонскимъ рыцарямъ; но магистръ его не посмѣлъ принять столь опаснаго дара. Тогда, разрушивъ часть крѣпости, шведы ушли и забрали тамъ много плѣнниковъ. Послѣ того война кончилась, потому что датскій король Іоаннъ былъ избранъ королемъ Швеціи и началъ стараться всячески поддержать дружбу свою съ Іоанномъ московскимъ.

Въ 1497 году Іоанну III пришлось опять обратить оружіе противъ казанскихъ татаръ, свергнувшихъ съ престола Магметъ-Аминя, тѣснившаго своихъ подданныхъ въ угоду московскому государю и ненавидимаго знатнѣйшими мурзами. Его мѣсто занялъ, призванный ими, ханъ Мамукъ; но тотъ умѣлъ только грабить, не щадя никого въ своей алчности и жестокости,—даже тѣхъ, кто доставилъ ему Казанское царство. Тогда татарскіе вельможи смирились передъ Іоанномъ, но обвиняя Магметъ-Аминя въ чинимыхъ имъ обидахъ, просили прислать имъ на цар-

ство въ Казань брата его: Абдылъ-Летифа. Іоаннъ исполнилъ ихъ просьбу, но поспѣшилъ извѣстить о томъ мать обоихъ братьевъ, ѣхавшую тогда обратно домой изъ Мекки: ханшу Крымскую — Нурсалтанъ, въ самыхъ мягкихъ, успокоительныхъ выраженіяхъ.

Менгли-Гирей неизмѣнно старался утвердить султана турецкаго Баязета II въ благосклонныхъ, пріязненныхъ чувствахъ его къ московскому государю. Они не были поколеблемы даже заносчивой гордостью посла Іоанна Плещеева, въ Константинополѣ, когда тотъ, посланный хлопотать о свободѣ и безопасности московскихъ купцовъ въ турецкихъ владѣніяхъ,—ради соблюденія достоинства своего вел. князя, по строгому собственному наказу Іоанна, держалъ себя вызывающе при Дворѣ султана и гордость свою преувеличилъ до грубости въ отвѣтъ на ласку и почетную встрѣчу его Константинопольскими пашами. Плещеевъ не хотѣлъ знать никого кромѣ султана; ни приглашенія на обѣдъ, ни денегъ, ни даровъ отъ пашей не принялъ. Баязетъ II, тѣмъ не менѣе, согласился на все о чемъ просилъ Іоаннъ и великодушно не подалъ виду, что недоволенъ его посломъ; только Менгли-Гирею онъ написалъ, что несмотря на его желаніе сохранить наилучшія отношенія съ русскими,—московскій царь ему прислалъ какого-то невѣжу. Грамота къ самому Іоанну была преисполнена выраженіями изысканной вѣжливости востока, и теплаго дружескаго привѣта. Онъ писалъ такъ: —«послы и гости твои да ѣздятъ часто въ мою землю... ты мнѣ прислалъ добраго мужа къ порогу моему; онъ вручилъ мнѣ твою грамоту, которую я, видя, что ты желаешь быть другомъ намъ, приложилъ къ своему сердцу. Дай Богъ, чтобъ онъ благополучно вернулся съ общимъ великимъ поклономъ

къ тебѣ и ко всѣмъ друзьямъ твоимъ; ибо кого ты любишь,—мы любимъ». Кто бы могъ думать тогда, при началѣ взаимныхъ отношеній Турціи и Россіи, какая кровавая имъ предстоитъ борьба между собою ради побѣды въ Европѣ магометанства, или же христіанскаго міровозрѣнія, уничтоженной Византіи.

Отъ Софьи Палеологъ у Іоанна въ то время было два сына: старшій Василій и второй—Юрій. Но Іоаннъ тоже очень любилъ свою овдовѣвшую невѣстку Елену молдавскую и внука отъ нея Дмитрія. Вслѣдствіе этой привязанности произошелъ временный разрывъ его добрыхъ отношеній съ Софьей и совершилось знаменитое въ 1448 г. событіе, не мало взволновавшее москвичей.

Ранняя смерть Іоанна Молодого невольно порождала въ умахъ тревожный вопросъ: кому надлежитъ наслѣдовать московскій престолъ? старшему сыну государя отъ Софьи Палеологъ—Василію? или же внуку ея отъ Елены молдавской—Дмитрію? По этому поводу обѣ честолюбивыя матери естественно относились другъ къ другу съ тайной острой враждой и подозрительнымъ недовѣріемъ. Большая часть московскихъ бояръ принимала сторону Дмитрія: какъ изъ прежней привязанности къ его отцу такъ и вслѣдствіе того, что Елена себя окружала русскими людьми, а приближенными Софьи были, непріятныя московской знати, пришельцы изъ Византіи, греки. Но все же у нея тоже нашлись сторонники, говорившіе, что внука никакъ нельзя ставить выше сына императорской крови Палеологовъ. Самъ Іоаннъ еще колебался въ выборѣ себѣ наслѣдника, когда ему донесли о преступномъ заговорѣ друзей Василія:—погубить Дмитрія. Эти друзья сообщили юному князю, будто отецъ его уже рѣшилъ завѣщать престолъ

внуку. Они совѣтывали ему отдѣлавшись отъ соперника бѣжать въ Вологду, чтобы тамъ овладѣть богатой царской казной; обольщали его успѣхомъ своего замысла, но напрасно. Козни ихъ обнаружились и главные заговорщики были, послѣ мучительной пытки, вынудившей у нихъ признаніе, обезглавлены по приказанію разгнѣваннаго Іоанна. Подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ знахарокъ, будто ходившихъ къ Софьѣ съ какимъ то зельемъ, утопили въ Москвѣ-рѣкѣ. Іоаннъ послѣ того долго не хотѣлъ видѣть своей супруги, думая, что она намѣревалась извести ядомъ Елену съ сыномъ ея. Онъ не только сейчасъ же назвалъ своимъ преемникомъ пятнадцатилѣтняго Дмитрія, но тутъ же при жизни своей совершилъ надъ нимъ въ Успенскомъ соборѣ обрядъ вѣнчанія.

4-го Февраля послѣ торжественнаго молебна, который служили въ присутствіи пяти епископовъ и многихъ архимандритовъ, вел. князь съ митрополитомъ Симономъ заняли сѣдалища, приготовленныя для нихъ на амвонѣ среди храма, тогда какъ Дмитрій стоялъ на высшей его ступени передъ отцомъ и Симономъ. Когда Іоаннъ, обратившись къ митрополиту, громогласно ему объявилъ, что по причинѣ преждевременной смерти старшаго своего сына, онъ благословляетъ внука отъ него: Дмитрія, при себѣ и послѣ себя на великокняженіе Владимірское, Московское и Новгородское; почему для него проситъ во первыхъ святого благословенія отца православной церкви: митрополита; — Дмитрій приблизился и склонилъ голову; митрополитъ же, возложивъ на нее руку свою, осѣнилъ молодого князя крестомъ и произнесъ надъ нимъ благословеніе на царство, положенною молитвой. Два архимандрита подали Симону, близъ лежавшія бармы и вѣнецъ Мономаха; митро-

политъ же вручилъ эти знаки царскаго облаченія самому государю, возложившему ихъ затѣмъ на внука. Когда государь и митрополитъ снова сѣли, архидіаконъ провозгласилъ многолѣтіе обоимъ великимъ князьямъ. Митрополитъ съ епископами принесли поздравленія дѣду и внуку; за нимъ князья и бояре. Дмитрій вышелъ изъ церкви въ бармахъ и вѣнцѣ Мономаха. Меньшой сынъ Іоанна—Юрій, трижды его осыпалъ золотыми и серебряными монетами въ дверяхъ трехъ соборовъ: Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго. Іоаннъ ознаменовалъ этотъ день великолѣпнымъ пиромъ въ своемъ дворцѣ, подарилъ счастливому на короткое время Дмитрію, крестъ съ золотой цѣпью и поясъ, осыпанный дорогими каменьями. Но, тѣмъ не менѣе его омраченное какъ бы тяжелой думой, скорбно нахмуренное чело, отражало такое смятенье душевное, что торжествующіе друзья Елены не смѣли радоваться мимолетной побѣдѣ своихъ навѣтовъ и ловкихъ происковъ, уже предчувствуя ея непрочность и опасаясь будущихъ перемѣнъ въ образѣ мыслей Іоанна, гнѣвно настроеннаго сейчасъ противъ любимой жены и ея старшаго сына. Не даромъ Софья была гречанкой и унаслѣдовала отъ предковъ тонкую хитрость ума. Василій за пылкое увлеченіе заманчивыми рѣчами своихъ сверстниковъ и малодушную уступку имъ, еще весьма сомнительную, не могъ совсѣмъ лишиться любви отца, столь осчастливленнаго когда-то его рожденіемъ, послѣ первыхъ трехъ дочерей. Софья ходила пѣшкомъ молиться въ Троицко-Сергіевскую обитель о дарованіи сына и тамъ имѣла видѣніе, по словамъ ея: св. Сергія, державшаго на рукахъ, желаннаго ей младенца. Судьба высоко вознесла Дмитрія, какъ бы лишь для того, чтобы ему сдѣлать еще чувствительнѣй его дальнѣйшую, годъ

спустя уже ясно опредѣлившуюся, злую участь. За это время Софья съумѣла вернуть себѣ расположеніе и довѣріе мужа,—конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, постаравшись вооружить его противъ Елены. Дѣло доноса на злоумышленіе Василія было разсмотрѣно вновь, причемъ якобы обнаружились лживыя козни Елениныхъ друзей, стремившихся опорочить въ глазахъ государя старшаго его сына отъ брака съ Софьей. Возмущенный подобной крамолой и задѣтый въ своемъ самолюбіи сильнымъ вліяніемъ, пріобрѣтеннымъ въ Москвѣ князьями Патрикѣевыми и Ряполовскими: врагами Софьи, Іоаннъ приказалъ казнить этихъ бояръ, несмотря на то, что въ дѣтствѣ онъ пользовался пріютомъ у отца Ряполовскаго, спасшаго, какъ мы знаемъ, съ братомъ своимъ отъ смерти малолѣтнихъ дѣтей Василія Темнаго при нападеніи на него Шемяки въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Ряполовскому отрубили голову; но Патрикѣевыхъ успѣло спасти ходатайство митрополита. Тѣмъ не менѣе Ивана Юрьевича съ сыномъ Василіемъ заставили постричься въ монахи; другого же сына его Ивана заключили подъ стражу. Такъ проявилась первая знаменательная опала царская противъ московскихъ бояръ, давшая имъ почувствовать надъ собою крѣпкую и въ гнѣвѣ грозную руку единовластнаго, сильнаго государя всей русской земли. Съ водвореніемъ въ московскомъ царствѣ прочнаго, неоспоримаго самодержавія, сами собой измѣнились и отношенія прежняго вел. князя къ окружавшему, его всегда, высшему слою, ему подчиненныхъ слугъ и бояръ. Іоаннъ III, любившій строгій порядокъ и безпрекословное повиновеніе себѣ, первый возвысилъ голосъ надъ покорившимися ему князьями мелкихъ удѣловъ и сталъ высокомѣрно обращаться съ боярами. Мы говорили уже, что Софья Палео-

логъ принесла съ собою въ Москву, раньше чуждыя тамъ понятія византійской роскошной, напыщенной придворной жизни, отчасти придавшей гордую повелительную окраску надменныхъ императоровъ Византіи, рѣчамъ и поступкамъ Іоанна III. Но вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣна эта лежала уже въ основѣ новаго быта самой Москвы и нашла себѣ благодарную почву въ личномъ: крутомъ и властолюбивомъ нравѣ преемника Василія Темнаго. Современники сообщаютъ, что женщины падали въ обморокъ отъ одного его гнѣвнаго взгляда. Бояре же трепетали передъ нимъ, боясь шевельнуться и кашлянуть, когда онъ порой, сидя въ креслахъ, предавался дремотѣ.

Несчастный Дмитрій еще нѣкоторое время носилъ, дарованное ему достоинство: вел. князя владимірскаго и московскаго; но оправданнаго Василія Іоаннъ за то превозгласилъ княземъ псковскимъ и новгородскимъ, не взирая на то, что Псковъ и Новгородъ уже признали по его волѣ будущимъ государемъ своимъ князя Дмитрія. Когда же города эти били челомъ, прося имъ разъяснить ихъ недоумѣніе, Іоаннъ III съ гнѣвомъ имъ отвѣчалъ, что онъ воленъ въ дѣтяхъ своихъ и внукахъ; кому захочетъ, тому и дастъ княженіе. Весною въ 1502 г. Іоаннъ окончательно положилъ опалу на внука и мать его. Василій объявленъ былъ вел. княземъ всея Руси; Дмитрія же запретили поминать въ ектеньяхъ. Елена подвергнулась тюремному заключенію и обвиненію духовныхъ лицъ: будто она принимала участіе въ такъ называемой—«жидовской ереси», распространившейся тогда на Руси—и черезъ два года умерла въ темницѣ.

Глава XIV.

Еврей Схарій и начало ереси жидовствующихъ въ Новгородѣ. Тайная проповѣдь ея въ народѣ священниками Діонисіемъ и Алексіемъ, переведенными Іоанномъ III за свой умъ и ученость въ Москву со званіемъ протопоповъ. Покровительство оказываемое ими своимъ единомышленникамъ среди духовныхъ лицъ и соблазнъ мірянъ ихъ ласковыми рѣчами съ поощреніемъ людскихъ пороковъ. Вліятельные еретики при дворѣ Іоанна Васильевича: архимандритъ Зосима и дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. Іудейская кабала и св. подвижникъ Іосифъ Волоколамскій. Зосима — преемникъ умершаго митрополита Геронтія. Обращеніе архіепископа Геннадія къ содѣйствію Іосифа для борьбы съ жидовствующей ересью въ Новгородѣ. Благосклонность вел. кн. къ Геннадію за приверженность ему въ происшедшемъ между нимъ и покойнымъ митрополитомъ настойчивомъ спорѣ: въ направленіи крестнаго хода «посолнь» или противъ солнца. Властное великокняжеское вмѣшательство Іоанна III въ дѣла церкви. Благоразумная уступка съ его стороны митрополиту Геронтію въ вопросѣ о крестномъ ходѣ и назначеніе имъ Геннадія Владыкой въ Новгородѣ для защиты его отъ гнѣва митрополита, помимо обычнаго выбора себѣ владыки гражданами стариннымъ способомъ: жребія. Строгое преслѣдованіе Геннадіемъ жидовствующей ереси и бѣгство еретиковъ изъ Новгорода въ Москву. Лицемѣрное негодованіе митрополита Зосимы на соборѣ епископовъ, Іоанномъ созваннымъ для суда надъ ересью и отсутствіе на немъ самого Геннадія, недопускаемаго въ Москву своими вліятельными врагами. Мягкое отношеніе Іоанна III къ обличеннымъ еретикамъ и позорное наказаніе ихъ Геннадіемъ въ Новгородѣ. Скрытое развращеніе народа въ Москвѣ іудейской мудростью: митрополитомъ Зосимой съ Ѳедоромъ Курицынымъ. Обличеніе преступной проповѣди и кощунственныхъ рѣчей Зосимы въ глазахъ Іоанна III. Поддержанное Іосифомъ Волоколамскимъ требованіе въ народѣ безпощадной казни и пытокъ для наказанія еретиковъ. Удаленіе Зосимы съ митрополичьей каѳедры и замѣна его игуменомъ Троицкаго монастыря: Симономъ. Горячее возраженіе преп. Нила Сорскаго на основаніи христіанскаго милосердія, противъ призыва Іосифа Волоколамскаго къ самымъ суровымъ способамъ искорененія жидовской ереси. Присоединеніе къ мнѣнію преп. Нила старцевъ сѣверныхъ заволжскихъ монастырей. Нилъ Сорскій, его монашество, дѣятельность и вѣроученіе. Положенное имъ начало скитскаго монашескаго житія. Рѣзкій непримиримый споръ между нимъ и Іосифомъ изъ-за права монастырей обла-

дать имущественной собственностью. Епископскій соборъ, призванный Іоанномъ III по этому поводу и защита большинствомъ съѣхавшихся въ Москвѣ духовныхъ лицъ законной необходимости церковнаго достоянія съ его благими послѣдствіями для бѣднѣйшаго населенія. Упреки Іосифа Нилу за его сострадание къ казненнымъ еретикамъ. Дружба и духовное единеніе преп. Нила съ инокомъ Вассіаномъ: въ міру—кн. Патрикѣевымъ. Благотворное вліяніе этихъ, возникшихъ преній и письменныхъ религіозныхъ споровъ, на пробужденіе духовной жизни и мысли русскихъ людей. Смерть Геннадія, уличеннаго въ лихоимствѣ и потому лишившагося новгородской архіепископской каѳедры. Заслуга его заботы о просвѣщеніи низшаго духовенства особыми школами для подготовки сельскихъ священниковъ. Завоеванія Іоанна III на Дальнемъ Востокѣ и походъ его войскъ въ Уральскихъ горахъ. Непріязненное отношеніе Іоанна къ зятю Александру вслѣдствіе гоненія, возникшаго въ Литвѣ, на православную церковь и отцовская его тревога за строгое соблюденіе православныхъ обрядовъ дочерью Еленой въ Вильнѣ, вопреки ея успокоительнымъ письмамъ домой. Тщетное стараніе папы, литовскаго вел. кн. и мѣстнаго католическаго духовенства склонить русское населеніе Литвы къ признанію уніи православія съ Римомъ. Переходъ многихъ литовско-русскихъ князей въ московское подданство. Поспѣшныя оправданія, испуганнаго такимъ явленіемъ, Александра, передъ Іоанномъ, котораго онъ отказывается величать въ своихъ грамотахъ: «государемъ всея Руси». Нападеніе на Литву войскъ Іоанна, несмотря на опоздавшее стараніе Александра предупредить эту опасную для него войну. Побѣды въ Литвѣ боярина Кошкина въ союзѣ съ казанскимъ ханомъ Магметъ-Аминемъ и крымскимъ Менгли-Гиреемъ. Назначеніе, неспособнымъ къ ратному дѣлу вел. кн. Александромъ, православнаго князя Константина Острожскаго, главнымъ вождемъ своихъ войскъ. Ненависть послѣдняго къ москвичамъ и смѣлое выступленіе изъ Смоленска въ Русскую землю. Поддержка Юрія Кошкина воеводою Даніиломъ Щеня и полная побѣда московскихъ полковъ надъ литовцами на берегахъ рѣки Ведроши. Плѣненіе Константина Острожскаго и вынужденный переходъ его на московскую службу. Добрая вѣсть о побѣдѣ надъ непріятелемъ московскаго намѣстника въ Новгородѣ: Андрея Челядина, во главѣ новгородскихъ и псковскихъ ратниковъ. Стараніе Александра найти себѣ сильныхъ союзниковъ на западѣ и востокѣ. Разореніе Литвы сыновьями Менгли-Гирея. Двойственное отношеніе къ воюющимъ сторонамъ золотоордынскаго хана Шигъ-Ахмета и уничтоженіе Золотой орды Менгли-Гиреемъ. Вел. кн. литовскій Александръ—король польскій. Безучастіе Польши къ судьбѣ Литвы. Союзъ

Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Магистръ Ордена Вальтеръ-фонъ Плетенбергъ и его желаніе отомстить Іоанну за уничтоженіе Ганзейской торговли въ Новгородѣ. Осада имъ Пскова послѣ побѣды вблизи Изборска, благодаря его огнестрѣльнымъ снарядамъ. Вторженіе русскихъ въ Ливонію. Временные успѣхи и утомленіе Плетенберга неравною борьбою съ русскими. Вторичная осада имъ Пскова. Измѣна въ рядахъ ливонскаго войска, передавшая побѣду на сторону московскихъ воеводъ. Мирные переговоры Плетенберга съ Іоанномъ III въ 1503 г. Посредничество въ нихъ папы. Заступники короля Александра передъ Іоанномъ III: братъ его король венгерскій Владиславъ и жена Елена Іоанновна. Открытое заявленіе московскаго государя о непреклонномъ его рѣшеніи удержать за Москвою всѣ добровольно предавшіеся подъ его верховную власть древне-русскія области и отнять у Литвы обратно, ей присвоенные себѣ за время татарскаго ига, исконно-русскіе города. Неудачная осада Смоленска однимъ изъ младшихъ сыновей Іоанна. Завоеванія на Днѣстрѣ Стефана Молдавскаго. Тщетность попытки хана Менгли-Гирея примирить съ Іоанномъ, оскорбленнаго имъ въ лицѣ внука и дочери, господаря Стефана. Его отказъ, несмотря на ссору съ Іоанномъ, принять предложеніе дружескаго союза отъ короля Александра. Завѣщанная имъ сыну покорность могущественной Турціи. Сватовство и женитьба молодого князя Василія Іоанновича на простой дворянкѣ Саломніи, вопреки тайнымъ надеждамъ Юрія Траханіота. Выдача Іоанномъ замужъ меньшой дочери Ѳеодосіи за князя Даніила Холмскаго. Появленіе при московскомъ Дворѣ, родственной Соломніи, семьи Годуновыхъ. Мятежъ въ Казани Магметъ-Аминя противъ Москвы во время казанской ярманки. Осада имъ съ большимъ войскомъ Нижняго Новгорода. Спасеніе этого города отъ торжества татаръ при помощи плѣнныхъ татарскихъ стрѣлковъ. Смерть вел. княгини и упадокъ здоровья Іоанна III. Его поѣздка въ сѣверныя прославленныя обители русской земли ради молитвы о возвращеніи ему тѣлесныхъ силъ. Завѣщаніе Іоанна III и его полный титулъ передъ кончиной. Зависимость отъ Москвы всѣхъ, ранѣе обособленныхъ отъ нея земель. Неудача посольства короля Александра въ Москву во время болѣзни Іоанна. Кончина его 27 октября 1505 г. Судебникъ, составленный имъ на основѣ постановленій Русской Правды. Запрещеніе Іоанномъ III вольной продажи крѣпкихъ напитковъ. Ходатайство св. Кирилла Бѣлоозерскаго передъ вел. кн. объ уничтоженіи на Руси пагубы отъ корчемниковъ. Усиленіе строгости и жестокости наказаній въ новомъ Судебникѣ. Обычай судебнаго единоборства. Обязательство военной службы для помѣстныхъ дворянъ—дѣтей боярскихъ. Основаніе въ Москвѣ Нѣмецкой Слободы. Мудрость Іоанна III, какъ

правителя. Его властолюбіе и грозный нравъ. Надменное обращеніе съ иноземцами и византійская пышность его двора. Расцвѣтъ въ Европѣ общей идеи единодержавной власти. Успѣхи мореплаванія и открытіе Христофоромъ Колумбомъ Америки. Изобрѣтеніе книгопечатанія. Сближеніе государственной жизни Россіи съ западной Европой. Главенство православной московской церкви надъ Византіей и покровительство теперь ей оказываемое пріѣзжимъ духовнымъ лицамъ изъ Византіи. Процвѣтаніе русской торговли за время великокняженія Іоанна III.

Въ 1470 г. пріѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ нѣкій жидъ—именемъ Схарія, ловкій, пронырливый и острый на языкъ. Онъ тайно проповѣдывалъ, что законъ Моисеевъ есть единственный правильный и божественный, а что Евангеліе — выдумка. На ученіе его прельстились первыми въ Новгородѣ, священники Алексій и Діонисій; причемъ Алексій такъ увлекся рѣчами Схарія, что назвалъ себя Авраамомъ, а жену свою Сарою. Вслѣдствіе того, что оба священника эти были людьми начитанными и книжными по тому времени, имъ безъ труда удалось развратить еще нѣсколькихъ знатныхъ лицъ: мірскихъ и духовныхъ, а Іоаннъ III за умъ и ученость взялъ Діонисія съ Алексіемъ изъ Новгорода въ Москву, гдѣ они были возведены въ санъ протопоповъ,—одинъ Успенскаго собора, а другой Архангельскаго. Никто въ нихъ не могъ подозрѣвать никакого вѣроотступничества, потому что они, слѣдуя завѣтамъ Схарія, обращали ядовитыя стрѣлы своего краснорѣчія только на души шаткихъ и слабыхъ въ истинной вѣрѣ, пользуясь каждымъ благопріятствующимъ тому случаемъ. Они задавались цѣлью проводить своихъ единомышленниковъ на священническія мѣста, и въ городахъ, и въ селахъ; а тѣ всячески располагали къ себѣ мірянъ ласковымъ обхожденіемъ и поощреніемъ ихъ поро-

ковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣряя ихъ, что наказанія Божьяго за грѣхи не бываетъ и что послѣ смерти ничего нѣтъ. Такъ началась и проникла изъ Новгорода въ Москву «ересь жидовствующихъ». Ею плѣнился между другими архимандритъ Симоновскаго монастыря—Зосима, и великокняжескій дьякъ — Ѳедоръ Курицынъ. Св. Іосифъ Волоцкій, основавшій подъ покровительствомъ брата Іоанна: князя Бориса, обитель въ окресностяхъ Волоколамска, называетъ Схарію астрологомъ и чернокнижникомъ, такъ какъ онъ обольщалъ народъ Іудейскою кабалою: наукой, сильно плѣнявшей тогда умы любопытныхъ невѣждъ, искавшихъ въ ней разрѣшенія важнѣйшихъ загадокъ жизни. Легковѣрные давали себя убѣдить, что кабалисты владѣютъ книгой, полученной Адамомъ отъ Бога, главнымъ источникомъ Соломоновой мудрости; что потому имъ извѣстны всѣ тайны природы и они могутъ угадывать будущее; объяснять сновидѣнія; повелѣвать безплотными духами. По ихъ словамъ этой наукою Моисей восторжествовалъ надъ египетскими волхвами, а Илья свелъ на землю огонь небесный.

Когда Іоаннъ III, послѣ смерти Геронтія, происками Алексія, возвелъ на степень митрополита московскаго скрытаго ученика и сторонника Схарія — архимандрита Зосиму въ 1490 г. Іосифъ писалъ, что увидѣлъ на митрополичьей каѳедрѣ «чадо сатаны и хищнаго волка въ одеждѣ мирнаго пастыря». Іосифъ стремился къ осуществленію самыхъ строгихъ уставовъ монастырскаго общежитія и какъ игуменъ, въ своей Волоколамской обители служилъ для всѣхъ ея иноковъ примѣромъ постничества, трудолюбія и непрестанной молитвы. Суровый въ требованіяхъ своихъ по отношенію къ монастырской братіи, онъ

не дѣлалъ и для себя никакихъ исключеній въ разъ установленныхъ правилахъ монастыря, до такой степени, что отказалъ въ свиданіи родной матери, желавшей проститься съ нимъ передъ смертью. Вмѣстѣ съ тѣмъ его монастырь охотно помогалъ всѣмъ нуждающимся и во время голода открывалъ свои житницы бѣднякамъ. Іосифъ усердно служилъ дѣлу христіанскаго милосердія и частымъ ходатайствомъ своимъ за обездоленныхъ, всегда старался облегчить участь рабовъ. Кромѣ начитанности въ Священномъ Писаніи, онъ обладалъ изъ ряда вонъ выходящей памятью и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ. Такъ какъ Волоколамскій монастырь принадлежалъ къ Новгородской епархіи, то архіепископъ Новгорода Геннадій, обратился къ Іосифу за содѣйствіемъ въ предпринятой имъ борьбѣ съ жидовствующей ересью. Архіепископомъ Геннадіемъ пресѣкся въ Новгородѣ обычай народнаго выбора для себя владыки изъ трехъ намѣченныхъ лицъ посредствомъ жребія въ храмѣ св. Софіи. Прежде архимандритъ Чудовскаго монастыря—Геннадій угодилъ вел. князю тѣмъ, что склонился на его сторону въ спорѣ, возникшемъ между нимъ и митрополитомъ Геронтіемъ по поводу направленія шествія крестнаго хода: по солнцу, или противъ солнца,—за что потерпѣлъ жестокое гоненіе отъ Геронтія.

Мы говорили, что при Іоаннѣ Васильевичѣ великокняжеская единодержавная власть въ Москвѣ достигла уже настолько окрѣпшей силы, что не нуждалась болѣе въ непремѣнной поддержкѣ высшей духовной власти, своей постоянной, усердной опекой содѣйствовавшей до сихъ поръ, какъ мы знаемъ, ея могучему расширенію и развитію. Іоаннъ, въ столкновеніяхъ съ митрополитомъ Геронтіемъ, начавшихся

по поводу зависимости Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря отъ Ростовскаго архіепископа Вассіана, тяготившей игумена Нифонта, но одобряемой великимъ княземъ,—сдѣлалъ попытку господствовать и надъ дѣлами церкви. Митрополитъ разрѣшилъ удѣльному князю: Михаилу Верейскому взять монастырь подъ свое личное покровительство; а Іоаннъ принялъ сторону Вассіана. Тогда слабый князь Верейскій вынужденъ былъ оказать повиновеніе московскому государю и митрополитъ, не желая доводить дѣло до созыва церковнаго суда, уступилъ. Но потомъ въ вопросѣ крестнаго хода къ востоку, Геронтій былъ твердъ въ своемъ воззрѣніи и оставилъ каѳедру, имѣя на своей сторонѣ сочувствіе всего духовенства, кромѣ архимандрита Геннадія и преемника Вассіана въ Ростовѣ—Іосафа. Тогда благоразумный Іоаннъ Васильевичъ не сталъ упорствовать въ своемъ требованіи: ходить крестнымъ ходомъ «посолонь» и самъ, поѣхавъ къ митрополиту, просилъ его возратиться въ Москву. Однако, Геннадія онъ избавилъ отъ непріятныхъ послѣдствій гнѣва противъ него Геронтія тѣмъ, что назначилъ его владыкой Новгорода, послѣ того, что избранный тамъ жребіемъ Троицкій монахъ Сергій, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, сошелъ съ ума.

Открывъ въ Новгородѣ существованіе зловредной ереси, Геннадій тщательно ее изслѣдовалъ и всѣ собранныя о ней извѣстія, подкрѣпленныя явными доказательствами, прислалъ на судъ въ Москву, куда спѣшили спастись еретики, имѣя тамъ многихъ вліятельныхъ единомышленниковъ. Ему былъ затрудненъ доступъ въ столицу по причинѣ неудовольствія противъ него Геронтія. И послѣ смерти послѣдняго, въ 1490 г. онъ не былъ приглашенъ на соборъ епископовъ для избранія новаго митрополита.

Наконецъ, въ отвѣтъ на его обличительныя посланія и призывъ московскаго духовенства къ принятію мѣръ для искорененія ереси, Іоаннъ пригласилъ въ Москву разобрать это дѣло многихъ епископовъ, священниковъ и архимандритовъ. Протопопъ Алексій въ то время тоже скончался, но до конца жизни, пользуясь довѣріемъ государя, такъ возвысилъ въ его глазахъ архимандрита Симонскаго монастыря—Зосиму, вовлеченнаго имъ въ ересь, что послѣ смерти митрополита Геронтія въ 1489 г. онъ по указанію самого Іоанна соборомъ епископовъ избранъ былъ ему преемникомъ. Зосима притворился объятымъ ужасомъ, слушая чтеніе грамоты владыки Геннадія, доносившей о богохульствахъ вѣроотступниковъ съ обозначеніемъ несомнѣнныхъ московскихъ еретиковъ, за исключеніемъ самого Зосимы съ Ѳедоромъ Курицынымъ и въ присутствіи имъ уже взятыхъ подъ стражу лицъ низшаго новгородскаго духовенства. Улики противъ нихъ были столь очевидны, что церковный соборъ, проклявъ безумную ересь, присудилъ ихъ къ тюремному заключенію. Іоаннъ считалъ, что такое проклятіе церкви достаточно для вразумленія заблуждавшихся; но архіепископъ Геннадій приказалъ тѣхъ осужденныхъ что были присланы обратно въ Ногородъ, посадить на коней лицомъ къ хвосту, въ одеждѣ вывороченной на изнанку, въ острыхъ берестовыхъ шлемахъ съ мочальными кистями и въ соломенныхъ вѣнцахъ съ надписью: «Се сатанино воинство». Въ такомъ видѣ ихъ возили по городу; народъ плевалъ имъ въ глаза, а потомъ сжегъ на ихъ головахъ шутовскіе шлемы.

77) Картина: Посрамленіе еретиковъ въ Новгородѣ.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, новый митрополитъ Зосима съ придворнымъ дьякомъ—Ѳедоромъ Курицынымъ, дѣйствовали во мракѣ: имѣя много учениковъ, они толковали имъ іудейскую мудрость и отвергали

Евангельское ученіе. Послѣдствія ихъ рѣчей обнаруживалось повсюду ослабленіемъ истинной вѣры и вздорными преніями мірскихъ людей о высшихъ религіозныхъ вопросахъ. Въ палаты митрополита сходились умствовать и пировать жидовствующіе еретики. При избраніи Зосимы въ митрополиты, Геннадій еще не зналъ о немъ ничего худого и только былъ оскорбленъ тѣмъ, что его не пригласили принять участіе въ епископскомъ соборѣ. Но едва только Зосима занялъ митрополичью каѳедру, какъ началъ придираться къ Геннадію и противиться наказанію еретиковъ, говоря, что духовные пастыри должны проповѣдывать только миръ. Вынужденный однако единогласнымъ требованіемъ и приказаніемъ самаго Іоанна собрать епископскій соборъ высшаго духовенства для суда надъ ними, онъ не допустилъ присутствія на немъ ихъ обличителя и Геннадій снова не былъ включенъ въ число призванныхъ на соборъ епископовъ. Новгородскій Владыка требовалъ для еретиковъ смертной казни и пытокъ, въ чемъ находилъ поддержку со стороны непреклоннаго и неумолимо суроваго въ вопросахъ вѣры, Іосифа Волоколамскаго. Великій князь лично зналъ его и уважалъ. Зосима дольше не могъ скрываться. Строгіе ревнители благочестія скоро его разгадали, а молва о соблазнительныхъ его рѣчахъ, особенно подъ вліяніемъ вина, такъ какъ онъ былъ человѣкъ преданный обжорству и пьянству, распространилась въ народѣ. Св. Іосифъ Волоколамскій—горячій, неустрашимый противникъ жидовствующей ереси, еще въ бытность Зосимы, епископомъ дерзавшій смѣло обличать скрытое его изувѣрство, теперь писалъ епископу суздальскому Нифонту, убѣждая его открыть глаза государю и тѣмъ очистить церковь отъ небывалаго еще соблазна:—«когда змій

пагубный изрыгаетъ хулу на Господа тамъ, гдѣ раньше древніе орлы вѣры возвѣщали истину въ саду церкви и растерзали бы когтями всякое око, неправо зрящее на Божество Спасителя». Но проницательный мудрый Іоаннъ III скоро самъ понялъ обманъ Зосимы и приналлежность его къ расколу. Не желая однако вносить смущенія въ умы подданныхъ, всенароднымъ осужденіемъ архипастыря, имъ же избраннаго, онъ въ 1494 г. удалилъ его съ митрополичьяго престола, безъ шумной огласки дѣйствительной его вины; а на его мѣсто опять указалъ выбрать епископомъ: игумена Троицкаго монастыря—Симона. Новый митрополитъ ревностно принялся, вмѣстѣ съ Іосифомъ Волоколамскимъ, искоренять жидовствующую ересь. Но самъ Іоаннъ по отношенію къ ней дѣйствовалъ мягко, не принимая противъ еретиковъ слишкомъ крутыхъ и жестокихъ мѣръ, настойчиво требуемыхъ Іосифомъ; Ѳедоръ Курицынъ еще долго пользовался его довѣріемъ, какъ посолъ въ дѣлахъ иноземныхъ, пока, наконецъ, не подвергся казни за свою ересь въ 1503 г.

Мнѣніе Іосифа о безпощадной расправѣ съ послѣдователями жидовской ереси,—не взирая даже на ихъ раскаяніе, какъ на вынужденное страхомъ казни,—не раздѣлялось значительной частью служителей православной церкви, какъ противное завѣтамъ евангельскимъ о прощеніи грѣшниковъ. Во главѣ оспаривавшихъ суровый взглядъ на дѣло Іосифа былъ препод. Нилъ Сорскій, возражавшій Іосифу, что онъ забываетъ христіанское милосердіе, руководствуясь Ветхимъ Завѣтомъ. Проповѣдь Нила Сорскаго поддержали старцы сѣверныхъ заволжскихъ монастырей: Кирилло-Бѣлоозерскаго и Вологодскаго. Преп. Нилъ родился въ 1433 г. Съ юности онъ по-

стригся въ иноки Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, а потомъ странствуя на востокѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ у аѳонскихъ монаховъ, гдѣ хорошо изучилъ греческій языкъ и многія произведенія духовной литературы. Возвратившись на родину, онъ больше не могъ довольствоваться преобладавшими въ русскихъ монастыряхъ внѣшними и обрядными условіями монашества, а поселился одинъ въ 15-ти верстахъ отъ монастыря у рѣки Соры, гдѣ соорудилъ для себя часовню и келью. Потомъ тамъ начала собираться по обыкновенію братія изъ послѣдователей подвижника и построилась ихъ трудами, церковь. Нилъ здѣсь основалъ монашество по небывалому еще на Руси восточному образцу «скитскаго житія»,—совершенно отрѣшавшагося отъ міра. Внутреннюю переработку души, какъ главную цѣль каждаго инока, онъ ставилъ выше долгой молитвы и строгаго, изнуряющаго плоть, поста. Постъ, Нилъ понималъ лишь какъ воздержаніе и умѣренность, не придавая ему значенія духовнаго подвига. Онъ опирается въ этомъ на слова св. Варсонофія: «что если внутреннее дѣланіе не поможетъ человѣку, то напрасно трудится онъ во внѣшнемъ». Въ своемъ посланіи къ бывшему прежде въ міру, князю Патрикѣеву: монаху Вассіану, Нилъ пишетъ, что въ мірѣ ничѣмъ дорожить не стоитъ; что міръ ласкаетъ насъ сладкимъ обманомъ, послѣ котораго бываетъ горько. Онъ написалъ особый уставъ скитскаго житія, съ нѣсколькими особыми кельями, гдѣ бы жило по два, по три монаха вмѣстѣ,—считая полное уединеніе допустимымъ, по его мнѣнію, лишь для немногихъ избранныхъ, такъ какъ оно требуетъ очень высокаго нравственнаго развитія, чтобы не стать зловреднымъ; не погубить души вмѣсто ея спасенія. Тогда какъ

Іосифъ Волоколамскій старался о преумноженіи имущества монастыря и за всѣ требы, въ немъ совершаемыя, назначалъ мірянамъ не малыя цѣны,—Нилъ разрѣшалъ лишь въ небольшомъ размѣрѣ принимать подаяніе, по крайней нуждѣ или болѣзни. Каждый инокъ изъ его братіи обязанъ былъ существовать трудами рукъ своихъ. Общаго имущества не было, а потому никакія угодья или же денежные вклады мірянъ не могли составлять достояніе скита. Всякія лишнія украшенія не находили мѣста себѣ въ скитской церкви. Женщинамъ входить въ скитъ вовсе не дозволялось.

Старецъ Нилъ обратился къ Іоанну III, очень его уважавшему, съ предложеніемъ ради нестяжательности монаховъ, отнять у монастырей право владѣть недвижимой собственностью; однако, церковный соборъ единогласно отвергъ это предложеніе. Іосифъ Волоколамскій доказывалъ, что монастыри на свои средства содержатъ нищихъ и странниковъ; что для совершенія требъ и поминовеніе усопшихъ имъ нужны деньги и свѣчи; ладонъ, хлѣбъ и вино. Онъ напоминалъ о томъ, что русскіе князья съ древнихъ временъ дѣлали крупные вклады въ монастыри и записывали за ними села. Нилъ выступилъ противъ Іосифа, порицая монаховъ, бродившихъ всюду съ цѣлью выпрашиванія у богатыхъ и сильныхъ міра, щедрыхъ пожертвованій на монастырь; надоѣдавшихъ часто мірянамъ своимъ вымогательствомъ подаянія, на подобіе нищихъ бродягъ. Іосифъ писалъ противъ Нила обличительныя посланія, укоряя его въ томъ, что еретиковъ, получившихъ достойную кару, онъ называетъ «мучениками»; учитъ монаховъ избѣгать общежитія и осуждаетъ заботы о благолѣпіи храмовъ. Нилъ оставлялъ безъ вниманія нападки своихъ враговъ, но за него

велъ всю жизнь ожесточенную письменную борьбу съ Іосифомъ, душевно преданный ему князь Патрикѣевъ: инокъ Вассіанъ. Вся эта религіозная неурядица на Руси, благодаря возбужденнымъ ей пылкимъ спорамъ и преніямъ, не дала закоснѣть во внѣшней обрядности многостороннимъ важнымъ запросамъ духовной жизни и мысли русскихъ людей. Она приводила въ движеніе выдающіеся умы и силы русскаго общества; зажигала свѣточъ святой, неподкупной истины во тьмѣ пороковъ и своекорыстныхъ разсчетовъ, подъ лицемѣрною внѣшностью благочестія. Самому первому ревностному борцу противъ жидовствующей ереси, ея открывшему въ Новгородѣ: владыкѣ Геннадію, не пришлось порадоваться торжеству надъ ней православія, такъ какъ онъ, уличенный во взиманіи, уничтоженной церковью, мзды, за поставленіе священниковъ, былъ сведенъ съ архіепископскаго престола и умеръ въ Чудовомъ монастырѣ. Однако, несомнѣнной его заслугой, кромѣ смѣлаго обличенія еретиковъ, осталась попытка поднять образованіе низшаго духовенства основаніемъ новыхъ училищъ сельскихъ священниковъ. Онъ писалъ митрополиту Симону о невѣжествѣ ихъ и о необходимости, имъ предлагаемой, просвѣтительной мѣры.

Въ 1499 г. окончательно завершилось подчиненіе Іоанну III восточныхъ сосѣдей, покоренной имъ великой пермской иначе зырянской, земли Верхней Камы: югры, вогуличей и самоѣдовъ. Замѣчателенъ походъ противъ нихъ двинянъ, устюжанъ и вятчанъ, по приказу московскаго государя и подъ начальствомъ его воеводъ. Достигнувъ рѣки Печоры, разными ея притоками, они заложили на берегу ея крѣпость, а отсюда на лыжахъ двинулись къ Уральскимъ горамъ; перешли ихъ съ большимъ трудомъ: среди снѣжнаго,

78) Картина: Походъ русскаго сѣвернаго воинства на лыжахъ отъ береговъ Печоры къ Уральскимъ горамъ.

вихря взбираясь на каменные утесы, гдѣ только темные кедры и хищные бѣлые кречеты разнообразили видъ безплодныхъ пустынь; но гдѣ зато подъ мшистымъ гранитомъ скрывались богатыя жилы металловъ и драгоцѣнные камни. Здѣсь русскіе встрѣтили толпу самоѣдовъ и, перебивъ ихъ, взяли добычу въ 200 оленей. За Ураломъ—въ Югрѣ, иначе землѣ обдорской, ся князья предложили ненарушимый миръ, съ вѣчнымъ подданствомъ московскому государю. Каждый

79) Картина: Самоѣды.

изъ нихъ сидѣлъ въ длинныхъ саняхъ, запряженныхъ оленями. Воеводы московскіе тоже поѣхали на оленяхъ вглубь сибирскихъ земель, а воины на собакахъ. Благополучно, съ богатой добычей и съ побѣдоноснымъ успѣхомъ надъ туземными жителями, они вернулись весной въ Москву, гдѣ разсказывали о трудахъ ими перенесенныхъ; о заоблачной высотѣ Уральскихъ горъ; о странныхъ обыкновеніяхъ сибирскихъ народцевъ; о птицахъ и звѣряхъ этой далекой мѣстности. Въ Европѣ же разнесся слухъ, будто русскіе завоевали древнюю родину угровъ т. е. венгерцевъ, такъ какъ существовало преданіе будто угорскій, или маджарскій славный военноначальникъ—Альмъ: современникъ Атиллы,—вышелъ со своимъ народомъ изъ глубины сѣверной Азіи.

80) Картина: Ѣзда на собакахъ.

81) Картина: Ѣзда на оленяхъ.

Въ это время Россія больше всего была занята дѣлами литовскими и несогласіями Іоанна съ зятемъ, требовавшимъ отъ него утвержденія Кіева за Литвою. Іоаннъ съ своей стороны поддерживалъ ненависть къ нему крымскаго хана: Менгли-Гирея, вопреки своему обѣщанію примирить ихъ. Въ 1499 г. его увѣдомили, что въ Литвѣ открылись гоненія на православную церковь и что смоленскій епископъ Іосифъ взялся склонить къ католичеству всѣхъ православныхъ въ Литвѣ, тогда какъ самъ Александръ, желая угодить папѣ, склоняетъ

къ тому же свою супругу и рѣшительно отказывается построить для нея особую греческую церковь подлѣ ея хорóмъ. Напрасно Елена въ письмахъ своихъ смиренно увѣряла отца, что она свободна въ исполненіи обрядовъ греческихъ и всѣмъ довольна; Іоаннъ не переставалъ безпокоиться о соблюденіи ей православной вѣры во всей ея чистотѣ и черезъ боярскаго сына Мамонова наказывалъ дочери: «лучше принять всякія муки и даже смерть, чѣмъ измѣнить своей совѣсти и православію, слушая хитрыя рѣчи западныхъ обольстителей».

Между тѣмъ, Іосифъ смоленскій, въ надеждѣ заслужить санъ кіевскаго митрополита; епископъ виленскій: Альбертъ Таборъ и бернандинскіе монахи, ѣздили по Литвѣ изъ города въ городъ—склонять духовенство, князей и бояръ, отвергнувшихъ постановленіе Флорентинскаго собора, къ соединенію съ Римской церковью. Вел. кн. Александръ грозилъ насиліемъ; папа писалъ краснорѣчивыя буллы; однако, православное русское населеніе Литвы гнушалось латинскимъ соблазномъ. Многіе русскіе князья выѣхали въ Москву, гдѣ, вопреки условію мирнаго договора съ зятемъ, Іоанна III охотно ихъ принималъ въ свое подданство, вмѣстѣ съ принадлежавшими имъ помѣстьями, опираясь на то оправданіе; что онъ долженъ быть покровителемъ единовѣрцевъ, лишаемыхъ свободы совѣсти и спасенія душевнаго; что онъ не можетъ допустить передачу Кіевской митрополіи Іосифу, какъ того хочетъ Александръ, въ виду приверженности этого епископа Флорентійскому соединенію церквей.

Въ довершеніе къ религіозному разногласію, Александръ въ своихъ посольскихъ грамотахъ не желалъ величать Іоанна, по уговору: «Государемъ всея Руси».

*

Но видя на сколько острый, опасный оборотъ приняли наконецъ отношенія Литвы съ Москвою, а также что на ея сторону предаются среди владѣтельныхъ русскихъ князей даже такіе непримиримые враги московскаго государя какъ внукъ Дмитрія Шемяки и сынъ князя Ивана можайскаго, надѣленные Казиміромъ цѣлыми областями южной Руси, какъ то:—Черниговомъ, Любичемъ, Рыльскомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ и др. Александръ отправилъ посольство къ Іоанну съ полнымъ обозначеніемъ въ бумагахъ потребованнаго имъ титула и просилъ о взаимномъ сохраненіи всѣхъ условій ихъ мирнаго договора, увѣряя будто вовсе не подвергаетъ гоненію православную вѣру. Но было уже слишкомъ поздно сглаживать поводы къ разгорѣвшемуся неудовольствію; Александръ не могъ уже предупредить войны и Іоаннъ началъ брать одинъ за другимъ литовско-русскіе города, въ большомъ числѣ добровольно открывавшіе ворота его воеводамъ: какъ Мценскъ, Серпейскъ, Трубчевскъ и др.

Прапрадѣдъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова: бояринъ Юрій Захарьевичъ Кошкинъ,—вступивъ въ Смоленскую область, взялъ Дорогобужъ, тогда какъ его братъ Яковъ, овладѣвъ Путивлемъ, плѣнилъ князя Богдана Глинскаго съ его семьей и безъ кровопролитія занялъ всю Литовскую Русь отъ нынѣшней Калужской и Тульской губ. до Кіева. Кромѣ русскаго войска Іоаннъ послалъ на Литву татарскую силу подъ начальствомъ бывшаго казанскаго хана Магметъ-Аминя; а съ юга напалъ на нее его вѣрный союзникъ—Менгли-Гирей. Александру ничего больше не оставалось, какъ самому взяться за мечъ; но онъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ ратному дѣлу и передалъ подвигъ защиты своего государства, всѣми въ

Литвѣ почитаемому: и за гражданскія добродѣтели, и за военную доблесть—потомку Романа Мстиславича Галицкаго: князю Константину Острожскому—несмотря даже на ревностное исповѣданіе имъ православной вѣры. Полагаясь на честь его и присягу, Александръ его возвелъ въ степень литовскаго гетмана и не поколебался ему предоставить главное воеводство противъ враговъ одной съ нимъ крови и вѣры. Дѣйствительно, этотъ вождь, ненавидѣвшій москвичей, сразу одушевилъ литовскихъ воиновъ и, выступивъ изъ Смоленска, смѣло повелъ ихъ въ битву черезъ болотистыя и лѣсныя пространства, къ русскому стану. Въ Дорогобужѣ, на помощь Юрію Кошкину, подошелъ съ полками своими Даніилъ Шеня и здѣсь, на берегахъ рѣки Ведроши стали полководцы Іоанна III, готовые къ бою. Кровопролитная сѣча долго оставалась безъ перевѣса на ту или другую сторону; но воеводы Іоанна спрятали въ лѣсу засаду свѣжихъ воинскихъ силъ. Внезапнымъ ударомъ она смяла литовское войско, такъ что оно обратилось въ бѣгство. Много воиновъ Константина утонуло въ рѣкѣ, потому что русская пѣхота зашла имъ въ тылъ и подрубила мостъ. Самъ князь Острожскій и многіе знатные его сподвижники попали въ плѣнъ. Москвичи, во главѣ со своимъ государемъ, покрывшимъ себя славой такой великой побѣды, тѣмъ болѣе ликовали, что слышали отъ своихъ дѣдовъ о томъ, какъ знамена Ольгердовы развѣвались подъ стѣнами Москвы, и какъ безпощадный Витовтъ похищалъ русскія земли, устрашая ихъ своимъ вторженіемъ не менѣе чѣмъ татарскіе ханы. Когда плѣнниковъ привезли въ Москву, окованныхъ цѣпями, Іоаннъ убѣждалъ Острожскаго присягнуть ему и перейти на русскую службу. Однако, князь, преданный Литвѣ, согласился лишь подъ

угрозой темницы и его клятва на вѣрность московскому государю была неискренна. Вслѣдъ за этой побѣдной вѣстью, изъ подъ Смоленска пришла другая добрая вѣсть: что полки новгородскіе и псковскіе, предводимые намѣстникомъ вел. князя: Андреемъ Челядинымъ, разбили непріятеля близъ рѣки Ловати и взяли городъ Торопецъ. Сыновья Менгли-Гирея съ своей стороны громили Литву и выжгли много ея городовъ на югѣ. Іоаннъ естественно былъ исполненъ желаніемъ увѣнчать свои успѣхи обратнымъ завоеваніемъ Смоленска; но наступившая дождливая осень и затѣмъ ранняя зима, при недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, заставили его отложить новый походъ. Александръ дѣлалъ что могъ для своей защиты: онъ укрѣпилъ Смоленскъ, Оршу, Полоцкъ и Витебскъ; убѣждалъ Стефана Молдавскаго не нарушать ихъ мирнаго договора ради поддержки сильнаго противъ слабаго и отправилъ въ Золотую Орду пословъ съ просьбой чтобы ханъ Шигъ-Ахметъ оказалъ ему цѣнную помощь нападеніемъ на Тавриду. Въ Германіи, Венгріи и Богеміи за дорогую плату имъ нанимались войска; но, главнымъ образомъ, Александръ вошелъ въ тѣсный союзъ съ ливонскимъ орденомъ. Шигъ-Ахметъ—послѣдній ханъ Золотой Орды, уже утратившей все могущество прежнихъ хановъ,—служа Александру, одновременно предлагалъ свои услуги и московскому государю противъ Литвы, на условіи разрыва его союза съ Менгли-Гиреемъ. Іоаннъ, конечно, не согласился. Менгли-Гирей уничтожилъ остатки Золотоордынскаго ханства, разбивъ Шигъ-Ахмета. Тотъ спасся въ Кіевъ, но за свое вѣроломство былъ заключенъ Александромъ въ Ковно, гдѣ умеръ; между тѣмъ, какъ его племянники: Июсупъ и Шиглавіаръ, поступили на службу къ московскому государю. Несмотря даже на то, что

въ 1501 г. Александръ наслѣдовалъ польскій престолъ отъ умершаго брата Альбрехта и, такимъ образомъ, Польша вновь соединилась съ Литвой подъ одной короной, она не приняла дѣятельнаго участія въ войнѣ Александра съ Іоанномъ; такъ что онъ былъ поддержанъ въ ней только магистромъ ливонскаго ордена: Вальтеромъ-фонъ-Плетенбергомъ. Этотъ молодой, даровитый, благоразумный и дѣятельный правитель, съумѣлъ утишить внутреннюю вражду между орденскимъ рыцарствомъ и духовенствомъ съ городомъ Ригою, поднявъ вмѣстѣ съ тѣмъ воинственный духъ своего Ордена. Онъ негодовалъ на Іоанна за бѣдствія, испытанные нѣмецкими купцами въ Новгородѣ и хорошо понималъ какою опасностью грозило Ордену послѣ паденія его вольности, непосредственное теперь, сосѣдство московскаго государства съ ливонскими землями. Онъ ждалъ только удобнаго случая, чтобъ отомстить Іоанну за разореніе имъ ганзейскаго союза и нанести ударъ его силамъ. Іоаннъ рѣшилъ продолжать войну, несмотря на возможность для Александра соединить противъ него войска обѣихъ своихъ державъ. Онъ послалъ сына Василія съ новгородскимъ намѣстникомъ къ сѣвернымъ литовскимъ границамъ; другое же его войско одержало блистательную побѣду надъ литовскими воеводами близъ Мстиславля, гдѣ взяло множество плѣнниковъ и всѣ непріятельскія знамена. Первое столкновеніе русскихъ съ ливонскими рыцарями произошло въ августѣ мѣсяцѣ въ 1501 г. недалеко отъ Изборска, гдѣ рыцари одержали верхъ надъ войсками Іоанна, несмотря на численное ихъ преимущество благодаря своимъ, пугающимъ враговъ, пушкамъ и военнымъ способностямъ Плетенберга. Уничтоживъ затѣмъ огнемъ городъ Островъ и села на берегу рѣки Ве-

ликой, онъ осадилъ самый Псковъ, ожидая на помощь къ себѣ литовцевъ, подступившихъ къ Опочкамъ. Воеводы Іоанна: намъ извѣстный Даніилъ Щеня съ Василіемъ Шуйскимъ, хотя и заставили его, разореніемъ окрестностей Дерпта, а также нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ городовъ, снять осаду; послѣ же окружили войско его, настигнувъ отступавшихъ враговъ; но Плетенбергъ вновь разсѣялъ московскіе полки, пустивъ опять въ ходъ страшныя свои пушки. Онъ самолично велъ неравную битву съ выдающейся ловкостью и отвагой. Однако, ему всетаки пришлось уйти обратно въ свои владѣнія. Тогда русскіе вторглись въ Ливонію и, минуя крѣпкіе замки, дошли почти вплоть до Ревеля, причинивъ нѣмцамъ много вреда. Тѣ отомстили нападеніемъ на Ивангородъ, однако, утомленный трудной борьбою съ сильнѣйшимъ противникомъ и пораженный моромъ въ войскѣ своемъ, Плетенбергъ самъ сильно занемогъ вслѣдствіе недостатка здоровой пищи и почувствовалъ временную потребность въ отдохновеніи.

Впрочемъ отдыхалъ не долго, а скоро вновь захотѣлъ попытать счастье противъ русскихъ въ псковской землѣ, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ Александромъ на берегахъ Великой. Хотя литовцы не появились для соединенія съ нимъ, тѣмъ не менѣе, Плетенбергъ началъ осаду Пскова, громя его стѣны изъ пищалей и пушекъ, чтобы разрушить крѣпость. Но Даніилъ Щеня съ Василіемъ Шуйскимъ и сильной ратью тоже были недалеко. Они засѣли въ тылъ непріятелю, заставивъ его отступить къ берегамъ озера Смолина; но потомъ сами были завлечены къ мѣсту, гдѣ находилась, сильная своимъ огнестрѣльнымъ снарядомъ нѣмецкая пѣхота. Только измѣна изъ личной ненависти въ рядахъ нѣмецкихъ рыцарей, намъ даровала тогда побѣду.

Не надѣясь на благопріятный исходъ войны со страною могучей, не только многочисленнымъ войскомъ, но и умомъ своего государя, Плетенбергъ въ 1503 г. вступилъ, по примѣру союзника своего, тоже извѣдавшаго горькимъ опытомъ степень военной мощи московскаго княжества, въ мирные переговоры съ Іоанномъ. Они закончились лишь перемиріемъ на шесть лѣтъ, несмотря на посредничество папы Александра VI; ходатайство за Литовскаго короля брата его—Владислава венгерскаго и длинныя письма къ отцу изъ Литвы Елены Іоанновны, для оправданія мужа. Іоаннъ Васильевичъ удержалъ за собою всѣ земли и города западно-русскихъ киязей своею волею перешедшихъ подъ его руку и заявилъ открыто, что сдѣлавшись сосредоточіемъ всего русскаго міра, Москва будетъ всѣми силами добиваться возвращенія себѣ древнихъ своихъ областей, захваченныхъ Литвою. Дѣйствительно, въ томъ же 1502 г. онъ сдѣлалъ попытку осады Смоленска, самой природою укрѣпленнаго каменными стѣнами. А потому осада его требовала большихъ усилій и воинскаго искусства Одинъ изъ меньшихъ сыновей Іоанна, посланный имъ въ Литву къ Смоленску, взялъ только городъ Оршу; выжегъ деревни до Полоцка и Мстиславля; но не могъ овладѣть Смоленскомъ и отступилъ, вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи для своихъ воиновъ, уведя за собой нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. «Земли польскія и литовскія—отчина королевская; русская же земля, наша отчина», говорилъ Іоаннъ; и когда, годъ спустя, литовскіе послы явились просить его обратить перемиріе въ вѣчный миръ, онъ непреклонно имъ отвѣчалъ: -«Если хотите мира, отдайте мнѣ Смоленскъ и Кіевъ».

Въ 1562 г. Стефанъ: господарь молдавскій, со-

дѣйствовалъ ослабленію Польши, отвоевавъ отъ нея нѣсколько городовъ на рѣкѣ Днѣстрѣ. Однако, онъ это сдѣлалъ уже не какъ союзникъ Іоанновъ и не ради выгодъ сосѣдней Россіи; потому что естественно возненавидѣлъ Іоанна, обиженный незаслуженнымъ бѣдствіемъ своего внука и дочери. Старанія Менгли-Гирся ихъ примирить между собою были напрасны. На его запросъ: «почему юный Дмитрій лишился права своего на престолъ отца?» Іоаннъ заносчиво отвѣчалъ: «что милость его возвела внука на царскую высоту, а немилость съ нея низвергла». Когда Елена, подпавшая подъ вліяніе жидовской ереси, отъ горя и тоски скончалась въ темницѣ, ея сынъ навсегда остался подъ стражею, какъ преступникъ; причемъ лишь малое число слугъ, помимо тюремныхъ надзирателей имѣло къ нему доступъ. Тѣмъ не менѣе, литовскій король Александръ тщетно склонялъ молдавскаго господаря изъ вражды къ Россіи войти въ дружескій союзъ съ Польшей. Стефанъ до смерти своей не соглашался ему вернуть Днѣстровскія земли, но умирая завѣщалъ сыну Богдану болѣе не противиться турецкой власти, такъ какъ борьба съ Баязетомъ была ему, все равно, не подъ силу и послужила бы лишь къ разоренію имъ страны. Такимъ образомъ слава Молдавіи исчезла съ кончиной доблестнаго ея вождя и защитника: господаря Стефана.

Между тѣмъ, старшему сыну Іоанна III, отъ Софьи Палеологъ, настало время жениться. Когда не удалось сватовство между нимъ и дочерью датскаго короля; а Елена на просьбу отца подъискать невѣсту для брата въ Литвѣ или среди нѣмецкихъ принцессъ, отвѣчала: «что во первыхъ, она не можетъ взять на себя такое дѣло пока нѣтъ прочнаго мира между Москвою и ея мужемъ; во вторыхъ же, что запад-

ные противники православія не отдадутъ никогда дочь за православнаго князя,—Іоаннъ послѣдовалъ совѣту грека Юрія Траханіота—прибѣгнуть къ обычаю при византійскомъ Дворѣ: собирать на смотръ дѣвицъ для отбора лучшихъ изъ нихъ на усмотрѣніе жениха; которую онъ предпочтетъ, чтобы на ней жениться? Хитрый Траханіотъ надѣялся, что наслѣдникъ русскаго государства остановитъ свой выборъ на его дочери; однако, Василій выбралъ изъ приведенныхъ къ нему во дворецъ невѣстъ: Саломнію: дочь незнатнаго дворянина, одного изъ потомковъ татарскаго выходца — мурзы Чета-Сабурова. Іоаннъ очевидно предпочиталъ вступить въ свойство съ простымъ дворяниномъ, чѣмъ съ княземъ или бояриномъ, чтобы имѣть возможность его наградить, не удѣляя ему особенныхъ правъ, несовмѣстимыхъ съ положеніемъ подданнаго. Но тогда-то впервые приблизились къ трону родственники Саломніи: Годуновы.

Младшую, любимую дочь свою — Ѳеодосію, Іоаннъ, не желая съ ней разставаться, выдалъ замужъ за сына своего знаменитаго воеводы: князя Даніила Холмскаго—Василія; но она годъ спустя скончалась.

Пока Москва ликовала, празднуя свадьбу молодого вел. князя, Іоаннъ получилъ извѣстіе, что казанскій царь: присяжникъ Москвы Магметъ-Аминь, подъ вліяніемъ ненависти къ Россіи своей красивой жены: вдовы татарскаго хана, сосланнаго въ Вологду—Алегама, рѣшилъ отложиться отъ подчиненной связи своей съ Іоанномъ и въ обычный день прославленной Казанской ярмарки, когда русскіе купцы пріѣзжали въ Казань, считавшуюся теперь, уже много лѣтъ русской областью, чтобы мирно обмѣниваться товарами съ азіатскими купцами, онъ приказалъ внезапно схватить,

отправленнаго къ нему Іоанномъ посла и умертвить безъ вины многихъ русскихъ купцовъ. Они были ограблены и частью заключены въ темницы. Послѣ того онъ соединилъ 40.000 казанскихъ воиновъ съ 20.000 ногайскихъ татаръ и осадилъ Нижній-Новгородъ, предавъ огню городскіе посады. Тогда Воевода Нижняго: Хабаръ Симскій, имѣя въ своемъ распоряженіи только малое число воиновъ, ради защиты города выпустилъ изъ темницы 300 плѣнныхъ литовцевъ, захваченныхъ на Ведрошѣ и обѣщалъ имъ свободу именемъ московскаго государя, если они станутъ храбро биться съ воинствомъ казанскаго хана. И литовцы, будучи искусными стрѣлками, спасли Нижній-Новгородъ, умертвивъ среди множества непріятелей ногайскаго князя: шурина Магметъ-Аминя. Тогда нагайскіе татары, увидѣвъ мертвымъ вождя своего, не захотѣли продолжать битвы, а начали распрю съ казанцами, такъ что Магметъ-Аминь едва могъ усмирить ихъ. Онъ снялъ осаду и поспѣшилъ скрыться въ предѣлы своего царства. Литовцевъ тотчасъ же освободили, щедро ихъ одаривъ за оказанную услугу. Болѣзнь помѣшала Іоанну III достойно наказать вѣроломнаго хана. Крѣпкое его здоровье замѣтно пошатнулось со смертью, въ 1503 г. вел. княгини Софьи. Вѣря болѣе благотворному дѣйствію усердной молитвы, чѣмъ познаньямъ врачей, Іоаннъ поѣхалъ со всѣми дѣтьми просить себѣ исцѣленія въ Троице-Сергіевскую Лавру, въ Ростовъ, Ярославль и Переяславль Залѣсскій, гдѣ находились обители, знаменитыя своею святостью. Послѣ этой поѣздки онъ написалъ завѣщаніе въ присутствіи своего духовника и знатнѣйшихъ бояръ, назначая князя Василія Іоанновича своимъ преемникомъ на московскомъ престолѣ и государемъ всей русской земли, такъ же

какъ всѣхъ меньшихъ его братьевъ, получавшихъ права только частныхъ владѣльцевъ, въ отведенныхъ имъ городахъ, а не былыхъ полновластныхъ удѣльныхъ князей. Въ договорныхъ грамотахъ за послѣднее десятилѣтіе своего княженія, Іоаннъ именовался такъ:—«Божьей милостью Господарь всея Руси; вел. князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверской и Вятскій; Пермскій и Булгарскій, причемъ собственно московское государство онъ назвалъ Бѣлой Россіей: т. е. древней, великой,—по смыслу этого слова на языкахъ восточныхъ. Съ перечисленіемъ всѣхъ областей переходящихъ Василію, упоминается впервые о дикой Лапландіи. Тутъ же тщательно переименованы всѣ города, обратно отнятые у Литвы.

Іоаннъ III является почти завершителемъ собиранія восточной Руси вокругъ Москвы. Часть рязанской земли, еще сохранившая своего особаго князя: пятилѣтняго внука любимой сестры Іоанна: Анны,—вполнѣ зависѣлъ отъ московскаго государя. Хотя въ Псковѣ еще удержалось народное вѣче, но оно не могло рѣшать ничего важнаго безъ согласія изъ Москвы и московскіе намѣстники въ дѣйствительности управляли псковскою областью. Болѣзнью Іоанна хотѣлъ воспользоваться Александръ литовскій. Онъ въ это самое время поспѣшилъ снарядить въ Москву торжественное посольство, имѣвшее цѣлью вынудить у Іоанна, какъ непремѣнное условіе вѣчнаго мира съ Литвою и спокойствія на чужбинѣ дочери его Елены: возвратъ Литвѣ, отобранныхъ у нея при Іоаннѣ древне-русскихъ земель. Уже на краю могилы, Іоаннъ естественно желалъ докончить дни свои въ тишинѣ внѣшней и внутренней; но тѣмъ не менѣе послы литовскіе убѣдились, что ихъ королю не удастся заключить миръ на условіяхъ какихъ они добивались,

въ ущербъ московскому государству, потому что Іоаннъ, показавъ себя, несмотря на всѣ свои личныя прегрѣшенія и недостатки, поистинѣ мудрымъ великимъ государемъ,—не измѣрялъ своимъ вѣкомъ, вѣка Россіи. Она же безъ умаленія своего достоинства не могла примириться съ утратой Кіева и Смоленска; русскій народъ не могъ и не хотѣлъ оторвать отъ сердца русской земли родныя области, бывшія кровью отъ крови и плотью отъ плоти ея. Послы Александра уѣхали изъ Москвы ни съ чѣмъ. Іоаннъ же Васильевичъ тихо скончался 27 октября 1503 г. 66-ти лѣтъ отъ роду. Не принимая схимы, онъ до послѣдней минуты давалъ повелѣнія, въ неутомимой заботѣ о благѣ русскаго государства. Выраженіемъ такой заботы служитъ и, составленный Іоанномъ, на основѣ все той же Русской Правды, особый Судебникъ для руководства въ томъ: какъ судить окольничимъ и боярамъ во всѣхъ разнообразныхъ земляхъ сѣверо-восточной Руси, теперь объединившейся вокругъ Москвы въ одно русское государство? Судебникъ Іоанна III окончательно устанавливаетъ двухнедѣльный срокъ для крестьянскихъ переходовъ отъ одного землевладѣльца къ другому, а именно за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю послѣ, причемъ опредѣлено сколько отходящій крестьянинъ обязанъ уплатить землевладѣльцу; съ такимъ прибавленіемъ, что еслибы кто, съ цѣлью посадить у себя бо̀льшее число кметей (т. е. крестьянъ) захотѣлъ установить въ своей землѣ легчайшія работы и дани къ общему вреду землевладѣльцевъ, тотъ платитъ за нарушеніе устава великокняжескаго сто копъ—иначе грошей. Судебникъ узаконяетъ наслѣдственное право женщины. Въ немъ сказано, что если кто умретъ безъ духовнаго завѣщанія, не оставивъ сына, то все его имущество

достается дочери, преимущественно передъ другими родственниками. Судебникъ строго предписываетъ прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ другихъ городахъ, по волостямъ заповѣдывать, чтобы ни истецъ, ни отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ посуловъ не дѣлали, а «послухи», не видѣвъ собственными глазами, не свидѣтельствовали. Іоаннъ обратилъ вниманіе и на жестокій вредъ для народа отъ вольной продажи крѣпкихъ напитковъ. Такая продажа называлась «корчмою», и лѣтописцы прославляютъ князя Михаила Александровича тверского за истребленіе имъ въ своей землѣ корчемниковъ, наравнѣ съ разбойниками. Св. Кириллъ Бѣлоозерскій проситъ удѣльнаго можайскаго князя у себя уничтожить корчму, соблазняющую очень многихъ пропиваться до совершенной пагубы. Какъ свидѣтельствуетъ, нами уже упомянутый венеціанецъ: Іосифъ Барбаро, Іоаннъ III для уменьшенія народнаго пьянства, запретилъ частнымъ людямъ варить хмельные напитки, оставивъ на это право исключительно за вел. княземъ, что кстати и увеличивало еще его доходы. Рядомъ съ такими благими мѣрами Судебникъ Іоанна, должно быть въ силу испорченныхъ подъ долговременнымъ татарскимъ вліяніемъ, значительно огрубѣвшихъ нравовъ, мало чувствительныхъ къ наказанію денежной пеней и глухихъ къ слову разумнаго увѣщанья, — узаконяетъ впервые «торговую казнь», т. е. битье кнутомъ на торгу за воровство; перепахиванье чужой межи; или же произвольное уничтоженіе порубежныхъ знаковъ. Умножены тоже и основанія для смертнаго приговора. Несправедливое рѣшеніе судей могло быть уничтожено вел. княземъ. Оставался въ силѣ обычай единоборства, или такъ называемаго, «суда Божія». Каждый могъ выставить

вмѣсто себя бойца. Сражались обыкновенно въ латахъ и шлемахъ: копьями, сѣкирами или мечами; пѣшіе или на коняхъ; но исключались луки и оружіе огнестрѣльное. Обладая въ душѣ своей болѣе свойствами мудраго государя-правителя, нежели прирожденнаго воина, Іоаннъ занимался все же очень усердно благоустройствомъ и усиленіемъ своего войска. Онъ первый началъ давать помѣстья боярскимъ дѣтямъ съ тѣмъ, чтобы они обязывались приводить за собой на войну нѣсколько вооруженныхъ холопей: конныхъ или пѣшихъ, смотря по доходности имъ дарованнаго имѣнія. Принимая къ себѣ на службу нѣмецкихъ и литовскихъ плѣнниковъ, онъ отвелъ имъ за Москвою-рѣкою особую слободу, получившую наименованіе «Нѣмецкой».

82) Картина: На службу государеву.

Мужествомъ московской рати и такихъ воеводъ какъ Стрига-Оболенскій, Щеня и Холмскій, Іоаннъ побѣждалъ враговъ Россіи на востокѣ и западѣ. Воинъ на престолѣ опасенъ тѣмъ, что ему трудно быть миролюбивымъ; онъ можетъ начать кровопролитіе, не постаравшись сначала его избѣгнуть, по своей страсти къ боямъ и завоеваніямъ, тогда какъ лишь необходимость для государственной независимости; или ради чести, цѣлости и защиты родины, смѣлая, самоотверженная война, должна считаться законною. Іоаннъ воевалъ съ Ахматомъ и Литвою, не отвергая мира, когда онъ былъ совмѣстенъ съ благомъ и достоинствомъ московскаго государства. Іоанну III первому было придано имя Грознаго, но, такъ сказать, исключительно для враговъ и преступниковъ—ослушниковъ его государевой воли; хотя въ поступкахъ его была замѣтна уже природная жестокость нрава, умѣряемая лишь высокимъ разумомъ. Все въ Москвѣ дѣлалось государе-

вымъ повелѣніемъ; милостью его или гнѣвомъ. Онъ главенствовалъ тоже на всѣхъ соборахъ церковныхъ, заявляя себя повелителемъ и среди высшаго духовенства. Изъ примѣра посла къ султану Баязету мы видимъ насколько Іоаннъ былъ гордъ въ сношеніяхъ съ иноземными государями; величественный въ пріемѣ отъ нихъ посольствъ. Онъ желалъ дѣйствовать на воображеніе людей, чтобъ возвышаться надъ ними, почему охотно перенялъ, какъ мы уже говорили, пышную торжественность византійскихъ установленій и ввелъ обрядъ цѣлованія монаршей руки въ знакъ особаго благоволенія. Іоаннъ жилъ и дѣйствовалъ въ то время, когда во всей Европѣ возникло, на развалинахъ феодальнаго: иначе крупнаго земледѣльческаго, порядка, раздробленной государственной силы—новое могущество: единой царственной личности королей Англіи, Франціи и, сбросившей съ себя иго мавровъ, Испаніи. Сынъ германскаго императора—Максиміліанъ, уже готовилъ въ своемъ умѣ къ осуществленію мысль о возвышеніи императорскаго достоинства, съ переходомъ его потомственно, къ членамъ австрійскаго дома Габсбурговъ. Польша, Венгрія и Богемія, управляемыя тогда однимъ Гедеминовымъ родомъ, заодно съ Австріей могли обуздывать ненасытное властолюбіе Баязета. Датскій король старался соединить подъ своей державой, на сѣверѣ, оба Скандинавскія государства. Португалецъ Колумбъ открылъ съ Америкой цѣлый новый міръ, среди бурнаго, безконечнаго океана; привлекательный для торговли, человѣческаго корыстолюбія и науки. Попытки отважныхъ мореплавателей обойти Африку съ юга увѣнчались наконецъ полнымъ успѣхомъ и Васко-де-Гама, обогнувъ мысъ Доброй Надежды! съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ

берега Индіи, съ какимъ Колумбъ открылъ Америку. Теперь драгоцѣнные индійскіе товары, черезъ Персію и Каспійское море, достигали Азова.

Гутенбергъ и Фаустъ изобрѣли книгопечатаніе. Однимъ словомъ всюду себя обнаруживалъ новый складъ жизни; переходъ къ новымъ ея условіямъ и понятіямъ. Хотя Россія втеченіи трехъ столѣтій находилась внѣ круга европейской государственной дѣятельности и перемѣнъ ея гражданскаго быта—однако неослабныя усилія московскихъ князей отъ Калиты до Іоанна, подготовили почву для ея, наступившаго при немъ, внутренняго могущества. Благоразумная осторожность дѣйствій сына Дмитрія Донского могла соблюсти цѣлость только самой Москвы, но онъ вынужденъ былъ уступить Смоленскъ и другія русскія земли на западѣ, воинственному Витовту. Орда съ Литвою отъ насъ заслоняли непроницаемою стѣной весь внѣшній міръ сосѣднихъ намъ европейскихъ странъ; они ограничивали собой кругозоръ русскихъ людей. Московское княжество было заслонено отъ непосредственнаго соприкосновенія съ западными народами, другими княжествами; а также землями вольныхъ городскихъ общинъ: Новгорода и Пскова. Но съ половины XV столѣтія всѣ эти внѣшнія загражденія исчезаютъ и оно становится глазъ на глазъ съ иноземными государствами. Завершенное Іоанномъ III собираніе сѣверо-восточной Руси вокругъ Москвы, превратило московскую область въ великорусское государство и Іоаннъ III сдѣлался одинимъ изъ знаменитѣйшихъ государей Европы,—чтимый, и въ Римѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Копенгагенѣ. Русская церковь, прежде искавшая милости византійскихъ святителей, теперь сама принимала въ Москвѣ пол свое покровительство, туда пріѣзжавшихъ грековъ

въ 1464 г. митрополитъ Ѳеодосій поставилъ тамъ митрополита Кесаріи. Подъ гнетомъ египетскаго султана патріархъ Іерусалимскій искалъ спасенія въ Россіи и умеръ на пути туда. Знаменитые аѳонскіе монастыри существовали русскими благодѣяніями. Въ дѣлахъ вѣры Іоаннъ согласовалъ терпимость съ усердіемъ къ православію. Онъ не гналъ въ предѣлахъ своего царства, ни магометанъ, ни католиковъ, ни евреевъ, хотя и радовался когда эти иновѣрцы добровольно склонялись перейти въ православіе. Въ 1490 г. вмѣстѣ съ братомъ вел. княг. Софьи—Андреемъ, пріѣхалъ въ Москву нѣкій капеланъ Августинскаго Ордена, принявшій торжественно православіе и женившійся на россіянкѣ, за что получилъ отъ Іоанна въ награду богатое село.

Іоаннъ III умножилъ государственные доходы земельнымъ пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и разработкой пермскихъ рудниковъ. При немъ торговля обогощала страну болѣе прежняго. Не напрасно Іоаннъ усердно заботился объ ея безопасности при сообщеніи купеческихъ каравановъ съ Азовомъ и Кафой, откуда въ обмѣнъ на собольи, лисьи и горностаевы мѣха; рыбьи зубы, юфть и холстъ, московскіе купцы привозили жемчугъ, шелкъ, сафьянъ, губки, ковры, ладонъ, шафранъ, мускусъ, камфару, краски, грецкіе орѣхи, перецъ, инбирь, миндаль и ревень. Удобный доступъ въ эти владѣнія турецкаго султана, какъ мы видѣли благосклоннаго къ московскому вел. князю, благодаря союзу его съ крымскимъ ханомъ, зависѣлъ отъ отношеній Москвы съ Литвою; такъ какъ прямой путь туда изъ Россіи затруднялся разбоями азовскихъ казаковъ, купцамъ приходилось слѣдовать торговыми караванами черезъ Литву. По рѣкамъ: Окѣ и Волгѣ, изъ года въ годъ отправлялись рус-

скія суда за солью въ Астрахань. Изъ Волжской орды являлись барышники вмѣстѣ съ послами, приводя въ Москву на продажу тысячи лошадей. Московскіе купцы ѣздили торговать въ Казань, а казанскіе къ нимъ въ Москву.

Какъ независимая держава, успокоенная внутри и торжествующая извнѣ надъ своими врагами, Россія грозно и гордо возвысила при Іоаннѣ голову, какъ у предѣловъ Азіи, такъ и западныхъ государствъ Европы.

Глава XV.

Достойный преемникъ Іоанна III — Василій Іоанновичъ продолжаетъ все начинанія отца. Его отношеніе къ своему сопернику Дмитрію и одиночное заключеніе послѣдняго въ мрачной дворцовой палатѣ. Духовное завѣщаніе рано умершаго отъ тоски молодого царевича и его пышныя похороны. Крещеніе сына казанскаго хана Ибрагима: Кудай-Кула женитьба его на сестрѣ вел. князя. Неудачный походъ противъ мятежнаго Махметъ-Аминя московскаго войска подъ главнымъ начальствомъ неопытнаго вождя—брата Василія: Дмитрія Жилка. Безуспѣшные приступы Казани и отступленіе разбитыхъ русскихъ полковъ къ Нижнему Новгороду. Предложеніе Василію мира ханомъ Магметъ-Аминемъ послѣ внезапнаго нападенія на побѣдоносныхъ татаръ свѣжихъ московскихъ силъ, посланныхъ вел. княз. на помощь брату и пораженіе ихъ во время безпечнаго ликованія татарскихъ воиновъ среди походныхъ шатровъ раскинутыхъ подъ Казанью. Преждевременный отдыхъ торжествующихъ москвичей, ставшихъ жертвами своего легкомысленнаго пренебреженія полной возможностью дружнымъ натискомъ взять Казань. Страхъ Магметъ-Аминя передъ твердой рѣшимостью Василія Іоанновича отстоять честь свою и замышляемымъ имъ союзомъ съ ногайскими татарами. Посылка имъ извинительной учтивой грамоты московскому вел. князю въ 1507 г. Безуспѣшная попытка польско-литовскаго короля Александра незадолго до его смерти склонить Василія къ возвращенію Литвѣ древне-русскихъ городовъ, отвоеванныхъ у нея Іоанномъ III. Рѣшительный отказъ Василія и рѣзкое напоминаніе его посламъ о неисполненномъ Александромъ обязательствѣ передъ Іоанномъ III: построит

для супруги своей православную церковь въ Вильнѣ. Неосуществившаяся мечта Василія о соединеніи подъ верховной властью московскаго государя, Литвы и Польши, послѣ кончины Александра. Вошествіе на польско-литовскій престолъ меньшого брата его: Сигизмунда. Предложеніе имъ, при извѣщеніи Москвы объ этомъ событіи, вѣчнаго мира Василію Іоанновичу, раздосадованному неудачей своего замысла. Измѣна вынужденной присягѣ московскому вел. князю Константина Острожскаго, бѣжавшаго въ Литву на службу къ королю Сигизмунду и переходъ, съ другой стороны, въ подданство къ московскому государю литовскаго вельможи: князя Михаила Глинскаго съ братьями, вслѣдствіе козней противъ него завистниковъ Александра его высокаго положенія при Дворѣ и невниманія Сигизмунда къ причиненнымъ ему ими обидамъ. Союзъ Михаила съ Менгли-Гиреемъ и господаремъ молдавскимъ. Его безпощадная месть врагамъ своимъ; стараніе возстановить православную часть Литвы противъ польско-литовскаго короля и стать могучимъ кіевскимъ княземъ. Осада города Орши московскимъ воеводою Даніиломъ Щеня. Блестящія дарованія, какъ правителя и полководца, младшаго изъ сыновей Казиміра, твердаго волей, рядомъ съ необычайной тѣлесной крѣпостью. Внезапное появленіе его войскъ подъ Оршей и отходъ воеводъ Василія на восточный берегъ Днѣпра. Обѣщанія кн. Константина Острожскаго повести къ Москвѣ литовское войско. Наступленіе полковъ Василія къ Дорогобужу и бѣгство оттуда Сигизмунда въ Смоленскъ. Ослабленіе прежняго, грознаго для Литвы союза съ московскимъ вел. княземъ Менгли-Гиреемъ, вслѣдствіе старости его, а также происковъ Сигизмунда и начавшіеся разбои татарскихъ шаекъ въ южныхъ русскихъ владѣніяхъ. Несбывшаяся надежда враговъ Василія III на вооруженную распрю между нимъ и царевичемъ Дмитріемъ послѣ смерти Іоанна. Двоедушная алчность крымцевъ, одинаково льстившихся на подкупъ ихъ деньгами и подарками со стороны обоихъ враждующихъ между собой, сосѣднихъ съ ней странъ. Тщетная попытка короля Сигизмунда возстановить противъ Василія его брата—Юрія; московскаго же вел. князя:—поднять противъ него ногайскихъ татаръ. Письмо къ брату вдовствующей вел. княгини литовской Елены, съ мольбою о прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ Литвы. Заключеніе мирнаго договора между Василіемъ и Сигизмундомъ на условіи, чтобы Василій не принималъ болѣе себѣ въ подданство литовско-русскихъ князей съ ихъ помѣстьями, а также признялъ неоспоримымъ достояніемъ Литвы, какъ Кіевъ съ Смоленскомъ, такъ и города Глинскаго: Мзырь и Гуровъ. Негодованіе Глинскихъ на эти условія мира и скрытая жажда ими мести обоимъ, ихъ обездолившимъ государствамъ. Ласка, оказан-

ная имъ въ Москвѣ Василіемъ, не имѣвшимъ искренно въ виду долгаго мира съ королемъ Сигизмундомъ. «Шертная» грамота Менгли-Гирея Василію и обѣщаніе помощи съ его стороны Михаилу Глинскому. Освобожденіе въ Москвѣ Василіемъ плѣннаго Абдулъ-Летифа: пасынка Менгли-Гирея, изъ уваженія къ просьбѣ крымскаго хана, только съ отказомъ его отпустить въ Тавриду. Уклоненіе вел. князя отъ предлагаемаго ему Менгли-Гиреемъ похода Волгою противъ Астрахани въ угоду личнымъ цѣлямъ крымскаго хана безъ всякой надобности для Москвы. Московскіе послы въ Тавридѣ и ревностная охрана ими достоинства своего сана ради поддержки высокаго значенія и чести пославшаго ихъ, московскаго государя. «Посошная» дань и столкновеніе посла Морозова съ татарскимъ мурзой Кудояромъ. Неудовольствіе сыновей Менгли-Гирея на скудность подарковъ, привезенныхъ имъ отъ Василія, съ угрозами заключить въ цѣпи знатнаго московскаго посла. Гордый и смѣлый отвѣтъ его имъ. Ливонскій орденъ и ганзейскіе купцы, плѣненные Іоанномъ III въ Новгородѣ. Ходатайство за нихъ римскаго короля: Максимиліана. Мирный договоръ съ Ливоніей на 14 лѣтъ въ 1509 г. при условіи, чтобы ливонскіе рыцари не держали сторону польско-литовскаго короля противъ московскаго государя. Права торговли ливонцевъ въ новгородской землѣ. Окончательное паденіе вслѣдъ за Новгородомъ вѣчевой самобытности Пскова. Невыразимая скорбь и отчаяніе псковичей. Пріѣздъ Василія въ Псковъ. Введеніе тамъ господства московской власти и новыхъ московскихъ порядковъ городской жизни. Стараніе князя Глинскаго побудить Василія къ нарушенію мира съ Литвою. Оскорбленіе въ Литвѣ Елены Іоанновны. Успѣшное дѣйствіе коварныхъ происковъ и подкуповъ Сигизмунда въ крымской ордѣ, несмотря на расположеніе къ Василію супруги Менгли-Гирея: Нурсалтанъ. Прекращеніе долгаго, искренняго союза съ Москвою крымскаго ханства. Охрана южныхъ окраинъ русской земли московскимъ войскомъ, постоянно готовымъ къ бою на берегахъ Оки, Осетра и Упы. Удачное отраженіе его отважными воеводами разбойничьяго набѣга крымцевъ на рязанскую область. Вооруженіе русскихъ воиновъ того времени и составъ русскаго войска. Возобновленіе войны съ Литвою и походъ Василія подъ Смоленскъ въ 1513 г. во главѣ московскихъ полковъ. Дѣла венгерскія и союзный его договоръ съ Максимиліаномъ. Присоединеніе къ нему магистра тевтонскаго ордена. Примиреніе съ Москвою 70 ганзейскихъ городовъ ради возврата имъ прежнихъ правъ ихъ торговли въ новгородской землѣ. Неудачный приступъ московскихъ войскъ на Смоленскъ но полная ихъ побѣда въ открытомъ полѣ надъ литовскимъ намѣстникомъ тамъ: Юріемъ Сологубомъ. Долгій, напрасный обстрѣлъ изъ пушекъ

Василіемъ города до наступленія ненастной осени. Помощь московскимъ войскамъ 1514 г. германскихъ наемныхъ воиновъ, призванныхъ изъ Богеміи по совѣту Глинскаго. Разрушеніе ядрами стѣнъ и зданій Смоленска. Ужасъ жителей и слезныя ихъ мольбы о пощадѣ, обращенные въ станъ враговъ. Тщетное увѣщаніе ихъ, храбро оборонявшимся Юріемъ Сологубомъ. Торжество въ пылающемъ городѣ сторонниковъ Москвы. Сдача Смоленска Василію и духовенство во главѣ съ его епископомъ: Варсанофіемъ въ станѣ вел. князя. Радостный въѣздъ его въ древній родной Смоленскъ. Измѣна Глинскаго, обманувшагося въ надеждѣ своей: лолучить Смоленскъ въ полное свое владѣніе. Его предательскія сношенія съ Сигизмундомъ. Успѣшная погоня за нимъ воеводы Булгакова-Горлицы и наложенія на него оковъ при отправкѣ въ Москву по приказу вел. князя. Гибельная для московскаго войска битва съ литовцамн на Днѣпрѣ подъ Оршей вслѣдствіе преступной распри между Булгаковымъ и Челядинымъ. Полная побѣда надъ этими воеводами, не пожелавшими помогать другъ другу, Константина Острожскаго. Заслуга великокняжескаго намѣстника въ Смоленскѣ: Шуйскаго, удержавшаго за Москвой Смоленскъ безпощадною казнью въ немъ малодушныхъ измѣнниковъ своей недавней присягѣ Василію Іоанновичу. Безуспѣшное отступленіе Константина Острожскаго отъ Смоленска. Евстаѳій Дашкевичъ, атаманъ днѣпровскихъ казаковъ, прославившій себя боевыми подвигами и предавшійся польско-литовскому королю послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ Москвѣ. Союзъ съ нимъ Магметъ-Гирея. Василій ищетъ себѣ поддержки въ Крыму со стороны турецкаго султана Селима. Посольство въ Тавриду боярина Мамонова. Соперничество въ Крыму Василія съ Сигизмундомъ въ стараніи ихъ обоихъ расположить къ союзу съ собою Магметъ-Гирея, по смерти его отца. Вѣроломныя дѣйствія крымскаго хана и разореніе имъ южныхъ владѣній Литвы. Тяжелая болѣзнь и смерть казанскаго хана Магметъ-Аминя. Удачное отраженіе крымскихъ хищниковъ московскими воеводами изъ-подъ города Тулы. Безпощадное ихъ избіеніе русскими воинами изъ засады въ окрестныхъ лѣсахъ и болотахъ. Заключеніе Москвою союза съ датскимъ королемъ Христіаномъ II. Недостатокъ денежныхъ средствъ у тевтонскаго ордена для оказанія, обѣщанной имъ помощи московскому государю въ его войнѣ съ Литвою. Примиреніе императора Максимиліана съ королемъ Сигизмундомъ въ Вѣнѣ и перемѣна его образа мыслей относительно договорной грамоты съ вел. княземъ Василіемъ. Брачные союзы венгерскаго королевскаго дома съ родомъ германскаго императора, укрѣпившіе въ Венгріи и Чехіи нѣмецкое вліяніе. Посредство Максимиліана въ мирныхъ переговорахъ между Василіемъ и Сигизмун-

домъ. Рѣшительный отказъ Василія вести мирные переговоры гдѣ-либо кромѣ Москвы. Блестящая побѣда русскаго войска надъ Константиномъ Острожскимъ подъ городомъ Опочкой. Доблестная защита слабыхъ его укрѣпленій Василіемъ Салтыковымъ и выручка осажденныхъ княземъ Телепневымъ-Оболенскимъ, разбившимъ на голову 14 тысячъ литовскихъ воиновъ. Бѣгство изъ подъ Опочки Константина Острожскаго подъ угрозою наступающихъ на него русскихъ войскъ. Богатыя ихъ добычи пушками и обозами, при тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудіяхъ, брошенныхъ Константиномъ. Допущеніе въ Москву уполномоченныхъ короля Сигизмунда для мирныхъ переговоровъ съ вел. княземъ. Непомѣрныя требованія обѣихъ сторонъ, какъ обязательныя условія для заключенія мира. Пристрастіе барона Герберштейна: посла Максимиліана, въ сторону Сигизмунда. Рѣшительный отказъ Василія, возвратить ему Смоленскъ. Ходатайство императора Максимиліана объ освобожденіи Михаила Глинскаго и возраженіе ему вел. князя на эту просьбу. Московское посольство въ Вѣнѣ и почетный пріемъ его тамъ. Возобновленіе переговоровъ о мирѣ съ Литвой въ Москвѣ другими послами Максимиліана, тщетно старавшимися устрашить московскаго государя, все возрастающимъ могуществомъ турокъ и вынудить его уступить литовскому королю Смоленскъ. Внезапная смерть германскаго императора.

Со смертью Іоанна III возстаніе противъ его верховной власти въ Казани Магметъ-Аминя, осталось неотомщеннымъ. Но вел. князь Василій Іоанновичъ продолжалъ царствованіе отца, неуклонно слѣдуя всѣмъ путямъ его и развивая начала имъ вложенныя въ жизнь русскаго государства съ невозмутимо-твердой, послѣдовательной рѣшимостью. Іоаннъ III не могъ желать себѣ лучшаго преемника для продолженія всѣхъ его дѣлъ и замысловъ. Василій III занялъ московскій престолъ, избѣгая пышныхъ обрядовъ вѣнчанія на царство, чтобъ не напомнить ими о злополучной участи и всенародномъ, хотя кратковременномъ, возвеличеніи Іоанномъ—Дмитрія. Сохранивъ въ сердцѣ своемъ чувство глубокой къ нему непріязни, онъ обрекъ молодого человѣка, полнаго жажды едва распустившейся жизни, на оди-

нокое заключеніе въ мрачной палатѣ, при этомъ, какъ бы въ насмѣшку, обставивъ его, ради успокоенія своей совѣсти, холоднымъ, далекимъ призракомъ роскоши и богатства, потому что довольно щедро его надѣлилъ: и земельной собственностью, и деньгами съ разными драгоцѣнностями, тогда носившихъ названіе «рухляди». Въ его распоряженіи было нарядное великолѣпное платье. Но все это мертвое достояніе, предоставленное ему жестокимъ дядей взамѣнъ свободы, не могло дать несчастному узнику ни утѣшенія, ни отрады и проявилось оно только въ завѣщаніи князя Дмитрія, рано умершаго отъ тоски и горя въ 1509 г. Дмитрій писалъ его въ присутствіи своего духовника и боярина: князя Хованскаго. Относясь вполнѣ безразлично къ перечисляемымъ имъ богатствамъ: золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и т. п., онъ зато выразилъ съ яснымъ, хотя покорнымъ судьбѣ, сознаніемъ своего права, опредѣленное, непремѣнное пожеланіе, чтобы всѣ крѣпостные слуги его были отпущены на волю и награждены; долговыя записи уничтожены, а часть его земель, чтобы отдана была въ даръ монастырямъ. Погребальный обрядъ во время похоронъ Дмитрія, совершился съ царскою почестью, больше не угрожавшей наслѣдственному старшинству Василія. Его тѣло предано было землѣ въ новомъ храмѣ св. Михаила, рядомъ съ гробомъ отца.

83) Картина: Несчастный узникъ: на царство вѣнчанный царевичъ Дмитрій.

Нѣсколькими годами позже, не менѣе сурово, чѣмъ съ Дмитріемъ, молодой вел. князь поступилъ, неизвѣстно по какой причинѣ съ мужемъ умершей сестры своей: кн. Василіемъ Даниловичемъ Холмскимъ, заключивъ его тоже въ темницу, гдѣ онъ и умеръ. Другую сестру: Евдокію въ 1505 г. онъ выдалъ за пожелавшаго принять православіе, татарскаго царе-

84) Картина: Крещеніе татарскаго царевича Кудай-Кула.

вича Кудай-Кула, въ крещеніи Петра: сына плѣннаго Іоанномъ III, хана казанскаго; Ибрагима, потомъ занявшаго высокое положеніе среди московскихъ князей и бояръ. Сдѣлалъ онъ это, повидимому желая породниться съ семьей казанскихъ хановъ, передъ походомъ противъ Махметъ-Аминя, предпринятомъ имъ годъ спустя, ради достойнаго наказанія этого хана за его дерзкое возмущеніе противъ Москвы. Однако, походъ этотъ, ввѣренный Василіемъ главному начальству брата его Дмитрія, по прозванію: «Жилка», не проявившаго еще воинскихъ своихъ способностей никакими военными дѣйствіями или подвигами,—былъ очень неудаченъ. Пѣшая рать съ воеводою: Ѳедоромъ Бѣльскимъ, подплыла на судахъ къ Казани, раньше прибытія туда конныхъ полковъ, предводимыхъ княземъ Александромъ Ростовскимъ; Дмитрій, не ожидая соединенія съ нею, сразу послалъ своихъ пѣшихъ всиновъ, въ знойный апрѣльскій день, сразиться съ татарами, подъ Казанью. Когда завязался бой, татарская конница незамѣтно зашла въ тылъ русскимъ и тѣ понесли жестокое пораженіе. Узнавъ объ этомъ, Василій поспѣшно отправилъ брату на выручку князя Василія Холмскаго и другихъ воеводъ со значительнымъ подкрѣпленіемъ, запретивъ ему начинать новый бой безъ ихъ поддержки. Но Дмитрій приказа этого не послушалъ и также неискусно предпринялъ вторичный приступъ Казани, едва подошла къ нему, отставшая конница Александра Ростовскаго. Разбитымъ войскамъ его пришлось отступить въ Нижній Новгородъ, а въ Москвѣ собирались прибѣгнуть къ помощи, враждебныхъ казанцамъ ногайскихъ татаръ, когда, по счастью туда явилось посольство Магметъ-Аминя съ мирными предложеніями, конечно, тотчасъ же принятыми Василіемъ уже въ 1508 г.

Такому благополучному исходу этой, собственно, неудачной войны съ Казанью, способствовало внезапное, грозное нападеніе, подоспѣвшихъ къ Дмитрію, свѣжихъ московскихъ войскъ на казанцевъ, уже торжествовавшихъ полную свою побѣду надъ русскими, среди раскинутыхъ ими по Арскому лугу, шатровъ ежегодной казанской ярмарки. Опрокинувшись на станъ враговъ во время ихъ дикаго ликованія, русскіе загнали татаръ обратно въ городъ, много побивъ ихъ и перерѣзавъ въ общемъ смятеніи; но затѣмъ, вмѣсто того, чтобы, не теряя времени, осадить Казань, предались отдыху и пирамъ въ томъ же станѣ, гдѣ только что веселились татары. Зорко слѣдя за ними съ высокой стрѣльницы, Магметъ-Аминь рано утромъ выслалъ противъ легкомысленныхъ воеводъ многочисленной московской рати 20.000 конныхъ и 30.000 пѣшихъ татаръ, которые безъ труда одолѣли, хотя превосходныя силы полусонныхъ и беззащитныхъ русскихъ, въ свою очередь не ожидавшихъ такъ скоро вооруженнаго выступленія, еще наканунѣ смятыхъ ими, татаръ. Заливъ кровью своей Арскій лугъ и оставивъ на немъ груды труповъ, русскіе, безъ попытки сопротивленія, бѣжали къ своимъ судамъ. Тутъ былъ убитъ князь Курбскій, а воевода—князь Шеинъ, взятъ въ плѣнъ. Лишь часть московской конницы, застигнутая казанцами на рѣкѣ Сурѣ, успѣшно ихъ отразила, благодаря мужеству своихъ вождей: воеводы—Ѳедора Киселева и татарскаго царевича Джаналѣя.

Тѣмъ не менѣе, устрашенный превосходными силами московскихъ войскъ и рѣшимостью великаго князя Василія, во что бы то ни стало отстоять честь, а также безопасность своего государства новымъ походомъ въ Казань русскихъ полковъ подъ глав-

нымъ начальствомъ, уже не бездарнаго Дмитрія, а полководца Шеина и въ союзѣ съ ногайцами. Магмедъ-Аминь, какъ мы уже упоминали, послалъ въ Москву въ 1507 г. «учтивую» грамоту съ извиненіемъ передъ великимъ княземъ; просилъ въ ней смиренно о дарованіи ему мира и признавалъ свою зависимость отъ Москвы, какъ было при Іоаннѣ.

Василій съ большой готовностью согласился на этотъ миръ, тѣмъ болѣе что онъ ему предоставлялъ возможность перенести все свое вниманіе на Литву, съ цѣлью твердо установить ея отношеніе къ московскому государству на прежней почвѣ строго опредѣленныхъ взглядовъ и образа дѣйствій Іоанна III. Александръ литовскій надѣялся, что съ вступленіемъ на престолъ Василія ему удастся вновь пріобщить къ Литвѣ, отъ нея отпавшія русскія области и ожидалъ несогласій, гибельныхъ для московской мощи между дядей и обиженнымъ имъ племянникомъ. Онъ обратился уже для заключенія союза противъ Москвы, къ магистру ливонскаго Ордена: Плетенбергу; но тотъ, выжидая событій, отклонилъ преждевременное, по его мнѣнію, неосторожное выступленіе Ордена для борьбы съ сильнымъ московскимъ государемъ. Тогда Александръ отправилъ въ Москву посольство, поручивъ литовскимъ вельможамъ: Глѣбову и Сапѣгѣ, попытаться уговорить молодого, неопытнаго Василія вернуть подъ его, якобы законную власть, отвоеванныя отъ Литвы Іоанномъ земли и города. Однако, московскіе бояре дали имъ непреклонный отвѣтъ: что московскій великій князь владѣетъ только своими собственными, издревле русскими, областями, а потому ничего уступить не можетъ. Жалобы литовскихъ подданныхъ на русское населеніе, порубежныхъ съ Литвой земель, Василій Іоанновичъ призналъ неспра-

ведливыми, а кромѣ того очень рѣзко напомнилъ Александру объ его неисполненныхъ обязательствахъ относительно свободы православнаго вѣроисповѣданія его супруги: великой княгини Елены. Тогда Александръ ясно увидѣлъ, что смерть Іоанна ни на іоту не измѣнила положенія дѣлъ въ Москвѣ. Не успѣвъ ничего болѣе предпринять для блага своего государства, онъ умеръ въ 1506 г.

Нельзя не отмѣтить здѣсь смѣлую и тогда единственно цѣлесообразную для общаго мирнаго благополучія трехъ смежныхъ государствъ мысль Василія о выборѣ его въ Вильно и Краковѣ на престолъ умершаго Александра. Онъ написалъ Еленѣ, что она можетъ прославить себя этимъ великимъ дѣломъ, если съумѣетъ убѣдить своихъ пановъ избрать его въ короли, несмотря на различіе вѣроисповѣданій, такъ какъ онъ обѣщаетъ не нарушать римскаго закона, но, ставъ отцомъ соединенныхъ народовъ, сдѣлать имъ больше блага, чѣмъ сдѣлалъ бы государь, единовѣрный литовцамъ и полякамъ. Его посолъ долженъ былъ внушить такую мысль епископу виленскому: Войтеху и думнымъ, знатнымъ, польско-литовскимъ вельможамъ. Но скоро пришелъ отвѣтъ Елены, что преемникомъ ея мужа избранъ его родной братъ: Сигизмундъ. Василій въ досадѣ на неудачу, предпринятаго имъ дѣла, послалъ князя Холмскаго воевать въ смоленскую землю подъ тѣмъ предлогомъ, что будто литовцы своими набѣгами безпокоятъ владѣнія князей: Рыльскаго и Стародубскаго, несмотря даже на то, что послы Сигизмунда, снаряженные имъ въ Москву для извѣщенія Василія о его вошествіи на польско-литовскій престолъ—были уполномочены предложить московскому великому князю вѣчный миръ съ Литвой на условіяхъ

очень умѣренныхъ. Тѣмъ временемъ славный князь Константинъ Острожскій измѣнилъ данный имъ: сначала Іоанну III, а затѣмъ Василію,—хотя противъ воли, однако, при ручательствѣ за него московскаго митрополита,—присягѣ на вѣрную службу московскимъ государямъ; онъ убѣжалъ изъ Москвы въ Литву, гдѣ Сигизмундъ его принялъ съ милостью. За то Василій далъ у себя пріютъ и оказалъ въ Москвѣ покровительство еще важнѣйшему литовскому измѣннику: князю Михаилу Глинскому. Родъ его происходилъ отъ одного татарскаго князя, выѣхавшаго изъ орды къ Витовту. Михаилъ получилъ воспитаніе въ Германіи, гдѣ заимствовалъ нѣмецкіе обычаи и перешелъ изъ православія въ католичество; онъ одно время служилъ въ Италіи королю римскому Максимиліану, а потомъ Альбрехту саксонскому; возвратясь же на родину, такъ прославился своимъ умомъ, военнымъ искусствомъ и храбростью, что сталъ любимцемъ короля Александра, ему повѣрявшаго всѣ свои думы, дѣла и намѣренія. За то Михаилъ славной побѣдою надъ крымскимъ ханомъ при Клецкомъ замкѣ утѣшилъ его, разбитаго параличемъ и лежавшаго на смертномъ одрѣ въ виду сильнаго войска Менгли-Гирея, который внезапнымъ своимъ нашествіемъ навелъ ужасъ на всю Литву. Имѣя званіе надворнаго маршала и владѣя въ литовско-русскомъ княжествѣ обширными землями съ многими замками, Михаилъ Глинскій былъ гордъ и властолюбивъ, чѣмъ и вооружилъ противъ себя большинство литовскихъ вельможъ, завидовавшихъ его вліянію на короля, а также опасавшихся явной преданности ему русскихъ бояръ и князей въ Литвѣ. Смерть Александра въ 1506 г. и совершенно иное отношеніе къ Глинскому Сигизмунда, дали возможность этой скрытой зависти

проявиться въ непріязненномъ образѣ дѣйствій его враговъ, среди которыхъ особенно выдѣлялся трокскій воевода: панъ Збержинскій, лишившійся при Александрѣ своего воеводства по проискамъ Глинскаго за то, что возсталъ противъ безпричиннаго и незаконнаго перехода Лидскаго староства, отъ нѣкого пана Ильинича къ кліенту Глинскаго: Андрею Дрожжи. Теперь онъ громче всѣхъ старался обвинить Михаила въ нежеланіи присягать Сигизмунду, что было злостною лживою клеветой и Глинскій потребовалъ за это у новаго короля суда надъ Збержинскимъ. Когда же тотъ, склоняясь на сторону послѣдняго, подъ впечатлѣніемъ навѣтовъ, ему внушавшихъ страхъ за прочность его положенія на столѣ королевскомъ, не только медлилъ оказаніемъ правосудія Глинскому и оставлялъ безъ вниманія неотступныя просьбы оскорбленнаго князя, но еще отнялъ у брата Глинскаго: Ивана Львовича, воеводство кіевское, ему давъ меньшее въ Новгородкѣ, князь Михаилъ сказалъ съ негодованіемъ Сигизмунду: «Государь! мы оба будемъ раскаиваться, но поздно». Послѣ того, напрасно еще попытавшись найти опору въ венгерскомъ королѣ Владиславѣ: родномъ братѣ Сигизмунда, онъ вмѣстѣ съ своими братьями: бывшимъ кіевскимъ воеводою и богатымъ землевладѣльцемъ— Василіемъ Львовичемъ, уѣхалъ въ свой городъ— Туровъ, давъ Сигизмунду срокъ для удовлетворенія его чести.

Тогда великій князь московскій, зорко слѣдившій за всѣмъ, что происходило въ Литвѣ, не пропустилъ благопріятной минуты, понявъ что было на умѣ у Глинскихъ и послалъ къ Михаилу своего дьяка съ предложеніемъ имъ покровительства и жалованья въ Россіи. Братья Глинскіе, не дождавшись изъ Вильны,

потребованнаго Михаиломъ отвѣта, торжественно объявили себя вѣрными слугами московскаго государя, съ условіемъ, чтобы онъ оружіемъ укрѣпилъ за ними ихъ помѣстные города, а также и тѣ, какіе имъ удастся завоевать въ Литвѣ. Первымъ дѣломъ Михаилъ захватилъ близъ Гродно Збержинскаго и отсѣкъ ему голову. Составивъ полкъ изъ своихъ дворянъ и наемниковъ, онъ умертвилъ тоже много другихъ, враждебныхъ ему, литовскихъ пановъ; вступилъ въ союзъ съ господаремъ молдавскимъ, а также съ Менгли-Гиреемъ, обѣщавшимъ ему завоевать для него Кіевъ. Глинскій кромѣ того пытался поднять возстаніе въ западной, литовской Руси, недовольной распространеніемъ католичества по всей Литвѣ и даже мечтавшей о возвращеніи своей утраченной самобытности. Предполагаютъ, что онъ задумалъ возстановить древнее кіевское княжество, чтобъ тамъ господствовать независимо, женившись на сестрѣ князя Симеона Олельковича: Анастасіи. Ему будто бы уже присягнули тамъ нѣкоторые кіевскіе бояре, но Анастасія не пожелала быть женою измѣнника. Во всякомъ случаѣ Глинскій пытался стать во главѣ русской православной Литвы.

Между тѣмъ, воеводы Василія Іоанновича подошли къ Березинѣ съ многочисленнымъ войскомъ и начали разорять литовскую землю отъ Минска до самой Вильны, причемъ отряды ихъ появились въ смоленской области. Даніилъ Щеня осадилъ городъ Оршу. Громя изъ пушекъ стѣны его, онъ уже собирался предпринять общій приступъ. Туда на помощь долженъ былъ подойти и Михаилъ Глинскій. Положеніе Литвы казалось крайне опаснымъ; ея казна къ тому же была истощена расточительностью Александра, а наемные королевскіе воины-нѣмцы требовали себѣ платы.

Однако, Сигизмундъ: самый младшій изъ сыновей Казиміра, тутъ показалъ, что онъ далеко превосходитъ братьевъ—при своей величественной богатырской наружности, тоже умомъ и дарованіями, рядомъ съ необычайной тѣлесной силой; а также твердою, непреклонной волей. Быстро собравъ и устроивъ войско, онъ такъ неожиданно съ нимъ приблизился къ Оршѣ, спѣша на выручку этой важной крѣпости, что старанія Глинскаго преградить путь ему остались тщетными, а изумленные воеводы Василія въ смущеніи сняли осаду, хотя Глинскій и побуждалъ ихъ принять рѣшительное сраженіе. Они отошли со своими полками на восточный берегъ Днѣпра, послѣ чего шесть дней непріятельскія войска неподвижно стояли въ виду другъ друга; но такъ какъ король Сигизмундъ, занявъ Смоленскъ, отрядилъ часть силъ своихъ къ Дорогобужу и въ городъ Торопецъ вошелъ литовскій отрядъ, то московскіе воеводы принуждены были отступить обратно къ рубежу русской земли, чтобы тамъ защищать уже собственные предѣлы.

Михаилъ Глинскій, оставивъ братьевъ, въ имъ отвоеванномъ городѣ Мзырѣ, самъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ съ особой милостью, не только щедро одаренный вел. кн. Василіемъ богатой одеждой, воинскими доспѣхами и азіатскими конями, но еще получивъ отъ него во владѣніе Ярославль, Медынь и нѣсколько селъ.

Ближайшіе соподвижники Глинскаго выбрали для себя мѣстопребываніемъ городъ Почепъ. По просьбѣ Михаила Василій III послалъ воеводу своего: князя Несвицкаго съ костромскими и сѣверогалицкими ратниками, сопровождаемыми татарами, оберегать Мзырь и Туровъ отъ нападенія непріятеля. Остановясь въ Смоленскѣ, Сигизмундъ поручилъ главное

начальство надъ своимъ войскомъ Константину Острожскому, обѣщавшему указать ему путь къ Москвѣ. Литовцы сожгли крѣпость Бѣлую и взяли городъ Дорогобужъ, гдѣ сѣлъ воевода короля Сигизмунда: Станиславъ Кишка. Однако, Василій со своей стороны тоже не терялъ времени. Онъ по разнымъ путямъ направилъ московскіе полки къ Дорогобужу: изъ Вязьмы и Можайска. Боясь быть окруженнымъ тамъ, Станиславъ бѣжалъ въ Смоленскъ. Такимъ образомъ оба сосѣднія государства очистили свои земли отъ войскъ противника и Сигизмундъ, отчасти, боясь нападенія Менгли-Гирея, отчасти желая заняться внутреннимъ успокоеніемъ своей страны, возмущенной Глинскимъ, благоразумно предложилъ миръ Василію.

Іоанну III въ его войнахъ съ Литвою большую услугу оказывала вѣрная помощь Менгли-Гирея; но Василій отъ него не видалъ еще доказательствъ неизмѣннаго дружескаго союза, хотя при началѣ княженія имъ за собой закрѣпленнаго въ Москвѣ, клятвенной грамотою Гирея съ печатью ханскихъ пословъ. Наоборотъ: разбойники крымскіе, подкупленные Сигизмундомъ, грабили окрайны русскихъ земель на югѣ, такъ что Василію приходилось московской ратною силой отражать ихъ дерзкія нападенія и однажды его воеводы, нагнавъ такую шайку татаръ въ степи, нанесли наглымъ грабителямъ у береговъ Оки жестокое пораженіе въ 1507 г.

Самъ Менгли-Гирей уже постарѣлъ и ослабъ. Его окружали хищныя толпы сыновей и родственниковъ, очень падкіе на дары Сигизмунда, старавшагося всѣми силами посѣять рознь между крымскимъ ханомъ и московскимъ вел. княземъ. Менгли-Гирея не связывалъ больше съ Москвою тѣсной, искренней друж-

бой: ни страхъ передъ распавшейся Золотой Ордой, ни боязнь изгнанія его турками. Послѣ смерти Іоанна III, осѣненнаго славой своихъ побѣдъ и внушавшаго Менгли-Гирею особое уваженіе несокрушимымъ могуществомъ его царственной власти, въ Крыму ожидали, такъ же какъ и въ Литвѣ, неминуемаго раздора между наслѣдниками московскаго великокняжескаго престола и молодой Василій былъ угрожаемъ врагами со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ союзъ съ нимъ крымскаго хана утратилъ надежные свои устои. Крымцамъ только выгодно было брать подарки и деньги отъ обоихъ враждующихъ государствъ; такъ что и отношеніе хана къ нимъ приняло вѣроломный: прежній степной и разбойный характеръ. Разоряя окрайны московскихъ земель въ угоду польско-литовскому королю, Менгли-Гирей обѣщалъ и Глинскому: для него завоевать Кіевъ. Василій теперь не могъ твердо разсчитывать на помощь такого союзника. Стараніе поднять ногайскихъ татаръ противъ короля Сигизмунда не имѣло успѣха, повидиму также, какъ тайная попытка послѣдняго побудить брата Василія Юрія Іоанновича, посягнуть на московскій великокняжескій столъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Василій получилъ слезную грамоту отъ сестры Елены съ мольбою о прекращеніи военныхъ дѣйствій между нимъ и Литвою. Онъ отвѣчалъ ей внушеніемъ, подобнымъ отцовскому: «чтобы она православному закону укоризны не приносила и о здоровьѣ своемъ родныхъ безъ вѣсти не держала; а въ заключеніе говорилъ, что «если король Сигизмундъ захочетъ добраго съ нимъ согласія, то и онъ со своей стороны мира хочетъ, какъ для него будетъ пригоже».

Глинскіе напрасно пытались поднять мятежъ въ областяхъ: кіевской и волынской. Мѣстные бояре, хотя

отчасти сочувствуя Михаилу, не желали, однако, открытымъ бунтомъ подвергать себя смертной казни, а населеніе спокойно выжидало дальнѣйшихъ событій. Начальники городовъ оставались вѣрными Сигизмунду. Онъ изъ Смоленска отправилъ въ Москву пословъ для мирныхъ переговоровъ и Василій III подписалъ миръ на принятомъ Сигизмундомъ, а для Москвы очень важномъ условіи: уже безспорнаго утвержденія за Москвой всѣхъ областей, отвоеванныхъ у Литвы Іоанномъ III, или же присоединенныхъ къ московскому государству вслѣдствіе добровольнаго перехода къ нему на службу литовско-русскихъ князей. Глинскимъ словесно было разрѣшено Сигизмундомъ выѣхать изъ Литвы въ Россію; но Василій Іоанновичъ долженъ былъ признать города: Мзырь и Туровъ собственностью литовскаго королевства и обѣщать впередъ не принимать къ себѣ никого изъ литовскихъ князей съ ихъ помѣстьями, а особенно: не стараться болѣе овладѣть Кіевомъ и Смоленскомъ.

Глинскіе негодовали! теперь одинаково пылая жаждою мщенья по отношенію къ обоимъ, ихъ обидившимъ государствамъ; однако все же переселились въ Москву со всѣми ближними и тамъ встрѣтили прежнюю ласку со стороны Василія, думавшаго еще извлечь для себя въ будущемъ изъ ихъ службы какую-либо пользу, такъ какъ въ душѣ онъ вовсе не имѣлъ въ виду долгаго мира съ Литвою, озабоченный лишь провѣркой искренности союза съ нимъ самаго стараго крымскаго хана: столь вѣрнаго и многократнаго испытаннаго друга его отца. Мы объяснили уже причины его охлажденія къ Москвѣ; но, тѣмъ не менѣе, едва онъ узналъ о заключеніи мира между Василіемъ и Сигизмундомъ, какъ немедленно отпустилъ, задержаннаго имъ въ Тавридѣ, московскаго

посла: Заблоцкаго и отправилъ съ нимъ къ вел. князю трехъ татарскихъ вельможъ съ золотою «шертною» (т. е. клятвенной) грамотой. Въ этой грамотѣ онъ давалъ клятву не только за самого себя, но за дѣтей и внучатъ своихъ: «унимать и казнить крымскихъ разбойниковъ; покровительствовать русскимъ купцамъ и путешественникамъ»; исполнять однимъ словомъ тѣ же обязанности тѣсной дружбы, какія имъ соблюдались во время великокняженія Іоанна III. Послы Менгли-Гирея передали Василію 16 ласковыхъ отъ него грамотъ. Онъ обѣщалъ всѣми силами дѣйствовать противъ Литвы и помогать Михаилу Глинскому, называя его своимъ «любезнымъ сыномъ», склонялъ вел. князя къ покоренію Астрахани и, между прочимъ, просилъ для себя въ подарокъ: ловчихъ птицъ, рыбьихъ зубовъ, соболей и серебряной чары вмѣстимостью въ два ведра. Но главное его желаніе было, чтобы Василій отпустилъ пасынка его: плѣннаго Абдулъ-Лафита; сверженнаго Іоанномъ царя казанскаго, въ Тавриду, къ матери. Вел. князь, принявшій крымскихъ пословъ съ большимъ почетомъ и даже на нихъ возлагавшій руки въ знакъ своего къ нимъ благоволенія,—не отпустилъ, однако, Абдулъ-Летифа въ орду, а только ему даровалъ свободу изъ уваженія къ просьбѣ Менгли-Гирея и далъ ему въ удѣлъ городъ Юрьевъ, взявъ съ него предварительно клятву: не «выѣзжать самовольно изъ русскихъ предѣловъ, а также не имѣть никакихъ сношеній съ Литвою». Благодаря Василія, Летифъ каялся въ своей винѣ и обѣщалъ строго выполнять обязательство, имъ на себя подъ присягой принятое, да еще утвержденное торжественнымъ договоромъ съ послами Менгли-Гирея. Вел. князь самъ присягнулъ въ прощеніи имъ Летифа и въ вѣрности сво-

ему союзу съ Менгли-Гиреемъ: однако, вовлечь себя въ войну съ Астраханью онъ не далъ, говоря, что у него нѣтъ готовыхъ судовъ, чтобы плавать по Волгѣ съ огнестрѣльнымъ снарядомъ и что при его отцѣ не посылалось въ Астрахань войска. Въ Тавриду отъ вел. князя поѣхалъ, съ выраженіемъ благодарности Менгли-Гирею за его дружбу, бояринъ Морозовъ и ему было тайно наказано отъ Василія, въ виду дряхлости и болѣзни Менгли-Гирея, повидаться особо съ его старшимъ сыномъ: Махметъ-Гиреемъ, чтобы и съ нимъ обмѣняться клятвами въ нелицемѣрной дружбѣ между крымскими татарами и Россіей. Василій, какъ и его отецъ, особенно строго требовалъ отъ своихъ пословъ соблюденія посольскаго ихъ достоинства ради поддержки чести московскаго государя и съ цѣлью высокой оцѣнки этого званія въ глазахъ чужеземныхъ народовъ. Потому Морозовъ въ Тавридѣ имѣлъ столкновеніе съ корыстолюбивыми, своевольными вельможами ханскими, пытавшимися съ него взять, такъ называемую «посошную» дань, бросая поперекъ пути его посохи или жезлы. Татары все еще не могли забыть старины и мурзы ихъ, сохраняя память о древнемъ порабощеніи русскихъ князей татарскимъ ханамъ, часто себѣ позволяли по отношенію къ посламъ московскимъ, грубыя выходки. Морозовъ писалъ вел. князю, что нѣкій мурза: Кудояръ, дерзко назвалъ его холопомъ; чуть не убилъ толмача, отказавшагося перевести русскому послу это грубое слово и силой выхватилъ себѣ шубу изъ рукъ подъячаго, несшаго дары хану. Морозовъ, не обращая вниманія на брошенные ему у дверей ханской ставки посохи, переступилъ ихъ и вошелъ къ хану, гдѣ пилъ изъ одной чаши съ нимъ и царевичами. Онъ отказался

85) Картина: Русскій посолъ Морозовъ въ Крымской ордѣ.

вручить Менгли-Гирею опись даровъ и наказъ, данный ему вел. княземъ, заявивъ, что рѣчи Василія вписаны только у него въ сердцѣ. Привезенные имъ подарки были сочтены хищными сыновьями Менгли-Гирея на столько скудными, что тѣ грозили ему оковами. Морозовъ не уронилъ своего достоинства малодушнымъ страхомъ; отвѣчалъ, что «никого не боится кромѣ Бога и своего государя; а что если ему нанесутъ оскорбленіе, то изъ Москвы имъ никогда больше не пришлютъ знатнаго посла». Онъ уѣхалъ благополучно, оставивъ за собой, еще въ полной силѣ русскій союзъ съ Тавридою.

Василій Іоанновичъ въ 1506 г. заключилъ мирный договоръ тоже съ Ливоніей, которую Александръ литовскій и Сигизмундъ тщетно пытались поднять на войну противъ московскаго государства. Ливонія, при посредствѣ римскаго короля: Максимиліана, хлопотала вмѣстѣ съ ганзейскими городами только о томъ, чтобы ей были возвращены нѣмецкіе плѣнники и товары, захваченные въ Новгородѣ Іоанномъ III. Василій требовалъ, чтобы магистръ Ордена—Плетенбергъ и епископъ рижскій, прислали своихъ пословъ къ его намѣстникамъ въ Новгородѣ и Псковѣ съ дружелюбными заявленіями, обѣщая не вооружаться противъ Москвы заодно съ Литвою и въ такомъ случаѣ обѣщалъ плѣнниковъ освободить, во вниманіе къ просьбѣ Максимиліана, если тотъ будетъ поддерживать по отношенію къ нему такую же тѣсную дружбу въ какой состоялъ съ его отцомъ. Австрійскій посолъ—Гартингеръ былъ въ Москвѣ въ 1506 г. съ дружественнымъ письмомъ къ Василію отъ своего государя, въ которомъ тотъ снова просилъ его отпустить заключенныхъ въ Новгородѣ ливонцевъ.

Однако, ливонскіе послы прибыли съ предложе-

ніемъ мира къ московскимъ намѣстникамъ Новгорода и Пскова только по окончаніи войны съ Литвою Василія въ 1509 г. Мирный договоръ былъ заключенъ на 14 лѣтъ при непремѣнномъ условіи: чтобы рыцари не держали стороны Сигизмунда или его преемниковъ противъ московскаго великаго князя. Ливонцы выговорили себѣ право торговли въ новгородской землѣ всякимъ товаромъ за исключеніемъ соли. Вмѣстѣ съ тѣмъ договоръ этотъ обезпечивалъ безопасность пословъ и путешественниковъ обѣихъ странъ.

Максиміліанъ еще разъ присылалъ въ Москву посла, ходатайствуя о возобновленіи торговыхъ сношеній съ Новгородомъ и Псковомъ ганзейскихъ городовъ и о возвращеніи имъ ихъ товаровъ. Однако, Василій вернуть имъ товары отказалъ, а о правахъ прежней торговли имъ предоставилъ бить челомъ тоже передъ его новгородскимъ намѣстникомъ. Плѣнные же ливонцы получили свободу. Василій не забылъ обязать магистра блюсти православныя церкви въ Ливоніи. Особенно важно для благосостоянія и спокойствія московскаго государства въ этихъ условіяхъ мирнаго договора съ ней, было конечно, данное ливонскими рыцарями обязательство: не вступать въ союзъ съ польско-литовскими королями для боевой помощи имъ въ ихъ войнахъ съ русскимъ великимъ княземъ.

Когда, такимъ образомъ, Василій III обезопасилъ себя со стороны Казани, Крыма, Литвы и Ливоніи, онъ принялся за внутреннія дѣла своего государства и, продолжая начинанія отца, рѣшилъ, во-первыхъ, покончить съ вѣчевой самобытностью древняго знаменитаго Пскова, спасшаго внѣшній порядокъ своего народоправленія и слабую тѣнь республиканской сво-

боды во время великокняженія Іоанна III, только однимъ смиреніемъ передъ его верховной властью и полной покорностью его волѣ.—«Не постоимъ за многое»,— говорили себѣ благоразумные граждане Пскова,— «дабы сохранить главное, т. е. свободную вѣчевую общину; хотя бы для мелкихъ дѣлъ своей собственно-внутренней городской жизни». Примѣръ Новгорода приводилъ псковитянъ въ тайный трепетъ печальнаго ожиданія себѣ подобной же участи; но они все же надѣялись, что пощаженные Іоанномъ III, съумѣютъ заслужить милость и его сына. Однако, Іоаннъ, конечно, не могъ не стремиться мысленно уничтожить, при первомъ удобномъ случаѣ, вольности Пскова; столь несовмѣстной при постепенно создавшихся новыхъ условіяхъ русской государственной жизни, имъ утверждаемыхъ съ особой силой и находившихъ себѣ крайне рѣзкое, смѣлое выраженіе въ собственной его личности. Внѣшнія войны, старость и смерть ему помѣшали довести до конца начатое имъ дѣло.

Василій Іоанновичъ теперь искалъ предлога для его довершенія. Онъ поступилъ въ этомъ по завѣту отца: съ тонкимъ разсчетомъ и осторожностью. Хотя псковитяне и не были столь буйны нравомъ, какъ новгородцы, но, тѣмъ не менѣе, среди нихъ тоже не прекращались раздоры и смуты, сопровождающіе всегда разнузданную борьбу мелкихъ страстей человѣческихъ при участіи уличной черни въ вѣчевомъ управленіи общественными дѣлами. За послѣднее время эти раздоры на вѣчѣ очень усилились, отчасти вслѣдствіе упадка значенья посадника при московскихъ намѣстникахъ, посылавшихся изъ Москвы, уже безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ Псковомъ; но, главнымъ образомъ, изъ-за частой ихъ перемѣны и при-

тѣсненія ими гражданъ. Василій, по примѣру отца, не принималъ отъ псковичей жалобъ на этихъ намѣстниковъ; а въ 1508 г. назначилъ туда нарочно князя Ивана Михайловича Рѣпню-Оболенскаго, зная впередъ, что тотъ не уживется мирно съ народомъ въ Псковѣ, но, побудивъ гражданъ къ мятежу, дастъ желаемый поводъ для вмѣшательства великаго князя въ псковскія дѣла и для выраженія имъ своего гнѣва на псковитянъ за ихъ строптивое поведеніе. Князь Оболенскій, дѣйствительно, съ первыхъ же дней возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть. Искусственно раздувая вражду между старшими и младшими гражданами, онъ началъ дѣйствовать совсѣмъ не считаясь съ рѣшеніями псковскаго вѣча, а слуги его обирали народъ по волостямъ, между тѣмъ, какъ онъ же еще послалъ въ Москву жалобу на псковичей, будто бы не признававшихъ надъ собой его власти.

Василій въ 1509 г. отвѣтилъ на эту жалобу самоличной торжественною поѣздкой въ Новгородъ съ братомъ Андреемъ, зятемъ Петромъ: какъ мы знаемъ, крещеннымъ татарскимъ царевичемъ; бывшимъ казанскимъ царемъ—Абдулъ-Летифомъ и епископомъ коломенскимъ Митрофаномъ. Кромѣ того его сопровождали бояре, дѣти боярскіе и воеводы. Цѣль этого пышнаго, неторопливаго путешествія хорошо никому не была извѣстна. Но псковичи были обезпокоены, когда узнали о приближеніи къ Новгороду великаго князя. Они послали ему навстрѣчу своихъ знатнѣйшихъ чиновниковъ съ даромъ въ 150 руб., и челобитной, спѣша благодарить его за всѣ милости, имъ оказываемыя Пскову; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они писали о беззаконіяхъ противъ нихъ чинимыхъ псковскимъ намѣстникомъ и просили Василія ихъ защитить отъ обидъ Оболенскаго. Василій имъ отвѣчалъ, что съ

86) Картина: Встрѣча псковичами вел. кн. Василія III съ дарами и челобитной.

своей стороны намѣстникъ на нихъ бьетъ челомъ за творимое ему въ Псковѣ безчестіе и отправилъ изъ Новгорода своихъ людей разобрать дѣло. Но это не привело ни къ чему, кромѣ вторичной настойчивой просьбы со стороны псковскихъ гражданъ, чтобы великій князь далъ имъ другого намѣстника, такъ какъ съ Рѣпнею они жить не могутъ. На этотъ разъ великій князь велѣлъ передать новымъ посламъ псковичей на ихъ челобитную, что, желая явить свою царскую милость отчинѣ своей—Пскову, онъ оттуда къ себѣ потребуетъ Рѣпню-Оболенскаго для того, чтобы выслушать его оправданія передъ лицомъ всѣхъ жителей Пскова. Кто только на него имѣетъ обиду,—пусть всѣ тѣ явятся вмѣстѣ съ самимъ княземъ въ Новгородъ и, если онъ убѣдится, что челобитчиковъ очень много, то обвинитъ передъ ними намѣстника. Псковичи обрадовались, какъ нѣкогда новгородцы правосудію великаго князя московскаго и, повѣривъ въ него, выбрали жалобщиковъ на Рѣпню-Оболенскаго со всѣхъ псковскихъ волостей. Василій потребовалъ къ себѣ непремѣнно посадниковъ,ославъ въ Псковъ заявить, «что если они не явятся къ нему съ жалобой на Оболенскаго, то вся псковская земля будетъ виновата». Тогда девять посадниковъ и купеческіе старосты, волей-неволей, тоже поѣхали за управой въ Новгородъ къ великому князю.

Василій приказалъ имъ явиться въ самый праздникъ Крещенія и всѣмъ псковичамъ идти за собою къ Волхову на водосвятіе. Это было въ 1510 г. По окончаніи обряда, великокняжескіе бояре крикнули жалобщикамъ, чтобы они шли на Владычный Дворъ, гдѣ государь имъ дастъ управу. Посадники, бояре, богатые купцы, вообще псковичи познатнѣй или побогаче, вошли въ самую Владычную палату; тогда

какъ простые, младшія люди, стали толпой на Владычномъ Дворѣ. Потомъ,—когда на вопросъ:—«Всѣ ли теперь сполна собрались»?—псковичи отвѣчали:—«Всѣ». Дворъ затворили и начали переписывать поименно стоявшихъ во Дворѣ «молодшихъ людей». Посадникамъ же съ Рѣпней-Оболенскимъ, Василій Іоанновичъ приказалъ стать передъ собой. Выслушавъ ту и другую сторону, онъ «обыскалъ», т. е. заключилъ, что виновны посадники, не слушавшіе намѣстника; что они въ его суды и пошлины вступались: чинили сами насильства гражданамъ Пскова, а что всего важнѣй, презирали его государево имя. За то великій князь приказалъ схватить оторопѣвшихъ посадниковъ и распредѣлить ихъ подъ надзоръ боярскихъ дѣтей на его подворьяхъ. Знатныхъ же псковитянъ засадили въ архіепископскій домъ. Испуганные псковитяне, понявъ въ какую ловушку они попали, спѣшили признать свою вину передъ великимъ княземъ и били ему челомъ, чтобы онъ устроилъ свою отчину—Псковъ—«какъ ему Богъ извѣстилъ». Тогда Василій Іоанновичъ имъ обѣщалъ за смиреніе ихъ смѣнить гнѣвъ на милость, если только они исполнятъ волю его: «вѣчевой колоколъ свѣсятъ и чтобы вѣчу больше въ Псковѣ не быть. А вмѣсто него—двумъ московскимъ намѣстникамъ; такъ же, какъ въ пригородахъ. Потому что государь самъ хочетъ въ Псковѣ всему указъ чинить; онъ псковитянъ тѣмъ жалуетъ, что въ имѣнія и земли ихъ не вступается, но въ случаѣ ихъ сопротивленія его государевой волѣ, онъ будетъ свое дѣло дѣлать и на нихъ взыщется кровь христіанская». Псковичи вынуждены были отвѣтить, что бьютъ челомъ на государево жалованье, причемъ цѣловали крестъ—служить Василію и его наслѣдникамъ до конца міра; только просили, чтобъ

государь послалъ въ Псковъ съ такими же рѣчами. Въ это время одинъ псковскій купецъ, ѣхавшій въ Новгородъ, узналъ дорогою о случившемся. Бросивъ товаръ свой, онъ поспѣшилъ вернуться, чтобъ извѣстить согражданъ, какая печальная участь постигла тамъ ихъ лучшихъ людей и посадниковъ. Псковичи пришли въ такой ужасъ, что отъ страха, трепета и тоски, по выраженію лѣтописи,—«гортани ихъ пересохли и уста пересмякли», т. е. слѣпились. Подобной скорби они не видали еще, даже при нашествіяхъ нѣмцевъ. Граждане сейчасъ же собрали вѣче и думали, что имъ предпринять:—«Ставить ли щитъ противъ государя? Затвориться ли въ городѣ?» Но на такія выходки самыхъ запальчивыхъ смѣльчаковъ, благоразумные люди напоминали народу, что ихъ посадники и бояре находятся въ рукахъ Василія. Безъ нихъ же, что они одни могутъ сдѣлать? Кромѣ того псковичи цѣловали крестъ московскому государю. Война противъ него была бы и беззаконіемъ, и конечной для Пскова гибелью, такъ какъ успѣхъ въ ней невозможенъ. Тогда рѣшили полной покорностью стараться смягчить Василія Іоанновича и тѣмъ отклонить отъ Пскова судьбу Великаго Новгорода при Іоаннѣ III. Но ничего уже не могло спасти древней вольности псковитянъ, хотя ими была составлена для посылки въ Новгородъ челобитная въ самыхъ приниженныхъ выраженіяхъ.—«Мы сироты твои; прежде и нынѣ были отъ тебя недоступны и ни въ чемъ тебѣ ни противились», стояло въ ней—«Богъ надъ нами и ты воленъ въ своей отчинѣ, такъ же какъ въ насъ—своихъ людишкахъ». Въ Псковъ прибылъ дьякъ государевъ: Третьякъ Долматовъ и съ вѣчевой степени подлѣ Троицкаго собора объявилъ Псковскому народу, передавъ ему, во-первыхъ, поклонъ отъ

87) Картина: Скорбь и плачъ псковитянъ на вѣчѣ при вѣсти о требованіи Василія III, чтобы они свѣсили навсегда свой вѣчевой колоколъ.

великаго князя, непреклонное требованіе Василіемъ уничтоженія въ Псковѣ вѣча и власти посадниковъ.

Псковичи молча слушали, проливая слезы. Они попросили сроку на размышленіе, хотя думать было больше ужъ не о чемъ, а приходилось повиноваться и молить государя московскаго не губить Псковъ до конца; тѣмъ болѣе, что Долматовъ вручилъ псковитянамъ тоже письмо отъ ихъ бояръ и посадниковъ, взятыхъ подъ стражу въ Новгородѣ. Они писали, что дали Василію крѣпкое слово своими душами, за себя и за всѣхъ псковичей: исполнить государево приказаніе; что неминуемо общая гибель будетъ послѣдствіемъ безполезнаго сопротивленія, такъ какъ великій князь привелъ за собою большое войско.—«Не сдѣлайте насъ преступниками»,—просили псковскіе посадники и бояре,—«рѣшайтесь немедленно; послѣдній срокъ 16 января». Остатокъ дня и ночи, данный псковитянамъ Долматовымъ на раздумье, былъ для нихъ ужасенъ. Лѣтопись повѣствуетъ, что граждане не могли говорить отъ слезъ и стенанья. Всѣ обнимали другъ друга, какъ передъ смертью. Собственно, псковитяне давно зависили отъ великаго князя московскаго въ дѣлахъ общегосударственныхъ и признавали въ немъ верховнаго судію, но до сихъ поръ не нарушался древній уставъ ихъ гражданской свободы; законодательное рѣшеніе принадлежало вѣчу и многія тяжбы разбирались чиновниками, избранными народомъ, что ему льстило. Старое дерево самобытнаго псковскаго гражданства было еще далеко не мертво, давало еще, такъ сказать, плоды и листья. Василій же въ корнѣ срубалъ его уничтоженіемъ вѣча.

На разсвѣтѣ 13-го января вѣчевой колоколъ въ послѣдній разъ собралъ псковичей для изъявленія ими своей неизмѣнной вѣрности крестному цѣлова-

нію, т. е. чтобы отъ вел. князя московскаго не отходить никогда ни къ Литвѣ, ни къ нѣмцамъ подъ страхомъ гнѣва Божьяго, глада, огня, потопа и нашествія поганыхъ.—«Хотя отъ государя московскаго есть такой же обѣтъ, чтобы насъ по старинѣ держать; но нынѣ воленъ Богъ да государь въ своей отчинѣ, въ городѣ Псковѣ и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ». Такъ сказано было Долматову отъ имени всего Пскова. Въ ту же ночь онъ повезъ, тотчасъ же спущенный съ Троицкой звоницы, вѣчевой колоколъ въ Новгородъ къ вел. князю. Черезъ нѣсколько дней Василій самъ прибылъ въ Псковъ, встрѣчанный гражданами за три версты отъ его воротъ. Они ударили ему челомъ въ землю и пожелали здоровья. Вел. князь слѣзъ съ коня у собора Пресвятой Троицы и, принявъ благословеніе отъ Владыки коломенскаго Вассіана, встрѣтившаго его тамъ, вошелъ въ соборъ со своими приближенными. По окончаніи молебна и пѣнія многолѣтія государю, архіепископъ этотъ, осѣняя крестомъ Василія, произнесъ:—«Слава Всевышнему, давшему тебѣ Псковъ безъ войны». Присутствовавшіе на богослуженіи псковитяне, заплакали, оскорбленные такимъ отношеніемъ къ нимъ, какъ будто къ покоренному непріятелю, безъ вниманія къ ихъ печали и смиренной покорности государевой волѣ.—«Мы не чужіе, государь, мы искони служили предкамъ твоимъ»,—сказали они. Однако, чаша горя ихъ еще не была исчерпана.

88) Картина: Снятіе вѣчеваго колокола съ звоницы Троицкаго собора въ присутствіи Долматова.

Триста семействъ высшихъ псковскихъ чиновниковъ, бояръ, старостъ, купцовъ и житныхъ людей, было переселено безъ промедленья въ Москву, съ разрѣшеніемъ взять туда лишь небольшую часть ихъ достоянья; деревни же ихъ были розданы московскимъ служилымъ людямъ. Этихъ «убылыхъ» гражданъ имѣ-

лось въ виду замѣнить 300-ми купеческихъ семействъ изъ десяти низовыхъ городовъ. Псковской Дѣтинецъ: «Кромъ» былъ совершенно очищенъ отъ клѣтей, гдѣ въ безопасности сохранялось имущество псковитянъ. На ихъ мѣстѣ назначили поставить Дворъ государевъ и хлѣбныя житницы. Въ среднемъ городѣ, примыкавшемъ къ Довмонтовой стѣнѣ, всѣ дворы были тоже отобраны для государя, или для новыхъ псковскихъ обитателей изъ Москвы. Тамъ должны были жить московскіе намѣстники, а при нихъ тысяча боярскихъ дѣтей и 500 новгородскихъ пищальниковъ. Прежде въ Псковѣ торговля была свободная: въ городѣ не было ни заставъ, ни колодъ для взиманія пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ, а теперь московскіе гости, т. е. купцы по приказу вел. князя установили налоги; въѣзды и выѣзды города должны были охраняться пищальниками и воротниками. Съ того времени псковитяне, какъ все другое русское населеніе, обязывались посылать войско на службу государеву. Василій посадилъ въ Псковѣ, какъ сказалъ, двухъ намѣстниковъ и двухъ дьяковъ. По примѣру Іоанна Васильевича въ Новгородѣ, онъ не тронулъ въ Псковѣ церковнаго достоянія.

Цѣлый мѣсяцъ вел. князь жилъ тамъ, перестраивая древнюю вѣчевую общину на московскій ладъ. Въ память окончательнаго покоренія Москвѣ Пскова, онъ заложилъ въ немъ 24 января 1510 г. храмъ св. Ксеніи.

Наконецъ, на второй недѣлѣ поста, вел. князь изъ Пскова выѣхалъ, захвативъ съ собою еще другой, меньшій колоколъ: такъ называемый «Корсунскій вѣчникъ». Современникъ Василія III—пріѣзжавшій неоднократно въ Россію посломъ отъ германскаго императора: баронъ Гербенштейнъ говоритъ, что простые,

мягкіе нравы псковичей, отличавшихся прежде искренностью и великодушіемъ, — со времени управленія московскихъ намѣстниковъ, когда, по словамъ лѣтописи—«правда улетѣла на небо, а кривда осталась въ судѣ»—стали грубѣть и ожесточаться. До насъ дошло печальное сѣтованье лѣтописца надъ печальной судьбою Пскова. Прекрасный городъ Псковъ будто бы отвѣчалъ ему на вопросъ:—о чемъ онъ плачетъ? «что налетѣлъ на него орелъ многокрылый съ когтями львиными и вырвалъ изъ его нѣдръ, какъ три кедра ливанскихъ: его красоту, богатство и свободу, вмѣстѣ съ цвѣтомъ его прирожденныхъ знатнѣйшихъ гражданъ»...

Однако, Василій III, узнавъ о лихоимствѣ, несправедливости и притѣсненіи народа, поставленными имъ въ Псковѣ намѣстниками, замѣнилъ ихъ къ большой радости Пскова въ 1511 г. уже знакомыми этому городу князьями: нѣкимъ Петромъ, по прозванью Великимъ и Симеономъ Курбскимъ. Эти мужи: правосудные, человѣколюбивые; скоро остановили бѣгство изъ псковской земли; подъ давленіемъ невыносимыхъ насилій прежнихъ правителей великокняжескихъ, гражданъ, купцовъ и хлѣбопашцевъ. Они успокоили населеніе своимъ мягкосердечнымъ, безкорыстнымъ правленіемъ, отчасти его примиривъ съ безвозвратной утратой, дорогихъ ему древнихъ уставовъ, свободной вѣчевой общины.

Окончательно уничтоживъ псковскую самобытность, Василій Іоанновичъ вновь обратился къ борьбѣ съ Литвою. Миръ, между нимъ и его, хотя названный вѣчнымъ, не могъ быть прочнымъ пока Михаилъ Глинскій находился въ Москвѣ, пользуясь покровительствомъ ея государя. Потерпѣвъ полную неудачу въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ; принужденный покинуть родину, гдѣ онъ привыкъ по-

велѣвать какъ всемогущій правитель при королѣ Александрѣ; отважный, дѣятельный и даровитый Глинскій, конечно, былъ недоволенъ миромъ Москвы съ Литвою, ему не приносившимъ никакой выгоды, почему усердно старался его нарушить. Онъ искалъ случая себѣ вернуть прежнюю славу и утраченныя въ Литвѣ владѣнія, рѣшивъ употребить для этого всѣ усилія. Зорко слѣдятъ за дѣлами на западѣ онъ не переставалъ склонять московскаго государя воспользоваться первыми благопріятными обстоятельствами, чтобы начать новую войну съ Сигизмундомъ. Польско-литовскій король отлично понималъ какого опаснаго, безпокойнаго врага онъ имѣетъ при московскомъ дворѣ въ лицѣ неотомщеннаго, пылкаго Михаила Глинскаго и уже неоднократно требовалъ отъ Василія его выдачи или казни: то подъ предлогомъ тайнаго возбужденія имъ противъ Литвы датскаго короля; то подозрѣнія будто бы это онъ отравилъ брата его Александра.

Послѣднее обвиненіе подтверждала, какъ надо думать по наущенію Сигизмунда, Елена Іоанновна, поддерживая своими просьбами настоянія шурина. Однако ея же собственная судьба случайно дала первый поводъ для объявленія Василіемъ войны Сигизмунду. Черезъ своихъ пословъ къ польско-литовскому королю онъ постоянно справлялся: «не причиняютъ ли какихъ обидъ его вдовствующей сестрѣ? не принуждаютъ ли ее къ латинской вѣрѣ? и держатъ ли въ ей подобающей чести»? А между тѣмъ высшее католическое духовенство дѣйствительно съ порицаніемъ относилось къ стойкому пребыванію въ православіи вдовствующей вел. княгини литовской; подъ его вліяніемъ вельможи Литвы и Польши тоже недружелюбно начали на нее смотрѣть. Кромѣ того они завидывали ея богатству,

такъ какъ она хорошо управляла имѣніями, данными ей въ Литвѣ Александромъ и Сигизмундомъ. Устраненная смертью мужа отъ непосредственнаго участія въ текущихъ событіяхъ внѣшней государственной жизни, Елена всецѣло предалась хозяйственной дѣятельности; сама объѣзжала волости свои; выдавала грамоты объ управленіи ими и, такимъ образомъ, накопила себѣ большія деньги. Когда однажды въ 1512 г. она собиралась ѣхать въ свой городъ Бреславль, пославъ туда наперед вѣрныхъ людей; распространился слухъ будто она увозитъ въ Москву всю казну, пріобрѣтенную ей въ Литвѣ, почему нѣсколько литовскихъ пановъ себѣ позволили не только насильственно задержать ея поѣздъ, но и вывести ее за рукава изъ храма, чтобы на приготовленныхъ ими саняхъ отправить—сначала въ Троки, а изъ Трокъ въ жмудское мѣстечко: Бирштаны. Елена Іоанновна написала сейчасъ же брату о нанесенномъ ей оскорбленіи. Хотя Михаилъ Глинскій не замедлилъ воспользовался случившимся, чтобы представить Василію смерть сестры его, какъ дѣло рукъ подговоренныхъ литовскихъ убійцъ, но Сигизмундъ возразилъ на гнѣвный запросъ Василія по этому поводу: будто Елена была задержана только вслѣдствіе не безопасности ея пути.

Другой причиною для разрыва мирнаго соглашенія съ польско-литовскимъ королемъ была удача его коварныхъ происковъ противъ московскаго вел. князя въ ордѣ крымскихъ татаръ, наконецъ, все же разшатавшихъ крѣпкій долголѣтній союзъ между Москвою и Менгли-Гиреемъ ради 15.000 золотыхъ обѣщанныхъ ежегодно хану отъ Сигизмунда за обязательство начать военныя дѣйствія противъ русскихъ. Впрочемъ, какъ мы уже сказали, самъ Менгли-Гирей

ослабъ духомъ и находился въ полной зависимости отъ своихъ буйныхъ, легкомысленныхъ сыновей.

Ахматъ и Бурнашъ-Гирей за 1512 г. сдѣлали три набѣга въ рязанскую землю, пытаясь, хотя безуспѣшно, занять Рязань. Такой рѣзкій, непріязненный оборотъ, до сихъ поръ дружескихъ отношеній Тавриды и московскаго государства, совершился вопреки искреннему расположенію къ союзу съ Василіемъ III умной жены Менгли-Гирея: ханши Нурсалтанъ. Онъ явился тѣмъ большею неожиданностью для вел. князя, что Нурсалтанъ въ 1510 г., пріѣхавъ въ Москву повидать сыновей, увѣряла его въ неизмѣнной дружбѣ Менгли-Гирея, а послѣ, пробывъ цѣлый годъ въ Казани, такъ утвердила тамъ сына Магметъ-Аминя въ искреннемъ доброжелательствѣ къ московскому вел. князю, что тотъ новыми грамотами обязался не измѣнять больше своей преданности Россіи и, раскаявшись въ своемъ возмущеніи противъ Іоанна III, открылъ довѣренному лицу Василія всѣ причины его, не скрывая вины обольстившей его, супруги. На обратномъ пути Нурсалтанъ, Василій ее высоко почтилъ въ Москвѣ отмѣнною царской милостью и угощеніемъ, такъ что она вернулась въ Тавриду еще болѣе расположенной къ союзу съ русскими изъ признательности къ московскому государю. Однако, хитрость, подкупы и настойчивость Сигизмунда превзошли всѣ усердныя, хотя до сихъ поръ оставшіяся напрасными, старанія Казиміра и Александра уничтожить, для Литвы грозный, союзъ съ Москвою Тавриды. Это благое дѣло Іоанновой государственной мудрости теперь разстроилось навсегда, и Крымъ обратился для русскаго государства изъ мѣста вѣрной дружеской помощи въ гнѣздо лютыхъ разбойниковъ. Но воеводы: Даніилъ Щеня, князь

Булгакъ, Александръ Ростовскій и конюшій Челядинъ, охранявшіе южные рубежи русской земли, стоя съ готовымъ войскомъ на берегахъ рѣкъ — Осетра и Упы, успѣшно отразили набѣгъ Ахматъ-Гирея въ рязанскую область, такъ какъ со времени отца Василія III Россія не оставалась уже никогда безоружной; ея полки не распускались, смѣняясь только одни другими для несенія службы. Тѣмъ не менѣе Василій Іоанновичъ послѣ того немедленно объявилъ войну Сигизмунду, рѣшивъ на этотъ разъ овладѣть Смоленскомъ во чтобы то ни стало. Онъ сказалъ, по свидѣтельству литовскихъ пословъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ и видѣвшихъ ея грозное вооруженіе, что «доколѣ конь мой будетъ ходить, а мечъ рубить,—не дамъ покоя Литвѣ». Василій могъ выставить болѣе 100 тысячъ войска, причемъ главную силу его составляли дѣти боярскіе, превратившіеся въ военно-помѣстное служилое сословіе. Они выѣзжали на войну верхомъ на малорослыхъ слабоуздыхъ коняхъ; вооруженные преимущественно бердышами, стрѣлами и палицами, т. е. пиками; за поясомъ у московскаго воина заткнутъ былъ большой ножъ; знатные люди носили и сабли. Русскіе умѣли ловко держать въ одно время: узду, лукъ, саблю и плеть, висѣвшую на мизинцѣ правой руки, тогда какъ поводъ съ прорѣзью былъ намотанъ вокругъ пальца лѣвой. Тѣ, кто былъ побогаче надѣвали ради предохраненія отъ непріятельскихъ ударовъ кальчуги и нагрудники. При Василіи III явился новый родъ войска: такъ называемые пищальники, владѣвшіе огнестрѣльнымъ оружіемъ. До сихъ поръ вновь введенная артиллерія употреблялась лишь при осадѣ и защитѣ городовъ. Но Василій Іоанновичъ началъ ее выводить, какъ пѣхоту, на поле битвы. Кромѣ пи-

щальниковъ существовали еще «посоха», т. е. жители разнаго рода, набранные по особому распоряженію: родъ ополченія. Каждый воинъ велъ за собой вьючную лошадь съ запасомъ продовольствія изъ пшена, солонины и толокна; но воеводы часто кормили бѣднѣйшихъ на собственный счетъ. Русскіе того времени вступали въ бой подъ музыку; кромѣ трубы у нихъ былъ въ ходу еще инструментъ, называвшійся сурной или сурмою. Василій самъ сталъ во главѣ своихъ полковъ, имѣя главными воеводами князей: Даніила Щеню, Репню-Оболенскаго и Михаила Глинскаго. Онъ вывелъ войска изъ Москвы, чтобъ подойти съ ними къ Смоленску, 19 декабря 1513 г. Подъ стѣнами Смоленска гонецъ королевскій подалъ ему письмо отъ Сигизмунда съ требованіемъ, чтобъ онъ прекратилъ тотчасъ же военныя дѣйствія, угрожая иначе своей жестокой местью. Письмо было оставлено безъ отвѣта, а гонецъ задержанъ въ станѣ вел. князя. Однако, стеченіе 1513 г. Василій два раза безуспѣшно старался взять этотъ городъ. Черезъ Михаила Глинскаго онъ вошелъ въ сношеніе съ новымъ германскимъ императоромъ—Максимиліаномъ, ставшимъ на сторону Москвы, такъ какъ онъ продолжалъ преслѣдовать свою цѣль: овладѣть венгро-чешскимъ королевствомъ послѣ смерти Сигизмундова брата Владислава, несмотря на то, что венгерскій народъ возставалъ противъ такихъ видовъ на него дома Габсбурговъ, имѣя своимъ представителемъ знатнаго венгерскаго графа Іоанна Заполу, на сестрѣ котораго: Варварѣ, женился Сигизмундъ къ большому неудовольствію Максимиліана. Когда Владиславъ заболѣлъ, еще въ 1508 г. Василій написалъ императору, напоминая ему о его прежней дружбѣ съ Іоанномъ и предлагалъ возобновить съ

86) Картина: Посолъ польско-литовскаго короля передаетъ грозное письмо отъ него Московскому вел. князю Василію III подъ стѣнами Смоленска.

нимъ тѣсный союзъ. Михаилъ Глинскій тайно переслалъ эту грамоту Василія въ Вѣну, но отвѣтъ былъ полученъ лишь въ 1514 г.

Максимиліанъ въ фев ралѣ этого года прислалъ въ Москву своего совѣтника: Шнитцеръ-Памера для заключенія союзнаго договора, имѣющаго цѣлью, одновременное съ вел. княземъ московскимъ, наступленіе на Сигизмунда общими силами. Василію предоставлялось вернуть Москвѣ Кіевъ и всѣ другіе русско-литовскіе города; тогда какъ Максимиліанъ долженъ былъ отнять у Польши захваченныя имъ прусскія области. Максимиліанъ и Василій именовали другъ друга въ этомъ писменномъ договорѣ: братьями; великими государями. Московскую грамоту перевели на нѣмецкій языкъ, причемъ вмѣсто «царь» въ этомъ переводѣ поставили «императоръ», что послужило потомъ Петру Великому основаніемъ заявить, что австрійскій дворъ издавна признавалъ московскихъ царей «императорами». Къ своему союзу съ Москвою австро-германскій императоръ привлекъ молодого магистра прусско-тевтонскаго ордена Альбрехта Брандербургскаго, стремившагося уничтожить зависимость ордена отъ польскаго короля. Шнитцеръ-Памеръ прямо отъ него прибылъ къ Василію. Максимиліанъ утвердилъ договоръ заключенный съ московскимъ вел. княземъ въ Германіи, собственноручной подписью съ золотою печатью. Ливонскій орденъ по своему отношенію къ тевтонскому, обязанъ былъ тоже объявить войну Польшѣ. Тогда же Максимиліанъ старался привлечь къ союзу съ собою и датскаго короля Христіана II, женатаго на его внучкѣ: Изабеллѣ.

Въ это самое время семьдесятъ ганзейскихъ городовъ, желая возобновить выгоды древней своей торговли съ Новгородомъ, рѣшили забыть бѣдствіе имъ

причиненное Іоанномъ III и, обязавшись не водить дружбы съ Сигизмундомъ, заключили мирное торговое условіе съ новгородскими намѣстниками: Шуйскимъ и Морозовымъ на 10 лѣтъ. Василій приказалъ вернуть въ Новгородѣ нѣмецкимъ купцамъ прежніе ихъ дворы и церковь, причемъ предоставилъ имъ право торговать нужными для Россіи товарами и обезпечилъ ганзейскимъ городамъ безопасность на случай своей войны съ Швеціей и Ливоніей, такъ же какъ и купцамъ справедливый судъ по русскимъ законамъ безъ притѣсненія и обидъ. На этотъ разъ Василій хотѣлъ исправить запальчивый поступокъ отца и охотно пошелъ навстрѣчу ганзейскимъ купцамъ въ стараніи завязать съ ними въ Новгородѣ прежнія, обогощавшія насъ сношенія. Но, потерявъ независимость, Новгородъ не могъ болѣе развивать былой кипучей торговой дѣятельности. За 20 лѣтъ вынужденнаго разрыва съ Ганзой упала сила свободнаго, раньше могучаго роста его богатства и процвѣтанія.

Василій Іоанновичъ сдѣлалъ ошибку, начавъ войну съ польско-литовскимъ королемъ слишкомъ рано: еще до полнаго утвержденія своего союзнаго договора съ Максимиліаномъ.

Когда послѣ перваго неудачнаго приступа своихъ войскъ на высокія крѣпкія стѣны Смоленска, онъ вторично въ іюнѣ мѣсяцѣ двинулъ къ нему полки, то одержалъ полную побѣду надъ его литовскимъ намѣстникомъ: Юріемъ Сологубомъ въ открытомъ полѣ. Послѣ того Сологубъ опять заперся въ Смоленскихъ стѣнахъ и тутъ неумѣлое обращеніе русскихъ воиновъ съ огнестрѣльнымъ снарядомъ дѣлало безуспѣшною ихъ стрѣльбу по укрѣпленіямъ города, несмотря на многочисленность сильнаго московскаго войска, еще подкрѣпленнаго приходомъ псковскихъ и новгородскихъ ратниковъ. То, что русскіе разрушали

днемъ, литовцы вновь воздвигали ночью. Такъ продолжалась осада Смоленска до наступленія осени, когда проливные дожди и глубокая грязь заставили Василія отступить, удовольствовавшись волей-неволей опустошеніемъ литовской земли вокругъ Смоленска и Полоцка московскимъ воеводою—Василіемъ Шуйскимъ.

Но лѣтомъ 1514 г. вел. князь Василій Іоанновичъ въ третій разъ окружилъ Смоленскъ своими войсками. Литовцы уже перестали бояться русской военной силы, начиная предполагать, что всѣ побѣды и завоеванія москвичей были единственно дѣломъ счастья Іоанна III и его личныхъ достоинствъ. Необходимо было поддержать въ ихъ глазахъ славу оружія и могущества русскаго государства. Михаилъ Глинскій готовъ былъ поручиться за успѣхъ новаго приступа на Смоленскъ, тайно питая надежду, что вел. князь ему отдастъ смоленскую область въ наслѣдственный удѣлъ. Онъ оказалъ тутъ большую помощь Василію, нанявъ въ Германіи и Богеміи многихъ людей, особенно свѣдующихъ въ ратномъ дѣлѣ. Они проѣхали въ Москву черезъ Ливонію. Подъ Тулой и на Угрѣ стояли запасные полки. На этотъ разъ москвичи выставили очень большое количество пушекъ и пищалей. 29 іюля они начали стрѣлять по городу изъ-за Днѣпра крупными и мелкими ядрами, окованными свинцомъ, причемъ въ числѣ московскихъ пушкарей выдавался своимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ нѣкій Стефанъ. По свидѣтельству лѣтописи, отъ ужаснаго дѣйствія, управляемыхъ имъ орудій, рушились стѣны и люди толпами падали мертвыми, между тѣмъ, какъ литовскія пушки, разрываясь, поражали своихъ. Хотя воевода смоленскій: Юрій Сологубъ продолжалъ храбро обороняться и отбилъ нѣсколько ожесточенныхъ непріятельскихъ приступовъ, но, наконецъ, раз-

рушеніе и пожары,—произведенные въ городѣ московскими ядрами, привели жителей въ такое уныніе, что они начали требовать сдачи. Тщетно Сологубъ говорилъ имъ, что скоро самъ король явится на выручку города. Смоленскъ весь былъ окутанъ густымъ облакомъ дыма. Зданія пылали. Жители вопили съ отчаянія, требуя милосердія; простирая къ осаждающимъ руки, они въ тысячу голосовъ имъ кричали съ городскихъ стѣнъ:—«Государь, великій князь! уйми мечь свой! Мы тебѣ повинуемся». Когда въ отвѣтъ на эти мольбы пальба затихла, смоленскій епископъ Варсо́нофій вышелъ на мостъ и объявилъ, что Юрій Сологубъ на слѣдующій день готовъ начать мирные переговоры. Но Василій ему не далъ этого срока и пушки снова начали громить крѣпость. Вопль народный усилился и среди всеобщаго ужаса слова убѣжденія преданныхъ Россіи людей въ стѣнахъ города брали, конечно, верхъ надъ увѣщаніями Сологуба. Наконецъ, епископъ Варсонофій въ сопровожденіи намѣстника и многихъ людей изъ народа, явившись съ духовенствомъ въ станъ московскаго великаго князя, просилъ, чтобъ онъ принялъ отчину свою «съ тихостью». Тогда Василій послалъ князя Даніила Щеню привести жителей Смоленска къ присягѣ себѣ и замѣнить тамъ литовскіе полки московскими, а 1-го августа онъ самъ торжественно въѣхалъ въ Смоленскъ съ братьями и боярами, привѣтствуемый народомъ, благословляемый духовенствомъ. Осѣняя его крестомъ въ соборѣ, Варсонофій сказалъ:—«Божьей милостью радуйся, православный царю Василій, великій князь всея Руси, самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ, градѣ Смоленска, на многія лѣта». Было общее ликованіе. Смоляне радовались своему освобожденію отъ Литвы, болѣе ста лѣтъ владѣвшей Смоленскомъ. Въ

87) Картина: Возвращеніе Смоленска подъ власть русскаго государя.

избыткѣ радости Василій Іоанновичъ обошелся съ гражданами Смоленска милостиво; совсѣмъ не такъ какъ съ псковичами: утвердилъ всѣ, ставшіе привычными имъ, уставы, заключенные между ними и князьями литовскими; одѣлялъ ихъ щедро подарками и никого не перевелъ въ московскую землю. Юрій Сологубъ, согласно своему желанію, былъ отпущенъ въ Литву къ королю Сигизмунду, но тамъ этого, хотя побѣжденнаго, но до конца вѣрнаго своему долгу, несчастнаго воеводу, безпощадно, несправедливо судили и, какъ измѣнника, обезглавили. Прибывъ сквозь толпы волновавшагося народа во дворецъ древнихъ князей Мономахова рода, Василій сѣлъ на ихъ тронѣ, окруженный боярами и далъ Смоленску въ намѣстники князя Шуйскаго. Возвращеніе подъ сѣнь московской державы древняго, славнаго русскаго города, имѣло видъ свѣтлаго великаго праздника. Отнять чужое лестно одному личному властолюбію государя, тогда какъ обратно получить собственное, отрадно всему народу. Эта блестящая побѣда надъ Литвой Василія Іоанновича, внушила такое уваженіе къ его силѣ, что воеводы другихъ городовъ смоленской области не стали ему сопротивляться.

Сигизмундъ узналъ о паденіи Смоленска, когда со своимъ польско-литовскимъ войскомъ, съ наемными отрядами нѣмцевъ, чеховъ и венгровъ, достигъ уже Минска. Василій послалъ своихъ воеводъ ему навстрѣчу. Московскіе полки стали подъ Друцкомъ, а король пододвинулся къ Борисову, когда обнаружилась въ русскомъ станѣ измѣна Глинскаго.

Мы знаемъ, что Глинскій хотѣлъ получить отъ Василія Смоленскъ себѣ въ удѣлъ, однако, московскій великій князь не для того положилъ столько усилій

и русской крови ради завоеванія у Литвы Смоленска, чтобы отдать этотъ дорогой русскому сердцу городъ литовскому выходцу. Осуществляя желаніе своего отца и выполняя завѣты предковъ объ уничтоженіи на Руси удѣловъ, онъ не допускалъ конечно возможности своей же рукой насаждать ихъ вновь. По ливонскимъ извѣстіямъ Глинскій будто сказалъ Василію:—«Нынче я дарю тебѣ Смоленскъ, котораго ты такъ долго желалъ. Чѣмъ ты меня отдаришь?»—«Я дарю тебѣ княжество въ Литвѣ»,—отвѣчалъ Василій. Тогда, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ Глинскій, пылая гнѣвомъ, вступилъ въ переговоры съ королемъ Сигизмундомъ, рѣшивъ вернуться въ Литву и предлагая ему свои услуги.

Сигизмундъ, конечно, радъ былъ отнять у противника такого цѣннаго по военному своему опыту и предпріимчиваго союзника онъ обѣщалъ Михаилу разныя милости въ отвѣтъ на его предложеніе ему помочь окружить войска Василія, тѣмъ временемъ отъѣхавшаго отъ, побѣдоносныхъ полковъ своихъ, имъ посланныхъ къ Минску, въ Дорогобужъ.

Михаилъ со своимъ отрядомъ стоялъ недалеко отъ города Орши и никто не подозрѣвалъ его злыхъ умысловъ. Онъ, между тѣмъ, предупредилъ короля, чтобы литовское войско шло какъ можно скорѣй къ Днѣпру, гдѣ онъ отвѣчалъ за его успѣхъ, а самъ ночью, сѣвъ на коня, поскакалъ изъ русскаго стана навстрѣчу литовцамъ, какъ только узналъ о ихъ приближеніи къ Оршѣ, согласно данному имъ совѣту. Но одинъ изъ его слугъ, понявъ въ чемъ дѣло, поспѣшно донесъ о томъ русскому воеводѣ князю Булгакову-Горлицѣ. Горлица, не теряя времени, съ легкой дружиной погнался за нимъ и пересѣкъ ему путь въ лѣсу. Схваченный тамъ, Глинскій доставленъ

былъ въ Дорогобужъ къ вел. князю, гдѣ, ожидая смерти, дерзко сталъ упрекать Василія въ неблагодарности за услуги имъ оказанныя московскому государству. Находившіяся при немъ Сигизмундовы письма, служили явной уликой его предательства. Василій приказалъ, скованнымъ отвезти измѣнника въ Москву, а князю Булгакову-Голицѣ, Челядину и другимъ своимъ воеводамъ, готовить полки къ бою съ литовцами на Днѣпрѣ, подъ Оршей.

88) Картина: Погоня въ лѣсу воеводы Булгакова-Голицы за измѣнившимъ Москвѣ кн. Михаиломъ Глинскимъ.

Литовскимъ войскомъ предводительствовалъ здѣсь князь Константинъ Острожскій: заклятый врагъ Руси. Хотя исповѣдуя, подобно предкамъ своимъ, православную вѣру, онъ ненавидѣлъ Москву, а теперь въ особенности горѣлъ желаніемъ отомстить русскимъ за Ведрошское пораженіе при Іоаннѣ III и успѣлъ въ этомъ, несмотря на превосходство силъ непріятеля. Все московское войско было подъ Оршей разбито на голову, причемъ погибло до 30,000 человѣкъ изъ 80-ти; знамена, пушки и воеводы забраны были въ плѣнъ побѣдителемъ вопреки гордому замѣчанію окольничаго боярина Ивана Андреевича Челядина, когда ему донесли, что половина литовцевъ уже перешла на другой берегъ Днѣпра по наведенному незамѣтно Острожскимъ мосту:—«Мнѣ мало половины; я жду ихъ всѣхъ»! Главной причиной страшнаго пораженія москвитянъ литовцами 8-го сентября 1514 г. была взаимная зависть между двумя военноначальниками московскихъ силъ, княземъ Булгаковымъ-Горлицей и Челядинымъ, вслѣдствіе чего движенія русскаго войска утратили связь и одну общую цѣль. Сначала Челядинъ не помогъ во время Горлицѣ; а затѣмъ Горлица выдалъ Челядина внезапнымъ бѣгствомъ, имъ предводимыхъ полковъ въ самомъ пылу сраженія. Еще есть извѣстіе, что князь

Константинъ Острожскій прибѣгнулъ къ хитрости; ложнымъ отступленіемъ заманивъ русскихъ на литовскія пушки и вмѣстѣ съ тѣмъ, обойдя ихъ съ тыла. Никогда еще не одерживала Литва надъ Русью такой знаменитой, радостной для нея побѣды. И князь Булгаковъ-Горлица, и Челядинъ были достойно наказаны тѣмъ, что оба попали въ плѣнъ вмѣстѣ съ съ множествомъ русскихъ дворянъ и князей. Сигизмундъ приказалъ заковать ихъ въ цѣпи, презирая недостойныхъ вождей, ввѣреннаго имъ войска. Они долго томились въ неволѣ, забытые опозоренной ими родиной.

Острожскій пошелъ къ Смоленску, а ликующій Сигизмундъ немедленно оповѣстилъ всю Европу о торжествѣ Литвы, одаривая государей западныхъ странъ и папу русскими плѣнниками. Онъ теперь мечталъ отнять у Россіи обратно не только Смоленскъ, но также всѣ прежнія завоеванія Іоанна III. Однако, не въ мѣру превознесшійся Сигизмундъ, въ этомъ ошибся. Когда раненые подъ Оршей принесли вѣсть въ Смоленскъ о разгромѣ литовцами великокняжескихъ войскъ, то, конечно, весь городъ пришелъ въ волненіе. Многіе Смоленскіе бояре, подумавъ, что московское государство стоитъ на краю гибели, рѣшили, во главѣ съ епископомъ Варсонофіемъ, измѣнить Василію и послали къ Сигизмунду епископскаго племянника, предлагая ему передать Смоленскъ, если онъ безъ промедленія подступитъ съ войскомъ къ его стѣнамъ. Однако, другія вѣрныя Москвѣ люди, предупредили о замышлявшемся предательствѣ, Шуйскаго; такъ что тотъ, уже въ виду приближавшагося непріятеля, успѣлъ заключить подъ стражу малодушныхъ измѣнниковъ. Всѣ они, за исключеніемъ епископа, были повѣшаны Шуйскимъ

на городской стѣнѣ передъ глазами Константина Острожскаго, подошедшаго къ городу, ведя за собой полки отборныхъ литовскихъ воиновъ. На повѣшанныхъ Шуйскій велѣлъ надѣть во время казни всѣ дорогіе подарки, ими полученные отъ Василія; соболью шубы и бархатные кафтаны, привѣсивъ еще имъ на грудь серебренные ковши и чарки. Городъ, очищеный, такимъ образомъ, отъ измѣнниковъ не только не сдался князю Острожскому, но ему оказалъ столь упорное сопротивленіе, что Константинъ ушелъ, не овладѣвъ Смоленскомъ. Литовцы заняли лишь второстепенные города смоленской области, открывшіе свои ворота московскому вел. князю, какъ побѣдителю, а теперь вновь присягнувшіе Сигизмунду. Послѣ того польско-литовскій король распустилъ свое войско, но всячески подстрекалъ сына Менгли-Гирея Махмета, занявшаго ханскій престолъ въ Тавридѣ по смерти отца своего весною 1515 г. къ нападенію на московскія владѣнія съ юга. Махметъ, узнавъ о его побѣдѣ и самъ хотѣлъ ею воспользоваться для опустошенія плохо защищенныхъ областей южной Руси: какъ черниговская и новгородъ-сѣверская, откуда въ это время ушли въ Москву мѣстные князья и воеводы со своими дружинами. Онъ тутъ разсчитывалъ на помощь другого русскаго измѣнника,—тоже литовскаго выходца: воеводы Евстафія Дашковича, милостиво принятаго въ Москвѣ Іоанномъ III. Онъ служилъ Василію нѣсколько лѣтъ, но ушелъ въ Литву за Константиномъ Острожскимъ. Король ему далъ во владѣніе Каневъ и Черкасы, Здѣсь Дашковичъ прославился своимъ мужествомъ, соединеннымъ съ воинскимъ дарованіемъ въ быту днѣпровскихъ казаковъ. Онъ образовалъ изъ нихъ то легкое, неутомимо дѣятельное воинство, которое

89) Картина: Рѣшительная расправа Шуйскаго съ предателями въ стѣнахъ Смоленска.

потомъ заслужило всесвѣтную извѣстность своею боевою жизнью и добровольными подвигами на полѣ брани. Наблюдаля всѣ движенія крымцевъ оно прегражадло имъ путь въ Литву. Дашковичъ ввелъ среди него строгую подчиненность, избраннымъ имъ вождямъ. Каждому казаку далъ мечъ и ружье. Пожелавъ вступить въ союзъ съ Дашковичемъ для нападенія на Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ и Стародубъ, Махметъ-Гирей не хотѣлъ однако тратить людей на приступахъ и повиноваться литовскимъ предводителямъ, почему воеводамъ вышеозначенныхъ городовъ удалось отстоять ихъ отъ многочисленной непріятельской конницы, подкрѣпленной пушками. Тѣмъ не менѣе Василій Іоанновичъ видѣлъ и понималъ, что измѣна Москвѣ крымскаго хана ослабляетъ силу ея. Онъ обратился къ посредству турецкаго султана Селима, чтобы вернуть Менгли-Гирея къ его прежнему образу дѣйствія, запретивъ ему дружить съ Литвою. При этомъ русскому послу Василію Коробову, было предписано стараться заключить тѣсный союзъ съ Оттоманской Портой противъ Литвы и Тавриды, но попытка Василія не имѣла успѣха, потому что султанъ Селимъ былъ въ это время занятъ войною съ персами Коробовъ добился лишь права свободной торговли въ Азовѣ и Кафѣ для русскихъ купцовъ. Послѣ смерти Менгли-Гирея отношенія съ его сыномъ Махметомъ стали еще враждебнѣй; это былъ человѣкъ бездарный и развращенный, заслуживающій скорѣе названіе атамана разбойниковъ, чѣмъ царя. Онъ соглашался на миръ съ московскимъ государемъ лишь при условіи возвращенія литовскому королю, не только Смоленска, но еще Новгорода, Сѣверска, Стародуба, Брянска, Путивля и вообще всѣхъ другихъ городовъ древне-

русскихъ удѣльныхъ княжествъ, будто бы данныхъ Іоанну III Менгли-Гиреемъ въ знакъ его особенной къ нему милости. Бояринъ Мамоновъ былъ посланъ въ Тавриду отвѣтить Менгли-Гирею, что всѣ эти требованія его по явному наущенію коварнаго Сигизмунда, не только непріемлимы для московскаго вел. князя, но что онъ намѣренъ отнять у польско-литовскаго короля еще нѣкоторые города, издревле принадлежавшіе русской землѣ. Мамоновъ долженъ былъ постараться склонить на сторону вел. князя ханскихъ вельможъ и дать понять самому хану, что возобновленіе его союза съ Москвою возможно, если онъ прекратитъ свои злодѣйства по отношенію къ ней; такъ какъ во время выѣзда изъ Москвы Мамонова, крымцы толпились въ окрестностяхъ Азова, подстерегая русскихъ купцовъ, и нападали на рязянскую землю. Когда же король Сигизмундъ, испуганный первоначальнымъ успѣхомъ посольства Мамонова, благодаря освѣдомленія Махметъ-Гирея о расположеніи къ московскому вел. князю турецкаго султана и согласію Василія послать судовую рать въ Астрахань на помощь крымцамъ,— поспѣшилъ доставить Махметъ-Гирею 30.000 червонцевъ, царевичъ Богатырь, будто безъ вѣдома отца ворвался въ московскія владѣнія съ голодными толпами крымской орды, страдавшей въ этомъ году отъ неурожая вслѣдствіе засухи. Замѣститель Мамонова боярскій сынъ: Шадринъ, имѣлъ въ Крыму доброжелателя въ лицѣ ханскаго брата: Ахмата, ненавидѣвшаго Литву, между тѣмъ, какъ въ Россіи, онъ надѣялся найти убѣжище отъ возможно плохихъ для него послѣдствій смутъ и безпорядковъ при дворѣ хана Махмета. Другіе князья татарскіе, побуждая Василія черезъ его посла къ болѣе щедрымъ

подаркамъ Махмету, запугивали послѣдняго тѣмъ, что московскій вел. князь поддержитъ противъ него ногайцевъ и астраханцевъ. Тогда Махметъ, пренебрегая нравственнымъ оправданіемъ своихъ поступковъ, въ жаждѣ вѣрной богатой добычи, послалъ 40 тысячъ всадниковъ разорять южныя владѣнія Сигизмунда, несмотря на взятое у него золото. Онъ пользовался тѣмъ, что оба сосѣда крымскаго ханства, стараясь вредить другъ другу черезъ его посредство, легко ему прощали всякое вѣроломство и домогались во что бы то ни стало дружескаго союза съ нимъ.

Въ это время: въ 1515 г. казанскій ханъ: Махметъ-Аминь занемогъ тяжелою, отвратительною болѣзнью: все его тѣло гноилось, распространяя вокругъ себя смрадъ и кишѣло червями. Никакіе волхвы не могли исцѣлить его. Тогда онъ суевѣрно рѣшилъ, что русскій Богъ караетъ его за измѣну Іоанну III подъ вліяніемъ жены; за то, что онъ, такимъ образомъ, незаслуженнымъ зломъ отплатилъ своему благодѣтелю. — «Іоаннъ былъ мнѣ отцомъ; а теперь я гибну и мнѣ не нужны: ни престолъ, ни вѣнецъ, ни золото, ни одръ драгоцѣнный». Ради успокоенія своей совѣсти, Махметъ-Аминь послалъ въ подарокъ Василію 300 коней, украшенныхъ богатыми сѣдлами и золотомъ вышитыми, коврами; а кромѣ того персидскій царскій шатеръ, такъ хитро вытканный, что на него дивились нѣмецкіе купцы. Казанскіе послы умоляли вел. князя объявить своего плѣнника: Ахметъ-Летифа владѣтелемъ казанскаго царства послѣ смерти Махметъ-Аминя, обязываясь въ такомъ случаѣ вѣчно зависить отъ московскаго государства и принимать царей единственно отъ его руки. Василій, въ доказательство своего благоволѣнія къ Махметъ-Аминю, пожаловалъ хану Летифу городъ Каширу. Между тѣмъ крымскій

ханъ Махметъ-Гирей опасался чтобы казанскіе князья не выбрали преемникомъ Махметъ-Аминя одного изъ ненавистныхъ ему астраханскихъ царевичей и поспѣшилъ отправить Василію дружеское письмо, хвалясь тѣмъ, что онъ разорилъ Литву. Съ своей стороны онъ просилъ о возведеніи на престолъ Ахметъ-Летифа и вновь побуждалъ вел. князя къ войнѣ съ астраханскимъ ханствомъ, обѣщая ему на такихъ условіяхъ свой вѣрный союзъ. Но король Сигизмундъ неутомимо, зорко слѣдившій за отношеніями къ Москвѣ Крыма, опять разстроилъ его при помощи золота и богатыхъ даровъ. Ими онъ вызвалъ новый разбойничій набѣгъ крымцевъ на ближайшія русскія земли съ разореніемъ ихъ огнемъ и мечомъ до самой Тулы. Однако здѣсь татарскихъ грабителей встрѣтили московскіе воеводы и хорошо наказали хищниковъ. Засѣвъ во всѣхъ окрестныхъ лѣсахъ, русскіе воины не давали бѣгущимъ врагамъ ни пути, ни пощады. Много ихъ погибло въ рѣкахъ и болотахъ; а возвратившіеся живыми, пришли домой босые, въ лохмотьяхъ, едва дыша. Между тѣмъ Ахметъ-Летифъ внезапно умеръ въ 1517 г.—годомъ раньше Махметъ-Аминя.

93) Картина: Побѣдоносное отраженіе и преслѣдованіе въ лѣсахъ русскими воинами крымскихъ разбойниковъ.

На сѣверѣ датскій король Христіанъ II заключилъ тѣсный союзъ съ Москвою. Нашъ посолъ: дворянинъ Микулинъ былъ въ Копенгагенѣ; а Христіановъ: Двидъ-Герольдъ въ Москвѣ. Хотя существенной пользы не могли оказать другъ другу: ни король Христіанъ, занятый борьбой со Швеціей, ни Василій, отражая литовцевъ,—но, тѣмъ не менѣе, ихъ единеніе между собой устрашало враговъ того и другого.

Мы знаемъ, что московскій вел. князь находился въ союзѣ съ германскимъ императоромъ: преемникомъ Фридриха, сыномъ его Максимиліаномъ и

*

съ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ: магистромъ тевтонскаго Ордена; но отъ этихъ союзниковъ онъ видѣлъ мало помощи въ своей войнѣ съ Литвою. Альбрехтъ только еще собирался начать военныя дѣйствія противъ короля Сигизмунда, именовавшаго его своимъ присяжникомъ, предварительно прося на нихъ у Василія денежныхъ средствъ по 40 тысячъ золотыхъ ежемѣсячно. Вел. князь обѣщалъ дать Альбрехту эти деньги, однако, лишь послѣ того, какъ онъ начнетъ войну съ Сигизмундомъ, отобравъ обратно, захваченные имъ у тевтонскаго Ордена, города и двинется въ Польшу къ Кракову. Рыцарство, видя себя униженнымъ и утратившимъ прежнюю свою гордую независимость отъ окружавшихъ его сосѣдей, уже давно просило защиты у папы и у германскаго императора, пока не стало искать опоры въ силахъ естественнаго врага Литвы: Московскаго государства. Престарѣлый магистръ ливонскаго Ордена: Плетенбергъ, не принималъ прямого участія въ этомъ союзѣ и вопреки выгодамъ самихъ рыцарей, изъ чувства личной вражды къ Москвѣ, радовался ея неудачамъ, досадуя на получаемыя ей выгоды. Германскій императоръ за это время: послѣ свиданія въ Вѣнѣ съ обоими королями: венгерскимъ и польско-литовскимъ, уже отказался отъ мысли воевать съ Сигизмундомъ, а предлагалъ себя только въ посредники мира, между нимъ и Москвою. Сигизмундъ, конечно, постарался отвлечь Максимиліана отъ союза съ Василіемъ, хотя тотъ самъ и не воевалъ съ поляками, лишь противъ нихъ вооружая другіе народы. Въ столицѣ германскаго императора: Вѣнѣ, состоялось свиданіе его съ обоими королями: Сигизмундомъ и Владиславомъ венгерскимъ, для закрѣпленія, имъ желаемаго, наслѣдственнаго перехода

престола Венгріи въ австрійскій, царствующій домъ Габсбурговъ. Противодѣйствіе по этому поводу народнаго представителя въ Венгріи, уже упомянутаго нами, Іоанна Заполы, поддержанное королемъ польско-литовскимъ, было ослаблено смертью его сестры: жены Сигизмунда — Варвары, между тѣмъ, какъ у Владислава, долго имѣвшаго только одну дочь—Анну, потомъ родился сынъ: Людовикъ. Іоаннъ Запола: вельможа очень вліятельный при венгерскомъ дворѣ, упорно добивался, при помощи своей матери любимой народомъ за щедрую раздачу денегъ, руки королевны Анны, а съ нею вѣнца королевскаго. Но Максимиліанъ въ свою очередь ее сваталъ за одного изъ внуковъ своихъ отъ сына Филиппа—испанскаго короля; и самъ Владиславъ желалъ этого брака для дочери. Въ 1515 г. она была обручена въ Вѣнѣ съ обоими, еще малолѣтними королевичами: Карломъ и Фердинандомъ, для того чтобы въ будущемъ предоставить ей окончательный между ними выборъ. Одновременно десятилѣтняго Людовика обручили съ внучкой Максимиліана: Маріей.

Эти брачные союзы окончательно подготовили воцареніе нѣмецкихъ властителей въ Венгріи и Чехіи. Зато Максимиліанъ отказался отъ вооруженнаго союза противъ Польши съ магистромъ Альбрехтомъ и Василіемъ III, обѣщая способствовать примиренію ихъ съ Сигизмундомъ, совершенно обвороживщимъ его своею личностью, въ Вѣнѣ. Король Владиславъ умеръ въ 1516 г. и они сообща опекали малолѣтняго его преемника. При посредствѣ того же Максимиліана, овдовѣвшій Сигизмундъ въ 1518 г. женился на богатой красивой миланской принцессѣ—Бонѣ. Московскій вел. князь, достигнувъ главной цѣли своей войны съ Сигизмундомъ: возвращенія

Смоленска русскому государству и, потерпѣвъ, конечно, сильную убыль въ войскѣ, послѣ имъ понесеннаго пораженія подъ Оршей, былъ бы очень радъ миру, хотя и не подавая вида объ этомъ; тогда какъ Сигизмундъ тоже искренно желалъ отдыха для своей страны и потому самъ просилъ Максимиліана ему устроить примиреніе съ Москвою. Германскій императоръ послалъ Василію отъ себя изъ Вѣны уполномоченнаго для этихъ мирныхъ переговоровъ: извѣстнаго составителя подробныхъ записокъ о московскихъ дѣлахъ и современной ему Россіи — барона Гербенштейна: человѣка краснорѣчиваго, ловкаго и ученаго. Онъ произнесъ блестящую рѣчь, склоняя Василія къ прекращенію войны съ Литвою, способствующую успѣшнымъ завоеваніямъ иновѣрнаго турецкаго султана, уже овладѣвшаго по сообщенію турецкаго посла въ Вильнѣ: и Дамаскомъ, и Іерусалимомъ, и всѣмъ царствомъ египетскимъ. Въ этой дипломатической рѣчи Гербенштейнъ превозносилъ величіе, мудрость и добрую славу своего государя, а въ заключеніе предлагалъ уполномоченнымъ обоихъ сторонъ съѣхаться для мирныхъ переговоровъ въ Даніи или Ригѣ. На это Василій III заявилъ твердо и непреклонно, что переговоры должны имѣть мѣсто только въ Москвѣ, причемъ добавилъ, въ такъ называемой «опасной», иначе пропускной грамотѣ для литовскихъ пословъ, къ своему титулу: «князь Смоленскій». Но раньше начала мирныхъ переговоровъ судьбой былъ посланъ московскому государю случай загладить Оршинское пораженіе блестящей побѣдой русскихъ войскъ надъ княземъ Константиномъ Острожскимъ подъ городомъ Опочка.

Псковскій воевода: Андрей Сабуровъ безъ вѣдома государя пошелъ въ Литву, ведя за собою три

тысячи человѣкъ воиновъ и, остановившись спокойно у Рославлева, заявилъ литовцамъ, будто онъ предается ихъ королю. А потомъ врасплохъ овладѣлъ этимъ городомъ; вывелъ оттуда множество плѣнниковъ и обогатился цѣнной добычей. Чтобъ наказать псковитянъ, Константинъ Острожскій осадилъ ихъ городъ Опочки, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ Василій Михайловичъ Салтыковъ, удивившій даже враговъ своимъ рѣдкимъ мужествомъ и присутствіемъ духа во время приступа на ничтожную, плохо защищенную крѣпость литовскихъ войскъ, до того впродолженіи двухъ недѣль ее громившихъ пушками. Приступъ былъ отраженъ среди падающихъ крѣпостныхъ стѣнъ, съ большими потерями для непріятеля. А въ это время изъ Великихъ Лукъ и изъ Вязьмы московскіе воеводы спѣшили на помощь къ Салтыкову. Князь Оболенскій-Телепневъ, шедшій впереди всѣхъ, на голову разбилъ въ разныхъ мѣстахъ 14 тысячъ литовскихъ воиновъ, недалеко отъ стана Острожскаго, а также свѣжій запасъ полковъ, посланныхъ для поддержки его Сигизмундомъ, причемъ овладѣлъ пушками и обозами. Потомъ главныя русскія силы пошли прямо на Константина. Однако, тотъ уклонился отъ рѣшительной битвы и снялъ осаду, бросивъ въ добычу русскимъ при поспѣшномъ своемъ отступленіи, тяжелыя стѣнобитныя орудія, послужившія трофеями Салтыкову. Ничего не зная объ этомъ новомъ боевомъ столкновеніи, послы въ Москву Сигизмунда: могилевскій намѣстникъ—Янъ Щитъ и государственный секретарь Богушъ, были задержаны по приказанію Василія въ московскомъ предмѣстьѣ Драгомиловѣ. И только послѣ радостной вѣсти о крупной блестящей побѣдѣ русскихъ войскъ надъ Константиномъ Острожскимъ подъ Опочкой, имъ разрѣшили вступить въ Москву.

Съ удовольствіемъ ихъ принявъ въ Кремлѣ, Василій сказалъ:—«Король вашъ предлагаетъ миръ, а самъ наступаетъ на насъ войною. Но мы теперь управились съ нимъ и можемъ слушать ваши слова о мирѣ». Слова были таковы, что король Сигизмундъ желалъ получить обратно не только Смоленскъ, Дорогобужъ, Путивль, но и всю землю Сѣверскую, да еще половину Новгорода и Пскова. Съ другой стороны Василій, какъ и его отецъ, ставилъ непремѣннымъ условіемъ мира между нимъ и Литвою, возвратъ Россіи: Кіева, Витебска, Полоцка и другихъ древнерусскихъ областей, съ литовскими волостями, умершей княгини Елены Іоанновны, въ придачу.—«Вотъ рѣчи высокія»,—смущенно воскликнулъ Гербенштейнъ, — «надо искать середины, или же я заѣхалъ въ Москву безполезно». Онъ убѣждалъ Василія отдать хотя бы одинъ Смоленскъ Сигизмунду, такъ какъ именно въ немъ было въ сущности затрудненіе для успѣха мирныхъ переговоровъ. Паны Богушъ и Щитъ заявили, что они свои требованія согласовали съ непомѣрными притязаніями московскаго вел. князя, но что король ихъ во всемъ полагается на посредство и разсужденіе германскаго императора, уполномочившаго Гербенштейна ихъ примирить съ Москвою. Тогда Гербенштейнъ, явно склоняясь на сторону Сигизмунда, возобновилъ попытки свои убѣдить Василія заключить миръ съ Литвою на тѣхъ же условіяхъ на какихъ отецъ его примирился съ Александромъ литовскимъ въ 1494 г. Для этого онъ ссылался въ настойчивыхъ доводахъ своихъ даже на царя Пирра, но все его велирѣчіе было напрасно. Бояре Василія отвѣчали, что послѣ мирнаго договора Іоанна III съ Александромъ состоялся уже другой, особый миръ между Василіемъ и Сигизмундомъ;

указали на злыя козни этого короля въ Крыму, чтобы порвать союзъ московскаго государства съ крымскими ханами; на оскорбленіе и смерть въ Литвѣ вел. княгини Елены Іоанновны. По поводу этого послѣдняго дѣла литовскіе послы говорили, что оскорбители сестры вел. князя могутъ быть наказаны, но что его мысль о наслѣдованіи ея удѣла въ Литвѣ, противна всѣмъ ихъ уставамъ. Во время этого долгаго, хотя безплоднаго спора, языкъ московскихъ бояръ былъ учтивъ и благороденъ, выражая собой спокойную твердость рѣшеній Василія, между тѣмъ, какъ рядомъ съ ними можно было отмѣтить неуклюжую грубость литовскихъ пословъ и напыщенную искусственность хитрыхъ, умныхъ рѣчей Гербенштейна, не достигшихъ, однако, цѣли своей. Послы уѣхали, не придя къ соглашенію. Гербенштейнъ передъ отъѣздомъ вручилъ Василію еще особую грамоту отъ Максимиліана съ просьбой объ освобожденіи Михаила Глинскаго. Василій отвѣчалъ, что Глинскій за свои преступленія достоинъ смертной казни и не обезглавленъ имъ лишь потому, что пожелалъ вернуться къ греческому закону своихъ родителей, которому легкомысленно измѣнилъ по молодости лѣтъ, служа въ Италіи и что теперь онъ порученъ для наставленія въ православіи митрополиту.

Послѣ того, Василій самъ послалъ въ Вѣну дьяка Племянникова, чтобъ доказать императору Максимиліану правоту своихъ требованій и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить ему о содѣйствіи имъ обѣщанномъ московскому оружію въ войнѣ противъ Сигизмунда. Максимиліанъ окружилъ русскихъ пословъ большимъ почетомъ, пышно ихъ угощалъ и одарялъ при своемъ Дворѣ, снимая шляпу всякій разъ при упоминаніи имени вел. князя. Но все это дѣлалось Максимиліа-

номъ изъ желанія прекратить скорѣе войну между Василіемъ и Сигизмундомъ, не мало не помогая въ ней московскому вел. князю. Племянниковъ вернулся къ Василію съ новыми послами отъ императора, продолжавшими увѣщанія Гербенштейна, вдобавокъ еще ссылаясь на неминуемую опасность отъ владычества на Балканскомъ полуостровѣ турокъ, грозившую всей Европѣ, особенно же Россіи черезъ соединеніе ихъ съ татарами; причемъ онъ предлагалъ всѣмъ европейскимъ государямъ сплотиться для общей борьбы противъ возростающаго могущества хитраго и свирѣпаго султана Селима. Новые эти послы: Франциско де-Коло и Антоній де-Конти, представляя Василію въ яркихъ краскахъ жалкое рабство греческой церкви и униженіе святынь въ Палестинѣ подъ гнетомъ господства магометанъ, опять начали толковать объ уступкѣ имъ Сигизмунду Смоленска и спрашивали: желаетъ ли онъ или нѣтъ мира съ Литвою? Василій мира желалъ, но рѣшительно, непреклонно отказывался, по прежнему, отдать Смоленскъ.

Сигизмундъ же не соглашался освободить всѣхъ плѣнниковъ, имѣя въ рукахъ, послѣ Оршинской битвы, много знатныхъ русскихъ князей и бояръ. Василій, чтобы уважить просьбу Максимиліана, ему предложилъ до 1519 г. не возобновлять военныхъ дѣйствій противъ Литвы, съ тѣмъ, чтобы императоръ обязался потомъ, согласно своему прежнему обѣщанію, выступить вмѣстѣ съ нимъ въ походъ противъ Сигизмунда. Но переговоры эти внезапно были прекращены смертью Максимиліана, такъ что и при Василіи союзный договоръ съ Австріей не утвердился. Онъ не принесъ Москвѣ никакой пользы, какъ было и при Іоаннѣ III. Максимиліанъ измѣнилъ основному его условію, уклонившись

отъ дѣйствія противъ Литвы заодно съ Василіемъ и держа явно сторону Сигизмунда во время послѣднихъ сношеній съ Москвою черезъ своихъ пословъ. Въ письмѣ къ великому магистру тевтонскаго ордена онъ прямо сказалъ:—«Не хорошо если король литовскій будетъ низложенъ, а русскій царь усилится».

Глава XVI.

Стараніе римскаго папы Леона X привлечь московскаго вел. князя Василія Іоанновича къ союзу съ европейскими государствами, ради общей войны противъ турокъ, и, возобновленная имъ, всегда напрасная попытка, лишить самостоятельности восточную, православную церковь. Походъ магистра тевтонскаго ордена—Альбрехта, противъ польско-литовскаго короля, при помощи русскихъ денегъ. Успѣшныя дѣйствія въ литовской землѣ московскихъ войскъ. Побѣда короля Сигизмунда надъ магистромъ Альбрехтомъ, не имѣвшимъ средствъ удержать у себя на службѣ наемныхъ нѣмецкихъ воиновъ. Смерть казанскаго хана: Магметъ-Аминя и передача ханства его вел. княземъ Василіемъ одному изъ враждебныхъ Гиреямъ, потомку Золотоордынскихъ владѣтелей: Шигъ-Алею. Попытка мести Василію со стороны крымскаго хана черезъ рязанскаго, непокорнаго Москвѣ, князя Ивана. Присоединеніе къ московскому государству, усмиреннаго имъ, рязанскаго княжества. Тюремное заключеніе и бѣгство въ Литву князя Ивана. Напрасное стараніе Магметъ-Гирея поссорить съ московскимъ вел. княземъ турецкаго султана. Ревностная приверженность московскому вел. князю Шигъ-Алея и возмущеніе противъ него казанцевъ. Новый ханъ въ Казани: Саипъ-Гирей и бѣдствія Шигъ-Алея на его пути въ Москву съ русскими бѣглецами изъ Казанскаго царства. Почетная встрѣча его и дружеское привѣтствіе въ кремлевскомъ дворцѣ Василіемъ Іоанновичемъ. Внезапное нападеніе на московское государство Магметъ-Гирея въ союзѣ съ ногайцами и Дашкевичемъ. Неудачная битва съ ними на берегахъ Оки бездарныхъ вождей, поставленныхъ вел. княземъ во главѣ спѣшно собраннаго имъ войска. Угроза Москвѣ крымскаго хана въ соединеніи съ братомъ его: Саипъ-Гиреемъ, подошедшимъ къ нему на помощь изъ Казани. Отъѣздъ изъ Москвы Василія для созыва войска. Смятеніе народа. Страхъ Магметъ-Гирея передъ неприступными укрѣпленіями русской столицы и передъ близостью ратной силы московскаго государя. Его отступленіе въ рязанскую землю подъ условіемъ письменнаго признанія себя Васи-

ліемъ Іоанновичемъ данникомъ крымскаго хана. Государственная заслуга и хитрость воеводы Хибара Симскаго; намѣстника Переяславля. Пушкарь Іорданъ и нападеніе астраханскихъ татаръ на Тавриду. Множество русскихъ плѣнниковъ, уведенныхъ татарской ордой на продажу въ Кафу. Наказаніе вел. княземъ своихъ воеводъ, виновныхъ въ позорномъ пораженіи крымскимъ ханомъ московскихъ войскъ. Стройный видъ грозныхъ и многочисленныхъ полковъ, собранныхъ подъ свои знамена Василіемъ вокругъ Коломны для надлежащей встрѣчи крымской орды при вторичномъ ея появленіи у предѣловъ его государства, согласно явному замыслу Магметъ-Гирея, алчнаго до богатой добычи въ русской землѣ. Нежеланіе князя Ивана рязанскаго оставлять Литву. Надежды Сигизмунда. Перемиріе съ нимъ на пять лѣтъ. Полное прекращеніе существованія тевтонскаго ордена. Смиреніе передъ Москвою Менгли-Гирея. Его мечта властвовать одновременно надъ Казанью, Астраханью и Крымомъ. Коварное нападеніе ногайскихъ татаръ подъ Астраханью на станъ, безпечно торжествовавшаго тамъ побѣду Магметъ-Гирея. Убійство его съ сыномъ Богатыремъ и многихъ крымскихъ вельможъ по приказу нагайскаго хана Мамая, испугавшагося могущества рода Гиреевъ. Разореніе имъ Тавриды. Сайдетъ Гирей-наслѣдникъ Магмета, поддержанный турецкимъ султаномъ. Война Василія съ казанскимъ ханомъ и основаніе его воеводами города Васильсурска. Бѣгство изъ Казани въ Крымъ Сайдетъ-Гирея и водвореніе тамъ его племянника: Сафы. Побѣда Хибара-Симскаго и дѣйствія черемисовъ противъ московскихъ воиновъ. Новое малодушіе и подкупность воеводъ московскаго государя, во главѣ съ княземъ Иваномъ Бѣльскимъ, пощадившимъ опять Казань, ничѣмъ не вызваннымъ отступленіемъ отъ нея русскихъ побѣдоносныхъ войскъ, ради возможности немедленнаго сношенія устрашенныхъ враговъ съ Москвою, чтобы посольствомъ туда умилостивить великаго князя. Перемиріе на пять лѣтъ съ Казанью и основаніе Василіемъ III ежегодной Макарьевской ярмарки въ Нижегородской области. Торговое сообщеніе Европы съ Индіей. Васко де Гама и выгоды Португаліи. Упорное нежеланіе Василія III, вопреки заманчивымъ доводамъ генуэзца Павла, открыть иноземнымъ купцамъ путь въ Азію черезъ Россію. Германскій императоръ Карлъ V и дружественное посольство къ нему Василія Іоанновича. Графъ Нугорольскій и баронъ Гербенштейнъ. Стараніе Василія сохранить, выгодную Москвѣ, дружбу ея съ турецкимъ султаномъ, вопреки льстивымъ увѣщаніямъ и посуламъ папы Климента VIII. Русскій посолъ при папскомъ Дворѣ и Дмитрій Герасимовъ. Уничтоженіе послѣднихъ, обособленныхъ отъ Москвы, удѣльныхъ княжествъ и вѣроломный поступокъ Василія III съ неповиннымъ ни въ чемъ, ему вѣрнымъ княземъ Новгородъ-

Сѣверской области. Новый московскій митрополитъ Даніилъ. Осифляне. Угодливость Даніила вел. князю и наоборотъ, рѣзкое обличеніе несправедливости его поступка съ Шемякичемъ, игумена Троицкаго монастыря: Порфирія. Юродивый. Великіе современники Василія III. Ученіе Лютера. Потребность въ Москвѣ исправленія церковныхъ и богослужебныхъ книгъ. Максимъ Грекъ. Жизнь его съ молодыхъ лѣтъ въ Италіи и увлеченіе проповѣдью Саванаролы. Призваніе его съ Аѳона въ Москву и труды при Дворѣ Василія. Дружба между нимъ и Вассіаномъ: послѣдователемъ Нила Сорскаго. Незаконный разводъ Василія съ его бездѣтной супругой Саломніей, разрѣшенный однимъ лишь митрополитомъ московскимъ; ради женитьбы на племянницѣ Михаила Глинскаго: княжнѣ Еленѣ. Отчаяніе Саломніи и насильственное постриженіе ее въ монахини. Пышность свадьбы Василія съ княжной Еленою Глинской при строгомъ соблюденіи всѣхъ старинныхъ обычаевъ. Щегольство, появившееся въ Москвѣ, вслѣдствіе ея сближенія со странами запада. Рожденіе у Василія первенца его: Іоанна. Ссылка Максима Грека въ Волоколамскій монастырь за порицаніе имъ второго брака вел. князя и многія обличительныя писанія его тамъ противъ московскаго духовенства. Обвиненія Максима Грека въ измѣнѣ московскому государству и чернокнижіи. Вторичная его ссылка въ Волоколамскъ при запрещеніи ему переписки съ кѣмъ либо: чтенія и поученій. Его униженное, но напрасное ходатайство о помилованіи и жестокія выходки, раздраженныхъ противъ него, монаховъ. Женитьба Андрея—брата Василія. Турецкій посолъ въ Москвѣ: грекъ Скиндеръ. Успѣшное отраженіе на Окѣ русскими полками шаекъ крымскихъ грабителей, тайно подосланныхъ на Москву, нелюбимымъ въ Тавридѣ ханомъ Сайдетъ-Гиреемъ, подъ начальствомъ племянника его Ислама. Бѣгство этого хана въ Турцію. Саипъ-Гирей: бывшій царь казанскій. Вѣроломство Сафа-Гирея въ Казани и возбужденіе имъ новой войны противъ Василія съ особенно тщательнымъ укрѣпленіемъ своей столицы. Удачный поджогъ ея русскими воинами и побѣдоносное ихъ вторженіе въ предмѣстье Казани. Повтореніе предательскаго отступленія Бѣльскаго, подъ условіемъ неотложной отправки казанцами пословъ къ вел. князю съ изъявленіемъ ихъ покорности. Справедливый гнѣвъ Василія противъ Бѣльскаго за его поступокъ, несмотря на родство съ нимъ и наказаніе его временнымъ заключеніемъ въ темницу. Согласіе Василія Іоанновича на миръ съ Казанью и дерзкій, двойственный образъ дѣйствій Сафа-Гирея. Возстаніе противъ него казанскихъ вельможъ, желавшихъ прочнаго мира съ Москвою. Юный братъ Шигъ-Алея: Енилей, занимаетъ казанскій престолъ съ разрѣшенія московскаго вел. князя Обида Шигъ-Алея. Ссылка его за тайные происки для сверженія съ

престола брата. Великокняжеская охота; одежда и бытъ древнерусскихъ князей. Неограниченное самодержавіе Василія III. Его настойчивость въ достиженіи своихъ цѣлей и торжество въ спорѣ съ королемъ Сигизмундомъ за обладаніе Смоленскомъ. Отношеніе къ литовскимъ посламъ въ Москвѣ. Мирный договоръ съ Сигизмундомъ до 1533 г. Придворный строй во дворцѣ Василія; пріемы имъ иноземныхъ пословъ; обстановка дворцовыхъ покоевъ; число и родъ должностей среди царскихъ слугъ его окружавшихъ. Торжественные обѣды въ дворцовой палатѣ. Ѣда, питье и обычаи при угощеньи гостей. Дружелюбное отношеніе Василія къ молдавскому господарю—Петру. Желаніе самыхъ могущественныхъ и отдаленныхъ владѣтелей находиться въ тѣсномъ союзѣ съ московскимъ государемъ. Славный шведскій король Густавъ Ваза. Новое нападеніе крымскихъ татаръ на рязанскую землю. Полная побѣда надъ ними князя Дмитрія Палецкаго и Телепнева-Оболенскаго. Алчность крымскаго хана Саипъ-Гирея и жгучая ненависть казанскаго царя Сафы къ московскому вел. князю. Объѣзды Василіемъ своихъ земель и дальнихъ монастырей, соединенные всегда съ охотой на птицъ и дикихъ звѣрей. Посѣщеніе имъ съ семьей Троицко-Сергіевской лавры въ 1533 г. и смертельная его болѣзнь на пути оттуда къ Волоколамскому. Тяжелое состояніе тамъ его здоровья и возвращеніе въ Москву. Духовное завѣщаніе, благословеніе старшаго сына и смерть съ принятіемъ схимы. Обзоръ и значеніе царствованія Василія III. Московское войско. Торговля ремесла, пути сообщенія. Простота образа жизни москвичей рядомъ съ ихъ широкимъ гостепріимствомъ. Одежда; домашняя обстановка и уровень образованія. Титулъ Василія III и земли, присоединенныя имъ къ московскому государству. Лапландія. Зодчество и художество. Деньги. Мѣры противъ народнаго пьянства. Городскіе порядки. Записки о нравахъ и качествахъ русскихъ литвина Михелона въ XVI столѣтіи, съ обличеніемъ соотечественниковъ въ ихъ, современныхъ ему, порокахъ и недостаткахъ. Литовскій статутъ. Положеніе крестьянъ. Воинская повинность въ Литвѣ и въ землѣ московской. Положеніе дѣлъ послѣ смерти Василія III при дворѣ великокняжескомъ. Своеволіе бояръ. Внезапная смерть царицы Елены Глинской. Главенство Шуйскихъ. Печальныя условія роста и воспитанія вел. князя Іоанна Васильевича. Жестокое наказаніе имъ князя Андрея Шуйскаго въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ. Его вѣнчаніе на царство и женитьба на Анастасіи Романовнѣ Захарьевой-Юрьевой.

Папа Леонъ X старался всячески воспрепятствовать Альбрехту, наконецъ, выступить въ походъ про-

тивъ Сигизмунда согласно его уговору съ московскимъ вел. княземъ. Онъ предлагалъ ему стать во главѣ всенароднаго христіанскаго ополченія, собираемаго Максимиліаномъ подъ знамена римской церкви для сокрушенія все возрастающей силы и гордости турецкаго султана. Василія Іоанновича онъ старался привлечь къ этому общему союзу лестью и хитрыми, заманчивыми рѣчами, посылая ему сказать черезъ того же магистра тевтонскихъ рыцарей, что—«Константинополь, конечно, есть законное наслѣдіе сына византійской царевны: Софіи Палеологъ», а что съ Сигизмундомъ ему воевать не стоитъ, такъ какъ тотъ не имѣетъ прямыхъ наслѣдниковъ: слѣдовательно съ его смертью прервется связь между Литвою и Польшей. Тогда безъ войны падетъ могущество соединеннаго королевства и московскій вел. князь станетъ на одномъ уровнѣ съ первостепенными европейскими государями, если воспользуется благопріятными для его величія обстоятельствами и, обративъ вмѣстѣ съ ними на турокъ свое оружіе, присоединится къ нимъ тоже вѣрою, признавъ римскаго папу главой православной церкви, тогда какъ папа съ своей стороны, утвердивъ грамотой добрые обычаи москвичей, украситъ непобѣдимаго русскаго государя вѣнцомъ короля христіанскаго, безъ всякой корысти, только во славу Божію».

Мы видимъ постоянное возвращеніе римскихъ папъ къ одной и той же, никакъ не удававшейся ихъ ухищреніямъ, цѣли: уничтоженія самостоятельной православной церкви ея зависимостью отъ Рима подъ властью высшаго католическаго духовенства; видимъ и неизмѣнную твердость московскихъ вел. князей въ православіи; строгую, благочестивую вѣрность древнимъ его завѣтамъ. Василій негодовалъ на Леона во

первыхъ за то, что тотъ праздновалъ въ Римѣ побѣду надъ нимъ Сигизмунда подъ Оршей и называлъ русскихъ еретиками; но тѣмъ не менѣе благоразумно поддерживая въ настоящее время доброе съ виду расположеніе къ нему папы, лишь относительно вопроса церковнаго, безъ колебанія отвѣчалъ, что—«Русь есть и будетъ всегда византійскаго вѣроисповѣданія во всей его чистотѣ».

Повѣреннымъ папы Леона въ Краковѣ и Кенигсбергѣ, столицѣ тевтонскаго ордена, былъ нѣкій монахъ—Николай Шонбергъ. Рѣшивъ взяться, наконецъ, за оружіе и предпринять имъ обѣщанный походъ противъ польско-литовскаго короля, магистръ Альбрехтъ въ 1518 г. вторично прислалъ просить Василія о безотлагательной высылкѣ ему денегъ, необходимыхъ для начала войны. Онъ просилъ тоже, чтобы Василій Іоанновичъ объявилъ французскому королю о своемъ союзѣ съ тевтонскимъ орденомъ, ради подъема его значенія при французскомъ Дворѣ—и это была первая грамота изъ Москвы во Францію. Кромѣ того, вел. князь письменно убѣждалъ и нѣмецкихъ курфюрстовъ вступиться за утѣсняемыхъ Польшей рыцарей. Московскій посолъ Елизаръ Сергѣевъ поѣхалъ въ Кенигсбергъ извѣстить Альбрехта, что въ Псковъ отправлено для него денегъ на тысячу человѣкъ пѣхоты, съ тѣмъ, чтобы онъ получилъ ихъ какъ только начнетъ войну. Альбрехтъ черезъ посла этого наказывалъ кланяться отъ него Василію до земли—«не только лишь головой, но всѣмъ тѣломъ». Послѣ вышеописаннаго вмѣшательства папы Леона X въ переговоры между Василіемъ и Сигизмундомъ при посредствѣ императора Максимиліана, Альбрехтъ пришелъ снова въ смущеніе отъ предлагаемаго имъ мира, въ виду задуманнаго германскимъ

императоромъ общаго похода всѣхъ европейскихъ державъ противъ турокъ; однако, поставилъ свой образъ дѣйствій въ прямую зависимость отъ желанія и отвѣта Максимиліану московскаго вел. князя. Въ 1519 г. онъ далъ знать Василію, что со смертью Максимиліана общее вооруженіе противъ турокъ не состоялось и что потому онъ въ іюлѣ непремѣнно пойдетъ брать Данцигъ, для чего очень просилъ не задерживать долѣе выдачу ему денегъ. Тогда вел. князь приказалъ вручить Альбрехту серебра на 14.000 червонцевъ для содержанія десяти тысячъ человѣкъ наемныхъ нѣмецкихъ ратниковъ. Василій не сомнѣвался болѣе въ искренности и усердіи магистра выполнить добросовѣстно союзный съ нимъ договоръ; но сомнѣвался въ силахъ его;—почему въ концѣ 1519 г. послалъ въ Кенигсбергъ еще знатную сумму денегъ, желая ордену счастья и побѣды.

Между тѣмъ, сами русскіе продолжали бодро сражаться съ литовцами. Въ 1518 и 1519 годахъ они осаждали Полоцкъ; при помощи сильной татарской конницы подступали къ Витебску и доходили до самой Вильны, опустошая литовскую землю. Положеніе Сигизмунда было очень тяжелое.

Послѣ пораженія подъ Опочкой наемные нѣмецкіе воины, составлявшіе лучшую часть его войска, не захотѣли больше служить ему и слава Константина Острожскаго померкла. Магистръ Альбрехтъ ему опасенъ былъ тѣмъ, что имѣлъ тайныя связи съ нѣмецкими городами Польши и, зная важныя мѣстныя обстоятельства могъ давать гибельные для него совѣты, Василію. Дѣйствительно, онъ указалъ русскимъ для ихъ завоеванія на беззащитную и богатую хлѣбомъ польскую область: Самогитію; а самъ собирался соединиться съ войскомъ вел. князя въ Мазовіи,

между тѣмъ, какъ нанятые имъ нѣмцы, должны были, идя къ Вислѣ, устремиться на Сигизмунда съ другой стороны. Но терпя недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, когда они не доставлялись ему изъ Москвы, Альбрехтъ уступалъ непріятелю численностью своихъ полковъ на столько, что едва могъ отстоять Кенисбергъ, откуда московскій посолъ поспѣшилъ выѣхать въ Меммель, тогда какъ 13 тысячъ наемныхъ германскихъ воиновъ осаждавшихъ Данцигъ, напрасно ждали себѣ съѣстныхъ припасовъ и вѣстей отъ магистра Альбрехта, вслѣдствіе чего разошлись по домамъ, ничего не сдѣлавъ. Сигизмундовы воеводы взяли у ордена нѣсколько городовъ и заставили его просить мира. Но особеннымъ счастьемъ для Сигизмунда явилось въ то время новое возстаніе казанцевъ противъ московскаго вел. князя и совмѣстное ихъ нападеніе съ крымцами на русскія земли.

Годъ спустя послѣ неожиданной смерти Абдула Летифа: предполагавшагося наслѣдника казанскаго царства, умеръ, наконецъ, тяжко больной Магметъ-Аминь. Возникъ тревожный вопросъ: кому быть послѣ него казанскимъ ханомъ? такъ какъ теперь прервалась династія основателей казанскаго царства: Улу-Махмета, его сына: Махмутека и внука: Ибрагима. Крещеный царевичъ Петръ не могъ принять масульманскаго царства.

Крымскій ханъ: намъ извѣстный Махметъ-Гирей, очень желалъ, чтобы всѣ владѣнія татаръ сосредоточились въ рукахъ рода Гиреевъ, чего московскій вел. князь съ своей стороны никакъ не могъ допустить. Вопреки ходатайству Махметъ-Гирея въ Москвѣ, черезъ, посланнаго имъ туда, вельможу: князя Апаку, за предоставленіе казанскаго царства брату его Саипъ-Гирею, онъ, несмотря на вторженіе царевича

Богатыря, съ большими силами крымцевъ, въ Литву, ее разореніе ими и пораженіе, нанесенное тамъ Константину Острожскому,—остановилъ свой выборъ на одномъ изъ потомковъ, враждебныхъ Гиреямъ, золотоордынскихъ хановъ: Шигъ-Алеѣ, внукѣ противника Іоанна III — хана Ахмета; перешедшаго изъ Астрахани на московскую службу и получившаго въ свое владѣніе городокъ Касимовъ. Въ Казани Шигъ-Алей женился на вдовѣ Махметъ-Аминя.

Василій естественно не хотѣлъ способствовать соединенію въ рукахъ разбойничьяго рода Гиреевъ, заодно съ крымскимъ ханствомъ, еще казанскаго и астраханскаго. Махметъ-Гирей затаилъ жажду мести изъ страха передъ турецкимъ султаномъ, дружившимъ съ государемъ московскимъ, потому что король польско-литовскій былъ врагомъ ихъ обоихъ; но тайно онъ готовилъ ударъ Василію происками въ Казани и въ Рязанскомъ княжествѣ, вспомнившемъ о своей древней независимости, когда его малолѣтній князь—Иванъ вышелъ изъ подъ опеки матери, неизмѣнно послушной приказаніямъ изъ Москвы. Хотя Василій Іоанновичъ именовалъ себя княземъ рязанскимъ, но часть рязанской земли еще оставалась не присоединенной къ московскому государству и тамъ еще находились поборники самостоятельнаго существованія Рязани, ненавидѣвшіе Москву. Они указали юному князю, болѣе пылкому и заносчивому, чѣмъ его предшественники, на помощь, готовую ему въ Литвѣ и Тавридѣ противъ Москвы, думая въ немъ теперь получить опору для своихъ цѣлей освобожденія отъ первенствующей власти московскаго государя. Подобныя же внушенія шли къ нему изъ самыхъ странъ, враждебныхъ Василію. Поддавшись соблазну такихъ навѣтовъ, рязанскій князь Іоаннъ Іоанновичъ

*

силою сбросилъ съ себя опеку матери и завелъ тайные переговоры съ Махметъ-Гиреемъ, ему предлагавшемъ жениться на своей дочери. Василій узналъ объ этомъ и властно его потребовалъ къ себѣ въ Москву раньше, чѣмъ наступило время начать открытое возмущеніе. Онъ подкупилъ ближайшаго къ рязанскому князю боярина Симеона Коробьина и тотъ уговорилъ Іоанна исполнить требованіе Василія. Въ Москвѣ Іоаннъ былъ посаженъ подъ стражу, а его мать заточили въ монастырѣ. Такъ же какъ въ новгородской и псковской земляхъ по городамъ рязанскимъ разосланы были намѣстники изъ Москвы, причемъ главный городъ Переяславль рязанскій порученъ былъ знаменитому московскому воеводѣ: Хабару Симскому. Многіе рязанскіе жители, лишенные родины, переселеніемъ въ другія области, здѣсь тоже были замѣнены людьми московскими. Нѣсколько позже: въ 1521 г. кн. Іоанну Іоанновичу удалось бѣжать въ Литву.

Не менѣе тщетны были старанія Магметъ-Гирея пошатнуть дружбу между вел. княземъ Василіемъ и турецкимъ султаномъ, основанную на взаимныхъ торговыхъ выгодахъ. Когда султанъ Селимъ умеръ, московскій посолъ: Третьякъ-Губинъ, немедленно былъ посланъ привѣтствовать на оттоманскомъ тронѣ новаго султана Селимана и тотъ объявилъ Магметъ-Гирею, чтобъ онъ не смѣлъ никогда безпокоить Россіи. Напрасно Магметъ-Гирей внушалъ Селиману будто вел. князь сносится съ врагами Порты; даетъ персидскому царю огнестрѣльный снарядъ и пушечныхъ мастеровъ; искореняетъ магометанскую вѣру въ Казани, разоряя мечети, чтобъ на ихъ мѣстѣ воздвигнуть православныя церкви. Паши: азовскій и кфинскій, расположенные къ Москвѣ, опровергали передъ

султаномъ тяжелыя обвиненія, возводимыя на Василія крымскимъ ханомъ и защищали русскихъ отъ опасныхъ послѣдствій его клеветы. Кромѣ того, готовясь покорить Венгрію, Селиманъ предпочиталъ, чтобы крымскіе разбойники опустошали земли ея союзника—Сигизмунда. Однако, Магметъ-Гирей уже успѣлъ возстановить свой союзъ съ Литвою, нарушенный нападеніемъ на нее, въ угоду Василію, его сына—Богатыря.

Ханъ Шигъ-Алей всего три года спокойно процарствовалъ въ Казани, настолько ревностно исполняя обязанность присяжника Москвы, что возбудилъ этимъ неудовольствіе противъ себя казанцевъ. Они жаловались, что онъ во всемъ предпочитаетъ выгоды вел. князя ихъ собственнымъ, опираясь на московскаго воеводу, къ нему приставленнаго и наказываетъ совѣтниковъ, предлагающихъ ему отложиться отъ московскаго вел. князя по примѣру Магметъ-Аминя. Сама наружность его, внушавшая отвращеніе своимъ безобразіемъ отъ него удаляла сердца его подданныхъ. Такое общее настроеніе въ Казани благопріятное для тайныхъ происковъ Магметъ-Гирея, помогло ихъ успѣху, тѣмъ болѣе, что Магметъ-Гирей, обѣщалъ казанскимъ князьямъ полную независимость отъ Москвы, если они къ себѣ примутъ царемъ его брата: Саипъ-Гирея и соединятся съ Тавридой, ради возстановленія древней славы потомства Чингизъ-хана. Татарскіе вельможи составили въ Казани заговоръ противъ своего хана, неспособнаго къ сколько нибудь рѣшительному сопротивленію и, когда Саипъ-Гирей явился съ вооруженнымъ отрядомъ крымскихъ татаръ подъ Казанью, отворили ему городскія ворота, послѣ чего посадили къ себѣ на царство, причемъ русскіе купцы были ограблены

и заключены въ темницу. Однако, желая себя показать великодушнымъ, Саипъ-Гирей разрѣшилъ Шигъ-Алею съ семьей свободно выѣхать изъ Казани въ Москву и освободилъ изъ подъ стражи московскаго воеводу. Послѣ труднаго пути, полнаго опасностей и лишеній, раздѣляемыхъ сверженнымъ ханомъ съ русскими бѣглецами изъ казанскаго царства: бѣдными волжскими рыболовами,—Шигъ-Алей, наконецъ, достигъ русскихъ предѣловъ, гдѣ вел. князь Василій выслалъ ему навстрѣчу своихъ чиновниковъ и бояръ для оказанія ему всюду почета и для торжественнаго его привѣтствія. Самъ онъ на лѣстницѣ кремлевскаго дворца дружески его обнялъ и обѣщалъ расправиться съ его врагами; но не успѣлъ еще ничего предпринять для усмиренія мятежныхъ казанцевъ, какъ получилъ извѣстіе отъ доброхотовъ подкупленныхъ его дарами въ Азовѣ, что крымскій ханъ идетъ на Москву, соединившись съ ногайской ордою и съ атаманомъ литовскихъ казаковъ: Евстафіемъ Дашкевичемъ. Но эта вѣсть пришла уже слишкомъ поздно. Василій едва успѣлъ послать наскоро небольшую рать для прегражденія непріятелю переправы черезъ Оку и подъ предводительствомъ малоопытныхъ, бездарныхъ вождей, какими себя показали юный князь Дмитрій Бѣльскій и меньшой братъ государя: Андрей. Не слушая совѣтовъ своихъ воеводъ и старшихъ бояръ, они стали не тамъ гдѣ слѣдуетъ; не сумѣли устроить войско; не во время начали битву и наконецъ малодушно бѣжали, давъ перейти рѣку врагамъ. Нѣсколько лучшихъ военноначальниковъ Василія пали на полѣ сраженія, а князь Ѳедоръ Оболенскій—Лопата захваченъ былъ въ плѣнъ. Тѣмъ временемъ Саипъ Гирей шелъ тоже на помощь брату отъ береговъ Волги къ Коломнѣ, опустошивъ дорогою об-

ласти: нижегородскую и владимірскую. Соединившись, обѣ татарскія рати поспѣшно двинулись на Москву къ великому ужасу Василія Іоанновича, врасплохъ застигнутаго такимъ бѣдствіемъ, напоминавшимъ собой времена нашествія Тахтамыша. Василій поступилъ также какъ и его предшественники: онъ поручилъ охрану своей столицы царевичу Петру и боярамъ, а самъ уѣхалъ на сѣверъ собирать войско. Окрестное населеніе, какъ обычно, кинулось спасаться отъ татаръ и отъ производимыхъ ими пожаровъ окрестныхъ деревень, въ городъ. Это произвело такое скопленіе народа въ Кремлѣ, такую давку на улицахъ и въ воротахъ, что отягощенный зловоніемъ воздухъ грозилъ Москвѣ неминуемою заразой. Митрополитъ Варлаамъ горячо молился вмѣстѣ съ народомъ; воеводы надѣялись на искусство нѣмецкаго пушкаря Никласа; но дѣло стало за недостаткомъ пороха. Однако, Магметъ-Гирей не съумѣлъ использовать выгоды своего положенія. Въ виду, для него неприступныхъ укрѣпленій Москвы и, опасаясь прихода съ Василіемъ сильнаго войска, онъ согласился уйти обратно, принявъ дары отъ московскихъ пословъ и удовольствовавшись разореніемъ окрестныхъ селъ; но подъ условіемъ предварительно получить отъ вел. князя, унизительное для него письменное признаніе себя данникомъ крымскаго хана. Ради спасенія Москвы, Василій разрѣшилъ дать такую грамоту, утвержденную его великокняжескою печатью. Тогда Магметъ-Гирей тотчасъ же отошелъ въ рязанскую землю и сталъ у Переяславля. Евстафій Дашкевичъ посовѣтывалъ ему взять этотъ городъ обманомъ, пославъ великокняжескому намѣстнику, не хотѣвшему вѣрить смиренной покорности московскаго государя татарскому хану безъ явнаго на то

доказательства, постыдную Васильеву грамоту, съ его увѣреніемъ, что война уже совсѣмъ кончилась, несмотря на то, что непріятельскія толпы все же шли, вооруженныя, къ крѣпости: будто бы въ поискахъ своихъ бѣглецовъ изъ русскихъ плѣнныхъ, которымъ нарочно была дана возможность бѣгства въ Переяславль. Однако, окольничій: Хибаръ Симскій, сынъ знаменитаго московскаго воеводы, Василія Образца, однажды уже защитившій успѣшно отъ татаръ Нижній-Новгородъ, не поддался обману: вернулъ хану бѣглецовъ-плѣнниковъ его, выкупивъ только за 100 р. князя Оболенскаго и подпустилъ, все умножавшихся въ числѣ враговъ, на большое разстояніе, пока наконецъ московскій пушкарь—Іорданъ, однимъ выстрѣломъ не положилъ ихъ такъ много на мѣстѣ, что остальные въ ужасѣ разбѣжались. Махметъ-Гирей послѣ того сталъ было требовать головы Іордана, но до него вдругъ дошла тревожная вѣсть, что враги крымскаго ханства: татары астраханскіе, не пожелавшіе за нимъ идти противъ московскаго вел. князя, воспользовались его отсутствіемъ, чтобы напасть на Тавриду. Магметъ-Гирей поторопился вернуться домой для отраженія враговъ, оставивъ грамоту вел. князя съ письменнымъ обязательствомъ уплаты ему дани, въ рукахъ Хибара Симскаго, такимъ образомъ, спасшаго, кромѣ ввѣреннаго ему города, еще и честь московскаго государя, за что онъ былъ награжденъ саномъ боярина, а знаменитая его услуга была записана въ родословныя книги на память всѣмъ вѣкамъ.

94) Картина: Продажа въ Кафѣ крымскими татарами русскихъ плѣнниковъ.

Тѣмъ не менѣе, Магметъ-Гирей съ братомъ увели за собой изъ владѣній Василія, захваченный ими вмѣстѣ съ добычей во время грабежа отъ Нижняго-Новгорода до Москвы-рѣки, огромный полонъ и

продавали потомъ несчастныхъ русскихъ невольниковъ въ Кафѣ, а также въ Астрахани, толпами, бросая грудныхъ младенцевъ, моря старцевъ голодомъ. Среди женщинъ имъ въ руки попало много боярынь и знатныхъ дѣвицъ.

Возвратившись въ Москву, Василій Іоанновичъ велѣлъ предать суду воеводъ, навлекшихъ на московское государство худшій позоръ и несчастіе за все время его великокняженія. Щадя брата, виновнаго больше всѣхъ, Василій подвергъ примѣрному наказанію одного князя Ивана Воротынскаго: мужа, хотя опытнаго въ военномъ дѣлѣ и храбраго, но пренебрегшаго благомъ отечества ради удовлетворенія своей непріязни къ Бѣльскому и самолюбія чѣмъ-то имъ оскорбленнаго. Лишенный своего помѣстья и сана, онъ долго сидѣлъ въ заключеніи.

Между тѣмъ, Магметъ-Гирей, разлакомленный обильной добычей, захваченной имъ въ московскомъ государствѣ, намѣренъ былъ скоро возобновить свой походъ туда, почему приказалъ объявить, чтобы его «уланы» (вѣроятно потомки древнихъ кавказскихъ аланъ)—мурзы и воины, не слагали съ себя оружіе и не разсѣдлывали коней. Но зимой безъ подножнаго корма, татары воевать не любили; къ веснѣ же вел. князь успѣлъ собрать на берегахъ Оки стройное, многочисленное войско и самолично прибылъ туда. Русскій станъ близъ Коломны обратился въ обширную крѣпость подъ защитою огнестрѣльныхъ орудій, ранѣе не употреблявшихся русскими въ открытомъ полѣ. Также мы до сихъ поръ не имѣли лучшей конницы и такой многочисленной пѣхоты. Любуясь на свои грозные, красивые полки, Василій послалъ сказать Магметъ-Гирею:—«Ты напалъ какъ разбойникъ и душегубецъ на мою землю. Имѣешь ли

бодрость воинскую идти теперь? Я предлагаю тебѣ честную битву». Крымскій ханъ заносчиво отвѣчалъ, «что ему хорошо извѣстны всѣ пути въ Россію и «что онъ не спрашиваетъ у непріятеля: гдѣ? или когда? сражаться».

Однако, онъ не пришелъ ни весною, ни лѣтомъ. Ему было очень досадно, что съ бѣгствомъ въ Литву мятежнаго рязанскаго князя Ивана, онъ утратилъ въ его лицѣ орудіе удобное для возбужденія смутъ въ рязанской землѣ и для угрозы имъ московскому вел. князю. Напрасно онъ теперь обѣщалъ вернуть Ивану рязанское княжество и просилъ Сигизмунда отпустить его въ Крымъ. Иванъ ни за что не хотѣлъ покинуть Литвы, гдѣ Сигизмундъ ему далъ на содержаніе небольшую земельную собственность. Тамъ онъ и прожилъ въ безвѣстности до самой смерти. Еслибы Сигизмундъ литовскій одновременно съ Магметъ-Гиреемъ и новымъ царемъ казанскимъ напалъ на русскую землю, то Василій увидѣлъ бы себя на краю гибели; но на его счастье король Сигизмундъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи союзнаго войска, боялся турецкаго султана; а кромѣ того слишкомъ хорошо зналъ непостоянство крымскаго хана, чтобы довѣриться его союзу. Радуясь бѣдствію Москвы отъ татарскаго набѣга, онъ лишь надѣялся, что опасность съ востока сдѣлаетъ вел. князя болѣе миролюбивымъ по отношенію къ Литвѣ и сговорчивымъ въ главныхъ условіяхъ заключенія съ нею мира. Такъ какъ Василій дѣйствительно очень желалъ прекратить войну съ Литвою ради скорѣйшаго обузданія Казани и Крыма, то Сигизмундъ хотѣлъ было, пользуясь его трудными обстоятельствами, повести переговоры о мирѣ въ Краковѣ или Вильно; но, вел. князь, несмотря ни на что, отвергнулъ такое

предложеніе и снова вынудилъ литовскихъ пословъ пріѣхать въ Москву. Тамъ было заключено перемиріе на пять лѣтъ, 25 декабря 1522 г. — причемъ Смоленскъ остался за Москвою. Русскіе послы: Морозовъ и Бутурлинъ съ большою пышностью отвозили въ Краковъ перемирную грамоту. Оберегая какъ всегда честь великокняжескаго посольства, они, приглашенные Сигизмундомъ обѣдать, два раза уходили изъ дворца, чтобы не сидѣть за однимъ столомъ вмѣстѣ съ папскими и венгерскими повѣренными въ дѣлахъ.

Эта десятилѣтняя война съ Литвою ознаменовалась уничтоженіемъ дальнѣйшаго существованія прусско-тевтонскаго ордена. Магистръ Альбрехтъ, не имѣя возможности продолжать войну безъ войска и безъ денегъ, вынужденъ былъ пожертвовать бытіемъ рыцарства для заключенія мира съ Литвою. Король Сигизмундъ призналъ Альбрехта наслѣдственнымъ владѣтелемъ орденскихъ городовъ, съ тѣмъ, чтобы они вѣчно зависили отъ польскихъ государей и далъ Пруссіи гербъ Чернаго орла съ изображеніемъ начальной буквы своего имени.

Ливонскій Орденъ остался послѣ того уединеннымъ среди, постоянно ему угрожавшихъ опасностей между двумя сильными государствами. Однако, достойный слуга и защитникъ его: магистръ Плетенбергъ, умеръ еще главой свободнаго братства ливонскихъ рыцарей.

Василій III не сталъ мстить Менгли-Гирею упорнымъ продолженіемъ съ нимъ войны и не рѣшился предпринять, только для этой цѣли, дальній опасный походъ въ Тавриду, по пустыннымъ степямъ, безъ особой къ тому нужды и пользы для блага русскаго государства. Съ своей стороны Магметъ-Гирей искалъ

мира съ Москвою, собираясь въ походъ противъ напавшаго на его владѣнія астраханскаго хана: Усеина, тоже старавшагося тѣмъ временемъ, черезъ своихъ пословъ въ Москвѣ, стать подъ покровительство сильнаго московскаго государя. Въ союзѣ съ ногайскимъ ханомъ: Мамаемъ, Менгли-Гирей осадилъ Астрахань и успѣшно взялъ этотъ важный торговый городъ, какъ бы осуществивъ, такимъ образомъ, свою мысль: соединить подъ властью Гиреевъ три прежнихъ Батыева царства: Казань, Астрахань и Тавриду, съ тѣмъ, чтобы потомъ еще расширить свою державу покореніемъ всѣхъ другихъ татарскихъ племенъ, вплоть до персидскаго государства и къ сѣверу до Сибири. Однако, ему не долго пришлось торжествовать, лелѣя въ душѣ такую, уже несбыточную тогда, мечту. Ногайскій ханъ Мамай съ братомъ во время догадались, что имъ грозитъ большая опасность отъ усиленія рода Гиреевъ, и когда Менгли-Гирей еще пировалъ въ станѣ своемъ подъ Астраханью, ногайцы внезапно окружили его шатеръ: убили его самого съ сыномъ Богатыремъ и перерѣзали много крымскихъ вельможъ, а потомъ, преслѣдуя бѣжавшихъ обратно въ Крымъ двухъ спасшихся сыновей властолюбиваго стараго хана, вторгнулись въ ихъ владѣнія и стали опустошать Тавриду. Хотя эти царевичи крымскіе, съ пятидесятью князьями благополучно достигли своей столицы, однако, за ними гнавшіеся нагайцы, послѣ коварнаго избіенія безоружныхъ, неожидавшихъ вѣроломнаго нападенія крымцевъ, — въ станѣ Менгли-Гирея, потопивъ многихъ изъ нихъ въ Дону,—потомъ, уже въ Тавридѣ проливали также свирѣпо кровь, ни въ чемъ неповиннаго мирнаго населенія; забирали себѣ стада и предавали огню улусы. Они разбили наскоро собран-

ное, уцѣлѣвшими крымскими князьями, войско, такъ что остатки его едва успѣли спрятаться въ крѣпости Перекопи, охраняемой турецкими янычарами. Бывшій союзникъ Менгли-Гирея: Евстафій Дашкевичъ, не пропустилъ удобнаго случая сжечь Очаковъ и съ своей стороны разорилъ улусы крымскихъ татаръ около нижняго Днѣпра на западѣ. Московскій бояринъ Колычевъ, находясь тогда въ Перекопѣ, былъ очевидцемъ всѣхъ этихъ происшествій въ Таврическомъ ханствѣ. Послѣ ухода враговъ царевичъ Казы-Гирей объявилъ было себя крымскимъ ханомъ, но указомъ султана, на крымскій престолъ былъ назначенъ не онъ, а его дядя: родной братъ Менгли-Гирея: Сайдетъ-Гирей. Прибывъ изъ Константинополя, онъ удавилъ племянника въ Кафѣ и воцарился на его мѣстѣ въ Крыму, тотчасъ же начавъ мирные переговоры съ Василіемъ III. Онъ у него просилъ во первыхъ денегъ и прекращенія войны съ другимъ его братомъ: ханомъ казанскимъ. Василій Іоанновичъ, между тѣмъ, обратилъ противъ Саипъ-Гирея силы, имъ собранныя для войны съ Крымомъ и въ томъ же 1523 г. его полки: судовые и конные, ходили воевать въ казанскую землю подъ начальствомъ князей: Василія Шуйскаго и Бориса Горбатаго, въ сопровожденіи, свергнутаго Менгли-Гиреемъ казанскаго хана, друга Москвы: Шигъ-Алея. Эти московскіе воеводы основали тогда, при впаденіи въ Волгу рѣки Суры, на рубежѣ русскихъ владѣній съ татарскими, городъ Васильсурскъ, назвавъ его именемъ великаго князя и городъ этотъ потомъ представлялъ собою важную точку опоры для москвичей въ ихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ казанскихъ татаръ. Саипъ-Гирей въ 1524 г., устрашенный приближеніемъ къ Казани многочис-

леннаго московскаго войска, бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ сдѣлался калгой-ханомъ: т. е. вторымъ лицомъ послѣ Сайдетъ-Гирея и отдалъ себя, какъ турецкій подданный, подъ защиту султана Салимана, оставивъ въ Казани на своемъ мѣстѣ молодого племянника: Сафа-Гирея. Шигъ-Алей писалъ этому отроку, чтобы онъ освободилъ казанскій престолъ безъ кровопролитія. Однако, казанцы съ черемисами и чувашами клялись умереть за Сафа-Гирея, презирая малодушіе его дяди и онъ послалъ Шигъ-Алею короткій отвѣтъ: — «Чья побѣда, того и царство: сразимся».

Мужественный воевода Хабаръ-Симскій одержалъ славную побѣду надъ чувашами и казанцами на берегу рѣки Свіяги. Но за то князь Иванъ Палецкій понесъ отъ нихъ на судахъ съ хлѣбомъ и огнестрѣльнымъ снарядомъ большой уронъ и ущербъ, вслѣдствіе того, что черемисы въ одномъ, сдавленномъ островами, мѣстѣ теченія рѣки Волги, его запрудили бревнами и камнями, создавъ такое стремленіе воды, увлекаемые которымъ, русскія суда разбивались объ эту искусственную преграду, между тѣмъ, какъ черемисы съ крутого берега ихъ осыпали стрѣлами. Такимъ образомъ, нѣсколько тысячъ людей погибло и потонуло. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе побѣды Симскаго и потери во время сраженія лучшаго своего пушкаря, казанцы выслали дары русскимъ, когда ихъ главный вождь: кн. Иванъ Бѣльскій осадилъ Казань; и просили имъ дать время снестись черезъ посольство съ вел. княземъ, чтобъ попытаться его умилостивить. Тогда московскіе военноначальники, во главѣ съ Бѣльскимъ; отчасти изъ малодушія, отчасти подкупленные татарскимъ золотомъ, не повели на приступъ свои полки, а отошли

отъ Казани, снова не овладѣвъ ею. Василій на этотъ разъ согласился уважить просьбу казанцевъ и призналъ ихъ царемъ Сафа-Гирея, такъ какъ они обѣщали быть въ такомъ случаѣ вѣрными слугами московскому вел. князю. Но когда турецкій посолъ въ Москвѣ: князь Макупскій Скиндеръ, находившійся тамъ единственно по купеческимъ дѣламъ, отъ имени султана объявилъ московскимъ боярамъ: что «Казань есть турецкая область, отданная ему Саипъ-Гиреемъ», онъ долженъ былъ удовольствоваться отвѣтомъ вел. князя: что «Казань есть и будетъ подвластна московскому государю». Пока Василіемъ было заключено съ нею перемиріе на пять лѣтъ.

Въ это время Василій III, помимо воздѣйствія своего оружія, нанесъ большой ударъ Казани въ торговомъ отношеніи, запретивъ русскимъ купцамъ ѣздить на ея ежегодную лѣтнюю ярмарку и назначивъ для русской торговли съ Азіей мѣсто въ Нижегородской области, на волжскомъ берегу, гдѣ нѣкогда существовалъ уединенный монастырь, созданный св. Макаріемъ Унженскимъ, но разрушенный при Василіи Темномъ. Такъ какъ персидскіе, астраханскіе и армянскіе купцы больше всего искали въ Казани русскихъ мѣховъ, то казанская ярмарка сейчасъ же послѣ того потеряла свое былое значеніе и сами казанцы лишились многихъ предметовъ первой необходимости, получаемыхъ изъ Россіи. Однако, никто, конечно, еще не могъ предвидѣть, что указанное Василіемъ новое торжище станетъ со временемъ нашею славною Макарьевской ярмаркой: одною изъ богатѣйшихъ на свѣтѣ. Сначала и русскіе купцы пострадали отъ перемѣны мѣста своей торговли съ Азіей. Цѣна азіатскихъ ремесленныхъ произведеній у насъ возвысилась и населеніемъ ощу-

тился недостатокъ въ соленой рыбѣ, доставляемой изъ Казани.

Ранѣе того, что португалецъ Васко-де-Гама обогнулъ Африку съ мыса Доброй Надежды, товары изъ Индіи шли въ Европу или Персидскимъ заливомъ, Ефратомъ и Чернымъ моремъ; или заливомъ Аравійскимъ, Ниломъ и Средиземнымъ моремъ. Но еще въ началѣ XVI вѣка, овладѣвъ берегами Индіи, и благодаря новому, удобнѣйшему пути туда Атлантическимъ океаномъ овладѣвъ всей ея торговлей, португальцы стали злоупотреблять полученной ими выгодой, непомѣрно повысивъ цѣну на ароматы и пряности. Тогда въ Россію явился одинъ генуэзскій путешественникъ: Павелъ, желавшій умѣрить корыстолюбіе лиссабонскихъ купцовъ, помѣшавъ исключительному ихъ праву на эту торговлю. Онъ объяснилъ боярамъ Василія свою мысль: проложить купеческую дорогу въ Индію черезъ Россію: по Волгѣ къ Каспійскому морю и дальше разными рѣчными бассейнами западной части Азіи, что неминуемо должно было обогатить казну московскаго государя торговыми пошлинами и дать возможность русскому населенію, любящему всякія пряныя зелья, ихъ получать въ изобиліи очень дешево. Свои представленія Павелъ поддерживалъ письмомъ къ вел. князю отъ папы Леона X. Однако, Василій Іоанновичъ, какъ и его предшественники, не захотѣлъ открыть иноземцамъ путей торговли Россіи съ востокомъ. Генуэзецъ вернулся въ Римъ безъ успѣха, заставъ уже тамъ новаго папу Андріана.

Пятилѣтнее перемиріе съ Литвой должно было окончиться вѣчнымъ миромъ, которому продолжалъ, однако, препятствовать споръ за Смоленскъ между Василіемъ и Сигизмундомъ. Мы знаемъ, что кончина германскаго императора Максимиліана прер-

вала сообщенія московскаго двора съ вѣнскимъ. Преемникъ его: властолюбивый юноша Карлъ, заступивъ мѣсто дѣда, не думалъ о русскомъ сѣверѣ, повелѣвая Австріей, Испаніей и Нидерландами; борясь за господство надъ всей юго-западною Европой съ Франциском I. Съ своей стороны, не имѣя никакихъ поводовъ для враждебнаго соревнованія съ Карломъ V, ни возможнаго совпаденія съ его видами, какихъ либо своихъ, имъ противорѣчащихъ цѣлей, между тѣмъ какъ по отношенію къ Польшѣ въ умѣ Карла V возникало снова желаніе дѣда: овладѣть Венгріей и Богеміей, теперь находившимися въ рукахъ Людовика: племянника Сигизмунда, великій князь Василій Іоанновичъ первый возобновилъ обмѣнъ дружескими посольствами между нимъ и германскимъ императоромъ, пославъ съ привѣтствіемъ отъ себя въ Мадридъ къ Карлу въ 1524 г. гонцомъ: князя Ивана Ярославскаго-Засѣкина. Въ это время несчастный французскій король Франциск тамъ былъ уже плѣнникомъ и властолюбіе Карла V угрожало Европѣ всемірной монархіей, т. е. зависимостью всѣхъ державъ отъ единой, сильнѣйшей, чего не было послѣ Карла Великаго втеченіе семи столѣтій. Московскій вел. князь предложилъ Карлу склонить Сигизмунда къ прочному миру съ Россіей силой оружія: согласно торжественному обѣщанію Максимиліана, если благоразумныя увѣщанія окажутся недостаточными. Ни императоръ германскій, ни братъ его Фердинандъ—эрцгерцогъ австрійскій, не остались глухими къ просьбѣ московскаго государя и, отпуская Засѣкина въ обратный путь, Карлъ вмѣстѣ съ нимъ отправилъ для переговоровъ въ Польшѣ по дѣлу о мирѣ Василія съ Сигизмундомъ, посла своего: графа Нугарольскаго; тогда какъ Фердинандъ то же самое

95) Картина: Встрѣча Василіемъ III посла германскаго императора Карла V подъ Можайскомъ.

порученіе далъ опять барону Гербенштейну. Римскій папа—Климентъ VII не могъ пропустить удобнаго случая для новой, хотя всегда напрасной попытки, склонить московскаго вел. князя къ соединенію церквей, одновременно съ объявленіемъ имъ войны Турціи; предлагая ему за это, какъ бывало и прежде: королевскій вѣнецъ. Но совершенно довольный титуломъ русскаго государя и московскаго вел. князя, Василій не думалъ о королевскомъ достоинствѣ и не хотѣлъ создавать себѣ, близкихъ къ предѣламъ своего государства, опасныхъ враговъ въ османскихъ туркахъ. Мы видѣли, что онъ искалъ пріязни еще Баязета ради безопасности русскихъ купцовъ въ Азовѣ и Кафѣ; а какъ только узналъ, что Баязетъ свергнутъ съ престола честолюбивымъ сыномъ своимъ: Селимомъ,—тотчасъ отправилъ къ тому посла съ ласковымъ поздравленіемъ, хотя послу и не велѣно было кланяться султану «до земли»; вручая же дары и письмо не спрашивать о его здоровьѣ, если онъ раньше не спроситъ о Васильевомъ. Манкупскій князь Ѳедоритъ Камалъ: знакомецъ грека Траханіота, былъ первымъ въ Россіи турецкимъ посломъ, доказавшимъ Москвѣ, что и грозные завоеватели Византіи ищутъ дружбы ея вел. князя. Его преднамѣренно почтили тогда крайне внушительной пышной встрѣчей, послѣ того, что они съ московскимъ посломъ Алексѣевымъ девять мѣсяцевъ находились въ пути, едва добравшись до рязанскихъ предѣловъ черезъ воронежскія степи, гдѣ потеряли всѣхъ лошадей и шли пѣшкомъ, терпя большія лишенія. Великій князь его принялъ, сидя въ малой набережной палатѣ, окруженный боярами въ «саженныхъ шубахъ». Турецкій посолъ цѣловалъ Василію руку и объявилъ ему желаніе Селима быть съ нимъ въ вѣчной любви, имѣя общихъ друзей и непріятелей. Такое же

96) Картина: Пріемъ въ Москвѣ Василіемъ III турецкаго посла Селимана.

дружеское отношеніе Порты къ Россіи продолжалось, какъ мы видимъ и при Селиманѣ, прислaвшимъ въ Москву къ вел. князю съ привѣтствовавшимъ его московскимъ посломъ: Третьякомъ-Губинымъ, другого манкупскаго князя: Скиндера. Нельзя было писать ласковѣе, чѣмъ писалъ черезъ него Селиманъ къ Василію, увѣряя, что желаетъ съ нимъ состоять въ крѣпкой дружбѣ и братствѣ. За то московскій вел. князь всталъ съ мѣста, чтобы спросить его о здоровьѣ султана; далъ ему руку и посадилъ подлѣ себя. Хотя Скиндеръ говорилъ лишь о дѣлахъ торговыхъ, а Селиманъ ограничивался въ выраженіи своей дружбы вел. князю пустыми учтивостями, Василій все-таки не терялъ надежды добиться болѣе дѣятельнаго союза съ турецкимъ султаномъ и тѣмъ болѣе нерасположенъ былъ идти навстрѣчу видамъ на него и пожеланіямъ римскаго папы. Однако, папскій посолъ былъ принятъ въ Москвѣ съ должнымъ почетомъ и послѣ двухъ мѣсяцевъ пребыванія при московскомъ дворѣ отбылъ обратно въ Италію, сопровождаемый посломъ Василія къ папѣ: обучившимся въ Ливоніи и хорошо знавшимъ латинскій языкъ, Дмитріемъ Герасимовымъ, уже участвовавшемъ въ посольствахъ изъ Москвы: въ Швецію, Пруссію и Данію. Кромѣ того, обладая «пріятностью обхожденія» и тихимъ нравомъ, Герасимовъ представился папѣ Клименту въ великолѣпной русской одеждѣ; подалъ ему дары и вѣжливое, но малозначущее письмо отъ своего государя. Папа ему велѣлъ отвести ,на время его пребыванія въ Римѣ, богато украшенные комнаты въ замкѣ св. Ангела. Тамъ его постигла болѣзнь, но, оправившись, онъ осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности древней всемірной столицы; наслаждался пышнымъ богослуженіемъ папы съ чудною музыкою органа; присут-

ствовалъ въ кардинальскомъ совѣтѣ; бесѣдуя съ учеными мужами, въ особенности съ знаменитымъ тогда историкомъ Павломъ Іовіемъ, разсказалъ имъ много для нихъ любопытнаго о своемъ отечествѣ, но къ большому неудовольствію папы объявилъ; что не имѣетъ отъ Василія никакихъ полномочій для веденія переговоровъ съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ или церковныхъ. Онъ возвратился въ Москву въ 1526 г., сопровождаемый новымъ посломъ Климента VII Іоанномъ Франциском, пріѣхавшимъ для содѣйствія успѣху мирнаго соглашенія между московскимъ вел. кн. и Сигизмундомъ. Вышеописаннымъ присоединеніемъ къ московскому государству всей рязанской области закончилось, начатое Іоанномъ Калитой, собираніе сѣверо-восточной Руси вокругъ Москвы. Теперь уже не оставалось ни одного, обособленнаго отъ нея, удѣла. Однако, существовали еще удѣльныя земли, такъ сказать, промежуточныя между Литвой и государствомъ московскимъ, князья которыхъ при Іоаннѣ III перешли изъ литовскаго подданства на службу къ русскому вел. князю. Наиболѣе мелкіе владѣтели между ними вступили просто въ ряды знатныхъ московскихъ бояръ, находясь въ Москвѣ при Дворѣ вел. князя и, получая отъ него помѣстья въ другихъ областяхъ русской земли. Но въ числѣ ихъ было два, еще довольно значительныхъ удѣльныхъ князя, притомъ изъ потомковъ худшихъ враговъ Василія Темнаго: кн. Ивана Можайскаго и Дмитрія Шемяки,—первый Василій Семеновичъ Стародубскій; а второй—кн. Василій Іоанновичъ Новгородъ-Сѣверскій. Этотъ Василій Шемякинъ былъ, однако, вѣрнымъ стражемъ южной Руси отъ набѣговъ крымскихъ татаръ и ненавидѣлъ Литву. Онъ отличился воинской своей доблестью, и вел. князь ему далъ въ награду за усердную

службу Москвѣ, Путивль; но все-таки опасался и не любилъ, знавшаго себѣ цѣну, заносчиваго внука Дмитрія, а потому не безъ удовольствія видѣлъ взаимную распрю между нимъ и Василіемъ Стародубскимъ, ложно ему доносившимъ о томъ, будто князь Новгородъ-Сѣверскій ссылается съ Сигизмундомъ, замышляя измѣну московскому вел. князю. Шемякинъ въ 1517 г. пріѣзжалъ въ Москву для самоличнаго оправданія передъ Василіемъ. Обѣдалъ у него во дворцѣ и у митрополита, послѣ чего, вполнѣ доказавъ свою невинность, вернулся къ себѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ, отпущенный изъ Москвы съ наградой и честью. Но черезъ пять лѣтъ, когда уже умеръ врагъ его князь Стародубскій, съ успѣхомъ изгнанный имъ изъ своего удѣла, клеветы на Шемякина возобновились и Василій Іоанновичъ счелъ за лучшее имъ повѣрить на этотъ разъ; хотя обвиненія въ тайной перепискѣ князя новгородъ-сѣверскаго съ Литвою были явно сомнительны. Василій Шемякинъ былъ снова вызванъ въ Москву и, понимая опасность, пріѣхалъ туда лишь послѣ того, какъ получилъ охранную грамоту за подписью, кромѣ вел. князя, еще новаго митрополита московскаго Даніила, избраннаго Василіемъ на смѣну Варлааму, выражавшему свои мнѣнія съ не всегда угодной вел. князю рѣзкою прямотой, чуждою всякой лести и ни въ какомъ случаѣ ими не поступавшемуся противъ совѣсти, ради мірскихъ соображеній, или своей личной выгоды. Не таковъ былъ молодой монахъ, игуменъ Іосифскаго монастыря — Даніилъ изъ учениковъ Іосифа Волоколамскаго, получившихъ общее названіе «осифлянъ». Они, какъ намъ уже извѣстно, ратовали за сохраненіе монастырскихъ имѣній и отличались особой готовностью поддерживать самовласт-

ныя стремленія московскаго государя. Даніилъ взялъ себѣ за правило ни въ чемъ не противорѣчить мірской верховной власти и безпрекословно одобрять все, что отъ нея исходитъ. Теперь онъ оправдывалъ несправедливое, вѣроломное заключеніе князя Сѣверскаго въ Москвѣ подъ стражу, вопреки письменному ихъ съ вел. княземъ ручательству за его безопасность, говоря, что Василію необходимо было избавиться отъ давно подозрѣваемаго предательства этого тайнаго внутренняго врага. Иначе думалъ игуменъ Троицкаго монастыря Порфирій — строгій пустынножитель. За смѣлое свое ходатайство объ освобожденіи новгородъ-сѣверскаго князя, онъ лишился игуменства и удалился на Бѣлоозеро. Тѣмъ временемъ, по всѣмъ улицамъ Москвы ходилъ остроумный шутъ съ метлой и кричалъ: «настало время вымести изъ московскаго государства послѣдній соръ»,—подразумѣвая послѣдняго удѣльнаго князя.

97) Картина: Шутъ на московскихъ улицахъ вѣщающій съ метлой въ рукахъ объ уничтоженіи на Руси послѣднихъ мелкихъ удѣловъ.

Великокняженіе Василія III отмѣчается многими знаменитыми въ исторіи именами, современныхъ ему государей и преобразователей общественной жизни какими были могучіе императоры: Максиміліанъ I Карлъ V; король англійскій: Генрихъ VIII; султаны османскихъ турокъ: Селимъ и Селиманъ; врагъ московскаго государства: тонкій умомъ и твердый духомъ, польско-литовскій король Сигизмундъ Казиміровичъ, папа Левъ X; мореплаватель Васко-де-Гама шведскій король Густавъ Ваза и наконецъ, основатель новаго, быстро распространившагося вѣроученія: Лютеръ, своею проповѣдью потрясшій до основанія церковное царство Рима и вызвавшій бурное колебаніе религіозной почвы во всей западной Европѣ гдѣ духовное вліяніе папы, очерненное безчисленными злоупотребленіями, давно ослабѣло. Однако

преемники прежнихъ, столь грозныхъ для государей католическихъ странъ, церковныхъ властителей, не умѣряли своихъ гордыхъ требованій и не хотѣли проникнуться духомъ древняго истиннаго христіанства. Тѣмъ не менѣе, успѣхи умственнаго просвѣщенія сдѣлали свое дѣло, яркимъ лучомъ озаривъ тьму земныхъ вожделѣній римскихъ церковнослужителей и вѣковое заблужденіе народа, до сихъ поръ принимавшаго за сіяніе непогрѣшимой святости, чисто мірской, ослѣпляющій толпу блескъ высокихъ почестей и богатства.

Одинъ бѣдный инокъ Мартинъ Лютеръ, хотя и сбросивъ съ себя монашескую одежду, но съ Евангеліемъ въ рукѣ, сталъ уличать папу въ грубыхъ, корыстолюбивыхъ обманахъ, не обращая вниманія ни на церковныя проклятія его Климентомъ VII, ни на гнѣвъ Карла V. Онъ основалъ новую вѣру съ отрицаніемъ большинства торжественныхъ, пышныхъ обрядовъ католическаго богослуженія, но, какъ обыкновенно бываетъ, перешелъ въ своемъ отрицаніи къ другой крайности: какъ бы закрывъ въ немъ небо для строгой, холодной мысли; низведя съ дальнихъ, невѣдомыхъ его высей на землю духъ и молитву вѣрующихъ; не давая ихъ чувствамъ невидимо окрылиться силою религіознаго впечатлѣнія во время таинственнаго священнодѣйствія въ благолѣпномъ храмѣ. Подчинивъ узкимъ опредѣленіямъ разсудка всѣ догматы вѣры и церкви, онъ предлагалъ своимъ послѣдователямъ удовольствоваться сухой нравственной проповѣдью; а между тѣмъ, опираясь въ словахъ своихъ на примѣръ Христа, не подражалъ его кротости, говорилъ языкомъ злыхъ, бурныхъ страстей, и лишилъ папу духовной власти преимущественно въ германскихъ странахъ, не столько по безпри-

страстному убѣжденію народа, сколько изъ за мірскихъ, корыстолюбивыхъ разсчетовъ правителей этихъ странъ, очень довольныхъ прекращеніемъ своей зависимости отъ взыскательныхъ римскихъ владыкъ, преисполненныхъ высокомѣрнымъ тщеславіемъ и ненасытной страстью скопленія въ своихъ рукахъ огромныхъ богатствъ. Ученіе Лютера приняла вся Ливонія и всѣ бывшія владѣнія тевтонскаго ордена тоже отпали отъ повиновенія Риму. Въ Москвѣ написалъ слово противъ Лютеровой ереси ученый грекъ Максимъ, призванный къ себѣ вел. княземъ Василіемъ III изъ Вотопедскаго аѳонскаго монастыря для перевода на славянскій языкъ нѣкоторыхъ греческихъ церковныхъ книгъ, ознакомленіе съ которыми было необходимо русскому духовенству: главнымъ образомъ, Толковой Псалтири, т. е. сборника примѣчаній и объясненій къ псалмамъ Давида, составленными древними отцами церкви, такъ какъ псалтирь былъ тогда излюбленнымъ чтеніемъ грамотныхъ русскихъ людей, но въ немъ многое оставалось для нихъ неяснымъ, давая удобный поводъ къ неправильнымъ заключеніямъ и произвольному толкованію, въ поощреніе разныхъ, легко распространявшихся въ это время, ересей. И на Руси, какъ мы видѣли, вольнодумство задѣвало, то съ той, то съ другой стороны незыблемость византійскихъ церковныхъ преданій. Жидовствующая ересь указывала православному духовенству на живую, существенную потребность неотложнаго, сильнаго противодѣйствія ей путемъ убѣжденія и словесныхъ преній. Казни и пытки, конечно, не могли въ корнѣ пресѣчь этого зла измѣны древнему русскому благочестію и вѣроотступничества, порою въ самыхъ безсмысленныхъ и нелѣпыхъ его проявленіяхъ. Распространители ере-

тическихъ заблужденій тайно сѣяли ихъ въ невѣжественныхъ умахъ простого народа, умудренные по большой части, книжными знаніями и, владѣя рѣчью лучше спорящихъ съ ними церковныхъ пастырей. Между тѣмъ эти послѣдніе сами чувствовали, что одной обрядности богослуженія теперь стало уже недостаточно для благоустройства московской церкви и для удержанія народа на ея православной прямой стезѣ. Чтобы не позволить затаптывать и сбивать на иные, чуждые намъ пути, эту издревле проложенную святыми подвижниками и преданіями византійско-русскими, ими указанную, стезю, — необходимо было имѣть въ рукамъ орудіемъ борьбы—знаніе, нужны были ученые люди. Но Русь страдала отсутствіемъ ихъ. Католическій западъ давно разойдясь съ православнымъ востокомъ въ своемъ религіозномъ міровозрѣніи, а также и оборотѣ своей просвѣщенной мысли, не могъ доставить подходящихъ людей. Опять пришлось обратиться въ Грецію, откуда, хотя утративъ съ турецкимъ владычествомъ, развитіе самобытной умственной жизни, греки ѣздили воспринимать успѣхи современной науки въ итальянскіе города, вопреки своей непріязни къ западу; такъ что среди нихъ можно было найти, для насъ полезныхъ ученыхъ лицъ.

Въ старину значительное число русскихъ людей было знакомо съ греческимъ языкомъ; не только въ средѣ духовенства, но и между князьями. За время же порабощенія русской земли татарами оскудѣло въ ней всякаго рода знаніе и отъ огня погибло не мало рѣдкихъ рукописей. Тѣмъ не менѣе, великокняжеское книгохранилище, уничтоженное въ Москвѣ нашествіемъ Тахтомыша, скоро опять наполнилось, такъ какъ столица Руси у себя постепенно скопляла

сокровища всѣхъ другихъ ея областей; греки, окружавшіе Софію Палеологъ тоже съ собой привезли, какъ надо полагать, нѣкоторые образцы древней греческой письменности. Потому вел. князь нуждался въ ученомъ грекѣ для пересмотра различныхъ сочиненій собранія и собственныхъ своихъ книгъ.

Василій Іоанновичъ отправилъ посольство на Аѳонъ въ Ватопедскую его обитель, гдѣ игуменъ предложилъ московскому государю услуги одного изъ ученыхъ иноковъ своихъ Максима. Максимъ былъ уроженецъ албанскаго города Арты, сынъ знатныхъ родителей и, уѣхавъ учиться въ Италію, десять лѣтъ прожилъ тамъ во Флоренціи и Венеціи, гдѣ слушалъ знаменитаго языковѣда—своего соотечественника Ласкариса. На первыхъ порахъ, увлекшись западнымъ просвѣщеніемъ, онъ, однако, не могъ проникнуться имъ, воспитанный въ духѣ строгаго православія, тогда какъ Европа въ то время стремилась вернуться къ образцамъ древнихъ памятниковъ художества съ ихъ чисто языческимъ міровоззрѣніемъ. Время это, отмѣченное въ исторіи подъ названіемъ «эпохи возрожденія», совсѣмъ обезцѣнивало христіанство, причемъ высокіе подвиги святыхъ христіанскихъ мучениковъ уже ставились ни во что рядомъ съ красивыми небылицами о вымышленныхъ богахъ грековъ и римлянъ, лѣточисленія до Р. Х. Имена древнихъ мыслителей, въ свое время бывшихъ свѣточами толпы, безотчетно подготовлявшими ее къ воспріятію христіанскихъ истинъ,—превозносились гораздо выше отцовъ христіанской церкви. Невѣріе и кощунство быстро переходило изъ высшихъ общественныхъ слоевъ въ низшіе, какъ что-то достойное одобренія и подражанія. Религія предоставлялась съ пренебрежительною усмѣшкой черни, какъ

дѣтское заблужденіе, выгодное въ грубыхъ ея умахъ для другихъ сословій. Такое ложное и до смѣшного поддѣльное настроеніе европейскихъ странъ шедшее изъ Италіи, привело повсюду къ неизбѣжному нравственному упадку; развитію злодѣяній и самыхъ гнусныхъ пороковъ, находившихъ себѣ будто бы оправданіе въ отжившихъ взглядахъ и положеніяхъ древней мудрости, уже исполнившей свою задачу. Искусство, покинувъ небо, служило чувственности; мышленіе низвелось до пустыхъ, безпочвенныхъ преній съ игрою словъ и противорѣчій. Астрономія, подъ видомъ точнаго знанія, однако, полная самыхъ нелѣпыхъ суевѣрій, сдѣлалась излюбленною наукой. Максимъ, мечтательно-утонченный въ своихъ представленіяхъ о высшихъ, прекрасныхъ цѣляхъ человѣческаго ума и духа, поруганнаго передъ его глазами въ Италіи, бѣжалъ оттуда, не сдѣлавшись и папистомъ. Однако, на порабощенной родинѣ со своей правдивостью и широкимъ умственнымъ образованіемъ, онъ не могъ ужиться подъ гнетущимъ владычествомъ полудикихъ османскихъ турокъ и ушелъ на Аѳонъ, гдѣ монашескіе обѣты вполнѣ отвѣчали его цѣломудрію и набожно православному образу мыслей. Тѣмъ не менѣе, Максимъ Грекъ понималъ и цѣнилъ пользу истинныхъ, чисто научныхъ знаній, уважая дѣйствительные успѣхи плодотворной работы человѣческаго ума; процвѣтаніе въ немъ высокой всеобъемлющей мысли, такъ же какъ вдохновенное творчество въ области всякихъ художествъ и произведеній искусства. Въ этомъ отношеніи онъ не отрицалъ свѣтлыхъ сторонъ древняго міра; однако, земную мудрость хотѣлъ подчинить прежде всего божественной искрѣ въ религіозномъ духѣ народовъ. За собою, въ Италіи, гдѣ развращалъ римскую церковь гнусный примѣръ порочнаго образа жизни самого папы

Александра VI, онъ оставилъ одно святое, неизгладимое воспоминаніе: о проповѣдникѣ Іеронимѣ Саванаролѣ. Этотъ доминиканскій монахъ выступилъ во Флоренціи, падшей тогда до уровня библейскаго Вавилона, съ краснорѣчивымъ безстрашнымъ словомъ въ защиту попранной тамъ, до послѣдней степени, христіанской нравственности. Онъ требовалъ, роскошью заглушаемаго, состраданія къ бѣднѣйшимъ слоямъ народа; строгаго воздержанія отъ всякихъ плотскихъ излишествъ; правдивости и трудолюбія,—чѣмъ, конечно, возбудилъ противъ себя богатыхъ и сильныхъ людей; между тѣмъ, какъ простой народъ горячо воспринялъ его ученіе. Многіе изъ числа болѣе состоятельныхъ гражданъ несли добровольно на сожженіе, въ монастырь св. Марка, предметы ненужной соблазнительной роскоши и старались послѣдовать всей душой призыву проповѣди его, поражавшей силою его разума, рядомъ съ богатой богословскими свѣдѣніями, свѣтлой, обширной памятью. Александръ VI поспѣшилъ обвинить въ преступной ереси дерзкаго обличителя своихъ пороковъ и возвелъ его на костеръ въ 1498 г. Максимъ Грекъ лично зналъ Іеронима Саванаролу и съ увлеченіемъ слушалъ рѣчи его въ католическихъ храмахъ. Потомъ всегда и всюду онъ себѣ ставилъ его примѣромъ въ смѣломъ разоблаченіи лжи, лицемѣрія и неправдъ людей, власть имѣющихъ; въ покровительствѣ беззащитнымъ жертвамъ ихъ, людямъ слабымъ и угнетеннымъ судьбою. Съ такимъ настроеніемъ онъ пріѣхалъ въ Москву, къ Василію: государю, себѣ не терпѣвшему противорѣчія. Онъ встрѣтилъ тамъ радушный пріемъ и приступилъ сейчасъ же къ переводу Толковой Псалтири, пользуясь въ русскомъ языкѣ помощью двухъ образованныхъ людей при московскомъ дворѣ: уже упомянутаго нами, какъ

посланника къ римскому папѣ Дмитрія Герасимова и нѣкоего Василія, исполнявшаго тоже великокняжескія порученія въ иноземныхъ странахъ. Они оба знали по-латыни, такъ что переводъ съ греческаго языка на этомъ языкѣ, перекладывался Максимомъ на языкъ славянскій.

Когда Максимъ черезъ полтора года окончилъ порученный ему трудъ и еще нѣсколько переводовъ греческихъ богословскихъ книгъ, московскій вел. князь его удержалъ у себя для новыхъ ученыхъ занятій въ его богатомъ дворцовомъ книгохранилищѣ. Максимъ удивлялся обилію въ немъ различныхъ греческихъ рукописей, какихъ не находилось больше и въ самой Греціи. Онъ волей-неволей сталъ продолжать свои переводы и составилъ объясненія къ утраченному мѣстами смыслу, какъ нѣкоторыхъ священныхъ писаній, такъ и богослужебныхъ обрядовъ. А научившись достаточно понимать по-русски, сталъ исправлять неправильности и ошибки, вкравшіяся въ богослужебныя книги. Это уже не нравилось русскому духовенству, упорно державшемуся мертвой буквы, усвоенныхъ имъ, внѣшнихъ религіозныхъ понятій и пріемовъ богослуженія. Хотя митрополитъ Варлаамъ далъ свое благословеніе, уже извѣстному намъ другу св. Нила Сорскаго, иноку Вассіану, бывшему боярину Патрикѣеву, исправить Кормчую книгу, заключавшую въ себѣ сводъ церковныхъ законоположеній, въ слишкомъ яркихъ противорѣчіяхъ его съ истинами Евангелія и апостольской проповѣди,—но поставилъ ему условіемъ: ничего не выбрасывать совершенно. Вассіанъ пригласилъ на помощь себѣ Максима Грека и, главнымъ образомъ въ исправленіяхъ своихъ старался найти явныя доказательства противъ права собственности для духовныхъ лицъ, продолжая борьбу сто-

98) Картина: Русскій священникъ (съ итальянской гравюры XVI стол.).

ронниковъ Нила Сорскаго съ своекорыстнымъ мнѣніемъ осифлянъ. Вел. князь не поддавался соблазну захвата въ казну монастырскихъ земельныхъ угодій, стремясь сохранить за собой нравственную поддержку большинства православнаго духовенства, тѣмъ болѣе, что осифляне отличались гибкой, льстивой угодливостью свѣтской власти и во главѣ съ новымъ митрополитомъ благословляли задуманный въ 1525 г. Василіемъ, разводъ съ бездѣтной супругой его Соломніей, тогда какъ Вассіанъ и Максимъ Грекъ находили его грѣховнымъ, открыто порицая намѣреніе вел. князя. За это Максимъ скоро былъ обвиненъ въ порчѣ книгъ и сосланъ въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь, столь ненавистный Вассіану, но гдѣ онъ самъ нѣсколько позже умеръ, тоже въ суровомъ заточеніи, послѣ суда надъ нимъ заклятаго его врага: Даніила. Подвергся опалѣ и тоже былъ удаленъ отъ двора московскаго, вступившійся за права Саломніи, 20 лѣтъ бывшей вѣрной супругой вел. князя, завоеватель Югры: престарѣлый воевода, князь Симеонъ Курбскій. Кромѣ сердечнаго увлеченія племянницей, намъ извѣстнаго узника, измѣнившаго двоекратно родинѣ своей и Москвѣ: литовскаго князя Михаила Глинскаго; дочерью брата его—Василія, вел. князь естественно желалъ имѣть послѣ себя прямого наслѣдника; между тѣмъ, какъ за неимѣніемъ у него сына, московскій престолъ долженъ былъ перейти къ его брату—Юрію. Чтобы сохранить любовь къ себѣ мужа, Соломнія ѣздила, по обычаю того времени, къ разнымъ знахарямъ и знахаркамъ; однако, ничего не помогало и она оставалась безплодною. Разсказываютъ, что Василій, какъ-то увидѣвъ на деревѣ птичье гнѣздо, позавидовалъ ему и говорилъ съ великимъ огорченіемъ думнымъ своимъ боярамъ:—«Кому завѣщать мнѣ русскую землю? Братья

мои и своихъ малыхъ удѣловъ не умѣютъ устроить». Угодливые бояре ему отвѣчали:—«Великій государь, неплодную смоковницу посѣкаютъ и выбрасываютъ изъ садовой ограды». Тѣмъ не менѣе, разводъ въ то время почитался грѣховнымъ нарушеніемъ всѣхъ церковныхъ уставовъ и восточные патріархи, также какъ аѳонскіе монастыри, дали неодобрительный отзывъ на запросъ, обращенный къ нимъ московскимъ вел. княземъ. Митрополитъ Даніилъ разводъ этотъ разрѣшилъ только своею собственной властью, предложивъ Саломніи добровольно отречься отъ міра. Но такъ какъ она упорствовала въ своемъ нежеланіи принять монашество, то ее постригли насильно подъ именемъ Софіи и сослали въ Суздальскую Покровскую обитель. Самъ митрополитъ Даніилъ послѣ того, въ 1526 г. обвѣнчалъ Василія съ Еленою Глинской, причемъ соблюдена была вся древняя русская пышность свадебнаго обряда: опахивали жениха и невѣсту соболями; осыпали ихъ изъ золотой миски хмѣлемъ; подносили имъ камки (т. е. ковры)—подножные; калачи и сыры. Ставили свѣчи въ кадь съ пшеницею и постлали новобрачнымъ постель на ржаныхъ снопахъ, причемъ государевъ конюшій разъѣзжалъ всю ночь вокругъ дворца съ обнаженнымъ мечомъ. Но несмотря на всѣ эти обряды, современники не одобряли второго брака вел. князя, считая его незаконнымъ и ропотъ ихъ отразился въ лѣтописяхъ. На Саломнію смотрѣли, какъ на невинную жертву жестокой несправедливости. Василій же, горячо любя молодую супругу, старался всячески угодить ей и, по ея просьбѣ, освободилъ Михаила Глинскаго изъ тюрьмы, вновь предоставивъ ему почетное положеніе при своемъ Дворѣ. Елена была болѣе утонченно воспитана, чѣмъ московскія женщины того времени и во внѣшности своей и во

99) Картина; Свадьба вел. князя Василія III при вступленіи его во второй бракъ съ Еленой.

всѣхъ пріемахъ проявляла; замѣтно ее среди нихъ выдѣлявшій, привлекательный отпечатокъ западной образованности. Желая нравиться ей, уже пятидесятилѣтній Василій, сбрилъ себѣ бороду и подалъ въ Москвѣ примѣръ щегольства, склоняясь съ тѣхъ поръ къ сближенію съ западомъ и къ усвоенію его обычаевъ. Московская молодежь, вопреки негодующимъ возгласамъ и строгимъ нравоученіямъ благочестивыхъ почитателей старины, начала тоже бриться; носила узкіе, красные сапоги, расшитые шелкомъ; мазалась благовоніями и украшала руки множествомъ золотыхъ перстней. Москвичи, не довольствуясь дорогими нарядами, впервые приняли тогда странные, вычурные пріемы рѣчи и тѣлодвиженій. Появившіеся въ Москвѣ франты кивали какъ-то особенно головой; выставляли одну ногу впередъ; подмигивали глазами и разставляли пальцы.

Въ 1550 г. у Василія, наконецъ, родился сынъ Іоаннъ. Его окрестили у гроба Препод. Сергія, а въ память этого радостнаго для себя событія Василій приказалъ отчеканить новые драгоцѣнные раки для мощей московскихъ угодниковъ: митрополитовъ—Петра и Алексія.

Между тѣмъ, Максимъ Грекъ, заточенный въ Волоколамскомъ монастырѣ, подражая Саванаролѣ, написалъ тамъ цѣлый рядъ сочиненій, съ безпощадною рѣзкостью обличавшихъ недостатки московскаго духовенства и язвы общественныхъ русскихъ нравовъ, а также злоупотребленія Василія могуществомъ на Руси царской власти. Въ своихъ изобильныхъ писаніяхъ, имѣвшихъ почти одинаковый смыслъ съ сочиненіями Вассіана, Максимъ выражалъ свой строго отшельническій взглядъ на жизнь:—«Возлюби»,—пишетъ онъ,—«душа моя, худыя одежды и худую пищу; про-

води безсонныя ночи надъ боговдохновенными книгами. Огорчай плоть свою суровымъ постомъ; гнушайся всего, что услаждаетъ ее»... По поводу произошедшаго въ Твери пожара онъ излагаетъ будто бесѣду съ Христомъ тверскаго епископа, причемъ Господь ему отвѣчаетъ:—«Вы прогнѣвили Меня наипаче богатымъ украшеніемъ иконъ, ко Мнѣ вознося доброгласное пѣніе подъ гулъ колоколовъ, съ благоуханіемъ мирры, ибо вы всѣ это Мнѣ приносите отъ неправедной, богомерзкой лихвы; ваши дары смѣшаны со слезами сиротъ и кровью убогихъ»... «Я оставилъ вамъ книгу спасительныхъ заповѣдей и поученій, чтобы вы знали чѣмъ можете угодить Мнѣ; вы же ея покрывая золотомъ и серебромъ, Моихъ повелѣній не принимаете, но поступаете противно имъ». Неудивительно, что съ такимъ направленіемъ своихъ мыслей, Максимъ навлекъ на себя преслѣдованіе московской верховной власти, какъ мы сказали уже, коснувшись ее въ своихъ обличеніяхъ. Въ 1525 г. его обвинили еще въ сношеніяхъ съ турецкимъ посломъ Скиндеромъ, грозившимъ Москвѣ нападеніемъ турокъ на Русь; приписывали ему чернокнижныя волхованія. При вторичной ссылкѣ Максиму было запрещено писать и учить, такъ же какъ получать отъ кого либо письма. Греческія книги у него отобрали, а иноки Волоколамскаго монастыря, раздраженные его обличеніями ихъ корысти, нарочно его морили: дымомъ, морозомъ, жаждой и голодомъ. Не признавая себя виновнымъ, Максимъ, однако, трижды падалъ ницъ передъ соборомъ, прося помилованія и возражая противъ обвиненія себя въ ереси; увѣрялъ даже, что онъ не будучи врагомъ русской державы десять разъ въ день молится за государя ея. Однако, всѣ его оправданія и мольбы оставались тщетными.

Въ 1527 г. Елена родила Василію и второго сына: Георгія. До сихъ поръ не позволявшій братьямъ жениться, дабы у нихъ не было сыновей-наслѣдниковъ ранѣе его, Василій теперь разрѣшилъ меньшому брату своему Андрею вступить въ бракъ съ княжною Хованской.

Хитрый и злой грекъ—Скиндеръ, нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Москву по торговымъ дѣламъ. Жадный до денегъ и подарковъ онъ жаловался султану на скупость Василія, причемъ хвалился, что убѣдитъ Селимана начать войну противъ русскихъ. Но не успѣвъ въ этомъ, умеръ въ Москвѣ, между тѣмъ, какъ султанъ продолжалъ держаться миролюбивыхъ своихъ отношеній съ московскимъ вел. княземъ.

Крымскій ханъ Сайдетъ-Гирей: братъ Магомета, ненавидимый подданными за свою приверженность къ турецкимъ обычаямъ, два раза былъ изгоняемъ племянникомъ—Исламомъ; а когда примирился съ нимъ, давъ ему высокій татарскій санъ «калги»—то началъ грабить Литву и требовать отъ Василія денежной дани. Его послы находились въ Москвѣ, когда Исламово войско двинулось къ ней и къ Коломнѣ, будто безъ вѣдома Сайдетъ-Гирея. Но воеводы: князья Одоевскій и Мстиславскій, заняли берега Угры русскими полками и не пустили хищниковъ за Оку, нанеся имъ большой уронъ, причемъ захватили въ плѣнъ мурзу Янгалыча: любимца Ислама. Самъ Василій въ Коломнѣ ждалъ исхода сраженія и въ порывѣ гнѣва приказалъ утопить пословъ Сайдетъ-Гирея. При видѣ неудачи внезапнаго нападенія своихъ татаръ на рязанскую землю, Сайдетъ-Гирей свалилъ всю вину его на племянника, хотя продолжалъ поощрять злодѣйства крымцевъ въ русскихъ предѣлахъ пока не бѣжалъ къ султану, наконецъ,

сверженный съ престола Исламомъ. Однако, скоро и тотъ вынужденъ былъ уступить свое мѣсто бывшему казанскому царю—Саипу, утвержденному на крымскомъ ханствѣ самимъ султаномъ. Всѣ эти перемѣны одинаково не принесли мира Москвѣ со стороны Крыма, потому что Василій не присылалъ туда, настойчиво ожидаемыхъ крымскимъ ханомъ, щедрыхъ, богатыхъ даровъ.

Юный казанскій царь: Сафа-Гирей, казалось совсѣмъ примирившійся съ московскимъ государемъ, согласно желанію своего народа и давшій московскому послу Андрею Пильмову, клятвенное завѣреніе въ своихъ дружественныхъ чувствахъ къ Василію, но успѣвъ затѣмъ своими внушеніями измѣнить настроеніе казанцевъ въ пользу Россіи къ враждебному возбужденію противъ нее, оскорбилъ великокняжескаго посла,—такъ что Василій вынужденъ былъ опять прибѣгнуть къ оружію. Сафа-Гирей, одушевляемый злобой, собралъ противъ его многочисленныхъ войскъ, весною выступившихъ отъ Нижняго-Новгорода къ Казани, 30,000 ногайскихъ татаръ и дикихъ, свирѣпыхъ черемисовъ, себѣ на помощь. Для лучшей обороны Казани онъ укрѣпилъ ея предмѣстья острогомъ съ глубокими рвами и съ двухъ сторонъ примкнулъ къ городу новыя стѣны, осыпанныя землей и каменьями. Между тѣмъ русскіе конные полки соединились съ вышедшей изъ судовъ пѣхотою на луговой сторонѣ Волги и тутъ начались кровопролитныя битвы. Хотя татары втеченіе дня дрались очень храбро, съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти, но за то ночью безпечно спали глубокимъ сномъ. Русскіе воины подъ камандой князя Оболенскаго подползли однажды къ острогу, гдѣ при свѣтѣ луны обнаружили заснувшую стражу; натерли

100) Картина: Русскіе воины, предводимые княземъ Оболенскимъ, тайкомъ поджигаютъ ночью укрѣпленія Казани.

смолою съ сѣрой деревянную стѣну и подожгли. Когда запылалъ острогъ, русское войско, подъ звуки трубъ, съ грознымъ воплемъ пошло на приступъ. Сквозь дымъ и пламя оно ворвалось въ укрѣпленное предмѣстье Казани, опустошая его огнемъ и мечомъ. Князь Телепневъ-Оболенскій преслѣдовалъ Сафа-Гирея, бѣжавшаго въ сосѣдній городъ. Сама Казань, гдѣ оставалось немного защитниковъ, могла бы тотчасъ же быть занята русскими, но старшій воевода—Бѣльскій, снова подкупленный, какъ надо думать, жителями Казани, къ общей досадѣ опять приказалъ отступить, на условіи, что казанцами немедленно будутъ отправлены послы къ Василію III съ изъявленіемъ полной ему покорности,—несмотря даже на то, что толпа черемисовъ, воспользовавшись оплошностью русскихъ воиновъ, захватила у нихъ на глазахъ 70 пушекъ съ запасомъ ядеръ и пороха. Бѣльскій еще хвалился своимъ великодушнымъ поступкомъ и, приходясь по матери племянникомъ вел. князю, ждалъ себѣ по возвращеніи въ Москву, великихъ милостей. Однако, разгнѣванный Василій, лишь по ходатайству митрополита, пощадилъ жизнь недостойнаго воеводы. Хотя есть извѣстіе, что онъ былъ засаженъ въ тюрьму; но, тѣмъ не менѣе, не на долгій срокъ, такъ какъ уже вскорѣ съ прежнимъ почетомъ занималъ мѣсто начальника многихъ московскихъ полковъ.

Василій вынужденъ былъ принять смиренное передъ нимъ раскаяніе казанцевъ; повѣрить клятвамъ въ дальнѣйшемъ повиновеніи ему, знатныхъ казанскихъ князей: Ибрагима, Тагая и Тевекела, такъ какъ необходимо было дать отдохнуть напряженнымъ силамъ русской земли раньше, чѣмъ предпринимать новый походъ. Однако, образъ мыслей Сафа-Гирея

не соотвѣтствовалъ миролюбивымъ рѣчамъ его пословъ. На требованіе московскаго вел. князя о предварительномъ передъ вступленіемъ его въ мирные переговоры, возвращеніи ему Сафа-Гиреемъ огнестрѣльныхъ орудій, захваченныхъ черемисами и освобожденіи русскихъ плѣнниковъ, Сафа-Гирей, задержавъ московскаго гонца, отвѣчалъ Василію, что пусть онъ самъ прежде возвратитъ ему пушки и казанскихъ плѣнниковъ, взятыхъ Бѣльскимъ; а также пришлетъ въ Казань своихъ знатнѣйшихъ вельможъ для размѣна клятвенныхъ грамотъ. Узнавъ о томъ, князь Тогай воскликнулъ:—«Мы не лжецы и хотимъ служить усердно вел. князю. Земля наша опустѣла. Сафа-Гирей дѣлаетъ, что ему вздумается со своими крымцами и ногайцами; мутитъ умы и только насъ вводитъ въ стыдъ. Но мы имѣемъ еще друзей и силу. Изгонимъ Сафа-Гирея; пусть возвратится на Казанскій престолъ Шигъ-Алей, ставшій жертвой злодѣевъ, и съ нами ѣдетъ теперь въ Василь, откуда мы напишемъ казанцамъ о милости московскаго государя». Посовѣтовавшись съ боярами, вел. князь отпустилъ казанскихъ пословъ съ Шигъ-Алеемъ въ Нижній-Новгородъ и князь Тогай сдержалъ слово. Онъ возмутилъ казанскій народъ противъ Сафа-Гирея и свергнулъ его съ престола, письменно извѣстивъ своихъ согражданъ о гибельномъ для нихъ упрямствѣ строптиваго хана. Послѣ того казанцы побили у себя много ногайцевъ и крымскихъ вельможъ: любимцевъ Сафа-Гирея. Успѣху этихъ благопріятныхъ Москвѣ событій помогла много сестра Магметъ-Аминя: царевна Горшадна. Однако, казанцы просили Василія на мѣсто изгнаннаго Сафа-Гирея имъ дать въ цари не Шигъ-Алея, а его юнаго брата Еналея: князька мещерскаго. Вел. князь согласился

и Еналея послалъ въ Казань, окруженнымъ многочисленною дружиной, въ сопровожденіи окольничаго Морозова, который его возвелъ на Казанскій престолъ. Въ знакъ особой милости къ присягнувшимъ Москвѣ казанцамъ, Василій оставилъ имъ, бывшія у нихъ въ рукахъ московскія пищали, чтобы они могли защищаться ими при нападеніи на нихъ непріятеля и разрѣшилъ Еналею жениться на дочери сильнаго ногайскаго мурзы—Юсуфа, чтобы, такимъ образомъ, черезъ него примириться съ враждебной Москвѣ, Ногайской ордою.

Шигъ-Алей чувствовалъ себя обиженнымъ и завидывалъ брату. Онъ началъ вести коварныя козни противъ него, тайно сносясь со своими сторонниками въ Казани: съ ногаями и астраханцами; но его происки обнаружились, почему, несмотря на свою преданность московскому государю, онъ былъ сосланъ съ женою на Бѣлоозеро.

А между тѣмъ когда-то: во время вторичнаго торжественнаго пріема въ Москвѣ австрійскаго посла: Гербенштейна съ графомъ Леонардомъ Нугарольскимъ, уполномоченнымъ Карла V, онъ ѣхалъ съ особымъ почетомъ по правую сторону отъ Василія III по пути къ мѣсту великокняжеской охоты на зайцевъ вблизи Москвы, имѣя калчанъ и налучникъ за плечами; ему позволено было первому спустить свою собаку, когда началась охота.

101) Картина: Вел. князь Василій III въ пути на охоту; сопровождаемый приближенными.

Тогда по лѣвую сторону отъ Василія ѣхали двое молодыхъ князей, причемъ одинъ держалъ сѣкиру на рукояти изъ слоновой кости; а другой булаву, называемую шестоперомъ. Самъ вел. князь сидѣлъ на богато убранномъ аргамакѣ, т. е. конѣ, турецкой породы; на головѣ у него былъ колпакъ съ поднятыми отъ лба и затылка козырьками, къ которымъ

были прикрѣплены золотыя пластинки. У пояса висѣли спереди кинжалъ и два ножа; а сзади, украшенная золотомъ палица съ привѣшаннымъ къ ней на ремнѣ мѣднымъ, или желѣзнымъ кускомъ, называемымъ кистенемъ. Охота происходила на одной заповѣдной полянѣ, куда, сверхъ водившихся тамъ въ изобиліи зайцевъ, еще приносили этихъ животныхъ въ мѣшкахъ изъ другихъ мѣстъ, выпуская ихъ здѣсь на волю передъ началомъ охоты. Послѣ этой потѣхи вел. князь съ послами и приближенными расположился въ одномъ изъ просторныхъ шатровъ, приготовленныхъ у какой-то деревянной башни, гдѣ угощалъ гостей разными сладостями и напитками. Гербенштейнъ разсказываетъ, что иной разъ московскій вел. князь охотился съ кречетами на птицъ. Такъ же держалъ онъ у себя на особо устроенномъ Дворѣ медвѣдей, порой забавляясь борьбою съ ними ловкихъ смѣльчаковъ изъ простолюдиновъ. Эти отважные борцы выходили противъ свирѣпаго звѣря, вооруженные только деревянной рогатиной. Получавшихъ раны въ такой опасной борьбѣ, вел. князь награждалъ платьемъ и хлѣбомъ. Василій III впервые завелъ и псовую охоту. До него псы считались животнымъ нечистымъ.

102) Картина: Борьба съ медвѣдемъ охотниковъ изъ народа, ради потѣхи вел. князя.

По мнѣнію того же барона Гербенштейна, Василій III превосходилъ своихъ предшественниковъ самодержавной властью надъ подданными, какъ свѣтскими такъ и духовными. Во всякомъ сомнительномъ для нихъ дѣлѣ, они имѣли привычку говорить:—«Про то знаютъ—Богъ да великій государь». Весь историческій ходъ событій въ созданіи и развитіи московскаго государства, естественно, неизбѣжно привелъ къ такому особому складу его народныхъ устоевъ, такъ же какъ правящей власти. Василій III, хотя уступалъ отцу въ природныхъ даро-

ваніяхъ и личныхъ качествахъ его государственнаго ума, но отличаясь непоколебимой твердостью при достиженіи своихъ цѣлей, вполнѣ использовалъ завѣты Іоанна III и подготовленныя для выполненія ихъ, жизненныя условія. Яркимъ примѣромъ настойчивости и постоянства Василія въ разъ поставленныхъ имъ себѣ цѣляхъ, служитъ пріобрѣтеніе Смоленска, стоившее ему многихъ тревогъ и предварительныхъ неудачъ. Необходимо принять во вниманіе, что на долю Василія выпала борьба съ самымъ крупнымъ лицомъ изъ дома Ягеллоновъ. Сигизмунда I, какъ врага, нельзя приравнять, ни къ Казиміру IV, ни къ его сыну Александру. Посредники мирныхъ переговоровъ съ нимъ въ 1526 г.—графъ Нугарольскій и баронъ Гербенштейнъ напрасно просили вел. князя уступить Сигизмунду обратно, хотя половину Смоленска. Его бояре отвѣтили рѣзкимъ отказомъ; не приняли и 20-ти-лѣтняго перемирія, предлагаемаго королемъ литовскимъ. Василій согласился продолжить миръ лишь до 1533 г. — и то изъ особаго уваженія къ германскому императору и къ римскому папѣ, пославшему отъ себя въ Москву епископа Скаренскаго. Литовскимъ посламъ за великокняжескимъ столомъ давалось мѣсто ниже, не только епископа и посла императорскаго, но даже австрійскаго, отъ эцгерцога Фердинанда. При заключеніи мирнаго договора думный бояринъ снялъ со стѣны золотой крестъ и обтеръ его бѣлымъ платомъ; вел. князь къ нему приложился, читая молитву, между тѣмъ, какъ, стоя рядомъ, дьякъ держалъ въ рукахъ обѣ договорныя грамоты. Потомъ къ кресту приложились и литовскіе уполномоченные. Послѣ этого обряда пили вино изъ одного кубка, напоминая этимъ очень древній обычай, уже извѣстнаго намъ, скифскаго

103) Картина: Австрійскій посолъ баронъ: Сигизмундъ Гербенштейнъ при Дворѣ вел. князя Василія Іоанновича.

104) Картина: Заключеніе Василіемъ III мира съ Литвою до 1533 г.

побратимства. Когда посольство Карла V-го и Фердинанда, только что въѣхало въ Москву, то на Кремлевской площади оно двигалось среди множества воиновъ ея заполнявшихъ, а не доѣзжая дворцовой лѣстницы, должно было сойти съ коней, такъ какъ сходить съ коня подлѣ нея могъ только одинъ вел. князь. На лѣстницѣ и въ первой комнатѣ дворца пословъ всегда встрѣчали бояре: чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе знатные; они здоровались, подавая правую руку. Въ первомъ покоѣ находился вел. князь съ братьями и думными боярами, сидя съ открытою головой на возвышеніи подлѣ стѣны, гдѣ висѣлъ образъ въ богатомъ окладѣ. Справа, на скамьѣ лежала мѣховая шапка, а слѣва-посохъ съ крестомъ и два рукомойника были поставлены для омовенія рукъ послѣ прикосновенія къ иновѣрцамъ. Германскіе послы произнесли при посредствѣ переводчиковъ рѣчь, обращенную къ московскому государю. А онъ, стоя спрашивалъ ихъ о здоровьи императора и эрцгерцога Фердинанда. При Василіи III очень умножилось число придворныхъ должностей и чиновъ. До него, напримѣръ, не упоминалось о стряпчихъ: хранителей царской одежды; кравчихъ, оружничихъ, ясельничихъ: вѣдавшихъ конскій приборъ; постельникахъ, шатерникахъ и т. п. служебныхъ лицахъ. Тронъ его окружали рынды: оруженосцы изъ знатныхъ юношей, избираемыхъ по красотѣ и стройному стану. Одѣтые въ бѣлое атласное платье и вооруженные серебряными топориками, они тоже ходили передъ вел. княземъ, когда онъ являлся народу; въ воинскихъ же походахъ хранили доспѣхъ государевъ. Иноземцамъ они казались подобіемъ сонма небесныхъ ангеловъ.

105) Картина: Пріемъ Василіемъ III въ кремлѣ иноземныхъ пословъ.

Василій любилъ пышность, особенно для пріема иноземныхъ пословъ, желая имъ показать могуще-

ство, богатство и славу московскаго вел. князя. Бояре сидѣли въ глубокомъ молчаніи на скамьяхъ по обѣ стороны трона, въ высокихъ, такъ называемыхъ, гарлантныхъ шапкахъ; въ одеждахъ усѣянныхъ жемчугомъ. Обѣды великокняжескіе продолжались до самой ночи. Въ большой дворцовой палатѣ накрывались столы по нѣскольку рядомъ. Великій князь сидѣлъ за особымъ столомъ. Около него—его братья и митрополитъ. Пословъ Карла V и Фердинанда посадили напротивъ московскаго государя. На высокомъ столѣ, посреди палаты находился поставецъ, сіявшій тяжеловѣсною золотой и серебряною посудой. Въ мясоѣдъ первымъ блюдомъ являлись всегда жареные журавли и лебеди. Приправою къ кушаньямъ служили: сметана, соленые огурцы и моченыя груши, не снимавшіяся со стола во все время обѣда. Въ началѣ его пили водку, а потомъ подавали греческое вино и крѣпкіе меды. Служители, разносившіе кушанья одѣты были въ нарядные кафтаны: терлики, украшенные дорогими камнями, тогда какъ до Василія они одѣвались просто: на подобіе церковныхъ прислужниковъ. Русскіе очень любили угощать гостей до пьяна хмѣльными напитками. Приглашающій пить за чье либо здоровье, выходилъ на середину комнаты съ чашей въ рукѣ, произнося разныя добрыя пожеланія тому лицу и опорожнивъ чашу, ее перевертывалъ на своей макушкѣ, чтобы всѣ видѣли, что онъ выпилъ до дна. Затѣмъ и другіе присутствующіе должны были такимъ же образомъ опоражнивать свои чаши. Государь въ знакъ особой милости посылалъ нѣкоторымъ гостямъ кушанья со своего стола; тогда тѣ вставали и ему кланялись. Зато, смиренный въ церкви, государь, удаляя отъ себя всѣхъ царедворцевъ, стоялъ всегда одинъ близъ дверей, опираясь на посохъ.

106) Картина: Обѣдъ въ честь германскихъ пословъ при Дворѣ вел. князя Василія III.

Хотя, по возвращеніи своихъ пословъ, Сигизмундъ утвердилъ мирный договоръ съ Василіемъ и обѣщалъ быть для Руси добрымъ сосѣдомъ, однако, мелкія порубежныя ссоры и взаимныя жалобы продолжались до самой кончины Василія. Между прочимъ, онъ вызвалъ неудовольствіе противъ себя корсля Сигизмунда тѣмъ, что имѣлъ дружескія сношенія съ его врагомъ: господаремъ молдавскимъ Петромъ, являвшимся, благодаря своему личному мужеству, еще не безопаснымъ сосѣдомъ для Польши, Литвы и Тавриды. Онъ задержалъ у себя литовскихъ пословъ, когда узналъ, что въ Минскѣ остановили молдавскаго посла на его пути въ московское государство. Сигизмундъ не хотѣлъ именовать Василія «великимъ государемъ»; Василій же не признавалъ его королемъ россійскимъ и прусскимъ. Ногайскіе татары ходатайствовали тогда въ Москвѣ только о разрѣшеніи имъ продавать лошадей въ Россіи; но астраханскій ханъ—Касимъ хотѣлъ предложить тѣсный союзъ московскому вел. князю, когда былъ убитъ черкесами, внезапно напавшими на его столицу и скрывшимися потомъ въ горахъ съ богатой добычей. Одинъ изъ потомковъ Тамерлана: Бабуръ, утвердилъ господство свое въ Индостанѣ и тамъ, владѣя прекраснѣйшими землями міра,—однако, тоже желалъ дружескаго сношенія съ далекой русской страной, ему знакомой со времени его пребыванія на берегахъ Каспійскаго моря. Онъ отправилъ къ Василію одного изъ своихъ чиновниковъ: Усеина, съ письменнымъ предложеніемъ, чтобы послы и купцы московскаго вел. князя свободно ѣздили въ Индію, такъ же какъ и его подданные могли бы безпрепятственно совершать поѣздки въ Москву. Василій принялъ милостиво Усеина,ославъ Бабуру свое согласіе на его миролюбивое предложеніе. Въ то же время

на сѣверо-западѣ искало дружбы Россіи, освобожденное Густавомъ Вазой отъ власти датчанъ, имъ возвеличенное и озаренное новой славой, шведское королевство. Густавъ Ваза: мудрый и твердый духомъ правитель, вышедшій изъ рудокоповъ, былъ преисполненъ заботой о мирномъ благоденствіи шведовъ и заключилъ съ сосѣдней Россіей миръ на 60 лѣтъ, черезъ своихъ пословъ въ Новгородъ, къ великокняжескому намѣстнику и въ Москву къ самому Василію. Послѣдній, слыша о славныхъ дѣлахъ Густава, охотно принялъ его мирныя предложенія и далъ свободный доступъ шведскимъ купцамъ въ свои владѣнія, позволивъ имъ имѣть свой особый торговый дворъ въ Новгородѣ. Чтобъ угодить Густаву, онъ повелѣлъ схватить и доставить узникомъ въ Москву датскаго адмирала Норби, ставшаго морскимъ разбойникомъ и овладѣвшаго было Готландіей, откуда онъ грабилъ всѣ корабли, проходившіе мимо этого острова. Разбитый, наконецъ, шведскимъ флотомъ, онъ искалъ пріюта въ Россіи, надѣясь возстановить Василія противъ Густава.

Между тѣмъ, изгнанный изъ Казани, Сафа-Гирей, пылалъ жаждою мести, ненавистному ему московскому государю и всячески убѣждалъ напасть на него своего дядю крымскаго хана, пока, наконецъ, ратная сила крымскихъ татаръ не устремилась къ Рязани, грозя осадой самой Москвѣ. Однако, рязанскій намѣстникъ князь Андрей Ростовскій, извѣстилъ выѣхавшаго въ Коломну вел. князя, что Рязань будетъ крѣпкимъ щитомъ для Москвы, несмотря на то, что татары выжгли его пасады. Смѣлый воевода московскій: князь Дмитрій Палецкій, разбилъ толпы хищниковъ близъ Зарайска, тогда какъ другой изъ нихъ: князь Оболенскій-Телепневъ-Овчина съ московскими дворянами,

потопилъ непріятельскую стражу въ Осетрѣ и необычайнымъ мужествомъ спасся, наткнувшись съ отважными своими воинами на главную силу татаръ. Послѣ того, испуганные успѣхами русскихъ, крымцы, ушли обратно въ степи, уводя съ собою, однако, множество плѣнниковъ изъ, опустошенныхъ грабежомъ и пожарами, рязанскихъ селъ. Саипъ-Гирей упрекалъ Василія за его скупость, ей объясняя желаніе своихъ подданныхъ воевать съ Россіей, такъ какъ война эта имъ даетъ больше выгодъ, чѣмъ московская дружба. Онъ потребовалъ отъ русскаго государя денегъ, мѣховъ соболиныхъ и ловчихъ птицъ. А злобный Сафа-Гирей ему писалъ:—«Гдѣ узнаю врага твоего—соединюсь съ нимъ и довершу ужасную месть. Вѣдай».

Василій Іоанновичъ не любилъ долго засиживаться на одномъ мѣстѣ. Обыкновенно, проводя зиму въ Москвѣ, онъ лѣтомъ жилъ въ своихъ подмосковныхъ селахъ: какъ-то—Коломенское, Воробьево, Островъ. Ѣздилъ на богомолье въ ближніе и дальніе монастыри, особенно полюбивъ во вторую половину великокняженія своего Волоколамскій край съ монастыремъ, оставшимся послѣ смерти Іосифа на непосредственномъ попеченіи вел. князя. Всѣ эти поѣздки соединялись съ великокняжескимъ посѣщеніемъ своихъ владѣній, соотвѣтствующимъ въ общихъ чертахъ и по своимъ главнымъ цѣлямъ древнему кіевскому «полюдью»; а также съ излюбленной Василіемъ до пылкой страсти, звѣриной ловлей, искони составлявшей предметъ увлеченія всѣхъ русскихъ князей и бояръ. Послѣ благополучнаго отраженія вышеупомянутаго набѣга крымцевъ въ 1533 г. Василій съ семьей отправился въ Троицко-Сергіевскую Лавру, чтобъ, помолясь тамъ святому угоднику Божію, ѣхать оттуда въ Волоколамскъ на цѣлую осень ради потѣхи охотой со всѣмъ своимъ дворомъ.

Однако, дорогой онъ занемогъ,—сначала, казалось, настолько пустою болѣзнью: именно вередомъ на сгибѣ лѣвой ноги, что, несмотря на сильную боль, доѣхалъ до Волока; былъ тамъ на пиру у боярина: Ивана Шигоны и ходилъ въ «мыльню». Такъ какъ погода стояла прекрасная для охоты, то онъ даже выѣхалъ въ поле съ собаками, но не выдержавъ все возраставшей муки отъ вереда, слегъ въ постель около села Колпь. Хотя сюда призвали немедленно нѣмецкихъ медиковъ, но лѣкарства употреблялись русскія: мука съ медомъ, печеный лукъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, появилось сильное гнойное воспаленіе. Перевезенный въ Волоколамскъ, вел. князь пересталъ ѣсть и чувствовалъ сильную тяжесть въ груди. При немъ находился его братъ: Андрей Іоанновичъ, Михаилъ Глинскій, Бѣльскій и нѣкоторые другіе бояре. Василій приказалъ везти себя на саняхъ, шагомъ въ Москву, одинъ сохраняя твердость и спокойствіе духа. По пути онъ заѣхалъ въ Іосифову обитель и лежалъ на одрѣ въ церкви. Въ Воробьевѣ принялъ митрополита, епископа и воеводъ, а когда его внесли въ постельныя хоромы Кремля, то приступилъ къ посмертному составленію завѣщанія, причемъ объявилъ трехлѣтняго своего сына: Іоанна, наслѣдникомъ московскаго государства подъ опекою матери и бояръ, до пятнадцатилѣтняго возраста. Потомъ онъ пріобщился св. Таинъ съ искреннею вѣрою и со слезами умиленія; пожелалъ принять передъ смертью схиму. Маленькаго Іоанна принесли на рукахъ проститься съ отцомъ, тогда какъ мать его, бившуюся и вопившую, поддерживали и увѣщавали бояре. Василій поручилъ ее и сыновей попеченію князя Михаила Глинскаго. Іоанна онъ благословилъ крестомъ Петра Чудотворца; преподалъ свое отеческое благословеніе и младшему

109) Картина: Вел. князь Василій III диктуетъ свое духовное завѣщаніе, чувствуя приближеніе смерти.

сыну: Юрію, но въ завѣщаніи ему оставилъ лишь небольшой удѣлъ. Василій Іоанновичъ скончался въ ночь на Варваринъ день, во время совершенія надъ нимъ обряда постриженія. Митрополитъ Даніилъ немедленно привелъ къ присягѣ Іоанну IV и матери его, братьевъ Василія; а также бояръ и дѣтей боярскихъ. Узнавъ о смерти мужа, Елена упала замертво. Когда печальная вѣсть разнеслась по Москвѣ, народъ началъ стекаться во дворецъ, оглашая его рыданіемъ. Василій III былъ погребенъ подлѣ отца своего въ Архангельскомъ соборѣ. Ему исполнилось, послѣ 28-милѣтняго царствованія всего 56 лѣтъ отъ роду, и преждевременная его смерть была дѣйствительно роковымъ событіемъ для ближайшей судьбы русскаго народа, придавъ управленію перваго русскаго царя: Іоанна IV, такой мрачный и безпримѣрно суровый характеръ отчасти изъ-за условій и обстановки его ранняго дѣтства. При заключеніи обзора великокняженія Василія III, мы должны повторить то, что уже было сказано нами въ первоначальной главѣ о его вступленіи на московскій престолъ: что онъ неуклонно шелъ путемъ, ему указаннымъ мудростью его отца. Обладая благородной наружностью съ величественнымъ станомъ и проницательнымъ взоромъ, Василій, по тому времени, былъ скорѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ. Занимаясь всякое утро до самаго обѣда государственными дѣлами, онъ издалъ многіе законы для внутренняго благоустройства страны и, несмотря на ярко выдержанное самодержавіе свое, предоставилъ лучшимъ гражданамъ право голоса въ судебныхъ рѣшеніяхъ. При немъ построены были четыре важныя крѣпости. Онъ продолжалъ привлекать въ Москву иноземцевъ, искусныхъ въ ремеслахъ и воинскомъ

108) Картина: Послѣдніе часы жизни вел. князя Василія III.

дѣлѣ. Его лѣчили два нѣмецкихъ лѣкаря: Люевъ и Феофилъ.

Блестящія побѣды Василія III надъ татарами, нѣмецкими рыцарями и Литвою показываютъ, что онъ умѣлъ собрать подъ свои знамена и хорошо устроить сильное войско, считавшее во главѣ своихъ полковъ многихъ славныхъ вождей. Василій имѣлъ всегда подъ своею рукой 60 тысячъ сельскихъ ратниковъ и триста тысячъ боярскихъ дѣтей, причемъ каждый боярскій сынъ, надѣленный казенной землею, служилъ безъ жалованья, за исключеніемъ развѣ самыхъ бѣднѣйшихъ. Конница составляла въ степяхъ главную силу. Оружіемъ служили еще преимущественно самострѣлы и лукъ; сѣкиры, длинные кинжалы, мечи, копья и кистени. Пушки употреблялись лишь при защитѣ или осадѣ городовъ и, вылитыя итальянскими мастерами, неподвижно стояли въ Кремлѣ на лафетахъ. Молодые люди готовили себя къ воинскому искусству богатырскими играми; стрѣльбою въ цѣль; скакали на коняхъ и боролись между собою. Торговля при Василіи находилась тоже въ цвѣтущемъ состояніи. Изъ Европы привозились русскимъ купцамъ серебро въ слиткахъ; сукна, мѣдь, зеркала; ножи, иглы и вина. Изъ Азіи шелковыя ткани, парчи, ковры, жемчугъ, драгоцѣнныя камни. Русская же земля доставляла въ Турцію и Литву мѣха, а моржевые клыки промѣнивала въ Татарію на азіатскихъ лошадей, сѣдла, узды, холсты и одежду. Многія мѣста на Руси славились своими произведеніями для внутренней торговли: напримѣръ Калуга, красивою деревянной посудой; Муромъ—вкусною рыбой, Переяславль—сельдями. Въ Соловкахъ находились лучшія соляныя варницы. Хотя Россія еще не имѣла тогда морскихъ путей кромѣ холоднаго Сѣвернаго океана,

109) Картина: Московскій всадникъ; (по очень рѣдкой нѣмецкой гравюрѣ XVI столѣтія).

110) Картина: Московитъ въ военномъ нарядѣ (съ рѣдкой нѣмецкой гравюры XVI столѣтія).

но цѣлая сѣть ея судоходныхъ рѣкъ облегчала провозъ товаровъ внутрь страны. Несмотря, однако, на развитую торговую дѣятельность въ Россіи, иностранные путешественники съ ужасомъ говорили о нашихъ распутицахъ, пустынныхъ степныхъ пространствахъ, лишенныхъ жилья на огромныя разстоянія; тлѣнныхъ мостахъ и дремучихъ болотистыхъ лѣсныхъ дебряхъ. Тѣмъ не менѣе, они отмѣчаютъ въ своихъ запискахъ о современной имъ Россіи, исправность и быстроту ея почтовыхъ сообщеній на лошадяхъ, всегда имѣвшихся въ большомъ количествѣ на дворахъ, особо учрежденныхъ: «ямъ» для смѣны уже усталыхъ. Иноземцы дивились дешевизнѣ въ Россіи всякаго рода скота, птицы, рыбы и дичи. Роскошь въ то время совсѣмъ не носила позднѣйшаго отпечатка изнѣженности и утонченности, ей пресыщенныхъ, вкусовъ Средніе русскіе люди хвалились избыткомъ самыхъ обыкновенныхъ дешевыхъ вещей. Бережливость ихъ не мѣшала самому широкому гостепріимству. Пріятелей подчивали, помимо домашняго меда и пива, иноземными винами: канарскимъ, мушкателемъ, романеей и бѣлымъ рейнскимъ. Лучшимъ считалась, такъ называемая, мальвазія, употребляемая преимущественно во дворцѣ. Дорогія одежды составляли отличіе и преимущество только богатыхъ, сановныхъ лицъ. Онѣ не подчинялись модѣ, не измѣнялись ею, почему, тщательно оберегаемыя отъ порчи наряды, переходили въ наслѣдство отъ отца къ сыну. Покрой одежды былъ одинаковъ, какъ у бояръ, такъ у простыхъ дворянъ и купцовъ. Верхнее платье съ опушкою: широкое и длинное, носило названіе «однорядки»; съ воротникомъ—охабня; а съ пуговицами, отъ ворота до подола, ферязи. Нашивки и тоже пуговицы, только до пояса, измѣняли ферязь въ

111) Картина: Баронъ Гербенштейнъ во время путешествія по Россіи (съ рѣдчайшаго офорта Гиршфогеля 1546 г.).

112) Картина: Одежда русскихъ бояръ и татарскихъ мурзъ XVI—XVII стол. (изъ книги Равинскаго).

кафтанъ, въ кунтуши и доломаны. Полукафтанье шилось съ «козыремъ» т. е. съ широкимъ стоячимъ воротникомъ. Сапоги, какъ мы знаемъ уже, выдѣлывались изъ цвѣтного сафьяна съ подковами; шапки носились высокія; и, бѣлыя или черныя, поярковыя шляпы. Домашняя обстановка была очень скудная: самые богатые люди довольствовались пустыми стѣнами. Двери дѣлались на столько низкія, что входившіе въ нихъ сгибались, чтобы не удариться о косякъ головою. Но европейскія искусства съ удивительной легкостью усваивались русскимъ народомъ. Мы уже видѣли, что хотя московскіе государи ревниво оберегали у себя чистоту православной вѣры и дорожили святынею древнихъ русскихъ обычаевъ, тѣмъ не менѣе, они всегда уважали успѣхи общечеловѣческаго образованія и науки запада, не дѣлая изъ Россіи второго Китая по отношенію къ иноземцамъ. Посолъ и толмачъ Василія въ Римѣ: Дмитрій Герасимовъ, показывалъ тамъ изображеніе красками на полотнѣ своего вел. князя, работы какого-то иностраннаго живописца, изъ проживавшихъ тогда въ Москвѣ.

113) Картина: Русскій купецъ XVI ст. (съ современн. нѣмецкой гравюры).

114) Картина: Купецъ Московіи и Польши XVI стол.

115) Картина: Портретъ вел. князя Василія Іоанновича (по гравюрѣ изъ французской книги 1548 г.)

Василій III именовался еще, какъ и отецъ его, только вел. княземъ, и лишь при сношеніяхъ съ иностранцами выставлялъ въ грамотахъ къ нимъ, свой титулъ, какъ: «Божьей милостью великій государь и царь всея Руси», съ перечисленіемъ, ему подвластныхъ великихъ княжествъ; причемъ къ областямъ отца онъ на далекомъ сѣверѣ, кромѣ земель — пермской и югорской, присоединилъ еще Лапландію, заставивъ дикихъ лопарей себѣ уплачивать дань естественными произведеніями ихъ суроваго ледянаго края. Лопари, соприкасаясь съ сосѣдними русскими областями, начали у нихъ заим-

116) Картина: Русскіе корабли въ Ледовитомъ океанѣ (гравюра изъ современной нѣмецкой книги).

ствовать понемногу гражданскія обыкновенія и ласково угощать купцовъ, привозившихъ имъ вещи, нужныя для хозяйства. Въ первые годы набожной, благотворной дѣятельности въ новгородской землѣ архіепископа Макарія, лапландскіе поморяне, жившіе близъ Кандолажской губы Бѣлаго моря, прислали своихъ старшинъ къ вел. князю Василію, прося имъ дать учителей христіанскихъ; а послѣ того, какъ къ нимъ посланъ былъ изъ Софійскаго храма священникъ для просвѣщенія ихъ истинами Евангелія,— еще отдаленнѣйшіе лапландцы: кольскіе, пожелали креститься и радостно приняли къ себѣ русскихъ священниковъ, хотя не могли конечно сейчасъ же совсѣмъ отстать отъ прежнихъ языческихъ своихъ обычаевъ, но посѣщая христіанское богослуженіе, продолжали почитать идоловъ, пока одинъ смѣлый, краснорѣчивый монахъ Илія, не произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на лапландскій народъ проповѣдью слова Божія, что они сами стали ему помогать въ уничтоженіи своихъ идоловъ и кумирень. Илія поджегъ ихъ, мнимо священныя, рощи и бросалъ въ воду деревянные истуканы. Такимъ образомъ, русскіе съ древнихъ временъ распространяли ученіе Спасителя, не прибѣгая къ насилію и жестокимъ принудительнымъ средствамъ искорененія язычества. 117) Картина: Лопари.

Зодчество каменныхъ храмовъ и укрѣпленіе русскихъ городовъ, при Василіи III, какъ при его отцѣ, находилось еще въ рукахъ иноземцевъ. Алевизъ Фрязинъ по его приказанію обложилъ камнемъ и кирпичемъ ровъ, шедшій вокругъ городской стѣны въ Москвѣ и привелъ въ порядокъ, прилегавшіе къ ней, пруды. Между тѣмъ, какъ Бонъ Фрязинъ окончилъ постройку церкви «Іоанна подъ колоколами». Зато расписаніе внутреннихъ стѣнъ, ря-

домъ съ иконописью, продолжало быть чисто-русскимъ художествомъ, получая, развитіе, все болѣе совершенное и широкое. При Василіи III было окончено фресковое расписаніе знаменитаго Успенскаго собора и Благовѣщенскій былъ расписанъ мастеромъ Ѳеодосіемъ Денисовымъ съ братіей.

Въ концѣ царствованія Василія III, мастеръ Николай Нѣмчинъ слилъ для Іоанновской колокольни большой колоколъ «благовѣстникъ» вѣсомъ въ тысячу пудовъ. Стремленіе къ легкой наживѣ произвело большую порчу монеты: многіе начали разрѣзывать деньги пополамъ и подмѣшивать олово, чтобы въ одну гривну вмѣшать до 500 денегъ серебра, вмѣсто обычныхъ 250. Василій, строго преслѣдуя поддѣльщиковъ монеты, казнилъ ихъ безпощадно въ Москвѣ; приказывалъ имъ вливать въ ротъ растопленное олово, отрубать руки; но тѣмъ не менѣе, это зло продолжалось и послѣ смерти его, во время правленія Елены Глинской, почему та, запретивъ обращеніе порченыхъ денегъ, ввела небольшую перемѣну въ изображеніи на ней. У великаго князя, сидящаго на конѣ, въ рукѣ оттискивалось вмѣсто меча копіе. Тогда то новыя деньги стали называться копейками. Василій поддержалъ запретительныя мѣры отца относительно вольной продажи вина, пива, меда и связаннаго съ ней пьянства.

При немъ введены были полицейскіе порядки въ Москвѣ, способствуя водворенію спокойствія въ городѣ и прекращенію грабежей. Послѣ урочнаго часа ночью, безъ нужды запрещалось ходить по извѣстнымъ улицамъ и онѣ загораживались рогатками съ приставленной къ нимъ, вооруженной стражей. Сохранились отрывки записокъ одного образованнаго литвина XVI столѣтія: Михелона, подъ названіемъ:

«О нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ». Недовольный, современнымъ ему порядкомъ вещей въ Литвѣ, онъ рисуетъ темными красками многія стороны отечественнаго строя и быта, отдавая предпочтенье сосѣдямъ. Порицая роскошь и щегольство литвиновъ, онъ выставляетъ похвальную бережливость московскаго вел. князя, не пренебрегающаго ничѣмъ въ домашнемъ хозяйствѣ, такъ что онъ продаетъ даже солому, почему дорогіе кубки, подающіеся на его пирахъ: золотые и серебряные, называются иногда «соломенными»—какъ бы пріобрѣтенные на проданную солому. Кромѣ того, москвитяне, по его словамъ, изобилуя мѣхами, не носятъ запросто дорогихъ соболей, сбывая ихъ въ Литву за высокую цѣну. Сами же, по образцу татаръ, довольствуются войлочными остроконечными шапками, украшенными золотыми пластинками и самоцвѣтными камнями, не страдающими нисколько отъ солнца и дождя и не поѣдаемыми молью, какъ соболя. Между тѣмъ, какъ литовцы падки на привозныя прянности, москвичи,—не только простолюдины, но и вельможи, приправляютъ охотно кушанья свои грубой солью, лукомъ, чеснокомъ и горчицей. Особенно Михелонъ нападаетъ на развившееся въ Литвѣ, повальное пьянство. Онъ пишетъ, что въ городахъ литовскихъ нѣтъ болѣе частыхъ заводовъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ варятся изъ жита водка и пиво. Эти напитки литовскіе крестьяне берутъ съ собой на войну. Дни и ночи проводятъ въ шинкахъ, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляскою подъ волынку, и забывая о своихъ поляхъ. Растративъ, такимъ образомъ все имущество, они не рѣдко съ голода принимаются за воровство и разбой. Попойки сопровождаются ссорами и преступленіями. День начинается питьемъ водки. Еще въ постели кричатъ:—«вина,

вина». Пьютъ этотъ ядъ мужчины, женщины и юноши на площадяхъ; напившись же ничего дѣлать не могутъ, какъ только спать. Тутъ Михелонъ снова приводитъ въ примѣръ московскаго вел. князя—Іоанна III, обратившаго свой народъ къ трезвости, запретивъ вездѣ кабаки, почему нигдѣ нѣтъ шинковъ, а если у какого нибудь домохозяина найдутъ хоть каплю вина, то весь домъ его разоряется и его самого сажаютъ въ тюрьму. Вслѣдствіе отсутствія вина, московскіе города изобилуютъ разнаго рода мастерами. «Посылая намъ деревянные палки для опоры старымъ, слабымъ и пьянымъ, а также деревянныя чаши, сѣдла, копья и украшенія, они у насъ обираютъ золото».

Въ 1529 г. въ Литвѣ изданъ былъ общій законодательный сводъ, извѣстный подъ названіемъ Литовскаго статута, который упрочилъ власть землевладѣльцевъ—дворянъ надъ крестьянскимъ сословіемъ. Западно-русское свободное крестьянство: мужики или кметы, такъ же какъ и въ восточной Руси, мало по малу утратило право общинной собственности на обрабатываемую имъ землю, но жило на земляхъ «господарскихъ» (великокняжескихъ) «панскихъ» т. е. владѣльческихъ и церковныхъ, вынужденное за пользованіе ими, нести различныя повинности, иногда перекладываемыя на деньги. Между прочимъ крестьяне обязаны были извѣстное число дней въ году работать на владѣльца, что называлось панщиной. Первымъ шагомъ къ водворенію крѣпостного права, т. е. къ уровненію вольныхъ сельскихъ жителей съ подневольными холопами было запрещеніе перезывать поселенцевъ съ частныхъ имѣній въ великокняжескія и обратно. Вторымъ же средствомъ закрѣпощенія послужило расширившееся право частнаго, владѣльческаго суда надъ крестьянами, вмѣсто верховнаго, государственнаго.

Литовскіе статуты соотвѣтствовали московскимъ Судебникамъ. Ихъ уставъ подтверждаетъ обязанность всѣхъ сословій отправлять военную службу въ случаѣ внѣшней войны. Всякій землевладѣлецъ обязанъ былъ лично идти на войну со своими людьми. Менѣе богатые несли пѣшую службу, вооруженные рогатиной, или ручницею, т. е. ружьемъ. Ополченіе собиралось на западѣ въ «хоругви» подъ начальствомъ хорунжаго. Уклоненіе отъ военной службы по незаконной причинѣ наказывалось отобраніемъ имѣнія. Во время похода строго запрещалось производить грабежи и насилія надъ мирными жителями.

Василій III передъ кончиной своей не напрасно тревожился за судьбу своего семейства и за порядокъ государственныхъ дѣлъ. Оба брата его: Юрій Дмитровскій и Андрей Старецкій, также какъ князь Михаилъ Глинскій умерли въ заточеніи. Царица Елена Глинская не съумѣла пріобрѣсти народной любви, несмотря на свою приверженность къ православной церкви и знатные московскіе бояре питали противъ нея скрытое неудовольствіе за ея исключительное расположеніе къ князю Телепневу-Оболенскому. Находясь еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, она такъ внезапно скончалась весною 1538 г., что кончина ея не могла объяснится ничѣмъ инымъ, какъ отравленіемъ. Тогда началось десятилѣтнее управленіе боярской думы, гдѣ первенствующее положеніе заняли Шуйскіе. Оболенскаго уморили въ темницѣ голодомъ, а его сестру постригли въ монахини. Великій князь Іоаннъ IV остался послѣ смерти матери восьмилѣтнимъ ребенкомъ; терпѣлъ грубое обращеніе отъ окружающихъ и лишенъ былъ всякаго воспитанія. Тринадцати лѣтъ онъ впервые проявилъ власть свою, возмущенный своеволіемъ Шуйскихъ и подъ вліяніемъ дядей своихъ

князей Глинскихъ: братьевъ умершаго Михаила, велѣлъ схватить Андрея Шуйскаго, чтобы отдать его на растерзаніе своимъ псарямъ. Въ юности Іоаннъ IV, по примѣру отца, посѣщая монастыри, занимался охотою и однажды, возвратясь изъ такой поѣздки въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, объявилъ митрополиту Макарію, что намѣренъ женится; и ни въ какомъ случаѣ не на иностранкѣ, чтобъ между ними, вслѣдствіе различныхъ нороовъ не происходила «тщета», а въ своемъ государствѣ. Выборъ его палъ, среди собранныхъ русскихъ красавицъ на Анастасію Романовну Захарьину-Юрьеву; но ранѣе свадьбы онъ пожелалъ вѣнчаться на царство. Торжественное вѣнчаніе совершено было въ Успенскомъ соборѣ по тому же чину, какъ вѣнчаніе Дмитрія—внука Іоанна III. Но теперь къ прежнему титулу великаго князя Іоаннъ присоединилъ уже окончательно титулъ *царя*, съ постояннымъ употребленіемъ его во всѣхъ государственныхъ грамотахъ, такъ какъ не только по бабкѣ своей Софіи Палеологъ, но уже со времени Анны: супруги Владиміра святого—онъ велъ свой родъ отъ православныхъ царей византійскихъ. И для утвержденія за собой этого новаго сана Іоаннъ Васильевичъ обратился только за благословеніемъ къ Царьградскому патріарху, въ своемъ величіи, не взирая ни на какую иную власть запада или востока.

И такимъ образомъ, сталъ онъ первымъ царемъ московскимъ, безмѣрно могучимъ своимъ, уже неоспоримымъ, самодержавіемъ и дѣлами предковъ своихъ, создавшихъ единое сильное московское царство.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глава I.

Стран

Запустѣніе юго-западной и древней кіевской Руси. Господство тамъ Литвы. Польско-венгерскій король Людовикъ и его дочери. Ягайло—старшій сынъ Ольгерда отъ княжны Юльяніи. Борьба малолѣтняго великаго князя московскаго Дмитрія Іоанновича за свое старшинство съ княземъ суздальскимъ Дмитріемъ Костантиновичемъ и Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ. Его рѣшительныя побѣды надъ ними и надъ союзникомъ Михаила: Ольгердомъ. Строптивое сопротивленіе князя рязанскаго Олега старшинству Дмитрія. Нападеніе татаръ на нижегородскую область. Призывъ Михаиломъ себѣ на помощь полковъ Мамая противъ Москвы. Походъ московскаго войска въ татарскую столицу бывшей Камской Булгаріи. Казань и полученіе съ казанцевъ дани. Гнѣвъ хана Мамая противъ московскаго вел. кн. за его дерзкое пренебреженіе ханской властью. Безпечность вождей русской рати въ нижегородской области и страшное пораженіе ихъ Арапшей на берегахъ рѣчки Пьяны, при помощи мордвы. Разореніе Нижняго и Рязани. Сраженіе съ татарами Дмитрія Іоанновича на рѣкѣ Вожѣ и его первая побѣда надъ ними въ 1378 г. Союзъ литовскаго вел. кн. Ягайло съ Мамаемъ, замыслившимъ предпринять противъ Москвы походъ, равный нашествію на русскую землю Батыя, для сокрушенія силы, проявленной московскимъ войскомъ въ битвѣ у рѣки Вожи 1

Картины: 1) Гибельная безпечность русскихъ воиновъ и Арапша. 2) Побѣда на рѣкѣ Вожѣ.

Глава II.

Ягайло и Витовтъ. Смерть Кейстута. Приготовленія Мамая къ мести великому князю Дмитрію Іоанновичу за Вожское пораженіе имъ татаръ. Рѣшимость Дмитрія дать отпоръ

Стран.

его нападенію вооруженной рукой. Собраніе подручныхъ ему князей въ Москвѣ. Посольство отъ татарскаго хана. Измѣна Олега рязанскаго. Отсутствіе въ Москвѣ митрополита послѣ смерти престарѣлаго Алексія. Кіевскій митрополитъ Кипріянъ. Несчастная поѣздка въ Царьградъ на посвященіе въ этотъ санъ духовника и любимца Дмитрія: архимандрита Михаила, прозваннаго Митяемъ. Поѣздка великаго князя въ Троицко-Сергіевскій монастырь съ семьей и многочисленною дружиной, чтобъ получить благословеніе на войну съ Мамаемъ отъ игумена его: Сергія. Торжественное богослуженіе тамъ. Святой подвижникъ игуменъ Сергій. Его радостное пророчество побѣды Дмитрію. Пересвѣтъ и Ослабя. Подъемъ народнаго духа вокругъ великаго князя московскаго и общая готовность поддержать Дмитрія въ его борьбѣ съ ненавистнымъ татарскимъ игомъ 26

Картины: 3) Погребеніе Кейстута. 4) Бѣгство Витовта изъ Кревскаго замка. 5) Образъ жизни игумена Сергія. 6) Пріѣздъ вел. князя Дмитрія Іоанновича въ Троицко-Сергіевскую Лавру. 7) Благословеніе игуменомъ Сергіемъ знамени вел. князя Московскаго. 8) Предсказаніе Преп. Сергія Вел. князю Дмитрію Іоанновичу и благословеніе его на ратный подвигъ.

Глава III.

Настроеніе и образъ жизни въ Сарайской ордѣ незадолго до Куликовской битвы. Русскій посолъ Захарій Тютчевъ въ ставкѣ Мамая. Его смѣлая рѣчь и оплеваніе ханской тамги на обратномъ пути въ Москву. Выступленіе великаго князя Дмитрія съ двоюроднымъ братомъ во главѣ войскъ ихъ, въ Коломнѣ. Наружность Дмитрія Іоанновича и блестящій видъ, собравшихся подъ его стягъ, многочисленныхъ стройныхъ полковъ, готовыхъ къ битвѣ. Переправа ихъ черезъ Оку по приказу великаго князя и смятеніе Олега рязанскаго. Благословеніе Дмитрія, грамотой отъ игумена Сергія перейти Донъ. Запозданіе Ягайло на помощь Мамаю. Расположеніе русскихъ войскъ на берегахъ рѣчки Непрявды. Предсказаніе воеводы Боброка въ ночь на 8-е сентября. Великій день Куликовской битвы. Поединокъ инока Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ Челибеемъ. Полки Владиміра Андреевича и Боброка рѣшаютъ побѣду Москвы надъ татарами, благодаря ихъ удачной засадѣ до конца боя. Бѣгство Мамая. Изнеможеніе Дмитрія и страхъ за его жизнь побѣдоноснаго войска, съ трудомъ розыскавшаго великаго князя на Куликовскомъ полѣ. Печальное зрѣлище на немъ множества раненыхъ и убитыхъ. Народное торжество при возвращеніи въ Москву побѣдителей. Дмитрій Донской и Владиміръ Храбрый. Обстоятельства, смягчающія вину русскихъ князей, не принявшихъ участіе въ Куликовской битвѣ и

Стран.

примиреніе великаго князя московскаго съ измѣнившимъ ему Олегомъ. Преступный подлогъ въ Царьградѣ подписи великаго князя и призваніе имъ въ Москву Кипріяна. Паденіе Мамая. Осада Москвы Тахтамышемъ. Храбрая ея оборона княземъ Остеемъ Ольгердовичемъ и малодушіе новаго митрополита. Вѣроломство сыновей князя нижегородскаго, находящихся въ плѣну у татаръ. Предательство ими, довѣрившихся ихъ рѣчамъ, москвичей и сдача Москвы Тахтамышу. Избіеніе русскихъ и грабежи восторжествовавшихъ татаръ. Спасеніе отъ нихъ русской земли Владиміромъ Андреевичемъ побѣдою въ Волоколамскѣ. Смерть князя Дмитрія Константиновича въ Нижнемъ Новгородѣ. Его преемникъ Борисъ Константиновичъ. Происки въ ордѣ князя Михаила тверского противъ московскаго великаго князя и посылка туда Дмитріемъ Іоанновичемъ своего сына Василія, задержаннаго татарами за крупный денежный долгъ, ими себѣ причтенный съ Дмитрія. Изгнаніе Кипріяна обратно въ Кіевъ, какъ недостойнаго занимать мѣсто московскаго митрополита и прощеніе великимъ княземъ Пимена, при помощи наглаго обмана, поставленнаго въ митрополиты царьградскимъ патріархомъ Вынужденное смиреніе Дмитрія передъ Тахтамышемъ и неудача козней противъ его первенства на Руси, князя тверского 45

Картины: 9) Захарій Тютчевъ передъ Мамаемъ. Его смѣлая рѣчь въ защиту своего достоинства, какъ посла великаго князя московскаго и чести Дмитрія Іоанновича. 10) Расправа Тютчева съ татарскими мурзами на обратномъ пути въ Москву. 11) Вел. княгиня Евдокія съ женою Владиміра Андреевича провожаютъ мужей на полѣ брани. 12) Предсказаніе воеводы Боброка Дмитрію объ исходѣ великой битвы съ татарами на Куликовомъ полѣ, въ ночь передъ ея началомъ. 13) Русское войско передъ началомъ битвы на Куликовомъ полѣ. 14) Поединокъ инока Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ Чилибеемъ. 15) Полки Боброка и Владиміра Андреевича въ засадѣ, передъ рѣшительной минутой въ концѣ Куликовской битвы. 16) Побѣдитель Дмитрій Донской, придя въ себя, по окончаніи боя, съ восторгомъ слышитъ о бѣгствѣ Мамая, отъ воиновъ, нашедшихъ его въ степи, потерявшимъ сознаніе, вслѣдствіе утомленія и ударовъ враговъ 17) Вел. князь Дмитрій на полѣ, выигранной имъ битвы. 18) Радостная встрѣча въ Москвѣ вел. князя Дмитрія съ его двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Храбрымъ. 19) Осада Москвы Тахтамышемъ. 20) Отважная защита москвичами своей столицы.

Глава IV.

Наказаніе великимъ княземъ Дмитріемъ Олега рязанскаго, разореніемъ его земли за вновь проявленное имъ двоедушіе. Удачная месть Олега Дмитрію. «Вѣчный миръ» между ними, закрѣпленный брачнымъ союзомъ, благодаря посредничеству игумена Сергія. Св. Прокопій Устюжскій и его пророчество. Стефанъ—просвѣтитель зырянскаго края.

Стран.

Смѣлая проповѣдь имъ Евангельскаго ученія. Уничтоженіе идоловъ въ глухихъ лѣсахъ пермскихъ. Тщетное покушеніе на его жизнь озлобленныхъ язычниковъ и торжество его дѣятельности надъ ихъ жрецами. Чудесная сила его молитвы и сокрушеніе «священной» березы. Посрамленный Стефаномъ кудесникъ Пама. Первое построеніе въ пермской землѣ христіанскихъ храмовъ. Крещеніе новообращенныхъ зырянъ въ рѣкахъ Выми и Вычегдѣ. Защита ихъ отъ вражды соплеменниковъ, упорствующихъ въ язычествѣ, великимъ княземъ московскимъ Дмитріемъ, поддержавшимъ труды Стефана на дальнемъ сѣверѣ съ глубокой ему признательностью. Рукоположеніе его митрополитомъ Пименомъ въ пермскіе епископы. Основаніе епископомъ Стефаномъ училища при впервые, построенной имъ на мѣстѣ срубленной «прокудливой» березы, церкви во имя Михаила Архангела. Предоставленіе великимъ княземъ всей Усть-Вымской области въ полное его владѣніе. Радостная встрѣча Стефана жителями Великаго Устюга при его возвращеніи изъ Москвы. Борьба русскаго духовенства съ народнымъ пьянствомъ, грубостью нравовъ и сквернословіемъ. Разбои новгородскихъ ушкуйниковъ. Походъ великаго князя на Новгородъ и смиренные мольбы новгородцевъ о ихъ помилованіи. Уплата ими Дмитрію 8.000 р. за грабежи ушкуйниковъ. Размолвка Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ и новая договорная грамота между ними. Основаніе игуменомъ Сергіемъ новыхъ монастырей: Киржаческаго и Симоновскаго—въ Москвѣ. «Ересь стригольниковъ». Епископъ и митрополитъ Діонисій. Благотворительныя пожертвованія русскихъ богатыхъ людей на обѣднѣвшую византійскую церковь. Замѣна кожанныхъ денегъ на Руси серебрянными. Изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльное оружіе въ русскомъ войскѣ. Качества Дмитрія Іоанновича, какъ человѣка и великаго князя. Его ранняя смерть въ сорокалѣтнемъ возрастѣ 71

Картины: 21) Молитва св. Прокопія пермского. 22) Торгъ русскихъ купцовъ съ зырянами. 23) Нападеніе зырянъ язычниковъ на Стефана у срубленной имъ священной березы. 24) Споръ языческаго мудреца Памы съ проповѣдующимъ христіанство Стефаномъ и его посрамленіе предъ народомъ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глава V.

Захватъ княземъ Скиргайло силой оружія города Полоцка и плѣненіе имъ Андрея Ольгердовича. Неудачная попытка князя смоленскаго—Святослава, отомстить Скиргайло за убитаго въ сраженіи подъ Полоцкомъ, сына и своего друга—Андрея. Его смерть и плѣнъ его брата Глѣба. Во-

княженіе въ Смоленскѣ Юрія Святославича, какъ данника Литвы. Бѣгство Василія Дмитріевича изъ татарскаго плѣна черезъ владѣнія Витовта и его обрученіе съ литовской княжной Софьей Витовтовной. Сопротивленіе въ Польшѣ королевы Ядвиги выдачѣ ея замужъ за литовскаго великаго князя Ягелло. Пріѣздъ Вильгельма австрійскаго. Его свиданіе съ Ядвигой въ Краковѣ. Насиліе польскихъ магнатовъ, при вмѣшательствѣ духовенства, въ увѣщаніе королевы, согласиться на бракъ съ Ягелло. Его наружность и нравъ. Бракосочетаніе съ нимъ Ядвиги. Обращеніе Литвы въ христіанство по католическому обряду и дарованіе литовскимъ вельможамъ правъ польскаго дворянства. Неудовольствіе нѣмецкаго Ордена. Столкновеніе православной русской гражданственности въ Литвѣ съ латинско-польскою. Убійство въ Венгріи королевы Елизаветы и бракъ сестры Ядвиги—Маріи съ маргрефомъ бранденбургскимъ. Возвращеніе Ядвигой Польшѣ—Галиціи и ея торжественный въѣздъ въ галицкую столицу. Удѣльные князья литовской земли. Обида и требованія Витовта. Его неудачная попытка овладѣть Вильною и возобновленіе союза съ Орденомъ. Осада Вильны. Отъѣздъ Софьи Витовтовны къ жениху въ Москву. Конрадъ Валерондъ. «Обычай почетнаго стола» и вторичный походъ въ Литву нѣмецкихъ рыцарей. Мирные переговоры Ягелло съ Витовтомъ. Витовтъ опять измѣняетъ Ордену, чтобъ стать Великимъ княземъ литовскимъ на правахъ государя, независимаго отъ Польши. Его борьба въ Литвѣ съ недовольными его возвышеніемъ братьями Ягелло. Убійство изъ мести Витовту, рыцарями, его заложниковъ въ Орденѣ: двухъ малолѣтнихъ сыновей и брата. Бракъ великаго князя московскаго: Василія Дмитріевича съ дочерью Витовта и его поѣздка въ орду на поклонъ къ Тахтамышу. Разореніе вятской земли татарскимъ царевичемъ Беркутомъ. Присоединеніе Василіемъ Дмитріевичемъ къ московскимъ владѣніямъ нижегородской области. Возмущеніе противъ главенства московской церкви и разбой новгородцевъ. Быстрое усмиреніе ихъ Василіемъ. Великій азіатскій завоеватель ханъ Тамерланъ,—Владыка Міра. Зависть его могуществу со стороны неблагодарнаго Тахтамыша. Двоекратная побѣда надъ нимъ несокрушимыхъ войскъ Тамерлана. Угроза нашествія ихъ на Русь во время преслѣдованія, бѣжавшаго Тахтамыша. Доблестная рѣшимость Василія отразить татаръ и перенесеніе изъ Владиміра въ московскій Успенскій соборъ чудотворной иконы Вышгородской Божьей Матери. Новый ханъ Сарайской орды Кирійчакъ Агленъ—ставленникъ Тамерлана. Окончательное покореніе Витовтомъ Литвѣ, Смоленска, въ отсутствіи Юрія Святославича. Дружба послѣдняго съ Олегомъ рязанскимъ

Стран.

и совмѣстное ихъ нападеніе на Литву. Лицемѣрно-добрыя отношенія осторожнаго великаго князя Василія съ сильнымъ тестемъ. Его бездѣятельность на помощь Олегу рязанскому, ставшему жертвой мести Витовта. Покровительство, оказанное Литвой Тахтамышу, бѣжавшему туда съ Волги. Выгоды и права, предоставленныя тамъ еврейскому насе-нію. Дневникъ графа Конрада Кибурга. Литовское войско и его одѣяніе. Наружность и нравы литовцевъ. Религіозный переворотъ въ Литвѣ: ея простонародіе и вельможи. Пышность Двора великаго князя литовскаго. Раздоръ между Польшею и Литвою изъ-за Подольскаго края. Новый союзъ Витовта съ тевтонскимъ Орденомъ, цѣною важныхъ земельныхъ уступокъ въ Жмуди и обѣщанія не противодѣйствовать рыцарямъ въ ихъ стремленіи подчинить Ордену Псковъ, при условіи ихъ взаимной помощи ему покорить Новгородъ. Смерть Ядвиги 93

Картины: 25) Королева Ядвига, сопротивляясь насильной выдачи ея замужъ за литовскаго вел. князя, польскими панами и католическимъ духовенствомъ, тщетно пытается сломить засовы дворцовыхъ воротъ и вырваться на свободу. 26) Уничтоженіе литовскихъ священныхъ рощъ съ идолами Перкуна, и крещеніе Ягелло въ Виліи своихъ языческихъ подданныхъ, по католическому обряду. 27) Торжественный въѣздъ въ столицу Галиціи—Львовъ, польской королевы Ядвиги. 28) Прусскій обычай почетнаго рыцарскаго стола передъ началомъ войны. 29) Сраженіе Тамерлана съ ханомъ Золотой Орды Тахтамышемъ. 30) Величіе Тамерлана—«владыки міра». 31) Встрѣча чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери москвичами. 32) Литовскіе воины. 33) Народный праздникъ въ Литвѣ—Іоанна купалы, послѣ крещенія литовцевъ. 34) Дворъ вел. князя Витовта въ Вильно, при посѣщеніи его графомъ Кибургомъ.

Глава VI.

Несправедливое требованіе Василіемъ Дмитріевичемъ и Витовтомъ разрыва новгородцами ихъ торговаго договора съ тевтонскимъ Орденомъ. Напрасная попытка Василія присоединить къ московскимъ владѣніямъ богатую Двинскую землю, отнявъ ее у Новгорода. Честолюбивые замыслы великаго князя Витовта: овладѣть ханствомъ Сарайскимъ, подъ видомъ покровительства Тахтамышу, чтобы господствовать на азіатскомъ востокѣ. Благоразумное воздержаніе отъ вмѣшательства, въ предпринимаемый имъ походъ, Василія. Союзъ сыновей умершаго городецкаго князя Бориса Константиновича: Симеона и Василія Кирдяпы, съ ханомъ камскихъ татаръ-Эйтякомъ, для нападенія на Нижній-Новгородъ. Быстрое усмиреніе ихъ и побѣдоносный походъ въ глубь Камской Булгаріи брата Василія: Юрія Дмитріевича. Заносчивое объявленіе войны Витовтомъ Сарайскому хану Темиръ-Кутлаю съ дерзкимъ отвѣтомъ на его мирныя предложенія. Кровопролитная, безпощадная битва на рѣкѣ, Ворсклѣ соб-

Стран.

раннихъ Витовтомъ, войскъ, съ татарами. Полное торжество хана Кутлая со старымъ мурзой Эдигеемъ и гибель многихъ западно-русскихъ князей. Дружеское сочувствіе князю Витовту въ жестокомъ его пораженіи и скорая смерть тверского князя Михаила Александровича. Его сынъ Іоаннъ и ханъ Шардибекъ:—преемникъ Кутлая. Кратковременное пребываніе князя Юрія Святославовича въ Смоленскѣ, возвращенномъ имъ себѣ при помощи Олега рязанскаго. Плѣненіе сына Олега Симеономъ Ольгердовичемъ и смерть престарѣлаго рязанскаго князя отъ огорченія. Осада Смоленска Витовтомъ. Непрочность господства въ немъ Юрія безъ поддержки Василія Дмитріевича, отказавшаго ему въ помощи. Отъѣздъ его въ Новгородъ и томительное скитаніе послѣ злодѣйскаго умерщвленія князя вяземскаго. Милостивое отношеніе Витовта къ Смоленску. Объявленіе имъ войны Новгороду и нападеніе на псковскія земли. Завистливая непріязнь къ псковичамъ новгородцевъ. Преслѣдованіе псковичами литовцевъ и осада Полоцка. Поддержка великимъ княземъ Василіемъ Пскова и Новгорода въ ихъ борьбѣ съ Литвою. Присылка ему на помощь своихъ полковъ ханомъ Шадибекомъ. Встрѣча боевыхъ силъ Витовта съ московскими на берегахъ Угры. Заключеніе мира между нимъ и Василіемъ. Набѣги тевтонскихъ рыцарей на новгородскія и псковскія земли. Побѣды псковичей надъ врагами и пріѣздъ въ Псковъ брата Василія: князя Константина Дмитріевича. Сильное пораженіе, нанесенное псковичамъ нѣмцами на Логозовицкомъ полѣ и миръ съ Ливоніей въ 1410 г. Укрѣпленіе связи между Литвой и Польшей. Возстаніе жмудиновъ противъ насильственнаго крещенія ихъ нѣмецкими рыцарями и поддержка его Витовтомъ, желавшимъ вернуть себѣ свой удѣлъ. Неудачное посредничество чешскаго короля Венцеля съ братомъ, между германскою и славянской народностями на западѣ. Знаменитая Грюнвальдская битва обоихъ рыцарскихъ Орденовъ съ поляками и литово-русскими войсками. Разгромъ нѣмецкаго войска и окончательный упадокъ послѣ того значенія рыцарей, утратившихъ самую цѣль своего существованія, а также постоянное подкрѣпленіе ихъ числа съ запада:—вслѣдствіе водворенія во всей Литвѣ Ягелломъ католической вѣры. Оплошность польскаго короля. Генрихъ-фонъ-Плауенъ. Своекорыстіе Витовта, вернувшаго себѣ Жмудь и ушедшаго первымъ изъ подъ стѣнъ тевтонской столицы, спасенной фонъ-Плауеномъ. Потеря, со Жмудью, земельной связи между двумя Орденами рыцарей. Прекращеніе Василіемъ Дмитріевичемъ платежа дани татарскимъ ханамъ. Нападеніе на Москву стараго Эдигея и защита ея Владиміромъ Храбрымъ съ братьями великаго князя, уѣхавшаго въ Коломну для сбора войска. Уклоненіе Ивана Ми-

Стран.
хапловича тверского отъ помощи Эдигею. Снятіе Эдигеемъ московской осады вслѣдствіе смутъ въ ордѣ. Благоразумное смиреніе Василія передъ новымъ ханомъ: сыномъ Тахтамыша. Свирѣпый образъ дѣйствій при захватѣ Владиміра на Клязьмѣ одного изъ потомковъ суздальскихъ князей: Даніила Борисовича. Встрѣча московскаго великаго князя въ ордѣ съ тверскимъ княземъ Іоанномъ и мирное соглашеніе между ними 125

Картины: 35) Грюнвальдская битва славянскихъ народовъ съ нѣмецкими рыцарями. 36) Вел. князь Василій Дмитріевичъ благодаритъ дядю своего Владиміра Храбраго за спасеніе Москвы отъ вторженія въ нее татаръ Эдигея.

Глава VII.

Городельская унія Польши съ Литвою въ 1413 г. Гербы и преимущества данныя ей, до сихъ поръ безправному литовскому дворянству, съ высшими польскими должностями, установленными теперь и въ Литвѣ, но исключительно для католиковъ. Крещеніе Жмуди Ягелло съ Витовтомъ. Ревностное попеченіе о церковномъ имуществѣ митрополита московскаго Фотія и общее неудовольствіе на его корыстолюбіе. Новыя хлопоты великаго князя Витовта передъ Царьградскимъ патріархомъ о назначеніи особаго митрополита въ Кіевъ. Оскудѣніе въ Византіи денежныхъ средствъ и боевыхъ силъ подъ гнетомъ завоевавшихъ ее османскихъ турокъ. Бракъ императора Іоанна Палеолога съ дочерью Василія Дмитріевича—Анной. Григорій Самвлахъ. Саккосъ Фотія. Буйные нравы въ Новгородѣ и Симеонъ: новгородскій архіепископъ. Отъѣздъ въ Новгородъ брата Василія: Константина, не пожелавшаго признать себя младше старшаго изъ своихъ племянниковъ, еще при жизни его отца. Стихійныя бѣдствія во всей русской землѣ и моровая язва. Заслуги Василія Дмитріевича за время его великокняженія. Бѣгство въ русскую землю значительной части вазантійскихъ художниковъ и ученыхъ передъ нашествіемъ османскихъ турокъ. Порабощеніе турками Сербіи и Болгаріи. Вліяніе греко-славянскихъ рукописей на церковную нашу письменность. Св. Кириллъ Бѣлоозерскій. Лаврентіевская лѣтопись. Московскіе иконописцы и знаменитый Андрей Рублевъ. Первыя на Руси часы съ боемъ. Воинскія игрушки: иначе рыцарскіе турниры, въ предѣлахъ Россіи. Судная грамота. Русскія деньги и календарь. Начало древне-русскихъ родовъ или фамилій. Могущество Витовта. Распространеніе гусситской проповѣди. Благодѣянія Чехіи германскаго императора Карла IV Люксенбургскаго. Пражскій университетъ. Господство нѣмцевъ въ Чехіи. Преемникъ импе-

Стран.

ратора Карла—Вацлавъ IV. Его раздоры съ чешскимъ дворянствомъ и Римской церковью. Сожженіе на кострѣ Іоанна Гуса. Возстаніе чеховъ противъ враждебнаго имъ Сигизмунда и побѣдоносная ихъ война съ нимъ. Поддержка чешскихъ отрядовъ Витовтомъ. Посѣщеніе бургундскимъ рыцаремъ Жильберомъ Леннуа—Новгорода и Пскова. Икона Хутынскаго монастыря. Кончина престарѣлой инокини Евфросиніи: матери великаго князя Василія Дмитріевича. . . . 148

Картины: 37) Буйство въ Новгородѣ, укрощенное архіепископомъ Симеономъ. 38) Архіепископъ Симеонъ на Волховскомъ мосту. 39) Сожженіе на кострѣ Гуса по приговору Констанскаго собора. 40) Народное ополченіе славянъ въ Чехіи гонитъ нѣмецкихъ рыцарей.

Глава VIII.

Отказъ князя Звенигородскаго—Юрія Дмитріевича, признать надъ собой старшинство племянника, послѣ смерти старшаго брата. Начало его военныхъ дѣйствій противъ малолѣтняго Василія Васильевича и увѣщаніе его митрополитомъ Фотіемъ въ Галичѣ мерянскомъ. Жертвы жестокой моровой язвы среди русскихъ князей. Нападеніе Витовта на Псковъ и Новгородъ. Удачная военная хитрость псковичей и уплата Витовту Новгородомъ 5.000 р. откупа за снятіе осады. Пышный съѣздъ, созванный въ Луцкѣ Витовтомъ, ради превозглашенія его королемъ литовскимъ стараніями императора германскаго Сигизмунда. Горячая рѣчь епископа Краковскаго противъ согласія польскихъ магнатовъ на королевскій вѣнецъ для литовскаго великаго князя. Новый съѣздъ съ той же цѣлью, назначенный Витовтомъ въ Вильно въ слѣдующемъ 1430 г. въ присутствіи короля Ягелло и того же епископа Збигнева Олесницкаго. Неудача его тайнаго уговора съ императоромъ Сигизмундомъ и безуспѣшный для его цѣлей исходъ второго съѣзда, такъ же какъ перваго. Болѣзнь и смерть Витовта вслѣдствіе огорченія. Маркграфство Бранденбургское въ сѣверной части Германіи; первый изъ Гогенцолерновъ и Берлинъ на мѣстѣ древняго славянскаго Бранибора. Происхожденіе австрійскаго государства и династіи Габсбурговъ въ бывшихъ владѣніяхъ юго-западныхъ славянъ на среднемъ Дунаѣ. Князь Свидригайло наслѣдникъ Витовта въ Литвѣ. Его вѣроломство на службѣ у московскаго великаго князя Василія Дмитріевича. Тюремное заключеніе въ Кременцѣ и освобожденіе благодаря князьямъ, не одобрявшимъ единодержавной власти Витовта и приверженности его къ католичеству. Дарованіе ему въ удѣлъ Витовтомъ, при посредствѣ императора Сигизмунда, Брянска и Новгородъ-Сѣверска. Разборъ въ Золотой ордѣ спора между московскимъ великимъ княземъ и дядей его Юріемъ Дми-

трієвичемъ. Ловкая лесть и успѣшные происки передъ ханомъ Махметомъ боярина Ивана Всеволожскаго. Торжество Василія. Смерть митрополита Фотія и епископъ рязанскій Іона. Неудовольствіе Ивана Всеволожскаго и бракъ великаго князя съ внучкой Владиміра Храбраго: Маріей Ярославной. Роковая исторія золотого драгоцѣннаго пояса, снятаго Софьей Витовтовной съ сына Юрія Дмитріевича Василія Косого, во время свадебнаго пиршества въ Москвѣ. Нападеніе на Москву Юрія Дмитріевича и Всеволожскій въ станѣ враговъ великаго князя Василія. Бѣгство послѣдняго въ Кострому. Плѣненіе его Юріемъ и скорое освобожденіе, благодаря ходатайству за него любимца Юрія, соперника Ивана Всеволожскаго, боярина Семена Морозова. Убійство его сыновьями Юрія. Съѣздъ московскихъ дворянъ и бояръ въ Коломну къ Василію и примиреніе съ нимъ, вынужденнаго покинуть опустѣвшую Москву, Юрія. Скорое возобновленіе имъ войны съ племянникомъ, продолжаемой, помимо отца, Василіемъ Косымъ и Дмитріемъ Шемякой. Сильное пораженіе войскъ Василія вражескими полками въ предѣлахъ ростовской области и вторичное водвореніе въ Москвѣ Юрія. Внезапная смерть его тамъ. Сверженіе со стола московскаго, старшаго его сына: Василія Косого, младшими братьями, примирившимися съ Василіемъ Васильевичемъ изъ за своей непріязни къ старшему брату. Упорная борьба Василія Косого съ московскимъ великимъ княземъ. Сраженіе между ними у села Скоротина. Вѣромство Василія Косого и находчивость великаго князя. Смѣлая выходка неустрашимыхъ бойцовъ: вятчанъ, подъ Ярославлемъ и плѣненіе ими великокняжескаго намѣстника тамъ: князя Брюхана. Жестокое ослѣпленіе за это Василіемъ, въ порывѣ сильнаго гнѣва, соперника, попавшаго въ плѣнъ во время выигранной имъ битвы. Возвращеніе ему затѣмъ свободы и удѣльныхъ его городовъ. Митрополитъ Герасимъ, избранный во время смуты междоусобной войны въ московскомъ княжествѣ, епископами Литвы. Литовскій великій князь Свидригайло—наслѣдникъ Витовта по желанію народа. Насильственный захватъ Польшей Подольской области у Литвы. Обманъ Свидригайло двоедушнымъ Ягелло и движеніе литовскихъ полковъ въ Подольскую землю подъ начальствомъ великаго князя Литвы, возмущеннаго вѣроломствомъ брата. Его сношеніе съ Сигизмундомъ германскимъ и союзъ съ нѣмецкими рыцарями. Открытая война между Польшею и Литвою. Заключеніе мира. Недальновидность и легкомысліе Свидригайло. Подготовленный ему Польшей соперникъ въ лицѣ Стародубскаго князя: Сигизмунда Кейстутовича. Присяга послѣдняго польской коронѣ съ уступкой Польшѣ Гродно, Луцка и Подольской земли. Его коронованіе въ Вильно.

Стран.

Вторженіе съ войскомъ въ Литву Свидригайло, едва успѣвшаго бѣжать въ Витебскъ изъ Вильно, гдѣ онъ былъ застигнутъ врасплохъ вооруженными силами Сигизмунда. Смерть стараго Ягелло. Окончательное пораженіе Сигизмундомъ войскъ Свидригайло въ Жмуди и его бѣгство въ Кіевъ. Прекращеніе имъ безуспѣшной борьбы съ соперникомъ и скитаніе внѣ предѣловъ литовскихъ владѣній. Возмущеніе противъ, предавшаго Литву Польшѣ, Сигизмунда Кейстутовича, литовско-русскихъ бояръ и гордыхъ потомковъ Ольгерда. Заговоръ ихъ и его убійство посредствомъ удавшейся хитрости, въ Трокахъ. Оплошное промедленіе въ Луцкѣ Свидригайло, призываемаго обратно на литовскій престолъ гонцами двухъ его воеводъ: Лелюша и Довгерда. Избраніе высшими сановниками Литвы въ Ольшанахъ своимъ великимъ княземъ младшаго сына Ягелло Казиміра. Его торжественное вѣнчаніе въ Вильно, какъ государя самостоятельной независимой отъ польскаго королевства, земли литовской 170

Картины: 41) Удачная военная хитрость псковитянъ. 42) Пышный съѣздъ созванный Витовтомъ въ Луцкѣ съ цѣлью добиться согласія Польши на вѣнчаніе его королемъ Литвы. 43) Оскорбленіе вел. княгиней Софьей Витовтовной кн. Василія Юрьевича Косого, на свадебномъ торжествѣ ея сына. 44) Вѣроломство Василія Косого при столкновеніе его рати съ великокняжескими полками и стойкость духа Василія Васильевича. 45) Захватъ вятчанами въ плѣнъ князя Брюхана въ Ярославлѣ. 46) Посолъ отъ Ягелло: Тарло, передающій въ Кременецъ распоряженіе короля воеводѣ. 47) Убійство Сигизмунда Кейстутовича въ Троцкомъ замкѣ. 48) Пробужденіе хмѣльныхъ польскихъ пановъ послѣ вѣнчанія въ государи Литвы Казиміра III.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава IX.

Запоздавшее желаніе великаго князя Василія II поставить митрополитомъ рязанскаго епископа Іону и дарованіе этого высокаго сана въ Царьградѣ греку Исидору. Стремленіе патріарха Іосифа и Іоанна Палеолога добиться посредствомъ уніи греческой церкви съ римской, помощи папы для защиты отъ нападенія турокъ обезсиленной Византіи, государями запада. Ревность въ этомъ дѣлѣ Исидора на Базельскомъ соборѣ. Отъѣздъ его изъ Москвы въ Фереару и явное предпочтеніе имъ католичества—православію. Требованіе отъ греческой церкви папы Евгенія IV. Соборъ во Флоренціи и расколъ среди греческаго духовенства. Подпись Исидора подъ папской буллою о совершившейся уніи и прочтеніе ея положеній, по приказу его, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Недоумѣніе народа, и гнѣвъ великаго князя, съ отказомъ выслушать дружественную грамоту къ

нему папы. Его споръ съ вѣроотступникомъ и заключеніе митрополита Исидора въ Чудовомъ монастырѣ. Обращеніе Василія къ Царьградскому патріарху съ упрекомъ и просьбою разрѣшить посвященіе въ московскіе митрополиты собору русскихъ епископовъ. Отозваніе великокняжескаго посольства обратно съ его пути въ Царьградъ. Дробленіе татарскаго царства на мелкія орды. Опасность на предпринятомъ пути въ Грецію, митрополита Пимена. Преобладающее вліяніе генуэзцевъ на Черномъ морѣ послѣ возстановленія Византійской Имперіи. Крымъ и Азовъ. Стремленіе крымскихъ мурзъ къ независимости отъ Сарайскихъ хановъ. Гостепріимное отношеніе татаръ къ путешествующему рыцарю Жильберъ Ленуа. Венеціанецъ Іосафатъ Барбаро въ Азовѣ. Образъ жизни татарскихъ воиновъ во время похода. Несмѣтныя орды хана Кучукъ-Махмета и сына Эдигея: Нуруса. Бѣгство Улу-Махмета. Его война съ великимъ княземъ московскимъ въ 1438 г. и пораженіе имъ войскъ Василія, вслѣдствіе измѣны литовскаго воеводы. Возобновленіе имъ Казани, разрушенной русскими и основаніе новаго Казанскаго ханства. Странная смерть князя Дмитрія Краснаго. Рожденіе у Василія II старшаго сына Іоанна въ 1440 г. Посягательство Литвы на присоединеніе къ ней Новгорода и Пскова. Непріязненное отношеніе другъ къ другу этихъ двухъ городовъ изъ за соперничества въ торговлѣ. Добровольное подчиненіе Москвѣ Пскова и склонность Новгорода къ призыву на княженіе у себя князей литовскихъ. Боярская Дума въ Новгородѣ рядомъ съ народнымъ вѣчемъ. Концы новгородскіе. Псковская область. Нападеніе шведовъ на псковитянъ и война новгородцевъ съ Ливонскимъ Орденомъ. Призваніе къ себѣ на великокняжескій столъ новгородскаго князя Юрія Лугвеньевича гражданами Смоленска въ отсутствіе литовскаго намѣстника тамъ: Іоанна Гаштольда. Рѣшительный образъ дѣйствій въ Смоленскѣ Юрія и его успѣшное сопротивленіе литовскому войску, осадившему городъ. Появленіе сына Ягайло, осадившаго Смоленскъ подъ его стѣнами и возвращеніе Юрія въ Новгородъ. Неудачное покушеніе Михаила Сигизмундовича на жизнь юнаго Казиміра. Примиреніе съ нимъ Юрія Лугвеньевича. Смерть польскаго короля Владислава III и настойчивое избраніе польскими панами королемъ своимъ Казиміра. Благоразумное воздержаніе великаго князя Василія отъ помощи Юрію для отвоеванія у Литвы Смоленска, подъ угрозою, со стороны Золотой орды въ лицѣ царевича ея Мустафы, ворвавшагося въ рязанскую землю. Битва съ нимъ въ зимнее время на берегахъ рѣчки Листани воеводы Василія: князя Оболенскаго. Появленіе въ русскомъ войскѣ казаковъ. Отчаянная отвага татаръ. Улу-Махметъ и нападеніе на русскую землю въ Суздальской

Стран.

области его сыновей. Малочисленность рати, застигнутаго ими врасплохъ великаго князя, не поддержаннаго большинствомъ подручныхъ ему князей. Пораженіе москвитянъ и плѣненіе татарами самого Василія, вмѣстѣ съ израненнымъ въ битвѣ Михаиломъ Верейскимъ. Предложеніе Улу-Махметомъ Дмитрію Шемякѣ занять опустѣвшій великокняжескій столъ съ Москвѣ. Ложный слухъ объ убіеніи Шемякой татарскаго посла и возвращеніе ханомъ свободы Василію съ Михаиломъ Верейскимъ. Землетрясеніе въ Москвѣ. Радостная встрѣча русскимъ народомъ своего великаго князя послѣ татарскаго плѣна. Заговоръ Шемяки съ княземъ можайскимъ и Борисомъ тверскимъ: лишить Василія московскаго престола. Ихъ нападеніе на него въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ. Молитва Василія у гроба Преп. Сергія и наложеніе на него оковъ боярами. Удачное бѣгство изъ монастыря малолѣтнихъ сыновей Василія къ боярамъ Ряполовскимъ. Ослѣпленіе Василія II Шемякой и ссылка его съ женою въ Угличъ. Новое, укоренившееся воззрѣніе московскихъ князей и бояръ на порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну и возмущеніе ихъ противъ захвата Москвы Шемякою. Его стараніе привлечь на свою сторону потомковъ нижегородскихъ князей возвращеніемъ имъ, присоединеннаго къ Москвѣ, Нижняго-Новгорода. Шемякинъ судъ. Посредство Митрополита Іоны въ упорномъ требованіи Дмитрія Шемяки, чтобы бояре Ряполовскіе вернули отцу сыновей Василія. Обманъ Шемяки, и настояніе митрополита, на исполненіи имъ своего обѣщанія, освободить Василія. Примиреніе между Шемякой и ослѣпленнымъ Василіемъ въ Угличѣ. Разрѣшеніе вел. князя московскаго игуменомъ Бѣлоозерскаго монастыря отъ его вынужденной клятвы Дмитрію: не вступать болѣе съ нимъ въ борьбу за Московскій престолъ. Бояринъ Плещеевъ, князья Ряполовскіе и др. сторонники Василія, помогаютъ ему вновь овладѣть Москвой. Поддержка его татарами и просьба Шемяки о заключеніи мира. Освобожденіе изъ заключенія въ Чухломѣ, матери великаго князя: Софіи Витовтовны. Мирный договоръ между Василіемъ и Шемякой съ Иваномъ можайскимъ, при посредствѣ Михаила Верейскаго и Василія Боровскаго. Упорное вѣроломство Шемяки. Духовный судъ надъ нимъ епископскаго собора. Враждебныя дѣйствія Шемяки противъ Москвы, вопреки приговору епископовъ и отравленіе его въ Новгородѣ. Удаленіе въ Литву его союзника: князя можайскаго и торжество московскаго единовластія. 197

Картины: 49) Татарская орда въ походѣ. 50) Странная смерть кн. Дмитрія Юрьевича Краснаго. 51) Битва московскихъ войскъ съ татарскимъ Царевичемъ Мустафой на берегу рѣчки Листани. 52) Плѣненіе вел. князя Василія Васильевича татарами. 53) Посылка татар-

скими царевичами матери Василія тѣлнаго креста «плѣненнаго ими» князя. 54) Вел. князь Василій Васильевичъ въ Троицко-Сергіевскомъ храмѣ, угрожаемый своими врагами, посланными изъ Москвы схватить его, Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякой. 55) Митрополитъ Іона подводитъ къ заточенному въ Угличѣ Василію Темному его дѣтей. 56) Примиреніе въ Угличѣ кн. Василія Темнаго, съ ослѣпившихъ его, Шемякой. 57) Обрученіе малолѣтняго князя Іоанна III съ тверскою княжной Маріей.

Глава X.

Обособленіе русской церкви отъ Византійской послѣ измѣны на Флорентійскомъ соборѣ патріарха Іосифа завѣтамъ древняго православія. Отступникъ Исидоръ—кардиналъ въ Римѣ, гдѣ продолжаетъ себя считать московскимъ митрополитомъ. Возведеніе Іоны въ митрополичій санъ соборомъ епископовъ сѣверовосточной Руси по приказанію великаго князя Василія Темнаго. Попытки Василія оправдать свой смѣлый поступокъ передъ византійскимъ Императоромъ Константиномъ: преемникомъ Іоанна Палеолога. Смерть Константина отъ раны во время боя съ турками, овладѣвшими византійской столицей и полное освобожденіе отъ вліянія Царьградскаго патріарха русской духовной власти. Оскудѣніе византійской церкви. Поддержка митрополитомъ Іоною великаго князя московскаго въ его стремленіи объединить всю русскую землю подъ сильной верховной властью Москвы. Безуспѣшная попытка Ливонскаго Ордена въ союзѣ съ Даніей, Швеціей и Норвегіей, отнять у Новгорода берега рѣки Наровы и нападеніе судовъ ихъ при устьи Невы на торговые корабли, шедшіе въ Ладогу. Побѣда двинянъ надъ шведами и перемиріе на 25 лѣтъ новгородцевъ съ рыцарями. Неудовольствіе противъ митрополита Іоны князей литовскихъ и постановленіе изъ Рима митрополитомъ кіевскимъ ученика Исидора: болгарина Григорія. Смерть Іоны отъ огорченія вслѣдствіе раздѣленія русской церкви. Его преемникъ Ѳеодосій Ростовскій. Литовскіе князья древняго Кіева. Обрученіе малолѣтняго сына Василія II—Іоанна, съ дочерью тверского князя Бориса Александровича: Маріей и помощь тверской артиллеріей, оказанная Василію при осадѣ имъ Углича. Признаніе рязанскимъ княземъ—Иваномъ Ѳедоровичемъ, Василія своимъ старшимъ братомъ и завѣщаніе имъ малолѣтняго сына на попеченіе московскаго великаго князя. Отдѣленіе отъ Золотой Орды и торговое процвѣтаніе Казанскаго царства въ предѣлахъ Древней Булгаріи, подъ властью свирѣпаго сына Улу-Махмета—Махметука: убившаго своихъ братьевъ. Царевичи и князья татарскіе на московской службѣ. Ихъ помощь Москвѣ противъ набѣговъ своихъ единоплеменниковъ. Царевичъ Касимъ. Неудачное нападеніе на Москву татарскаго царевича: Мазовши. Крым-

Стран.

ская орда и ханъ новаго крымскаго царства: потомокъ Тахтамыша, ставленникъ Казиміра IV—Ази-Гирей. Его счастливая война съ Седи-Ахметомъ и смерть послѣдняго подъ стражей въ Ковно. Притѣсненіе Ази-Гиреемъ генуэзцевъ на берегахъ Чернаго моря. Бахчисарай—столица Крыма, на мѣсто города того же имени. Заносчивое отношеніе Новгорода къ московскому могуществу и непокорность его власти великаго князя Василія II въ ревнивой преданности вольнолюбивыхъ новгородцевъ законодательному значенію своего вѣча. Объявленіе Новгороду войны великимъ княземъ. Взятіе богатой Старой Руссы княземъ Стрига-Оболенскимъ и воеводою Басенкомъ. Случайное ихъ столкновеніе во главѣ малаго отряда съ тяжелой новгородской конницей. Плѣненіе посадника Тучи и бѣгство новгородцевъ, завязнувшихъ въ снѣгу, между тѣмъ, какъ ихъ лошади подъ ними падали, сражаемые храбрыми и ловкими въ бою врагами. Мольба Новгорода о мирѣ черезъ посредство архіепископа Евѳимія. Заключеніе мирнаго договора на выгодныхъ для Москвы условіяхъ въ селеніи Яжелбицахъ. Господство Василія надъ землей рязанской и несправедливая обида имъ князя Боровскаго: внука Владиміра Храбраго. Уходъ въ Литву его сына къ князю Ивану можайскому. Равнодушіе короля Казиміра къ личнымъ дѣламъ русскихъ князей, бѣжавшихъ въ Литву. Возмущеніе Вятки противъ зависимости своей отъ московскаго великаго князя и усмиреніе ее ратными его силами. Князья: Черторыйскій и Стрига-Оболенскій,—намѣстники Пскова. Старшій сынъ и наслѣдникъ Василія Темнаго: Іоаннъ. Уклоненіе великаго князя Василія II отъ платежа дани татарскимъ ханамъ. Болѣзнь и смерть его. Духовное завѣщаніе Василія. Основаніе Соловецкаго монастыря. Подвижники: Германъ, Зосима и Савватій. Преемники епископа Стефана въ Перми: Исаакій и Питиримъ. Убіеніе Питирима языческимъ княземъ вогуличей на берегу рѣки Вычегды. Смерть стараго князя Свидригайла въ Луцкѣ. Споръ между Литвой и Польшей за землю Волынскую и Подольскую. Преобладающее вліяніе на короля и всѣ дѣла въ Польшѣ епископа Краковскаго: Збигнѣва Олесницкаго. Петроковскій сеймъ въ 1453 г. Двѣ избы въ этомъ сеймѣ, иначе двѣ палаты: верхняя и нижняя. Взятіе Царьграда османскими турками. Его значеніе въ глазахъ русскихъ людей. Соборъ Св. Софіи становится магометанской мечетью. Паденіе нравовъ грековъ и превосходство надъ ними духа ихъ побѣдителей. Равнодушіе западноевропейскихъ странъ къ бѣдствію Византіи. Союзъ Ящерицы изъ рыцарей мірянъ и нѣмецкихъ гражданъ противъ воинствующихъ монаховъ рыцарскихъ Орденовъ. Война съ ними Польши. Казацкая община на Днѣпрѣ. Сурожане и сукон-

Стран.

ники. Русскія деньги. Причина упадка значенія и могущества боярскихъ родовъ. Укрѣпленіе единовластія на Руси въ Москвѣ и рѣшающее вліяніе его на исходъ борьбы великаго князя съ татарскимъ игомъ. Живое участіе въ ней и заслуга передъ отечествомъ русскаго православнаго духовенства. Благое, связующее русскій народъ, вліяніе православной вѣры, защищенной въ Москвѣ Василіемъ отъ Римской ереси. Состояніе военнаго дѣла и процвѣтаніе разныхъ родовъ мастерства на Руси въ половинѣ XV-го столѣтія. Образъ жизни богатыхъ бояръ. Степень научнаго просвѣщенія на Руси со времени господства надъ нею татарскихъ хановъ. Умильныя повѣсти. Житіе святыхъ и описаніе путешествій русскихъ людей. Живопись на страницахъ рукописей. 229

Картины: 58) Кайсакъ или казакъ. 59) Столкновеніе небольшого отряда побѣдоноснаго московскаго войска, подъ начальствомъ воеводы князя Оболенскаго и Басенка, съ тяжелою Новгородскою конницей. 60) Основаніе Соловецкой обители на берегу Бѣлаго моря. 61) Убіеніе въ пермской землѣ язычниками епископа Питирима.

Глава XI.

Рожденіе Іоанна III. Колебаніе Новгорода между зависимостью отъ Москвы, или отъ польско-литовскаго короля Казиміра. Семья новгородскихъ бояръ Борецкихъ. Стремленіе Іоанна III къ единодержавной власти надъ всей русской землей. Присоединеніе имъ къ Москвѣ ярославской области и полное подчиненіе своей волѣ князя рязанскаго. Милостивое снисхожденіе его къ своеволію Пскова и помощь оказанная псковитянамъ московскимъ войскомъ противъ нѣмецкихъ рыцарей. Независимое отношеніе вел. кн. Іоанна III къ Золотой ордѣ и нежеланіе его платить дань ея хану. Стихійныя бѣдствія и чумная зараза. Смерть первой супруги Іоанна: княжны тверской—Маріи. Суевѣрный страхъ и уныніе въ русскомъ народѣ. Новый митрополитъ: Филиппъ суздальскій. Война Москвы съ казанскимъ царемъ—Ибрагимомъ въ союзѣ съ дружественнымъ Москвѣ татарскимъ царевичемъ—Касимомъ. Неудача первой попытки нападенія на Казань московскихъ воеводъ. Побѣда надъ шайками татарскихъ грабителей близъ Костромы и Мурома. Походъ изъ вятскаго города Котельнича, соединенныхъ московскихъ полковъ къ берегамъ Камы и возвращеніе ихъ оттуда въ Москву съ богатой добычей. Попытка казанскихъ татаръ овладѣть Вяткой. Соединеніе московскихъ боевыхъ силъ по приказу Іоанна III въ Нижнемъ Новгородѣ подъ главнымъ начальствомъ князя Беззубцова для вторичной войны съ казанскимъ царствомъ въ 1469 г. Задержка этого

Стран-

похода смертью царевича Касима и обѣщаніе Россіи дружбы царя Ибрагима его родной матерью. Самовольное нападеніе отдѣльныхъ русскихъ дружинъ на Казань во главѣ съ нѣкимъ Іоанномъ Руна. Возвращеніе русской рати въ Нижній. Славная побѣда князя Даніила ярославскаго на рѣкѣ Волгѣ надъ многочисленной конницей и судовой ратью казанскаго хана, благодаря, безпримѣрной отвагѣ московскихъ воиновъ. Награжденіе ихъ Іоанномъ и третій походъ войскъ, имъ посланныхъ противъ Ибрагима, подъ начальствомъ братьевъ своихъ: Юрія и Андрея. Осада Казани и мирный договоръ съ Ибрагимомъ, взявшаго надъ нимъ верхъ, Іоанна, на условіи выполненія всѣхъ его требованій. Увѣщаніе Іоанномъ Новгорода, черезъ посредство своихъ пословъ и митрополита: не вступать въ союзъ противъ Москвы съ Литвою. Пагубное вліяніе на новгородскихъ гражданъ Марѳы Борецкой. Оскорбленіе ею старца Зосимы. Раскаяніе передъ нимъ въ своей винѣ и пророческое видѣніе ему у нея въ домѣ во время трапезы. Объявленіе Новгороду войны вел. кн. Іоанномъ III въ союзѣ съ Тверью. Полное пораженіе новгородскихъ войскъ на рѣкѣ Шелони. Бѣгство вождя ихъ князя Василія Шуйскаго-Гребенки и покореніе Москвою Двинской земли съ Вологдой и Заволочьемъ. Челобитье Іоанну о мирѣ отъ имени всего Новгорода, архіепископа его Ѳеофила. Дарованіе мира Новгороду Іоанномъ въ 1471 г. на условіи разрыва всякихъ дружелюбныхъ сношеній съ Литвою и признанія надъ собой духовнаго главенства московскаго митрополита. Побѣдоносное возвращеніе вел. кн. въ свою столицу при торжественной, радостной встрѣчѣ его народомъ; высшими духовными лицами и семьею. Присоединеніе Перми къ московскому великокняженію. Окончательное завоеваніе Византіи османскими турками. Отъѣздъ одного изъ младшихъ братьевъ послѣдняго византійскаго императора Константина Палеолога—Ѳомы въ Римъ, къ папѣ Пію II и покорность другого—Дмитрія, султану Магомету. Его дочь—Зоя и опекунъ ея послѣ смерти Ѳомы: кардиналъ Виссаріонъ. Его стараніе воспитать византійскую царевну съ братьями ея въ духѣ католической вѣры. Ихъ рѣшеніе съ новымъ папой: Павломъ II, просватать Зою за московскаго вел. князя, въ тайной надеждѣ его склонить, черезъ жену, къ принятію католичества и къ уніи Москвы съ Римомъ. Венеціанецъ Иванъ Фрязинъ при московскомъ дворѣ-посредникъ въ свадебныхъ переговорахъ кардинала Виссаріона съ Іоанномъ III. Смерть Виссаріона на обратномъ пути изъ Франціи и папа Сикстъ IV преемникъ Павла II. Посольство Іоанна въ Римъ и отъѣздъ къ жениху греческой царевны Зои—иначе Софіи Палеологъ, въ сопровожденіи иноземныхъ слугъ ея и католическаго епископа. Почетная

встрѣча и пышныя празднества во время ея пути изъ Ревеля до Москвы. Псковскія суда на Чудскомъ озерѣ и богатые дары Софіи псковскихъ бояръ. Православное благочестіе въ Псковѣ будущей вел. княгини. Запрещеніе Іоанномъ III по требованію митрополита Филиппа внесенія на глазахъ народа латинскаго кряжа въ Москву при торжественномъ въѣздѣ его невѣсты. Неудачное богословское преніе епископа Антонія съ митрополитомъ Филиппомъ и поспѣшный отъѣздъ его изъ Москвы въ досадѣ на свое посрамленіе. Возрожденіе искусства и наукъ въ Европѣ византійскими выходцами и бѣглецами отъ ярма турокъ. Соединеніе символовъ русскаго герба съ византійскимъ. Венеціанскій посолъ въ орду—Тверизано и уличеніе Ивана Фрязина въ нелѣпомъ обманѣ вел. кн. Посольство племянника его Антона къ венеціанскому дожу Троно. Тайное побужденіе Казиміромъ IV татарскаго хана Ахмета къ войнѣ съ Іоанномъ III. Нападеніе Ахмета на побережье Оки и блестящая побѣда русскихъ полковъ надъ татарами. Присвоеніе себѣ Іоанномъ III городовъ, земель умершаго безъ завѣщанія брата Юрія. Первый посолъ чисто-русскаго происхожденія. Толбузинъ съ порученіемъ найти въ Италіи для Россіи искуснаго мастера строить церкви. Обновленіе въ Москвѣ храма Успенія Пр. Богородицы итальянскимъ зодчимъ и литейщиковъ Аристотелемъ Фіораванти. Удивленіе русскихъ передъ его искусствомъ. Новый московскій митрополитъ Геронтій. Крымскій ханъ Менгли-Гирей и союзъ съ нимъ Іоанна III. Мѣстечко Манкупъ. Сверженіе Менгли-Гирея съ престола братомъ его. Появленія въ Черномъ морѣ турецкаго флота и взятіе турками генуэзской Кафы. Возвращеніе Менгли-Гирею ханства его султаномъ Магометомъ. Вторичное изгнаніе его изъ Крыма ханомъ Золотой Орды Ахметомъ. Новый крымскій ханъ Занибекъ, не довѣряя прочности своего воцаренія въ Крыму, ищетъ дружбы вел. кн. московскаго. Встрѣча венеціанскимъ посломъ Кантарини въ персидскомъ городѣ Экбатанѣ посла Іоанна III: Марка-Руфа, возвращавшагося отъ сильнаго царя Персіи: Узунъ-Гасана послѣ переговоровъ съ нимъ о совмѣстной угрозѣ хану Ахмету. Обратное путешествіе Кантарини черезъ Москву съ посломъ персидскимъ въ Россію и Марко-Руфо. Ласковый пріемъ при дворѣ Іоанна иноземнаго гостя. 256

Картина: 62) Съѣздъ могучаго воинства при сліяніи Оки съ Волгою. 63) Старецъ Зосима въ домѣ Марѳы Борецкой. 64) Почетная встрѣча псковитянами молодой царевны Софіи Палеологъ: невѣсты вел. князя, при устьи Эмбаха. 65) Торжественный въѣздъ Софіи Палеологъ въ Москву. 66) Царица при богослуженіи въ теремной церкви.

Стран.

Глава XII.

Продолженіе безпорядковъ и распрей въ Новгородѣ. Торжественный въѣздъ туда Іоанна III для защиты обиженныхъ сторонниковъ Москвы и почетная, раболѣпная встрѣча его властями Новгорода съ поднесеніемъ дорогихъ подарковъ. Великокняжескій судъ въ Городище. Строгія наказанія обвиненныхъ и заключенныхъ подъ стражу приверженцевъ Литвы по приказу московскаго великаго князя. Страхъ и смиреніе новгородцевъ передъ его могуществомъ. Повелѣніе Пскову. Удовлетвореніе новгородскихъ гражданъ московскимъ правосудіемъ и принесеніе жалобъ обиженными изъ Новгорода въ Москву ко двору Іоанна. Вынужденныя поѣздки туда же отвѣтчиковъ по призыву великаго князя. Челобитная владыки Ѳеофила. Умерщвленіе въ Новгородѣ бояръ, искавшихъ суда московскаго, приверженцами Литвы и отказъ новгородцевъ величать Іоанна III своимъ государемъ. Объявленіе войны Новгороду Іоанномъ и вторичный походъ его въ новгородскую землю. Быстрое обложеніе Новгорода, благодаря раннимъ морозамъ и подкрѣпленію войскъ Іоанна Псковскою ратью. Напрасные переговоры, безсильныхъ защитить свою независимость, новгородцевъ, съ московскимъ великимъ княземъ, расположившимся станомъ за три версты отъ Новгорода. Заявленіе Іоанну новгородскаго архіепископа о вынужденномъ согласіи Новгорода на всѣ условія побѣдителя. Уничтоженіе Іоанномъ III новгородскаго вѣча и водвореніе въ Великомъ Новгородѣ намѣстника изъ Москвы. Отказъ Іоанна дать крестное цѣлованіе при заключеніи съ нимъ мирнаго договора и приведеніе къ присягѣ себѣ новгородскихъ гражданъ. Ихъ отчаяніе и безсильное негодованіе. Взятіе москвичами подъ стражу Марѳы Борецкой съ ея сыновьями и торжественный перевозъ въ Москву вѣчевого колокола. Пагубная изнѣженность, разбогатѣвшаго отъ торговли Новгорода и упадокъ въ немъ воинской доблести. Возобновленіе имъ тайныхъ переговоровъ съ литовскимъ королемъ Казиміромъ IV. Третій походъ и осада Новгорода Іоанномъ при угрозѣ, направленныхъ Аристотелемъ въ его стѣны, пушекъ. Окончательное усмиреніе строптивыхъ новгородцевъ въ 1478 г. Въѣздъ Іоанна, какъ государя въ ихъ городскія ворота, открытыя ему, волей неволей, гражданами и заточеніе архіепископа Ѳеоѳила въ Чудовъ монастырь за поддержку имъ сношеній Новгорода съ Литвою. Относительная свобода, покорнаго волѣ Іоанна, Пскова. Слишкомъ позднее для спасенія новгородцевъ возстановленіе Казиміромъ золотоордынскаго хана Ахмета противъ московскаго великаго князя и тѣсный союзъ Іоанна съ его врагомъ: Менгли-Гиреемъ. Важное значеніе брака

Іоанна Васильевича съ византійской царевной Софіей Палеологъ. Ея два брата: Андрей и Мануилъ. Рѣшающее вліяніе великой княгини Софіи въ борьбѣ мужа съ постыднымъ татарскимъ игомъ. Унизительные обряды при выраженіяхъ покорности русскими татарскимъ ханамъ. Судьба татарскаго подворья въ Кремлѣ. Открытое поруганіе Іоанномъ III ханскаго изображенія во время пріема имъ татарскихъ пословъ и умерщвленіе ихъ всѣхъ, кромѣ одного, ради освѣдомленія Ахмета объ отношеніи къ его власти московскаго великаго князя. Распря Іоанна III съ братьями Борисомъ и Андреемъ Старшимъ, изъ за уничтоженія имъ древнихъ установленій и правъ удѣльной Руси. Вооруженное столкновеніе князя Іоанна Молодого съ ордой Ахмета на берегахъ Угры и смѣлый его отказъ покинуть войско, чтобы вернуться въ Москву по приказанію отца. Выѣздъ Іоанна III изъ Москвы и остановка его въ двухъ верстахъ отъ Угры. Примиреніе съ нимъ, негодовавшихъ на него братьевъ и отступленіе Ахмета за порубежную черту литовской земли въ напрасномъ ожиданіи себѣ помощи отъ Казиміра. Неудовольствіе высшаго московскаго духовенства на смущавшій русскій народъ недостатокъ воинственной предпріимчивости противъ Ахмета со стороны Іоанна. Дерзкое требованіе отъ него татарскимъ ханомъ личной, униженной мольбы о прощеніи. Миролюбивые совѣты Іоанну малодушныхъ бояръ и укоризненное, побуждающее, его на брань, посланіе къ нему въ станъ, архіепископа Вассіана. Гордый отказъ Іоанна, не только что самому явиться въ шатеръ къ Ахмету, но къ нему послать для мирныхъ переговоровъ, хотя бы простого боярина. Уходъ Ахмета обратно къ себѣ въ орду послѣ вѣсти о нападеніи Менгли-Гирея на Казиміра и, такимъ образомъ, почти безкровная побѣда надъ нимъ Іоанна III. Грабежъ Ахмета въ литовскихъ владѣніяхъ и убіеніе его, обремененнаго цѣнной добычей, во время отдыха при устьѣ Донца, ханомъ тюменскихъ татаръ Иваномъ. Благодарность ему московскаго великаго князя за это убійство. Окончательное разореніе Золотой орды Менгли-Гиреемъ. Нападеніе на Псковъ Ливонскаго Ордена во время войны Іоанна съ Ахметомъ и успѣшное отраженіе псковитянами ливонскихъ рыцарей. Посылка Іоанномъ въ Псковъ большого войска для наказанія нѣмцевъ и опустошеніе всей Ливоніи московскими воеводами до наступленія весенней распутицы. Миръ съ ними въ Нарвѣ на 20 лѣтъ. Намѣстники Іоанна III въ Псковѣ. Отношеніе къ Іоанну III литовскаго короля Казиміра IV; захватъ и ограбленіе Кіева Менгли-Гиреемъ. Союзъ Іоанна съ венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвинымъ. Война Менгли-Гирея съ сыновьями хана Ахмета, вопреки запрещенію ему нападать на нихъ

Стран.

турецкаго султана. Завоеваніе Іоанномъ Югры и Юмша—князь вогульскій. Епископъ пермскій Ѳилоѳей. Бракъ Іоанна Молодого съ дочерью молдавскаго господаря: Еленой. Крутой нравъ великаго князя Іоанна Васильевича. Несчастная судьба нѣмецкаго лекаря Антона вслѣдствіе неудавшагося ему леченія татарскаго царевича Каракуча. Гнѣвъ великаго князя противъ Василія Михайловича Верейскаго и его жены. Смерть старика отца его въ вынужденной разлукѣ съ опальнымъ сыномъ. Кончина матери Іоанна—иноки Марѳы. Безуспѣшная борьба съ Іоанномъ III за независимость тверской области Михаила Борисовича и его попытка вступить въ союзъ съ Казиміромъ IV противъ сильной Москвы. Осада Твери Іоанномъ и бѣгство Михаила въ Литву. Добровольная покорность Москвѣ рязанскихъ князей и завѣщаніе однимъ изъ нихъ своихъ земель Іоанну III. Смерть Андрея Меньшого, брата Іоанна и взятіе великимъ княземъ подъ стражу Андрея Старшаго за безпокойный нравъ его. Благоразумное смиреніе передъ старшимъ братомъ Бориса Волоколамскаго. Споръ между собой сыновей казанскаго хана Ибрагима отъ разныхъ матерей, за престолъ въ Казани. Торжество, непріязненнаго Руси, Алегама и поддержка Іоанномъ Магомета-Аминя. Плѣненіе Алегама княземъ Даніиломъ Холмскимъ и захватъ имъ Казани во главѣ московскаго войска. Ссылка плѣнника въ Вологду. Іоаннъ III—верховный государь Камской Булгаріи, гдѣ царемъ имъ посаженъ Магметъ-Аминь. Путь въ Тавриду черезъ Азовъ. Братья Менгли-Гирея, его соперники, въ плѣну у Іоанна. Наказаніе войсками московскаго великаго князя, возставшаго противъ его власти, города Хлынова, иначе Вятки и вятскихъ ушкуйниковъ. Окончательное покореніе имъ всей вятской земли и Арской области древней Булгаріи. Кончина Іоанна Молодого и казнь врача-еврея Леона, поручившагося своей головой за выздоровленіе князя. 287

Картины: 67) Въѣздъ Іоанна III въ Новгородъ и радостная встрѣча его новгородцами. 68) Осада непокорнаго Новгорода Іоанномъ III. 69) Униженная мольба московскаго вел. князя о мирѣ,—архіепископомъ Ѳеофиломъ отъ лица новгородскихъ гражданъ, уже безсильныхъ сохранить свою независимость. 70) Взятіе Іоанномъ III подъ стражу Марѳы Борецкой съ сыномъ и внукомъ. 71) Уничтоженіе Новгородскаго вѣча. 72) Вел. князь московскій Іоаннъ III и послы Ахмета. 73) Нагайскій ханъ Ивакъ убиваетъ соннаго хана Ахмета въ его шатрѣ среди, награбленныхъ имъ въ Литвѣ, сокровищъ. 74) Врачъ Антонъ Гриштейнъ у ложа больного татарскаго царевича: Каракуча. 75) Бояре объявляютъ гнѣвъ вел. князя брату его Андрею Старшему.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глава XIII.

Ложное представленіе о русской землѣ въ Зап. Европѣ, послѣ полнаго прекращенія всякихъ сношеній съ нею со времени нашествія Батыя. Любопытство, вобужденное въ Германіи появленіемъ русскаго посольства въ Римѣ, при сватовствѣ вел. князя Іоанна III съ Софіей Палеологъ и попытки императорскаго дома Габсбурговъ узнать поближе сильное русское государство, незамѣтно окрѣпшее вокругъ Москвы, въ новыхъ условіяхъ внѣшняго строя и народнаго быта. Рыцарь Николай Поппель и гордое отношеніе къ нему Іоанна III, несмотря на его значеніе, какъ посла германскаго императора Фридриха. Желаніе московскаго вел. князя выдать свою старшую дочь Елену за австрійскаго короля Максимиліана. Русскій посолъ въ Германіи Юрій Траханіотъ и высокій почетъ, оказанный ему императоромъ Фридрихомъ. Стремленіе Максимиліана наслѣдовать послѣ смерти Матвѣя Корвинавенгерскій престолъ,—соединяющее его съ Іоанномъ III въ ихъ общей враждѣ къ польскому королю Казиміру IV: съ его стороны изъ за избранія венгерскими панами себѣ въ короли, сына его—Владислава; тогда какъ Іоаннъ добивался возвращенія подъ свою власть древне-русскихъ городовъ южной Руси. Посолъ отъ короля Максимиліана къ Іоанну III: Делаторъ и первый союзный договоръ русскаго государства съ Австріей. Дары Делатора московскому вел. князу и вел. княгинѣ Софіи. Прекращеніе сватовства Максимиліана съ Еленой — женитьба его на принцессѣ британской въ 1493 г., послѣ примиренія съ Владиславомъ, цѣною уплаченныхъ ему ста тысячъ червонцевъ и обѣщанія со стороны Владислава назначить его своимъ наслѣдникомъ. Война Максимиліана съ Франціей и разрывъ тѣсныхъ сношеній съ Москвою. Забота Іоанна о привлеченіи изъ Германіи въ Россію горныхъ мастеровъ, чеканщиковъ, каменьщиковъ и пушкарей. Находка серебряной и мѣдныхъ рудъ въ трехъ верстахъ отъ Печоры. Появленіе русской монеты съ изображеніемъ на ней всадника, державшаго въ рукѣ мечъ. Недопущеніе Іоанномъ на дальній сѣверъ и востокъ Руси, посланнаго отъ короля Максимиліана, Михаила Снупса. Постройка въ Москвѣ Грановитой палаты на Княжьемъ Дворѣ для пріема чужеземныхъ пословъ. Замѣна дубовыхъ стѣнъ Кремля каменными, итальянцемъ Соляри. Перестройка Кремля и Архангельскаго собора итальянскимъ художникомъ Алевизомъ и архитектурный стиль Возрожденія, на Руси, въ смѣшеніи съ византійско-русскимъ. Русскіе иконописцы. Развитіе на Руси искусства чеканки металловъ. Царь-Пушка—

произведеніе Дебосиса. Султанъ Абуссидъ,—правнукъ завоевателя Тамерлана и персидскій царь Гассанъ. Гусейнъ мирза и его сыновья. Послѣдній султанъ Тамерланова рода. Упадокъ Золотой орды. Иверія или Грузія. Тѣсный союзъ Іоанна III съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ противъ Литвы и Польши. Склонность его къ дружбѣ съ Турціей, ради торговыхъ выгодъ и государственныхъ соображеній, соединенная съ расположеніемъ къ нему султана Баязета. Датскій король ищетъ союза съ Россіей. Страхъ передъ могуществомъ и умомъ московскаго государя, короля польскаго. Переходъ въ московское подданство русско-литовскихъ князей. Воздержаніе Іоанна III отъ явно-враждебныхъ дѣйствій противъ Литвы и Польши, до смерти Казиміра IV. Сватовство наслѣдника великокняжескаго стола въ Литвѣ—Александра, за старшую дочь Іоанна Елену, ради сохраненія мира съ нимъ. Покушеніе на жизнь московскаго вел. князя, подготовленное Казиміромъ и наказаніе за то Литвы на ея рубежѣ съ русскими землями. Осторожное прекращеніе Іоанномъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій въ Литвѣ и благоразумное принятіе имъ, предлагаемыхъ Александромъ условій мира. Обрученіе Елены Іоанновны съ королемъ литовскимъ и отъѣздъ ея къ жениху въ Вильно. Ихъ свадьба тамъ съ двумя обрядами богослуженія—католическимъ и православнымъ. Неудовольствіе католическаго духовенства на вѣрность православію вел. княгини литовской. Упреки хана Менгли-Гирея Іоанну за его миръ съ Литвой. Настоятельное требованіе и споръ Іоанна Васильевича съ зятемъ, относящіеся къ обѣщанной Александромъ постройкѣ для жены въ Вильно, православнаго храма, чего онъ не могъ исполнить противъ желанія литовскихъ вельможъ и священниковъ. Преданность Елены Іоанновны мужу и новому своему отечеству. Постройка Іоанномъ III крѣпости Ивангорода. Гнѣвъ московскаго государя противъ гражданъ города Ревеля за ихъ обиды русскимъ купцамъ и полное уничтоженіе имъ Ганзейской торговли въ Новгородѣ. Безуспѣшная осада русскими Выборга. Кнутъ Поссе и «Выборскій трескъ». Война со шведами. Взятіе и разрушеніе части Ивангорода шведскимъ военно-начальникомъ Стуромъ. Прекращеніе этой войны со вступленіемъ датскаго короля на шведскій престолъ. Сверженіе казанцами своего хана Магметъ-Аминя и ходатайство ихъ передъ Іоанномъ объ утвержденіи царемъ ихъ, брата его Абдулъ-Летифа. Бояринъ Плещеевъ при дворѣ султана Баязета II. Преувеличенная его заносчивость и невѣжество съ цѣлью поддержать царское достоинство Іоанна III. Доброе расположеніе Баязета къ Іоанну, несмотря на грубость его посла. Сыновья Іоанна III отъ Софіи Палеологъ и внукъ его—Дмитрій. Вопросъ о

Стран.

престолонаслѣдіи. Разоблаченные происки вел. княгини Софіи и ея приверженцевъ. Гнѣвъ Іоанна противъ жены и старшаго сына. Торжественное вѣнчаніе на царство Димитрія, какъ наслѣдника великокняженія московскаго. Непрочность его возвышенія и возвратъ милостей хитрой Софіи съ желаннымъ первенцомъ сыномъ отъ нея—Василіемъ. Казнь боярина Ряполовскаго и принудительное постриженіе въ монашество князей Патрикѣевыхъ. Измѣненіе отношеній великаго князя къ своимъ приближеннымъ. Грозная внѣшность Іоанна III. Превозглашеніе Василія, сначала княземъ псковскимъ и новгородскимъ, къ большому недоумѣнію Новгорода и Пскова; а вскорѣ послѣ вел. княземъ всея Руси. Смерть Елены Молдавской, вдовы Іоанна Молодого, въ темницѣ, по обвиненію ея въ сочувствіи «Жидовской ереси». 316

Картина: 76) Гнѣвъ Іоанна III противъ ливонскихъ нѣмцевъ.

Глава XIV.

Еврей Схарій и начало ереси жидовствующихъ въ Новгородѣ. Тайная проповѣдь ея въ народѣ священниками Діонисіемъ и Алексіемъ, переведенными Іоанномъ III за свой умъ и ученость въ Москву со званіемъ протопоповъ. Покровительство, оказываемое ими своимъ единомышленникамъ среди духовныхъ лицъ и соблазнъ мірянъ ихъ ласковыми рѣчами съ поощреніемъ людскихъ пороковъ. Вліятельные еретики при дворѣ Іоанна Васильевича: архимандритъ Зосима и дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. Іудейская кабала и св. подвижникъ Іосифъ Волоколамскій. Зосима—преемникъ умершаго митрополита Геронтія. Обращеніе архіепископа Геннадія къ содѣйствію Іосифа для борьбы съ жидовствующей ересью въ Новгородѣ. Благосклонность вел. кн. къ Геннадію за приверженность ему въ происшедшемъ между нимъ и покойнымъ митрополитомъ настойчивомъ спорѣ: въ направленіи крестнаго хода «посолнь» или противъ солнца. Властное великокняжеское вмѣшательство Іоанна III въ дѣла церкви. Благоразумная уступка съ его стороны митрополиту Геронтію въ вопросѣ о крестномъ ходѣ и назначеніе имъ Геннадія владыкой въ новгородѣ для защиты его отъ гнѣва митрополита, помимо обычнаго выбора себѣ владыки гражданами стариннымъ способомъ: жребія. Строгое преслѣдованіе Геннадіемъ жидовствующей ереси и бѣгство еретиковъ изъ Новгорода въ Москву. Лицемѣрное негодованіе митрополита Зосимы на соборѣ епископовъ, Іоанномъ созваннымъ для суда надъ ересью и отсутствіе на немъ самого Геннадія, недопускаемаго въ Мо-

Стран.

скву своими вліятельными врагами. Мягкое отношеніе Іоанна III къ обличеннымъ еретикамъ и позорное наказаніе ихъ Геннадіемъ въ Новгородѣ. Скрытое развращеніе народа въ Москвѣ іудейской мудростью: митрополитомъ Зосимой съ Ѳедоромъ Курицынымъ. Обличеніе преступной проповѣди и кощунственныхъ рѣчей Зосимы въ глазахъ Іоанна III. Поддержанное Іосифомъ Волоколамскимъ, требованіе въ народѣ безпощадной казни и пытокъ для наказанія еретиковъ. Удаленіе Зосимы съ митрополичьей каѳедры и замѣна его игуменомъ Троицкаго монастыря: Симономъ. Горячее возраженіе преп. Нила Сорскаго на основаніи христіанскаго милосердія, противъ призыва Іосифа Волоколамскаго къ самымъ суровымъ способамъ искорененія жидовской ереси. Присоединеніе къ мнѣнію преп. Нила старцевъ сѣверныхъ заволжскихъ монастырей. Нилъ Сорскій, его монашество, дѣятельность и вѣроученіе. Положенное имъ начало скитскаго монашескаго житія. Рѣзкій непримиримый споръ между нимъ и Іосифомъ изъ-за права монастырей обладать имущественной собственностью. Епископскій соборъ, призванный Іоанномъ III по этому поводу и защита большинствомъ съѣхавшихся въ Москвѣ духовныхъ лицъ законной необходимости церковнаго достоянія съ его благими послѣдствіями для бѣднѣйшаго населенія. Упреки Іосифа Нилу за его сострадание къ казненнымъ еретикамъ. Дружба и духовное единеніе преп. Нила съ инокомъ Вассіаномъ: въ міру—кн. Патрикѣевымъ. Благотворное вліяніе этихъ, возникшихъ преній и письменныхъ религіозныхъ споровъ, на пробужденіе духовной жизни и мысли русскихъ людей. Смерть Геннадія, уличеннаго въ лихоимствѣ и потому лишившагося новгородской архіепископской каѳедры. Заслуга его заботы о просвѣщеніи низшаго духовенства особыми школами для подготовки сельскихъ священниковъ. Завоеванія Іоанна III на Дальнемъ Востокѣ и походъ его войскъ въ Уральскихъ горахъ. Непріязненное отношеніе Іоанна къ зятю Александру вслѣдствіе гоненія, возникшаго въ Литвѣ, на православную церковь и отцовская его тревога за строгое соблюденіе православныхъ обрядовъ дочерью Еленой въ Вильнѣ, вопреки ея успокоительнымъ письмамъ домой. Тщетное стараніе папы, литовскаго вел. кн. и мѣстнаго католическаго духовенства склонить русское населеніе Литвы къ признанію уніи православія съ Римомъ. Переходъ многихъ литовско-русскихъ князей въ московское подданство. Поспѣшныя оправданія, испуганнаго такимъ явленіемъ, Александра, передъ Іоанномъ, котораго онъ отказывается величать въ своихъ грамотахъ: «государемъ всея Руси». Нападеніе на Литву войскъ Іоанна, несмотря на опоздавшее стараніе Александра пре-

дупредить эту опасную для него войну. Побѣды въ Литвѣ боярина Кошкина въ союзѣ съ казанскимъ ханомъ Магметъ-Аминемъ и крымскимъ Менгли-Гиреемъ. Назначеніе неспособны къ ратному дѣлу, вел. кн. Александромъ, православнаго князя Константина Острожскаго, главнымъ вождемъ своихъ войскъ. Ненависть послѣдняго къ москвичамъ и смѣлое выступленіе изъ Смоленска въ Русскую землю. Поддержка Юрія Кошкина воеводою Даніиломъ Щеня и полная побѣда московскихъ полковъ надъ литовцами на берегахъ рѣки Ведроши. Плѣненіе Константина Острожскаго и вынужденный переходъ его на московскую службу. Добрая вѣсть о побѣдѣ надъ непріятелемъ московскаго намѣстника въ Новгородѣ: Андрея Челядина, во главѣ новгородскихъ и псковскихъ ратниковъ. Стараніе Александра найти себѣ сильныхъ союзниковъ на западѣ и востокѣ. Разореніе Литвы сыновьями Менгли-Гирея. Двойственное отношеніе къ воюющимъ сторонамъ золотоордынскаго хана Шигъ-Ахмета и уничтоженіе Золотой орды Менгли-Гиреемъ. Вел. кн. литовскій Александръ — король польскій. Безучастіе Польши къ судьбѣ Литвы. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Магистръ Ордена: Вальтеръ-фонъ Плетенбергъ и его желаніе отомстить Іоанну за уничтоженіе Ганзейской торговли въ Новгородѣ. Осада имъ Пскова послѣ побѣды вблизи Изборска, благодаря его огнестрѣльнымъ снарядамъ. Вторженіе русскихъ въ Ливонію. Временные успѣхи и утомленіе Плетенберга неравною борьбою съ русскими. Вторичная осада имъ Пскова. Измѣна въ рядахъ ливонскаго войска, передавшая побѣду на сторону московскихъ воеводъ. Мирные переговоры Плетенберга съ Іоанномъ III въ 1503 г. Посредничество въ нихъ папы. Заступники короля Александра передъ Іоанномъ III: братъ его король венгерскій Владиславъ и жена Елена Іоанновна. Открытое заявленіе московскаго государя о непреклонномъ его рѣшеніи удержать за Москвою всѣ добровольно предавшіеся подъ его верховную власть древнерусскія области и отнять у Литвы обратно, ей присвоенные себѣ за время татарскаго ига, исконно-русскіе города. Неудачная осада Смоленска однимъ изъ младшихъ сыновей Іоанна. Завоеванія на Днѣстрѣ Стефана Молдавскаго. Тщетность попытки хана Менгли-Гирея примирить съ Іоанномъ, оскорбленнаго имъ въ лицѣ внука и дочери, господаря Стефана. Его отказъ, несмотря на ссору съ Іоанномъ; принять предложеніе дружескаго союза отъ короля Александра. Завѣщанная имъ сыну покорность могущественной Турціи. Сватовство и женитьба молодого князя Василія Іоанновича на простой дворянкѣ Саломніи, вопреки тайнымъ надеждамъ Юрія Траханіота. Выдача Іоанномъ замужъ

Стран.

меньшой дочери Ѳеодосіи за князя Даніила Холмскаго. Появленіе при московскомъ Дворѣ, родственной Соломніи, семьи Годуновыхъ. Мятежъ въ Казани Магметъ-Аминя противъ Москвы во время казанской ярманки. Осада имъ съ большимъ войскомъ Нижняго Новгорода. Спасеніе этого города отъ торжества татаръ при помощи плѣнныхъ татарскихъ стрѣлковъ. Смерть вел. княгини и упадокъ здоровья Іоанна III. Его поѣздка въ сѣверныя, прославленныя обители русской земли ради молитвы о возвращеніи ему тѣлесныхъ силъ. Завѣщаніе Іоанна III и его полный титулъ передъ кончиной. Зависимость отъ Москвы всѣхъ, ранѣе обособленныхъ отъ нея земель. Неудача посольства короля Александра въ Москву во время болѣзни Іоанна. Кончина его 27 октября 1505 г. Судебникъ, составленный имъ на основѣ постановленій Русской Правды. Запрещеніе Іоанномъ III вольной продажи крѣпкихъ напитковъ. Ходатайство св. Кирилла Бѣлоозерскаго передъ вел. кн. объ уничтоженіи на Руси пагубы отъ корчемниковъ. Усиленіе строгости и жестокости наказаній въ новомъ Судебникѣ. Обычай судебнаго единоборства. Обязательство военной службы для помѣстныхъ дворянъ—дѣтей боярскихъ. Основаніе въ Москвѣ Нѣмецкой слободы. Мудрость Іоанна III, какъ правителя. Его властолюбіе и грозный нравъ. Надменное обращеніе съ иноземцами и византійская пышность его двора. Расцвѣтъ въ Европѣ общей идеи единодержавной власти. Успѣхи мореплаванія и открытіе Христофоромъ Колумбомъ Америки. Изобрѣтеніе книгопечатанія. Сближеніе государственной жизни Россіи съ западной Европой. Главенство православной московской церкви надъ Византіей и покровительство теперь ей оказываемое пріѣзжимъ духовнымъ лицамъ изъ Византіи. Процвѣтаніе русской торговли за время великокняженія Іоанна III 341

Картина: 77) Посрамленіе еретиковъ въ Новгородѣ. 78) Походъ русскаго сѣвернаго воинства на лыжахъ отъ береговъ Печоры къ Уральскимъ горамъ. 79) Самоѣды. 80) Ѣзда на собакахъ. 81) Ѣзда на оленяхъ. 82) На службу Государеву.

Глава XV.

Достойный преемникъ Іоанна III—Василій Іоанновичъ продолжаетъ всѣ начинанія отца. Его отношеніе къ своему сопернику Дмитрію и одиночное заключеніе послѣдняго въ мрачной дворцовой палатѣ. Духовное завѣщаніе рано умершаго отъ тоски молодого царевича и его пышныя похороны. Крещеніе сына казанскаго хана Ибрагима: Кудай-Кула и женитьба его на сестрѣ вел. князя. Неудачный походъ противъ мятежнаго Махметъ-Аминя московскаго

войска подъ главнымъ начальствомъ неопытнаго вождя—брата Василія: Дмитрія Жилка. Безуспѣшные приступы къ Казани и отступленіе разбитыхъ русскихъ полковъ къ Нижнему-Новгороду. Предложеніе Василію мира ханомъ Магметъ-Аминемъ послѣ внезапнаго нападенія на побѣдоносныхъ татаръ свѣжихъ московскихъ силъ, посланныхъ вел. княз. на помощь брату и пораженіе ихъ во время безпечнаго ликованія татарскихъ воиновъ среди походныхъ шатровъ раскинутыхъ подъ Казанью. Преждевременный отдыхъ торжествующихъ москвичей, ставшихъ жертвами своего легкомысленнаго пренебреженія полной возможностью дружнымъ натискомъ взять Казань. Страхъ Магметъ-Аминя передъ твердой рѣшимостью Василія Іоанновича отстоять честь свою и замышляемымъ имъ союзомъ съ ногайскими татарами. Посылка имъ извинительной учтивой грамоты московскому вел. князю въ 1507 г. Безуспѣшная попытка польско-литовскаго короля Александра, незадолго до его смерти, склонить Василія къ возвращенію Литвѣ древне-русскихъ городовъ, отвоеванныхъ у нея Іоанномъ III. Рѣшительный отказъ Василія и рѣзкое напоминаніе его посламъ о неисполненномъ Александромъ обязательствѣ передъ Іоанномъ III: построить для супруги своей православную церковь въ Вильнѣ. Неосуществившаяся мечта Василія о соединеніи подъ верховной властью московскаго государя, Литвы и Польши, послѣ кончины Александра. Восшествіе на польско-литовскій престолъ меньшого брата его: Сигизмунда. Предложеніе имъ, при извѣщеніи Москвы объ этомъ событіи, вѣчнаго мира Василію Іоанновичу, раздосадованному неудачей своего замысла. Измѣна вынужденной присягѣ московскому вел. князю Константина Острожскаго, бѣжавшаго въ Литву на службу къ королю Сигизмунду и переходъ, съ другой стороны, въ подданство къ московскому государю литовскаго вельможи: князя Михаила Глинскаго съ братьями, вслѣдствіе козней противъ него завистниковъ его высокаго положенія при Дворѣ Александра и невниманія Сигизмунда къ причиненнымъ ему ими обидамъ. Союзъ Михаила съ Менгли-Гиреемъ и господаремъ молдавскимъ. Его безпощадная месть врагамъ своимъ; стараніе возстановить православную часть Литвы противъ польско-литовскаго короля и стать могучимъ кіевскимъ княземъ. Осада города Орши московскимъ воеводою Даніиломъ Щеня. Блестящія дарованія, какъ правителя и полководца, младшаго изъ сыновей Казиміра, твердаго волей, рядомъ съ необычайной тѣлесной крѣпостью. Внезапное появленіе его войскъ подъ Оршей и отходъ воеводъ Василія на восточный берегъ Днѣпра. Обѣщанія кн. Константина Острожскаго повести къ Москвѣ литовское войско. Наступленіе

Стран.

полковъ Василія къ Дорогобужу и бѣгство оттуда Сигизмунда въ Смоленскъ. Ослабленіе прежняго, грознаго для Литвы союза съ московскимъ вел. княземъ Менгли-Гирея, вслѣдствіе старости его, а также происковъ Сигизмунда и начавшіеся разбои татарскихъ шаекъ въ южныхъ русскихъ владѣніяхъ. Несбывшаяся надежда враговъ Василія III на вооруженную распрю между нимъ и царевичемъ Дмитріемъ послѣ смерти Іоанна. Двоедушная алчность крымцевъ, одинаково льстившихся на подкупъ ихъ деньгами и подарками со стороны обоихъ враждующихъ между собой, сосѣднихъ съ ней странъ. Тщетная попытка короля Сигизмунда возстановить противъ Василія его брата—Юрія; московскаго же вел. князя поднять противъ ногайскихъ татаръ. Письмо къ брату, вдовствующей вел. княгини литовской: Елены, съ мольбою о прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ Литвы. Заключеніе мирнаго договора между Василіемъ и Сигизмундомъ на условіи, чтобы Василій не принималъ болѣе себѣ въ подданство литовско-русскихъ князей съ ихъ помѣстьями, а также призналъ неоспоримымъ достояніемъ Литвы, какъ Кіевъ съ Смоленскомъ, такъ и города Глинскаго: Мзырь и Туровъ. Негодованіе Глинскихъ на эти условія мира и скрытая жажда ими мести обоимъ, ихъ обездолившимъ государствамъ. Ласка, оказанная имъ въ Москвѣ Василіемъ, въ виду не имѣвшимъ искренно долгаго мира съ королемъ Сигизмундомъ. «Шертная» грамота Менгли-Гирея Василію и обѣщаніе помощи съ его стороны Михаилу Глинскому. Освобожденіе въ Москвѣ Василіемъ плѣннаго Абдулъ-Летифа: пасынка Менгли-Гирея, изъ уваженія къ просьбѣ крымскаго хана, только съ отказомъ его отпустить въ Тавриду. Уклоненіе вел. князя отъ предлагаемаго ему Менгли-Гиреемъ похода Волгою противъ Астрахани въ угоду личнымъ цѣлямъ крымскаго хана безъ всякой надобности для Москвы. Московскіе послы въ Тавридѣ и ревностная охрана ими достоинства своего сана ради поддержки высокаго значенія и чести пославшаго ихъ, московскаго государя. «Посошная» дань и столкновеніе посла Морозова съ татарскимъ мурзой Кудояромъ. Неудовольствіе сыновей Менгли-Гирея на скудность подарковъ, привезенныхъ имъ отъ Василія, съ угрозами заключить въ цѣпи знатнаго московскаго посла. Гордый и смѣлый отвѣтъ его имъ. Ливонскій орденъ и ганзейскіе купцы, плѣненные Іоанномъ III въ Новгородѣ. Ходатайство за нихъ римскаго короля: Максимиліана. Мирный договоръ съ Ливоніей на 14 лѣтъ въ 1509 г. при условіи, чтобы ливонскіе рыцари не держали стороны польско-литовскаго короля противъ московскаго государя. Права торговли ливонцевъ въ новгородской землѣ. Окончательное паденіе вслѣдъ за Новгородомъ

вѣчевой самобытности Пскова. Невыразимая скорбь и отчаяніе псковичей. Пріѣздъ Василія въ Псковъ. Введеніе тамъ господства московской власти и новыхъ московскихъ порядковъ городской жизни. Стараніе князя Глинскаго побудить Василія къ нарушенію мира съ Литвою. Оскорбленіе въ Литвѣ Елены Іоанновны. Успѣшное дѣйствіе коварныхъ происковъ и подкуповъ Сигизмунда въ крымской ордѣ, несмотря на расположеніе къ Василію супруги Менгли-Гирея: Нурсалтанъ. Прекращеніе долгаго, искренняго союза съ Москвою крымскаго ханства. Охрана южныхъ окраинъ русской земли московскимъ войскомъ, постоянно готовымъ къ бою на берегахъ Оки, Осетра и Упы. Удачное отраженіе его отважными воеводами разбойничьяго набѣга крымцевъ на рязанскую область. Вооруженіе русскихъ воиновъ того времени и составъ русскаго войска. Возобновленіе войны съ Литвою и походъ Василія подъ Смоленскъ въ 1513 г. во главѣ московскихъ полковъ. Дѣла венгерскія и союзный его договоръ съ Максимиліаномъ. Присоединеніе къ нему магистра тевтонскаго ордена. Примиреніе съ Москвою 70 ганзейскихъ городовъ ради возврата имъ прежнихъ правъ ихъ торговли въ новгородской землѣ. Неудачный приступъ московскихъ войскъ на Смоленскъ, но полная ихъ побѣда въ открытомъ полѣ надъ литовскимъ намѣстникомъ тамъ: Юріемъ Сологубомъ. Долгій, напрасный обстрѣлъ изъ пушекъ Василіемъ города до наступленія ненастной осени. Помощь московскимъ войскамъ 1514 г. германскихъ наемныхъ воиновъ, призванныхъ изъ Богеміи по совѣту Глинскаго. Разрушеніе ядрами стѣнъ и зданій Смоленска. Ужасъ жителей и слезныя ихъ мольбы о пощадѣ, обращенные въ станъ враговъ. Тщетное увѣщаніе ихъ, храбро оборонявшимся Юріемъ Сологубомъ. Торжество въ пылающемъ городѣ сторонниковъ Москвы. Сдача Смоленска Василію и духовенство во главѣ съ его епископомъ: Варсанофіемъ въ станѣ вел. князя. Радостный въѣздъ его въ древній родной Смоленскъ. Измѣна Глинскаго, обманувшагося въ надеждѣ своей: получить Смоленскъ въ полное свое владѣніе. Его предательскія сношенія съ Сигизмундомъ. Успѣшная погоня за нимъ воеводы Булгакова-Горлицы и наложеніе на него оковъ при отправкѣ въ Москву по приказу вел. князя. Гибельная для московскаго войска битва съ литовцами на Днѣпрѣ подъ Оршей вслѣдствіе преступной распри между Булгаковымъ и Челядинымъ. Полная побѣда надъ этими воеводами, не пожелавшими помогать другъ другу, Константина Острожскаго. Заслуга великокняжескаго намѣстника въ Смоленскѣ: Шуйскаго, удержавшаго за Москвой Смоленскъ безпощадною казнью въ немъ малодушныхъ измѣнниковъ своей недавней присягѣ Василію Іоанновичу.

Стран.

Безуспѣшное отступленіе Константина Острожскаго отъ Смоленска. Евстаѳій Дашкевичъ, атаманъ днѣпровскихъ казаковъ, прославившій себя боевыми подвигами и предавшійся польско-литовскому королю послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ Москвѣ. Союзъ съ нимъ Магметъ-Гирея. Василій ищетъ себѣ поддержки въ Крыму со стороны турецкаго султана Селима. Посольство въ Тавриду боярина Мамонова. Соперничество въ Крыму Василія съ Сигизмундомъ въ стараніи ихъ обоихъ расположить къ союзу съ собою Магметъ-Гирея, по смерти его отца. Вѣроломныя дѣйствія крымскаго хана и разореніе имъ южныхъ владѣній Литвы. Тяжелая болѣзнь и смерть казанскаго хана Магметъ-Аминя. Удачное отраженіе крымскихъ хищниковъ московскими воеводами изъ-подъ города Тулы. Безпощадное ихъ избіеніе русскими воинами изъ засады въ окрестныхъ лѣсахъ и болотахъ. Заключеніе Москвою союза съ датскимъ королемъ Христіаномъ II. Недостатокъ денежныхъ средствъ у тевтонскаго ордена для оказанія, обѣщанной имъ помощи московскому государю въ его войнѣ съ Литвою. Примиреніе императора Максимиліана съ королемъ Сигизмундомъ въ Вѣнѣ и перемѣна его образа мыслей относительно договорной грамоты съ вел. княземъ Василіемъ. Брачные союзы венгерскаго королевскаго дома съ родомъ германскаго императора, укрѣпившіе въ Венгріи и Чехіи нѣмецкое вліяніе. Посредство Максимиліана въ мирныхъ переговорахъ между Василіемъ и Сигизмундомъ. Рѣшительный отказъ Василія вести мирные переговоры гдѣ-либо кромѣ Москвы. Блестящая побѣда русскаго войска надъ Константиномъ Острожскимъ подъ городомъ Опочкой. Доблестная защита слабыхъ его укрѣпленій Василіемъ Салтыковымъ и выручка осажденныхъ княземъ Телепневымъ-Оболенскимъ, разбившимъ на голову 14 тысячъ литовскихъ воиновъ. Бѣгство изъ подъ Опочки Константина Острожскаго подъ угрозою наступающихъ на него русскихъ войскъ. Богатыя ихъ добычи пушками и обозами, при тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудіяхъ, брошенныхъ Константиномъ. Допущеніе въ Москву уполномоченныхъ короля Сигизмунда для мирныхъ переговоровъ съ вел. княземъ Непомѣрныя требованія обѣихъ сторонъ, какъ обязательныя условія для заключенія мира. Пристрастіе барона Герберштейна: посла Максимиліана, въ сторону Сигизмунда. Рѣшительный отказъ Василія, возратить ему Смоленскъ. Ходатайство императора Максимиліана объ освобожденіи Михаила Глинскаго и возраженіе ему вел. князя на эту просьбу. Московское посольство въ Вѣнѣ и почетный пріемъ его тамъ. Возобновленіе переговоровъ о мирѣ съ Литвой въ Москвѣ другими послами Максимиліана, тщетно старавшимися устрашить московскаго го-

Стран.

сударя, все возрастающимъ могуществомъ турокъ и вынудить его уступить литовскому королю Смоленскъ. Внезапная смерть германскаго императора 372

Картины: 83) Несчастный узникъ: на царство вѣнчанный царевичъ Дмитрій. 84) Крещеніе татарскаго царевича Кулай-Кула. 85) Русскій посолъ Морозовъ въ Крымской ордѣ. 86) Встрѣча псковичами вел. кн. Василія III съ дарами и челобитной. 87) Скорбь и плачъ псковитянъ на вѣчѣ при вѣсти о требованіи Василія III, чтобы они свѣсили навсегда свой вѣчевой колоколъ. 88) Снятіе вѣчевого колокола съ съ звонницы Троицкаго собора въ присутствіи Долматова. 89) Посолъ польско-литовскаго короля передаетъ грозное письмо отъ него Московскому вел. князю Василію III подъ стѣнами Смоленска. 90) Возвращеніе Смоленска подъ власть русскаго государя. 91) Погоня въ лѣсу воеводы Булгакова-Голицы за измѣнившимъ Москвѣ кн. Михаиломъ Глинскимъ. 92) Рѣшительная расправа Шуйскаго съ предателями въ стѣнахъ Смоленска. 93) Побѣдоносное отраженіе и преслѣдованіе въ лѣсахъ русскими воинами крымскихъ разбойниковъ.

Глава XVI.

Стараніе римскаго папы Леона X привлечь московскаго вел. князя Василія Іоанновича къ союзу съ европейскими государствами, ради общей войны противъ турокъ и, возобновленная имъ, всегда напрасная попытка, лишить самостоятельности восточную, православную церковь. Походъ магистра тевтонскаго ордена—Альбрехта, противъ польско-литовскаго короля, при помощи русскихъ денегъ. Успѣшныя дѣйствія въ литовской землѣ московскихъ войскъ. Побѣда короля Сигизмунда надъ магистромъ Альбрехтомъ, не имѣвшемъ средствъ удержать у себя на службѣ наемныхъ нѣмецкихъ воиновъ. Смерть казанскаго хана: Магметъ-Аминя и передача ханства его вел. княземъ Василіемъ одному изъ враждебныхъ Гиреямъ потомку Золотоордынскихъ владѣтелей: Шигъ-Алею. Попытка мести Василію со стороны крымскаго хана черезъ рязанскаго, непокорнаго Москвѣ, князя Ивана. Присоединеніе къ московскому государству, усмиреннаго имъ, рязанскаго княжества Тюремное заключеніе и бѣгство въ Литву князя Ивана. Напрасное стараніе Магметъ-Гирея поссорить съ московскимъ вел. княземъ турецкаго султана. Ревностная приверженность московскому вел. князю Шигъ-Алея и возмущеніе противъ него казанцевъ. Новый ханъ въ Казани; Саипъ-Гирей и бѣдствія Шигъ-Алея на его пути въ Москву съ русскими бѣглецами изъ казанскаго царства. Почетная встрѣча его и дружеское привѣтствіе въ кремлевскомъ дворцѣ Василіемъ Іоанновичемъ. Внезапное нападеніе на московское государство Магметъ-Гирея въ союзѣ съ ногайцами и Дашкевичемъ. Неудачная битва съ ними на берегахъ Оки бездарныхъ вождей, поставленныхъ вел. княземъ во главѣ спѣшно со-

Стран.

браннаго имъ войска. Угроза Москвѣ крымскаго хана въ соединеніи съ братомъ его: Саипъ-Гиреемъ, подошедшимъ къ нему на помощь изъ Казани. Отъѣздъ изъ Москвы Василія для созыва войска. Смятеніе народа. Страхъ Магметъ-Гирея передъ неприступными укрѣпленіями русской столицы и передъ близостью ратной силы московскаго государя. Его отступленіе въ рязанскую землю подъ условіемъ письменнаго признанія себя Василіемъ Іоанновичемъ данникомъ крымскаго хана. Государственная заслуга и хитрость воеводы Хибара Симскаго: намѣстника Переяславля. Пушкарь Іорданъ и нападеніе астраханскихъ татаръ на Тавриду. Множество русскихъ плѣнниковъ, уведенныхъ татарской ордой на продажу въ Кафу. Наказаніе вел. княземъ своихъ воеводъ, виновныхъ въ позорномъ пораженіи крымскимъ ханомъ московскихъ войскъ. Стройный видъ грозныхъ и многочисленныхъ полковъ, собранныхъ подъ свои знамена Василіемъ вокругъ Коломны для надлежащей встрѣчи крымской орды при вторичномъ ея появленіи у предѣловъ его государства, согласно явному замыслу Магметъ-Гирея, алчнаго до богатой добычи въ русской землѣ. Нежеланіе князя Ивана рязанскаго оставлять Литву. Надежды Сигизмунда. Перемиріе съ нимъ на пять лѣтъ. Полное прекращеніе существованія тевтонскаго ордена. Смиреніе передъ Москвою Менгли-Гирея. Его мечта властвовать одновременно надъ Казанью, Астраханью и Крымомъ. Коварное нападеніе ногайскихъ татаръ подъ Астраханью на станъ, безпечно торжествовавшаго тамъ побѣду Магметъ-Гирея. Убійство его съ сыномъ Богатыремъ и многихъ крымскихъ вельможъ по приказу нагайскаго хана Мамая, испугавшагося могущества рода Гиреевъ. Разореніе имъ Тавриды. Сайдетъ-Гирей: наслѣдникъ Магмета, поддержанный турецкимъ султаномъ. Война Василія съ казанскимъ ханомъ и основаніе его воеводами города Васильсурска. Бѣгство изъ Казани въ Крымъ Сайдетъ-Гирея и водвореніе тамъ его племянника: Сафы. Побѣда Хибера-Симскаго и дѣйствія черемисовъ противъ московскихъ воиновъ. Новое малодушіе и подкупность воеводъ московскаго государя, во главѣ съ княземъ Иваномъ Бѣльскимъ, пощадившимъ опять Казань, ничемъ не вызваннымъ отступленіемъ отъ нея русскихъ побѣдоносныхъ войскъ, ради возможности немедленнаго сношенія устрашенныхъ враговъ съ Москвою, чтобы посольствомъ туда умилостивить великаго князя. Перемиріе на пять лѣтъ съ Казанью и основаніе Василіемъ III ежегодной Макарьевской ярмарки въ Нижегородской области. Торговое сообщеніе Европы съ Индіей. Васко де-Гама и выгоды Португаліи. Упорное нежеланіе Василія III, вопреки заманчивымъ доводамъ генуэзца Павла, открыть иноземнымъ купцамъ путь

въ Азію черезъ Россію. Германскій императоръ Карлъ V и дружественное посольство къ нему Василія Іоанновича. Графъ Нугорольскій и баронъ Гербенштейнъ. Стараніе Василія сохранить, выгодную Москвѣ, дружбу ея съ турецкимъ султаномъ, вопреки льстивымъ увѣщаніямъ и посуламъ папы Климента VIII. Русскій посолъ при папскомъ дворѣ и Дмитрій Герасимовъ. Уничтоженіе послѣднихъ, обособленныхъ отъ Москвы, удѣльныхъ княжествъ и вѣроломный поступокъ Василій III съ неповиннымъ ни въ чемъ, ему вѣрнымъ княземъ Новгородъ-Сѣверской области. Новый московскій митрополитъ Даніилъ. Осифляне. Угодливость Даніила вел. князю и наоборотъ, рѣзкое обличеніе несправедливости его поступка съ Шемякичемъ, игумена Троицкаго монастыря: Порфирія. Юродивый. Великіе современники Василія III. Ученіе Лютера. Потребность въ Москвѣ исправленія церковныхъ и богослужебныхъ книгъ. Максимъ Грекъ. Жизнь его съ молодыхъ лѣтъ въ Италіи и увлеченіе проповѣдью Саванаролы. Призваніе его съ Аѳона въ Москву и труды при дворѣ Василія. Дружба между нимъ и Вассіаномъ: послѣдователемъ Нила Сорскаго. Незаконный разводъ Василія съ его бездѣтной супругой Соломніей, разрѣшенный однимъ лишь митрополитомъ московскимъ;—ради женитьбы на племянницѣ Михаила Глинскаго: княжнѣ Еленѣ. Отчаяніе Саломніи и насильственное постриженіе ее въ монахини. Пышность свадьбы Василія съ княжной Еленою Глинской при строгомъ соблюденіи всѣхъ старинныхъ обычаевъ. Щегольство, появившееся въ Москвѣ, вслѣдствіе ея сближеніе со странами запада. Рожденіе у Василія первенца его: Іоанна. Ссылка Максима Грека въ Волоколамскій монастырь за порицаніе имъ второго брака вел. князя и многія обличительныя писанія его тамъ противъ московскаго духовенства. Обвиненія Максима Грека въ измѣнѣ московскому государству и чернокнижіи. Вторичная его ссылка въ Волоколамскъ при запрещеніи ему переписки съ кѣмъ либо: чтенія и поученій. Его униженное, но напрасное ходатайство о помилованіи и жестокія выходки, раздраженныхъ противъ него, монаховъ. Женитьба Андрея—брата Василія. Турецкій посолъ въ Москвѣ: грекъ Скиндеръ. Успѣшное отраженіе на Окѣ русскими полками шаекъ крымскихъ грабителей, тайно подосланныхъ на Москву, нелюбимымъ въ Тавридѣ ханомъ Сайдетъ-Гиреемъ, подъ начальствомъ племянника его Ислама. Бѣгство этого хана въ Турцію. Саипъ-Гирей: бывшій царь казанскій. Вѣроломство Сафа-Гирея въ Казани и возбужденіе имъ новой войны противъ Василія съ особенно тщательнымъ укрѣпленіемъ своей столицы. Удачный поджогъ ея русскими воинами и побѣдоносное ихъ вторженіе въ предмѣстье Казани. Повтореніе преда-

тельскаго отступленія Бѣльскаго, подъ условіемъ неотложной отправки казанцами пословъ къ вел. князю съ изъявленіемъ ихъ покорности. Справедливый гнѣвъ Василія противъ Бѣльскаго за его поступокъ, несмотря на родство съ нимъ и наказаніе его временнымъ заключеніемъ въ темницу. Согласіе Василія Іоанновича на миръ съ Казанью и дерзкій, двойственный образъ дѣйствій Сафа-Гирея. Возстаніе противъ него казанскихъ ведьможъ, желавшихъ прочнаго мира съ Москвою. Юный братъ Шигъ-Алея: Енилей, занимаетъ казанскій престолъ съ разрѣшенія московскаго вел. князя. Обида Шигъ-Алея. Ссылка его за тайные происки для сверженія съ престола брата. Великокняжеская охота; одежда и бытъ древнерусскихъ князей. Неограниченное самодержавіе Василія III. Его настойчивость въ достиженіи своихъ цѣлей и торжество въ спорѣ съ королемъ Сигизмундомъ за обладаніе Смоленскомъ. Отношеніе къ литовскимъ посламъ въ Москвѣ. Мирный договоръ съ Сигизмундомъ до 1533 г. Придворный строй во дворцѣ Василія; пріемы имъ иноземныхъ пословъ; обстановка дворцовыхъ покоевъ, число и родъ должностей среди царскихъ слугъ его окружавшихъ. Торжественные обѣды въ дворцовой палатѣ. Ѣда, питье и обычаи при угощеніи гостей. Дружелюбное отношеніе Василія къ молдавскому господарю—Петру. Желаніе самыхъ могущественныхъ и отдаленныхъ владѣтелей находиться въ тѣсномъ союзѣ съ московскимъ государемъ. Славный шведскій король Густавъ Ваза. Новое нападеніе крымскихъ татаръ на рязанскую землю. Полная побѣда надъ ними князя Дмитрія Палецкаго и Телепнева-Оболенскаго. Алчность крымскаго хана Саипъ-Гирея и жгучая ненависть казанскаго царя Сафы къ московскому вел. князю. Объѣзды Василіемъ своихъ земель и дальнихъ монастырей, соединенные всегда съ охотой на птицъ и дикихъ звѣрей. Посѣщеніе имъ съ семьей Троицко-Сергіевской лавры въ 1533 г. и смертельная его болѣзнь на пути оттуда къ Волоколамскому. Тяжелое состояніе тамъ его здоровья и возвращеніе въ Москву. Духовное завѣщаніе, благословеніе старшаго сына и смерть съ принятіемъ схимы. Обзоръ и значеніе царствованія Василія III. Московское войско. Торговля, ремесла, пути сообщенія. Простота образа жизни москвичей рядомъ съ ихъ широкимъ гостепріимствомъ. Одежда, домашняя обстановка и уровень образованія. Титулъ Василія III и земли, присоединенные имъ къ московскому государству. Лапландія. Зодчество и художество. Деньги. Мѣры противъ народнаго пьянства. Городскіе порядки. Записки о нравахъ и качествахъ русскихъ литвина Михелона въ XVI столѣтіи, съ обличеніемъ соотечественниковъ въ ихъ, современныхъ ему, порокахъ и недостат-

Стран.

кахъ. Литовскій статутъ. Положеніе крестьянъ. Воинская повинность въ Литвѣ и въ землѣ московской. Положеніе дѣлъ послѣ смерти Василія III при дворѣ великокняжескомъ. Своеволіе бояръ. Внезапная смерть царицы Елены Глинской. Главенство Шуйскихъ. Печальныя условія роста и воспитаніе вел. князя Іоанна Васильевича. Жестокое наказаніе имъ князя Андрея Шуйскаго въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ. Его вѣнчаніе на царство и женитьба на Анастасіи Романовнѣ Захарьевой-Юрьевой. 427

Картины: 94) Продажа въ Кафѣ крымскими татарами русскихъ плѣнниковъ. 95) Встрѣча Василіемъ III посла германскаго императора Карла V подъ Можайскомъ. 96) Пріемъ въ Москвѣ Василіемъ III турецкаго посла Селимана. 97) Шутъ на московскихъ улицахъ, вѣщающій съ метлой въ рукахъ объ уничтоженіи на Руси послѣднихъ мелкихъ удѣловъ. 98) Русскій священникъ (съ итальянской гравюры XVI стол.). 99) Свадьба вел. князя Василія III при вступленіи его во второй бракъ съ Еленой. 100) Русскіе воины, предводимые княземъ Оболенскимъ, тайкомъ поджигаютъ ночью укрѣпленія Казани. 101) Вел. князь Василій III въ пути на охоту, сопровождаемый приближенными. 102) Борьба съ медвѣдемъ охотниковъ изъ народа, ради потѣхи вел. князя. 103) Австрійскій посолъ баронъ: Сигизмундъ Гербенштейнъ при дворѣ вел. князя Василія Іоанновича. 104) Заключеніе Василіемъ III мира съ Литвою до 1533 г. 105) Пріемъ Василіемъ III въ Кремлѣ иноземныхъ пословъ. 106) Обѣдъ въ честь германскихъ пословъ при дворѣ вел. князя Василія III. 107) Вел. князь Василій III диктуетъ свое духовное завѣщаніе, чувствуя приближеніе смерти. 108) Послѣдніе часы жизни вел. князя Василія III. 109) Московскій всадникъ; (по очень рѣдкой нѣмецкой гравюрѣ XVI столѣтія). 110) Московитъ въ военномъ нарядѣ (съ рѣдкой нѣмецкой гравюры XVI столѣтія). 111) Баронъ Гербенштейнъ во время путешествія по Россіи (съ рѣдчайшаго офорта Гиршфогеля 1546 г.). 112) Одежда русскихъ бояръ и татарскихъ мурзъ XVI—XVII стол. (изъ книги Равинскаго). 113) Русскій купецъ XVI ст. (съ современ. нѣмецкой гравюры). 114) Купецъ Московіи и Польши XVI стол. 115) Портретъ вел. князя Василія Іоанновича (по гравюрѣ изъ французской книги 1548 г.). 116) Русскіе корабли въ Ледовитомъ океанѣ (гравюра изъ современной нѣмецкой книги). 17) Лопари.

Duke University Libraries
D03876845+